ISSN 2221-2558

Проблемы укрепления законности и правопорядка: наука, практика, тенденции Выпуск 11

Государственное учреждение
«Научно-практический центр проблем укрепления
законности и правопорядка Генеральной прокуратуры
Республики Беларусь»

Проблемы укрепления законности и правопорядка: наука, практика, тенденции

Сборник научных трудов

Выпуск 11

Минск
2018

ISSN 2221-2558

Государственное учреждение
«Научно-практический центр проблем укрепления
законности и правопорядка Генеральной прокуратуры
Республики Беларусь»

Проблемы укрепления законности и правопорядка: наука, практика, тенденции

Сборник научных трудов

Выпуск 11

Минск
Издательский центр БГУ
2018

УДК 34(082)
ББК 67я43
П78

Р е к о м е н д о в а н о
Ученым советом государственного учреждения
«Научно-практический центр проблем укрепления законности
и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь»
16 октября 2018 г., протокол № 6

Сборник научных трудов «Проблемы укрепления законности и правопорядка: наука, практика, тенденции» включен в Перечень научных изданий Республики Беларусь, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией Республики Беларусь для опубликования результатов диссертационных исследований по юридическим наукам

С 2009 года сборник индексируется в Российском индексе научного цитирования

П о д р е д а к ц и е й
В. В. Марчука, А. В. Солтановича

Проблемы укрепления законности и правопорядка: наука, практика, тенденции : сб. науч. тр. / ГУ «Науч.-практ. центр проблем укрепления законности и правопорядка Генер. прокуратуры Респ. Беларусь» ; редкол. : В. В. Марчук (гл. ред.) [и др.] ; под ред. В. В. Марчука, А. В. Солтановича. – Минск : Изд. центр БГУ, 2018. – Вып. 11. – 493 с.

П78

УДК 34(082)
ББК 67я43

© ГУ «Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь», 2018
© Оформление. РУП «Издательский центр БГУ», 2018

СОСТАВ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА СБОРНИКА НАУЧНЫХ ТРУДОВ ГОСУДАРСТВЕННОГО УЧРЕЖДЕНИЯ «НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЦЕНТР ПРОБЛЕМ УКРЕПЛЕНИЯ ЗАКОННОСТИ И ПРАВОПОРЯДКА ГЕНЕРАЛЬНОЙ ПРОКУРАТУРЫ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ»

Конюк Александр Владимирович – Генеральный прокурор Республики Беларусь, государственный советник юстиции 1 класса

Бибило Валентина Николаевна – профессор кафедры уголовного процесса и прокурорского надзора юридического факультета Белорусского государственного университета, доктор юридических наук, профессор

Гучок Александр Евгеньевич – Председатель Высшей аттестационной комиссии Республики Беларусь, доктор юридических наук, доцент

Козаченко Иван Яковлевич – заведующий кафедрой уголовного права Уральского государственного юридического университета, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации

Мартинович Изабелла Ивановна – профессор кафедры уголовного процесса и прокурорского надзора юридического факультета Белорусского государственного университета, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Республики Беларусь

Мартыненко Игорь Эдуардович – заведующий кафедрой гражданского права и процесса Гродненского государственного университета имени Янки Купалы, доктор юридических наук, профессор

Навроцкий Вячеслав Александрович – профессор кафедры теории права и прав человека Украинского католического университета, доктор юридических наук, профессор, член-корреспондент Национальной академии правовых наук Украины

Семашко Елена Валентиновна – заместитель руководителя – начальник отдела исследований в области государственного строительства и международного права Института правовых исследований Национального центра законодательства и правовых исследований Республики Беларусь, кандидат юридических наук, доцент

Функ Ян Иосифович – Председатель Международного арбитражного (третейского) суда при Белорусской торгово-промышленной палате, доктор юридических наук, профессор

Шестаков Дмитрий Анатольевич – президент Санкт-Петербургского международного криминологического клуба, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации

Хомич Владимир Михайлович – заведующий информационно-методическим кабинетом ГУ «Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь», доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Республики Беларусь

Эсмантович Ирина Игоревна – декан юридического факультета Гомельского государственного университета имени Ф. Скорины, кандидат исторических наук, доцент

Редакционная коллегия

Марчук Василий Васильевич – директор ГУ «Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь», кандидат юридических наук, доцент – главный редактор

Хомич Владимир Михайлович – заведующий информационно-методическим кабинетом ГУ «Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь», доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Республики Беларусь – заместитель главного редактора

Солтанович Андрей Владимирович – начальник отдела криминологического мониторинга законодательства и совершенствования правоприменительной практики ГУ «Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь», кандидат юридических наук, доцент – научный редактор

Бабий Николай Алексеевич – заместитель директора ГУ «Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь», кандидат юридических наук, доцент

Винокуров Александр Юрьевич – главный научный сотрудник отдела научного обеспечения организации прокурорской деятельности Научно-исследовательского института Университета прокуратуры Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, почетный работник прокуратуры Российской Федерации

Лосев Владимир Владимирович – заместитель директора ГУ «Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь», кандидат юридических наук, доцент

Русецкий Олег Валерьевич – начальник отдела криминологических исследований ГУ «Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь», кандидат юридических наук

Сащеко Павел Иванович – начальник отдела разработки мер противодействия организованной преступности и коррупции ГУ «Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь», кандидат юридических наук

Сидоренко Дарья Олеговна – ведущий специалист отдела криминологического мониторинга законодательства и совершенствования правоприменительной практики ГУ «Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь» – технический редактор

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ КРИМИНОЛОГИИ

УДК 343.9

СОЦИАЛЬНЫЙ КОНТРОЛЬ: ПРЕДЕЛЫ ДОПУСТИМОГО ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ

Афонченко Т.П.

Ключевые слова: социальный контроль, предупреждение, режим осуждения, превентивный надзор, профилактическое наблюдение.

Введение

Эффективное контролирующее воздействие на преступность, ее предупреждение и реабилитация осужденного после освобождения от отбывания наказания как реакция общества и государства на противоправные деяния отдельных индивидов на теоретико-правовом и практико-эмпирическом уровнях в той или иной степени являлись предметом исследования и разрешения на всех исторических этапах развития государственности. Однако с профессиональной, сугубо юридической точки зрения вопрос о переходе от репрессивного к восстановительному правосудию был поставлен только в рамках позитивной школы уголовного права, уникальные опыт и прогрессивные идеи которой не утратили актуальности и в настоящее время.

Основная часть

В указанном контексте еще в XIX в. Н.Д. Сергиевский считал дефектной теорию общего предупреждения («устрашение всех и каждого от совершения преступных деяний фактом выполнения наказания») и предлагал совершенствовать теорию и практику специального предупреждения «… на основе формирования устойчивого мотива к воздержанию от повторения преступного деяния» [1, с. 210-222]. Н.С. Таганцев вовсе отрицал профилактически-ресоциализационный потенциал уголовно-правового воздействия, поскольку, по его мнению, облекаемая в форму наказания «… карательная деятельность государства, не может быть включена в предупредительную правоохранительную деятельность…» [2, с. 35-36]. С.П. Мокринский, наоборот, рассуждая о наказании и его целях, указывал, что «… бороться с преступлением посредством наказания можно не только в личности преступника, но и того, кто только мог бы совершить преступление», призывая тем самым не замыкать уголовное наказание исключительно на специальное предупреждение [3, с. 3-5]. Надо признать, что это неприемлемая позиция, призывающая к неограниченному усилению карательного потенциала уголовного наказания, когда уголовные санкции начинают применяться под видом мер безопасности к лицам, возможно и предрасположенным к совершению преступлений, но пока их не совершившим [4, с. 106; 5, с. 317 -322]. Исследуя соотношение биологического и социального в преступнике, Д.А. Дриль предлагал введение системы «…целесообразных мер для успешной борьбы с преступностью, которые прежде всего и главным образом должны быть широкими мерами предупреждения, общественной гигиены, направленными… на отказ от репрессий, рассчитанных на применение боли и страданий» [6, с. 587-588]. Э. Ферри, также отмечая ограниченность влияния наказания на

процесс противодействия преступности, последовательно развивал идею эквивалента наказания, полагая, что «… искоренить преступления удастся не посредством наказаний, а путем применения этих средств (в своих экономических, моральных, политических и юридических основах), которые в пределах своего влияния заменяют наказания, станут противоядием против социальных факторов преступности» [7, с. 273].

Отметим, что и сегодня нет единого взгляда на то, применимо ли, например, понятие «профилактика» к предупреждению преступности вообще; каковы основания и пределы профилактического воздействия, а также используемые в его рамках методы и средства. В авторских разработках В.Н. Кудрявцева высказывается позиция о возможности предупреждения конкретных преступлений или их видов, которые могут быть совершены конкретными лицами или группами лиц, но не преступности в целом [8, с. 30-133; 9, с. 240-320]. Напротив, Блувштейн Ю.Д., Зырин М.И., Романов В.В. используют термин «профилактика» в смысле предупредительного воздействия на девиантное поведение как негативное социальное явление в целом, а не в отношении его эпизодических проявлений [10, с. 10-25]. Гилинский Я. И. указывает, что принципиально невозможно создание общества без социальной патологии [11, с. 17], призывая отказаться от термина «борьба с преступностью» как от архаичного и порождающего ситуацию противостояния между государством, обществом и отдельной личностью [12, с. 506-521]. Венгеров А.Б. утверждает, что за дисциплину не надо бороться, дисциплиной надо научиться управлять [13, с. 42]. В настоящее время именно термины «социальный контроль», «контроль преступности», близкие по смыслу к термину «управление преступностью» (последний употребляется в рамках семантической концепции преступности Д.А. Шестакова, положенной в основу фундамента невско-волжской криминологической школы преступности социальных подсистем) [14, с. 12-13; 15, с. 300-346] получают более широкое распространение применительно к проблемам профилактики и противодействия преступности (отметим также, что именно Д.А. Шестакову принадлежит авторство термина «право противодействия преступности», широко распространившегося в настоящее время [16, с. 111-113; 17, с. 47-50]). Сутурин М.А., признавая преступность функциональной системой, делает вывод об управляемости подобной системы, то есть подверженности воздействию как объективных (внешних), так и субъективных (внутренних) факторов, что, в свою очередь, с точки зрения теории управления говорит о присутствии в рассматриваемой системе, как и любой управляемой системе, контроля (в данном случае – социального контроля над преступностью) [18, с. 185]. Зиядова Д.З. полагает, что профилактика преступлений невозможна без социального контроля, выполняющего регулятивную и стабилизирующую функции, в силу чего, по мнению автора, «… человек, с одной стороны, а общество и государство – с другой, должны рассматриваться как исходные взаимодействующие элементы системы обеспечения безопасности граждан» [19, с. 28-30].

Долгова А. И выделяет официальный социальный контроль, осуществляемый государством, институтами гражданского общества и отдельными лицами на базе специальных полномочий, которыми они наделяются в соответствие с Конституцией, законами и подзаконными актами, либо такими актами общественных организаций, которые зарегистрированы в предусмотренном

законом порядке (например, уставами различных общественных организаций), и неофициальный социальный контроль в многообразных формах со стороны семьи, трудового коллектива, бытовой среды, наиболее ярко проявляемый в общественном мнении [20, с. 338-345]. Бараева Н.Б. небезосновательно утверждает, что механизмы социального контроля могут реализовываться либо в рамках внешних мер воздействия, опирающихся на институционализированный аппарат средств, либо благодаря внутренним (этическим) нормам. При этом более вероятно, что отклоняться индивид будет от тех программ, которые установлены для него другими (иными словами, от внешнего воздействия), чем от тех, которые он сам для себя устанавливает [21, с. 10-22].

В данном контексте представляет интерес выявление оснований и пределов осуществления таких мер постпенального социального уголовно-правового контроля, как профилактическое наблюдение и превентивный надзор. Постпенальный профилактический контроль, осуществляемый посредством реализации элементов системы мер уголовной ответственности, имеет индивидуально определенную направленность, которая должна констатироваться в первую очередь комплексом персонифицированных на основе криминологической экспертизы индивида исправительных и режимно-ограничительных мер воздействия. При этом по сравнению с профилактическим наблюдением превентивный надзор представляет собой наиболее жесткую форму контроля за поведением и образом жизни осужденного, отбывшего наказание [20, с. 394]. Гилинским Я.И. предложена концепция структуры социального контроля, включающая ряд элементов, в том числе деятельность по профилактике преступлений [22, с. 171]. На наш взгляд, в качестве важного завершающего систему элемента, придающего ей логическую замкнутость, следует рассматривать реабилитацию (ресоциализацию) лиц, освобожденных от отбывания наказания. Важным звеном системы потенциально способно стать уголовно-правовое воздействие, реализуемое в форме постпенального контроля на основе режима судимости, и, соответственно, в его пределах. При освобождении после отбывания уголовного наказания осуществление постпенального контроля за осужденным позволяет усилить ресоциализационную составляющую режима осуждения, который продолжается известное время после отбытия наказания. Меры, обусловленные реализацией постпенального контроля, могут и должны способствовать укреплению социально полезных связей данного лица (с семьей, по месту работы), ускорить его адаптацию в обществе (что особенно важно после отбывания длительных сроков лишения свободы), предостеречь от возобновления прежних нежелательных связей и окружения, и в конечном итоге предупредить совершение новых преступлений. Подобное утверждение подкрепляется результатами исследований социально-психологических механизмов уголовно-правового воздействия на лицо, согласно которым успех мотивации к самоисправлению, или превентивной мотивации, зависит от ряда факторов [23, с. 98; 24, с. 121-125], к которым, наш взгляд, также следует отнести эффективность контрольно-корригирующей деятельности, осуществляемой в рамках превентивного надзора и профилактического наблюдения в постпенальный период.

Правовым основанием для применения к лицу мер постпенального контроля в форме профилактического наблюдения и превентивного надзора выступает

осуждение, или судимость. Положения о судимости (осуждении) играют важную роль в обосновании применения постпенального контроля: они обеспечивают соответствующее правовое поле, в пределах которого действуют профилактическое наблюдение и превентивный надзор, определяют основания и пределы указанных мер. В соответствии с Уголовным кодексом Республики Беларусь (далее – УК), факт нахождения в режиме осуждения означает, что лицо принудительно правообязывается претерпевать определенные неудобства, связанные с реализацией уголовной ответственности [69, с. 10]. Согласно ч. 3 ст. 45 УК, за осужденным после отбытия наказания в пределах срока судимости может осуществляться профилактическое наблюдение или превентивный надзор. Таким образом, осуждение определяет не только режим принудительного осуществления конкретных мер уголовной ответственности, назначенных на его основе приговором суда, но и в целом режим ответственности – обеспечение состояния контролируемого испытания и профилактирования осужденного независимо от применения каких-либо иных мер уголовно-правового воздействия. Осуждение в соответствии с ч. 1 ст. 45 УК заключает в себе возможность применения к осужденному наказания либо иных мер уголовной ответственности «в соответствии с приговором суда и *настоящим Кодексом*». В соответствии с «настоящим Кодексом» – это значит, мер профилактического наблюдения и превентивного надзора в случаях, установленных УК (ч. 3 ст. 45 и ст.ст. 80, 81). Тем самым прослеживается правовая связь уголовной ответственности с режимом осуждения, а последнего – с профилактическим наблюдением и превентивным надзором как дополнительными мерами уголовной ответственности на заключительной стадии ее реализации. Основание введения профилактического наблюдения – это осуждение за совершение тяжкого (особо тяжкого) преступления. При превентивном надзоре к правовому (формальному) основанию (осуждение к лишению свободы по приговору суда) добавляется фактическое – поведение лица в период отбывания наказания либо после освобождения от него. При особо опасном рецидиве формализованное основание сужается введением требования о совокупности судимостей за определенные категории преступлений. В контексте понимания превентивного надзора в качестве усиленного варианта профилактического наблюдения, указанные меры выражают цельность и системность мер воздействия, реализуемых в рамках осуществления уголовной ответственности, однажды возложенной на преступника. Тем самым закрепляется, что постпенальный контроль является неотъемлемой частью системы мер, выражающих состояние осужденности как основосодержащего и системообразующего элемента уголовной ответственности.

Основания контроля за поведением различных категорий осужденных неодинаковы. Однако, как указывалось выше, все они исходят из одного главного факта – акта осуждения лица к определенной мере уголовной ответственности в результате вступившего в законную силу обвинительного приговора суда, с момента вступления в законную силу которого лицо находится в состоянии осужденности, считается судимым до истечения установленного в законе срока погашения судимости или снятия ее судом. Иными словами, общие основания для надзора и наблюдения за освобожденными базируются на состоянии осуждения. Превентивный надзор и профилактическое наблюдение являются свойствами, выражением состояния осуждения, который выступает

в качестве их основы. Однако наличие судимости само по себе еще не создает оснований для ограничения субъективных прав лица, контроля за ним, а лишь предполагает необходимость и возможность применения карательных и профилактических мер воздействия, обусловленных целями исправления преступившего закон, а также осуществления частной превенции в течение всего срока судимости. По мнению В.М. Хомича, «... наличие судимости означает, что провозглашенное обвинительным приговором суда осуждение виновного в качестве преступника сохраняет (имеет) юридическую силу» [25, с. 29]. На наш взгляд, подобное понимание судимости позволяет рассматривать применяемые в рамках данного специфического состояния лица неблагоприятные меры как выражение сущности уголовной ответственности на соответствующем этапе ее реализации.

Заключение

В качестве вывода отметим следующее. Постпенальный контроль в виде профилактического наблюдения и превентивного надзора производен от осуждения, является продолжением уголовной ответственности, выражает меру ее воздействия на осужденного в целях его социальной адаптации при наличии риска совершения преступления после отбытия наказания. В этом случае контроль преступности носит личностный и предметный характер и осуществляется в форме специфического уголовно-правового воздействия в рамках реализации возложенной по приговору суда на лицо уголовной ответственности и поэтому его содержание строго регламентируется уголовным законом и по продолжительности ограничивается временны́ми пределами режима осуждения (судимости).

Список цитированных источников

1. Сергиевский, Н. Д. Русское уголовное право. Часть общая: Пособ. к лекциям / Н.Д. Сергиевский. – С.-Пб.: тип. М-ва пут. сообщ. (А. Бенке), 1896. – 378 с.

2. Таганцев, Н. С. Русское уголовное право. Лекции: Часть общая: В 2-х т. / Н.С. Таганцев; сост. и отв. ред. Загородников Н.И. – Т.2. – М.: Наука, 1994. – 393 с.

3. Спасович, В. Д. Новые направления в науке уголовного права / В.Д. Спасович // Избранные труды. – Минск: Редакция журнала «Промышленно-торговое право», 2015. – 320 с.

4. Шестаков, Д. А. Репрессивность наказания и мер безопасности по Уголовному кодексу ФРГ. Вступительная статья // Уголовный кодекс Федеративной Республики Германии / Науч. ред. и вступ. статья докт. юрид. наук, проф. Д. А. Шестакова; предисловие доктора права Г.-Г. Иешека; перевод с немецкого Н.С. Рачковой. – СПб.: Изд-во «Юридический центр Пресс», 2003. – С. 97-111.

5. Жалинский, А. Э. Современное немецкое уголовное право / А.Э Жалинский. – М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2006. – 560 с.

6. Дриль, Д. А. Преступность и преступники. Учение о преступности и мерах борьбы с нею / Д.А. Дриль; сост. и предисл. В.С. Овчинского. – М.: ИНФРА-М, 2009. – VI, 770 с.

7. Ферри, Э. Уголовная социология / Э. Ферри; сост. и предисл. В.С. Овчинского. – М.: ИНФРА–М, 2009. – VIII, 658 с.

8. Кудрявцев, В. Н. Социальные деформации: (причины, механизмы и пути преодоления) / В.Н. Кудрявцев. – М.: Изд-во ИГиП РАН, 1992. – 133 с.

9. Кудрявцев, В. Н. Стратегии борьбы с преступностью / В.Н. Кудрявцев. – М.: Юристь, 2003. – 349 с.

10. Блувштейн, Ю. Д. Профилактика преступлений / Ю.Д. Блувштейн, М.И. Зырин, В.В. Романов. – Минск: Университетское, 1986. – 287 с.

11. Гилинский, Я. И. Онтологический трагизм бытия или размышления малициристa / Я.И. Гилинский // Девиантность, преступность, социальный контроль в обществе постмодерна: сб. ст. – СПб.: Алетейя, 2017. – С. 7-21.

12. Гилинский, Я. Девиантология: социология преступности, наркотизма, проституции, самоубийств и других «отклонений» / Я. Гилинский. – 3-е изд. – СПб.: Алеф-Пресс, 2013. – 634 с.

13. Венгеров, А. Б. Синергетика, юридические науки, право / А.Б. Венгеров // Совестк. гос. и право. – 1986. – № 10. – С. 36-45.

14. Шестаков, Д. А. Об управлении преступностью / Д.А. Шестаков // Проблемы совершенствования использования уголовных наказаний / Под. ред. А.И. Васильева. – Рязань: Рязанская высшая школа МВД, 1992. – С. 12-13.

15. Преступность среди социальных подсистем. Crininality among social subsystems: Новая концепция и отрасли криминологии / Д.А. Шестаков, П.А. Кабанов, Г.Н. Горшенков и др.; Под ред. Д.А. Шестакова; Ассоц. «Юрид. центр». – СПб.: Юрид. центр пресс, 2003.– 351 с.

16. Шестаков, Д. А. Постлиберальная парадигма и право противодействия преступности / Д.А. Шестаков // Правотворческие и правоприменительные парадигмы реконструкции уголовного законодательства: национальный и международный опыт моделирования: колле3кт. монография; отв. ред. д.ю.н. А.Е. Мизанбаев. – Костанай, 2012. – 154 с.

17. Шестаков, Д. А. Криминологическое законодательство и право противодействия преступности / Д.А. Шестаков // Криминология: вчера, сегодня, завтра. – 2013. – № 1 (28). – С. 47-50.

18. Сутурин, М. А. К вопросу о прогнозе преступности (по материалам некоторых регионов Восточной Сибири) / М.А. Сутурин // Вестник Читинского государственного университета. – 2009. – № 1 (52). – С. 185-188.

19. Зиядова, Д. З. Социальный контроль и профилактика преступлений / Д.З. Зиядова // Российский следователь. – 2008. – № 5. – С. 28-30.

20. Криминология: Учеб. для юрид. вузов / Под общ. ред. А.И. Долговой. – 4-е изд., перераб и доп. – М.: НОРМА, 2010. – 912 с.

21. Бараева, Н. Б. Организованная преступность как социальный институт: диссерт. ... канд. социологич. наук: 22.00.04 / Н.Б. Бараева; Социологический институт Российской Академии наук. – Санкт-Петербург, 2002. – 220 с.

22. Гилинский, Я.И. Наказание в системе социального контроля над преступностью / Я.И. Гилинский, А.В. Рабош // Общество и право. – 2013. – № 3 (45). – С. 170-175.

23. Ефремова, Г. Х. Правовая психология и преступное поведение. Теория и методология исследования / Г.Х. Ефремова, А.Р. Ратинов. – Красноярск: Изд-во Красноярского ун-та, 1988. – 256 с.

24. Строева, Г. В. Факторы повышения мотивации осужденных к самоисправлению / Г.В. Строева // Научно-методический электронный журнал «Концепт» [Электронный ресурс]. – 2014. – № 6. – С. 121-125. – Режим доступа: http://e–koncept.ru/2014/14161.htm. – Дата доступа: 11.07.2018 г.

25. Хомич, В. М. Формы реализации уголовной ответственности / В.М. Хомич. – Минск: Белгосуниверситет, 1998. – 132 с.

Аннотация. Превентивный надзор и профилактическое наблюдение как формы постпенального контроля традиционно рассматривались как принудительно-предупредительные, профилактические меры, предусмотренные законодательством для закрепления результатов исправления и предупреждения постпенитенциарной преступности. Предупредительная и исправительная цель превентивного надзора, а равно профилактического наблюдения, очевидна. Однако, в рассматриваемом ракурсе нередко можно констатировать проявления патологии права (как правотворческого, так и правоприменительного аспектов), поскольку ограничительные свойства реализуемых в рамках судимости мер доминируют над исправительными и ресоциалиационными как с точки зрения их легального закрепления, так и в деятельности соответствующих государственных структур.

SOCIAL CONTROL: LIMITS OF PERMISSIBLE IMPLEMENTATION

Afonchenko T.P.

Keywords: social control, prevention, the regime of conviction, preventive supervision, preventive supervision.

Abstract. Preventive surveillance and preventive surveillance as forms of post-pandemic control have traditionally been considered as compulsory preventive measures, preventive measures provided by law to fix the results of correction and prevention of post-penitentiary criminality. The preventive and corrective goal of preventive surveillance, as well as preventive surveillance, is obvious. However, in this perspective, it is often possible to state manifestations of the pathology of law (both law-making and law enforcement aspects), since the restrictive properties of measures implemented in the criminal record dominate correctional and resocialist both in terms of their legal securing and in the activities of the relevant state structures.

УДК 343.8

РОЛЬ ТИПОЛОГИИ ПРЕСТУПНИКОВ (ОСУЖДЕННЫХ) В ОРГАНИЗАЦИИ ИСПРАВИТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА В МЕСТАХ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ

Бурый В.Е.

Ключевые слова: ресоциализация, криминологическая типология преступников (осужденных), исправительный процесс, места лишения свободы, осужденные к лишению свободы, критерии исправления.

Введение

Ресоциализации лиц, отбывающих наказания или освободившихся из мест лишения свободы, и относящихся к группе социального риска, за последнее десятилетие, ежегодно, решениями коллегий Департамента исполнения наказаний МВД Республики Беларусь (далее – ДИН) уделяется значительное внимание. Упор делается на повышение эффективности организации

исправительного процесса с осужденными посредством совершенствования методических основ индивидуальной и групповой работы. На реализацию этой задачи сегодня направлены все организационные ресурсы и возможности уголовно-исполнительной системы.

Основная часть

В соответствии с ч. 1 ст. 7 Уголовно-исполнительного кодекса Республики Беларусь (далее – УИК) применение наказания и иных мер уголовной ответственности имеет целью исправление осужденных и предупреждение совершения новых преступлений как осужденными, так и другими лицами. Исправление осужденных (как цель уголовной ответственности и применения наказаний) – это формирование у них готовности вести правопослушный образ жизни, что предполагает такую корректировку сознания и поведения осужденных во время исполнения и отбывания наказания, которая исключала бы возможность совершения ими новых преступлений. Достигается это формированием у осужденных уважительного отношения к человеку и обществу, общественно полезному труду, нормам, социальным правилам и традициям человеческого общежития, актуализации преимуществ правопослушного поведения.

Основу пенальной ресоциализации осужденных занимают установленный порядок исполнения и отбывания наказания в колонии (режим), воспитательная работа, труд, общеобразовательное и профессиональное обучение осужденных и общественное воздействие на них. Вышеуказанные средства исправления осужденных применяются с учетом форм реализации уголовной ответственности, вида наказания, характера и степени общественной опасности совершенного преступления, личности осужденного и его поведения (ч.ч. 2-4 ст. 7 УИК).

В соответствии с целями уголовной ответственности уголовно-исполнительное законодательство Республики Беларусь имеет своими задачами регулирование исполнения и отбывания осужденными наказания и иных мер уголовной ответственности, определение средств достижения целей уголовной ответственности и социальной адаптации осужденных в процессе ее реализации, защиту прав и законных интересов осужденных (ч. 1 ст. 2 УИК). Задачам, закрепленным в УИК, соответствуют одноименные функции – исправительная, предупредительная и правоохранительная.

Возвращение осужденных к правопослушному и честному образу жизни после освобождения из мест лишения свободы (далее – МЛС) – важнейший показатель эффективности деятельности уголовно-исполнительной системы по исполнению уголовных санкций. В значительной степени этот (желаемый) результат зависит от того, как поставлена ресоциализационная работа с осужденными как в пенальный период (во время отбывания наказания), так и в постпенальный период (после отбытия наказания в виде лишения свободы).

К сожалению, с учетом современных требований к организации ресоциализационных начал в деятельности МЛС, по-прежнему, имеются серьезные пробелы как в качественной (содержательной), так и организационно-функциональных аспектах исправительного процесса. Эти недостатки кроются в отсутствии строго индивидуализированного подхода к процессу как реализации режимных требований, так и сугубо исправительных мероприятий.

Как результат – высокий уровень рецидива среди лиц, отбывающих наказание в виде лишения свободы.

Процесс индивидуализации исполнения наказания и применения мер исправительного воздействия является логическим продолжением дифференциации мер уголовной ответственности при их определении судами и состоит в изменении условий содержания и применения мер исправительного воздействия с учетом личности осужденного, характера, степени его социальной запущенности и поведения во время отбывания лишения свободы. Индивидуализация исправительного воздействия проходит в рамках, установленных нормами уголовно-исполнительного права, в соответствии с правилами пенитенциарной педагогики и психологии. Согласно требованиям педагогики и психологии любое воздействие на осужденного будет иметь позитивное значение, когда оно основывается на знании личности осужденного.

По функциональному содержанию индивидуализация исполнения наказания означает:

во-первых, возможность корректирования объема кары в процессе отбывания наказания. Это выражается в изменении условий содержания в рамках одного режима отбывания наказания, а также в переводе с одного режима на другой в зависимости от поведения осужденного и степени его исправления;

во-вторых, социально-избирательном подходе к лицам, отбывающим наказание, при определении на работу, учебу, выборе форм и методов воспитательной работы и т.д.;

в-третьих, адекватном и последовательном применении мер исправительного воздействия в зависимости от степени исправления осужденных, а не только от степени общественной опасности совершенного преступления.

Принцип индивидуализации при организации исправительного процесса в исправительных учреждениях (далее – ИУ) заложен в основу воспитательной работы с осужденными. Воспитательная работа с осужденными к лишению свободы – это планомерная, основанная на педагогических принципах, методах и формах деятельность работников ИУ, представителей государственных и общественных организаций, направленная на формирование и укрепление у осужденных стремления к занятию общественно полезной деятельностью, добросовестного отношения к труду, соблюдению требований законодательства и принятых в обществе правил поведения, на повышение их образовательного и культурного уровня.

Индивидуализация лежит в основе главных направлений воспитательной работы (правового, нравственного, духовного, трудового, эстетического, санитарно-гигиенического и физического воспитания), призванных обеспечить комплексное формирование социальных установок, жизненных планов, моральных качеств, знаний, навыков и умений осужденных, которые определяют готовность личности к правопослушному поведению и положительной адаптации в обществе.

Таким образом, индивидуализация исправительного процесса осужденных является одним из важнейших показателей ресоциализационного уровня деятельности учреждений, исполняющих наказание в виде лишения свободы. Указанной стороной индивидуализации определяется эффективность работы не только исправительных учреждений, но и всех других правоохранительных органов, ведущих борьбу с преступностью.

Вместе с тем, как показывает практика, оценка результатов исправительного процесса (без учета типологической характеристики личности преступника и его криминальных наклонностей) через применение общих критериев и степеней исправления для всех категорий осужденных к лишению свободы (ст. 116 УИК) ведет к неадекватной оценке достигнутого уровня исправления.

Учитывая, что эта проблема за последнее десятилетие обострилась, Генеральной прокуратурой Республики Беларусь проводились проверки соблюдения законности и правопорядка в исправительных учреждениях ДИН (в том числе, применение институтов досрочного освобождения от отбывания наказания), по результатам которых (еще в 2008 году) прокуратурой вносились соответствующие представления. Как следствие, позже, коллегия ДИН признала, что «…вопросы подготовки осужденных к досрочному освобождению из мест лишения свободы требуют более качественного изучения личности и установления степени исправления» [1, с. 10], и что «…рецидив среди досрочно освобожденных выше, чем среди освобожденных по концу срока» [2, с. 14]. Кроме этого, на основе ведомственного контроля состояния и результатов применения институтов досрочного освобождения в МЛС установлено, что пока «...не уделяется должного внимания изучению личности осужденных, представляемых к досрочному освобождению, в особенности неоднократно судимых за совершение особо тяжких насильственных преступлений. Сотрудники воспитательной, психологической и оперативной служб анализируют образ жизни лица до осуждения и дают прогностическую оценку поведения осужденного на период после освобождения формально» [3, с. 53], несмотря на то, что «…оценивать готовность осужденных к правопослушной жизни на свободе и устанавливать степень исправления, когда речь идет о рассмотрении вопроса представления к замене неотбытой части наказаний более мягким наказанием или условно-досрочному освобождению от наказания, имеет право только комиссия исправительного учреждения» [4, с. 2].

Ситуация не изменилась и в последующие годы. Уже к 2016 году уровень уголовно-правового рецидива стал запредельно высок (более 47 %), а криминологический рецидив превысил отметку 50 %. В структуре рецидива около 50 % относится к так называемому пенитенциарному рецидиву, то есть лиц, отбывавших наказание в виде лишения свободы и имеющих судимость на момент совершения повторного преступления [5, с. 9].

С учетом современных реалий, имеющих место в уголовно-исполнительной системе и пенитенциарной науке, назрела необходимость обобщить, систематизировать положения, касающиеся критериев и степеней исправления и разработать конкретные программы ресоциализации осужденных в МЛС в зависимости от типологии преступников (осужденных), их криминальных наклонностей (специализации), определения на этой основе объективно воспринимаемых признаков, свидетельствующих о достижении соответствующей степени исправления.

Подобные выводы в середине 60-х годов XX столетия уже имели место в трудах известного ученого-пенитенциариста А. Л. Ременсона: «…Анализ субъективного восприятия заключенными оказываемых на них карательных и некарательных воспитательных воздействий – неотъемлемая составная часть исследования теоретических основ исполнения лишения свободы и исправления заключенных. Этот анализ имеет и важное практическое значение, ибо наказание

и исправительно-трудовое воздействие применяются к живым людям, каждый из которых по-своему реагирует на них. Без учета этой реакции в ее типичных вариантах невозможно установление правовых норм, регулирующих карательно-воспитательный процесс, без учета индивидуальных реакций невозможна индивидуализация назначения и исполнения наказаний, индивидуальный подход в осуществлении перевоспитания» [6, с. 42].

Следует отметить, что в области изучения криминологических явлений и процессов, имеющих пенитенциарное значение, в последние годы отмечается возросший интерес к проблемам личности преступника (осужденного) и индивидуального преступного поведения.

Проведенные исследования позволили полнее раскрыть особенности механизма совершения преступлений и увязать его с типологическими чертами соответствующих преступников. Объектом научного познания стала как личность преступника (осужденного) в целом, так и ее отдельные разновидности, вопросы субъективных и объективных причин тех или иных преступлений. Соответствующие работы значительно расширили представления не только о природе и причинах совершения отдельных преступлений, но и преступности вообще, показали криминогенную роль некоторых личностных факторов. Они убедительно продемонстрировали, что изучение преступности в целом совершенно недостаточно для действительного познания этого явления и прежде всего его причин. Исследования индивидуального преступного поведения, его механизма и внутренних стимулов, а поэтому и личности действующего субъекта могут давать информацию, ценную не только для всего криминологического знания, но и для решения такой более частной проблемы, как исправление и ресоциализация осужденных.

Уже давно не обсуждается вопрос о необходимости и важности индивидуальной профилактики преступлений, поскольку важность и полезность такой профилактики стала аксиоматической. Однако не столь очевидна для многих целесообразность индивидуального воздействия на осужденных. Работ, посвященных этому вопросу, мало, что особенно заметно при сравнении с изученностью сходных проблем в криминологии. Они именно сходные, поскольку индивидуальное воздействие на осужденных представляет собой, по сути, часть предупредительной работы. Поэтому важно знать, какие именно особенности личности должны быть объектом профилактического воздействия и работы по исправлению и ресоциализации осужденных. На современном этапе эта проблема относится к числу наиболее актуальных. Правоохранительные органы должны знать, какие особенности конкретной личности могут привести или даже привели к совершению преступления, что имеет прямое отношение к прогнозированию индивидуального преступного поведения, в том числе повторного. Следовательно, воспитательная работа с ними должна быть достаточно гибкой, разнообразной, методически насыщенной, учитывать типологическую специфику конкретной личности [7, с. 4].

Типологию относят к методам научного познания. В основе его лежит расчленение систем объектов и их группировка с помощью обобщенной идеализированной модели или типа. Так или иначе, необходимость создания типологий, типологических описаний и сопоставлений возникает во всех науках, изучающих множество весьма разнородных по составу (характеристике) объектов. Создавая типологию изучаемых объектов, исследователи стремятся

упорядочить их описание, объяснить выявленные сходства и различия, найти способы их идентификации. Сейчас методы типологии широко используются как средство научного анализа социальных процессов и явлений, так как это позволяет выявлять и ранжировать наиболее существенные, закономерно (объективно) присущие только данному типу личности признаки, свойства и связи, образующие в своей совокупности суть данного явления. С помощью типологии фиксируется то главное, без чего нет и не может быть личности определенного типа. В этом смысле теория о типах образует достаточно устойчивую и стабильную систему характерных признаков личности преступника.

Необходимо учитывать и то, что типологический подход позволяет выделять из всего многообразия преступных проявлений (и лиц их совершающих) наиболее характерные типы и образы их действий, так как это дает представление о степени развития криминогенных свойств личности, их стойкости и возможности изменения в положительную сторону. Именно с этих позиций построение типологии осужденных к лишению свободы должно служить цели их исправления и ресоциализации, решению задач специального (частного) и общего предупреждения. С позиции методологии (для дифференциации и индивидуализации) следует рассматривать и типологию осужденных, отбывающих наказание в виде лишения свободы [8, с. 5-8].

При построении типологии осужденных, в первую очередь, следует учитывать криминологически значимые черты личности, в особенности те ее свойства и качества, которые способствуют совершению преступлений. Сущность ресоциализации таким образом в значительной мере состоит в том, чтобы в процессе целенаправленного воспитательного воздействия устранить, изменить или нейтрализовать личностные свойства, способствующие совершению преступлений. Поэтому принятие за основу той или иной типологии осужденных следует рассматривать как средство для решения задач их ресоциализации.

В настоящее время уголовная, уголовно-исполнительная и криминологическая науки рассматривают различного рода основания типологии личности преступника (осужденного): тяжесть преступлений; вид преступлений; совершение преступления впервые (неоднократно); насильственный, корыстный, насильственно-корыстный характер преступлений; психическое здоровье (психические аномалии и отклонения); направленность личности (установки и ценностные ориентации); эмоционально-волевые характеристики; деформация отношений личности в определенных сферах жизнедеятельности; отношение осужденного к исправительному процессу, преступлению и наказанию; типичные нарушения установленного режима отбывания наказания; степень исправления и др.

Учитывая вышеуказанное, с позиций таких наук, как уголовное, уголовно-исполнительное право, криминология, пенитенциарная психология и педагогика, в качестве наиболее оптимальной и охватывающей все категории осужденных в МЛС можно предложить, основанную на характере мотивационной и преступной направленности личности, следующую типологию осужденных к лишению свободы: корыстные (первый тип); насильственно-криминогенные (второй тип); насильственно-хулиганствующие (третий тип); корыстно-насильственные (четвертый тип); служебно-корыстные (пятый тип); случайные

(шестой тип); осужденные с устойчивой комплексно криминальной направленностью личности, допускающие рецидив (корыстный, насильственный, корыстно-насильственный) – седьмой тип; несовершеннолетние (корыстные, насильственные, корыстно-насильственные) – восьмой тип. Основные объективные признаки их исправления сводятся к трем группам критериев: юридическим (уголовно-правовым, уголовно-исполнительным, криминологическим), социальным и психолого-педагогическим.

Указанная типология преступников (осужденных) соответствует современным криминологическим требованиям по ее построению и ресоциализационным задачам применения наказаний.

Процесс исправления, основанный на этой типологии преступников (осужденных), представляет собой сложную и трудоемкую работу по формированию у них уважительного отношения к человеку, обществу, труду, нормам, правилам и традициям человеческого общежития, стимулированию правопослушного поведения. Для эффективного достижения этих результатов исправительный процесс должен представлять комплексную программу последовательных действий, основанную на индивидуальном и разностороннем коррекционном подходе к каждому осужденному, исходя из типологических характеристик. Так, для осужденных за хулиганство (насильственный тип) наиболее типичными криминальными и морально-психологическими отклонениями в свойствах характера являются: индивидуализм, самолюбие, повышенная нестойкость эмоциональных проявлений и показной «героизм», злоупотребление спиртными напитками, духовная инфантильность, соединенные с жестокостью, озлобленностью, пренебрежением к достоинству личности, неуважением к семье и женщине, дополненные безнравственностью, неуравновешенностью и недисциплинированностью [9, с. 119-120]. Осужденные за кражу (корыстный тип) имеют следующие типичные характерологические проявления: высокий уровень самооправдания, внутренний конфликт между «Я-хочу» и «Я-имею», эгоцентризм, лживость, приспособляемость, гибкость в общении, скрытая депрессивность, ригидность мышления, нарушение социальной адаптации и, одновременно, склонность к риску и паразитизм [7, с. 7-22].

Это и есть те показатели личности осужденных к лишению свободы, на которые необходимо сосредотачивать усилия в организации исправительного процесса и ресоциализации в ИУ. Эти показатели, в дальнейшем, станут теми объективными оценочными критериями исправления осужденных в определении их степени исправления при решении вопросов досрочного освобождения, перевода на улучшенные условия отбывания наказания, переводе в другое ИУ, освобождении по концу срока, установлении превентивного надзора и т.д.

Заключение

Таким образом, как показывает практика, именно типологический подход в организации исправительного процесса осужденных к лишению свободы позволяет качественно решить стоящие перед ним задачи и в полном объеме реализовать цели уголовной ответственности посредством осуждения и отбывания назначенного наказания.

Список цитированных источников

1. Об эффективности принятых мер по совершенствованию служебной деятельности и устранению недостатков по представлениям Генеральной прокуратуры Республики Беларусь // Инф-й науч.-метод. бюл. ДИН МВД Респ. Беларусь. – 2008. – № 3. – С. 10-12.

2. Стуканов, В. Г. Об эффективности принимаемых мер по совершенствованию исправительного процесса в исправительных колониях №№ 2, 14, 15, 19, 21, 22 / В. Г. Стуканов // Инф-й науч.-метод. бюл. ДИН МВД Респ. Беларусь. – 2008. – № 3. – С. 12-18.

3. О совершенствовании работы исправительных учреждений по представлению осужденных к досрочному освобождению // Инф-й науч.-метод. бюл. ДИН МВД Респ. Беларусь. – 2008. – № 3. – С. 53-56.

4. Пех, А. Еще раз об условно-досрочном освобождении / А. Пех // Трудовой путь. – 2017. – 21 июля. – С. 2.

5. Хомич, В. М. К вопросу о состоянии и совершенствовании правового регулирования социальной адаптации лиц, отбывших наказание в виде лишения свободы / В.М. Хомич // Проблемы укрепления законности и правопорядка: наука, практика, тенденции: сб. науч. трудов. – 2015. – выпуск 8. – С. 9-26.

6. Ременсон, А. Л. Избранные труды / А.Л. Ременсон. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2003. – 100 с.

7. Антонян, Ю. М. Психологические особенности осужденных за кражи личного имущества и индивидуальная работа с ними: учебное пособие / Ю.М. Антонян, В.П. Голубев, Ю.Н. Кудряков; под ред. проф. Ю.М. Антоняна – М.: ВНИИ МВД СССР, 1989. – 72 с.

8. Голубев, В. П. Типология осужденных за насильственные преступления и индивидуальная работа с ними: учебное пособие / В.П. Голубев, Ю.Н. Кудряков, А.В. Шамис. – М.: ВНИИ МВД СССР, 1985. – 52 с.

9. Фефелов, В. А. Индивидуализация исполнения наказания в отношении осужденных за хулиганство: учебное пособие / В. А. Фефелов. – Рязань: РВШ МВД СССР, 1977. – 128 с.

Аннотация. С учетом современных требований к организации ресоциализационных начал в деятельности мест лишения свободы имеются серьезные пробелы как в качественной (содержательной), так и организационно-функциональных аспектах исправительного процесса. Как следствие, практика показывает, что оценка результатов исправительного процесса (без учета типологической характеристики личности преступника и его криминальных наклонностей) через применение общих критериев и степеней исправления для всех категорий осужденных к лишению свободы ведет к неадекватной оценке достигнутого уровня исправления, в том числе высокому уровню рецидива среди освобожденных лиц. Предложенная в статье типология рассматривается как средство для решения задач ресоциализации осужденных.

THE ROLE OF THE TYPOLOGY OF CRIMINALS (CONDEMNED) TO THE ORGANIZATION OF THE REDUCTION PROCESS IN THE FIELD OF DEPRIVATION OF FREEDOM

Bury V.E.

Keywords: resocialization, criminological typology of criminals (convicts), correctional process, places of imprisonment, sentenced to imprisonment, criteria of correction.

Abstract. Given the current requirements for organizing resocialization in the activities of places of deprivation of liberty, there are serious gaps in both the qualitative (content) and organizational and functional aspects of the correctional process. As a result, the practice shows that the evaluation of the results of the correctional process (without taking into account the typological characteristics of the criminal's personality and his criminal inclinations) through the application of common criteria and degrees of correction for all categories of people sentenced to deprivation of liberty leads to an inadequate assessment of the achieved level of correction, relapse among the released persons. The typology proposed in the article is considered as a means for solving the problems of resocialization of convicts.

УДК 343.9.01

К ВОПРОСУ О СТРАТЕГИИ УМЕНЬШЕНИЯ ВОЗМОЖНОСТЕЙ СОВЕРШЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Голина В.В., Шрамко С.С.

Ключевые слова: стратегия уменьшения возможностей совершения преступлений, система предупреждения преступности, устранение условий преступных проявлений, защищенное пространство.

Введение

Криминологическая наука находится в постоянном поиске эффективных мер противодействия преступности. Исследования украинских и зарубежных криминологов обогатили знания о природе и сущности преступности, мерах предупреждения этого явления, причинах и условиях отдельных преступлений, особенностях личности преступника. Полученные результаты полностью подтверждают мысль о приоритетности недопущения совершения преступлений путем их предупреждения. Таким образом, предупреждение преступности – действенный метод противодействия ей, предусматривающее осуществление целостной системы взвешенных и взаимосвязанных мероприятий, как составляющей криминологической политики государства.

В свою очередь, под криминологической политикой следует понимать научно обоснованную стратегию и тактику предупреждения преступности, основанную на системе профилактических мер специально-криминологического характера, а также предотвращения и пресечения отдельных преступлений [1, с. 38]. Следует отметить, что сегодня в Украине нет единой государственной стратегической программы предупреждения преступности. Целесообразность разработки и внедрения такой программы обосновали В.В. Голина и М.Г. Колодяжный. В частности, в их научных работах предлагается

использовать стратегии, отображенные в материалах конгрессов ООН по предупреждению преступности и криминальному правосудию, а именно: стратегию уменьшения возможностей совершения преступлений и правонарушений, вмешательства в кризисные ситуации, привлечение общественности к предупреждению преступности, предоставления помощи жертвам преступлений [2, с. 48-56].

Особенность стратегии уменьшения возможностей совершения преступлений (далее – Стратегия) заключается в создании «защитного пространства и физических барьеров для преступности», а именно в максимально доступном на определенной территории и времени ограничении/устранении преступных проявлений и защиты от них. Некоторые направления указанной Стратегии уже используются правоохранительными органами в повседневной практике противодействия преступности в Украине. Однако в отечественной криминологии недостаточно разработаны теоретико-прикладные основы Стратегии. Также мало исследованы ее соотношение с существующей в стране системой предупреждения преступности, условия комплексного внедрения соответствующих мер в практику и оценка уровня ресурсного обеспечения деятельности правоохранительных органов по реализации Стратегии и т.п.

Стратегия уменьшения возможностей совершения преступлений активно исследуется и внедряется в практику предупреждения преступности в странах Евросоюза, США, Японии. Отдельные направления указанной Стратегии рассматривались в трудах украинских криминологов, таких как: А. М. Бандурка, В. С. Батиргареєва, В. В. Голина, Б. Н. Головкин, В. Н. Дрьомнн, М. Г. Колодяжний, А. Н. Костенко, А. Н. Литвинов, В. А. Туляков, В. И. Шакун, О. Ю. Шостко, С. С. Шрамко и др.

Всесторонне на теоретическом и эмпирическом уровнях вопросы Стратегии исследуется учеными Научно-исследовательского института изучения проблем преступности имени академика В. В. Сташиса Национальной академии правовых наук Украины.

Цель статьи заключается в исследовании условий и возможностей усовершенствования реализации Стратегии в практике предупреждения преступности в Украине.

Основная часть

В современной зарубежной криминологии доминирует мнение, что традиционная прикладная криминология оказалась в тупике, в связи с чем возникла необходимость поиска оптимальных путей выхода из него. Директор Монреальского университета (Канада) M. Cusson (М. Кассон) считает, что причинами этого являются, во-первых, второстепенность, порой даже неприоритетность для чиновников криминологической и других политик в сфере борьбы с преступностью; во-вторых, в низкой эффективности реабилитации преступников и расследовании преступлений; в-третьих, предупредительная (превентивная) политика, базирующаяся на исследованиях «глубинных» причин деликвентности, заранее проигрышна. Осмысление этих фактов подталкивает ученых и практиков к нахождению других решений. Вместо поиска отдаленных «глубинных» причин преступлений, следует сконцентрировать усилия на: политике, ориентированной на выявление ближайших непосредственных причин и решении текущих проблем о наиболее «уязвимых» для преступности общественных сферах, что позволит сконцентрировать силы для достижения

максимальных результатов и избежать распыления усилий. В продолжение сказанному, автор предлагает новые подходы в прикладной криминологии, в числе которых обсуждается и стратегия уменьшения возможностей совершения преступлений, направленная на те звенья причинно-следственной связи, которые легче всего поддаются воздействию. Влиять же на отдаленные причины, по мнению М. Кассона, очень сложно и дорого [3, с. 21-27].

В современной криминологической теории остается неизменным положение о многоуровневой системе предупреждения преступности, состоящей из: неравных по масштабу, целям, силам и специфики предупредительного воздействия субъектов, объектов воздействия, содержания и объема ожидаемых результатов; мер общесоциального, специально-криминологического и индивидуального характера. Основными целями общесоциального предупреждения преступности являются преодоление или существенное ограничение криминогенно опасных противоречий в обществе, постепенное искоренение известных еще в библейские времена негативных явлений и процессов, сформированных под влиянием политических, экономических, психологических, идеологических, межнациональных, конфессиональных и других факторов. В качестве примера приведем такие: экономические и политические кризисы; неготовность, а порой и неспособность государств противостоять условиям, способствующим преступному намерению; опасное имущественное расслоение населения; необоснованное, даже преступное обогащение определенного круга граждан и публичных лиц; безработица; задержка выплаты заработной платы; существование на грани выживания значительной части населения; упадок морали; проституция; наркомания; алкоголизм; беспризорность; сомнительное реформирование различных сфер жизнедеятельности людей; поспешное законотворчество и др. Мы считаем, что эффективность общесоциального предупреждения преступности может быть достигнута ценой разумной, целенаправленной, социально-экономической, реформаторской политики государства, благодаря которой поддерживается и повышается законопослушность в социуме, и, косвенно, предупреждение преступности. Речь идет о сокращении социальных условий деструктивного, в том числе, общественно опасного поведения людей косвенными методами воздействия. При отсутствии должного внимания к вопросу совершенствования государственной социальной политики, направленной на повышение материального и духовного уровня населения, утверждать о серьезных намерениях в сфере противодействия преступности означает не понимать сущности и содержания предупреждения последней.

Специально-криминологическое предупреждение преступности мыслится как синтезированная криминологическая теория и практика самостоятельной организации и управления противодействием преступности путем разработки и использования специальных комплексных знаний. Таким образом, специально-криминологическое предупреждение – это комплекс научно обоснованных, практически необходимых и реально осуществляемых мер, направленных на опережение появления криминогенных факторов, формирующих преступное поведение, или на их ограничение, устранение и защиту личности, ее прав и свобод, материальных благ и социальных ценностей, а также недопущение совершения преступлений на различных стадиях их формирования. Это означает, что непосредственной задачей специально-криминологического

предупреждения преступности является как предупреждение возникновения новых негативных явлений и процессов, детерминирующих преступные проявления, их ограничение/устранение, так и оперативное реагирование на формирование и развитие преступного поведения. Теория специально-криминологического предупреждения преступности базируется на принципе рационализма в поведении человека, в том числе преступного, то есть свободного выбора варианта поведения максимально выгодного для себя. Считается, что усложнение, препятствие, барьеры в процессе реализации преступного поведения, негативная для мотивированного преступника информация, повышение риска при совершении преступления, надежная защищенность объектов посягательства и другие обстоятельства значительно сужают свободу выбора личности, снижают ее уверенность в достижении преступной цели, вынуждают отказаться от продолжения преступной деятельности.

Специально-криминологическое предупреждение преступности, осуществляемое относительно конкретной личности – потенциального преступника, называется индивидуальным предупреждением. Устранение угрозы возможного преступления является главной задачей индивидуального предупреждения. Следовательно, его объектом является: поведение и образ жизни людей склонных с высокой вероятностью к совершению преступлений; социальные элементы личности, которые отображают ее антиобщественную направленность; социально значимые при формировании личности некоторые психофизические особенности; криминогенные условия окружающей среды и жизненного уклада, не способствующие законопослушности и т.п. Объектом предупреждения преступления на индивидуальном уровне может быть также виктимное поведение человека.

Именно на теоретические положения и эмпирические исследования общесоциального, специально-криминологического и индивидуального предупреждения преступности опираются, на наш взгляд, некоторые прикладные направления предупреждения преступности, одним из которых является стратегия уменьшения возможностей совершения преступлений. Эта Стратегия наравне с другими стратегиями была сформулирована и рекомендована на внедрение на Седьмом Конгрессе ООН по предупреждению преступности и уголовному правосудию (Милан, 26 августа - 6 сентября 1985 г.) с учетом особенностей преступных проявлений, криминогенной обстановки в государстве, ресурсного обеспечения и т.д. В литературе отмечается, что развитие неоклассического направления, которое определило теоретические основы для разработки разных моделей превенции, безусловно, стало одним из наиболее значимых событий для практики предупреждения преступности в конце XX в. Это, например, «новые криминологии повседневности» (Д. Гарланд), существенно изменившие подход к криминологической политике в ряде стран. По мнению сторонников «новой криминологии повседневности», ей, основанной на идее естественности преступности в современном обществе, для контроля над преступностью не нужно изучать формирование преступного поведения, преступной мотивации, личность преступника, а достаточно просчитывать, каким образом ликвидировать любую потенциальную возможность совершения преступления [4, с. 212]. Не вызывает возражения также замечания критически мыслящих криминологов, что в эпоху глобализации

выискивать доисторические корни преступности и строить на этих «находках» систему предупреждения преступности бессмысленно. Социальная дезорганизация социума (аномия) была, есть и, по всей видимости, будет еще долго. Капитализм буквально перенасыщен острыми социальными противоречиями, пороками, на которых паразитирует и преступность. И именно их обнажает традиционная криминология, но устранить эти «глубинные» причины без изменения общественного строя невозможно. Косвенные стратегии, или общесоциальное предупреждение преступности, и при рыночных отношениях реализуют антикриминогенные ресурсы общества в целом и всех его институтов. Его реализация осуществляется для смягчения общественных противоречий, социально опасного противостояния между различными слоями населения, ослабления социальной дезорганизации, аномии и человеческой деструктивности. Указанное, как показывает опыт некоторых стран мира, положительно влияет на количественно-качественные показатели преступности. Следовательно, проблема борьбы с преступностью путем дальновидных общесоциальных мер и сейчас является актуальной современной задачей, хотя и трудно решаемой.

Вместе с тем становится очевидным, что для оперативного противодействия ситуативной, уличной, семейно-бытовой и другим разновидностям преступности необходима система мер «быстрого реагирования», построенная на уже известных в криминологии теориях предупреждения преступности. Некоторыми зарубежными криминологами предложена теория «экологической преступности». Она обосновывает роль места или окружающей среды (от дисфункций семьи до социальной дезорганизации), состояния защищенности пространства, систем коммуникации, учебных заведений, предприятий, уличного дизайна и прочее в формировании и реализации преступной мотивации, а также предупреждение преступлений путем изменения обстановки и условий, способствующих или облегчающих их совершение (C. Shaw, H. McKay, R. Sampson, B. Groves, J. Jacobs, M. Charles и др.). В 1979 г. М. Фелсон и Л. Коэн в теории преступления предложили понятие «привычных действий». Они утверждали, что преступление происходит тогда, когда в пространстве и времени сходятся: 1) мотивируемый преступник; 2) подходящая цель; 3) отсутствие надлежащей охраны объекта посягательства. Теория «привычных действий» применима для предупреждения различных преступлений. Чтобы предотвратить совершение преступления необходимо изменить, по меньшей мере, один из этих компонентов [5; 6]. Как уже было сказано, на этой теоретической основе возник ряд ситуативных стратегий предупреждения преступности, одна из которых – стратегия уменьшения возможностей (вероятности) совершения преступлений. Вначале эта стратегия мыслилась ее разработчикам как социальный метод градостроения, архитектурного ограждения промышленных предприятий, жилищных помещений, освещения улиц, банков, маркировки товаров, ценных вещей, использования систем наблюдения, патрулирования полиции вместе с общественностью и др. Впоследствии потенциал этой стратегии использовался для создания «защитного пространства и физических барьеров для преступности», направленных на: повышение бдительности граждан с целью устранения виктимизации; ограничение технических и организационно-управленческих условий, способствующих преступной деятельности; усиление патрулирования в тех

населенных пунктах и районах городов, сельской местности и «горячих точках», наиболее уязвимых для преступности; создание полицейских моторизированных частей с целью мобильного реагирования на правонарушения; организацию в случае сложных криминогенных ситуаций отрядов коллективной самообороны граждан по месту жительства, по месту нахождения дачных участков, усадеб, стоянок автотранспорта; активизацию предупредительной системы по типу «Под присмотром соседей», «Останови преступника»; введение специальной подготовки сотрудников полиции для профессионального реагирования на наиболее распространенные и опасные преступления; внедрение мер виктимологической безопасности; усложнение всеми возможными защитными мерами совершение преступлений против собственности; инструктаж граждан об индивидуальных и коллективных методах предупреждения преступлений; внедрение криминологической картографии; усовершенствование устройств наблюдения за обстановкой; распространение в районах информационных бюллетеней о криминальной обстановке и работе полиции; внедрение региональных, городских, районных стратегий усложнения совершение преступлений; использование нормативно-правовых актов разных отраслей права для ограничения действий преступников или, даже, распада преступных группировок. Приведем несколько примеров из зарубежной и национальной практики предупреждения преступности путем уменьшения возможностей совершения преступлений.

В редакционной статье журнала «Police Professional» под названием «Применение судебных запретов в борьбе с организованной преступностью» (Великобритания) приводятся инновационные находки для сокращения насилия со стороны местных организованных преступных групп. Опираясь на соответствующее законодательство, используются такие предупредительные меры, как: переселение членов банд из районов обитания; запрет на ношение оружия; запрет на пребывание в определенных местах; прекращение выплат социальной помощи в связи с нетрудоспособностью и иное. Нарушение этих запретов автоматически приводит к тюремному заключению. Применение таких судебных запретов является новым и нетрадиционным методом устранения организованных преступных групп [7, с. 39-44]. Японские правоохранители противодействуют организованной преступности при помощи новых законодательных актов, согласно которым преступлением считаются денежная выплата якудзе (мафии) и сотрудничество с ней с целью получения прибыли. Если кто-то выплачивает или выплачивал деньги на «крышевания», то он больше не будет признаваться потерпевшим, а станет соучастником преступления [8, с. 5]. В Австралии и некоторых штатах США регистрируют и публикуют сведения о сексуальных преступниках для усиления официального и общественного контроля [9; с. 27-36].

Для выяснения того, какие практические меры по ограничению условий, способствующих совершению преступлений или облегчающих их, используются правоохранительными органами, нами были направлены соответствующие запросы в Главные управления Национальной полиции Украины. Полученные материалы позволили установить, что широко используются такие меры, как: устанавливаются системы видеонаблюдения в общественных местах населенных пунктов, в заведениях торговли, аптеках, автозаправках, ломбардах, развлекательных заведениях, объектах коммунальной собственности,

маршрутных такси и т.п.; исследуются объекты на предмет наличия действующей охранной сигнализации; используется Интернет для обмена информацией между населением и руководством полиции; еженедельно размещается информация о работе полиции в печатных изданиях; разрабатываются открытки-предостережения и социальные видеоролики; практикуются выступления полиции в СМИ; совместно с местными властями принимаются областные и региональные программы содействия полиции в вопросах повышении уровня безопасности граждан, которые финансируются из областных бюджетов (например, Донецкая, Винницкая, Тернопольская и др. области). В результате внедрения указанных мер наблюдается снижение уровня правонарушений и преступлений.

Заключение

Стратегия уменьшения возможностей совершения преступлений является составным компонентом национальной системы предупреждения преступности, о которой нами говорилось выше. Ведущая идея Стратегии, на которую обращают внимание ученые и практики, заключается не только в создании разных по природе организационно-управленческих запретов, разрешений, отказов от использования в быту определенных материалов, приспособлений, технических средств, барьеров, преград, пропагандистских компаний, способствующих физическому ограничению и устранению условий совершения преступлений, но и в информационном влиянии на сознание и интеллект потенциальных преступников, который суживает вариативность их поведения. Актуальным для дальнейших исследований остается вопрос более полного внедрения рассмотренной и иных Стратегии в современную теорию и практику противодействия преступности в Украине.

Список цитированных источников

1. Зелинский, А. Ф. Методика криминологических исследований: учеб. пособие / А. Ф. Зелинский. – К. : НМК ВО, 1992. – 48 с.

2. Голіна, В. В. Державне програмування і регіональне планування заходів запобігання злочинності в Україні / В. В. Голіна, С. Ю. Лукашевич, М. Г. Колодяжний ; за заг. ред. В. В. Голіни. – Х. : Право, 2012. – 304 с.

3. Стратегический вираж в прикладной криминологии // Борьба с преступностью за рубежом (по материалам зарубежной печати) [Ежемес. информ. бюл.]. – 1995. – № 9. – С. 21-27.

4. Гуринская, А. Л. Развитие теории рационального выбора в зарубежной криминологии и ее влияние на уголовную политику / А. Л. Гуринская // Извест. Рос. гос. пед. ун-та им. А.И. Герцена. – 2010. – № 120. – С. 203-216.

5. Конгрессы ООН по предупреждению преступности и уголовному правосудию: сб. материалов: в 3 кн. / Нац. акад. правовых наук Украины; НИИ изуч. пробл. преступности им. акад. В.В. Сташиса; кол сост.: В. В. Голина, М. Г. Колодяжний; под общ. ред. В. В. Голины. Кн. 2 К. : Право Украины; Х. : Право, 2013. – 184 с.

6. Петренко, А. В. Стратегии предупреждения преступлений в США А. В. Петренко. – URL: http://www.justicemaker.ru/view-article.php?art=2109&id=21 (дата обращения: 1.06.2017).

7. Применение судебных запретов в борьбе с организованной преступностью // Борьба с преступностью за рубежом (по материалам зарубежной печати) [Ежемесячный информ. бюлл.]. – 2015. – № 6. – 44 с.

8. Японские законы в борьбе с организованной преступностью // Борьба с преступностью за рубежом (по материалам зарубежной печати) [Ежемесячный информ. бюлл.]. – 2014. – № 1. – 54 с.

9. Международные законы о регистрации сексуальных преступлений // Борьба с преступностью за рубежом (по материалам зарубежной печати) [Ежемесячный информ. бюлл.]. – 2014. – № 9. – 44 с.

Аннотация. Статья посвящена исследованию профилактического потенциала стратегии уменьшения возможностей совершения преступлений. Акцентировано внимание на вопросе пересмотра традиционных подходов к предупреждению преступности и ее проявлений в Украине в связи с их низкой эффективностью. Авторами отмечено, что Стратегия является составляющей общесоциального, специально-криминологического и индивидуального предупреждения преступности. Основная идея рассматриваемой стратегии заключается в минимизации преступных посягательств мерами усиления безопасности окружающей среды, людей и материальных ценностей, что требует постоянного мониторинга и анализа преступности на местах и изобретательности во внедрении традиционных и нетрадиционных мероприятий. Приведены примеры из зарубежной и национальной практики предупреждения преступности путем уменьшения возможностей совершения преступлений. В статье делается вывод, что актуальным направлением для дальнейших исследований является вопрос внедрения Стратегии в современную теорию и практику противодействия преступности в Украине.

ON THE QUESTION OF THE REDUCTION STRATEGY OF CRIMES COMMITTING OPPORTUNITIES

Holina V.V., Shramko S.S.

Key words: reduction strategy of crimes committing opportunities, crime prevention system, elimination of conditions of criminal exertions, protected space.

Abstract. The article is devoted to the studying of the preventive potential of reduction strategy of crimes committing opportunities. Attention is focused on the issue of the revision of traditional approaches to crime prevention by reason of its low efficiency. The authors noted that the Strategy is an integral part of the general social, special-criminological and individual crime prevention. The main idea of the considered strategy is to minimize criminal encroachments by measures for improving the security of the environment, people and property, which requires constant monitoring and analysis of crime at the local level and ingenuity in the implementation of traditional and non-traditional activities. There are examples of foreign and national practice of crime prevention by reducing the possibility of committing crimes. The article concludes that the actual direction for further research is the issue of introducing the Strategy into the modern theory and practice of counteraction to crime in Ukraine.

УДК 343.8

ПРИМЕНЕНИЕ НАКАЗАНИЯ В ВИДЕ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ: СОМНИТЕЛЬНЫЙ ОПЫТ ИЛИ ВЗГЛЯД НА ПЕРСПЕКТИВУ

Денисов С.Ф., Денисова Т.А.

Ключевые слова: наказание, осужденный, общество, предупреждение преступлений, законодательство, уголовно-исполнительная система.

Введение

Общеизвестно, что уголовное наказание как особая форма государственного принуждения традиционно осуществляет не только кару, но оказывает предупредительное, психологическое и воспитательное воздействие, а также выступает в качестве одного из инструментов управления процессом социальной реадаптации конкретного осужденного к условиям жизни общества. Несмотря на множество негативных моментов, на чем будет акцентировано внимание, уголовному наказанию отводится значительная роль и оно продолжает выступать в качестве основного средства противодействия преступности.

Принимая во внимание значительный рост преступности не только в масштабах Украины, но и в транснациональном измерении, устранение коллизий, пробелов и решение других проблем в сфере применения уголовных наказаний, представляют собой весьма актуальную задачу и требуют концептуальных и системных исследований. Современность диктует необходимость поиска новых взглядов на такой важный институт уголовного права как наказание, без переосмысления сущности которого довольно сложно решать те проблемы, которые стоят перед наукой и практикой в области уголовного права. Прежде всего, это определение основных направлений политики государства в вопросах назначения, исполнения и эффективности уголовных наказаний, функций наказания, соотношение сущности, содержания, задач и целей наказания, применения альтернативных лишению свободы видов наказаний. На сегодняшний день перед учеными и практиками стоит важная задача поиска оптимального баланса в использовании методов убеждения, поощрения и принуждения, для того, чтобы наказание соответствовало тяжести совершенного преступления, было достаточным для достижения целей, стоящих перед наказанием.

Основная часть

Каждое общество, в основу которого положены демократические принципы, обеспокоено ростом общественно опасных деяний и это подталкивает к серьезным поискам путей борьбы с преступностью, особенно на фоне процессов глобализации. Как известно, именно со второй половины XX века преступность приобрела характер острой социальной проблемы, что повлекло за собой ужесточение наказания и более жесткий подход к лицам, совершившим преступление на территории существовавшего тогда СССР. Без преувеличения можно констатировать, что выбор вида наказания сводился преимущественно к лишению свободы на определенный срок, при этом срок избирался от пяти и выше лет. Не исключением являлось применение смертной казни.

В это же время, политика нулевой терпимости становится все более популярной в западных странах. Большинство западноевропейских стран с середины 90-х годов XX века постепенно начали сокращать количество осужденных к лишению свободы за счет декриминализации отдельных преступлений и применения альтернативных видов наказаний. Так, например, Финляндия целенаправленно сократила количество заключенных за пятьдесят лет на 70 % (с 180 до 60 человек на 100 тыс. населения), Дания, Швеция и Норвегия сохранили постоянное количество тюремного населения в пределах 60-70 человек на 100 тыс. населения [1, с. 111]. Более того, юристы, объединенные в Европейской комиссии по правам человека, уже тогда приступили к согласованию уголовного законодательства европейских стран, исходя из ряда общих принципов и с учетом минимальных правил обращения с заключенными. Главным из этих принципов стал поиск возможной альтернативы тюремному заключению.

XXI век уверенно вступил в свои права, он диктует новые правила в экономике, политике, социальной сфере. Однако по-прежнему неизменными остаются вопросы: способно ли современное государство противостоять преступности либеральными мерами? Предоставляя прерогативу наказанию в виде лишения свободы, имеет ли оно компенсацию для общества и лица, потерпевшего от преступления? Можем мы быть полностью уверены, что при исполнении наказания оно выполняет свои функции и достигает цели в широком смысле? Верно ли, что чем выше уровень преступности, тем количество осужденных к лишению свободы должно быть большим и, вообще, существуют ли здесь допустимые пропорции? Что дает опыт пребывания в местах лишения свободы? Почему человек не воспринимает свободу как неотъемлемую ценность? Видимо, эти и многие другие вопросы должно ставить перед собой общество и государство, прежде чем применять строгий вид наказания.

Аксиоматичным является утверждение, что применение наказания – это защита общества от противоправных действий лица, совершившего преступление. Государство обладает исключительной монополией на основания применения наказания, виды и цели наказания, установление санкций, назначение уголовного наказания и определяет полномочия в сфере его исполнения. Именно оно устанавливает в Уголовном кодексе систему наказаний – исчерпывающий и обязательный перечень видов наказаний, расположенных в определенном порядке в зависимости от степени их тяжести. В соответствии с требованиями уголовной политики формируется круг уголовно наказуемых деяний, устанавливается вид и размер санкций, порядок их применения.

Статьей 51 УК Украины предусмотрено 12 видов наказаний, применяемых к лицам, виновным в совершении преступления, а именно: 1) штраф; 2) лишение воинского, специального звания, ранга, чина или квалификационного класса; 3) лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью; 4) общественные работы; 5) исправительные работы; 6) ограничение по военной службе; 7) конфискация имущества; 8) арест; 9) ограничение свободы; 10) содержание в дисциплинарной воинской части; 11) лишение свободы на определенный срок; 12) пожизненное лишение свободы [2]. К слову, в большинстве стран мира основными наказаниями являются всего два: штраф и лишение свободы.

Конечно, человечество вынуждено постоянно сталкиваться с явлениями, вызывающими гнев и осуждение, особенно если они отличаются агрессией, жестокостью, несут с собой тяжкие последствия: смерть, разруху, уничтожение моральных и материальных ценностей. Наиболее опасными негативными социальными явлениями является совершение преступлений, поэтому было бы нелогично отрицать тезис о необходимости и неотвратимости наказания. Именно поэтому общество должно применять всевозможные средства и в том числе наказание виновных, чтобы не допустить в дальнейшем нарушений закона, удержать своих членов от совершения противоправных деяний и стимулировать их законопослушное поведение.

Однако, наказывая преступника, общество не должно переходить определенные границы, чтобы не наказывать в дальнейшем себя и не стать заложником криминализации отдельного региона или государства. Определяя размер и вид наказания, необходимо учитывать не только санкцию соответствующей статьи, но и руководствоваться другими общими принципами назначения наказания: принимать во внимание степень тяжести совершенного преступления, личность виновного, обстоятельства, смягчающие или отягчающие наказание и тому подобное. Главным должен стать тезис о том, что лицу, совершившему преступление, должно быть назначено такое наказание, которое бы было необходимым и достаточным для его исправления и предотвращения новых преступлений. Достижение положительных результатов, а именно правопослушного поведения осужденного, осуждение им совершенного преступления, социальная адаптация и жизнь без правонарушений, – все это является главным итогом карательно-исправительного воздействия и признаками исправления лица.

Совершенно очевидно, что сокращения количества преступлений возможно достичь без увеличения применения уголовных репрессий. Не случайно Н. Кристи отмечал, что несмотря на современное осложнение криминологической ситуации в обществе, необходимо преодолевать репрессивное сознание населения, развенчивать мифы о всесилии тюремного заключения. Если это нужно, необходимо еще раз пересмотреть перечень деяний, признаваемых преступлениями и, по возможности, перенести их в плоскость гражданско-правовых отношений [3].

Анализ западной практики применения наказания показывает, что на сегодняшний день лишение свободы оценивается большинством стран как тяжкий вид наказания, который надо применять наравне с пожизненным лишением свободы, только как исключение. Так, в Голландии уже ликвидировали девятнадцать тюрем, потому как там не хватает преступников для их наполнения. Согласно официальным документам, которые попали в распоряжение издания «Telegraaf», подлежат закрытию еще пять, что связано со стабильным падением преступности с 2004 г. [4]. Есть много причин, почему в Голландии такой низкий уровень преступности: лояльные законы в отношении наркотиков, упор на лечение, а не заключение в тюрьму, применение электронных браслетов для заключенных, что позволяет им продолжать работать на свободе. В 2008 г. были опубликованы результаты исследования, которые говорили о том, что система электронных браслетов уменьшает рецидивизм на 50% по сравнению с обычным заключением. Вместо того, чтобы отбывать наказание в тюрьме за деньги налогоплательщиков, преступник имеет

возможность приносить пользу обществу. Всё это привело к низким показателям заключенных в тюрьме: при населении страны 17 миллионов, заключенных всего 11 600 человек. Однако, как отмечают казахские исследователи А. Мекишева и А. Иманбекова, действительно, численность тюремного населения сокращается, но утверждение, что в стране не осталось бандитов, является преувеличением, которое может породить миф об отсутствии в Голландии преступности как таковой. Также они указывают, что, например, в Финляндии, в плане показателей по осужденным, дела обстоят лучше, чем в Нидерландах [5].

Если проанализировать статистические данные за последние 25 лет в Украине, мы также не увидим «обвала» преступности. Действительно, за последние три года наблюдается определенный рост не только традиционных общеуголовных преступлений, но и таких как терроризм, торговля людьми, оружием, наркотиками, отмывание денег, коррупция и т.п. Граждане вынуждены постоянно сталкиваться с преступлениями, которые не только вызывают возмущение и осуждение, но и отличаются агрессией, жестокостью, несут с собой неблагоприятные последствия. Но не следует забывать и того, что по некоторым категориям преступлений произошло сокращение их количества. Рост происходит, как правило, за счет введения новых видов преступлений. Значит, в большинстве случаев, не преступность растет, а мы воспроизводим преступников? Тогда стоит ли расширять их ряды, а потом пытаться воспитывать из преступников честных людей. Ведь общеизвестно, что в период отбывания наказания осужденные получают негативные навыки, которые в дальнейшем позволяют им продолжать антиобщественный образ жизни.

Нынешняя практика назначения наказания показывает, что при вынесении приговора суды все же внутренне ориентированы на применение лишения свободы, несмотря на тяжесть преступления. Это значит, что определенное количество лиц фактически исключается из политической, экономической, социальной, культурной жизни общества. Бывшие осужденные вынуждены присоединяться к кругу себе подобных и пополнять армию неимущих, агрессивных и недовольных граждан, которая с каждым годом увеличивается. Совершенно очевидно, что безнадежность, бедность, раздражительность, а иногда и ненависть не могут не вызвать у этих слоев населения ответную реакцию, а именно, продолжать преступную деятельность. А с учетом того, что через средства массовой коммуникации постоянно распространяются мнения о росте количества преступлений, особенно тяжких, дерзких, жестоких, это конечно вызывает страх перед преступностью у подавляющего большинства населения, побуждает принимать более жесткие меры реагирования. Наказание считается тем лучше, чем более оно содержит ограничений и страданий.

Говоря о качестве исполнения наказаний, его мало назвать недостаточно эффективным, о чем свидетельствует, во-первых, высокий уровень рецидивной преступности. Во вторых, как известно, эффективность наказания зависит, прежде всего, от того, насколько правильно и справедливо назначено наказание и насколько оно соответствует тяжести совершенного преступления. Закономерно, что повышенная социальная опасность преступлений отражается на назначении строгого наказания в виде лишения свободы на длительные сроки. Таким образом, путем применения суровых уголовно-правовых санкций в отношении лица, совершившего преступление, общество пытается защитить

себя. Но лишение свободы на определенный срок – одно из самых строгих видов наказаний, не говоря уже о пожизненном лишении свободы. Однако усиление карательного воздействия (содержание под стражей, как главная профилактическая задача на стадии проведения досудебного следствия, расширение такого вида наказания, как лишение свободы, особенно со сроком 10, 15 лет и т.д.), хотя и характерно для нашего общества, но оно не способно решить проблему уменьшения преступности.

В-третьих, наши граждане на самом деле мало осведомлены о том, чем на самом деле оборачивается отбывание наказания в виде лишения свободы, особенно в учреждениях, именуемых «фабриками преступности», которые являются, как и современная уголовно-исполнительная система в целом, одними из самых опасных в мире. Будучи необходимым средством защиты общества от преступных посягательств, наказание в виде лишения свободы одновременно приводит к необратимым негативным последствиям для лиц, его отбывающих, а также имеет негативное влияние как на различные микросоциальные группы, так и для общества в целом. Такие последствия характеризуются значительными социальными, материальными и духовными затратами общества, нерациональным использованием трудовых ресурсов, негативным влиянием на демографические процессы, осложнением криминогенной ситуации, а также социальной, психологической, моральной и физической деформацией осужденных, постоянно увеличивает их дистанцию с обществом. В дальнейшем мы становимся свидетелями того, что снижается порог негативного восприятия обществом актов насилия, его члены становятся терпимыми к всякому злу, постепенно и сами превращаются в жестоких, бескомпромиссных, готовых к самым жестким, агрессивным поступкам, принимающих активное участие в пропаганде усиления наказаний, даже за незначительные проступки или неосторожные преступления.

Было бы неправильно делать вывод, что государство и общество откажутся от применения уголовных наказаний. Но анализируя статьи Уголовного кодекса, мы видим, что даже сейчас созданы все условия для применения в разумных пределах лишения свободы и, одновременно, установлен широкий круг альтернативных видов уголовного наказания.

Нельзя обойти вниманием и усиление негативных настроений граждан, а также намерение отдельных лидеров внести на рассмотрение Верховной Рады Украины законопроект о временном возобновлении смертной казни за умышленное убийство, а также высказывания определенного круга ученых относительно усиления уголовной ответственности, наказания и восстановления смертной казни в современных условиях.

«За» и «против», «быть» или «не быть» смертной казни как вида наказания, предусмотренного уголовным законодательством Украины? Мы помним громкие дебаты политиков, ученых, рядовых граждан, аргументированные выступления и исследования этой проблемы. Как результат: смертная казнь официально была отменена и заменена на пожизненное лишение свободы. Однако, отмена смертной казни не изменила общее отношение общества к наказанию: одним из ключевых направлений остается усиление репрессий и поиска «врага» в каждой сфере жизнедеятельности общества. Хотя человечество должно искать для своего дальнейшего самосохранения и самосовершенствования оптимальные положительные отправные, избавиться

от ненависти, вражды, синдрома преследования, идти от пути разрушения к созиданию и развитию, к сожалению, такого не происходит. Мы ежедневно наблюдаем «политические баталии», растут экономические и социальные проблемы, в средствах массовой коммуникации распространяется миф о том, что наше общество, как нигде в мире, разъедает коррупция, поглощает нелегальная миграция и религиозная вражда, олигархи с каждым годом становятся все богаче, поскольку обманывают народ, между тем бедность населения дошло своего пика. Сейчас, по общим прогнозам, более половины населения – это бедняки, доходы которых намного ниже прожиточного минимума, а треть населения находится на грани нищеты. Хуже всего то, что наряду с бедностью и другими проблемами, нам постоянно навязывают мысль о разности взглядов Востока и Запада, а это в свою очередь приводит к недоразумению, раздражению, нетерпимости по поводу «их» привычек, культуры, образа жизни и тому подобное. Постепенно уходит присущее нашему народу толерантное отношение к окружающему миру, которое достойно уважения, могло бы оказывать гражданам поддержку в непростое время перемен.

Всестороннее освещение негатива в стране позволило некоторым структурам и заинтересованным кругам поддержать корпоративные интересы правоохранительно-карательных органов и в завуалированной форме констатировать, что по «просьбе народа», для сохранения демократии в Украине, репрессивная сила может стать положительным двигателем и обеспечить безопасность общества.

Интерпретация политических, экономических и социальных проблем через призму понятия безопасности общества, представляет адекватный способ их решения силовым методом нейтрализации, устранения или наказания. Таким образом, в современном обществе создается возможность увеличения правоохранительных органов и уголовно-исполнительных служб как численно, так и количеством должностей (отделы борьбы с организованной, экономической, транснациональной преступностью, налоговая полиция, различные охранные структуры и т.д.). Конечно, каждой службе необходимо иметь соответствующие положительные показатели своей деятельности, а потому репрессивная машина должна работать как можно интенсивнее. Однако история знает меры для уменьшения преступности не только и не столько путем применения жестких наказаний (лишение свободы на определенный срок, пожизненное лишение свободы). В первую очередь это меры по экономии репрессии, использование альтернативных видов наказаний, декриминализация деяний, которые не требуют обязательной изоляции осужденных.

Мы должны помнить, что чрезмерная наказуемость может привести только к увеличению рецидива, усилению агрессии, жестокости и криминализации общества, а потому вполне очевидно правильность отказа от смертной казни и применения в качестве исключения лишения свободы. Кроме этого, необходимо предусмотреть, что лишение свободы на определенный срок (особенно свыше пяти лет) следует назначать только за наиболее тяжкие преступления: умышленное убийство, бандитизм, разбой, изнасилование малолетнего или другие тяжкие преступления. И хотя сужение круга преступлений, за совершение которых может быть назначено наказание в виде лишения свободы на определенный срок и пожизненное лишение свободы, составляет в глазах общества определенный риск, он будет оправдан. Даже если

рецидив преступлений после применения более мягких мер, чем изоляция от общества, будет таким, как после применения лишения свободы, то и в этом есть свой положительный результат, потому что нет ничего страшного как пенитенциарный рецидив, с учетом тех негативных последствий, которые он несет.

Идеальный результат, к которому стремится государство, указан именно в ст. 50 УК Украины: наказать преступника, исправить его и предотвратить совершение новых преступлений. Однако достижение такого результата – это часто отдаленный результат, а то и иллюзия (например, по отношению к такой цели как исправление осужденных). Ведь когда касается изучения мест лишения свободы, то ни в одной цивилизованной стране нет удовлетворения работой уголовно-исполнительной системы. Общество не должно обманывать себя тем, что лишение свободы исправляет преступника. Поэтому выбор наказания должен стать предметом тщательного обсуждения в судебном заседании, а при назначении наказания в виде лишения свободы на определенный срок или пожизненного лишения свободы, суд должен аргументировать неизбежность его применения, особенно в случаях назначения наказания на срок более пяти лет. Политика государства должна быть направлена на убеждение общества в нецелесообразности и вредности существующих ныне подходов. Следует разъяснять возможность, способность и необходимость исполнять иные, альтернативные виды наказаний, что уменьшит вероятность уголовного взаимного заражения в среде осужденных.

Государство имеет право наказывать, но оно не имеет права ставить своих граждан в такое положение, что провоцирует или даже подталкивает к преступной деятельности не только лиц, имеющих судимость, не ставших на путь исправления, но и бедные слои населения, армия которых с каждым годом увеличивается. Именно поэтому необходимо принять срочные меры к улучшению экономического и социального положения общества, поднятию жизненного уровня населения и возрождения нравственности.

Заключение

Таким образом, следует указать, что необходимо изменение приоритетов от жестокости наказания за преступление, которое уже состоялось, к широкой профилактической деятельности, которая будет включать устранение причин и условий совершения преступления, повышение уровня нравственности и правовой культуры. Выявить и наказать преступника – это только начало дела. Найти причины и условия совершения преступления – это половина дела. Предотвратить совершение преступлений и воспитать высоконравственное общество – это дело, на которое должен быть ориентирован каждый гражданин и которое станет залогом успеха общества и государства.

Следует восстанавливать положительные традиции общества, учиться проявлять терпимость, поднимать правовую культуру и нравственность. Тогда меры государства по сокращению и либерализации уголовно-правового принуждения будут восприняты обществом как должные, а граждане поймут, что лучше тратить средства и силы на предотвращение преступности, чем на борьбу с конкретным лицом, совершившим преступление.

Сказанное не означает, что за совершенное преступление общество не должно наказывать преступника. Принцип неотвратимости наказания является обязательным, и за совершение какого-либо преступления виновный

должен быть наказан. Но уголовному наказанию должны подлежать только лица, опасные для общества, совершившие тяжкие и особо тяжкие преступления. Верим и знаем, что каждый из нас и все вместе мы сможем изменить наше общество для предотвращения распространения уголовных обычаев, традиций и преступности.

Список цитированных источников

1. Клочкова, А. В. Научный отчет о V ежегодной конференции европейской криминологической ассоциации «Европейская интеграция – интеграция в криминологии» (Краков, 2005 г.) // Вестн. Моск. ун-та, Сер. 11: Право. - 2006. - № 1. – С.110-115.

2. Кримінальний кодекс України // Відомості Верховної Ради України. – 2001. – № 25-26. – Ст.131 (зі змінами внесеними Законами України станом на 12.07.2018 р. Електронний ресурс. Режим доступу: http://zakon.rada.gov.ua/laws/show/2341-14. Назва з екрану.

3. Кристи, Н. Удобное количество преступлений /Пер. с англ. Е. Матерновской; общ. ред. и вступ. ст. Я.И. Гилинского. – СПб.: Алетейя, 2006. – 184 с.

4. В Голландии закрывают тюрьмы, потому что в стране не осталось бандитов. Электронный ресурс. Режим доступа: https://lime.energy/v-gollandii-zakryivayut-tyurmyi-potomu-chto-v-strane-ne-ostalos-banditov/. Название с экрана.

5. Мекишева, А., Иманбекова, А. Электронный ресурс. Режим доступа: https://factcheck.kz/glavnoe/manipulyaciya-v-gollandii-zakryvayut-vse-tyurmy-potomu-chto -v-strane-ne-ostalos-banditov/. Название с экрана.

Аннотация. Авторы исследуют проблемы, связанные с ужесточением карательной политики государства. Указывают на сложность политической, экономической ситуации в Украине, социальные и нравственные факторы, способствующие увеличению темпов роста преступности. Анализируя создавшуюся ситуацию, предполагается найти пути противодействия дальнейшей криминализации общества. Проведенное системное исследование института наказания, практики его назначения и реализации, дает подтверждение, что жестокость кары и санкций, увеличение количества мест лишения свободы не приносят позитивных результатов в борьбе с преступностью. Перспективными и наиболее верными, авторами обозначены пути радикальных изменений в карательной политике: изменение приоритетов от жестокости наказания в виде лишения свободы к альтернативным видам; усиление профилактической деятельности; восстановление положительных традиций общества, повышение уровня правовой культуры, укрепление нравственности.

APPLICATION OF PUNISHMENT IN THE FORM OF IMPRISONMENT: A DUBIOUS EXPERIENCE OR AN OUTLOOK FOR FUTURE

Denisov S.F., Denisova T.A.

Key words: punishment, a convict, society, crime prevention, legislation, criminal-executive system.

Abstract. The authors examine the problems connected with the toughening of the punitive policy of the state. They point out the complexity of the political, economic situation in Ukraine, social and moral factors that contribute to an increase in the rate of crime growth. Analyzing the current situation, it is supposed to find the ways to counter further criminalization of society. A conducted systematic study of the institution of punishment, the practice of its appointment and

implementation, confirms that the cruelty of punishment and sanctions, the increase in the number of places of deprivation of liberty, do not bring positive results in the fight against crime. Promising and most faithful, the authors outlined the ways of radical changes in the punitive policy: changing priorities from the cruelty of punishment in the form of deprivation of liberty to alternative species; strengthening preventive activities; restoration of positive traditions of society, raising the level of legal culture, strengthening morality.

УДК 343.977+328.185

НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ЭТОС В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ БОРЬБЫ С КОРРУПЦИЕЙ

Дмитренок Д.И.

Ключевые слова: научно-образовательный этос, детерминация коррупционных рисков, скрытая коррупция, прокоррупционные (коррупционные) ситуации, поддержание стабильности и правопорядка.

Введение

В основе развития личности лежит индивидуальность мышления, являющаяся площадкой для продуцирования ряда проблем персонализированного понимания действительности и формирования отношения к ней. В результате складывается уникальная ситуация: с одной стороны, на личность влияют обычаи и нравы окружающих как повседневные практики поведения, мораль и право как специфически очерченные нормативные системы [1, с. 330], с другой стороны, субъективизм индивида адаптирует такое внешнее воздействие в той или иной степени, отрицая либо соглашаясь с внешней средой. Подобный феномен получил название «этос» (греч. ethos – нрав, обычай, характер) – система норм, ценностей и поведенческих моделей определенной общности людей. В зависимости от характера внешней среды принято выделять различные виды этоса, включая научно-образовательный этос.

Мера свободы небезосновательно помещается в понимании человека в оболочку дозволенного. Однако в силу субъективизма личности в определенный момент происходит замещение меры дозволенного на меру допустимого, что приводит к различным последствиям, включая наступление ответственности за содеянное.

В условиях современного развития государства коррупционным рискам подвержены многие области жизнедеятельности (строительство, здравоохранение, закупки, образование, наука и др.), что ежегодно находит отражение в совершении деликтов коррупционной направленности. Сегодня Перечень коррупционных преступлений включает всего 10 составов, предусмотренные УК Республики Беларусь. Это – верхушка правовой регламентации ответственности. В целом же все законодательно закрепленные деликты коррупционного характера делятся на правонарушения, создающие условия для коррупции, и непосредственно коррупционные правонарушения (соответственно ст. 25 и ст. 37 Закона Республики Беларусь от 15.07.2015 № 305-З «О борьбе с коррупцией»). Но «далеко не все виды деструктивного

поведения по службе, в основе которых лежит личный или групповой интерес, идентифицируются в качестве коррупционных правонарушений» [2, с. 14–15]. Многие из них, законодательно сведенные в упомянутый ранее перечень правонарушений, создающих условия для коррупции, практически не предполагают наступления уголовной либо административной ответственности, оставляя место лишь для использования дисциплинарного императива, который в свою очередь на практике применяется достаточно редко.

Коррупция представляет собой явление либо латентного характера, выраженного в сумме совершенных преступлений, которые с переменным успехом выявляются органами уголовного преследования, либо скрытого характера, выраженного в количестве типичных ситуационных рисков, остающихся вообще вне поля зрения правоохранительных органов. «К сожалению, …борьба с коррупцией ведется пока на уровне пресечения явных форм коррупционного поведения [выделено мной – авт.], однозначно фиксируемых в качестве коррупционных правонарушений…» [2, с. 14]. Так, в соответствии с данными официальной статистической отчетности МВД в 2016 году зарегистрировано 2 524, а в 2017 году – 3 352 преступления коррупционной направленности. Сведения о коррупционных преступлениях по такому самостоятельному виду экономической деятельности юридического лица, которому причинен вред, как деятельность в сфере образования (отчетность по научным учреждениям не ведется), таковы: в 2016 году выявлено 80 коррупционных преступлений; в 2017 году – 130. Коррупционная преступность – это особое состояние различного рода социальных систем (экономической, образовательной, научной, культурной, кадровой и т.д.), способное из года в год порождать большее или меньшее количество деяний коррупционного характера [3, с. 28]. Поэтому анализ качественных, а не только количественных характеристик, представляет собой действенный инструмент измерения коррупции в государстве.

Основная часть

Сегодня в основе скрытой коррупции в сфере науки и образования наблюдаются деструктивно-ориентированные управленческие подходы к местечковой самоорганизации процесса управления вопреки общественной целесообразности, государственной необходимости и общепризнанному приоритету прав человека и гражданина. Избыточность псевдоуправленческой (адаптированной под себя) сверхтребовательной методологии на местах – в научных организациях и учреждениях образования – является следствием властно-потребительской идеологии локальных бюрократических сообществ и порождает побочный эффект в виде научно-образовательного этоса, в котором преобладают взгляды неправовой, прокоррупционной природы. Подобное состояние научно-образовательного этоса проявляется в следующих пограничных и нарушающих закон ситуациях:

создание непререкаемых преимуществ для себя лично и третьих лиц (данные преимущества могут касаться любых направлений деятельности учреждений в научно-образовательной сфере, что приводит к росту необоснованных привилегий одних сотрудников и явно выраженной дискриминации других и часто связано с нарушением, прежде всего, ст. 13 «Запрещение принудительного труда» и ст. 14 «Запрещение дискриминации в сфере трудовых

отношений» Трудового кодекса Республики Беларусь и иных норм трудового законодательства);

непрозрачность и запутанность принимаемых управленческих решений (исключение многих компетентных сотрудников из процесса обсуждения задач, стоящих перед научными и образовательными коллективами, приводит к кулуарному принятию решений, конечная цель которых часто не доводится до сведения лиц, априори заинтересованных в законности и справедливости в соответствии с должностными инструкциями и трудовым законодательством (законодательством о государственной службе) в целом (так, в подп. 1.2 п. 1 ст. 20 Закона Республики Беларусь от 14.06.2003 № 204-З «О государственной службе в Республике Беларусь» закреплено право государственного служащего на «принятие решений или участие в их подготовке в соответствии со служебными обязанностями»). «Если руководитель опирается только на [свой. – авт.] опыт.., то принимаемые им управленческие решения часто бывают ошибочными и могут привести к фатальным последствиям» [4, с. 294]. Существует большая вероятность, что запутанность управленческих решений является специальным средством, отвлекающим внимание сотрудников от происходящих статусных и финансовых махинаций и «околокоррупционных игр»);

перегруженность излишними управленческими требованиями, скрывающими подлинную суть механизма продвижения личных интересов под видом заботы о благе государства или учреждения (огромное количество управленческих требований не соответствует количеству человеко-часов, потенциально необходимых для их выполнения. Сверхтребования, предъявляемые лишь к определенным сотрудникам, пропорциональны несбалансированной компетенции, заложенной в обще- и т.н. «именных» должностных инструкциях: например, соотношение служебных обязанностей и прав принимает выражение в виде 40 к 5 (!), при этом среди немногочисленных прав фигурируют права, направленные на «качественное выполнение трудовых обязанностей». Подобные документы часто содержат формулировку «и иные обязанности», что открывает в научно-образовательных учреждениях путь для злоупотреблений руководящему составу и «привилегированным» особам, катастрофически ухудшает правовое положение остальных сотрудников. А ведь «высшая свобода человека труда – это свобода… от попыток переложить трудности с одних плеч на другие» [5, с. 81]);

получение личных имущественных выгод вне установленных процедур (систематическое игнорирование различных процедурных правил и трудовых (служебных) нормативов нарушает принцип трудового равенства сотрудников. Так, в учреждении, закупившем новую оргтехнику и канцелярские принадлежности, наблюдается искривление паритета материально-технической обеспеченности АРМ сотрудников в сторону отдельных «избранных» лиц, производительность и качество труда которых возрастает, что влияет на рост оплаты их трудовых «подвигов». При этом ставится под сомнение тезис о том, что работники, отстаивающие свое право на равенство в материально-техническом обеспечении, в оплате труда и т.д., «должны быть защищены законом от любых возможных санкций со стороны нанимателя» [6]);

формализация порядка служебных взаимоотношений с нивелированием содержательного компонента в рамках условной схемы «сказано – сделано» без

конструктивного обсуждения на предмет легальности (отдавая распоряжения или подготавливая акты управленческого характера, начальствующий состав научно-образовательных учреждений часто искаженно понимает принципы единоначалия и правомерности и руководствуется не требованиями законодательства, а личными деспотичными взглядами. «…первопричина коррупции кроется в возможности злоупотребления властью народа» [7, с. 13], поэтому к числу проблем, порождающих коррупцию, следует отнести «трудности преодоления наследия тоталитарных систем управления» [7, с. 16]);

замалчивание весомых результатов добросовестных сотрудников в целях получения выгод неимущественного характера, в т.ч. для третьих лиц (в научно-образовательных учреждениях наблюдаются соревнования по любому поводу: количество подготовленных для участия в конференциях учащихся, опубликованных работ, процитированных фамилий, написанных методичек по темам занятий, создание выставок и музейных комнат [8, с. 47, 73] (в т.ч. с привлечением личных средств сотрудников). При этом огласке предается лишь «бурная» деятельность «приближенных» к руководству «избранных» лиц, которым создаются благоприятные условия и оказывается помощь на фоне замалчивания настоящих достижений добросовестных сотрудников);

протекционизм т.н. «элитных» лиц по дифференцированным личным мотивам (осуществляется в целях собственного быстрого карьерного роста, получения «статусных» приоритетов при продвижении личных вопросов, разработки многовекторных внеслужебных связей, решения своих финансовых проблем путем присваивания в будущем преимуществ при переходе на более оплачиваемое место работы либо через сделки внезарплатного характера, т.к. коррупционная деятельность «не всегда ориентирована на повышение… материального благосостояния» [9, с. 224]);

продвижение по должности (при приеме на работу) лиц с заранее установленной «лояльной» мотивацией (подбор сотрудников, которые в силу пониженной эмоционально-волевой и интеллектуальной включенности в процесс работы не в состоянии принимать участие в поддержании законности и правопорядка в ходе осуществления трудовых (служебных) функций. Эти лица являются прокоррупционно выверенным буфером коллектива, «гасящим» разногласия по различным деятельностным вопросам, а также его электоральной частью с «удобно сформированной» позицией, позволяющей предугадать исход принятия любых управленческих решений. Подобная разновидность коррупции, когда публичное должностное лицо для обеспечения личного благополучия формирует преданное окружение, преследуя оппонирующих противников, представляет собой особую проблему, нуждающуюся в проведении соответствующих исследований [9, с. 224], в т.ч. уголовно-правового, криминологического и криминалистического характера);

лоббирование развития внутри- и внеслужебных коммуникативных связей для завуалированного присваивания результатов интеллектуального труда (проведение НПК, семинаров, круглых столов и т.д. с проявлением интереса в отношении ведущихся в иных учреждениях научных и учебных разработок и их последующим заимствованием в обход прав интеллектуальной собственности и установленных легальных правил служебной переписки. Приобретают распространенность т.н. универсальные «фондовые» лекции, которые может читать «любой специалист, пришедший извне», не являющийся

достаточно квалифицированным и, тем не менее, получающий «законное» вознаграждение за свою работу. Тривиально использование в личных целях официально возмездного (безвозмездного) труда подопечных с присваиванием авторства на научно-методические разработки, учебно-методические пособия, полезные образцы, обучающие полигоны и др., а также последующим получением официальных статусных бонусов, зарплатных повышений и карьерным ростом. «…наўмысныя прысваенні аўтарства на чужы твор… навукі, вынаходніцтва ці рацыяналізатарскую прапанову (плагіят)… маюць сваю гісторыю і развіваюцца практычна на навуковай аснове» [10, с. 117]);

покровительство в получении ученых степеней, присвоении ученых и иных званий (возмездная подготовка диссертаций «статусным» соискателям ученых степеней [11], культивирование в СЗД, среди оппонентов, а также отдельных членов соответствующего ЭС ВАК Республики Беларусь политики соглашательства по принципу «выгодности» или «полезности» соискателя (сильно напоминающей сговор) в целях прохождения диссертации в режиме «наименьших потерь», методичное протаскивание на «теплые» места «холодных» доцентов и профессоров и пр. В целях устранения добросовестных конкурентов подобные действия сопряжены с затормаживанием самостоятельных и достойных научных исследований через рычаги персонального психологического давления, нарушения процедурных мероприятий прохождения диссертации, изощренной публичной травли соискателей и их научных руководителей, нивелирования признанной исследовательской эмпирики, успешной апробации полученных результатов. «На памяти нынешнего поколения такие негативные явления, как …нетерпимость к чужим убеждениям и достижениям, авторитаризм и стремление утвердить монопольный контроль над той или иной областью знания» [12, с. 297]. Тем самым нарушаются нормы Указа Президента Республики Беларусь от 17.11.2004 г. № 560 «Об утверждении Положения о присуждении ученых степеней и присвоении ученых званий в Республике Беларусь». В итоге наблюдается рост количества новоявленных формальных кандидатов наук, после защиты практически не занимающихся научной деятельностью, и снижение количества докторов наук, способных создавать новые и поддерживать существующие научные школы [13, с. 70]);

паразитирование на отвержении этических аспектов должностных полномочий под прикрытием жесткой линейной субординации (в соответствии с пунктом 2 статьи 8 Конвенции ООН против коррупции от 31.10.2003 (ратифицирована Законом Республики Беларусь от 25.11.2004 № 344-З) каждое государство-участник должно стремиться «применять в рамках своих институциональных и правовых систем кодексы или стандарты поведения для правильного, добросовестного и надлежащего выполнения публичных функций». Сегодня единый кодифицированный акт этического характера для публичных лиц так и не принят. Исключение – редкие отраслевые акты, например, «Правила профессиональной этики лиц, осуществляющих судебно-экспертную деятельность», «Правила профессиональной этики адвоката», «Правила профессиональной этики лиц, осуществляющих деятельность по оказанию юридических услуг»; при этом в сфере науки и образования подобный отраслевой акт отсутствует. Все это приводит к изгнанию научно-образовательного этоса за рамки должного правового влияния, что чревато

укоренением безнравственного неэтичного поведения в качестве наиболее приемлемой парадигмы служебного общения и привычной основы коррупционно-ориентированной деятельности);

распределение бюджетных (внебюджетных) ресурсов учреждения, в т.ч. премиального фонда, в зависимости от степени приближенности к отдельным представителям организационной верхушки должностной номенклатуры, а не от объема проделанной работы, результатов труда и ценности опыта (в нарушение норм трудового законодательства о справедливом вознаграждении работников в зависимости от квалификации, опыта, проделанной работы и т.д. в учреждениях научной и образовательной сферы наблюдается тенденция к обесцениванию усилий одних сотрудников за счет неправомерного увеличения заработной платы других, а также лиц руководящего состава. Т.е. моделируются условия, провоцирующие возникновение явления трудовой (служебной) зависимости от внерабочих связей, и формируется неформальная кастовая система, создатели которой балансируют между коррупционными уголовными составами и составами статей УК 181 «Торговля людьми» и 181-1 «Использование рабского труда»);

отсутствие обеспечения равного доступа к служебной информации при наличии соответствующего допуска (сокрытие служебной (научной, учебно-методической) информации, необходимой для полноценного осуществления полномочий, от многих сотрудников научно-образовательных учреждений и одновременное предоставление ее узкому кругу не менее заинтересованных лиц, работающих (служащих) там же, в целях получения неоправданных преимуществ и удовлетворения интересов имущественной и неимущественной природы. К сожалению, «идея криминализации предоставления и получения выгоды неимущественного характера за совершение должностным лицом действия или бездействия в интересах лица, предоставляющего эту выгоду, или в интересах представляемых им лиц не была поддержана законодателем ввиду трудностей в определении понятия нематериальной выгоды [выделено мной. – авт.]» [14, с. 78]);

устоявшееся положительное восприятие участниками управленческих отношений неправовых (прокоррупционных) форм служебного поведения (в условиях неоднозначной колеблющейся ситуации на рынке труда и скрыто развитой внеслужебной сети личных связей в решении кадровых вопросов многие добросовестные сотрудники научно-образовательных учреждений занимают весьма пассивную позицию покорного ожидания восстановления законности на рабочих местах, но одновременно более активную позицию сохранения за собой своей должности. Ежегодные социологические исследования, проводимые ИАЦ при Администрации Президента Республики Беларусь и включающие оценку общественного мнения о состоянии коррупции и эффективности борьбы с ней, свидетельствуют о следующем: а – среди сфер, в которых более всего встречаются коррупционные проявления, около 20 % респондентов в 2014 г. и 17 % в 2016 г. отметили сферу образования (науки); б – в смоделированной ситуации, когда респондент условно стал свидетелем вымогательства со стороны должностного лица либо дачи взятки, злоупотребления служебным положением, 38,5 % опрошенных в 2014 г. и 19 % в 2016 г. не смогли ответить, как бы они поступили, при этом большая доля граждан (36 % и 48 %, соответственно, в 2014 г. и 2016 г.) с различной степенью

вероятности не стала бы обращаться в правоохранительные органы; в – 25 % респондентов в 2014 г. (19 % в 2016 г.) высказали опасения по поводу возможного ухудшения своей ситуации, при этом наблюдается увеличение доли респондентов (с 19 % в 2014 г. до 42,5% в 2016 г.), уверенных в недоказуемости коррупционных деяний [15, с. 87–95; 16, с. 101–110; 17, с. 89–98]).

Заключение

Указанные ситуационные риски в сфере науки и образования часто ретушируются при помощи поручений, решений, распоряжений и т.п., являющихся по своей организационно-правовой структуре легальными, но неправовыми по своей сути. Такой изощренный подход в сочетании с интеллектуально-волевыми, идеологическими, возрастными, служебными, статусными и пр. манипуляциями формирует искаженное представление о происходящем и понимается подчиненными как безальтернативный. Подобная прокоррупционная толерантность приводит к замалчиванию существующих проблем, «тихим» кадровым «войнам», поступательной дезорганизации и дезориентации участников образовательных и наукоемких процессов Беларуси, прежде направленных на развитие экономики, поддержание стабильности и правопорядка.

Таким образом, современное состояние научно-образовательного этоса разносторонне характеризует выявленная криминологическая, правовая и нравственная проблематика. Проанализированные ситуации представляют собой комплекс особых криминологических моделей, являющихся квинтэссенцией процессов формирования коррупционной среды в сфере науки и образования. Необходимо осуществить дальнейшее исследование каждой из них, провести на эмпирической основе их конкретизацию и выработать систему действенных мер, препятствующих их возникновению.

Список цитированных источников

1. Философский словарь студента / Под общ. ред. В. Ф. Беркова и Ю. А. Харина. – Минск : ТетраСистемс, 2003. – 352 с.

2. Хомич, В. М. Комментарий к ст. 1 гл. 1 Закона Республики Беларусь от 15 июля 2015 г. № 305-З / В. М. Хомич, К. В. Хомич // Научно-практический комментарий к Закону Республики Беларусь «О борьбе с коррупцией» / НПЦ Генеральной прокуратуры Респ. Беларусь ; под общ. ред. В. М. Хомича. – Минск : Амалфея, 2017. – 608 с.

3. Хомич, В. М. Коррупция как антисоциальное явление: ее правовая идентификация и оценка / В. М. Хомич // Коррупционная преступность: криминологическая характеристика и научно-практический комментарий к законодательству о борьбе с коррупцией / В. В. Асанова [и др.] ; под общ. ред. В. М. Хомича. – Минск : Тесей, 2008. – 504 с.

4. Князев, С. Н. Управление: искусство, наука, практика : учеб. пособие / С. Н. Князев. – Минск : Армита-Маркетинг, Менеджмент, 2002. – 512 с.

5. Мазур, В. Новые рубежи – новые задачи и проблемы / В. Мазур // Коммунист. – 1981. – № 5. – С. 71–82.

6. Курило, Л. В. Соотношение законодательства Республики Беларусь с международными правовыми стандартами в сфере оплаты труда [Электронный ресурс] : [по состоянию на 11.07.2016 г.] / Л. В. Курило // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.

7. Хомич, В. М. Криминология коррупции (истоки формирования и причины коррупционного поведения) / В. М. Хомич // Противодействие коррупции : учеб. пособие / Н. А. Бабий [и др.] ; под общ. ред. А. В. Конюка. – Минск : Акад. упр. при Президенте Респ. Беларусь, 2016. – 498 с.

8. На юридическом факультете БГУ 24 октября 2016 года открылся криминалистический полигон // Законность и правопорядок. Правовой научно-практический журнал. – 2016. – № 4. – С. 47, 73.

9. Хлус, А. М. Тенденции современной криминалистики в условиях глобализации транснациональной коррупции / А. М. Хлус // Криминалистическое обеспечение расследования преступлений: проблемы, перспективы и инновации : материалы Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 45-летию каф. криминалистики юрид. фак. БГУ, Минск, 12-13 окт. 2017 г. / БГУ ; редкол.: В. Б. Шабанов (отв. ред.) [и др.]. – Минск : Изд. центр БГУ, 2017. – С. 223–227.

10. Гучок, А. Я. Способы стварэння ілжывай унікальнасці тэкстаў навуковых работ пры ўтойванні плагіяту / А. Я. Гучок // Система государственной аттестации научных работников высшей квалификации : материалы Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 14-15 сент. 2017 г. / Высшая аттестационная комиссия Респ. Беларусь ; редкол.: Г. В. Пальчик, А. Е. Гучок, О. В. Дубаневич. – Минск : Беларус. навука, 2017. – С. 116–119.

11. Гучок, А. Я. Крыміналістычнае мадэляванне несамастойнай падрыхтоўкі дысертацый / А. Я. Гучок // Право.by. Научно-практический журнал. – 2017. – № 5. – С. 111–117.

12. Берков, В. Ф. Философия и методология науки : учеб. пособие / В. Ф. Берков. – М. : Новое знание, 2004. – 336 с.

13. Артюхин, М. И. Докторский корпус белорусской науки: состояние и тенденции развития / М. И. Артюхин // Система государственной аттестации научных работников высшей квалификации : материалы Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 14-15 сент. 2017 г. / Высшая аттестационная комиссия Респ. Беларусь ; редкол.: Г. В. Пальчик, А. Е. Гучок, О. В. Дубаневич. – Минск : Беларус. навука, 2017. – С. 67–70.

14. Карабельникова, А. С. Международное сотрудничество в сфере противодействия коррупции / А. С. Карабельникова // Противодействие коррупции : учеб. пособие / Н. А. Бабий [и др.] ; под общ. ред. А. В. Конюка. – Минск : Акад. упр. при Президенте Респ. Беларусь, 2016. – 498 с.

15. Республика Беларусь в зеркале социологии : сборник материалов социологических исследований за 2014 год / Информационно-аналитический центр при Администрации Президента Республики Беларусь ; В. М. Литвинович [и др.] ; под общ. ред. А. П. Дербина. – Минск : Белорус. Дом печати, 2015. – 200 с.

16. Республика Беларусь в зеркале социологии : сборник материалов социологических исследований за 2015 год / Информационно-аналитический центр при Администрации Президента Республики Беларусь ; А. В. Папуша [и др.] ; под общ. ред. А. П. Дербина. – Минск : 2016. – 212 с.

17. Республика Беларусь в зеркале социологии : сборник материалов социологических исследований за 2016 год / Информационно-аналитический центр при Администрации Президента Республики Беларусь ; А. В. Папуша [и др.] ; под общ. ред. А. П. Дербина. – Минск : 2017. – 208 с.

Аннотация. Данная статья посвящена исследованию криминологической сущности научно-образовательного этоса в контексте его формирования в современных условиях

борьбы с коррупцией. Автор выделяет наиболее типичные криминогенные ситуации в научно-образовательной сфере, а также выявляет прокоррупционную (коррупционную) природу их криминологической, правовой и нравственной проблематики.

SCIENTIFIC AND EDUCATIONAL ETHOS IN THE MODERN CONDITIONS OF THE FIGHTING CORRUPTION

Dmitrenok D.I.

Keywords: scientific and educational ethos, corruption risks causality, concealed corruption, pro-corruption (corruption) situations, reinforcing stabilization and order.

Abstract. This article is devoted to the research of criminological essence of the ethos in the science and education sphere in the context of its forming in the modern conditions of the fighting corruption. The author reveals the most typically criminogenic situations in the science and education sphere and appoints pro-corruption (corruption) nature of criminological, legal and moral fields problems of them too.

УДК 343

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ КРИМИНАЛИЗАЦИИ НЕПРАВОМЕРНОГО ЗАВЛАДЕНИЯ КОМПЬЮТЕРНОЙ ИНФОРМАЦИЕЙ

Дубко М.А.

Ключевые слова: компьютерное преступление, завладение компьютерной информацией, уголовная ответственность, зарубежный опыт.

Введение

По причине более ранней компьютеризации многие зарубежные государства столкнулись с проблемой борьбы с компьютерными преступлениями намного раньше, чем постсоветские государства. Процесс нахождения адекватных форм и способов правового регулирования информационных отношений, в том числе в сфере противодействия компьютерным преступлениям, идет уже не один десяток лет, например, в США с конца 70-х годов прошлого века, в Великобритании – с конца 80-х [1, с. 4].

Необходимость изучения зарубежного опыта борьбы с неправомерным завладением компьютерной информацией является очевидной, учитывая усиливающийся процесс мировой глобализации, организованный и трансграничный характер компьютерной преступности. Обращение к зарубежной практике установления уголовно-правового запрета общественно опасных деяний в сфере обеспечения информационной безопасности позволяет также через сравнение положений соответствующих законов сделать вывод о достоинствах и недостатках исследуемых норм, возможностях их гармонизации.

Основная часть

Причины криминализации компьютерных преступлений в зарубежных государствах схожи и обусловлены в первую очередь появлением и ростом общественно опасных деяний, связанных с использованием компьютеров, и невозможностью применения по отношению к данным деяниям имеющихся

«традиционных» норм уголовного законодательства. Для примера приведем решение по делу Р. (R.) против Стюарт (Stewart) [2]. Так, в 1978 г. гражданин Канады Стюарт был обвинен за попытку получения у работника службы безопасности отеля списка имен и адресов сотрудников данного отеля в электронном виде, чем причинил имущественный ущерб гостинице. Суд квалифицировал его деяние как кражу и мошенничество, указав, что информация сама по себе не является собственностью, однако право собственности на конфиденциальную информацию может рассматриваться в качестве имущества. Указанное решение было обжаловано в Верховный Суд Канады, который установил, что конфиденциальная информация не является собственностью для целей уголовного права в отношении кражи, а поддерживать обвинение за мошенничество не будет, так как заявитель не был лишен каких-либо денежных средств или экономической выгоды. В 1984 г. ввиду невозможности применения действующих законов к деянию в виде несанкционированного доступа к компьютерной информации оправдательный приговор постановлен в Великобритании [3].

Стоит отметить, что возникшие в то время проблемные вопросы сохраняют актуальность сегодня для Республики Беларусь. Например, правоохранительные органы сталкиваются с фактами противоправного завладения «монетизированной» компьютерной информацией, криптовалютами, не являющимися имуществом в традиционном понимании. Законодательное регулирование информационных правоотношений при этом не позволяет однозначно разрешить ряд практических вопросов. Так, принятый в конце 2017 г. Декрет Президента Республики Беларусь от 21 декабря 2017 г. «О развитии цифровой экономики» направлен на комплексное правовое регулирование деятельности на основе технологий блокчейн и использования цифровых знаков (токенов). Одновременно правовой статус криптовалют для уголовно-правовой сферы (имущество, компьютерная информация или другое) декретом четко не определен, что создает трудности в деятельности органов уголовно преследования при даче уголовно-правовой оценки общественно опасным деяниям, предметом которых выступают криптовалюты. В частности, декретом определено, что для целей бухгалтерского учета токены признаются активами. Одновременно установлено, что токены не подлежат декларированию и не относятся к средствам в значении, определенном законодательством о предотвращении легализации доходов, полученных преступным путем, финансирования террористической деятельности и финансирования распространения оружия массового поражения [4]. В этой связи в республике складывается неоднозначная практика квалификации действий виновных, связанных с противоправным завладением криптовалютами, которые получают уголовно-правовую оценку как по статьям о преступлениях против собственности (ст. 209, 212 УК), так и статьям о преступлениях против информационной безопасности (ч. 2 ст. 349 УК).

Таким образом, требуется адаптация существующего уголовного законодательства к возрастающим потребностям уголовно-правовой охраны правоотношений, связанных с оборотом компьютерной информации и использованием высоких технологий. На европейском континенте в 1973 г. Швеция ввела в свое законодательство ответственность за компьютерные преступления (противоправный доступ в компьютерную систему и введение

в компьютерную информацию ложных сведений, позволяющих совершить хищение денег, ценных бумаг, имущества, услуг либо ценной информации), став первой страной, юридически закрепившей подобные нормы [5]. Одним из первых государств англосаксонской правовой семьи (системы), криминализировавших подобные деяния, являются Соединенные Штаты Америки (Computer Fraud and Abuse Act, 1984 г.). Несколько позже последовало принятие специальных законов и внесение изменений в уголовные кодексы Канады (1985 г.), Германии (1986 г.), Великобритании (1990 г.), Нидерландов (1993 г.), Франции (1994 г.), Австралии (1995 г.) и других стран.

Законодательство, предусматривающее уголовную ответственность за компьютерные преступления, в зарубежных странах имеет свои отличительные особенности. Подходы государств при установлении уголовной ответственности за неправомерное завладение компьютерной информацией также разнятся, о чем ярко свидетельствуют отличия в определении *объекта* таких преступлений. В большинстве стран наименование структурных элементов или специальных законов содержит указание на компьютерный (информационный) характер данных преступлений. Например, в УК Эстонской Республики включена глава 14 «Преступления в сфере компьютерной информации и обработки данных» [6], в УК Республики Польши – «Преступления против охраны информации» [7], в УК Бельгии – «Правонарушения против конфиденциальности, неприкосновенности и доступности информационных систем и данных, которые накапливаются, обрабатываются и передаются этими системами» [8]. В то же время во Франции глава уголовного закона «О посягательствах на системы автоматизированной обработки данных» включена в систему преступлений против собственности [9], в Швейцарском уголовном кодексе норма об ответственности за противоправное приобретение сведений содержится в разделе имущественных преступлений [10], в УК Германии изменение данных (ст. 303a) и компьютерный саботаж (ст. 303b) расположены в разделе 27 «Повреждение имущества», а «Разведывание сведений» (ст. 202a) – в разделе 15 «Нарушение неприкосновенности и тайны частной жизни» [11].

Существенные различия в законодательстве рассмотренных государств имеются относительно *признаков предмета* таких преступлений. Так, в США установлена ответственность за завладение не любыми компьютерными данными, а только теми, которые связаны с государственной безопасностью, международными отношениями, атомной энергетикой либо содержат сведения финансового характера. УК Германии предусматривает уголовную ответственность за незаконное получение компьютерных данных, находящихся под специальной защитой от неправомерного доступа, по УК Австралии запрещено копирование закрытых (защищенных) данных [12], а по УК Швейцарии – особо защищенных данных [10]. Также отмечаем, что в статьях о компьютерных преступлениях в качестве предмета выступает как компьютерная информация, так и компьютерные программы (Великобритания, Эстонская Республика), сообщения (Франция), записи на электромагнитном носителе (Япония), телекоммуникации (Испания), данные (Австралия, Бельгия, Германия, Голландия, Канада, Швейцария) [13, с. 63].

Признаки *деяния* как элемента состава неправомерного завладения компьютерной информацией в зарубежных странах сформулированы по-разному. По УК Республики Польша таким деянием является «неправомерное

получение информации» [7], по УК Швейцарии – «приобретение данных», по УК Бельгии – «изъятие, независимо от способа, данных» [8], по УК Голландии – «копирование и запись данных» [14], по УК Франции – «перехват, хищение сообщений» [9], по УК Литовской Республики – «присвоение компьютерной информации» [15]. Несколько иной подход заложен в Великобритании в Законе о злоупотреблении компьютерами (Computer Misuse Act, 1990 г.), которым установлена уголовная ответственность за незаконную модификацию компьютерных материалов. При этом под модификацией понимается совершение любых действий, направленных на блокирование, копирование, изменение, уничтожение или дополнение информации, хранящейся в компьютере [16]. По УК Австралии преступлением является несанкционированный доступ, однако указанное понятие включает копирование и перемещение данных на любое другое место в компьютере или на устройство хранения данных [17, с. 57]. Необходимо также отметить, что в целом ряде государств завладение компьютерной информацией является преступлением только при условии, если ему предшествовал несанкционированный доступ (Бельгия, Голландия, Республика Польша, Эстонская Республика), а в большинстве из рассмотренных государств неправомерное завладение компьютерной информацией относится к делам частно-публичного обвинения, то есть возбуждаются только по заявлению пострадавшего лица (Австрия, Германия, Швейцария, Республика Польша).

В большинстве из рассмотренных государств состав противоправного завладения компьютерной информацией является формальным (США, Германия, Франция, Нидерланды, Канада). Например, ст. 226-15 УК Франции ответственность установлена «за перехват, хищение … сообщений, отправленных, переданных, полученных с помощью средств телекоммуникации» [9]. По УК Литовской Республики преступным является присвоение охраняемой законами компьютерной информации о юридическом или физическом лице [15]. В то же время требующий обязательного наступления последствий состав преступления предусмотрен, например, ст. 145 УК Эстонской Республики, согласно которой приобретение информации или программного обеспечения, которые хранятся или передаются электронными или другими техническими средствами, будет влечь ответственность при условии причинения ущерба [6].

В ряде государств в состав неправомерного завладения компьютерной информацией включен признак корыстной заинтересованности (Австрия, Швейцария), цель последующего совершения иного преступления (Австралия, Эстонская Республика). Так, по УК Австрии преследуется «использование перехвата данных в корыстных целях» (ст. 119а) [18], а в соответствии с УК Швейцарии подлежит уголовной ответственности лицо, которое «… с целью незаконного обогащения себя или другого лица приобретает данные…» (ст. 143) [10]. В Австралии копирование или перемещение данных на любое другое место в компьютере или на устройство хранения данных повлечет ответственность при условии совершения указанных действий «с умыслом совершить серьезное преступление» [12].

Заключение

В законодательстве большинства рассмотренных государств имеются специальные нормы о компьютерных преступлениях, включая неправомерное завладение компьютерной информацией. Однако даже с учетом принятия

большинством государств Конвенции Совета Европы о киберпреступности 2001 года единые подходы в криминализации компьютерных преступлений отсутствуют, что не способствует гармонизации национальных законодательств в данной части. Поэтому проблемы создания безопасных условий оборота компьютерной информации, в том числе уголовно-правовыми средствами, сохраняют свою актуальность, особенно для постсоветских государств, имеющих относительно небольшой опыт борьбы с компьютерными преступлениями.

С учетом существующей практики производства по материалам и уголовным делам о преступлениях против информационной безопасности и возникающих проблем применения норм гл. 31 УК подходы зарубежных государств к установлению уголовной ответственности за неправомерное завладение компьютерной информацией представляют интерес. В частности, видится обоснованным отнесение уголовных дел о таких преступлениях к делам частно-публичного обвинения, а также рассмотрение несанкционированного доступа и копирования компьютерной информации в рамках одного состава преступления.

Список цитированных источников

1. Зинина, У. В. Преступления в сфере компьютерной информации в российском и зарубежном уголовном праве : автореф. дис. … канд. юрид. наук : 12.00.08 / У. В. Зинина; Рос. академия наук, Ин-т гос. и права. – М., 2007. – 33 с.

2. Hébert, M. Computer crime / M. Hébert, M. Pilon [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://publications.gc.ca/Collection-R/LoPBdP/BP/bp87-e.htm. – Дата доступа: 11.06.2018.

3. Emm, D. Cybercrime and the law: a review of UK computer crime legislation / D. Emm [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://securelist.com/analysis/publications/36253/cybercrime-and-the-law-a-review-of-uk-computer-crime-legislation/. – Дата доступа: 11.06.2018.

4. О развитии цифровой экономики : Декрет Президента Республики Беларусь от 21.12.2017 № 8 // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.

5. Дремлюга, Р. И. Интернет-преступность : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Р. И. Дремлюга ; Юрид. ин-т Дальневост. гос. ун-та. – Владивосток, 2007. – 25 с.

6. Уголовный кодекс Эстонской Республики / Науч. ред. и перевод с эстонского В. В. Запевалова ; вступ. статья Н. И. Мацнева. – СПБ. : Издательство «Юридический центр Пресс», 2001. – 262 с.

7. Уголовный кодекс Республики Польша / Науч. ред. А. И. Лукашов, Н. Ф. Кузнецова; перевод с польского Д. А. Барилович. – СПб. : Издательство «Юридический центр Пресс», 2001. – 234 с.

8. Уголовный кодекс Бельгии / Науч. ред. и предисловие Н. И. Мацнева; перевод с фр. Г. И. Мачковского. – СПБ. : Издательство «Юридический центр Пресс», 2004. – 561 с.

9. Уголовный кодекс Франции / Науч. ред. Л. В. Головко, Н. Е. Крыловой ; перевод с фр. и предисловие Н.Е. Крыловой. – СПБ. : Издательство «Юридический центр Пресс», 2002. – 650 с.

10. Уголовный кодекс Швейцарии / вступ. статья Ю. Н. Волкова ; перевод с немецкого А. В. Серебренниковой. – СПб. : Издательство «Юридический центр Пресс», 2002. – 366 с.

11. Уголовный кодекс Федеративной Республики Германия / Науч. ред. и вступ. статья Д. А. Шестакова ; перевод с немецкого Н. С. Рачковой. – СПБ. : Издательство «Юридический центр Пресс», 2003. – 524 с.

12. Уголовный кодекс Австралии / Науч. ред. и предисловие И. Д. Козочкина, Е. Н. Трикоз; перевод с англ. Е. Н. Трикоз. – СПБ. : Издательство «Юридический центр Пресс», 2002. – 388 с.

13. Ястребов, Д. А. Объект и предмет неправомерного доступа к компьютерной информации / Д. А. Ястребов, С. А. Чернышов // Закон и право. – 2007. – № 8. – С. 62-63.

14. Уголовный кодекс Голландии / Науч. ред. Б. В. Волженкин; пер. с анг. И. В. Мироновой. 2-е изд. – СПБ. : Издательство «Юридический центр Пресс», 2001. – 510 с.

15. Уголовный кодекс Литовской Республики / Науч. ред. и вступ. статья В. Павилониса; перевод с лит. В. П. Казанскене. – СПБ. : Издательство «Юридический центр Пресс», 2003. – 470 с.

16. Кузнецов, А. П. Ответственность за преступления в сфере компьютерной информации по зарубежному законодательству / А. П. Кузнецов // Международное публичное и частное право. – 2007. – № 3. – С. 12-23.

16. Ястребов, Д. А. Институт уголовной ответственности в сфере компьютерной информации (опыт международно-правового сравнительного анализа) / Д. А. Ястребов // Государство и право. – 2005. – № 1. – С. 53-63.

17. Уголовный кодекс Австрии / Науч. ред. и вступ. статья С. В. Милюкова ; перевод с нем. Л. С. Вихровой. – СПБ. : Юрид. центр Пресс, 2004. – 352 с.

Аннотация. В статье проведен краткий сравнительно-правовой анализ уголовного законодательства ряда стран Западной Европы и иных государств в части ответственности за неправомерное завладение компьютерной информацией. Констатируется, что уголовные законы государств содержат специальные нормы об ответственности за неправомерное завладение компьютерной информацией, однако унифицированные подходы к криминализации и описанию указанных деяний в законе отсутствуют. Отмечается, что в ряде государств завладение компьютерной информацией является преступлением только при условии, если ему предшествовал несанкционированный доступ, а в большинстве государств – относится к делам частно-публичного обвинения, то есть к делам, которые возбуждаются только по заявлению пострадавшего лица. Высказано мнение о возможности использования нормотворческого опыта зарубежных государств при уголовно-правовой регламентации ответственности за неправомерное завладение компьютерной информацией.

FOREIGN EXPERIENCE OF CRIMINALIZATION OF COMPUTER INFORMATION MISAPPROPRIATION

Dubko M.

Keywords: computer crime, criminal liability, computer information misappropriation, foreign experience.

Abstract. The article contains a brief comparative legal analysis of the criminal legislation of a number of Western European and other countries regarding responsibility for computer information misappropriation. It is stated that the criminal laws of the states contain special rules on liability for misappropriation of computer information, but there are no unified approaches to criminalization and the description of these acts in the law. It is noted that in a number of states

the seizure of computer information is a crime only if it was preceded by unauthorized access, and in most states it relates to cases of private-public prosecution, that is, to cases that are initiated only at the request of the affected person. The opinion was expressed about the possibility of using the rulemaking experience of foreign states in the criminal law regulation of liability for misappropriation of computer information.

УДК 343.85

СОЦИАЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЮВЕНАЛЬНЫХ МАРГИНАЛОВ

Ескендиров А.А.

Ключевые слова: подросток, несовершеннолетний, ювенальный, маргинал, профилактика, преступление, правонарушение, безнадзорность, беспризорность, бродяжничество.

Введение

Формирование национальной модели ювенальной юстиции в странах постсоветского пространства определило одно из направлений по созданию правовой системы компетентных органов и учреждений в сфере охраны и защиты прав, свобод и законных интересов ребенка.

Несомненно, что данное нововведение стало предметом активных дискуссий, идей и противоречий. Одни считают, что ювенальная юстиция – это суд по делам несовершеннолетних, другие же, что данный институт включает в себя более широкий круг органов и учреждений: комиссии по делам несовершеннолетних, органы опеки и попечительства, органы внутренних дел, службы пробации и т.д.

Основная часть

Современное толкование термина «ювенальная юстиция» позволяет сделать вывод о том, что под ювенальной юстицией следует понимать систему профилактики правонарушений несовершеннолетних, включающую: законодательство о семье и детстве; совокупность органов и учреждений, обеспечивающих охрану и защиту прав, свобод и законных интересов несовершеннолетних; совокупность органов и учреждений, обязанных адекватно и эффективно реагировать на правонарушения несовершеннолетних, а также систему подготовки кадров для работы с несовершеннолетними.

Единство мнений критиков и идейных вдохновителей проекта заключается в том, что термин «ювенальная юстиция» является модным трендом современной юриспруденции и требует объективного подхода с позиций апробации к реалиям национальных систем права.

Большинство ученых-юристов стран СНГ (А.С. Автономов, Л.И. Беляева, Б.А. Жетписбаев, Е.М. Никитина, Г.А. Сулейменова, В.М. Хомич, В.И. Хомлюк, Л.В. Чуприй, Е.Н. Ярмоц и др.) солидарны в том, что ювенальная юстиция, как институт профилактики правонарушений, на постсоветском пространстве сложился еще раньше (в середине XX века).

Мы полагаем, что отечественные разработки требуют дальнейшего исследования в соответствии с международными стандартами в рамках национального проекта развития ювенальной юстиции. Независимо от авторства

идей и проектов, научно-практические нововведения должны быть направлены, в первую очередь, во благо детства и семьи.

Для любого ребенка вступить в конфликт с законом означает столкнуться с ужасным опытом, чреватым серьезной уязвимостью и негативными последствиями. Основными причинами того, что дети совершают действия, которые приводят к конфликту с законом, являются бедность и социальное отчуждение.

Профилактику преступности несовершеннолетних можно условно разделить на четыре этапа [1, с. 17; 2, с. 200; 3, с. 43]:

1) ранняя профилактика (оздоровление обстановки и среды, оказание помощи несовершеннолетним, оказавшимся в неблагоприятных условиях жизни и воспитания еще до того, как отрицательное действие этих условий скажется на поведении таких лиц).

Ранняя профилактика – один из наиболее важных этапов предотвращения преступности несовершеннолетних. На нем происходит выявление и устранение существенных нарушений нормальных условий жизни и воспитания подростков, устранение источников неблагоприятного воздействия на условия жизни и воспитание несовершеннолетних, корректировка неправильного развития личности в начальной стадии, а также нормализация условий среды жизни и воспитания конкретных подростков или их определенных групп.

Профилактическая деятельность по оздоровлению обстановки в семье должна осуществляться в следующей последовательности:

– выявление и постановка на учет «неблагополучных» семей;

– осуществление профилактических мероприятий по нормализации микроклимата в семье;

– принятие административных и уголовно-правовых мер воздействия на родителей, злостно нарушающих обязанности по воспитанию детей.

Выявление «неблагополучных» семей представляет собой трудоемкий процесс сбора и анализа различной по содержанию информации из многочисленных источников:

– обращения, жалобы, заявления граждан, организаций и учреждений о правонарушающем поведении членов той или иной семьи;

– административные материалы в отношении взрослых, имеющих семью и детей (доставление в медицинский вытрезвитель, совершение административного правонарушения и др.);

– материалы медицинских учреждений в отношении лиц, имеющих малолетних и несовершеннолетних детей, о заболевании хроническим алкоголизмом, наркоманией, токсикоманией;

– судебные материалы бракоразводных процессов, социальных служб об одиноких матерях и лицах, воспитывающих малолетних и несовершеннолетних детей, испытывающих сильные материальные затруднения;

– сведения служб занятости о семьях, где родители, имеющие малолетних и несовершеннолетних детей, являются безработными.

Предупреждение неблагоприятного воздействия на подростка со стороны семьи должно носить комплексный характер, соединяя в себе меры убеждения, принуждения и помощи. Исключительное значение имеет предотвращение отрицательного влияния на подростков со стороны родителей. Это, прежде

всего, семьи, в которых родители из-за своего антиобщественного или преступного образа жизни не создают элементарных условий для воспитания детей, допускают жестокое обращение с ними, вовлекают детей в преступную и антиобщественную деятельность, пьянствуют, ведут аморальный образ жизни. Очевидно, что подростки из таких семей нуждаются в мерах социально-правовой охраны, которую и призваны обеспечивать ювенальная полиция во взаимодействии с органами опеки и попечительства, прокуратурой, судами и т.д.

2) непосредственная профилактика (создание условий по исправлению лиц со значительной степенью дезадаптации, совершающих административные правонарушения).

Непосредственная профилактика необходима, если на раннем этапе не было предотвращено формирование у подростка склонности к правонарушениям, и он начал их совершать. На рассматриваемом этапе также осуществляется нормализация условий жизни и воспитания, оздоровление среды. Вместе с тем существенно увеличивается воздействие на самого несовершеннолетнего, включая при необходимости меры правового характера:

– осуществление ювенальной полицией контроля за поведением подростков-правонарушителей;

– применение комиссиями по делам несовершеннолетних и защите их прав в отношении подростков-правонарушителей принудительных мер воспитательного воздействия.

3) профилактика предпреступного поведения (не допустить перехода на преступный путь и создать условия для исправления лиц, систематически совершающих правонарушения, характер и интенсивность которых указывают на вероятность совершения преступления).

Предпреступное поведение означает систематическое совершение правонарушений, характер и интенсивность которых показывают на вероятность совершения преступления, т.е. несовершеннолетний стоит на грани уголовного деяния, и для профилактики, как правило, применяется постановка на учет в ювенальной полиции и контроль комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав.

4) профилактика рецидива (предупредить рецидив подростков, ранее совершавших уголовные деяния, не допустить негативного влияния этих подростков на законопослушных несовершеннолетних).

Меры предупреждения рецидива включают наблюдение и контроль комиссий по делам несовершеннолетних, прокуратуры, ювенальной полиции, службы пробации.

Практика профилактической деятельности ювенальной полиции свидетельствует о формировании нового юридического термина, как «ювенальный маргинал».

В современном обществе, нередко, каждый устраивает свою личную жизнь, игнорируя мнение, интересы и проблемы окружающих. Со временем образуется новая социальная группа людей, которых называют «маргиналами». Понятие «маргинал» впервые появилось во Франции, как имя существительное в 1972 году (*прим. авт.* – ранее существовало только понятие «маргинальный») [4, с. 37].

Маргинал (от франц. слова *«marginal»* – *«побочный»*) – человек, покинувший одну культуру, страну, сословие, класс, группу и не приобщившийся

к ценностям и образу жизни другой [5, с. 56]. По другому определению, маргиналы (от лат. слова *«margo» – край*) – понятие, употребляемое для обозначения индивидов, оказавшихся на границе двух различных культур и отличающихся рядом социально-психологических особенностей: внутренней напряженностью, неуверенностью и др. В нашем же случае, маргиналы – это беспризорные, безнадзорные дети, «трудные» подростки.

Одной из извечных проблем при любом общественном строе и любой культуре является проблема социального аутсайдерства. В зарубежной криминологии социальные аутсайдеры – это люди, которые в силу ряда объективных и субъективных причин не смогли найти достойное место в обществе, не состоялись в жизни и оказались в самых низших слоях общества [6, с. 107].

Бродяжничество является одной из крайних форм аутсайдерства. По Р. Мертону, это разновидность ретритистского поведения, которое выступает результатом двойного конфликта – неудач в стремлении достичь цели законными средствами и неспособности прибегнуть к незаконным способам вследствие внутреннего запрета. Поэтому индивид дистанцируется от конкурентного порядка, что приводит его к «бегству» от требований общества, пораженчеству, успокоенности, смирению [7, с. 179].

В юридической литературе под термином «бродяжничество» понимается «систематическое перемещение лица в течение длительного времени из одной местности в другую либо в пределах одной местности без постоянного места жительства с существованием при этом на нетрудовые доходы» [8, с. 15]. Есть и другое определение, «…скитание лица, не имеющего постоянного места жительства, из одного населенного пункта в другой в пределах одного города или района при условии проживания на нетрудовые доходы и уклонения от общественно полезного труда» [9, с. 54].

Таким образом, можно выделить две основные характеристики бродяжничества:

1) отсутствие определенного места жительства;

2) существование на доходы «сомнительного» происхождения.

Бродяжничество характеризуется как одна из форм отклоняющегося поведения. Общество объективно заинтересовано в том, чтобы каждый человек выполнял общественно значимые и полезные функции, а жизнь на доходы «сомнительного» происхождения есть одна из форм социального паразитизма.

Бродяжничество, как социальное явление, представляет собой специфический образ жизни, складывающийся в ходе десоциализации личности. Для характеристики бродяжничества применяется также термин «маргинальность» (от лат. слова *«marginalis» – «находящийся на краю»*), обозначающий пограничность, промежуточность по отношению к каким-либо социальным общностям. Вместе с тем, данный термин имеет более широкое значение, т.к. под данное определение подходят не только лица без определенного места жительства, но и эмигранты, мигранты, репатрианты и т.п. В целом, такую общность лиц можно отнести к социально дезадаптированной группе населения.

Безусловно, бродяжничество наносит обществу существенный вред:

1) сопряжено с проявлением других видов девиантного поведения (алкоголизм, наркомания, преступность);

2) влечет за собой распространение инфекционных, кожно-венерологических и иных форм опасных заболеваний;

3) расходы за счет средств республиканского бюджета на содержание специальных учреждений (приемники-распределители, социальные приюты, центры адаптации несовершеннолетних), социальную помощь, медицинское обслуживание рассматриваемой категории населения;

4) наносит морально-психологический ущерб личности, а также тем, кто с ним сталкивается.

Фактор бродяжничества наблюдается в среде выпускников детских домов и школ-интернатов, которых в случае личной неустроенности ожидает отсутствие жилья и работы.

Совокупность объективных и субъективных причин формирует внутреннюю мотивацию бродяжничества, по мере десоциализации оно становится привычным образом жизни, менять многие из них уже не могут и не хотят. Специальные исследования показывают, что у некоторой части лиц без определенного места жительства выявлены осознанные или неосознанные мотивы бродяжничества, которые свидетельствуют об их желании избежать социального контроля, сохранить свою субъективно-личностную и социальную дезидентифицированность [10, с. 76]

Логично выделить такую группу беспризорников, как «уличные дети», т.е. дети и подростки, по тем или иным причинам бежавшие из семьи. Ежегодно таких несовершеннолетних ювенальной полицией ставятся на профилактический учет более 2 тыс. человек [11].

Результаты некоторых исследований указывают на следующие причины побегов детей из семьи: 86 % юношей – эмансипационные побеги, около 30 % девушек – демонстративные побеги. У многих подростков были утеряны семейные и родственные связи, а также связи со школой [4, с. 39]. Исследования С.А. Бадмаева, А.Д. Гройсмана, В.Ф. Матвеева и др. показывают, что побеги из дома и бродяжничество преобладают в среде мальчиков 7-13 лет. Начиная с 14-15 лет, уходы и бродяжничество проявляются реже, а затем постепенно прекращаются.

Побеги из дома можно рассматривать, как своеобразную форму выражения протеста или обиды на педагогов и родителей. Иногда подобные действия обусловлены страхом перед возможным наказанием за совершенный проступок либо за плохую оценку. Значительно реже уходы из дома и бродяжничество возникают без очевидных мотивов. В основе их также лежит внезапно изменившееся настроение, отрицательно влияющее на критическую оценку подростком ситуации. Как правило, такие дети не могут объяснить, почему сбегали из дома, почему поехали в тот или иной город. Возникающее несколько позже раскаяние в совершенном поступке подавляет страх наказания со стороны родителей.

Заключение

Итак, социальная характеристика ювенальных маргиналов состоит в следующем:

1) личность подростков-маргиналов значительно отличается от личности их сверстников социально-позитивного поведения и характеризуется более существенной социально-правовой и нравственно-психологической деформацией;

2) на криминализацию ювенальных маргиналов решающее влияние оказывают негативные факторы маргинальной среды. Непосредственное социальное окружение подростков-маргиналов отличается повышенной криминогенной характеристикой. Антиобщественное поведение подростков не всегда связано напрямую с его нахождением в маргинальной среде. Вхождение подростка в маргинальную среду лишь усугубляют дефекты его нравственного развития;

3) основу структуры преступности подростков из маргинальной среды составляют кражи, мошенничество, хулиганство, грабежи и разбои. Удельный вес тяжких и особо тяжких преступлений в ее структуре незначителен, они совершаются в основном внутри маргинальной среды, что объясняется ее замкнутостью и узким кругом возможностей самих маргиналов;

4) преступные проявления асоциального поведения подростков из маргинальной среды имеют неконструктивную, близкую к мошеннической и хулиганской, мотивационную основу, поскольку совершаются из чувств противоречивости с обществом (злоба, досада, месть, потребность удовлетворить первоочередные потребности и т.д.);

5) повышенная степень общественной опасности асоциального поведения подростков-маргиналов состоит в том, что они рекрутируются профессиональными преступниками в качестве «подрастающей смены».

Детская беспризорность и подростковая преступность являются угрожающими факторами в деле формирования современного общества. Именно дети – наиболее возможные жертвы такого страшного явления, как детская преступность. Причины, по которым этот термин стал обыденным, а также масштабность этого явления в современном обществе лежат практически на поверхности.

Список цитированных источников

1. Прозуметов, Л. М. Несовершеннолетние: преступность, особенности уголовной ответственности. - Томск, 2006. – 112 с.

2. Косевич, Н. Р. Профилактика преступности несовершеннолетних в малых и средних городах. - М.: Щит-М, 2003. – 269 с.

3. Сибиряков, С. Л. Предупреждение девиантного поведения подростков. - Волгоград, 1998. – 154 с.

4. Нагаев, В. В. Ювенальная юстиция. Социальные проблемы: учеб. пособие для студентов вузов / В.В. Нагаев. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2011. – 255 с.

5. Кравченко, А. И. Обществознание. – М., 2005. – 119 с.

6. Кларк, Р. Преступность в США. Замечания по поводу ее природы, причин, предупреждения и контроля // под ред. д.ю.н. Б.С. Никифирова. перевод с анг.яз. – М.: Книжная находка. 2002. - 480 с.

7. Платонов, Ю. П. Социальная психология поведения: учебное пособие / Ю. П. Платонов. - СПб.: Питер, 2006. - 464 с.

8. Ювенальная юриспруденция // под общ. ред. Н.И. Морозова. Учебник в 4-х томах. Т. 2. – М.: Прометей, 2016. – 430 с.

9. Иногамов, Ш. Х. Наказание отбыто. Как жить дальше? – М.: Юрид. литература,1990. - 176 с.

10. Антонян, Ю. М., Бородин, С. В. Преступность и психические аномалии. – М.: Наука, 1987. – 208 с.

11. Сведения о состоянии профилактической работы с несовершеннолетними, самовольно оставляющими семью в возрасте до 16 лет (2013-2017 г.г.) // Комитет административной полиции МВД Республики Казахстан. – Астана.

Аннотация. Решение задач по защите прав ребенка невозможно без проведения всесторонних и глубоких исследований закономерностей и тенденций развития подрастающего поколения, без объективного анализа социальных условий и процессов, оказывающих влияние на формирование сознания и поведение детей и подростков, их жизнедеятельность. Исследование национального законодательства и правоохранительной практики определило направления профилактики отклоняющегося поведения малолетних и несовершеннолетних, причины и условия, способствующих совершения административных правонарушений и преступлений. В представленной статье рассмотрены проблемы социального сиротства и семейного воспитания, вопросы повышения деятельности местных органов исполнительной власти и должностных лиц, общественных организаций и социальных служб.

SOCIAL CHARACTERISTICS OF JUVENILE MARGINALS

Yeskendirov A.A.

Keywords: adolescent, juvenile, juvenile, marginal, prevention, crime, delinquency, neglect, homelessness, vagrancy.

Abstract: It is impossible to solve problems on the protection of the rights of the child without comprehensive and in-depth studies of the regularities and tendencies in the development of the younger generation, without an objective analysis of social conditions and processes that affect the formation of the consciousness and behavior of children and adolescents and their life activity. The study of national legislation and law enforcement practice determined the directions of prevention of deviant behavior of minors and juveniles, the causes and conditions conducive to the commission of administrative offenses and crimes. The presented article deals with the problems of social orphan hood and family education, the issues of increasing the activity of local executive bodies and officials, public organizations and social services.

УДК 343.8

ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ РАЗВИТИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В ОБЛАСТИ ПОСТПЕНИТЕНЦИАРНОГО НАДЗОРА

Игликова А.А.

Ключевые слова: предупреждение рецидивной преступности, полицейский надзор, административный надзор.

Введение

Борьба с рецидивной преступностью всегда являлась важной задачей для общества и государства. Одной из таких мер является надзор за лицами, отбывшими наказание в виде лишения свободы. Каждый правовой институт имеет истоки возникновения и определенную зависимость от исторических

этапов формирования и развития общества и государства. Существовавшие в XIX-XX вв. модификации этого института (полицейский, административный надзор) достаточно широко освещены в научной литературе [1, с. 18-19, 2, с. 11-24]. Однако предпосылки его возникновения, этапы становления и развития в более древний период, как и причины возрождения надзора в СССР практически не исследовались. В этой связи представляется актуальным проанализировать генезис развития отечественного законодательства в области постпенитенциарного надзора.

Основная часть

В дохристианский период на территории современной Беларуси преступлением являлось нарушение традиций рода, неписаных правил, запретов. Методами противодействия являлись физическое воздействие, изгнание из племени, смертная казнь [3, с. 38].

Именно тогда возник жестокий, но единственно возможный в тот период метод борьбы с преступностью «око за око, зуб за зуб».

После принятие христианства и образования княжеств-государств основным направлением противодействия преступности на официальном уровне стало принятие собрания узаконений – Русской Правды (1019).

Распространенным видом наказания являлся штраф (вира, головничество, продажа). Смертная казнь в качестве меры наказания не упоминалась, однако допускалась кровная месть: «Если свободный человекъ убьетъ свободнаго, то мстить за убитаго братъ, или отецъ, или сынъ, или племянникъ отъ брата, или отъ сестры» [4].

В Русской Правде, а также более поздних источниках права (Псковская судная грамота, Двинская уставная грамота) нашел свое отражение прообраз понятия «рецидивная преступность».

Согласно ст. 8 Псковской судной грамоты, дважды милуя, вора не лишали жизни; если же его уличали в третий раз, то в живых не оставляли. Возникновение понятия «рецидив» и усиление ответственности за него были обусловлены существовавшим в то время представлением о неисправимости преступника, совершившего третье воровство после наказания за два предыдущих [5, с. 5].

Судебник Казимира 1468 г. предусматривал смертную казнь уже за вторую кражу. Применялась смертная казнь и за кражу, совершенную впервые, если предметом хищения являлся скот (конь, корова), а также имущество в определенном размере («выше полукопья», «выше полуполтины») [6].

Следующий этап формирования и развития криминологических представлений у белорусского общества относится к периоду Великого княжества Литовского (1230-е гг.). В соответствии со Статутом ВКЛ (имел три редакции 1529, 1566 и 1588) смертная казнь применялась за наиболее тяжкие преступления (государственные, квалифицированное убийство, убийство близких родственников, тяжкие телесные повреждения, изнасилование, укрывательство преступника). По Статуту 1529 г. смертная казнь применялась в 20 случаях, по Статуту 1566 г. – почти в 60, а по Статуту 1588 г. – в 100 случаях. К примеру, по Статуту 1588 г. предусматривалась смертная казнь за третью, а в некоторых случаях и вторую кражу, повторное сводничество и т.д. [7, с. 100].

К простым людям широко применялись телесные наказания, которые были двух видов – членовредительские (отрезание языка, руки, уха, носа) и болезненные (битье кнутом). Очевидно, что распространенность членовредительских видов телесных наказаний была обусловлена не только целью покарания преступника, но и носила характер последующей стигматизации (клеймения), то есть выполняла жестокую по своему характеру функцию предупреждения общества от последующих преступных посягательств осужденного.

Шляхтичи, обвиненные в тяжких преступлениях и скрывающиеся от суда, осуждались к изгнанию из страны и объявлению вне закона. Так, согласно ст. 3 раздела 7 Статута 1529 г. «…если бы насильник, убив кого-нибудь, бежал из страны, то с его имения должны быть выплачены головщина, возмещение за нанесенный ущерб и штраф великому князю. Убийца должен быть изгнан из страны.»[8].

Профилактические цели преследовал запрет проживать на территории ВКЛ цыганам, которые, как считалось, обеспечивают свое существование путем краж и обманов. Люди, которые предоставляли свои земли и жилища цыганам подлежали штрафу, а цыгане – изгнанию с территории ВКЛ [3, с. 42].

В результате трех разделов Речи Посполитой (1772, 1793, 1795) белорусские земли были присоединены к России. К этому времени в Российской империи уже сформировалась система полицейских органов, которая в дальнейшем была введена и на территории белорусских земель.

Под влиянием идей классического направления в криминологии в XIX в. в Российской империи, как и во многих других европейских государствах, происходят реформы уголовного законодательства в направлении его гуманизации, обеспечения соразмерности наказания тяжести преступления. Осознание необходимости наличия действенного механизма контроля за поведением лиц, представляющих угрозу для общества (используя терминологию того времени – неблагонадежных), привело к формированию и развитию идеи осуществления надзора как меры по предупреждению рецидивных преступлений.

Первым нормативным правовым актом, провозглашающим принципы осуществления надзора, являлось Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г., утвержденное Указом императора Николая I, и введенное в действие с 1 мая 1846 г.

В Проекте Уложения законодательно закреплялся особый надзор местной полиции, определялась цель его установления – «чтобы некоторые лица состояли под особым надзором полиции, это необходимо, так как люди, учинившие однажды преступление довольно важное, всегда более или менее подозрительны и легко покушаются на совершение новых». Кроме того, осуществление надзора возлагалось на помещиков и общество «коим сии лица до осуждения принадлежали, если они согласятся принять их» [2, с. 12].

Особый надзор полиции рассматривался как дополнительный вид наказания и назначался приговором суда. Срок надзора зависел от того, какой основной вид наказания отбыт осужденным. Согласно ст. 58.1 Уложения 1845 г. под надзор местной полиции отдавались освобожденные: от работ в исправительных арестантских отделениях – на 4 года; от заключения в тюрьме – на 2 года; из крепости или тюрьмы – на 1 год.

В период нахождения под надзором осужденным запрещалось: изменять место жительства и покидать его без разрешения полиции, а также жительство и пребывание в столицах и столичных губерниях, в губернских городах и уездах, некоторых иных местностях.

Отдача под надзор полиции распространялась и на иностранцев, однако по усмотрению Министра внутренних дел такая мера могла быть заменена удалением за границу.

Положением «О полицейском надзоре, учреждаемом по распоряжению административных властей» от 12 марта 1882 г. регламентировался порядок установления полицейского надзора – за лицами, вредными для общественного спокойствия, подвергнутыми административной высылке, или в месте их жительства, на основании ст.1045 Устава уголовного судопроизводства (вследствие прекращения досудебного производства без направления дела в суд).

Методами осуществления гласного полицейского надзора являлось ограничение свободы передвижения, выбора занятий, неприкосновенности частной собственности, тайны переписки и т.д. У поднадзорных лиц изымались документы о званиях, вид на жительство, взамен выдавалось свидетельство на проживание в определенной конкретному лицу местности [9].

Практически одновременно было введено нормативное регулирование негласного полицейского надзора, который определялся как мера предупреждения государственных преступлений посредством наблюдения за лицами сомнительной политической благонадежности, осуществляемая способами, исключающими возможность поднадзорному знать о существовании установленного за ним наблюдения. Этот вид надзора регламентировался Положением «О негласном надзоре», утвержденном Министром внутренних дел 1 марта 1882 г.

В конце XIX и начале XX в. отдача под особый надзор полиции предусматривалась в качестве меры процессуального принуждения для воспрепятствования обвиняемым уклоняться от следствия.

По данным статистики в 1871 году под надзором полиции в России находилось 30 413 лиц, из них по суду – 10 563, по административным распоряжениям – 19 760 [2, с. 21].

Таким образом, в дореволюционной России надзор применялся в трех основных формах: 1) как карательная мера, назначаемая по приговору суда (осуществлялся полицией или обществом); 2) как мера пресечения в ходе судебного следствия (осуществлялся приставами по распоряжению следователя); 3) как административная мера, направленная на предупреждение и пресечение преступлений против существующего строя (осуществлялся полицейскими и жандармскими чиновниками в двух видах – гласном и негласном). При этом именно надзору за политически неблагонадежными лицами придавалось особое значение [10].

Февральская и Октябрьская революции 1917 г. уничтожили все существовавшие государственные институты.

Несмотря на то, что полицейский надзор в первую очередь был создан как мера предупреждения и пресечения преступлений, он считался символом беззакония царского режима, инструментом подавления революционного движения. В то же время забвению этот институт подвергнут не был. Декретом Всероссийского Центрального исполнительного комитета от 10 августа 1922 г.

«Об административной высылке» в целях изоляции лиц, причастных к контрреволюционным выступлениям, предусматривалась их высылка за границу или в определенные местности РСФСР в административном порядке на срок не свыше трех лет. Высланные поступали под надзор местного органа Государственного политического управления [2, с. 242].

С этого периода усилия государственного аппарата в большей степени концентрировались на борьбе с «контрреволюционными преступлениями», противодействие общеуголовной преступности отошло на второй план.

В определенной степени этому способствовало чересчур идеалистическое восприятие известного утверждения В.И.Ленина о нисходящей тенденции преступности: «Мы знаем, что коренная социальная причина эксцессов, состоящих в нарушении правил общежития, есть эксплуатация масс, нужда и нищета их. С устранением этой главной причины эксцессы неизбежно начнут «отмирать» [11, с. 35].

Данный постулат определял направление уголовной политики, борьба с преступностью основывалась на принципе ее постепенного сокращения и искоренения, основным инструментом противодействия являлось ужесточение карательной практики. При этом считалось, что в СССР не было причин для существования рецидивной преступности, признание таковой в качестве массового явления шло в разрез с официальной политикой государства [5, с. 27].

Институты ссылки и высылки использовались с целью осуществления надзора за лицами, представлявшими угрозу для государства, и в последующем. Согласно Указу Президиума Верховного Совета СССР от 21 февраля 1948 г., МВД предписывалось всех отбывающих наказание в особых лагерях и тюрьмах шпионов, диверсантов, террористов, троцкистов, правых, меньшевиков, эсеров, анархистов, националистов, белоэмигрантов и участников других антисоветских организаций, групп и лиц, представляющих опасность по своим связям и враждебной деятельности, – по истечении срока наказания направлять по назначению Министерства государственной безопасности СССР в ссылку на поселение под надзор этих органов [2, с. 24].

Разоблачение грубейших нарушений законности в условиях культа личности Сталина (1956 г.) стимулировало реформу уголовного законодательства. В этот же период началась разработка комплекса мер, направленных на профилактику преступности, в том числе рецидивной.

Практическая необходимость в таких мерах была обусловлена рядом факторов.

Во-первых, в результате актов амнистии, последовавших после смерти И.В.Сталина, было освобождено значительное количество не только репрессированных, но и рецидивистов, профессиональных преступников. В результате с 1953 года в СССР отмечался рост преступности. По некоторым оценкам в 1964 году по сравнению с 1953 годом преступность в СССР увеличилась вдвое [12, с.57].

Во-вторых, в этот период произошла реструктуризация и реорганизация органов внутренних дел. Согласно Указу Президиума Верховного Совета БССР от 19 мая 1954 г. из системы МВД были выведены органы государственной безопасности. Таким образом, органы внутренних дел были освобождены от функции борьбы с политическим инакомыслием, что позволило

сконцентрироваться на выполнении задач по охране общественного правопорядка, борьбе с общеуголовной преступностью.

В-третьих, ужесточение репрессии, как единственный способ противодействия преступности, доказал свою неэффективность. Общество было относительно защищено от преступных посягательств лишь в период нахождения преступников в условиях неволи. Однако действенного механизма контроля за их поведением после освобождения не существовало.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 26 июля 1966 г. утверждено Положение об административном надзоре органов милиции за лицами, освобожденными из мест лишения свободы, в соответствии с которым административный надзор определялся как принудительная мера, его целью являлось предупреждение преступлений со стороны таких лиц и оказание на них необходимого воспитательного воздействия [13].

За период своего существования административный надзор доказал свою эффективность в качестве меры по противодействию рецидивной преступности. И.В.Шмаров, к примеру, отмечал, что «лица, находящиеся под административным надзором, то есть наиболее неустойчивые в своем поведении, совершают в два раза меньше преступлений, чем иные освобожденные. В ряде районов, городов и областей, где организация административного надзора осуществляется успешно, преступность среди поднадзорных в четыре-пять раз меньше, чем среди освобожденных, не находящихся под административным надзором» [14, с. 118-119].

Заключение

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы.

1. В соответствии с нормативными актами XI-XVI вв. главным средством общей и индивидуальной превенции признавалась угроза наказания за преступления, а основными методами борьбы с преступностью и предупреждения преступных посягательств, в том числе повторных, являлись репрессивные меры – усиление ответственности за рецидивные преступления, широкое применение смертной казни, изгнание за пределы государства. Отсутствие в ранних памятниках права норм, регламентирующие осуществление надзора за лицами, отбывшими уголовное наказание объясняется тем, что наиболее опасные преступники подлежали либо физическому уничтожению, либо изгнанию за пределы государства, а также отсутствием в государствах того периода регулярных органов, выполняющих правоохранительные функции.

2. Гуманизация уголовного законодательства на основе криминологических идей классического направления обусловила разработку мер, направленных на предупреждение рецидивной преступности. Впервые порядок осуществления гласного полицейского надзора был детально регламентирован нормативными актами в дореволюционной России XIX в. Однако созданный изначально как мера предупреждения рецидивной преступности, в начале XX в. полицейский надзор все чаще использовался как инструмент подавления революционного движения.

3. В период существования советского государства надзор за лицами, отбывшими наказание в виде лишения свободы, пережил обратную трансформацию – от средства преследования политически инакомыслящих до одной из мер, направленных на предупреждение общеуголовной рецидивной преступности.

4. Постпенитенциарный надзор за осужденными, отбывшими наказание в виде лишения свободы, оставался востребованным на различных этапах исторического развития общества и государства в качестве действенной меры профилактики и противодействия рецидивной преступности. Не утратило своей актуальности наличие такого института и на современном этапе развития общества. Однако значительный уровень рецидива в общей структуре преступности свидетельствует о необходимости дальнейшего совершенствования нормативно-правовой базы в целях повышения эффективности превентивного надзора.

Список цитированных источников

1. Афонченко, Т. П. Превентивный надзор и профилактическое наблюдение в системе мер постпенального контроля / Т.П.Афонченко ; под науч. ред.В.М. Хомича. – Гомель : учреждение образования «Белорусский торгово-экономический университет потребительской кооперации», 2017. – 240 с.

2. Абатуров, А. И. Административный надзор в системе постпенитенциарного сопровождения : монография / А.И. Абатуров – М.: Юрлитинформ, 2017. – 288 с.

3. Криминология и профилактика преступлений: учеб. пособие / Е.А.Авраменко[и др.] ; под .ред. В.А.Кашевского. – М-во внутр.дел Респ. Беларусь, Акад. МВД. – Минск : Акад. МВД, 2011. – 428 с.

4. «Русская правда» в переводе. Суд Ярослава Владимировича (1019-1054 гг., древнерусский правовой сборник) [Электронный ресурс] / Уголовное право Беларуси // Тематический банк данных правовой информации. Выпуск 2. /Минск : Нац. центр правовой информации Респ. Беларусь, 2012. – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).

5. Ананич, В. А. Предупреждение рецидивной преступности : [монография] / В.А.Ананич, С.Ю.Часнок ; М-во внутрен. дел Респ. Беларусь, Акад. МВД. – Минск : Акад. МВД Респ. Беларусь, 2008 – 99 с.

6. Судебник Казимира 1468 г. [Электронный ресурс] / Уголовное право Беларуси // Тематический банк данных правовой информации. Выпуск 2. /Минск : Нац. центр правовой информации Респ. Беларусь, 2012. – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).

7. Аргучинцев, Г. К. История государства и права Беларуси : учебное пособие для студентов специальности «Правоведение» / Г.К. Аргучинцев. – 2-е изд. – Минск : Амалфея, 2015. – 380 с.

8. Статут Вялікага княства Літоўскага 1529 г. [Электронный ресурс] / Уголовное право Беларуси // Тематический банк данных правовой информации. Выпуск 2. /Минск : Нац. центр правовой информации Респ. Беларусь, 2012. – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).

9. Биюшкина, Н. И. Правовой статус поднадзорных лиц в конце XIX века [Электронный ресурс] : // КонсультантПлюс. Россия/ЗАО «Консультант Плюс».- М., 2017.

10. Биюшкина, Н. И. Проблемы правового регулирования административного надзора в РФ [Электронный ресурс] : // КонсультантПлюс. Россия/ЗАО «Консультант Плюс».– М., 2017.

11. Криминология : Учебник / Под ред. проф. Н.Ф.Кузнецовой, проф. В.В.Лунеева. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Волтерс Клувер, 2004. – 640 с.

12. Жмуровский, А. С. История органов внутренних дел : учебное пособие / А.С.Жмуровский, А.И. Мурашко М-во внутрен. дел Респ. Беларусь, Акад. МВД.– Минск, Аккад. МВД Респ. Беларусь, 2017. – 135 с.

13. Об административном надзоре органов внутренних дел за лицами, освобожденными из мест лишения свободы : Указ Президиума Верховного Совета СССР, 26 июл. 1966 г., № 5364-VI // Ведомости Верховного Совета СССР. 1966. № 30. Ст.597.

14. Шмаров, И. В. Предупреждение преступлений среди освобожденных от наказания. (Проблема социальной адаптации) / И. В. Шмаров – М.: Юридическая литература, 1974. – 134 с.

Аннотация. В статье на основании историко-правового анализа нормативно-правовых актов XI-XIX вв. устанавливаются исторические предпосылки возникновения института надзора за лицами, отбывшими наказание в виде лишения свободы, его развития и трансформации.

HISTORICAL AND LEGAL ANALYSIS OF DEVELOPMENT OF NATIVE LEGISLATION IN AREA OF POST-PENITENTIARY SUPERVISION.

Iglikova A.A.

Keywords: the prevention of recurrent criminality, police supervision, administrative supervision.

Abstract. In the article on the basis of the historical and legal analysis of legal acts of the XI-XIX centuries are established historical preconditions for the emergence of the institute of supervision over persons released from prisons, its development and transformation.

УДК 316.33

ТЕНДЕНЦИИ И ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ КРИМИНАЛЬНОЙ СИТУАЦИИ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Русецкий О.В.

Ключевые слова: криминологический анализ, динамика, структура, характеристика, прогноз, противодействие преступности.

Введение

В современной криминологической науке доминирует подход, согласно которому преступность представляет собой сложный социально-деструктивный феномен, происхождение и развитие которого обусловлено комплексом социальных и личностных детерминант (факторов, причин и условий), способных непосредственно или опосредованно влиять на мотивацию противоправного поведения и совершение преступлений. Как и любое изучаемое социальное явление, преступность наделяется исследователями количественными и качественными характеристиками (показателями), динамика которых свидетельствует об изменениях в системе ее детерминации. Комплексный анализ указанных характеристик позволяет выявить проблемные моменты деятельности правоохранительных органов, объяснить происходящие изменения криминальной ситуации, высказать суждения о дальнейшем ее развитии.

Основная часть

Последние годы в Республике Беларусь отмечается положительная динамика состояния преступности. После существенного роста криминальной активности в периоды 1990-2001 гг. и 2002-2006 гг. с 2012 г. отмечается тенденция к выравниванию, а с 2015 г. к снижению статистически зафиксированных преступлений.

Среднегодовое количество преступлений за период 2011-2017 гг. уменьшилось в сравнении с показателем предыдущего десятилетия на 37 %.

В 2017 г. зарегистрировано 86 326 преступлений, что на 7,1 % меньше, чем в 2016 г. Такое значительное снижение, прежде всего, связано с уменьшением числа распространенных преступлений, традиционно влияющих на количественный объем преступности в Республике Беларусь, в том числе: краж (снижение в 2017 г. на 11,9 %), грабежей (-18,3 %), фактов незаконного оборота наркотиков (-16,1 %), управлений транспортным средством в состоянии опьянения (-19,7 %).

Коэффициент (уровень) преступности[1] в нашей стране в 2017 г. по сравнению с предыдущим годом снизился на 7,2 %.

Последние годы для *структуры преступности* в Республике Беларусь характерны преимущественно позитивные динамические изменения. Вместе с тем, они не отличаются равномерностью и пропорциональностью, что свидетельствует о влиянии ряда факторов, в том числе активизации деятельности правоохранительных органов (например, по выявлению фактов коррупции, преступлений, связанных с наркотиками[2], незаконными действиями в отношении оружия и др.).

В 2017 г. по сравнению с предыдущим годом имеет место снижение зарегистрированных преступлений всех категорий. Совокупное количество тяжких и особо тяжких преступлений уменьшилось на 4,4 %. Снижение менее тяжких преступлений в 2017 г. по сравнению с предыдущим годом достигло показателя 8,3 %, а преступных деяний, не представляющих большой общественной опасности – 4,9 %. Ввиду своего большого объема преступления данных категорий в значительной мере определяют особенности динамических изменений преступности. С 2012 г. относительное выравнивание статистических показателей общей преступности происходило исключительно за счет рассматриваемых преступлений (тяжкие и особо тяжкие возрастали). С 2015 г. снижению подверглись количественные показатели всех категорий преступлений, за исключением тяжких уголовно наказуемых деяний, в основном ввиду роста в этот период числа преступлений данной категории, связанных с незаконным оборотом наркотиков.

Оценка структурных изменений преступности также предполагает анализ распространенности, динамики и иных криминологических характеристик различных видов криминальной активности. Данные о лицах, совершивших преступления, служат индикатором надлежащей реализации мер

[1] Число зарегистрированных преступлений на 100 тыс. населения.

[2] Здесь и далее если, не указано иное, под наркотиками понимаются вещества природного или синтетического происхождения, определяемые в законодательстве Республики Беларусь как «наркотические средства, психотропные вещества и их аналоги».

предупредительной деятельности, осуществляемых в отношении социальных групп повышенного риска противоправного поведения.

Групповая преступность в долевом выражении в Республике Беларусь достаточно стабильна. Удельный вес преступлений, совершенных группой лиц (в среднем 9%), на протяжении последних пяти лет менялся незначительно. В количественном выражении в 2017 г. по сравнению с предыдущим годом групповая преступность снизилась на 15,4%. Группой лиц чаще всего совершаются корыстно-насильственные преступления (разбои, вымогательства).

После двухлетнего (2015-2016 гг.) периода роста преступлений, совершенных *организованной группой,* в 2017 г. отмечается их снижение на 23,5 %. Наибольший удельный вес (64 %) в общем объеме преступлений, совершенных организованной группой в 2017 г., составили уголовно наказуемые деяния, связанные с незаконным оборотом наркотиков (ч. 4 ст. 328 УК). В количественном выражении по сравнению с предыдущим годом число таких преступлений увеличилось на 38 %. Следует также отметить рост совершенных организованной группой преступлений, связанных с информационными технологиями (ст.ст. 349, 353 УК).

С 2013 г. в Республике Беларусь отмечается тенденция снижения *публично совершаемых преступлений*. В 2017 г. в общественных местах было совершено 22,7 % от всех зарегистрированных преступлений.

На фоне снижения доли сельского населения, процессов урбанизации, старения населения удельный вес *преступности в сельской местности* остается стабильно высоким. Данный показатель в 2017 г. увеличился и составил 29,7 %[1] от общего числа зарегистрированных преступлений в стране. Наиболее значительно он представлен в следующих преступлениях: истязание (44,7 % от общего числа зарегистрированных данного вида), кража (38,3 %), угроза убийством (38,1 %), изнасилование (37 %), убийство (35,6 %).

Уровень преступности в сельской местности в расчете на 10 тыс. населения в 2017 г. также увеличился и составил 118,1 (105 в 2016 г.) Для городского населения данный показатель составил 82 (90 в 2016 г.).

Удельный вес преступлений, совершенных *несовершеннолетними* в 2017 г., продолжил начатое в 2016 г. снижение и составил 3,3 %. В основном несовершеннолетними совершаются вымогательства, угоны и хулиганства. Число осужденных за преступления несовершеннолетних (после существенного роста в 2015-2016 гг.) в 2017 г. снизилось на 10,7 %.

В 2017 г. доля *преступлений, совершенных женщинами*, продолжила увеличение и составила 17,2 %. Наиболее высокие показатели криминальной активности женщин традиционно характерны для отдельных видов уголовно наказуемых деяний против порядка осуществления экономической деятельности, собственности и интересов службы.

После длительного периода снижения (2011-2016 гг.) удельный вес преступников, находившихся *в состоянии алкогольного опьянения*, в 2017 г. увеличился и составил 26,8 %. Вместе с тем, абсолютное значение случаев выявления указанных лиц снизилось на 2,9%. Чаще всего лицами в нетрезвом

[1] Расчет показателя осуществлялся путем исключения из общего объема зарегистрированных преступлений, деяний совершенных в городах и поселках городского типа.

состоянии совершаются убийства, истязания, тяжкие телесные повреждения, хулиганства, изнасилования, грабежи, угоны.

На протяжении 2013-2016 гг. наблюдалось снижение доли совершивших преступление *ранее судимых лиц*. В 2017 г., несмотря на снижение количества привлеченных к уголовной ответственности лиц, имевших непогашенную либо неснятую судимость, их удельный вес в общем объеме выявленных преступников возрос и составил 36,3 %. По отдельным преступлениям (разбой, грабеж, уклонение родителей от содержания детей) данный показатель существенно превышает общий.

В 2017 г. продолжилось снижение общего количества лиц, осужденных за совершение преступления в период отбывания наказания и иных мер уголовной ответственности. Сократилось число осужденных за преступления лиц, ранее условно-досрочно освобожденных либо освобожденных по амнистии и другим основаниям. На 6,5 % снизилось число лиц, осужденных за преступления, совершенные в первый год после отбытия наказания.

Вместе с тем, тенденция снижения доли осужденных, уклоняющихся от отбывания наказания в виде ограничения свободы, наблюдавшаяся до 2015 г., в 2016-2017 гг. изменилась. В 2017 г., по сравнению с предыдущим годом, количество осужденных лиц по ст. 415 УК увеличились на 11,3 %. Случаи осуждения за преступления, совершенные во время испытательного срока при условном неприменении наказания, возросли на 18,5 %.

В период 2011-2016 гг. в структуре совершивших преступления лиц возрастал удельный вес *не работающих и не учащихся*. В 2017 г. он снизился и составил 60,6 % от общего числа лиц, совершивших преступления. По отдельным преступлениям (разбои, грабежи) данный показатель, как правило, превышает 75 %.

Сведения о *жертвах криминальной деятельности* позволяют выделить группы риска виктимизации, требующие внимания со стороны субъектов профилактики. По сравнению с предыдущим годом отмечается незначительное увеличение удельного веса незанятых потерпевших, а также рост данного показателя для жертв преступлений, находившихся в состоянии алкогольного опьянения. Среди лиц, погибших в результате преступлений в 2017 году, почти половина не работали и не учились, 16,5 % находились в состоянии алкогольного опьянения.

Надлежащий мониторинг преступности предполагает оценку показателей *значимых по объему и общественной опасности преступлений*. С учетом критериев стабильности, длительности и существенности сокращения количественного объема *положительная динамика* отмечается в отношении краж, умышленных причинений тяжких телесных повреждений, разбойных нападений, грабежей.

Менее существенные (по указанным критериям) положительные изменения произошли в динамике убийств и связанных с наркотиками преступлений. Так, после отмечаемой в последние годы определенной стабилизации числа совершаемых в Беларуси убийств, в 2017 г. наблюдается снижение на 20,4 % этих наиболее опасных насильственных преступлений. Среднегодовое количество зарегистрированных убийств в период с 2001 г. по 2017 г. сократилось в 2,2 раза. Значение данного показателя приблизилось к значению

периода 1971-1980 гг., когда в среднем совершалось 389 данных уголовно наказуемых деяний в год.

С 2015 г. после периода существенного роста снижаются связанные с наркотиками преступления (ст.ст. 327-332 УК). Их структура меняется. Большая часть преступлений (51,4 %), зарегистрированных по статье 328 УК в 2017 г., связана со сбытом наркотиков. В 2016 г. данный показатель составлял 46,3 %.

Неблагоприятная динамика отмечается в отношении уголовно наказуемых деяний против половой неприкосновенности или половой свободы, коррупционных преступлений, хулиганств, мошенничеств, вымогательств, хищений путем использования компьютерной техники, преступлений против информационной безопасности.

Так, после длительного периода сокращения зарегистрированных изнасилований, с 2013 г. отмечалась стабилизация динамики данных преступлений. В 2017 г. по сравнению с предыдущим годом наблюдается существенный рост (34,3 %). При этом состав лиц, совершающих данные преступления, по сравнению с предыдущим годом изменился незначительно. Среди потерпевших от данного вида уголовно наказуемых деяний 43 % составили несовершеннолетние (в 2016 г. – 30 %). Вместе с тем количество лиц, осужденных за данные преступления, по сравнению с предыдущим годом снизилось на 9,1 %.

После некоторого снижения в 2016 г. отмечается существенное увеличение (на 69,7 %) насильственных действий сексуального характера (ст. 167 УК). Потерпевшими от этих преступлений являются преимущественно несовершеннолетние (81,5 %), в том числе дети до 14 лет (73,5 %). В 2017 г. также увеличилось число преступлений, предусмотренных ст. 168 УК. Количество лиц, осужденных за указанные преступления в 2017 г., по сравнению с предыдущим годом увеличилось незначительно.

В 2017 г. по сравнению с 2016 годом совокупный количественный объем коррупционных преступлений увеличился на 32,8 %. Наиболее значительное увеличение отмечается в отношении уголовно наказуемых деяний, предусмотренных ст. 430 УК «Получение взятки» (по сравнению с предыдущим годом рост составил 61,2 %). В структуре коррупционной преступности по-прежнему наибольший удельный вес (57,3 % в 2017 г.) составляют факты взяточничества (ст.ст. 430-432 УК). Для данных преступлений в последние пять лет характерна наиболее негативная динамика.

По сравнению с предыдущим годом число выявленных в 2017 г. преступлений коррупционной направленности значительно возросло в сфере культуры и спорта, на транспорте, в образовании, в сельском хозяйстве, в промышленности, менее существенно сфере государственного управления.

На протяжении последних пяти лет увеличивается количество зарегистрированных хулиганств (в сравнении с 2013 г. в 2017 г. рост составил 92,6 %). Последние три года увеличение показателя происходит плавными темпами. При этом для данных преступлений характерна высокая доля принятых процессуальных решений об отказе в возбуждении уголовного дела при рассмотрении заявлений и сообщений граждан (72,8 % в 2017 г.). По сравнению с 2016 г. отмечается увеличение удельного веса хулиганств, совершенных

в состоянии алкогольного опьянения. Почти 11 % хулиганств в 2017 г. совершены несовершеннолетними.

В последние четыре года количество зарегистрированных мошенничеств остается достаточно стабильным и высоким. В 2017 г. имеет место незначительный (1,6 %) количественный прирост рассматриваемых преступлений. Для данных преступлений также характерна высокая доля принятых процессуальных решений об отказе в возбуждении уголовного дела (65,6 % в 2017 г.).

В 2017 г. (после снижения в 2016 г.) число зарегистрированных вымогательств возросло на 26,4 %. Тем самым была возобновлена тенденция их значительного роста, отмечавшаяся в период 2012-2014 гг.

После снижения в 2016 г. число хищений путем использования компьютерной техники (ст. 212 УК) в 2017 г. возросло почти в два раза.

Продолжилось увеличение числа преступлений против информационной безопасности. В 2016 г. прирост преступных деяний данного вида составил 37,9 %, в 2017 г. – 20 %. По сравнению с 2011 годом совокупное число рассматриваемых преступлений увеличилось в 8 раз. В 2017 г. увеличение объема преступности данного вида в основном произошло в результате существенного роста выявленных случаев несанкционированного доступа к компьютерной информации (ст. 349 УК), модификации компьютерной информации (ст. 350 УК), неправомерного завладения компьютерной информацией (ст. 352 УК).

Для преступности в нашей стране свойственна диспропорциональность регионального распределения криминальной активности населения и ее основных качественных характеристик. Снижение уровня преступности в 2017 г. отмечается во всех регионах Республики Беларусь. Как и в предыдущем году, наибольшее значение данного показателя имело место в Минской области, наименьшее – в Брестской.

Наибольший удельный вес преступлений, совершенных группой лиц в 2017 г., наблюдался в Могилевской области, наименьший – в Гомельской области. Региональное распределение показателей удельного веса рецидивной преступности в 2017 г. не претерпело изменений. Как и в предыдущие годы, наибольший удельный вес отмечается в Минской области, наименьший – в г. Минске.

В 2017 г. наибольший удельный вес преступлений, совершенных в состоянии алкогольного опьянения и преступности несовершеннолетних в общем объеме зарегистрированных преступлений, наблюдался (как и в предшествующие 2 года) в Брестской области, наименьший – в Витебской.

Особенности криминальной ситуации проявляются в сравнении со странами близкими по историческим, социальным и культурным условиям развития. При сопоставлении с данными государств-участников СНГ криминологические показатели в Республике Беларусь занимают, как правило, средние позиции. Так, коэффициент преступности достаточно стабильно занимает среднее положение при соотнесении с показателем указанных стран, в подавляющем большинстве из которых по итогам 2017 г. также отмечается существенное снижение преступности. Рост отмечается только в Армении (8,1 %) и Таджикистане (0,8 %).

В отношении наиболее опасных и наиболее распространенных преступлений отмечается сходное распределение. Например, коэффициент убийств (в расчете на 100 тыс. чел.) в Беларуси в 2017 г. уменьшился и составил 3,7. Значение данного показателя ниже чем в Российской Федерации (6,6), Казахстане (5,3), Молдове (4,3) и Кыргызстане (4,1), но превышает показатели других государств Содружества. Удельный вес краж в структуре преступности в Республике Беларусь в 2017 г. составил 37,9 % (в 2012 г. данный показатель составлял 55,2 %). В сравнении со странами СНГ данный показатель примерно соответствует показателям России, Молдавии, Киргизии.

Вместе с тем в сравнении с государствами-участниками СНГ в Республике Беларусь отмечаются высокие показатели удельного веса преступлений, совершенных в состоянии алкогольного опьянения, рецидивной и женской преступности, преступлений, совершенных в общественных местах. Коэффициент преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, в Республике Беларусь, снизившись по итогам 2017 г. (57,7 преступных деяний на 100 тыс. населения), по-прежнему является одним из самых высоких среди показателей государств-участников СНГ. Более высокий имеет место только в Российской Федерации (142,2).

Объясняя происходящие изменения и особенности развития криминальной ситуации, следует учитывать ряд аспектов, определяемых криминологами в качестве оснований трансформации показателей преступности, непосредственно не связанных с системой детерминирующих ее факторов, причин и условий. Так цикличность количественных показателей, в значительной мере обусловленная «исчепаемостью» криминальных ресурсов на определенных этапах развития общества, влечет волнообразную динамику указанных показателей. Активизация работы по выявлению и пресечению преступлений, а также повышение (в силу различных обстоятельств) латентности отдельных видов криминальной активности также существенным образом отражаются на статистических данных. Важное значение приобретает интенсивное развитие информационных технологий, обуславливающее с одной стороны процесс снижения участия в реальной жизни значительной части населения (прежде всего несовершеннолетних и молодежи), с другой – трансформацию (информатизацию, кибернетизацию) средств и способов совершения преступлений.

Прогнозируя развитие криминальной ситуации, следует учитывать тенденции в системе детерминант преступности, особенности изменения ее структуры, состава лиц, совершающих преступления. В современных условиях предполагается дальнейший рост преступлений корыстно-экономической и служебно-экономической направленности, увеличение числа преступлений в информационной сфере, в том числе обусловленных корыстной мотивацией субъектов. Повышенного внимания требует профилактика коррупционных проявлений, преступности в сельской местности, работа с лицами, отбывающими не связанные с лишением свободы наказания, виктимологическая превентивная деятельность, особенно в среде несовершеннолетних.

Заключение

Таким образом, результаты системного криминологического исследования преступности в Республике Беларусь показывают, что современное состояние и особенности развития криминальной ситуации по-прежнему требуют

формирования и осуществления дальнейших эффективных мер по нейтрализации причин и условий преступлений, пресечению криминальной деятельности, наказанию и социальной реабилитации правонарушителей. Данные меры должны реализовываться в контексте комплексной, согласованной и последовательной политики Республики Беларусь, основанной на планировании и координации деятельности государственных органов и иных организаций в сфере противодействия преступности.

Аннотация. В статье кратко изложены результаты системного криминологического исследования преступности в Республике Беларусь, ежегодно проводимого отделом криминологических исследований НПЦ Генеральной прокуратуры Республики Беларусь. Представлены аналитические сведения о состоянии, структуре, динамике и иных характеристиках преступности, в том числе в сопоставлении с отдельными криминологическими показателями в государствах-участниках СНГ. Отмечены особенности развития криминальной ситуации, дана оценка тенденциям, сделан прогноз, высказаны предложения по совершенствованию антикриминальной деятельности.

Abstract. The article contains the short results of system criminological researches, annually spent by department criminological researches of Scientific and Practical Centre of the Prosecutor General's Office of the Republic of Belarus. Analytical data on a condition, structure, dynamics and other characteristics of criminality in the Republic of Belarus, including in comparison with separate indicators in the states-participants CIS are presented. Features of development of a criminal situation are noted, the estimation is given tendencies, the forecast is made, offers on perfection of law-enforcement activity are stated.

УДК 343.9

МИГРАЦИОННАЯ ПРЕСТУПНОСТЬ В СИСТЕМЕ СОВРЕМЕННОЙ ПРЕСТУПНОСТИ И ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ БОРЬБЫ С НЕЙ

Слотвинская Н.Д.

Ключевые слова: миграция, преступность, миграционная преступность, противодействие преступности.

Введение

В условиях глобализации миграционное движение как сложный, перманентный процесс влечет разного рода как положительное, так и отрицательное влияние на развитие государства, в рамках которого происходит миграция (при внутренней миграции), а также государств, из которых происходят и в которые принимаются мигранты (при внешней миграции).

Положительное влияние может проявляться путем уменьшения уровня безработицы в стране, повышения уровня жизни членов семей трудовых мигрантов, вернувшихся домой, снижения социальной напряженности в условиях экономического кризиса и нагрузки на социальные фонды, повышения квалификации мигрантов, которые вернулись домой,

распространения в обществе ценностей жизни в условиях культуры демократического общества и др. [1, с. 98].

Негативное влияние может проявляться в виде нерентабельности и потери от вложений в образование и подготовку специалистов, потери высококвалифицированных наиболее экономически активных работников и семейных ценностей в обществе, уменьшения рождаемости, старения нации, роста демографической нагрузки на работающих на внутреннем рынке, уменьшения налоговых поступлений и отчислений в социальные фонды, роста цен на товары и услуги на внутреннем рынке при существующей низкой покупательной способности основной массы населения [1, с. 98], увеличения количества совершаемых правонарушений.

Вышеприведенные возможные последствия миграции и миграционного процесса вызывают повышенный интерес исследователей, в частности, это касается правонарушений, связанных с незаконной миграцией, конфликтами на расовой, национальной или религиозной почве, транснациональной преступностью, криминальной миграцией, торговлей людьми. Указанные вопросы анализируют в своих научных исследованиях А. Джужа, Х. Дядюн, М. Магеррамов, А. Мозоль, Т. Огнев и др.

Стоит отметить, что наряду с указанными негативными последствиями миграции, которые касаются совершаемых правонарушений, учитывая степень общественной опасности, отдельного внимания требует вопрос миграционной преступности. Отдельные аспекты проблематики уже были предметом исследования В. Собольникова и А. Шкилева, однако, комплексного исследования сущностного содержания миграционной преступности в системе современной преступности не проводилось, единой концепции понимания понятия миграционной преступности не выделено. В связи с этим считаем, что этот вопрос требует детализации и переосмысления, а данная проблематика является актуальным направлением исследования.

Цель статьи – осуществить общетеоретический анализ понятия «миграционная преступность» в системе современной преступности и выделить правовые аспекты борьбы с ней.

Основная часть

Как уже отмечалось, одним из немногих исследователей, кто анализирует в своих научных трудах вопросы миграционной преступности, является В. Собольников. В криминологическом смысле этот автор определяет миграционную преступность как целостное криминальное явление, представляющее собой совокупность противоправных, общественно опасных, корыстных и причиняющих существенный вред посягательств в различных сферах жизнедеятельности личности, общества и государства со стороны лиц, основным занятием которых является перемещение через границу тех или иных территорий со сменой навсегда или на время постоянного места жительства либо с регулярным возвращением к нему [2, с. 63–64].

Считаем, что в этом контексте спорным является выделение такого обязательного условия миграционной преступности, как основное занятие лиц, совершающих противоправные, общественно опасные, корыстные и такие, которые наносят существенный вред, посягательства, ведь перемещения через границу тех или иных территорий с изменением навсегда или на время

постоянного места жительства или с регулярным возвращением к нему не обязательно должно признаваться основным занятием таких лиц.

В следующем своем исследовании автор выделил такие признаки миграционной преступности:

– миграционная преступность является угрозой криминологической безопасности личности, общества и государства;

– субъектом преступлений могут выступать мигранты и их корпоративные объединения, у которых место совершения преступления не совпадает с постоянным местом жительства;

– криминальная деятельность мигрантов должна преследовать цель, сформировавшегося на основе, с одной стороны, особого этносоциального интереса, ценностей и ценностных ориентаций, стремления обеспечить захват материальных и других благ и т.д., а с другой – подготовить необходимые условия, при которых в процессе перемещения будет обеспечена сохранность сложившихся факторов, позволяющих им функционировать в различных криминальных сферах деятельности, по причине наличия у субъектов корыстно-экономической, собственнической мотивации;

– виртуальная сущность миграционной преступности носит имманентный характер, тем самым способствуя ее высоколатентности [3, с. 131–132].

Учитывая указанные признаки, автор сформулировал определение миграционной преступности в «исходном понятии» как вид общественно опасного противоправного поведения мигрантов и их корпоративных объединений в сфере экономики, имеющего в своей основе корыстно-экономическую, собственническую мотивацию и нарушающего криминологическую безопасность страны [3, с. 131–132].

Подобное определение предложил российский автор А. Шкилев, который в своем диссертационном исследовании отмечает, что миграционная преступность – это социальное исторически изменчивое, общественно опасное, относительно массовое явление, представляющее собой систему преступлений, совершенных на данной территории за определенный период мигрантами, объединенными на территории России общностью криминальной сферы и интересов [4].

Несомненным является тот факт, что данные дефиниции касаются только внутренней миграционной преступности и ее понимание нельзя спроецировать на внешнюю миграционную преступность.

Считаем, что выяснение содержания и сущности понятия миграционной преступности возможно только на основании комплексного и всестороннего анализа существующих ныне подходов к пониманию таких правовых категорий, как миграция и преступность.

Миграция – это сложное многоаспектное явление, представляющее большой интерес для ученых, которые до сих пор не пришли к однозначному пониманию его сущности и содержания.

Так, О. Палагнюк понимает миграцию как добровольное или принудительное пространственное движение лиц или групп лиц как в административных границах собственного государства (при осуществлении внутренней миграции), так и при пересечении государственных границ стран (внешняя или международная миграция) при наличии или при отсутствии законных оснований на осуществление перемещения на определенный период времени или навсегда,

что может стать причиной изменения постоянного места жительства. Конечной целью и результатом переселения являются эмиграция или иммиграция [5].

Л. Рыбаковский считает, что в узком смысле миграция представляет собой законченный вид территориального перемещения, завершающийся сменой постоянного места жительства, то есть в буквальном смысле слова означает переселение, а территориальное перемещение, совершающееся между разными населенными пунктами одной или нескольких административно-территориальных единиц, независимо от продолжительности, регулярности и целевой направленности, представляет собой миграцию в широком смысле этого слова [6].

Обобщая подходы исследователей, стоит заметить, что ученые при характеристике миграции и миграционных процессов преимущественно акцентируют внимание на территориальном перемещении субъекта миграции и его цели. В этом контексте считаем целесообразным выделить еще одну особенность явления, а именно изменение правового статуса лица, осуществляющего миграцию, или изменение нормативно-правового акта, которым этот правовой статус определяется.

Анализируя научные исследования, касающиеся понятия преступности, можно выделить следующие направления понимания феномена:

– это криминальная практика людей, которая проявляется как явление в виде множественности преступлений и лиц, их совершивших, в определенном пространственно-временном промежутке, и подлежащее количественно-качественном измерению [7];

– неотъемлемая, определяемая внутренней и внешней детерминацией эволюционно переменная склонность людей и их сообществ к деструктивности в форме преступлений, а также реальные проявления последней, поддающиеся количественной и качественной интерпретации [8];

– это относительно массовое, исторически изменчивое социальное явление, которое имеет определенную территориальную и временную распространенность, представляет собой целостную, основанную на статистических закономерностях систему единичных общественно опасных деяний, запрещенных уголовным законом [9].

Учитывая плюрализм взглядов на квинтэссенцию таких явлений, как миграция и преступность, и тот факт, что любой анализ сущности и содержания абстрактного понятия находится в плоскости юридической науки, предопределяет необходимость выделения соответствующих подходов к его характеристике, считаем необходимым различать широкое и узкое понимание миграционной преступности.

При характеристике миграционной преступности в широком смысле можно выделить такой определяющий критерий миграционного процесса, как его субъект, то есть мигрант.

Учитывая авторскую позицию, что мигрантом является лицо, осуществляющее внешнюю или внутреннюю миграцию, в результате перемещения меняется его правовой статус (лицо приобретает новые субъективные юридические права и обязанности) или меняется нормативно-правовой акт, которым этот правовой статус регулируется, можно определить следующее понятие миграционной преступности.

Миграционная преступность в широком смысле – это относительно массовое, исторически изменчивое, перманентное, социальное и уголовно-правовое явление, представляющее собой целостную совокупность всех преступлений, совершенных за определенный период времени лицами, которые в силу территориального перемещения изменили свой правовой статус после такого перемещения или изменился нормативно-правовой акт, который регулировал их предыдущий правовой статус.

Характеризуя миграционную преступность в узком смысле, необходимо выделить такой определяющий критерий понятия, как процесс территориального перемещения, и определить ее как всю совокупность преступлений, связанных с территориальным перемещением лиц, осуществляющих миграцию, при этом субъектом преступления в данном случае может быть не только мигрант, но и лицо, которое способствует такому перемещению, совершает другие действия, связанные с таким перемещением, или если отдельные действия совершаются во время такого и находятся в причинно-следственной связи с уголовно правовыми последствиями. Это, например, организация незаконной переправки лиц через государственную границу, подделка документов на выезд или въезд в страну, документов, удостоверяющих право на работу, торговля людьми. То есть, как верно отметил В. Собольников, миграционная преступность существует как некая целостность, состоящая из отдельных элементов, выделенных на основе единого критерия – характеристики поведения субъекта преступления, выраженной в его перемещении через границу тех или иных территорий с изменением навсегда или на время постоянного места жительства или с регулярным возвращением к нему [10].

Изложенное подтверждает, что миграционная преступность является относительно самостоятельным видом преступности, что, в свою очередь вызывает необходимость обеспечения эффективного ей противодействия.

А. Бандурка и А. Литвинов определяют противодействие преступности как особый интегрированный, многоуровневый объект социального управления, составляющий разнообразную по формам деятельность соответствующих субъектов (государственных, негосударственных органов и учреждений, общественных формирований и отдельных граждан), которые взаимодействуют в виде системы разнородных мер, направленных на поиск путей, средств и других возможностей эффективного воздействия на преступность с целью снижения интенсивности процессов детерминации преступности на всех уровнях, нейтрализации ее причин и русловий, для ограничения количества преступных проявлений к социально толерантному уровню [11, с. 45].

В связи с этим выделяются следующие задачи противодействия преступности:

1) выявление причин совершения преступлений и условий, им способствующих;

2) применение мер по устранению установленных причин и условий или их нейтрализации (блокировка);

3) выявление лиц с противоправным поведением, которое имеет тенденцию перерастания в совершение преступлений;

4) корректирующее воздействие на этих лиц с целью недопущения совершения ими преступлений путем применения индивидуально-профилактических мероприятий;

5) применение мер, направленных на снижение среди граждан риска стать жертвами преступных посягательств;

6) ограничение действия негативных явлений и процессов, сопутствующих преступности;

7) мобилизация всех положительных сил общества на создание атмосферы нетерпимости к любым формам преступного поведения;

8) устранение недостатков в деятельности субъектов противодействия преступности;

9) повышение эффективности деятельности по противодействию преступности [11, с. 73].

Важно, что реализация указанных задач с целью противодействия преступности составляет основу уголовно-правовой политики, то есть целенаправленной деятельности государства, направленной на разработку и реализацию уголовно-правовых средств борьбы с преступностью [12]. В Украине фундаментальные основы уголовно-правовой политики заложены в Стратегии государственной миграционной политики Украины на период до 2025 года [13], на международном уровне ее составляют международные договоры, регулирующие указанные вопросы.

Однако следует заметить, что сегодня вопросы предупреждения миграционной преступности в Украине отдельно на законодательном уровне не регулируются, поэтому считаем целесообразным внести соответствующие дополнения в Государственную программу борьбы с преступностью [14] и предусмотреть комплекс мер по ее профилактике, учтя особенности проблематики.

Заключение

Миграционная преступность в широком смысле – это относительно массовое, исторически изменчивое, перманентное, социальное и уголовно-правовое явление, представляющее собой целостную совокупность всех преступлений, совершенных за определенный период времени лицами, которые в силу территориального перемещения изменили свой правовой статус после такого перемещения или изменился нормативно-правовой акт, который регулировал их предыдущий правовой статус.

Миграционная преступность в узком смысле – это вся совокупность преступлений, связанных с территориальным перемещением лиц, осуществляющих миграцию, при этом субъектом преступления в данном случае может быть не только мигрант, но и лицо, которое способствует такому перемещению, совершает другие действия связанные с таким перемещением, или если отдельные действия совершаются во время такого и находятся в причинно-следственной связи с уголовно правовыми последствиями.

Кроме того, необходимо констатировать, что в условиях глобализации миграционных процессов, которые имеют следствием, среди прочих, увеличение количества совершаемых преступлений, в целях обеспечения национальной безопасности отдельных государств и мирового сообщества в целом вопросы миграционной преступности, а также миграционной уголовно-правовой политики должны быть стратегическим направлением не только в контексте научных изысканий, но и приоритетом внутренней (на уровне отдельных государств) и внешней политики (на международном уровне).

Список цитированных источников

1. Петроэ, А. Н. Международная трудовая миграция: анализ ситуации и последствий для Украины / А. Н. Петроэ, В. Т. Васильев // Вестник Национальной академии государственного управления при Президенте Украины. Серия: Государственное управление. – 2015. – № 4. – С. 93–100. – Режим доступа: http://nbuv.gov.ua/UJRN/Vnadu_2015_4_16.

2. Собольников, В. В. Миграционная преступность: криминологический анализ и предупреждение / В. В. Собольников; Рос. акад. гос. службы при Президенте Рос. Федерации, Сиб. акад. гос. службы. – Новосибирск : Наука, 2004. – 288 с.

3. Собольников, В. В. Понятие миграционной преступности и проблемы ее определения / В. В. Собольников // Ленинградский юридический журнал. – 2011. – С. 119–133.

4. Шкилев, А. Миграция: уголовно-правовые и криминологические аспекты: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / А. Шкилев. – Нижний Новгород, 2006. – 20 с.

5. Палагнюк, О. В. Миграция как социально-экономический феномен и геополитический вызов развития современного общества. / О. В. Палагнюк // Научные работы [Черноморского государственного университета имени Петра Могилы комплекса «Киево-Могилянская академія»]. Сер. Политология. – 2014. – Т. 230, Вып. 218. – С. 37-41. – Режим доступа: http://nbuv.gov.ua/UJRN/Npchdupol_2014_230_218_9.

6. Рыбаковский, Л. Л. Миграция населения. Вопросы теории: моногр. / Л. Л. Рыбаковский. – М., 2003. – Режим доступа: http://rybakovsky.ru/migracia2c.html.

7. Сметанина, Н. В. Теоретическое представление о преступности в постсоветской криминологии: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Н. В. Сметанина; научн. рук. В. В. Голина; Нац. юрид. ун-т. имени Ярослава Мудрого. – Харьков, 2014. – 20 с.

8. Куц, В. Понятие преступности / В. Куц // Научный журнал Национальной академии прокуратуры Украины, 2016. – № 2. – Ч. 2. – С. 34–39. – Режим доступа: http:// www.chasopysnapu.gp.gov.ua/chasopys/ua/pdf/10-2016/02/kuts.pdf.

9. Криминология: Общая и Особенная части: учебник / И. М. Даньшин [и др.]; под общ. ред. В. В. Голина. – 2-е изд., перераб. и доп. – Харьков : Право, 2009. – 288 с. Режим доступа: http://library.nlu.edu.ua/POLN_TEXT/KNIGI_2009/Kriminologia_ 2009.pdf.

10. Собольников, В. В. Понятие, сущность и субъекты миграционной преступности / В. В. Собольников // Современное право. – 2005. – № 8. – С . 46–51.

11. Бандурка, А. М. Противодействие преступности и профилактика преступлений: монограф. / А. М. Бандурка, А. Н. Литвинов. – Харьков : Изд-во ХНУВД, 2011. – 308 с.

12. Марисюк, К. Б. Уголовно-правовая политика в сфере имущественных наказаний в Украине: понятие, сущность, исторические этапы / К. Б. Марисюк // Форум права. – 2012. – № 1. – С. 601–605. Режим доступа: http://nbuv.gov.ua/ UJRN/FP_index. htm_2012_1_92.

13. Стратегия государственной миграционной политики Украины на период до 2025 года, одобренная распоряжением Кабинета Министров Украины от 12 июля 2017 г. № 482-р. – Режим доступа: http://zakon3.rada.gov.ua/laws/show/482-2017-%D1%80.

14. Постановление Верховной Рады Украины «О Государственной программе борьбы с преступностью» от 25.06.1993 г. – Режим доступа: http://zakon3.rada.gov.ua/ laws / show / 3325-12.

Аннотация. В статье охарактеризовано сущностное содержание понятия «миграционная преступность» и предложено авторское понимание этого понятия.

Определено, что миграционная преступность в широком смысле – это относительно массовое, исторически изменчивое, перманентное, социальное и уголовно-правовое явление, представляющее собой целостную совокупность всех преступлений, совершенных за определенный период времени лицами, которые в силу территориального перемещения изменили свой правовой статус после такого перемещения или изменился нормативный правовой акт, который регулировал их предыдущий правовой статус.

Миграционная преступность в узком смысле – это вся совокупность преступлений, связанных с территориальным перемещением лиц, осуществляющих миграцию, при этом субъектом преступления в данном случае может быть не только мигрант, но и лицо, которое способствует такому перемещению, совершает другие действия, связанные с таким перемещением, или если отдельные действия совершаются во время такого и находятся в причинно-следственной связи с уголовно-правовыми последствиями.

Констатировано, что миграционная преступность является относительно самостоятельным видом преступности, что, в свою очередь, обуславливает необходимость обеспечения эффективного противодействия.

MIGRANT CRIME IN THE SYSTEM OF MODERN CRIME AND LEGAL ASPECTS OF FIGHTING YOURSELF

Slotvinska N.D.

Keywords: migration, crime, migration crime, counteraction to crime.

Abstract. The article describes the essential content of the concept of "migratory crime" and suggests an author's understanding of the concept.

It is defined that migration crime in a broad sense is a relatively massive, historically changeable, permanent, social and criminal law phenomenon that represents an integral set of all crimes committed over a certain period of time by individuals who, due to territorial displacement, have changed their legal status after such movement or the regulatory legal act which regulated their previous legal status has changed.

Migratory crime in the narrow sense is the whole set of crimes related to the territorial movement of persons carrying out migration, while the subject of the crime in this case may be not only a migrant, but also a person who promotes such movement, commits other actions related to such a move, or if some actions are committed during such, and are in a causal relationship with the criminal legal consequences.

It has been established that migration criminality is a relatively independent type of crime, which in turn determines the need to ensure its effective counteraction.

УДК 343.97

К ВОПРОСУ О СОСТОЯНИИ И ДИНАМИКЕ ПРЕСТУПНОСТИ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Стаценко В.Г.

Ключевые слова: преступность, детерминанты преступности, динамика преступности, закономерности преступности, особенности преступности в Республике Беларусь.

Введение

В последние годы, официальная статистика ряда стран, включая и Республику Беларусь, фиксирует очевидную тенденцию сокращения преступности. Этот феномен, получивший название «великого снижения преступности» (great crime drop) [1], вызвал в криминологической аналитике дискуссию, отразившую, в числе прочего, недоверие к официальной уголовной статистике, с одной стороны, и кризис традиционных представлений о причинности преступности и ее детерминантах, с другой. В качестве примера можно привести точку зрения доктора юридических наук, профессора С. Я. Лебедева, который в своем выступлении на XXIV Международной Балтийской криминологической конференции «Преступление и наказание в современном мире» (июнь 2011 года), в частности, отмечал: «То, что происходит в нашей уголовной политике, здравому криминологическому смыслу не поддаётся… Если основным источником преступности является социальное неравенство, которое обостряет социальные противоречия и соответственно приводит к преступности, то в сегодняшнем нашем обществе (причём не только в нашем многострадальном полном криминальными кошмарами России, а вообще во всём мире), социальные противоречия обостряются, кризис набирает обороты, может ли в этих условиях снижаться преступность? – это криминологический закон, такого быть не может» [2]. Такого же мнения придерживается известный российский криминолог В.В.Лунеев, замечающий, что «понять, как и почему с 2006 г. уровень российской преступности неуклонно сокращается, трудно. В эти годы лишь беспричинно расширилась массовая декриминализация преступлений и перевод их в административные правонарушения, а также частые и массовые амнистии. Хотя мошенническое обращение с уголовной статистикой было всегда и только расширяется» [3, с. 422].

Скептическое отношение многих криминологов к данным официальной статистики понятно, тем не менее, только латентностью преступности (естественной и искусственной), объяснить долговременные процессы снижения криминальных показателей во многих странах, вряд ли возможно.

Основная часть

Тенденция снижения преступности впервые была отмечена на рубеже 20 и 21 столетий в США. В начале XXI века здесь ежегодно регистрировалось около 11,5 миллионов преступлений, что было на три миллиона меньше ежегодных показателей начала 90-х годов [4,с. 133]. К середине нулевых годов стало очевидным, что тренд на снижение преступности затрагивает практически все

развитые страны и значительную часть стран развивающихся, включая большинство постсоветских государств.

Анализ современных публикаций по рассматриваемой проблеме позволяет выделить следующие основные гипотезы, объясняющие спад преступности в современном мире:

– социально- экономическое развитие и экономический рост, ведущий к подъему благосостояния и уровня жизни населения;

– азвитие и совершенствование социального контроля, включая его уголовно-правовые формы, переход от стратегии «войны с преступностью» к стратегии «сокращения вреда, наносимого как самой преступностью, так и традиционными мерами борьбы с ней»;

– улучшение работы правоохранительных органов, прежде всего в сфере предупреждения преступности;

– развитие средств безопасности (камеры наружного наблюдения, сигнализации и т.п.

Существуют и такие «экзотические» объяснения сокращения криминальных проявлений, как, например, легализация абортов, приведшая, по мнению авторов данной гипотезы, к тому, что не рождаются «потенциальные преступники» из малообеспеченных и маргинализованных семей; старение населения развитых стран (среднестатистический преступник характеризуется возрастом «акме») и т.д.

По достаточно обоснованному, на наш взгляд, мнению Я.И. Гилинского, следует учитывать также общемировые закономерности развития преступности как социального и уголовного явления: преступность развивается по своим собственным законам, подчас независимо от действий полиции и государства. Свою роль играет в снижении показателей преступности и то, что жизненная активность молодого поколения переместилась, в значительной степени, в виртуальную сферу (Интернет, социальные сети), что резко сократило, в частности, наиболее регистрируемую «уличную преступность» [5,с .152].

Очевидно, прослеживается рассматриваемая тенденция снижения криминальных показателей и в Республике Беларусь. Объем регистрируемых преступлений в стране, достигнув пика в 2005 году (192.506 преступлений), в последующие годы демонстрирует постоянное снижение.

Динамика объема и уровня преступности в 2006-2017 гг.[6]

Год	**Зарегистрировано преступлений**	**На 100 тыс. населения**
2006	191. 468	1 988
2007	180. 427	1 883
2008	158. 506	1 661
2009	151. 293	1 589
2010	140. 920	1 483
2011	132. 052	1 392
2012	102 .127	1 078
2013	96. 676	1 021
2014	93. 932	992
2015	96.676	1 022
2016	92.943	979
2017	86.326	909

Объем и уровень преступности к 2017 году сократились по сравнению с 2006 годом, таким образом, более чем в 2 раза. Произошло снижение объема тяжких и особо тяжких преступлений, существенное сокращение убийств, причинения тяжких телесных повреждений, изнасилований, краж, разбоев, грабежей и ряда других преступлений.

Резкое снижение регистрируемых официально объема и уровня преступности в стране в последнее десятилетие можно объяснить рядом факторов как объективного, так и субъективного характера («волновые» процессы динамики общемировой преступности, экономический рост и рост доходов населения, повышение эффективности деятельности государственного и общественного механизма, включая контроль преступности, изменения в общественном сознании, определяемые повышением уровня правовой культуры и т.д.). Свою роль сыграло и изменение уголовной политики, в частности, изменения в уголовном законодательстве (например, декриминализация ряда экономических правонарушений).

Статистические данные указывают на то, что уровень преступности в Беларуси является одним из самых низких в Европе. По сравнению со многими европейскими странами, Беларусь с учетом официальной статистики преступности рассматривается как одна из самых спокойных в криминогенном отношении стран. Например, в 2017 г. уровень официально зарегистрированной преступности на территории Беларуси был в 4 раза меньше общего уровня официально зарегистрированной преступности в странах Евросоюза.

В тоже время, как отмечает, например, Л.А. Козырицкий, «наличие таких факторов, как особенность способов заявления о совершенном преступлении, бюрократизация пунитивного (репрессивного) аппарата, уровень доверия населения правоохранительным органам и криминологическая специфика отдельных видов преступности, указывают на довольно высокий уровень латентности», что, в свою очередь, требует осторожности при интерпретации официальных статистических данных [7, с. 787].

Можно отметить следующие характерные черты и особенности современного состояния преступности в Беларуси[1].

1. Сохраняется относительно *высокий удельный вес тяжких и особо тяжких преступлений,* причем, при общем снижении показателей преступности, процент тяжких и особо тяжких преступлений не только стабилен, но и проявляет тенденцию к увеличению (2006 г.– 9,6 %, 2014 – 11,5 %, 2015 – 12,8 %, 2016 – 13,2 % ,2017 – 13,8 %).

2. Преступления *против собственности и экономические преступления* составляют порядка 70 % всего массива преступлений с тенденцией увеличения этой доли.

Следует отметить, что, несмотря на значительное (более чем в 2 раза за последнее десятилетие) снижение числа убийств (с покушениями на убийство) – с 946 в 2006 году до 348 в 2017, уровень убийств (в расчете на 100 тыс.

[1] Приводимые ниже данные являются результатом анализа статистических материалов, представленных в статистических сборниках: Правонарушения в Республике Беларусь: Статистический сборник.– Минск: Национальный статистический комитет Республики Беларусь, 2015; Сведения о регистрации и предварительном расследовании преступлений по Республике Беларусь за 2016,2017 год / МВД Республики Беларусь - Информационно-аналитическое управление. – Минск, 2018.

населения) продолжает оставаться высоким (около 4 в 2017 году), что, для сравнения, примерно соответствует уровню убийств в США.

3. Более 20 % регистрируемых преступлений совершается в последние годы в состоянии алкогольного опьянения. По этому показателю в 2014 году Беларусь оказалась на первом месте среди стран СНГ. В последующий период удельный вес «пьяных» преступлений несколько снизился, – до 26 % в структуре всех преступлений 2017 года (2-е место среди стран СНГ); тем не менее, в состоянии алкогольного опьянения совершается в стране свыше 80 % убийств, причинения тяжких телесных повреждений, свыше 50 % грабежей, разбоев, изнасилований.

4. Одной из особенностей преступности Беларуси является высокий удельный вес рецидивных преступлений. Лицами, имеющими судимость, совершается в последние годы порядка 40 % регистрируемых преступлений. По этому показателю Беларусь твердо занимает второе место среди стран СНГ, уступая только России.

5. Остается высокой доля тяжких преступлений на бытовой почве.

6. Особенностью преступности страны можно считать высокий удельный вес преступлений, совершаемых женщинами. В 2016 – 2017 годах по этому показателю (17 % среди расследованных преступлений) Беларусь находилась на первом месте среди стран СНГ.

7. Общей тенденции снижения преступных проявлений в стране диссонирует рост преступности, *связанной с наркотиками.*

За последние два десятилетия количество наркопотребителей, состоящих на наркологическом учете, увеличилось более чем в 20 раз. Уровень наркотизации населения в Беларуси составляет около 1,16 % (или 1 160 чел. на 100 тыс. населения). При этом, необходимо делать поправку на высокий уровень латентности рассматриваемого явления: по оценкам экспертов, реальное число наркопотребителей в стране выше в десятки раз и может превышать 70 тыс. чел. [8].

Коэффициент преступности, связанной с незаконным оборотом наркотиков, в Республике Беларусь составил в 2017 году 58 преступлений на 100 тыс. населения (2016 год – 77). По этому показателю Беларусь занимала по состоянию на 2016 год второе место среди стран СНГ (на первом – Российская Федерация (174,5), далее следуют Кыргызстан – 32,3, Армения – 32,2, Казахстан – 20,6 преступлений на 100 тыс. населения.

Растет в Беларуси и число преступлений, совершенных в состоянии наркотического опьянения.. Начиная с 2013 года удельный вес лиц, совершивших преступления в состоянии наркотического опьянения, стабильно составляет около 3 %; 2013 – 2,6; 2014 – 3,2; 2015 – 3 %; 2016 и 2017 год– 2,6 %.

8. Следует отметить рост числа преступлений *с использованием компьютерной техники.*

Анализируя динамику киберпреступности в Республике Беларусь за последние годы, можно увидеть, что мировая тенденция постоянного возрастания количества данного вида преступления характерна и для нашей страны. Так, если в 2006 году было зарегистрировано 334 таких преступлений, то в 2016 году – уже 2471, т.е. в 7 раз больше.

9. На 1 января 2018 года в местах лишения свободы содержалось 34,4 тыс. человек, что на 2,3 % меньше, чем на соответствующую дату 2017 года, в том числе в исправительных колониях для взрослых – 28,1 тыс. человек (на 0,4 %

больше), тюрьмах – 585 человек (на 6,6 % больше), воспитательной колонии для несовершеннолетних – 269 человек (на 3,6 % меньше), СИЗО – 5,4 тыс. человек (на 14,9 % меньше).

Следует отметить, что по показателю численности заключенных в расчете на 100 тысяч населения (368 на январь 2018 года), Республика Беларусь занимает достаточно высокое место, располагаясь в первой тридцатке мирового рейтинга и находясь на 2-м месте в Европе [9].

10. При довольно высоком уровне раскрываемости в последние годы (более 60 %) значительная часть преступлений остается нераскрытой: по данным отдела по раскрытию преступлений прошлых лет Главного управления уголовного розыска криминальной милиции МВД Беларуси, на январь 2017 года не раскрыто более 180 тыс. преступлений [10].

Заключение

Современное состояние преступности в Республике Беларусь характеризуется относительной стабилизацией, произошедшей после периода значительного уменьшения количества регистрируемых уголовно наказуемых деяний в период с 2006 по 2017 год. (по данным официальной статистики за последнее десятилетие объем преступности снизился в 2,5 раза (с 181 тыс. в 2007 году – до 86 тысяч в 2017), уровень преступности снизился за этот период в 2 раза (с 1880 до 909).

Состояние и особенности развития криминогенной обстановки, по-прежнему требуют адекватного реагирования на вызовы и угрозы общественной и экономической безопасности, выработки и реализации эффективных мер по устранению причин и условий совершения преступлений, в первую очередь связанных с насильственными преступлениями, коррупцией, незаконным оборотом оружия, наркотиков, торговлей людьми, незаконной миграцией, гибелью людей.

В этой связи все более очевидным становится тот факт, что принятию конкретных практических мер по укреплению правопорядка и законности должна сопутствовать активизация фундаментальных и прикладных исследований широкого круга проблем функционирования современного общества, а также правоохранительной сферы и ее институтов.

Список цитированных источников

1. Кнорре, А., Кудрявцев, В. Великое снижение преступности / А. Кнорре, В. Кудрявцев // Ведомости [Эдектронный ресурс].-Режим доступа: https: // www.vedomosti.ru / opinion / articles / 2017/09/28/735650-velikoe-snizhenie.-Дата доступа: 29.08.2018.

2. Почему снижается преступность в России [Эдектронный ресурс].- Режим доступа: https://subscribe.ru/group/zvyozdnyij-put/860779/.-Дата доступа: 29.08.2018.

3. Лунеев, В. В. Необходимые перспективы развития Института государства и права Российской академии наук / В.В.Лунеев // Актуальные проблемы экономики и права. – 2018. - Т. 12, № 2.- С. 413–427. DOI: http:// dx.doi.org/10.21202/1993-047X.12.2018.2.413–427.

4. См.: Сморгунова, А. Л. Современное состояние преступности в США и Великобритании (обзор основных тенденций) / А.Л.Сморгунова [Электронный ресурс]

Режим доступа: https://lib.herzen.spb.ru/text/smorgunova_87_132_139.pdf.- Дата доступа: 02.09.2018.

5. Гилинский, Я. И. Уголовная политика и пенитенциарная система России в эпоху постмодерна / Я.И.Гилинский // Материалы Международной междисциплинарной научно-практической конференции «Глобальные риски – локальные решения» 20 июня 2014 г.– С.-Петербург: ООО «НИЦ АРТ», 2014. – С.151-154.

6. Сведения о регистрации и предварительном расследовании преступлений по Республике Беларусь за 2006-2017 год / МВД Республики Беларусь - Информационно-аналитическое управление. - Минск, 2007- 2018.

7. Козырицкий, Л. А. Преступность в Республике Беларусь: критический анализ / Л.А.Козырицкий // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. - 2015.- Т. 9, № 4.-С.786-795.

8. См.: Хомич, В. М. Преступность, связанная с наркотиками (результаты комплексного анализа) / В.М. Хомич, А.В. Солтанович, О.В. Русецкий / Науч.-практ. центр проблем укрепления законности и правопорядка Генер. прокуратуры Респ. Беларусь. – Минск: БГКФК, 2010.

9. Количество заключенных по странам мира [Электронный ресурс]. - Режим доступа: https:// prisonstudies. org / highest - to – lowest / prison_population_rate? field_region_ taxonomy_tid=All; Council of Europe Annual Penal Statistics SPACE I – Prison Populations [Электронный ресурс].- Режим доступа: http :/ /wp.unil.ch / space / files / 2017 /03/ SPACE _ I _ 2015 _ Report_170314.pdf.-.- Дата доступа: 02.09.2018.

10. Как работает отдел по раскрытию преступлений прошлых лет [Электронный ресурс].– Режим доступа: http: // zviazda.by / ru/news / 20161229 / 1483001109 – kak - rabotaet-otdel-po-raskrytiyu-prestupleniy-proshlyh-let.- Дата доступа: 12.08.2018.

Аннотация. Официальная уголовная статистика последнего десятилетия отражает тенденцию сокращения преступности в ряде развитых и развивающихся стран.

Этот феномен вызвал в криминологической литературе дискуссию относительно достоверности статистических данных и традиционных представлений о причинности преступности и ее детерминантах.

Тенденция снижения криминальных показателей характерна и для Республики Беларусь. Объем регистрируемых преступлений в стране, достигнув пика в 2005 году в последующие годы демонстрирует постоянное снижение. При этом ряд факторов указывают на довольно высокий уровень латентности преступности в стране.

Состояние и особенности развития криминогенной обстановки в стране по-прежнему требуют адекватного реагирования на вызовы и угрозы общественной и экономической безопасности, выработки и реализации эффективных мер по устранению причин и условий совершения преступлений.

ON THE STATE AND DYNAMICS OF CRIME IN THE REPUBLIC OF BELARUS

Statsenko V.G.

Keywords: crime, determinants of crime, loudspeaker of crime, regularity of crime, social and economic conditions.

Abstract. The official criminal statistics of the last decade show a decline in crime in a number of developed and developing countries.

This phenomenon has sparked a debate in the criminological literature on the reliability of statistics and traditional notions of the causality of crime and its determinants.

The downward trend in criminal indicators is also characteristic of the Republic of Belarus. The volume of recorded crimes in the country, which peaked in 2005 in subsequent years, shows a steady decline. At the same time, a number of factors indicate a fairly high level of crime latency in the country.

Features of the development of the criminal situation in the country still require an adequate response to the challenges and threats to social and economic security, the development and implementation of effective measures to address the causes and conditions of crimes.

УКД 34.02

ПРАВОПОРЯДОК В ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОМ ОБЩЕСТВЕ

Честнов И.Л.

Ключевые слова: правопорядок, правовые фреймы, юридические типизации, легитимность правопорядка.

Введение

Проблема правопорядка – одна из важнейших в юриспруденции. Существование правопорядка обеспечивает самосохранение общества. Поэтому теоретическое осмысление правопорядка актуально с практической точки зрения. В то же время юридическая наука далека от аподиктичного описания и объяснения того, как формируется правопорядок, какими факторами он обусловлен, как его измерять, оценивать и совершенствовать. Более того, проблема правопорядка, перефразируя Т. Гоббса (как возможен порядок в обществе – главная проблема и основание всех социальных наук), можно считать, является «основным вопросом» философии права. Она зависит от исходных методологических посылок, которых придерживается тот или иной автор.

Основная часть

Правопорядок, если исходить из социолого-правовой парадигмы, не может быть определен как другое название системы права, что характерно для нормативистской точки зрения Г. Кельзена. Почему в данном обществе именно такой порядок в сфере права, как он функционирует, как его можно измерить и как его следует совершенствовать – на эти важнейшие практические вопросы нормативистский подход не может дать сколько-нибудь вразумительный ответ (он, по большому счету, не занимается вопросами, выходящими за рамки структуры форм внешнего выражения норм права, отдавая вопросы политики и социологии права соответствующим наукам, которыми настоящий юрист не должен утруждать себя).

Социология права исходит из общего допущения, что общество является контекстом для любого социального явления, включая, безусловно, право. Право, система права, правопорядок обусловлены обществом. Более того, специфика данного социума задает или определяет основные характеристики правовой реальности. Какие же социальные факторы определяют

(обусловливают) правопорядок в постиндустриальном обществе? Постиндустриальное общество отличается от индустриального принципиально новой ролью информации (или шире – культуры). Информация или знания становятся основной производительной силой. Знания как социальные представления имплементируются в новый принцип социальной организации или структурации по принципу включенности/исключенности. По мнению Э. Гидденса, наиболее важными характеристиками «радикальной современности» являются: перманентность риска, угрозы личной и общественной безопасности, неопределенность как неустойчивость мира, его непредсказуемость. При этом английский социолог отмечает, что развитие знаний не увеличивает контроль над социальной жизнью и уверенность в завтрашнем дне. Любое знание потенциально пересматриваемо, а в науке ничто не может считаться достоверным, доказуемым и неопровержимым [1, с. 57, 62, 65, etc.]. Все это вынуждает слепо доверять абстрактным системам или экспертному знанию, которые убеждают (пытаются убедить) население в своем всеведении для обеспечения веры в достижимость «онтологической безопасности» [1, с. 112]. Эти характеристики постсовременности определяют содержание правопорядка в постиндустриальном обществе.

Порядок в обществе (одним из аспектов которого выступает правопорядок) представляет собой состояние общественных отношений, эмпирически существующих как социальные интеракции (практические взаимодействия), которые соответствуют принятому в данном социуме идеалу. Этот идеал задается господствующими ценностями, применительно к сфере права – принципами права. Ценности в силу их абстрактности становятся регулятивной силой, мотивирующей людей к соответствующей деятельности, только если они конкретизируются в социальные институты и нормы. Последние же входят в социальный порядок (и правопорядок) преломляясь в ментальные и поведенческие практики. При этом следует иметь в виду, что ценности, в силу их абстрактности и неоднозначности могут быть истолкованы разными способами, поэтому практики не вытекают из ценностей (и норм) автоматически [2, с. 150 – 151].

Постклассическая социологическая методология концептуализирует правопорядок в виде процессуального механизма конструирования системы норм права (включая правовые ценности – принципы права, институты и собственно нормы права), механизма, призванного обеспечить реализацию нормативной правовой системы, важнейшей составляющей которого является социально-правовой контроль (как часть или аспект социального контроля), самой деятельности по реализации норм права (включая правоприменение). Такой подход представляется наиболее адекватным социокультурному контексту постиндустриального общества.

Рассмотрим элементы или аспекты этого механизма подробнее. *Конструирование нормативной правовой системы* включает все три вида норм права: управомочивающие, обязывающие и запретительные. Все они формируются властью, исходя из их предполагаемой функциональности. При этом в постсовременном, постиндустриальном социуме конструирование норм права представляет собой борьбу (или результат борьбы) элит, представителей основных социальных групп общества за право официальной номинации, категоризации, классификации и квалификации некоторых социальных явлений

и процессов как юридических. В результате власть наделяет юридической значимостью те социальные феномены, которые с ее точки зрения заслуживают именно такой квалификации.

Сегодня приходится признать, что объективных критериев функциональности правовых норм не существует, как не существует, например, объективных, «природных» оснований уголовных запретов. Я.И. Гилинский, крупнейший отечественный криминолог, обоснованно утверждает, что в природе нет преступлений и преступности, а есть оценка, производимая властью некоторых деяний как общественно опасных, закрепляемая в уголовном законе. При этом «безвредных» деяний обнаружить в принципе невозможно: любое «нормальное» или легальное удовлетворение витальных человеческих потребностей в силу ограниченности ресурсов неизбежно приводит к социальным коллизиям, прежде всего, неравномерному распределению ресурсов. Поэтому нормативное (или нормальное) и ненормативное (ненормальное), как и порядок и хаос, взаимодополняют друг друга и не существуют друг без друга [3, с. 178].

В контексте постиндустриального общества пересматривается основание правовой политики, прежде всего, понятие «общественной безопасности». Опасность и безопасность – релятивные и контекстуальные категории. Они зависят от того, как именно оценивается властью и основными социальными группами, образующими структуру социума, то или иное деяние, явление, процесс. В большинстве случаев у населения нет специальных знаний для более или менее точной оценки деяния, явления или процесса как «опасного», а то, что считается самоочевидным, опять-таки, номинировано властью (в широком смысле слова включающей власть СМИ, школьного образования и т.д.) и интериоризировано в массовое правосознание.

Б. Бузан вместе с соавторами теории «секьюритизации» полагает, что процесс конструирования общественной безопасности («секьюритизации») осуществляется в два этапа. Сперва властный субъект, обладающий социальным капиталом (как правило, занимающий государственно-властную позицию), заявляет о наличии угрозы, а затем убеждает аудиторию в ее реальном существовании и, таким образом, легитимизирует. При этом принятие аудиторией объекта в качестве секьюритизируемого может быть принудительным. Если второй этап не пройден, секьюритизацию нельзя считать успешной. Успешность секьюритизации зависит от авторитета и других социальных характеристик субъекта, инициирующего данный процесс и от используемых им средств убеждения населения в том, что формулируемая угроза социально значима и реальна [4].

Американский исследователь Д. Кэмпбелл еще в 1992 г. писал, что опасность не есть объективное состояние. В мире существует множество опасностей: инфекционные болезни, несчастные случаи, политическое насилие, имеющие чрезвычайные последствия. Но не все они интерпретируются как реальные угрозы. Все современное общество пронизано угрозами и опасностью. События или факторы, которые получают такую оценку, интерпретируются с помощью измерения опасности. Достоверность этого процесса зависит от субъективного восприятия остроты этих «объективных» факторов. С точки зрения современной науки невозможно указать, какая из угроз более реальна и значима, поэтому необходимо акцентировать внимание на характере политических дискуссий по

проблемам общественной безопасности, т.е. почему именно она (эта угроза) оценивается таким образом [5, с. 1-2]. В связи с этим заявляется, что невозможно дать универсальное определение безопасности или перечень всех чрезвычайных ситуаций. Важнее исследовать, как и почему некоторые ситуации квалифицируются как чрезвычайные, угрожающие общественной безопасности и как изменяется их интерпретация со временем [4]. Так, истерия в массовом общественном сознании, во многом инициированная СМИ, по поводу события 11 сентября 2001 г. привела к внедрению новых запретов и контролирующих инстанций, но не обеспечила предотвращение новых терактов.

Механизм обеспечения реализации норм права включает в широком смысле организацию институтов, призванных обеспечить применение норм права и предупредить их нарушения, порядка их деятельности, саму эту деятельность. Эпоха постиндустриального общества, при всем развитии науки, констатирует невозможность обнаружения более или менее приемлемого перечня причин поддержания (воспроизводства) правопорядка, причин его нарушения. Сегодня в криминологии происходит отказ от понятия «причина (или причины) преступности» в пользу факторов или обусловленности [6, с. 65, 92]. Отсюда новые теории предупреждения преступности (правонарушаемости или деликтности): ситуационный подход, секьюритизация, профилактика повседневности и др.

Реализация права как содержание правопорядка в новых условиях – в эпоху постиндустриального общества – переосмысливается в постклассической социологии права. Реализация права, с точки зрения социологии права, – это согласование поведения человека с информацией, сформулированной в норме (нормах) права в соответствующем историческом и социокультурном контексте. При этом возникает очень важный и сложный вопрос: как соотносятся внешние факторы, влияющие на «правореализующие» действия людей с их внутренней мотивацией? В этой связи следует заметить, что социальные явления и процессы отличаются от «природных» интенциональностью: они приводятся в действие целью и мотивацией действующих факторов.

Важнейшую роль в этом механизме играют правовые типизации, которые выступают содержанием юридических фреймов (или скриптов) и «упорядочивают действия и значения, посредством которых в процессе «исполнения» повседневной рутины поддерживается чувство онтологической безопасности. Фреймы представляют собой группы правил, которые помогают создавать и регулировать деятельность, относя ее к тому или иному типу и определяя в качестве объекта установленного диапазона санкций. /…/ Формирование особой рамочной структуры, состоящей из и ограниченной взаимодействиями, «придает смысл» действиям, в которые вовлечены участники, с точки зрения их самих и окружающих индивидов. Сюда входит не только «буквальное» понимание событий, но и критерии, на основании которых индивид может осознать, что происходящее носит характер комичности, игры, театрального представления и т. п.» [7, с. 145]. Правовые фреймы представляют собой схемы или модели типичных юридически значимых ситуаций, а правовые скрипты – модели поведения в этих ситуациях. Юридическая повседневность как правоприменителей, так и обывателей наполнена такого рода правовыми фреймами и скриптами. В процессе правовой социализации у любого человека возникают типизированные схемы того, как вести себя с полицейским,

водителем или пешеходом, начальником, в магазине, как составлять юридические документы и т.п. При этом предполагается имплицитный (чаще всего) или эксплицитный диалог – соотнесение собственной интенции и экспектации с поведением «нормального» актора – носителя статуса субъекта права. В практической жизнедеятельности типизация наполняется конкретизацией, процессуальным знанием ситуации, «нормальности» поведения в ней, на которое накладывается конкретный интерес данного участника (участников). Выбор варианта поведения предполагает соотнесение знания о типичности ситуации, ожиданий поведения контрсубъекта и собственных интересов, трансформированных в мотивацию.

В правовые типизации юридической повседневности имманентно включаются интересы акторов. Они входят в мотивацию практик людей – носителей статуса субъекта права. В этом процессе люди руководствуются индивидуальными мотивами поведения, удовлетворяют соответствующие потребности, соотнося их с юридическими экспектациями – ожиданиями адекватного поведения со стороны контрагента по взаимодействию и требованиями нормы права. При этом человек руководствуется преимущественно тремя основными мотивами, которые находятся в сложном пересечении и зачастую взаимодополняют друг друга: укрепления личной социальной значимости (например, карьерный рост); увеличения максимизации полезности (личной пользы); обеспечения стабильности существования (снижение нагрузки, увеличение предсказуемости, конформность) с учетом соотнесения с возможным, должным или запрещенным поведением, сформулированным в норме права и конкретной жизненной ситуацией. Важным в этой связи представляется утверждение Г. Беккера о том, что правоприменителя интересует не содержание реализуемой нормы права, а то, что ее применение обеспечит его работой, оправдывает его деятельность и создает уважение окружающих [2, с. 176].

Измерение правопорядка и его эффективности с позиции социологической методологии должно включать как количественные показатели, так и «качественные». Количественно измерить правопорядок можно только методом «от противного» – количеством его нарушений. Это связано с тем, что невозможно рассчитать, сколько раз правопослушный человек соблюдает, исполняет и использует нормы права. Другое дело, что количество правонарушений (деликтов), совершаемых на определенной территории за определенный промежуток времени, всегда включает значительное количество латентных деяний. Поэтому-то количественный показатель следует дополнять «качественными» социологическими методами: опросом, проводимым по специальным методикам (например, анализом фокус-групп, глубинным интервью и др.), опросом экспертов, включенным наблюдением.

Заключение

Подводя итог вышеизложенному, уместно констатировать, что в постиндустриальном обществе складывается новый подход к анализу правопорядка. Такой подход предполагает переосмысление его концепции. Правопорядок – это не данность, а процесс конструирования нормативно-правовой системы и ее реализации в практиках людей – носителей статуса субъектов права. Именно он адекватен вызовам постиндустриального общества.

Список цитируемых источников

1. Giddens, A. The Consequences of Modernity. Stanford: Stanford University Press, 1990. – 188 p.
2. Bekker, H. Outsiders: Studies in the Sociology of Deviance. New York: Free Press, 1991. – 224 p.
3. Гилинский, Я. И. Девиантность в обществе постмодерна. СПб.: Алетейя. 2017. – 222 с.
4. Buzan, B., Waever O., De Wilde J. Security: A New Framework for Analysis. London, Lynne Rienner Publishers, 1998 - 239 p.
5. Campbell, D. Writing Security: United States Foreign Policy and the Politics Identity. 2-nd ed. Minneapolis, Minneapolis: University of Minnesota Press, 1998. - 289 p.
6. Гуринская, А. Л. Англо-американская модель предупреждения преступности: критический анализ: монография. СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена. 2018. – 400 с.
7. Гидденс, Э. Устроение общества: Очерк теории структурации. – М., Академический Проект 2003. – 528 с.

Аннотация. Автор статьи показывает проблемы определения понятия и содержания правопорядка в постиндустриальном обществе. Автор использует социолого-правовую методологию для раскрытия содержания правопорядка. В статье утверждается, что в постиндустриальном обществе происходит проблематизация правопорядка. Это связано с постоянной ситуацией риска, неопределенностью, отсутствием единой системы ценностей. Автор трактует правопорядок как механизм конструирования системы норм права и их реализации в практиках субъектов права. Автор констатирует, что сегодня нет объективных критериев функциональности правовых норм, как не существует, например, объективных, «природных» оснований уголовных запретов. Поэтому конструирование норм права представляет собой борьбу элит, представителей основных социальных групп общества за право официальной номинации, категоризации, классификации и квалификации некоторых социальных явлений и процессов как юридических. Реализация права, с точки зрения социологии права, - это согласование поведения человека с информацией, сформулированной в нормах права, обусловленный соответствующей мотивацией. Такой подход представляется наиболее адекватный социокультурному контексту постиндустриального общества.

THE LEGAL ORDER IN A POSTINDASTRIAL SOCIETY

Chestnov I.l.

Keywords: Legal order, the legal frame, legal typing, the legitimacy of the legal order.

Abstract. The author shows the problems of the definition and content of rule of law in postmodern society. In article, declare that in postmodern society are going problematization of rule of law. The author used sociological-legal methodology for disclosure of the maintenance of rule of law. It connected with constant risk situation, uncertainty, unavailability of single price system. The writer treat rule of law as the reproduction mechanism of legislation and it realization in practice. The author States that today there are no objective criteria for the functionality of legal norms like objective “nature” grounds for criminal prohibitions. Therefore, construction of law is struggle of elite, representatives of the main social groups of society for the right of official nomination, categorization, classification and qualification of some social phenomena and processes as judicial. Realization of law, from the point of view of sociology of law, is matching human behavior with information, formulary in legislation, is caused by the corresponding motivation. This approach seems to be the most adequate to the socio-cultural context of post-industrial society.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРИКЛАДНЫЕ ПРОБЛЕМЫ КРИМИНОЛОГИЧЕСКОЙ (АНТИКОРРУПЦИОННОЙ) ЭКСПЕРТИЗЫ НОРМАТИВНЫХ ПРАВОВЫХ АКТОВ ИЛИ ИХ ПРОЕКТОВ

УДК 340.13 : 004

К ВОПРОСУ О ФОРМИРОВАНИИ ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВОЙ МОДЕЛИ ПУБЛИЧНОГО ОБСУЖДЕНИЯ ПРОЕКТОВ НОРМАТИВНЫХ ПРАВОВЫХ АКТОВ

Коваленко Е.И.

Ключевые слова: цифровая коммуникация, публичное обсуждение, электронное правительство, информационно-коммуникационные технологии, общественное обсуждение проектов нормативных правовых актов, транспарентность, нормотворческий процесс, нормотворчество.

Введение

Современные информационные технологии прочно вошли в нашу повседневность и незаметно стали источником преобразования политических, экономических и социальных основ жизни общества.

В основе этих значимых изменений находится формируемая коммуникация особого рода – цифровая коммуникация, базирующаяся на технологиях сети Интернет с использованием «сайтов, порталов, социальных сетей, блогов, веб-сервисов» [1, с. 6]. Благодаря ей происходит нивелирование дистанции между государственными органами и обычными гражданами, государством и бизнес-сообществом. Появляется возможность прямого и непосредственного контакта между изолированными ранее слоями общества, в том числе между нормотворческими органами и обществом. Открываются новые возможности в процессе формирования правовых предписаний с учетом и на основе мнения рядовых граждан.

В правовой плоскости это выразилось в принятии Закона Республики Беларусь от 17 июля 2018 года «О нормативных правовых актах» (далее – Закон о НПА) [2], в котором закреплен инновационный, с использованием электронных средств коммуникации подход к реализации института публичного обсуждения проектов нормативных правовых актов. Законодательная новелла призвана обеспечить прямой диалог между гражданами и профессиональными разработчиками законодательства, «между теми, кто отвечает за разработку норм, теми, чья деятельность подлежит регулированию на основе создаваемых норм, а также общественностью, заинтересованной в решении проблем, стоящих в повестке дня правительственных органов» [3, с. 812]. Это позволяет рассматривать нормотворчество в рамках новой парадигмы и говорить об эволюции нормотворчества от «бумажного» к «электронному».

Включение публичного обсуждения в реальную ткань жизни общества предполагает поэтапное решение комплекса задач. Наряду с правовым обеспечением данного процесса требуется организационная и программно-технологическая детализация процедуры публичного обсуждения. Проработка

указанных вопросов поможет комплексно подойти к регламентации искомой модели в Положении о порядке проведения публичного обсуждения проектов нормативных правовых актов. Разработка данного документа включена в план мероприятий по выполнению п. 1 ст. 78 Закона о НПА [2], в реализации которого в том числе участвует Национальный центр правовой информации Республики Беларусь.

Основная часть

Существенным отличием Закона о НПА от Закона Республики Беларусь от 10 января 2000 года «О нормативных правовых актах Республики Беларусь» [4] в контексте заявленной тематики является введение отдельной статьи, посвященной публичному обсуждению проектов нормативных правовых актов [2, ст. 7]. Данная статья закрепляет два вида публичного обсуждения – общественное и профессиональное, которые могут быть реализованы посредством обсуждения в глобальной компьютерной сети Интернет на сайте «Правовой форум Беларуси», парламентских слушаний, обсуждения в средствах массовой информации, а также иных способов, не противоречащих законодательству.

В соответствии с п. 1 ст. 7 Закона о НПА вынесение на публичное обсуждение проекта нормативного правового акта возможно по решению Президента Республики Беларусь, иного субъекта права законодательной инициативы, нормотворческого органа (должностного лица) либо государственного органа (организации), осуществляющих подготовку проекта нормативного правового акта. В п. 2 данной статьи установлены критерии, в соответствии с которыми проекты актов законодательства могут или не могут быть предметом публичного обсуждения. Определен минимальный срок публичного обсуждения. Предписывается включение информации о результатах публичного обсуждения и рассмотрения поступивших при этом замечаний и (или) предложений в обоснование необходимости принятия (издания) нормативного правового акта.

В ст. 7 Закона о НПА определены базовые элементы модели публичного обсуждения. Непосредственно определение порядка проведения публичного обсуждения делегировано Совету Министров Республики Беларусь (п. 3 ст. 7 Закона о НПА). Такое решение законодателя вполне оправдано и не является новеллой.

Подобный подход апробирован в мировой практике и используется для правового обеспечения консультаций по проектам нормативных правовых актов, общественного обсуждения вопросов государственного и местного значения и других институтов гражданского участия. Так, например, соответствующие вопросы регулируются на законодательном уровне в Азербайджанской Республике [5], Кыргызской Республике [6], Литовской Республике [7], Республике Молдова [8], Республике Хорватии [9]. В ряде государств приняты специальные законы, направленные на реализацию институтов непосредственной демократии. В отдельных случаях законы, регулирующие аналогичные общественные отношения, содержат отдельные статьи, посвященные механизму обратной связи граждан и государства в нормотворческом процессе, а в ряде актов – целые главы (разделы) относятся именно к электронным средствам коммуникации. При этом в большинстве актов говорится о распространении принципа транспарентности на нормотворческую

деятельность как обеспечении таких ее качеств, как общедоступность, открытость, официальность, гласность. Для повышения оперативности реагирования органов государственной власти на высказываемые в ходе проведения публичных обсуждений замечания и предложения некоторые государства вносят поправки в регламенты Правительства и Парламента, закрепляющие обязательное проведение публичных консультаций по проектам нормативных правовых актов.

Иной подход имеет место в Латвийской Республике [10], Украине [11], Эстонской Республике [12], Боснии и Герцеговине [13], где правила проведения консультаций по проектам нормативных правовых актов, участия общественности в процессе формирования и реализации государственной политики регламентируются актами исполнительной власти, включая постановления Совета Министров, Кабинета Министров и Правительства.

В настоящее время Республика Беларусь только выстраивает механизм участия граждан в нормотворческом процессе с использованием IT-технологий [14, с. 29]. Публичное обсуждение проектов нормативных правовых актов проводится в условиях отсутствия готовой модели и алгоритмов деятельности, а также сколько-нибудь значимого опыта такой деятельности. В этой связи регламентация процедуры публичного обсуждения на уровне подзаконного акта (Положение о порядке проведения публичного обсуждения проектов нормативных правовых актов) представляет собой оптимальный вариант, поскольку это оставляет маневр для нормотворческих органов в плане поиска, нахождения и последующего нормативного закрепления наиболее эффективной формы коммуникации с обществом.

При разработке данного акта отечественный законодатель, безусловно, должен учесть специфику каждого из заявленных способов публичного обсуждения, обусловленную особенностями конкретной формы взаимодействия государственных органов и граждан. В то же время общая правовая конструкция и выстраивание искомого механизма с учетом единства начальной, основной и завершающей стадий публичного обсуждения гарантируют согласованность действий всех его участников, транспарентность нормотворческого процесса, единый режим общения, при котором участники нормотворческого процесса будут ощущать свою причастность к разработке юридических норм. В этой связи полагаем, что необходимо выявить этапы публичного обсуждения, которые будут являться обязательными для каждого из способов публичного обсуждения. Их регламентация вне избыточной детализации деятельности в рамках таких этапов будет вполне достаточной для эффективной реализации процесса публичного обсуждения.

Анализ и обобщение соответствующего опыта в странах постсоветского пространства и дальнего зарубежья позволили прийти к выводу о том, что оптимальный порядок проведения публичного обсуждения предполагает наличие следующих пяти этапов:

информирование общественности о предстоящем обсуждении, включая представление доступа к проекту акта, пояснительной записке к нему, при необходимости другим документам;

предоставление возможности направить всеми заинтересованными в адрес разработчика замечания и предложения по предмету обсуждения, прием и учет

замечаний и предложений участников публичного обсуждения, как правило, размещение в открытом доступе поступивших замечаний и предложений;

анализ и обобщение разработчиком поступивших замечаний и предложений;

подведение итогов публичного обсуждения, включая подготовку итогового документа по результатам проведения обсуждения. Итоговый документ (протокол, заключение, справка) может приниматься либо посредством голосования участников публичного обсуждения, либо путем изучения и анализа комментариев, предложений и замечаний общественности, высказанных в ходе обсуждения;

уведомление участников обсуждения об учете их замечаний и предложений в процессе доработки соответствующих проектов нормативных правовых актов.

Полагаем, что реализация указанной последовательности для каждого из заявленных в ст. 7 Закона о НПА способах публичного обсуждения будет способствовать выстраиванию эффективного механизма передачи «сигнала» от общества на осуществление тех или иных правотворческих действий к субъектам правотворчества [15, с. 468] и восприятия такого сигнала уполномоченными субъектами.

При этом актуален вопрос детализации процедур рассмотрения, анализа, принятия или мотивированного отклонения поступивших предложений и замечаний, определения порядка подведения итогов обсуждения, закрепления способов доведения до граждан результатов обсуждения и пр. Во многом прозрачность указанных действий предопределяет и результативность самого публичного обсуждения.

На сегодняшний день в мировой практике не выработано единого подхода к вопросу об обязательном или рекомендательном характере для законодателя выраженных участниками публичного обсуждения мнений и предложений.

Отдельные юрисдикции предусматривают возможность проведения дополнительного обсуждения проектов нормативных правовых актов с учетом итогов первоначального обсуждения, а также в обязательном порядке – публикацию итогов обсуждения. Такой подход гарантирует двусторонний характер коммуникации для всех участвующих в ней лиц. Общественное и профессиональное обсуждение проектов нормативных правовых актов должно «соединять в себе «конструктив», а по необходимости и протест, это поистине публичная форма выражения мнения населения» [16, с. 11].

Дальнейшее развитие правового регулирования публичного обсуждения рассматриваемых отношений связано с определением поэтапных особенностей публичного обсуждения с учетом видовой специфики нормативных правовых актов, в том числе законов, декретов и указов Президента Республики Беларусь, постановлений Совета Министров, постановлений Совета Республики Национального собрания Республики Беларусь, актов министерств, иных республиканских органов государственного управления и других нормативных правовых актов, а также с соотнесением цикла публичного обсуждения проектов нормативных правовых актов с отдельными стадиями нормотворческого процесса.

Исходя из системного толкования ст.ст. 7 и 36 Закона о НПА проведение «общественных консультаций» возможно до стадии принятия (издания) нормативного правового акта. На это указывает предписание об обязательном включении информации о результатах публичного обсуждения проекта

в обоснование необходимости принятия (издания) нормативного правового акта. Однако это не исключает при наличии желания законодателя отправлять проект нормативного правового акта, поступившего на подписание (утверждение), на публичное обсуждение.

Реализация каждого из способов публичного обсуждения проектов предполагает программную и технологическую готовность к их реализации. Как показало изучение опыта использования ИКТ в данной сфере в странах ближнего и дальнего зарубежья, возможны различные варианты в выстраивании информационной инфраструктуры: от вовлечения в этот процесс сайтов государственных органов – разработчиков проектов нормативных правовых актов до создания единого ресурса в сети Интернет. Последний вариант является наиболее предпочтительным как с позиции удобства поиска обсуждаемых проектов, обеспечения свободного доступа к ним, так и возможности наиболее широкого охвата аудитории.

В частности, можно обратить внимание на наработки в сфере автоматизации публичных консультаций в Хорватии.

В 2015 году Правительством этой страны был разработан интернет-портал «e-Savjetovanja» (англ. «e-Consultations»), основной задачей которого является проведение публичных консультаций [17].

Использование этого портала является обязательным для всех правительственных учреждений при проведении публичных консультаций.

Портал представляет собой часть проекта «e-Citizens» и является интересным решением по предоставлению гражданам возможности непосредственно давать комментарии по проектам НПА, другим нормам и правилам, стратегическим документам и т.д. Текст всех комментариев в режиме online становится доступен для широкой общественности.

При этом любое заинтересованное лицо может следить за качеством мер реагирования правительственных учреждений на все поданные комментарии и предложения, что в целом делает процесс публичных консультаций интерактивным, открытым и транспарентным.

Схожие подходы используются при проведении публичного обсуждения проектов в Российской Федерации [18], Узбекистане [19], Украине [20].

В Республике Беларусь публичное обсуждение проектов НПА в сети Интернет осуществляется в настоящее время с использованием официальных сайтов государственных органов, а также сайта «Правовой форум Беларуси», который является специализированным ресурсом в области права. С 2013 по 2018 год на сайте «Правовой форум Беларуси» проведено обсуждение более 80 важнейших проектов нормативных правовых актов, включая проекты декретов и указов Президента Республики Беларусь, законов Республики Беларусь.

Фактически со вступлением в силу Закона о НПА в качестве единой площадки, обеспечивающей коммуникацию между гражданским обществом и законодателем в сети Интернет, будет функционировать сайт «Правовой форум Беларуси». С учетом накопленного прогрессивного опыта в данной сфере это логично и оправданно. Придание сайту «Правовой форум Беларуси» статуса основной официальной площадки для обсуждения, «посредника между гражданами и государственными органами, разработчиками проектов нормативных правовых актов, который предоставляет возможность открытого

доступа к актуальной информации обо всех разрабатываемых проектах в нашей стране» [21, с. 158] – условие реального вовлечения граждан в политический дискурс для развития электронной коммуникации, передачи социального сигнала от общества к законодателю и адекватной реакции законодателя на данный сигнал.

Заключение

Оптимальная организационно-правовая модель публичного обсуждения проектов нормативных правовых актов предполагает создание единой официальной информационной платформы для общественного и профессионального обсуждения проектов нормативных правовых актов, которая будет функционировать в качестве единственного легкодоступного контента в искомых целях. Подход к регулированию института публичного обсуждения, когда ключевые блоки коммуникации граждан и нормотворческих органов закрепляются на уровне закона, а детальная характеристика самого процесса обсуждения определяется и конкретизируется правилами на подзаконном уровне, разумен и достаточен с позиции сотрудничества и гражданско-публичного партнерства, что подтверждается соответствующим зарубежным опытом.

Интеграция публичного обсуждения в нормотворческий процесс превратит данный механизм из небольшого звена, которое встраивается в цепочку создания нормативных правовых актов, в неотъемлемый элемент нормотворческого процесса, направленный на его дальнейшее качественное развитие.

Список цитированных источников

1. Минбалеев, А. В. Теоретические основания правового регулирования массовых коммуникаций в условиях развития информационного общества : автореф. дис. …д-ра юрид. наук : 12.00.14 / А. В. Минбалеев ; Южно-Уральск. гос. ун-т. – Челябинск, 2012. – 44 с.

2. О нормативных правовых актах [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 17 июля 2018 г., № 130-З // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.

3. Schultz, T. Carving up the internet: Jurisdiction, Legal ordens, and the private / public international law interface / T. Schultz // European j. of intern. Law. – Oxford, 2008. – Vol. 19. – № 4. – P. 799–839.

4. О нормативных правовых актах Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 10 янв. 2000 г., № 361-З // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.

5. Об общественном участии [Электронный ресурс] : Закон Азербайджанской Респ., 22 нояб. 2013 г., № 816-IVQ : в ред. Закона Азербайджанской Респ. от 14.06.2016 // Законодательство стран СНГ / СоюзПравоИнформ. – М., 2018.

6. О нормативных правовых актах Кыргызской Республики [Электронный ресурс] : Закон Кыргызской Респ., 20 июля 2009 г., № 241 // Законодательство стран СНГ / СоюзПравоИнформ. – М., 2018.

7. Об основах правотворчества [Электронный ресурс] : Закон Литовской Респ., 18 сен. 2012 г., № XI-2220 // Канцелярия Сейма Литовской Республики. – Режим доступа: https://e-seimas.lrs.lt/rs/legalact/TAD/TAIS.438329. – Дата доступа: 25.08.2018.

8. О нормативных актах [Электронный ресурс] : Закон Респ. Молдова 22 дек. 2017 г., № 100 // Режим доступа: http://lex.justice.md/ru/373698%20/. – Дата доступа: 04.07.2018.

9. Law on the Right to Access Information, Reg. No.: 71-05-03/1-13-2, Zagreb, 21 February 2013 [Электронный ресурс] / Официальный портал Государственного контрольного управления. – Режим доступа: http://www.revizija.hr/en/access-to-information/law-on-the-right-to-access-information. – Дата доступа: 05.07.2018.

10. Sabiedrības līdzdalības kārtība attīstības plānošanas procesā Ministru kabineta noteikumi Nr.970 Rīgā 2009.gada 25.augustā (prot. Nr. 54 22.§). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://likumi.lv/doc.php?id=197033. – Дата доступа: 09.07.2019.

11. Правила общественного обсуждения проектов нормативно-правовых актов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://mtu.gov.ua/content/pravila-gromadskogo-obgovorennya-proektiv-normativnopravovih-aktiv.html. – Дата доступа: 05.07.2018.

12. Hea õigusloome ja normitehnika eeskiri, Vastu võetud 22.12.2011 nr 180 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.riigiteataja.ee/akt/129122011228. – Дата доступа: 05.07.2018.

13. Правила проведения консультаций по проектам нормативных правовых актов (”Regulations On Consultations in Legislative Drafting“) [Электронный ресурс] // Официальный сайт Министерства юстиции Боснии и Герцеговины. – Режим доступа: http://www.mpr.gov.ba/aktuelnosti/propisi/18.4%20Precisceni%20tekst%20Pravila%20za%20konsultacije%20u%20izradi%20pravnih%20propisa%20-%20EJ.pdf/. – Дата доступа: 05.07.2018.

14. Коваленко, Е. И. ИКТ в обеспечении процесса публичного обсуждения проектов нормативных правовых актов: национальный и зарубежный опыт / Е. И. Коваленко // Развитие информатизации и государственной системы научно-технической информации (РИНТИ-2018) : доклады XVII Междунар. конф., Минск, 20 сентября 2018 г. – Минск : ОИПИ НАН Беларуси, 2018. – С. 27–31.

15. Трофимов, В. В. Современные формы участия российского гражданского общества в правотворческом процессе: проблемы теории, законодательной регламентации и практики применения / В. В. Трофимов // Юридическая техника. – 2014. – № 8. – С. 463–471.

16. Авакьян, С. А. Демократия протестных отношений: конституционно-правовое измерение / С. А. Авакьян // Конституционное и муниципальное право. – 2012. – № 1. – С. 3–17.

17. Официальный портал Правительства Республики Хорватия ”e-Savjetovanja“ для проведения публичных консультаций [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://savjetovanja.gov.hr/. – Дата доступа: 05.07.2018.

18. Федеральный портал проектов нормативных правовых актов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://regulation.gov.ru/#. – Дата доступа: 01.09.2018.

19. О Портале [Электронный ресурс] // Обсуждение проектов нормативно-правовых актов Республики Узбекистан. – Режим доступа: https://regulation.gov.uz/ru/pages/about. – Дата доступа: 04.06.2018.

20. Правительственный веб-сайт ”Гражданское общество и власть“ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://civic.kmu.gov.ua. – Дата доступа: 04.07.2018.

21. Ивашкевич, В. А. Организация проведения общественного обсуждения проектов нормативных правовых актов в Беларуси и странах СНГ / В. А. Ивашкевич // Информационные технологии и право : Правовая информатизация – 2018 : сб. материалов VI Междунар. науч.-практ. конф. (г. Минск, 17 мая 2018 г.) / Нац. центр правовой информ.

Респ. Беларусь ; под общ. ред. Е. И. Коваленко. – Минск : Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2018. – С. 154–159.

Аннотация. В статье анализируется действующая в Республике Беларусь организационно-правовая модель публичного обсуждения проектов нормативных правовых актов. Представлены вопросы нормативной, организационной и программно-технологической детализации процедуры публичного обсуждения проектов нормативных правовых актов в аспекте совершенствования способов коммуникационного взаимодействия участников нормотворческого процесса.

ON THE QUESTION OF FORMING ORGANIZATIONAL AND LEGAL MODEL OF PUBLIC DISCUSSION OF DRAFT NORMATIVE LEGAL ACTS

Kovalenko E.I.

Keywords: digital communication, public discussion, e-government, information and communication technologies, public discussion of draft normative legal acts, transparency, norm-creating process, rulemaking.

Abstract. The article analyzes the organizational and legal model of public discussion of draft normative legal acts existing in the Republic of Belarus. The issues of normative, organizational and program-technological detailing of the procedure for public discussion of draft normative legal acts in the aspect of improving the ways of communication interaction of participants in the norm-creating process are presented.

УДК 34.01

ЗАКОН И ПРАВОПОРЯДОК В ТРАДИЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ

Ломакина И.Б.

Ключевые слова: традиционное общество, правовой обычай, правовая традиция, правопорядок, правовой институт.

Введение

Традиционное общество обычно рассматривается как первая форма организации социальной жизни коллектива, находящегося на доаграрной и аграрной стадии развития. Будучи предтечей индустриальной стадии, оно в потенции содержало в себе все те институты, которые со временем оформились в современные (закон, законность, право, правопорядок и др.).

Основная часть

Магистральной линией развития традиционного общества выступает идея поддержания традиции. Именно традиция выступает стержнем, на котором базируется правопорядок. Традицию как стереотип (рутину) можно рассмотреть через институциональные акты (экстернализацию (внешнее проявление активности человека), хабитуализацию (опривычивание), объективацию (результат экстернализации, фиксируемый в соответствующей форме), селекцию (отбор из нескольких вариантов поведения какого-либо одного), легитимацию

(принятие этого правила поведения широкими массами населения) и сопровождающую их интернализацию (преломление внешних аспектов деятельности во внутренний мир человека).

Так, в процессе осуществления деятельности в социально значимой сфере акты поведения в традиционном обществе рутинизировались, в результате чего индивид приобретал возможность действовать автоматически, то есть не отвлекаясь на мучительный поиск бесконечных вариантов поведения. Это, в свою очередь, давало ему так же и возможность предвидеть действия другого. Формула «он делает это снова» превращалась в «мы делаем это снова» [1, с. 96]. Выверенная точная шлифовка «чрезвычайно значимых привычек», укоренившихся не только и не столько в личном опыте индивида, сколько в общественном обезличенном (релевантном) опыте, приобретала новую институциональную форму (обычаев и традиций).

Обычаи и традиции – квинтэссенция социальности, багаж прошлого и настоящее человечества. Базируясь на социальной коммуникации, обычаи и традиции конституировали первые человеческие сообщества, устанавливали в них определенный обычный (формальный) порядок. Этот обычный (формальный) порядок имел интерсубъективную направленность, так как вытекал из типизированных взаимосогласованных структур сознания и поведения индивидов, формируемых в коммуникациях. Сейчас важно подчеркнуть, что взаимосвязь между человеком – создателем и социальным миром – его продуктом является диалектической и будет оставаться таковой, то есть человек и его социальный мир взаимодействуют друг с другом, и продукт оказывает обратное воздействие на производителя.

Экстернализация и объективация – два момента непрерывного диалектического процесса. Третьим моментом является интернализация, благодаря ей объективированный социальный мир переводился в сознание в процессе социализации» [1, с. 102].

Болгарский правовед Н. Неновски признак общественной соотнесенности действий считает одним из определяющих в сфере правоотношений» [2, с. 83-85]. Р. Дарендорф также справедливо полагал, что «социологический человек» (то есть человек, подвергнувшийся институционализации), ориентируется на ценности и нормы и ведет себя в соответствии с теми ролевыми ожиданиями, которые на него возлагает общество, зная, что за выполнение своих ролей он будет награжден, а за невыполнение – наказан. Способы, которыми «социологический человек» добивается своих целей, продиктованы не только и не столько разумом, сколько эмоциями, ценностями и традициями, которые человек впитал в себя, будучи социализированным в общество [3, с. 43].

Именно социализация выражает зависимость «человек – человеческий мир, правопорядок в широком смысле». Отсюда отношение человека к миру определяется природой созданного самим человеком «человеческого мира» правопорядка в широком смысле.

Институциональный подход развивал Э. С. Маркарян. В своей работе, посвященной теории культуры он пишет, что сутью институционализации является установление определенных правил действия и обеспечение выполнения этих правил путем введения соответствующих норм и санкций. Институционализация является универсальным средством упорядочения совместной деятельности людей [4, с.43].

Благодаря институтам человеческая деятельность не только стимулируется и координируется, но и воспроизводится. Это становится возможным в результате накопления исторического общественно значимого опыта через выражение его в соответствующих групповых стереотипах деятельности и передачи их из поколения в поколение.

Таким образом, рассматривая институционализацию в социологических терминах, то есть через экстернализацию, хабитуализацию (опривычивание) объективацию, легитимацию и интернализацию. Отметим, что институты – это и есть долженствования, которые утверждают свою власть над индивидом независимо от тех субъективных значений, которые 5индивид может придавать каждой конкретной ситуации.

Институты уже благодаря самому факту своего существования контролировали поведение человека, устанавливали определенные правила, которые придавали поведению человека одно из многих, теоретически возможных направлений, представляя тем самым «замиренную среду», с определенной организацией, с фиксированными шаблонами поведения, «с определенным уставом должного, запрещенного и рекомендованного поведения»[5, с. 60]. Эти деяния также нормативно закреплялись, в результате чего субъекты получали соответствующие права и обязанности.

Отклонения (нарушения) от институционально «запрограммированного» образца действий требовали введения санкций. Однако, если социализация была успешной, то принудительные меры не применялись. И лишь в случае необходимости «принудительные меры (санкции) применялись выборочно и осторожно.

Термин «санкция» происходит от латинского слова «sanction», что в буквальном смысле означает «освящение». Санкции являются дополнительными, комплементарными средствами защиты соответствующих институтов. В них отсутствует нужда при нормальном функционировании права, то есть когда все субъекты исполняют надлежащим образом свои обязанности и в допустимых пределах осуществляют свои права.

В этом аспекте санкция – это реакция определенной части общества или значительного числа его представителей на тот или иной вид деятельности. Санкции в каждом конкретном обществе образуют более или менее систематизированное целое, которое представляет собой механизм организованного социального контроля. Таким образом, санкции в случае отклоняющегося или «нежелательного» поведения носят негативный характер и, как правило, базируются на эмоции страха. По мнению Р. А. Ромашова, такого рода страх содержит два вида опасений: возможного наказания (как непосредственно самого субъекта, так и близких для него людей) и возможного общественного порицания [6, с. 12]. Однако дальнейший вывод ученого о том, что в отличие от примитивных обществ в развитом обществе страх «потерять доброе имя» вытесняет страх перед конкретным наказанием представляется неоднозначным. Именно в примитивном обществе потеря «доброго имени» ведет к потере выгод коллективного существования, что равносильно гибели. А вот в развитом обществе человек, нарушивший то или иное социальное веление, может беспрепятственно сменить порицающую его социальную среду (коллектив) и найти себе место в другом коллективе.

Кроме того, между страхом и действительной опасностью принуждения может быть существенная разница. Поэтому «страхообразующее» и правообразующее влияние репрессивной практики, а также достоверной информации о ней не стоит переоценивать. Более значимыми могут оказываться опасения и тревоги без ясного повода. Правообразующее значение страха таково, что он поддерживает выбор в пользу поступков, которые являются правомерными. Впоследствии эти поступки могут стать привычными и перерасти в навыки, получив самодовлеющее моральное обоснование, которое оставит в забвении собственно страх [7, с. 95].

Следует допустить и вовсе «бесстрашное» правовое поведение, вызванное побуждениями другого порядка. Например, если долг и обязанность поняты всерьез, возможность отступить от них переживают хотя бы с беспокойством. Беспокойство не обязательно связано с принуждением, а больше с иными тревогами – неспокойной совестью, мнением людей, если оно кажется ценным, потерями в общественном положении, добром имени и т. п.

В этом значении институты – это формализованные источники. Первичными институциональными формами были обычаи и традиции. Понятие «традиция» в данном случае трактуется не расширительно, а наоборот, предельно ограниченно. В расширительной трактовке «традиция» тождественна обществу в целом, стало быть, понятие «правовая традиция» может быть использовано как тождественное «правой семье», «правовой системе».

Правопорядок в традиционном обществе базируется на традиции. «Каждая комплексная правовая традиция прилагает колоссальные усилия по упорядочению человеческой жизни в соответствии с этими истинами и делает это, – как справедливо считает В. Г. Графский, – на протяжении весьма длительного времени. Таким образом, укорененная правовая традиция обеспечивает людям столь многое и в таком объеме, в котором другие социальные институты сделать не в состоянии, и это обстоятельство признается, так или иначе, многими наблюдателями и комментаторами. Причем некоторые из них приходят к выводу, что несколько из таких традиций после своего тысячелетнего или большего существования обрели сегодня состояние некой стабильности. Они обеспечивают сегодня такое социальное упорядочение, которое не в состоянии обеспечить никакая другая традиция» [8, с. 104].

В отечественном дискурсе употребление понятия «традиция», «правовая традиция» чаще всего трактуется в ином, более узком смысле. В. М. Баранов отмечает, что «более близким по смыслу синонимической парой термину «традиция» выступает термин «обычай» [9, с. 122]. В. Д. Плахов также считает, что «традиция» и «обычай» связаны между собой отношением тождества и различия. Совпадение их заключается в том, что обе формы служат выражением общего повторяющегося, массового правила, не обеспечивающегося специальным аппаратом власти; категории совпадают по семантическому значению также тогда, когда употребляется «традиция» в узком смысле; тождественны значения и когда термин «обычай» используют для обозначения эмпирически данной традиции, которая в названном проявлении характеризуется конкретностью, наглядностью, обращенностью к человеческим чувствам, эмоциям и нередко идентифицируется с обрядом, ритуалом и т. п.

Вместе с тем понятие «традиция» по сравнению с «обычаем» является более универсальным, пригодным для всех случаев жизни, на которые по тем или иным причинам не распространяется понятие «обычай».

Согласно другой точке зрения обычаи – это простые массовые привычки, которые со временем стали стереотипом поведения, регулирующим относительно простые, повторяющиеся отношения, регламентирующие конкретные действия в определенной ситуации. Традиции же представляют собой массовые, сложные привычки, указывающие общее направление поведения, ориентирующее в сложных ситуациях [10, с.13-23].

Не акцентируя внимание на функциональной нагрузке обозначенных терминов, отметим, что обычаи и традиции являются основополагающим началом любого общества и его культуры; они – условие его нормального существования. Обычаи и традиции (в том числе, и в правовой сфере) – апробированные временем базовые основы существования, функционирования и развития любой социальной системы. Именно они основа правопорядка. Благодаря им осуществлялась пространственно-временная связь между поколениями и формировалась устойчивость и стабильность.

Таким образом, общественный порядок (правопорядок в широком смысле) возникает в процессе непрерывного человеческого производства и приводит к «неизбежным отношениям», регулируемым социальными институтами, которые, в свою очередь, обусловливают взаимосвязь между социальной системой (обществом) и отдельным человеком. Они фиксируют определенные образцы поведения, которым необходимо следовать, и имплицитно содержат «реципрокную деятельность», «ценности» и «нормы», опыт, который не может рассматриваться вне человеческой социальной природы.

Отсюда обычаи и традиции – это интерсубъективные долженствования, отражающие, с одной стороны, психические адаптации живущих в обществе людей с целью выработки правовых средств для искоренения отдельных видов инадаптаци, с другой стороны, – объективные правила, обеспечивающие социальный порядок, правопорядок.

Правопорядок в традиционном обществе базируется на обычном праве. Обычное право выступает здесь как сложное институциональное, интерсубъективное, нормативное, регулятивное социально полезное явление общественной жизни, закрепляющее соответствующий тип организации социальной структуры. В отличие от единичного юридического обычая (то есть обычая, вырванного из общего контекста), оно являет комплексное системное образование, имеющее прямые и обратные связи с социальной системой.

Представляется, что в самом обычае содержатся свойства, обусловливающие его правовой характер. Этими свойствами (признаками) являются: общезначимость, общеобязательность, общественная полезность, общественная защищенность, нормативность (нормы имеют предоставительно-обязывающий характер).

Общезначимость обычно-правовых долженствований проистекает из всеобщего убеждения народа о тех или иных долженствованиях, как выразился Г. Ф. Пухта, «природного единства в образе мыслей всех членов нации» [11, с. 13-23].

Другими словами, общезначимость – это признание (легитимация) через социально-правовой опыт должного и возможного поведения в процессе интерсубъективного взаимодействия.

Общеобязательность долженствований указывает на необходимость непременного следования им тех, кому они адресуются, вне зависимости от их субъективных предпочтений (желания или нежелания). Общеобязательное значение долженствование приобретает не столько в силу принудительности, сколько в силу стереотипности.

Общественная защищенность обычно-правовых долженствований определяется, как говорилось выше, их санкционированностью, то есть негативным ответом общества на неправомерное действие. В традиционных обществах существует тесная связь между религиозными, моральными и правовыми санкциями. Но характер этой связи варьируется от общества к обществу и не может быть определен в краткой формулировке. Первичные легальные санкции уголовного права во всех обществах, за исключением высокосекуляризованных современных государств, переплетены с религиозными. Религиозные санкции были призваны наказать преступника за совершаемое преступление; они также предписывали различные способы искупления вины через процедуры: очищения, жертвоприношения, исповеди и покаяния.

Нормативность проявляется через (предоставительно-обязывающий характер норм), проистекающих из особенностей обычно-правовой коммуникации. Обычно-правовая коммуникация предоставляет возможность субъекту осуществлять свои правомочия и властвовать над поведением другого субъекта, в определенных границах, предоставленных нормой. Ф. К. Савиньи по этому поводу писал, что «господство над чужим лицом, но не над всем лицом (иначе оно вело бы к уничтожению личности), а только над одиночными его действиями, которые могут быть представлены выделенными из свободы этого лица и подчиненными воле правомочного лица» [12, с.5].

Такое господство или властвование носит психологически –принудительный характер. Отсюда вытекает правовая обязанность действовать соответствующим образом. В более широком смысле коммуникация связана с познанием, с отношением к познаваемому, а также и с действием в соответствии с познанным. Поэтому коммуникация включает в себя информационный (рациональный), эмоционально-ценностный (иррациональный) и праксеологический (деятельностный) аспекты [13, с. 23].

Как отмечают А. В. Поляков и Е. В. Тимошина для теоретического правоведения важно то, что коммуникация может быть императивной (с приоритетностью прямой связи), то есть монологической, и диспозитивной (с приоритетом обратной связи), то есть диалогической. Через коммуникацию раскрывается сущность социального как такового. «Человеческий характер такой связи, – полагают ученые, – выражается в том, что она осуществляется как осмысленная связь, позволяющая вступать во взаимодействия с другими людьми на основе сознательного выбора требуемого варианта поведения» [13, с. 23].

Обычное право интерсубъективно, а значит, и все обычно-правовые долженствования также интерсубъективны. Интерсубъективность обычно-правовых долженствований определяется тем, что они возникают только в результате деятельности социальных субъектов и не существуют независимо

от субъекта. Они представляют собой субъективную корреляцию, выражающую должное и возможное поведение в обществе. Поэтому лишь, в режиме реификации (иллюзии) обычно-правовые веления условно отчуждаются от человека, так что люди находят их уже существующими.

Таким образом, обычаи приобретают правовой статус не в результате санкционирования их органами власти, а в силу их онтологической сущности, из которой проистекают их соответствующие свойства (признаки).

Институциональная система общества в целом и обычно-правовая система в частности были призваны ограждать общество от энтропии, внося в общественную жизнь людей начала всеобщей «нормальности», единой упорядоченности, общепризнанности. Обеспечивая устойчивость общественным отношениям, делая их предсказуемыми (обычными), институты устраняли произвол и хаос в социальной системе.

Поэтому институционализированное поведение приобретало устойчивую ригидную форму – обычая или традиции и становилось уникальным средством «обобществления» человеческого опыта в социально значимой сфере. Имея релевантную направленность, обычаи и традиции регламентировали определенные общественные отношения, выводя их на новый уровень – уровень обычно-правовой, конструируя правопорядок в традиционном обществе.

Список цитированных источников

1. Бергер, П., Лукман, Т. Социальное конструирование реальности.
2. Неновски, Н. Право и ценности. М., 1987.
3. Dahrendorf, R. Homo Sociologicus. Ein Versuch zur Geschichte, Bedeutung und Kritik der Kategorie der sozialen Rolle. Opladen, 1958.
4. Маркарян, Э. С. Теория культуры и современная наука (логико-методологический анализ). М., 1983.
5. Ломакина, И. Б., Старин, Б. С. Обычное право. СПб.: ГУАП, 2012.
6. Ромашов, Р. А. Актуальные проблемы современной российской юриспруденции // Теоретико-правовая наука и юридическая практика: проблемы соотношения и взаимодействия: Сборник избранных статей. СПб., 2004.
7. Арановский, К. В. Конституционная традиция в российской среде. СПб., 2003.
8. Графский, В. Г. Законы и обычаи в правовых традициях Запада – России – Востока //Зарубежный опыт и отечественные традиции в российском праве: матер. Всерос. Науч.-метод. Семинара. Санкт-Петербург, 28-30 июня 2004 г. СПб., 2004.
9. Баранов, В. М. Традиции юридической техники: Российский и зарубежный опыт / Зарубежный опыт и отечественные традиции в российском праве: Материалы всероссийского научно-методологического семинара. Санкт-Петербург, 28–30 июня 2004 г. СПб., 2004.
10. Суханов, И. В. Обычаи, традиции и преемственность поколений. М., 1976.
11. Пухта, Г. Ф. Курс римского гражданского права / Пер с нем. Рудорффа. Т. 1. М., 1874.
12. Савиньи, Ф. К. Обязательственное право / Пер. с нем. Ф. Фукс и Н. Мандро. М., 1876.
13. Поляков, А. В., Тимошина Е. В. Общая теория права: учебник. СПб.: Изд-во юридического факультета СПбГУ, 2005.

Аннотация. Автор статьи показывает проблемы определения понятия и содержания правопорядка в традиционном обществе. Для раскрытия данной научной проблемы автор использует социолого-правовую методологию, которая является более продуктивной, с точки зрения понимания правовых феноменов, не вписывающихся в рамки устоявшихся позитивистских стереотипов о праве и правопорядке. Правопорядок увязывается с институциональными актами, которые делают поведение человека предсказуемым в нестабильной социальной среде. Правопорядок выступает как порядок, в котором нормативная составляющая дополняется материальными и психологическими факторами. Проводится мысль о том, что социокультурный контекст обусловливает характер и особенности правовых институтов. Отмечается, что правовой характер социальные институты приобретают в силу их социальной значимости и нормативной эффективности, закрепляясь в общественном сознании и бессознательном, они конструировали первый правопорядок. Этот архаичный правопорядок потенциально содержал в себе систему современных институтов.

LAW AND LAW ENFORCEMENT IN A TRADITIONAL SOCIETY

Lomakina I.B.

Key words: traditional society, legal custom, legal tradition, law and order, legal institution.

Abstract. The writer show problems of identification and sense of law and order in tradition society. For the opening of this science problem, the writer use socio-legal methodology, wich is more productive. Law and order corresponds with institutional acts doing human behavior predictable in unstable social environment. Law and order is going like order in which the normative component is supplemented by material and psychological factors. It is suggested that the socio-cultural context determines the nature and characteristics of legal institutions. It is noted that the legal nature of social institutions acquire by virtue of their social significance and normative effectiveness, being fixed in the public consciousness and the unconscious, they constructed the first legal order. This archaic legal order potentially contained a system of modern institutions.

УДК 340.10

НОРМАТИВНОСТЬ ПРАВА И ПРОБЛЕМЫ ЕЕ ОПРЕДЕЛЕНИЯ В ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКЕ И ПРАКТИКЕ

Павлов В.И.

Ключевые слова: право, нормативность, нормативный правовой акт, локальный правовой акт.

Введение

1 февраля 2019 году вступает в силу Закон Республики Беларусь «О нормативных правовых актах» от 17 июля 2018 г. № 130-З (далее – Закон 2018 года) [1]. Закон Республики Беларусь «О нормативных правовых актах Республики Беларусь» (далее – Закон 2000 года) [2], принятый еще 10 января 2000 года и действовавший в национальной правовой системе 18 лет, утрачивает

юридическую силу 31 января 2019 года. Действующий Закон 2000 года стал важным этапом развития отечественной правовой системы: он заложил основы реализации многих доктринальных положений в юридической деятельности и позволил юристам-практикам иметь научный ориентир в легальной форме, сформировал легальные доктринальные позиции по целому ряду элементов правовой системы (система законодательства, классификация и иерархическое строение нормативных правовых актов, нормотворческий процесс, реализация нормативных правовых актов и т.д.).

Вместе с тем на исходе 2000-х гг. в Национальном центре законодательства и правовых исследований Республики Беларусь на основе обобщения практики реализации положений Закона 2000 года государственными органами (организациями), анализа проблемных ситуаций его применения и в целом для повышения уровня и качества правового регулирования началась подготовка нового закона.

Новый Закон 2018 года содержательно является более насыщенным нормативным правовым актом по целому ряду нормативных положений. Он ввел ряд новых доктринальных позиций, конкретизировал и детализировал некоторые ранее неопределенные положения, в нем был учтен положительный опыт работы государственных органов в части совершенствования положений прежнего закона.

С целью обсуждения положений нового закона «О нормативных правовых актах», в том числе относительно проведения центром криминологической экспертизы, 25 сентября 2018 года в Научно-практическом центре проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь состоялся межведомственный научно-практический семинар по теме «Ненормативные правовые акты: критерии оценки и проблемы определения». На семинаре присутствовали руководство и сотрудники Научно-практического центра, отечественные ученые-правоведы, представители нормотворческих органов.

Настоящая статья является расширенным вариантом доклада автора на данном мероприятии.

Основная часть

Понятие нормативности права. Вопрос нормативности права в традиционной общеправовой теории всегда являлся одним из наиболее значимых, поскольку, в зависимости от его решения, происходило определение, выбор той или иной концепции правопонимания. Вместе с тем для большинства юристов-практиков вопрос правопонимания не является актуальным. Практикующие юристы работают с массивом действующего законодательства, которое они и воспринимают в качестве права. Для практика поэтому, как правило, характерно нормативистское правопонимание что, однако, не означает отсутствия у него критической рефлексии относительно действующих правовых предписаний. В связи с этим, учитывая назначение настоящей статьи, вопрос о нормативности права мы будем исследовать безотносительно проблемы различных концепций правопонимания, поскольку для практикующих юристов актуален нормативистский взгляд на правовую реальность.

В общеправовой теории нормативность права понимается, во-первых, как характеристика особого способа регулирования поведения людей через реализацию общеобязательных правил поведения – норм права, и, во-вторых –

как признак нормативного правового акта, отвечающий юридической природе правил, его составляющих. Нормативность правового акта основана на факте установления, изменения либо отмены в акте порядка регулирования общественных отношений посредством правовых предписаний. В целом можно сказать, что признак нормативности правового акта характеризуется тремя обязательными составляющими:

а) неопределенностью круга лиц, на которых распространяется действие правового акта;

б) неоднократностью реализации, применения правовых предписаний;

в) абстрактностью формулировок общеобязательных правил.

Признак или свойство нормативности правового акта и дает ему наименование нормативного правового акта, а не, например, акта применения права. Нормативный правовой акт является самым распространенным способом правового регулирования в странах континентальной системы права и основным источником права.

Понятие нормы права и ее онтологическая структура. С понятием нормативности права тесно связано понятие нормы права. Следует отметить, что легальная дефиниция нормы права в Законе 2018 года отсутствует, хотя путем систематического толкования ее понятие выводится из легальной дефиниции нормативного правового акта, изложенной в п. 8 ст. 2. Под нормой права понимается общеобязательное правило поведения постоянного или временного характера, рассчитанное на индивидуально не определенный круг лиц и неоднократное применение. В этом определении имеется ввиду наиболее часто встречающаяся в практической юридической деятельности типичная норма права регулятивного или охранительного характера. Вопрос об иных видах правовых норм, о подходах к их классификации, о специфике логической структуры правовых норм в регулятивных и охранительных отраслях права в настоящей статье мы рассматривать не будем.

В юридической науке общеизвестным является учение о логической структуре типичной нормы права (трех- и двухэлементное логическое строение нормы права), – на нем мы также не будем делать акцент. Единственное, что следует отметить, логическая структура правовой нормы, устанавливаемая юристом-практиком в процессе правореализационной деятельности, представляет собой операцию интеллектуального соотнесения логических элементов общеобязательного правила с текстом закона («если – то – иначе»). То есть юристу в практической деятельности при разрешении юридически значимых ситуаций нужно обнаружить в конкретном применяемом нормативном правовом акте или в нормативном массиве в целом текстуально выраженную формулировку общеобязательного правила поведения, условие его применения и ответственность за нарушение этого правила.

Однако логическая структура нормы права указывает только на формальную взаимозависимость и логическое соотнесение ее элементов. Хотя в общей теории права высказывались различные точки зрения относительно структуры правовой нормы, в своем исследовании в рамках антропологического подхода к праву мы предложили онтологическую структуру типичного правового предписания [3, с. 158–163]. Она отвечает за два ключевых момента, две характеристики, связанные с правовой нормой, которые не охватываются ее логической:

а) способ существования правовой нормы, ее юридического бытия;

б) способ смыслового определения правовой нормы как общеобязательного правила поведения (в его целостности как гипотезы, диспозиции и санкции), установление его границ, их подвижности и т.д.

Иными словами, здесь идет речь не о формально-логических, а об онтологических характеристиках правила поведения. Остановимся на онтологической структуре правовой нормы более подробно.

Для выяснения способа юридического бытия правовой нормы, а также способа ее смыслового определения в онтологической структуре правовой нормы предлагается различать две составляющие нормы права:

1) текстуальное значение (часть, элемент) нормы права;

2) смысловое значение (часть, элемент) нормы права.

Текстуальное значение нормы права понимается традиционно юридически как документарное знаковое выражение правила поведения в нормативном правовом акте либо ином источнике права.

Смысловое значение нормы права представляет собой актуализацию знакового выражения нормы права субъектом понимания, которая осуществляется на уровне практики правового существования, исходя из личностных свойств субъекта права. Смысловое значение правовой нормы – это ее правовой смысл, включающий в себя все возможные аспекты содержания правового сознания лица (как правило, юриста-практика) относительно текстуальной части нормы права (всех трех ее логических частей – гипотезы, диспозиции, санкции) в ее соотношении с той или иной юридически значимой ситуацией.

Говоря об онтологической структуре правовой нормы важно понимать, что правовой смысл – это понятие, отражающее явления не нормативной, а антропологической правовой реальности. Ведь в юридической практике всегда есть конкретный субъект, лицо, понимающее, реализующее общеобязательное правило поведения, т.е. содержание юридического знака применительно к конкретной жизненной ситуации. Поэтому если текстуальная часть нормы права самодостаточна и отражает лишь нормативный уровень бытия правовой нормы, и, следовательно, существует на уровне нормативной правовой реальности, то смысловая часть нормы права существует на уровне антрополого-правовой реальности через способ понимания юристом текстуальной части нормы права как юридического знака. В процессе понимания лицом правила происходит развертывание правового концепта, в который концентрированно включены идея, ценность конкретной нормы права независимо от того, чем на самом деле руководствуется это лицо, реализующее правовую норму.

Поэтому правовой смысл не есть данность нормативного текста, нормативно-понятийной реальности, он не поддается формализации, а есть юридическое смысловое образование, которое требует от лица, сталкивающегося с нормой, интерпретационной работы, поскольку «смысловое значение знака – это то, что понимает под ним пользователь данного знака»1.

Выделение текстуального и смыслового элементов нормы права не означает игнорирования традиционного понимания правового смысла как проектного замысла законодателя, выраженного в знаковой форме в тексте нормативного правового акта либо в различных интерпретационных юридических практиках (официальное толкование права и т. д.). Однако применительно к предлагаемой структуре нормы права правовой смысл есть конкретная непосредственная

актуальная схема понимания нормы права конкретным лицом, эту норму реализующим в актуальной юридической ситуации. Это хорошо видно на примере квалификационной юридической деятельности, например, в процессе квалификации преступлений.

Конечно, смысл нормы права знаково и проектно кодируется в тексте нормативного правового акта как замысел, «смысл, или, воля законодателя», требующий своей актуализации со стороны интерпретатора, который может модифицировать этот проектный смысл, если это позволяют текстуальные границы нормы права, или даже образовывать новый правовой смысл вне зависимости от них. Однако с точки зрения понимания природы нормативности в праве для юридической деятельности важен тезис о том, что в правовом смыслообразовании задействуется смысл, не только проектно представленный в тексте нормативного правового акта, но и рождающийся на уровне конкретного правового существования лица, эту норму реализующего.

Таким образом, правовое бытие правовой нормы осуществляется на двух уровнях правовой реальности – на уровне нормативной и антрополого-правовой реальностей. Оба этих уровня являются обязательными для признания целостности правовой нормы, хотя для некоторых видов правовых норм могут быть и исключения (например, неформализованные в нормативных текстах нормы-принципы права). Такой вывод означает – и это весьма актуально для юридической практики – что норма права не тождественна тексту нормативного правового акта, который является лишь частью целостного общеобязательного правила.

Ненормативный правовой акт. Понятие ненормативности. В национальной правовой системе понятие ненормативного правового акта дано в ст. 3 Закона 2000 года, имеется оно и в п. 1 ст. 4 нового Закона 2018 года. Легальная дефиниция ненормативного правового акта в Законе 2018 года основана на общепринятом в правовой теории понятии ненормативности – это отсутствие в акте момента установления, изменения либо отмены правовой нормы. «Ненормативный правовой акт – официальный документ установленной формы, принятый (изданный) нормотворческим органом (должностным лицом) в пределах его компетенции или референдумом с соблюдением предусмотренной законодательством процедуры, который не содержит норм права и в целях применения действующих норм права устанавливает обязательные предписания распорядительного и (или) организационного характера, в том числе в отношении индивидуально определенных лиц (изменяет или прекращает действие этих предписаний) и (или) рассчитан на однократное применение» (п. 1 ст. 4 Закона 2018 года).

В п. 2 этой же статьи дополнительно указаны еще и конкретные виды ненормативных правовых актов. Не будем останавливаться на анализе этого перечня. Для нас важно, что последний абзац содержит формулировку, указывающую на незакрытый, неопределенный характер перечня «иные правовые акты, обладающие признаками, указанными в пункте 1 настоящей статьи».

Отдельный вопрос с данным перечнем представляет абз. 3 п. 2 статьи, в котором к ненормативным правовым актам относятся, в том числе, «программы, стратегии, концепции». На упомянутом выше семинаре юристы-практики поставили вопрос о правомерности отнесения законодателем такового

вида правового акта как концепции к ненормативному правовому акту, ведь в системе законодательства действуют концепции, обладающие свойством нормативности, т.е. содержащие общеобязательные правовые предписания (например, Концепция национальной безопасности Республики Беларусь, утвержденная Указом Президента Республики Беларусь № 575 от 09.11.2010).

Более тщательный анализ данных концепций показывает, что в основном это правовые акты нетипичного характера. В них заинтересованный государственный орган выражает программные намерения по совершенствованию той или иной сферы правового регулирования и непосредственных типичных правовых норм они, как правило, не содержат. Но главное что все они являются утверждаемыми актами. Несмотря на то, что концепция как утверждаемый акт не указана в п. 1 ст. 21 Закона 2018 года («Основные виды утверждаемых нормативных правовых актов»), тем не менее, она всегда утверждается нормативным правовым актом. В связи с этим можно высказать гипотезу о том, что как уже́ действующие в национальной системе законодательства, так и вновь принятые концепции все же могут быть нормативными правовыми актами вопреки позиции Закона 2018 года. Тем более, что п. 2 ст. 21 Закона 2018 года допускает наличие и иных (помимо непосредственно указанных в пункте) утверждаемых нормативных правовых актов в случае, если это предусмотрено законодательными актами.

Таким образом, относительно концепции в новом Законе 2018 года, видимо, есть правовая неопределенность, выражающаяся в том, что п. 1 ст. 21 и п. 2 ст. 4 в части концепций нуждаются в согласовании. Несмотря на то, что большинство концепций являются актами конкретно-программного характера, тем не менее, будучи утвержденными законодательными актами, в концепциях могут формулироваться не только нормы-принципы, нормы-декларации, но и иные, в том числе и типичные правила поведения, направленные на совершенствование той или иной сферы правового регулирования.

Правовая природа актов высших судебных органов: нормативность и официальное толкование. Отдельный и традиционный для общеправовой теории вопрос представляет проблема определения правовой природы актов высших судебных органов в национальной правовой системе. В связи с этим интересно отметить, что в новом Законе 2018 года, в отличие от Закона 2000 года, законодатель вообще не определил правовую природу актов Конституционного Суда Республики Беларусь. В качестве аргумента можно было бы сослаться на п. 2 ст. 1 Закона, исключающего акты Конституционного Суда Республики Беларусь из сферы действия Закона 2018 года. Однако акты Верховного Суда Республики Беларусь также исключены из сферы его действия, но при этом Постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь (далее – ППВС) в п. 2 ст. 17 напрямую отнесены к нормативным правовым актам.

Насчет Постановлений Пленума Верховного Суда Республики Беларусь, равно как и в целом насчет актов высших судебных инстанций, осуществляющих правосудие, в правовой науке нет общепринятой позиции. В Кодексе о судоустройстве и статусе судей Республики Беларусь речь идет только о разъяснениях и нет положений о том, что ППВС являются нормативными. Часть 1 ст. 58 Кодекса указывает на полномочие Пленума давать в порядке

судебного толкования разъяснения по вопросам применения законодательства [4]. О нормативной функции ППВС ничего не сказано.

Большинство ученых-теоретиков склоняется к тому, что подобного рода акты не являются нормативными, а выделяются в самостоятельную группу интерпретационных актов, или, актов толкования. Это нисколько не умаляет значимость данных актов в правовой системе, не устраняет их общеобязательность, но точно указывает на их юридические свойства и функции в правовой системе. В ППВС, как правило, не формулируются общеобязательные правила поведения (нормы права) – в нем осуществляется официальное нормативное или казуальное толкование, которое является обязательным для практиков. Формулирование общеобязательных правил в ППВС в процессе нормативного толкования является редким случаем, исключением подтверждающим правило. Причем и природа сформулированной нормы права будет иметь достаточно специфический характер [5]. Вместе с тем, п. 3 ст. 69 Закона 2018 года определяет, что при официальном толковании нормативного правового акта (ППВС, как правило, толкует положения кодифицированных актов) не допускаются изменения содержания его нормативных предписаний.

Возможно, было бы целесообразно (что на определенном этапе в рабочей группе по подготовке Закона 2018 года и предлагалось) дифференцировать все ППВС на акты нормативного и ненормативного характера и создать каталог, свод ППВС как актов, содержащий нормы права (своего род аналог свода судебных прецедентов в системах общего права), однако это предложение оказалось нереализованным.

Конечно, в Законе 2018 года в легальной дефиниции нормативного правового акта имеется достаточно радикальная новация по сравнению с легальной дефиницией НПА Закона 2001 года (хотя, правда, эта новация путем толкования выводится из понятия нормотворческой деятельности и в Законе 2000 года). В п. 8 ст. 2 Закона 2018 года указано, что в качестве признака НПА является не только установление, изменение и прекращение действия норм права, но и их официальное толкование. Пункт 1 ст. 69 подтверждает это намерение законодателя, определяя, что официальное толкование осуществляется путем принятия (издания) нормативного правового акта.

Иными словами, здесь проявляется особенность национальной правовой системы: два различных по своему существу вида юридической деятельности – нормотворчество и официальное толкование, – законодатель объединяет в один. Официальное толкование включено в нормотворчество и рассматривается законодателем только в его контексте. С позиции юридической доктрины это вряд ли целесообразно, поскольку речь идет о смешении формы и юридического содержания правового акта. Одно дело, когда речь идет о результатах официального толкования, которые действительно нередко выражаются в форме нормативного правового акта. Другое дело – это сама суть юридической деятельности, в одном случае по установлению, изменению либо отмене общеобязательных правил поведения, в другом – по их официальному толкованию. Задача нормативного правового акта – определить новый порядок нормативного правового регулирования, задача официального толкования – раскрыть смысл правового предписания как общеобязательный.

Локальные правовые акты. Одной из проблем, как в юридической науке, так и в юридической практике является определение правовой природы локальных правовых актов.

Пункт 1 ст. 5 содержит легальную дефиницию локального правового акта (по тексту Закона 2018 года он именуется локальным актом). Это: 1) установление обязательных правил поведения; 2) сфера регулирования этих правил – организация внутренней деятельности нормотворческого органа, издавшего локальный акт, а также его территориальных органов и подчиненных ему организаций.

Кроме того законодатель в ч. 2 этого же п. 1 ст. 5 дополнительно конкретизирует юридические свойства локальных актов. Так, указывается, что он: распространяет действие исключительно на работников данного органа, а также на тех лиц, которые попадают в сферу внутренней организации деятельности органа (проходят временную службу, иным образом становятся причастными и т.д.); предусматривает локальный порядки деятельности (создание и деятельность комиссий, структурных подразделений и т.д.).

Следует сначала сказать о самом термине. Является ли локальный правовой акт нормативным и почему законодатель не называет его локальным нормативным правовым актом? Локальный правовой акт обладает свойством нормативности, однако эта нормативность как установление, изменение или отмена правил поведения носит ограниченный характер. Она отличается от нормативности базового, типичного нормативного правового акта, составляющего законодательство (ст. 3 Закона 2018 года), поскольку содержащиеся в локальном акте правила имеют ограниченное распространение, следовательно, они не являются общеобязательными. Именно на этом основании локальные акты не включаются в систему законодательства Республики Беларусь (ст. 3 Закона 2018 года). На этом основании в локальном акте не должны формулироваться общеобязательные правила поведения. Законодатель прямо указывает на это в ч. 3 п. 1 ст. 5 Закона 2018 года: «…действие локальных актов не должно затрагивать права, свободы и обязанности иных граждан и юридических лиц».

Заключение

Таким образом, подводя итог рассмотрению вопросов нормативности и связанных с нею правовых явлений, следует отметить в целом позитивное значение появления в национальной правовой системе нового Закона 2018 года. В Республике Беларусь как ни в одной постсоветской правовой системе так детально не регламентированы вопросы нормотворческой деятельности, не легализованы многие доктринальные юридические понятия и процедуры. Вместе с тем, даже самый детальный закон в сфере нормотворчества не способен решить вопросов аналитического характера, которые юристам-практикам придётся решать в процессе своей деятельности. Можно даже сказать, что новый Закон 2018 года достиг предела в степени нормативной регламентации вопросов нормотворчества, – в остальном дело за качественной юридической практикой. И в этом отношении следует отметить, что в качестве положительной тенденции на практике следует рассматривать сужение ненормативного правового регулирования. Правовое государство должно функционировать на банальном принципе законности и ориентации на четкие юридические правила, содержащиеся в нормативных правовых актах.

Список цитированных источников

1. О нормативных правовых актах: Закон Респ. Беларусь от 17 июля 2018 г. № 130-З // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО "ЮрСпектр", Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.

2. О нормативных правовых актах Республики Беларусь: Закон Респ. Беларусь от 10 февр. 2000 г. № 361-З: (ред. от 02.07.2009) // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО "ЮрСпектр", Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.

3. Павлов, В. И. Проблемы теории государства и права : учебное пособие / В.И. Павлов ; учреждение образования «Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь». – Минск : Академия МВД, 2017. – 262, [2] с. – С. 158–163.

4. О судоустройстве и статусе судей: Кодекс Республики Беларусь от 29.06.2006 № 139-З (ред. от 17.07.2018) // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО "ЮрСпектр", Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.

5. Павлов, В.И. Судебное правотворчество в контексте теории интерпретации и антропологической концепции права / В.И. Павлов, Н.М. Дубрава // Ежегодник Нижегородской академии МВД России «Юридическая техника». – 2014. – №8. – Ч. 2 («Демократизация правотворчества: доктрина, практика, техника»). – С. 553–560.

Аннотация: в статье рассматривается доктринальное содержание понятия нормативности в праве и связанных с ним правовых явлений, а также анализируются положения нового Закона Республики Беларусь «О нормативных правовых актах» 2018 года. Подробно исследованы понятия нормативного правового акта, локального правового акта, ненормативного правового акта.

THE NORMATIVITY OF LAW AND ITS DEFINITIONS IN LEGAL SCIENCE AND PRACTICE

Pavlov V.I.

Keywords: law, normativity, normative legal act, local legal act.

Abstract. The article deals with the doctrinal content of the concept of normativity in law and related legal phenomena, as well as the provisions of the new Law of the Republic of Belarus «On normative legal acts» of 2018. The concepts of normative legal act, local legal act, non-normative legal act are studied in detail.

ПРОБЛЕМЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ УГОЛОВНО-ПРАВОВЫХ СРЕДСТВ БОРЬБЫ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ

УДК 343

НЕЗАКОННОЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО – ТЕНЕВАЯ ЭКОНОМИКА – УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ

Бабий Н.А.

Ключевые слова: уголовно-правовая политика, уголовная ответственность, незаконная предпринимательская деятельность, теневая экономика, экономическая безопасность.

Введение

Предпринимательская деятельность в силу существующего разделения труда сопряжена с вовлечением в свою орбиту множества социальных связей, потреблением материальных и трудовых ресурсов, установлением особых отношений с государством в сфере налогообложения, обеспечением безопасности производства и т.д. Естественно, что весь этот комплекс взаимоотношений не может оставаться вне правового регулирования, которое, однако, не должно подавлять свободу предпринимательства. Поиск разумного компромисса между дозволением и запретом предполагает установление чётких правовых рамок того, что есть незаконная предпринимательская деятельность: то ли это деятельность, не предусмотренная законом, то ли это деятельность с нарушением законодательных предписаний, то ли это запрещённая законом деятельность.

Основная часть

В белорусском уголовном законодательстве под незаконной понимается предпринимательская деятельность, которая в соответствии с законодательными актами:

1) является запрещённой;

2) осуществляется без регистрации в установленном законодательными актами порядке;

3) осуществляется без специального разрешения (лицензии), когда такое специальное разрешение (лицензия) обязательно.

Уголовная ответственность за такие деяния наступает, если незаконная предпринимательская деятельность сопряжена с получением дохода в крупном размере, таково требование ст. 233 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК Беларуси). Наиболее строгое наказание предполагается: по части первой – лишение свободы на срок до трёх лет со штрафом, по части второй – лишение свободы на срок до пяти лет со штрафом и с лишением права занимать определённые должности или заниматься определённой деятельностью, по части третьей – лишение свободы на срок от двух до семи лет с конфискацией имущества со штрафом и с лишением права занимать определённые должности или заниматься определённой деятельностью.

Первый вариант криминальной предпринимательской деятельности имеет однозначную интерпретацию только применительно к запретам, содержащимся

в уголовном законодательстве. Например, ни при каких условиях нельзя торговать добытым преступным путём имуществом, или содержать притоны для потребления наркотических средств. Но даже производство опасных веществ (взрывчатых, наркотических, психотропных и т.п.) прямо не запрещено, оно наказуемо только в случае нарушения порядка его осуществления.

В ряде нормативных актов устанавливаются запреты на осуществление того или иного вида деятельности при определённых условиях. Так, производство табачных изделий запрещено резидентам свободной экономической зоны в пределах этой свободной экономической зоны (ст. 5 Закона Республики Беларусь от 07.12.1998 № 213-З «О свободных экономических зонах»). В соответствии с Указом Президента Республики Беларусь от 18.06.2005 № 285 «О некоторых мерах по регулированию предпринимательской деятельности» запрещается предпринимательская деятельность в качестве индивидуального предпринимателя с привлечением более трёх физических лиц. Нарушение подобного рода запретов не является занятием запрещённой предпринимательской деятельностью, поскольку нельзя смешивать запрет на осуществление деятельности и запрет на нарушение порядка осуществления разрешённой деятельности.

В отечественной правовой литературе с учётом зарубежного опыта установления ответственности за незаконное предпринимательство высказываются различные предложения.

Так, К. В. Марчук полагает необходимым декриминализовать деятельность гражданина без регистрации в качестве индивидуального предпринимателя [1];

– настаивает на исключении ответственности за предпринимательскую деятельность, осуществляемую без государственной регистрации А. Н. Данисевич [2, с. 90];

– по мнению В. В. Хилюты, следует декриминализовать незаконную предпринимательскую деятельность, осуществляемую без государственной регистрации или лицензирования [3];

– адекватным компромиссом К. С. Захилько видится наложение временного моратория на применение ст. 233 УК в части ответственности за осуществление предпринимательской деятельности без регистрации [4];

– Д. В. Шилин предложил компенсировать уголовную ответственность за незаконное предпринимательство ответственностью за уклонение от уплаты налогов, а судьбу ст. 233 УК детально проработать и обсудить заинтересованными государственными органами [5, с. 54].

Общий фон отношения белорусских исследователей к проблеме теневой экономики можно назвать спокойным, поскольку сколь-нибудь значимых дискуссий в данной сфере среди специалистов криминального цикла не наблюдается. Возможно, в том числе и этим объясняется тот факт, что в Концепции национальной безопасности Республики Беларусь, утверждённой Указом Президента Республики Беларусь от 09.11.2010 № 575, среди содержащихся в экономической сфере внутренних источников угроз национальной безопасности теневая экономика даже не упоминается. И как следствие – принятие в первом чтении отечественными законодателями законопроекта о декриминализации предпринимательской деятельности без государственной регистрации [6].

Между тем, в Указе Президента Российской Федерации от 13.05.2017 № 208 «О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года» к основным вызовам и угрозам экономической безопасности отнесены, в том числе: недостаточно эффективное государственное управление; высокий уровень криминализации и коррупции в экономической сфере; сохранение значительной доли теневой экономики. А причина объявить теневую экономику угрозой экономической безопасности есть и очень веская – в Российской Федерации доля теневой экономики составила 39 % от ВВП [7].

Но ведь и в Республике Беларусь с теневой экономикой дела обстоят далеко не лучшим образом – по оценкам экспертов МВФ, объём теневой экономики в Беларуси составляет 32,4 % ВВП [8].

Как видим, уровни теневой экономики в соседних странах сопоставимы, однако отношение российских учёных к теневой экономике существенно отличается от отношения их белорусских коллег. На это указывает уже сам факт существования обширной научной литературы по проблематике теневой экономики и мерам противодействия ей.

В качестве основных негативных последствий нелегального бизнеса могут быть отмечены следующие.

Теневая экономика оказывает разрушающее воздействие на все стороны легального предпринимательства:

препятствует эффективному развитию рыночной экономики [9, с. 15];

вызывает кризис в сфере социально-экономического управления (влияние государства на теневой сектор экономики крайне ограничено, большинство мер воздействия на него оказываются неэффективными) [10, с. 102];

деструктивно влияет на режим конкуренции, деформирует механизм рынка [11, с. 25; 12, с. 48];

оказывает негативное влияние на отраслевую структуру экономики, экономический рост и развитие отдельных отраслей [11, с. 25; 12, с. 48; 10, с. 102];

исключает инвестиционное развитие (субъекты теневой экономической деятельности не вкладывают деньги в развитие производства) [10, с. 102];

приводит к деформации инвестиционных процессов [11, с. 25], к ухудшению инвестиционного климата, вследствие чего наблюдается спад производства [9, с. 15];

создаёт невидимые барьеры повышению эффективности официально работающих производственных предприятий [11, с. 25; 12, с. 48];

отрицательно воздействует на воспроизводство рабочей силы в легальной экономике [11, с. 25; 12, с. 48];

теневые процессы отрицательно сказываются на создании эффективно работающих легальных предприятий вследствие их неконкурентоспособности в сравнении с неофициальными экономическими субъектами [12, с. 48];

предприятия теневой экономики повсеместно нарушают права потребителей [11, с. 25; 12, с. 48];

теневая экономика не позволяет осуществлять правовую защиту прав и интересов участников теневого сектора экономики, лишая их социальных гарантий и помощи [9, с. 15];

размах теневых экономических процессов отрицательно сказывается на международных экономических отношениях и связях [11, с. 25].

Существенный урон наносит теневой бизнес финансово-бюджетной сфере государства:

теневые отношения деформируют налоговую систему страны, препятствуют достаточным налоговым поступлениям в бюджеты всех уровней [12, с. 48];

теневая деятельность отрицательно влияет на состояние государственных финансов, сокращает государственный бюджет, деформирует его структуру и бюджетную сферу, денежно-кредитную систему страны [11, с. 25];

высокие трансакционные издержки функционирования экономической системы и крупный теневой сектор приводят к огромным потерям экономического потенциала и ресурсов впустую [13, с. 70].

Теневая экономика приводит к общей социальной деградации общества:

дискредитирует право как основной инструмент регулирования жизни государства и общества [9, с. 15];

деформирует структуру потребления вследствие несправедливого перераспределения доходов, а также расширения рынков нелегально производимых товаров и услуг [12, с. 48];

разрушает государственную систему справедливого распределения национального богатства снижает доверие к власти [9, с. 15];

морально и физически разлагает общество (подпольные производства пищевой промышленности часто нарушают установленные стандарты, что отрицательно сказывается на здоровье людей и состоянии окружающей среды; постоянное нарушение законов, за которым не следует наказание, формирует психологию вседозволенности) [10, с. 102];

наносит серьёзный вред экологии страны [11, с. 25].

Нелегальное предпринимательство повсеместно сопровождается совершением иных преступлений против порядка осуществления экономической деятельности.

Средства, добытые в сфере незаконного предпринимательства, используются для приобретения материальных ценностей, недвижимости, вложения в акции и т.п., в связи с чем неизбежным является совершение такого преступления, как легализация преступных доходов. Попытки придания видимости законности теневому бизнесу приводят к подделкам либо похищению документов, всевозможных бланков, печатей и т. д. Выпуск контрафактной продукции, выпуск продукции, не соответствующей требованиям безопасности, и многие-многие другие преступления совершаются в сфере теневого бизнеса. Теневая экономика формирует и питает свою собственную криминальную среду, поскольку вовлекает в незаконную деятельность множество контрагентов (как бизнесменов, так и наёмных работников). Представители теневого бизнеса не ограничивают себя в выборе средств устранения препятствий, прибегая не только к прямому подкупу, но и к насилию.

Нелегальная экономика порождает организованную, в том числе, транснациональную преступность [9, с. 15].

Теневой бизнес является благодатной почвой для паразитирования на нём общеуголовной преступности (рэкет, вымогательство, разбойные нападения, убийства и т. п.), что создаёт угрозу личной безопасности бизнесменов и иных вовлечённых в бизнес лиц.

По мнению Б. О. Блашенцева, «механизм функционирования криминальной экономики проявляется: в сращивании интересов преступного мира

с интересами коррумпированной части бюрократии; в формировании нерегулируемого сектора экономики с отведением главной роли в организации экономических связей неформальным отношениям. Криминализация экономики является постоянной угрозой личной безопасности и сохранности собственности, что оказывает стимулирующее воздействие на эмиграцию населения и вывоз капитала в более безопасные регионы мира» [14, с. 82].

Теневая экономика является материальной основой коррупции во всех сферах жизнедеятельности общества [9, с. 15; 10, с. 102; 11, с. 25; 12, с. 48].

Ю. В. Латов и Н. В. Артемьев рекомендовали обновление доктрины национальной безопасности, которое, по их мнению, «могло бы стать знаковым событием в борьбе с коррупцией и иными видами теневой экономической деятельности. Если борьба с коррупцией и с теневой экономикой в целом будет объявлена долгосрочным приоритетом деятельности по укреплению национальной безопасности, то это окажет сильное влияние на изменение «правил игры» в хозяйственной деятельности» [15, с. 36].

Я. Ю. Радюкова и М. А. Федорова полагают необходимым в рамках государственной стратегии экономической безопасности создать заслон коррумпирования чиновников теневыми доходами: «В связи с этим в рамках Государственной стратегии экономической безопасности Российской Федерации должна быть разработана и реализована в максимально сжатые сроки комплексная программа по предупреждению и предотвращению легализации в официальной экономике незаконных (теневых) доходов, включая меры по совершенствованию налоговой системы, предотвращению оттока капитала за рубеж и сокращению масштабов коррупции [16, с. 156].

Коррупция и теневая экономика рассматриваются И. В. Нуштаевым как неразрывный симбиоз: «Теневая экономика порождает коррупцию, а коррупция, в свою очередь, создаёт основу расцвета теневой экономики. Причина и следствие, цель и средство здесь настолько взаимоувязаны и переплетены, что создают порочный замкнутый круг.

Во-первых, теневая экономика может существовать и развиваться в значительных масштабах лишь в условиях коррумпированности всех систем государственной власти и управления. Во-вторых, теневая экономика формирует коррупционные отношения во всех тех сферах политики и экономики, от которых зависит её благополучное существование. В-третьих, коррупция вынуждает теневую экономику оставаться в тени и вести нелегальный бизнес. В-четвертых, коррупция создаёт основу для формирования новых сфер и видов теневой экономики. В-пятых, теневая экономика – финансовая основа коррупции, а коррупция – финансовая основа теневой экономики» [17, с. 227].

Теневой бизнес – угроза демократическим устоям общества и политической системе государства.

Особо следует отметить опасность существования теневой экономики для основ политического государственного устройства. Материальные ресурсы теневой экономики используются не только для коррумпирования чиновников действующей власти, но и для продвижения своих представителей во властные кабинеты через всевозможные схемы подкупа избирателей, финансирования избирательных компаний своих ставленников и т.д., о чём достаточно подробно писалось в научной литературе [18].

Теневая экономика имеет тенденцию к самоорганизации и институционализации С. А. Тертышный обращает внимание на исследования перуанского экономиста Э. де Сото, который «на примерах доказывает, что в теневом бизнесе, как и в легальном, действует сила права (конечно, права специфического, т. е. нелегального). Мир теневого бизнеса во многом копирует мир бизнеса легального, заимствуя эффективные формы организации: во всех видах нелегальной деятельности существуют устойчивые организации, которые координируют контакты теневиков друг с другом и с законными государственными институтами. Складывается впечатление, что в «тени» живёт параллельный мир со своими профсоюзами, судами, правовыми нормами, который во многом эффективнее официального мира. Даже процесс подкупа государственных чиновников трансформируется здесь из эпизодического правонарушения в устойчивый порядок, с которым согласны все его участники.

Рассмотренный в работе Э. де Сото довольно сложный механизм самоорганизации теневого бизнеса убедительно доказывает несостоятельность упрощённых представлений о рынке, где каждый сам за себя. Высокие трансакционные издержки легального бизнеса делают исключительно индивидуалистическую деятельность заведомо неэффективной, заставляя экономических агентов сплачиваться в нелегальные организации, существование которых приобретает устойчивый характер, причём происходит постепенная институционализация всё большего числа неформальных норм» [13, с. 71].

Рассматривая теневую экономику как первооснову деформации всех сторон социальной жизнедеятельности общества, М. П. Хрипков дал следующую её обобщающую характеристику: «В современной России теневые процессы захлестнули не только экономику, но и неэкономические сферы, относящиеся к политике, праву, науке, российскому обществу в целом. Особенность теневых социальных рынков заключается в том, что они возникают из необходимости решения тех или иных острых, актуальных для общества социальных проблем, что способствует расширению теневых процессов. Поэтому если говорить о генезисе теневых процессов в социальных сферах, то они вторичны по отношению к теневой экономике. Являясь источником теневых процессов, экономика становится «площадкой», от которой получают свой негативный импульс и другие сферы общества. В результате оказывается, что теневые процессы выходят за рамки экономики и проникают во все остальные сферы общественной жизни. Происходит это в большей степени через различные коррупционные схемы уже не только «субъектов экономики», но и разнообразных членов социального сектора. Модели поведения, сложившиеся в теневой экономике, начинают осуществляться и за её пределами. В результате «теневое пространство» в стране непрерывно расширяется, захватывая новых социальных субъектов, новые социальные институты, новые социальные организации» [10, с. 100].

В качестве заключения к проведённому обзору мнений по поводу теневой экономики могут быть использованы следующие слова А. С. Кокина, О. В. и В. Н. Ясеневых: «Изучив историю появления проблемы теневых финансов в стране и мире в целом, а также проследив тенденции развития всовременном мире, можно сделать вывод, что с появлением рыночной экономики проблема теневой экономики не исчезла, а обрела новую силу и, к сожалению, со временем крепнет и обретает новые формы, подстраиваясь как

под законодательство, так и под среду в целом. Поэтому проблема теневой экономики, а в частности, коррупции – как следствия этого глобального экономического явления, становится одной из самых актуальных тем на данный момент и требует, помимо глубокого анализа, также и разработки новых форм и способов снижения влияния на экономику» [19, с. 337].

Многие исследователи предостерегают от необоснованных иллюзий возможности лёгкой победы над теневой экономикой, а отдельные авторы даже убеждены в невозможности полной победы над этим негативным явлением.

Тем не менее, учёные настойчиво предлагают наряду с противодействием нелегальному бизнесу посредством существенного улучшения предпринимательской атмосферы, не забывать о необходимости создания «условий невозможности осуществления подпольного бизнеса в любой форме, для чего необходимо усиление мер административной и уголовной ответственности для подпольных производителей, установление против незаконных предпринимателей жёстких экономических санкций в соответствии с их доходами и нанесённым обществу ущербом» [20, с. 133].

К дифференцированному подходу использования репрессивных мер противодействия теневой экономике призывают также Д. Г. Маслов и Е. А. Кизон: «Полагаем, что в силу различия природы разных форм теневой экономики государственное воздействие на неё должно осуществляться дифференцированно. Неофициальная, неформальная и фиктивная формы теневой экономической деятельности должны подвергаться в большей степени косвенному воздействию через совершенствование норм и «правил игры», создание стимулов легализации бизнеса. В то же время нелегальная и криминальная формы должны подавляться прямым государственным принуждением» [21, с. 179].

Исключение уголовной ответственности за незаконную предпринимательскую деятельность в надежде привлекать к ответственности за уклонение от уплаты налогов будет означать фактическую невозможность привлечения к уголовной ответственности вообще, поскольку с незаконной деятельности налоги не взыскиваются. Если всё же обязать незаконных предпринимателей платить налоги, то ситуация будет выглядеть и вовсе нелицеприятной, поскольку такое требование равносильно принуждению к самодоносу, перераспределению преступных доходов, а далее налоги на взятки и т. д. Незаконно добытое имущество взыскивается не посредством налогообложения, а посредством совершенно иного механизма – специальной конфискации. К тому же налоги начисляются на прибыль и иные объекты, а незаконное предпринимательство определяется по общему доходу, впрочем, и то, и другое определить без ведения официального учёта весьма проблематично.

Заключение

Либерализация рыночной экономики должна осуществляться посредством улучшения качества правового регулирования именно экономических отношений. Что же касается вопросов криминализации или декриминализации отклоняющегося поведения в экономической сфере, то эти процессы должны осуществляться в соответствии с принципами государственной уголовно-правовой политики.

Список использованных источников

1. Марчук, К. В. Автор – предприниматель или нет? К вопросу о незаконной предпринимательской деятельности [Электронный ресурс] / К. В. Марчук // СПС КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр». – Минск, 2018.

2. Данисевич, А. Н. Совершенствование законодательства об уголовной ответственности за незаконную предпринимательскую деятельность / А. Н. Данисевич // Промышленно-торговое право. – 2015. – № 2. – С. 88-91.

3. Хилюта, В. В. Декриминализация незаконной предпринимательской деятельности: аргументы "за" [Электронный ресурс] / В. В. Хилюта // СПС КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр». – Минск, 2018.

4. Захилько, К. С. К вопросу о криминализации незаконной (без регистрации) предпринимательской деятельности [Электронный ресурс] / К. С. Захилько // СПС КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр». – Минск, 2018.

5. Шилин, Д. В. Ответственность за незаконную предпринимательскую деятельность через призму интересов / Д. В. Шилин // Промышленно-торговое право. – 2017. – № 6. – С. 51-54.

6. См.: О проекте Закона Республики Беларусь «Об изменении некоторых кодексов Республики Беларусь» [Электронный ресурс] // постановление Палаты представителей Нац. собрания Респ. Беларусь от 29 июня 2018 г. № 287-П6/IV // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.

7. Марков, О. Россия вошла в пятёрку стран с крупнейшей теневой экономикой / О. Марков, В. Фейнберг // РБК [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://rbc.ru/economics/30/06/2017/595649079a79470e968e7bf. – Дата доступа: 11.09.2018.

8. Орешко, А. По оценкам экспертов МВФ, объём теневой экономики в Беларуси составляет 32,4 % // Белорусский портал TUT.BY [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://news.tut.by/economics/580624.html. – Дата доступа: 29.08.2018.

9. Черепашкин, А. С. Теневая экономика как угроза экономической безопасности / А. С. Черепашкин, А. Д. Комлева // Вестник Уральского института экономики, управления и права. – 2017. – №1. – С. 13-17.

10. Хрипков, М. П. Теневая экономика и коррупция / М. П. Хрипков // Вестник финансового университета. 2013. № 2. С. 98-103.

11. Мациевский, Н. С. Теневая экономика: анализ и оценки / Н. С. Мациевский // Известия Томского политехнического университета. – 2010. – Т. 316. – № 6. – С. 22-29.

12. Найдёнов, А. С. Теневая экономика в условиях экономического кризиса: диагностика состояния и прогнозирование последствий / А. С. Найдёнов, И. А. Кривенко // Экономика региона. – 2013. – № 1. – С. 46-53.

13. Тертышный, С. А. Институциональные основы теневой экономики современной России / С. А. Тертышный // Проблемы современной экономики. – 2011. – № 4. – С. 67-72.

14. Блашенцев, Б. О. Феномен теневой экономики / Б. О. Блашенцев // Научно-исследовательские публикации. – № 6. – 2014. – С. 77-83.

15. Латов, Ю. В. Роль противодействия теневой экономике в обеспечении национальной экономической безопасности / Ю. В. Латов, Н. В. Артемьев // Труды Академии управления МВД России. – 2014. – № 1. – С. 32-37.

16. Радюкова, Я. Ю. Некоторые аспекты государственного противодействия теневой экономике / Я. Ю. Радюкова, М. А. Федорова // Социально-экономические явления и процессы. – 2014. – Т. 9. – № 11. – С. 154-159.

17. Нуштаев, И. В. Теневая экономика и коррупция как угрозы экономической безопасности национального хозяйства России / И. В. Нуштаев // Социально-экономические явления и процессы. – 2011. – № 12. – С. 226-230.

18. Барсукова, С. Ю. Сращивание теневой экономики и теневой политики / С. Ю. Барсукова // Мир России. – 2006. – № 3. – С. 158-179.

19. Кокин, А. С. Теневая экономика в мировом экономическом пространстве / А. С. Кокин, О. В. Ясенев, В. Н.Ясенев // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: Экономические науки. – 2014. – № 1. – С. 333-337.

20. Георгиева, Е. Х. Направления государственной экономической политики в сфере противодействия теневой экономике / Е. Х. Георгиева // Теория и практика общественного развития. – 2014. – № 11. – С. 131-133.

21. Маслов, Д. Г. Теневая экономика в России как системное институциональное явление / Д. Г. Маслов, Е. А. Кизон // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2013. – № 4. – С. 167-180.

Аннотация. В статье рассмотрены проблемы уголовной ответственности за осуществление предпринимательской деятельности без государственной регистрации, проанализировано уголовное законодательство ряда зарубежных государств, мнения отечественных учёных по анализируемой проблематике. Особое внимание уделено вопросам криминализации и декриминализации незаконной предпринимательской деятельности, показан высокий уровень общественной опасности теневой экономики, которая деформирует легальные основы ведения рыночной экономики, деструктивно влияет на бюджетно-финансовую сферу государственной жизнедеятельности, закрепляет неправовые механизмы регулирования отношений в сфере бизнеса, неизменно порождает организованную преступность и коррупцию. Сделан вывод о необходимости осуществлять либерализацию условий ведения бизнеса посредством улучшения качества правового регулирования экономических отношений и решать вопросы криминализации или декриминализации отклоняющегося поведения в экономической сфере в соответствии с принципами государственной уголовно-правовой политики.

ILLEGAL BUSINESS – SHADOW ECONOMY – CRIMINAL LIABILITY

Babiy N.A.

Keywords: criminal legal policy, criminal responsibility, illegal business, shadow economy, economic security.

Abstract. The article deals with the problems of criminal liability for the implementation of entrepreneurial activity without state registration as well as the criminal legislation of a number of foreign states and the views of native scientists of the quoted problems are analyzed. Particular attention is paid to the criminalization and decriminalization of illegal entrepreneurial activities, high level of public danger of the shadow economy, which deforms the legal foundations of the market economy, destructively affects the budgetary and financial sphere of state life, fixes illegal mechanisms for regulation of relations in business is shown here which invariably engenders organized crime and corruption. It was concluded that it is necessary to liberalize the business

environment by improving the quality of legal regulation of economic relations and to resolve issues of criminalization or decriminalization of deviant behavior in the economic sphere in accordance with the principles of state criminal and legal policy.

УДК 343.241

ИНСТИТУТ НАКАЗАНИЯ В УГОЛОВНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ СТРАН БАЛТИИ: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ

Давидовская В.А.

Ключевые слова: уголовное наказание, уголовно-правовое воздействие, правовое регулирование, уголовный проступок, юридическое лицо.

Введение

Общественные отношения в современных условиях подвержены динамичным изменениям, в связи с чем возникает необходимость не только совершенствования регулирующего законодательства, но и переосмысления основ уголовного права, а также роли устоявшихся уголовно-правовых институтов. Решать поставленные задачи нужно в том числе и с учетом процессов, происходящих в зарубежных странах.

В уголовной политике государства одна из ключевых ролей отводится уголовному наказанию. Наказание выступает основным уголовно-правовым средством в борьбе с преступностью, представляющей угрозу национальной безопасности и социально-экономическому развитию государства. При помощи наказания защищаются права и свободы человека, а также поддерживается стабильность в обществе и обеспечивается правопорядок. До сих пор в уголовном праве содержательные вопросы наказания продолжают оставаться дискуссионными, а отдельные положения уголовно-правового воздействия и системы его мер – нерешенными. Уголовный закон Республики Беларусь закрепляет лишь то, что «наказание является принудительной мерой уголовно-правового воздействия» (ст. 47), данный факт позволяет судить об уголовном наказании как основном институте в общей системе мер уголовно-правового воздействия. Отметим, что данную точку зрения разделяют и представители научного мира, среди которых Э.А. Саркисова [1, с. 25], Ф.К. Набиулин [2, с. 15], С.П. Донец [3, с. 86], А.В. Звонов [4, с. 138–139], М.В. Бавсун [5, с. 20] и др.

Для национального уголовного законодательства отправной точкой исследования является момент становления Республики Беларусь как правового государства, которое сопровождалось коренными изменениями в данной сфере, связанными с принятием нового Уголовного кодекса (далее – УК) Республики Беларусь 1999 г. [6]. Как отмечает Э.А. Саркисова, это «явилось значительным этапом в развитии уголовной политики государства» [7, с. 542]. Вектором уголовной политики государства стал ориентир на сокращение объема лишения свободы и таких исключительных видов наказания, как пожизненное заключение и смертная казнь, а также расширение сферы применения наказаний, не связанных с изоляцией от общества. Указанные направления не утратили своей актуальности и на сегодняшний день.

В рамках данной публикации продолжается исследование, посвященное поиску оптимальной модели законодательного установления категории «наказание» с учетом опыта зарубежных государств [8]. Обратимся к уголовному законодательству стран Балтии, которые выбрали собственный путь развития после распада СССР. Среди таких стран: Литовская Республика (далее – Литва) [9], Латвийская Республика (далее – Латвия) [9], Эстонская Республика (далее – Эстония) [9].

Аспектами исследования, представляющими научный интерес, являются: законодательное закрепление понятия «наказание» и его признаков, а также отдельные вопросы системы и видов наказаний. Зарубежный опыт показывает, что поиск путей по снижению количества лиц, осуждаемых к лишению свободы, приводит к расширению системы мер уголовно-правового воздействия и введению в уголовное законодательство новых категорий деяний, подлежащих уголовно-правовой оценке. Как правило, отмеченные категории не влекут такого негативного последствия как «судимость». В этой связи представляют особый интерес последние тенденции реформирования зарубежного уголовного законодательства в виде закрепления «уголовного проступка» в качестве одной из категорий уголовно наказуемого деяния и определения юридического лица как объекта уголовно-правового воздействия.

Методологическую основу исследования составит сравнительно-правовой анализ как один из методов научного познания для юридических наук.

Основная часть

Уголовный закон Республики Беларусь в ст. 47 закрепляет понятие наказания путем указания на его признаки. Рассмотрение дефиниции «наказание» в странах Балтии позволило установить, что в уголовном законодательстве Эстонии данное определение отсутствует, а в Литве и Латвии имеет место нормативное закрепление указанного понятия. Так, уголовный закон Латвии устанавливает, что «наказанием, предусмотренным Уголовным законом, является мера принуждения, к которой лицо, виновное в совершении преступного деяния, в рамках настоящего закона от имени государства приговаривается судом или в предусмотренных законом случаях назначается прокурором с составлением предписания о наказании» (ч. 1 ст. 35). В ч. 1 ст. 41 УК Литвы сказано, что «наказание есть мера государственного принуждения, назначаемая по приговору суда лицу, совершившему преступление или уголовный проступок».

Таким образом, наличие законодательного определения наказания представляется необходимым. Категория «наказание» позволяет определить перечень основных признаков (например, «мера принуждения» или «мера государственного принуждения»; назначаемое по приговору суда и т.д.), отличающих его от иных мер уголовно-правового воздействия.

Рассмотрение вопроса об уголовном наказании невозможно без обращения к видам наказаний и в целом к системе наказаний, в которой проявляются основные векторы развития уголовной политики государства.

Сравнительное исследование законодательства стран Балтии позволило установить ряд особенностей в отношении видов наказаний (или системы наказаний). Касаемо количества наказаний в рассматриваемых странах установлено следующее. Уголовный закон Латвии предусматривает 7 видов наказаний, из которых 3 основных (лишение свободы, принудительные работы, штраф) и 4 дополнительных (конфискация имущества, выдворение из

Латвийской Республики, ограничение прав, надзор пробации). В УК Литвы указано 6 наказаний, применяемых за преступление и 4 наказания – за уголовный проступок. Пенитенциарный кодекс Эстонии содержит 2 основных наказания за преступление (денежное взыскание, тюремное заключение) и 3 основных наказания за проступок (штраф, арест, лишение права управления транспортными средствами), а также самое большое количество дополнительных наказаний – 9 видов.

В УК Республики Беларусь система наказаний состоит из 10 видов наказаний, выстроенных по принципу возрастания карательного воздействия. Законодатель Литвы и Эстонии расположил наказания аналогичным образом – от менее строго к более строму, иной подход предусмотрен в уголовном законе Латвии (от более строгого к менее строгому). Наиболее мягким наказанием в Республике Беларусь признаются «общественные работы», а самыми строгими видами выступают «пожизненное заключение» и «смертная казнь». Анализ уголовного законодательства стран Балтии позволяет констатировать, что самым мягким видом наказания в Латвии и Эстонии за преступление и за уголовное правонарушение (или проступок) является «штраф» («денежное взыскание»), а в Литве – «публичные работы». Наиболее строгим наказанием за преступное деяние в Латвии значится «лишение свободы», в Литве за совершение преступления – «пожизненное лишение свободы», а в Эстонии – «тюремное заключение».

Для целей настоящего исследования представляет интерес деление наказаний в уголовном законодательстве балтийских государств на основные и дополнительные виды. Уголовному праву Беларуси известны основные, дополнительные и смешанные наказания (ст. 48 УК). Схожий подход закреплен в уголовном законе Латвии, в котором предусмотрен перечень основных и дополнительных видов наказания (ст. 36) за совершение преступного деяния. Из данного перечня следует, что принудительные работы и штраф являются «смешанными» наказаниями.

Другой подход в УК Литвы, который не разделяет наказания на основные и дополнительные. В перечне видов наказаний, предусмотренных ст. 42 УК, усматриваются отдельные наказания, применяемые за совершение преступления и за уголовный проступок. Согласно ч. 5 ст. 42 УК, «если за совершение нескольких преступлений назначаются более двух различных видов наказаний, суд, назначая окончательное наказание по совокупности, из назначенных наказаний оставляет два наказания: одно из них – самое строгое, а второе выбирает по своему усмотрению». На наш взгляд, из указанного следует, что либо к виновному лицу применяются два основных наказания, либо одно наказание «самое строгое» является основным, а второе («выбираемое по своему усмотрению») – выполняет функцию дополнительного.

Для Пенитенциарного кодекса Эстонии характерно наличие отдельной главы о видах и мерах наказаний (Глава 3), содержащей нормы, регламентирующие отдельные основные виды наказаний, применяемые за преступления и за проступок (Раздел 1 и Раздел 2), а также дополнительные наказания, применяемые к физическому лицу за виновные деяния (Раздел 3). Из содержания таких видов наказания как «денежное взыскание» и «лишение права управления транспортными средствами» можно предположить, что они являются «смешанными» наказаниями. В соответствии со ст. 62 Пенитенциарного кодекса

Эстонии «за одно виновное деяние могут применяться одно основное наказание и одно или несколько дополнительных наказаний».

По рассматриваемому вопросу в обязательном порядке стоит обратить внимание на наличие в странах Балтии двухзвенной системы уголовно наказуемых деяний и соответствующих им наказаний. Изучив категоризацию преступлений, закрепленную в ст. 10 УК Республики Беларусь, можно сделать вывод, что национальная система наказаний напрямую не дифференцирована в зависимости от категории преступлений, однако косвенно можно отметить определенные закономерности. Так, наказание в виде штрафа или общественных работ не может быть установлено за особо тяжкие преступления, равно как пожизненное заключение и смертная казнь могут быть назначены только при осуждении за особо тяжкое преступление.

Уголовный закон Латвии подразделяет в соответствии с характером угрозы личным или общественным интересам и вредом преступные деяния на уголовные правонарушения и преступления (ч. 1 ст. 7). Под уголовным правонарушением понимается «деяние, за которое настоящим законом предусмотрено лишение свободы на срок от пятнадцати дней, но не более трех месяцев (кратковременное лишение свободы), или вид более мягкого наказания» (ч. 2 ст. 7). В отношении перечня наказаний за уголовное правонарушение и преступление каких-либо существенных отличий не установлено.

В соответствии с УК Литвы преступные деяния подразделяются на преступления и уголовные проступки (ст. 10). Согласно ч. 1 ст. 11 УК «преступлением является опасное и настоящим Кодексом запрещенное деяние (действие или бездействие), за совершение которого предусмотрено наказание в виде лишения свободы». В ст. 12 УК дано определение уголовного проступка, которым «является опасное и настоящим Кодексом запрещенное деяние (действие или бездействие), за совершение которого предусмотрено наказание, не связанное с лишением свободы, за исключением ареста». Следует отметить, что включение в УК Литвы категории «уголовный проступок» не отразилось на классификации преступлений, которые подразделяются на преступления небольшой тяжести, преступления средней тяжести, тяжкие преступления и особо тяжкие преступления (ч. 2 ст. 11).

Пенитенциарный кодекс Эстонии говорит о виновном деянии в виде преступления или проступка (ч. 2 ст. 3). Под преступлением понимается «виновное деяние, предусмотренное настоящим Кодексом, за совершение которого в качестве основного наказания для физического лица предусмотрено денежное взыскание или тюремное заключение, а для юридического лица – денежное взыскание» (ч. 3 ст. 3). Проступком является «виновное деяние, предусмотренное настоящим Кодексом или иным законом, за совершение которого в качестве основного наказания предусмотрены штраф, арест или лишение права управления транспортными средствами» (ч. 4 ст. 3). Таким образом, в Эстонии основные виды наказаний дифференцированы в зависимости от степени общественной опасности совершенного виновного деяния: чем выше степень общественной опасности виновного деяния, тем серьезнее уровень карательных элементов в уголовном наказании. В отношении проступка стоит отметить, что наказуемым является только его исполнение (ст. 23). Покушение на проступок является наказуемым в случаях, установленных кодексом или иным законом (ст. 25^1).

В Республике Беларусь наказания применяются к лицам, признанным виновными в совершении преступления. Опыт зарубежных государств по введению категории «уголовный проступок» является полезным для национального уголовного законодательства, так как немалое количество (28,5 %) осужденных по данным Верховного Суда Республики Беларусь [10] совершили преступления, не представляющие большой общественной опасности, что повлекло возникновение состояния судимости, которое за данную категорию преступлений можно было бы избежать, если бы предусматривалась в национальном уголовном законе такая уголовно-правовая категория, как «уголовный проступок». Отметим также, что к преступлениям выше обозначенной категории относятся умышленные преступления и преступления, совершенные по неосторожности, за которые законом предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок не свыше двух лет (ч. 2 ст. 12 УК). Чуть более 55 % осужденных, приговоренных к лишению своды в нашей стране, осуждены на краткие сроки (до двух лет) [10].

Согласно УК Республики Беларусь, уголовной ответственности подлежат только физические лица, характеризующиеся признаками возраста и вменяемости. Важнейшей особенностью уголовного законодательства стран Балтии является закрепление правовых норм в отношении различных объектов уголовно-правового воздействия: физическое лицо и юридическое лицо. В ст. 43 УК Литвы содержится перечень видов наказаний, назначаемых юридическому лицу, среди которых: штраф; ограничение деятельности юридического лица; ликвидация юридического лица. Пенитенциарный кодекс Эстонии предусматривает за преступление в качестве основного наказания для юридического лица «денежное взыскание» (ч. 8 и ч. 9 ст. 44), а в качестве дополнительного наказания за виновное деяние может применяться: «лишение права обработки сведений, составляющих государственную тайну и являющихся засекреченной внешней информации на условиях, предусмотренных статьей 52^1 настоящего Кодекса; запрет на содержание животных на условиях, установленных статьей 52^2 настоящего Кодекса» (ст. 55^1). Отдельно стоит выделить уголовный закон Латвии, содержащий главу VIII-1 «Применяемые к юридическим лицам принудительные меры воздействия». В данной главе содержатся отдельные правовые нормы, регламентирующие основания для применения к юридическому лицу принудительной меры воздействия, виды мер воздействия, а также условия их применения. В качестве принудительных мер воздействия юридическому лицу могут быть назначены следующие меры: ликвидация, ограничение прав, конфискация имущества, денежное взыскание (ст. 70-2).

Необходимо отметить такую тенденцию, присущую уголовному законодательству стран Балтии, как динамичность развития. Обозначенная тенденция характерна и для национального уголовного права [11]. Уголовное законодательство стран Балтии находится в процессе совершенствования в части установления уголовного наказания и его системы. Подтверждением этому являются изменения и дополнения, затрагивающие правовые нормы о наказании. Так, из уголовного закона Латвии в 2011 г. был исключен такой вид наказания как «смертная казнь», а в 2012 г. – «арест». Из УК Литвы в 2011 г. были исключены «лишение публичных прав» и «лишение права выполнять определенную работу или заниматься определенной деятельностью».

В Пенитенциарный кодекс Эстонии были внесены изменения в отношении отдельных видов наказания, вступившие в силу в 2015 г. Такое наказание как «принудительная ликвидация юридического лица» было исключено, а отдельные положения 10 видов как основных, так и дополнительных наказаний за совершение виновного деяния подверглись преобразованию.

Заключение

Таким образом, проведенное сравнительное исследование позволило установить особенности правового регулирования уголовного наказания в странах Балтии. Основной спецификой уголовного законодательства балтийских государств является:

во-первых, наличие двухзвенной системы уголовно наказуемых деяний. В Литве и Латвии наказания применяются за совершение преступного деяния (преступление и уголовное правонарушение (или уголовный проступок), а в Эстонии за совершение виновного деяния (преступление и проступок). Таким образом, уголовный проступок находится на стыке административного правонарушения и преступления в зависимости от степени общественной опасности. В соответствии с данной категоризацией уголовные законы балтийских государств дифференцируют наказание и иные меры уголовно-правового воздействия в зависимости от вида уголовного правонарушения;

во-вторых, наличие правовых норм в отношении различных объектов уголовно-правового воздействия: физическое лицо и юридическое лицо. Так, в уголовном законе Литвы предусмотрен перечень наказаний, назначаемых юридическому лицу, в Пенитенциарном кодексе Эстонии для данных лиц перечень наказаний делится на основные и дополнительные виды, а в соответствии с уголовным законодательством Латвии к юридическому лицу применяются принудительные меры воздействия. Согласно уголовному закону Республики Беларусь юридическое лицо не является объектом уголовно-правового воздействия. Однако в перспективе развития национального законодательства представляется актуальным заимствование зарубежного опыта по введению уголовной ответственности юридического лица в связи с необходимостью повышения защиты интересов общества и государства в сфере экономических правоотношений.

Обозначенные направления и связанные с ними особенности представляются актуальными в плане проектирования на перспективу в национальное уголовное законодательство норм об уголовном проступке и юридическом лице как объекте уголовно-правового воздействия. Соответственно, в ходе подобных реформ потребуется опыт зарубежных стран в дифференциации уголовных наказаний по новым критериям, в установлении новых мер уголовно-правового воздействия.

Стоит также отметить, что наказания, связанные с имущественными ограничениями или лишениями, в странах Балтии являются наиболее мягкими, а наказания, связанные с изоляцией от общества, в процессе реформирования уголовного законодательства сокращаются. В связи с этим представляется целесообразным пересмотреть систему наказаний, закрепленную в уголовном законе Республики Беларусь, на сравнительную тяжесть. Для национального уголовного права проведенное исследование является полезным в направлении переосмысления и дальнейшего развития наказания как основной меры уголовно-правового воздействия.

Список цитированных источников

1. Саркисова, Э. А. Теоретические основы уголовно-правового воздействия / Э. А. Саркисова // Актуальные проблемы совершенствования уголовного законодательства на современном этапе : сб. науч. ст. / под ред. Д. В. Шаблинской. – Минск, 2016. – Вып. 2-й, посвящ. 80-летию проф. Э. А. Саркисовой. – С. 11–30.

2. Набиулин, Ф. К. Некарательные меры уголовно-правового характера: природа, система и социально-правовое назначение : автореф. дис. … канд. юрид. наук : 12.00.08 / Ф. К. Набиулин ; ГОУ ВПО «Казанский государственный университет им. В.И. Ульянова-Ленина». – Казань, 2008. – 24 с.

3. Донец, С. П. Квалифицированные и привилегированные составы преступлений в системе уголовно-правового воздействия : моногр. / С. П. Донец. – М. : Юрлитинформ, 2015. – 208 с.

4. Звонов, А. В. Теоретические и практические аспекты содержания системы мер уголовно-правового характера / А. В. Звонов // Вестник Кузбасского института. – 2014. – № 2(19). – С. 138–143.

5. Бавсун, М. В. Уголовно-правовое воздействие: идеология, цели и средства реализации : автореф. дисс. … д-ра юрид. наук : 12.00.08 / М. В. Бавсун ; Министерство внутренних дел Российской Федерации, Омская академия. – Омск, 2013. – 39 с.

6. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 9 июля 1999 г. № 275-З : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 18.07.2017 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.

7. Саркисова, Э. А. Современная уголовно-правовая политика Республики Беларусь: содержание, тенденции, перспективы / Э. А. Саркисова // Право в современном белорусском обществе : сб. науч. тр. / Нац. центр законодательства и правовых исследований Респ. Беларусь ; редкол.: В. И. Семенков (гл. ред) [и др.]. – Минск, 2011. – Выпуск 6. – С. 539–547.

8. Давидовская, В. А. Закрепление института наказания в уголовном законодательстве стран СНГ: сравнительно-правовой анализ / В. А. Давидовская // Право.by. – 2018. – № 4. – С. 126–131.

9. Центр документов БДИПЧ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.legislationline.org/documents/section/criminal-codes. – Дата доступа: 15.08.2018.

10. Статистические сведения за 2017 г. [Электронный ресурс] / Национальный центр законодательства и правовых исследований Республики Беларусь. – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).

11. Проект Закона Республики Беларусь «Об изменении некоторых кодексов Республики Беларусь» [Электронный ресурс] // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – Режим доступа: http://pravo.by/document/?guid=3941&p0=2018024001. – Дата доступа: 30.08.2018.

Аннотация. Статья посвящена особенностям правового регулирования уголовного наказания в законодательстве стран Балтии. Особое внимание уделено ряду специфических вопросов, связанных с системой наказаний. В результате сравнительно-правового анализа определены возможные направления совершенствования национального уголовного законодательства.

INSTITUTE FOR PUNISHMENT IN CRIMINAL LEGISLATION OF THE BALTIC STATES: COMPARATIVE-LEGAL RESEARCH

Davidovskaya V.A.

Key words: criminal punishment, criminal law impact, legal regulation, criminal infraction, corporate person.

Abstract. The article is devoted to the peculiarities of the legal regulation of criminal punishment in the legislation of the Baltic States. Particular attention is attending to a several peculiar issues associated with punishment system. The author determines contingent directions of development national criminal legislation as a result of the comparative-legal research.

УДК 343.57

СПЕЦИАЛЬНЫЕ ОСНОВАНИЯ ОСВОБОЖДЕНИЯ ОТ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПРЕСТУПЛЕНИЯ, СВЯЗАННЫЕ С НЕЗАКОННЫМ ОБОРОТОМ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ ПРЕКУРСОРОВ ИЛИ АНАЛОГОВ

Дрозд А.Н.

Ключевые слова: незаконный оборот наркотиков, освобождение от уголовной ответственности, деятельное раскаяние, добровольная выдача, совершенствование уголовного законодательства.

Введение

Действующее уголовное законодательство весьма обстоятельно и многопланово регламентирует вопросы ответственности за общественно опасные деяния, связанные с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров или аналогов. Именно множественность и разнообразие описанных в законе криминальных деликтов, дифференциация видов составов преступлений, за совершение которых установлены различные по характеру и степени суровости наказания, возможность освобождения от уголовной ответственности позволяют проводить гибкую карательно-воспитательную политику по отношению к лицам, нарушающим законодательство по борьбе с наркоманией [1, с. 62].

Статьей 88 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК) предусмотрена возможность освобождения от уголовной ответственности лица, совершившего тяжкое или особо тяжкое преступление, в случаях, специально предусмотренных Особенной частью УК. Такая норма содержится, в частности, в примечании к ст. 328 УК и устанавливает, что лицо, добровольно сдавшее наркотические средства, психотропные вещества, их прекурсоры или аналоги и активно способствовавшее выявлению или пресечению преступления, связанного с незаконным оборотом этих средств, веществ, изобличению лиц, их совершивших, обнаружению имущества, добытого преступным путем, освобождается от уголовной ответственности за данное преступление.

Первоначально подобная норма появилась в связи с возросшим количеством выявленных на территории СССР потребителей наркотических средств в начале

80-х годов прошлого века. Распространенность немедицинского употребления наркотических средств среди молодежи, рост наркопреступности послужили основанием к принятию Президиумом Верховного Совета СССР Указа от 22 июня 1987 года «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты СССР». В результате был расширен перечень уголовно наказуемых деяний, предусмотрен ряд профилактических норм, дифференцирована ответственность по данной категории преступлений. Руководствуясь указанным нормативным актом, Президиум Верховного Совета БССР Указом № 22 от 31 июля 1987 года внес изменения в ст. 219-1 УК, которая дополнилась примечанием. Было определено, что при добровольной сдаче наркотических средств лицо освобождается от уголовной ответственности за их приобретение, хранение, перевозку и их пересылку, причем, независимо от наличия умысла на сбыт. Частью 2 указанного примечания устанавливалось, что лицо, добровольно обратившееся в медицинское учреждение за оказанием медицинской помощи в связи с потреблением наркотических средств в немедицинских целях, освобождается от уголовной ответственности за потребление наркотических средств без назначения врача, а также за незаконное приобретение, хранение, перевозку и пересылку потребленных наркотических средств без цели сбыта.

Основная часть

В действующем УК данная поощрительная норма в целом была сохранена, но введено дополнительное обстоятельство – «лицо, активно способствовавшее раскрытию или пресечению преступления». Вместе с тем, УК не содержит и прежней нормы об освобождении от ответственности в связи с добровольным обращением в медицинское учреждение.

Необходимо отметить, что институт освобождения от уголовной ответственности выступает одной из эффективных мер уголовно-правовой профилактики преступлений, предусмотренных ст. 328 УК. Однако более подробный анализ выявляет некоторые несовершенства в плане уголовно-правовой регламентации данного института. Научно-практический анализ примечания к ст. 328 УК позволяет заключить, что законодательная версия механизма освобождения от уголовной ответственности лиц, добровольно сдавших наркотические средства либо способствовавших раскрытию преступлений, представляется неоправданно усложненной, не стимулирует добровольную выдачу наркотических средств, не в полной мере демонстрирует идею, заложенную в содержание рассматриваемого института.

Так, отметим, что данное специальное основание относится к императивным, и его скорее следует называть основанием непривлечения к уголовной ответственности, а не освобождения от нее [2]. Закон предусматривает не возможность, а обязательность освобождения лица от уголовной ответственности, поскольку ставит на первый план задачу способствования раскрытию (пресечению) тяжкого, особо тяжкого или менее тяжкого преступления [3].

В соответствии с разъяснениями, содержащимися в постановлении Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 26 марта 2003 года № 1 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными веществами, их прекурсорами и аналогами, сильнодействующими и ядовитыми веществами (ст.ст. 327-334 УК)» (далее –

постановление Пленума) освобождение лица от уголовной ответственности по данному основанию возможно при совокупности двух обязательных условий: добровольной сдаче наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров или аналогов и его активном способствовании выявлению или пресечению преступления, связанного с незаконным оборотом этих средств и веществ, изобличению лиц, его совершивших, обнаружению имущества, добытого преступным путем [4].

Однако, как нам представляется, эти положения вызывают ряд вопросов.

Во-первых, как видно из ранее приведенного текста, основанием освобождения является соблюдение одновременно двух условий. Однако, с одной стороны, можно предположить, что на момент принятия решения о деятельном раскаянии лицо может не иметь во владении наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров или аналогов по различным причинам в виде, полного сбыта, употребления до момента задержания и т.д. С другой стороны, не во всех случаях лицо (особенно в случае совершения преступления впервые), раскаявшееся в совершении преступления, может обладать необходимой информацией для выявления или пресечения других преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, что, однако, отнюдь не может само по себе являться причиной признания неискренности и недостаточности раскаяния.

В связи с данными обстоятельствами считаем возможным обозначить вопрос внесения изменений в УК и построить примечание таким образом, чтобы оно состояло из альтернативных действий, выполнение одного из которых было бы достаточно для освобождения лица от уголовной ответственности, то есть заменить союз «и» между первым и вторым условиями освобождения от уголовной ответственности на союз «или».

Во-вторых, в настоящее время содержание формулировки «способствовавшее выявлению или пресечению преступления, связанного с незаконным оборотом этих средств, веществ, изобличению лиц, их совершивших, обнаружению имущества, добытого преступным путем» не раскрыто в законодательстве. Отсутствуют указания на документы (протоколы опроса, явки с повинной, постановления о возбуждении уголовного дела, документы о заведении дел оперативного учета, вступившие в законную силу приговоры в отношении иных лиц), которыми должна быть официально оформлена такая помощь правоохранительным органам. Правоведами называются в качестве подобных действий указание сотрудникам правоохранительных органов на источники распространения наркотических средств, а также лиц, занимающихся данной преступной деятельностью, указание мест сокрытия ценностей, добытых в результате совершения таких преступлений, оказание необходимой помощи в процессуальном закреплении сообщаемых сведений и т.п. [5, с. 723]. Нами, в частности, предлагается под «активным способствованием» понимать «активные действия, оформленные соответствующими процессуальными документами, способствовавшие выявлению или пресечению преступлений, предусмотренных ст.ст. 327-332 УК, установлению и привлечению к ответственности лиц, их совершивших, получению и закреплению доказательств, изъятии из незаконного оборота наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров или аналогов, выявлении и наложении ареста на имущество, добытое преступным путем»,

а под «добровольной сдачей» – «выдачу или сообщение о месте нахождении наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров или аналогов представителям органов уголовного преследования при наличии у лица реальной возможности распорядится ими иным способом».

Как представляется, все эти вопросы в целях единой правоприменительной практики, понятности и прозрачности для граждан установленных процедур должны быть разрешены в виде соответствующего дополнения примечания к ст. 328, где необходимо закрепить и раскрыть понятия «добровольная выдача» и «активное способствование», либо дополнить соответствующими положениями постановление Пленума.

В-третьих, не в полной мере понятно решение законодателя, который ограничил применение данного института освобождения от уголовной ответственности рамками только ст. 328 УК. Буквальное толкование нормы приводит к выводу, что данная норма может быть применена только к лицу, совершившему преступления, предусмотренные ст. 328 УК и только в случае способствования выявлению или раскрытию или пресечению преступления, связанного с незаконным оборотом этих средств, веществ, что также указывает на ст. 328 УК. Думается, что это положение неверно. В целях системного применения института освобождения от уголовной ответственности по специальным основаниям необходимо указанные условия распространить на любые незаконные действия с наркотическими средствами, психотропными веществами, их прекурсорами или аналогами. Это предложение уже назрело и в научных кругах [6, с. 6]. С другой стороны, не совсем понятна полная лояльность к виновным лицам в рамках особо квалифицированных составов ст. 328 УК (ч.ч. 4-5).

Еще один принципиальный момент освобождения от уголовной ответственности связан с признанием наркомании болезнью. Как за рубежом, так и у нас в стране наркоманию специалисты определяют как заболевание, характеризующееся патологическим влечением к наркотикам. В этой связи, представляется целесообразным обсудить вопрос о возможности если не освобождения от ответственности лиц, больных наркоманией, то, во всяком случае, о применении определенных «послаблений». Так, например, Е.Л. Харьковский предлагает освобождать от уголовной ответственности за совершение преступлений, аналогичных предусмотренным ч.1 ст.328 УК, лиц в случае признания их судебно-медицинской экспертизой больными наркоманией с одновременным применением к ним принудительных мер безопасности и лечения [7, с. 128]. Мы считаем, что данное, возможно излишне радикальное, предложение может быть отчасти реализовано в положении следующего содержания: «К лицу, совершившему преступление, предусмотренное ч.1 ст. 327, ч.1 ст. 328, ч. 1 ст. 328-1, ст. 328-2, ч.1 ст. 329, в установленном законом порядке признанному больным наркоманией, выразившему желание на прохождение медицинского лечения и социального восстановления, может быть применена отсрочка исполнения наказания в соответствии с положения ст.77 настоящего закона, независимо от наличия предыдущих осуждений к лишению свободы, с одновременным применением принудительных мер безопасности и лечения». Как видно, мы разделяем мнение М.Л. Прохоровой, высказывающей критику относительно ограничения возможности применения отсрочки таким условием, как осуждение к лишению

свободы впервые, так как в данном случае речь идет о больных людях и, как представляется, им следует давать шанс на избавление от пагубной зависимости, невзирая на количество совершенных ими преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров или аналогов [8, с. 56].

Следует указать, что уголовно-правовые нормы профилактического воздействия, несомненно, относятся к прогрессивным чертам законодательства и положительно сказываются на состоянии оперативной обстановки и уровне преступности. Подобные положения имеют место и в законодательстве зарубежных стран. В соответствии с ч.2 примечания к ст.296 Уголовного кодекса Республики Казахстан лицо, добровольно сдавшее наркотические средства, психотропные вещества, их аналоги, прекурсоры, приобретенные им для личного потребления, либо добровольно обратившееся в медицинское учреждение за оказанием медицинской помощи в связи с потреблением наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов в немедицинских целях, либо активно способствовавшее раскрытию или пресечению преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов, прекурсоров, изобличению лиц, их совершивших, обнаружению имущества, добытого преступным путем, освобождается от уголовной ответственности по указанной статье. Уголовным кодексом Украины предусмотрено освобождение от уголовной ответственности за незаконное их производство, изготовление, приобретение, хранение, перевозку, пересылку в случае добровольной выдачи наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов и указания источника их приобретения или содействия раскрытию преступлений, связанных с их незаконным оборотом. Кроме того, в соответствии с ч.4 ст. 309 Уголовного кодекса Украины лицо, добровольно обратившееся в лечебное учреждение и начавшее лечение от наркомании, освобождается от уголовной ответственности за незаконное производство, изготовление, приобретение, хранение, перевозку или пересылку наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов без цели сбыта. Аналогичная норма, но уже о применении отсрочки исполнения наказания в отношении наркоманов, добровольно приступивших к лечению, содержится в Уголовном кодексе Российской Федерации (ст. 82.1).

Не менее интересное положение, связанное с добровольным отказом от участия в преступных организациях, занимающихся наркобизнесом, содержит законодательство Франции. Так, лицо, являющееся членом преступной группы, образованной с целью совершить незаконные действия, связанные с наркотиками, освобождается от наказания, если оно поможет предотвратить преступление и установить личность других участников группы. Если преступное деяние уже совершено и не было никакой возможности его предотвратить, максимальный срок наказания, предусмотренного за такое преступление законом, сокращается в два раза для участника преступления при условии, если он до привлечения его к ответственности будет содействовать привлечению к ответственности других участников преступления или, будучи привлечен к ответственности, станет содействовать их аресту.

Заключение

Таким образом, проанализировав институт освобождения от уголовной ответственности за преступления, связанные с незаконным оборотом

наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров или аналогов, предусмотренный примечанием к ст. 328 УК, мы пришли к выводу о том, что уже само его наличие отвечает принципам справедливости и гуманизма. Однако в целях более широкого и единообразного его применения следует на законодательном уровне обсудить вопросы распространения условия освобождения от уголовной ответственности на любые незаконные действия с наркотическими средствами, психотропными веществами, их прекурсорами или аналогами, (за исключением ч.ч. 4-5 ст. 328 УК), а также более широко раскрыть содержание данных условий, определив их в качестве альтернативных. По нашему мнению, подобное конструирование примечания привело бы к существенному увеличению раскрываемости преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, и способствовало борьбе с наркоманией в целом. Кроме того, представляется возможным обсудить вопрос о применении отсрочки исполнения наказания к лицам, больным наркоманией, и совершившим преступления, предусмотренные ч.1 ст. 327, ч.1 ст. 328, ч. 1 ст. 328-1, ст. 328-2, ч.1 ст. 329, при одновременном назначении принудительных мер безопасности и лечения. Также может быть перенят опыт французского законодателя об освобождении от наказания участников преступной группы в целях более эффективной борьбы с наркобизнесом.

Список цитированных источников

1. Майоров, А. А. Наркотики: преступность и преступления / А. А. Майоров, В. Б. Малинин. – СПб. : Издательство «Юридический центр Пресс», 2002. – 290 с.

2. Радыно, Т. В. Общие вопросы освобождения от уголовной ответственности и наказания / Т. В. Радыно // КонсультантПлюс. Беларусь [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.

3. Саркисова, Э. А. Деятельное раскаяние и его уголовно-правовое значение / Э. А. Саркисова // КонсультантПлюс. Беларусь [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.

4. О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными веществами, их прекурсорами и аналогами, сильнодействующими и ядовитыми веществами (ст.ст.327-334 УК) [Электронный ресурс]: Постановления Пленума Верховного суда Респ. Беларусь, 26 марта 2003 г. N 1 // Эталон-Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.

5 Научно-практический комментарий к Уголовному кодексу Республики Беларусь / Н. Ф. Ахраменка [и др.] ; под общ. ред. А. В. Баркова, В. М. Хомича. – Минск : ГИУСТ БГУ, 2007. – 1112 с.

6. Алиева, Р. Х. Уголовно-правовые и криминологические проблемы борьбы с незаконным оборотом наркотиков (по материалам Республики Дагестан): автореф. дис. … канд. юрид. наук: 12.00.08 / Р. Х. Алиева. – Махачкала, 2005. – 36 с.

7. Харьковский, Е. Л Уголовная ответственность за незаконный оборот наркотических средств и психотропных веществ / Е. Л. Харьковский; под ред.д.ю.н., профессора А. В. Наумова. М. : Издательство «Юрлитинформ», 2003. – 212 с.

8. Прохорова, М. Л. Уголовно-правовая политика противодействия наркотизму: эволюция приоритетов / М. Л. Прохорова, Т. В. Пилюгина // Общество: политика, экономика, право. – 2016. – № 11. С. 54–56.

Аннтотация. Рассматриваются вопросы условий освобождения от уголовной ответственности по специальному основанию, содержащемуся в примечании к статье 328 Уголовного кодекса Республики Беларусь. Дается критический анализ положений и предлагаются пути выхода и возможные направления совершенствования законодательства в данной области. Приводятся примеры иностранного законодательства. Ставится вопрос о более широком применении института отсрочки исполнения наказания к лицам, больным наркоманией, за совершение преступлений, не связанных со сбытом наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров или аналогов.

SPECIAL GROUNDS FOR EXEMPTION FROM CRIMINAL LIABILITY FOR CRIMES RELATED TO ILLICIT TRAFFICKING IN NARCOTIC DRUGS, PSYCHOTROPIC SUBSTANCES, THEIR PRECURSORS OR ANALOGUES

Drozd A.N.

Keywords: drug trafficking, exemption from criminal liability, active repentance, voluntary extradition, active promotion of detection and suppression, improvement of criminal legislation.

Abstract. The article deals with issues related to the conditions for exemption from criminal liability on a special basis contained in a note to Article 328 of the Criminal Code of the Republic of Belarus. The author analyzes the provisions and suggests possible directions for improving legislation in this area. There are examples of foreign legislation in the article. The article raises the issue of the wider application of the institution of delaying the execution of punishment to persons who are ill with drug addiction, for committing crimes that are not connected with the sale of narcotic drugs, psychotropic substances, their precursors or analogues.

УДК 343.54 (477)

УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ЗЛОСТНОЕ НЕВЫПОЛНЕНИЕ ОБЯЗАННОСТЕЙ ПО УХОДУ ЗА РЕБЕНКОМ ИЛИ ЗА ЛИЦОМ, ОТНОСИТЕЛЬНО КОТОРОГО УСТАНОВЛЕНА ОПЕКА ЛИБО ПОПЕЧИТЕЛЬСТВО, ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ УКРАИНЫ

Евтеева Д.П.

Ключевые слова: преступления против семьи и несовершеннолетних, злостное невыполнение обязанностей по уходу за ребенком или подопечным, тяжкие последствия, родители, усыновители, опекун, попечитель, патронатный воспитатель, родители-воспитатели, приемные родители, ребенок, подопечный.

Введение

В Уголовном кодексе (далее – УК) Украины 2001 г. в ст. 166 установлена ответственность за злостное невыполнение родителями, опекунами либо попечителями установленных законом обязанностей по уходу за ребенком или за лицом, в отношении которого установлена опека либо попечительство, повлекшее тяжкие последствия. Данное преступление наказывается ограничением свободы на срок от двух до пяти лет или лишением свободы на тот же срок. Согласно ч. 3 ст. 12 УК Украины это преступление является

преступлением средней тяжести. Что касается статистики применения данной нормы, по данным Генеральной прокуратуры по ст. 166 УК Украины в 2017 г. зарегистрировано 155 уголовных правонарушений.

Необходимо отметить, что в УК Беларуси 1999 г. такая норма отсутствует, в то же время в ст. 176 этого УК предусмотрена ответственность за отдельную форму указанного деяния, а именно жестокое обращение с подопечными, либо умышленное оставление их без надзора или необходимой помощи, повлекшие существенное ущемление прав и законных интересов подопечных.

Представляется, что опыт Украины относительно существования уголовной ответственности за злостное невыполнение обязанностей по уходу за ребенком или за лицом, относительно которого установлена опека либо попечительство, а также практика применения нормы ст. 166 УК Украины будут интересными и полезными для научной общественности, законодателя и правоохранительных органов Беларуси.

Рассмотрим основные особенности признаков этого состава.

Основная часть

Основным непосредственным о*бъектом преступления*, предусмотренного ст. 166 УК Украины, являются общественные отношения, обеспечивающие нормальное развитие и воспитание несовершеннолетних, а также нормальное существование совершеннолетних подопечных. *Дополнительным факультативным* объектом могут выступать жизнь, здоровье, имущество ребенка либо подопечного. *Потерпевшими* от этого преступления являются дети, а также подопечные лица (несовершеннолетние и совершеннолетние).

Объективная сторона данного преступления выражается в деянии, последствиях, а также причинной связи между ними. *Общественно опасное деяние* заключается в *злостном* невыполнении родителями, опекунами или попечителями установленных законом обязанностей по уходу за ребенком или за лицом, в отношении которого установлена опека либо попечительство. Согласно нормам Гражданского кодекса Украины (далее – ГК), Семейного кодекса Украины (далее – СК), Закона Украины «Об охране детства», других нормативно-правовых актов на родителей, опекунов и попечителей возложен ряд обязанностей личного неимущественного и имущественного характера в отношении детей или подопечных. В частности, согласно ст. 12 указанного Закона родители или лица, их заменяющие, имеют право и обязаны воспитывать ребенка, заботиться о его здоровье, физическом, духовном и нравственном развитии, обучении, создавать надлежащие условия для развития его природных способностей, уважать достоинство ребенка, готовить его к самостоятельной жизни и труду. Вместе с тем понятие «обязанности по уходу», упоминающееся в ст. 166 УК, в регулятивном законодательстве не содержится, но законодатель употребляет понятие «обязанности по воспитанию и развитию». Поэтому возникает вопрос о содержании понятия «обязанности по уходу». Согласно толковому словарю «ухаживать» означает заботиться о ком-чем-нибудь, оказывать помощь, услуги кому-нибудь [1, с. 751].

Таким образом, по нашему мнению, уход родителей, опекунов и попечителей за детьми или подопечными охватывает широкий круг обязанностей по их воспитанию, физическому, психическому, духовному, социальному и интеллектуальному развитию, обеспечению нормальных условий для существования (питание, одежда, бытовые условия и др.) в соответствии с их

возрастом и состоянием здоровья, заботе об их здоровье, надзоре за ними и ограждению их от различных негативных факторов, удовлетворению по крайней мере основных их потребностей.

В уголовно-правовой литературе отмечается, что объективная сторона рассматриваемого преступления может выражаться в оставлении детей без всякого присмотра на длительный промежуток времени, безосновательном ограничении детей или подопечных в питании, одежде, других предметах первой необходимости; непредоставлении денежного содержания; уклонении от ухода и лечения, уклонении от воспитания детей (необеспечении посещения ими школы, отсутствии контроля за проведением досуга), необеспечении потерпевшему безопасных условий по месту жительства или в другом месте, искусственном создании неудовлетворительных бытовых условий и т.д., что привело к тяжким последствиям [2, с. 56; 3, с. 302; 4, с. 457]. На наш взгляд, к этим формам нельзя относить непосредственное непредоставление денежного содержания, подпадающего под признаки преступления, предусмотренного ст. 164 УК Украины «Уклонение от уплаты алиментов на содержание детей» (а именно в форме злостного уклонения родителей от содержания несовершеннолетних или нетрудоспособных детей, находящихся на их иждивении).

По мнению одних ученых, указанное преступление может быть совершено в формах как действия (ненадлежащее исполнение обязанностей), так и бездействия (невыполнение этих обязанностей) [2, с. 55; 3, с. 302], по мнению же других – только в форме бездействия [4, с. 457; 9, с. 306]. Представляется, следует присоединиться к последней точке зрения, ведь законодатель в диспозиции прямо не предусмотрел ненадлежащего выполнения обязанностей. В этом контексте О. И. Белова справедливо отмечает, что ненадлежащее исполнение обязанностей по уходу за ребенком (например, применение к нему физических наказаний и других видов наказаний или ограничений, унижающих достоинство ребенка) безосновательно осталось за пределами состава этого преступления, а поэтому указанные действия должны быть включены в него [10, с. 98-99].

В соответствии с рассматриваемой нормой невыполнение обязанностей должно быть злостным. Злостность является оценочным понятием и определяется судом в каждом отдельном случае. К обстоятельствам, которые свидетельствуют о злостном характере такого невыполнения, в научной литературе относят, в частности, его продолжительность, систематичность, а также неоднократные обращения потерпевшего, представителей власти, образовательных, медицинских и других учреждений, органов опеки и попечительства, граждан по поводу ненадлежащего исполнения указанных выше обязанностей, продолжение уклонения после таких обращений [2, с. 56; 3, с. 303; 4, с. 457; 5, с. 27].

Вместе с тем среди ученых и практических сотрудников имеют место споры о свойственности признака злостности такому деянию, как однократное, временное невыполнение обязанностей по уходу за ребенком. В частности, некоторые практические сотрудники считают, что такое деяние не является злостным и может быть только основанием административной ответственности родителей или лиц, их заменяющих [5, с. 26]. В то же время в научной литературе высказывается мнение, согласно которому в некоторых случаях

злостным может быть признано не только длительное или систематическое невыполнение соответствующих обязанностей, но и их однократное невыполнение [3, с. 303]. На практике нередко возникает ситуация, когда ребенок по недосмотру родителей выпадает из окна квартиры многоэтажного дома, в результате чего наступают тяжкие последствия в виде тяжкого телесного повреждения или его смерти. В таких случаях правоохранительные органы обычно возбуждают уголовные дела по ст. 166 УК Украины [6; 7]. Но, представляется, что не каждый недосмотр родителей за своим ребенком, повлекший указанные последствия, следует автоматически квалифицировать как злостное невыполнение обязанностей по уходу.

По нашему мнению, одноразовое непродолжительное невыполнение обязанностей, даже если оно повлекло тяжкие последствия, нельзя считать злостным. Согласно толковому словарю «злостный» – исполненный зла, злых умыслов; сознательно недобросовестный; закоренелый в чем-нибудь дурном [1, с. 207]. Представляется, что это понятие характеризует как объективную сторону деяния (общественную опасность, вредность), так и субъективную его сторону (указывает на умысел). На наш взгляд, можно предложить следующие критерии, которые в совокупности свидетельствуют о злостности невыполнения обязанностей: а) количественно-темпоральный (объективный) критерий, выражающийся в значительной продолжительности во времени, систематичности уклонения от выполнения обязанностей по уходу; б) качественно-реляционный[1] (субъективный) критерий, который проявляется в равнодушном отношении родителей к ребенку (подопечному), сознательном оставлении их в неблагоприятных условиях, при которых могут наступить тяжкие последствия, или сознательном занятии пассивной позиции в решении проблем ребенка или подопечного.

Относительно *тяжких последствий* большинство ученых согласны с тем, что как оценочное понятие они определяются в каждом конкретном случае. Позиции исследователей несколько различаются в возможном объеме таких последствий. Проанализировав точки зрения специалистов по этому поводу, можно сделать вывод, что указанные последствия можно разделить на следующие группы:

– вред, причиненный ребенку или подопечному: а) физический вред (смерть, самоубийство, инвалидность, существенное ухудшение состояния здоровья, заболевания опасной болезнью, психическое заболевание) б) вред физическому, духовному, психическому, интеллектуальному и социальному развитию, деградация (отставание ребенка в развитии, существенное отставание в учебе, уклонение от учебы, необеспечение получения ребенком среднего образования, занятие попрошайничеством, бродяжничеством, пьянством, совершение им или с их участием общественно опасных деяний) в) имущественный вред [9, с. 306; 10, с. 128-129; 2, с. 56; 4, с. 152; 11, с. 171];

– вред, причиненный третьим лицам: а) физический вред (совершение ребенком или подопечным общественно опасных деяний, которые привели к смерти других лиц, причинению существенного вреда их здоровью) б) имущественный вред (нанесение ребенком или подопечным в результате совершения общественно опасного деяния большого материального ущерба) [4, с. 457].

[1] *Примечание.* Реляционный (от лат. relativus – относительный) – выражающий отношение [8].

При этом следует отметить, что противоречивыми в научной доктрине и на практике моментами являются отнесение к тяжким последствиям, в частности, совершение ребенком общественно опасного деяния, предусмотренного в УК, причинение вследствие этого физического или имущественного ущерба третьим лицам, причинение ребенку или подопечному имущественного ущерба, а также необеспечение получения ребенком общего среднего образования. Некоторые специалисты в области уголовного права считают такие последствия тяжкими [9, с. 306; 10, с. 128-129; 4, с. 457; 11, с. 171]. Вместе с тем, по мнению С. Н. Морозюка, совершение ребенком деяния, содержащего признаки преступления, нельзя признавать тяжким последствием из-за возникновения противоречия с принципом индивидуальной уголовной ответственности. Ведь если дети достигли соответствующего возраста, они должны отвечать за содеянное, а если не достигли, то их родители не должны нести за это уголовную ответственность. Также исследователь считает, что к тяжким последствиям нецелесообразно относить и вред, причиненный детьми и подопечными лицами, поскольку по нормам гражданского законодательства (ст.ст. 1178, 1179, 1184 ГК Украины) такой ущерб возмещается родителями, опекунами, попечителями [12, с. 118, 122]. Соглашаясь с этими аргументами, добавим, что, на наш взгляд, совершение ребенком преступления или общественно опасного деяния, содержащего признаки преступления (если ребенок не достиг соответствующего возраста уголовной ответственности), или иного правонарушения само по себе не может быть признано тяжким последствием. Однако это может свидетельствовать о деградации ребенка, формировании у него антисоциальных установок, укоренении девиантных форм поведения, что, в свою очередь, вполне может быть признано тяжким последствием. Кроме того, по нашему мнению, тяжкими при злостном невыполнении обязанностей по уходу ... следует признавать только последствия, причиненные именно ребенку (подопечному).

На наш взгляд, к тяжким последствиям может быть отнесено причинение ребенку или подопечному имущественных убытков (например, опекун оставил подопечного ребенка на длительное время без присмотра, а ребенок, играя со спичками, поджег собственный дом, в результате чего последний сгорел). При этом следует отметить, что, когда лица, наделенные полномочиями по опеке или попечительству, злоупотребляют ими, преследуя корыстную цель, и вместе с тем злостно не выполняют своих обязанностей, причиняют подопечному тяжкие последствия, такие действия необходимо квалифицировать по совокупности преступлений, предусмотренных ст.ст. 166 и 167 УК «Злоупотребление опекунскими правами». Отметим, что на практике такие случаи встречаются [13].

По нашему мнению, необеспечение получения ребенком среднего образования следует признавать тяжким последствием. Школа играет важную роль в приобретении ребенком основных знаний и навыков, формировании его мировоззрения, раскрытии его способностей, росте его как личности, подготовке к взрослой жизни. Поэтому если ребенок длительное время пропускает занятия, нивелируется влияние одного из основных источников его воспитания. Таким образом, ребенок, не получив среднее образование, обычно отстает от своих сверстников в развитии. Кроме того, не закончив школу, он теряет возможность учиться в высшем учебном заведении, что в дальнейшем может негативно

сказаться на его трудоустройстве. Именно эти обстоятельства, на наш взгляд, определяют необходимость отнесения такого последствия к тяжким.

Наиболее распространенными видами тяжких последствий, которые признают суды на практике, являются расстройства школьных навыков, несформированность сложных форм интеллектуальной деятельности, ограниченный кругозор, недостаточный активный словарь ребенка, недостаточное развитие основных познавательных процессов: памяти, внимания, мышления вследствие социально-педагогической запущенности [14, с. 87]. На практике встречаются и другие по характеру, такие, которые не были указаны выше, последствия, которые суды признают тяжкими, в частности, пропажа ребенка без вести как следствие недосмотра родителей [15]. Представляется необходимым предоставить судам соответствующие рекомендации относительно толкования понятия «тяжкие последствия» в виде примерного их перечня на уровне постановления Пленума Верховного Суда Украины или Высшего специализированного суда Украины по рассмотрению гражданских и уголовных дел.

Необходимо подчеркнуть, что между деянием и последствиями обязательно должна быть установлена причинная связь. На это обращают особое внимание апелляционные суды при отмене приговоров местных судов и направлении дел на дополнительное расследование [16; 17].

Субъективная сторона данного преступления характеризуется виной в форме прямого умысла к действиям и неосторожности к последствиям. Цель и мотив являются факультативными признаками этого преступления и могут учитываться при назначении наказания.

Относительно круга *субъектов* этого преступления в диспозиции нормы ст. 166 УК Украины непосредственно указано на родителей, опекунов и попечителей. Исследователи, которые толкуют содержание этой нормы наиболее близко к букве закона, в основном добавляют в этот круг также и усыновителей [2, с. 57; 4, с. 457; 10, с. 148]. Другие ученые относят к субъектам данного преступления также приемных родителей, родителей-воспитателей детского дома семейного типа, патронатных воспитателей, также и должностных лиц органа опеки и попечительства, должностных лиц или работников учебного заведения, учреждения здравоохранения или учреждения социальной защиты населения [3, с. 303].

По нашему мнению, отнесение усыновителей к субъектам этого преступления является вполне допустимым, поскольку статус усыновителя законодатель приравнял к статусу родителей (что, в частности, следует из положений ч. 1 ст. 207, ч. 4 ст. 232, ч. 1 ст. 233 СК Украины).

К лицам, которые могут быть субъектами преступления, предусмотренного ст. 166 УК Украины, также могут быть отнесены приемные родители, родители-воспитатели детского дома семейного типа, а также патронатные воспитатели, поскольку первые и вторые полностью являются приравненными в статусе к опекунам или попечителям, а третьи имеют определенные права и обязанности опекунов и попечителей. Этот вывод следует из того, что патронатный воспитатель обязан обеспечить ребенка жильем, одеждой, питанием и т.д. (п. 1 ст. 255 СК); создать ребенку условия для обучения, физического и духовного развития (п. 2 ст. 255 СК); обеспечить предоставление или доступ к услугам, определенным договором о патронате над ребенком (п. 4 ст. 255 СК). В свою

очередь, приемные родители и родители-воспитатели являются законными представителями детей и действуют без специальных на то полномочий как опекуны или попечители (ч. 4 ст. 256^2, ч. 4 ст. 256^6 СК). Кроме того, они несут обязанности по воспитанию и развитию детей, аналогичные обязанностям родных родителей в отношении собственных детей (ч. 2 ст. 256^2 и ч. 2 ст. 256^6 СК).

Что касается должностных лиц органов опеки и попечительства и специализированных учреждений, то они не могут быть отнесены к таким субъектам. В соответствии со ст. 63 ГК опекуном или попечителем может быть только физическое лицо с полной гражданской дееспособностью. Указанные же должностные лица не являются опекунами или попечителями, поскольку указанные органы или учреждения, являющиеся юридическими лицами, выполняют – что подчеркивает законодатель – функции опекунов (статьи 65, 66 ГК, ч. 1 ст. 245 СК), поэтому их статус не является тождественным статусу опекунов (попечителей). Так, должностные лица специализированных учреждений (учебных, здравоохранения, социальной защиты) не ухаживают за детьми, взрослыми подопечными. Непосредственный уход в таких заведениях осуществляют их уполномоченные на то работники. Должностные же лица руководят и контролируют их деятельность. Уголовная ответственность за незаконные действия в этой сфере устанавливается на основании норм раздела XVII Особенной части УК Украины «Преступления в сфере служебной деятельности и профессиональной деятельности, связанной с предоставлением публичных услуг».

На наш взгляд, во избежание проблем, которые могут случиться на практике, представляется целесообразным предложить путь совершенствования исследуемой нормы в части дополнения перечня субъектов данного преступления. При этом следует учитывать, что обязанности по уходу за ребенком или подопечным, кроме вышеуказанных лиц, могут также возлагаться законодательством или договорами, в частности, на нянь, гувернанток, работников различных учреждений (учебных, лечебных, социальной защиты населения), где временно находится или постоянно проживает лицо. Кроме того, развитие общественных отношений в этой сфере не исключает появление новых форм устройства детей-сирот, детей, лишенных родительского попечения (например, в 2010 г. в г. Бровары открыт первый в Украине СОС-Детский Городок – специализированное воспитательное учреждение для проживания, содержания и воспитания детей-сирот и детей, лишенных родительского попечения) [18].

Таким образом, предлагается расширить и открыть перечень субъектов рассматриваемого преступления.

Заключение

С учетом вышесказанного, предлагаем изложить норму ст. 166 УК в такой редакции: «Злостное невыполнение *или ненадлежащее выполнение* обязанностей по уходу за ребенком или за лицом, в отношении которого установлена опека либо попечительство, совершенное родителями, *усыновителями,* опекунами, попечителями *или другими лицами, на которых возложены такие обязанности законом или договором,* повлекшее тяжкие последствия, - наказывается…».

Список цитированных источников

1. Ожегов, С. И. Словарь русского языка: ок. 57 000 слов / под ред. Н. Ю. Шведовой. – М.: Рус. яз., 1984. 816 с.

2. Зінченко, І. О. Кримінально-правова охорона виборчих, трудових та інших особистих прав і свобод людини і громадянина (аналіз законодавства і судової практики) : монографія / І.О. Зінченко. – Х. : Вапнярчук Н. М., 2007. – 320 с.

3. Кримінальне право. Особлива частина : підручник / за ред. : О. О. Дудоров, Є. О. Письменський. – Луганськ : Елтон – 2, 2012. – Т. 1. – 780 с.

4. Науково-практичний коментар Кримінального кодексу України / за ред. М. І. Мельника, М. І. Хавронюка. – 9-те вид., переробл. та допов. – К.: Юридична думка, 2012. – С. 457.

5. Гардецький, О. Застосування статті 166 Кримінального кодексу України. Деякі проблемні питання // Вісн. прокуратури. – 2003. – 1 (19). – С. 25–27.

6. На Одещині міліція проводить перевірку за фактом травмування дитини [Електронний ресурс] // Офіц. сайт Міністерства внутрішніх справ України. – Режим доступу: http://www.mvs.gov.ua/mvs/control/dn/uk/publish/printable_article/1582527.

7. В Іршаві через недогляд матері трирічна дитина випала з вікна [Електронний ресурс] // Інтернет-видання «Закарпаття онлайн Beta». – Режим доступа: http://zakarpattya.net.ua/News/141483-V-Irshavi-cherez-nedohliad-materi-tryrichna-dytyna-vypala-z-vikna.

8. Большой толковый словарь русского языка [Электронный ресурс] // сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. – 1-е изд. – СПб. : Норинт, 1998. – Режим доступа: http://enc-dic.com/word/r/Relyacionnyj-22483.html.

9. Науково-практичний коментар до Кримінального кодексу України. – 4-те вид., переробл. та доповн. / відп. ред. С. С. Яценко. – К.: А. С. К., 2005. – 848 с.

10. Белова, О. І. Кримінально-правова характеристика злочинів проти сім'ї та неповнолітніх : дис. … канд. юрид. наук : 12.00.08 / О. І. Белова; Харків. нац. ун-т внутр. справ. – Х., 2006. – 184 с.

11. Хавронюк, М. І. Довідник з Особливої частини Кримінального кодексу України / М. І. Хавронюк. – К.: Істина, 2004. – 504 с.

12. Морозюк, С. М. Кримінально-правова характеристика злочинів проти інтересів сім'ї та підопічних (ст. ст. 164-169 КК України) : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / С. М. Морозюк; Ін-т держави і права ім. В. М. Корецького НАН України. – К., 2012. – 205 с.

13. Вирок Сторожинецького районного суду Чернівецької області [Електронний ресурс] : справа № 1-167 від 15 черв. 2010 р. // Єдиний державний реєстр судових рішень. – Режим доступу : http://reyestr.court.gov.ua/Review/10153952.

14. Ахтирська, Н. М. Розгляд справ стосовно жорстокого поводження з дітьми судами України: аналіз законодавства та практики його застосування / Н. М. Ахтирська, О. О. Кочемировська, Г. О. Христова та ін. – К.: К.І.С., 2010. 124 с.

15. Вирок Коломийського міськрайонного суду [Електронний ресурс] : справа № 1-34 від 29 січ. 2010 р. // Єдиний державний реєстр судових рішень. – Режим доступу : http://www.reyestr.court.gov.ua/Review/45221254.

16. Ухвала Апеляційного суду Миколаївської області [Електронний ресурс] : справа № 1490/4486 від 23 жовт. 2012 р. // Єдиний державний реєстр судових рішень. – Режим доступу : http://reyestr.court.gov.ua/Review/27335701.

17. Определение Апелляционного суда Днепропетровской области [Електронний ресурс] : дело № 445/1-1012 от 22 мая 2012 г. // Єдиний державний реєстр судових рішень. – Режим доступа : http://www.reyestr.court.gov.ua/Review/24541911.

18. СОС Дитячі містечка. Україна. Історія [Електронний ресурс] // Громадська організації «СОС Дитяче містечко»: офіц. веб-сайт. – Режим доступу : http://sos-ukraine.org/uk/hto-mi.

Аннотация. В статье описаны признаки состава злостнго невыполнения обязанностей по уходу за ребенком или за лицом, относительно которого установлена опека либо попечительство (ст. 166 УК Украины). Внесены предложения по усовершенствованию рассматриваемой нормы.

THE CRIMINAL LIABILITY FOR PERSISTENT FAILURE TO PERFORM DUTIES RELATED TO THE CARE OF A CHILD OR A PERSON UNDER GUARDIANSHIP OR IN THE CUSTODY (THE ART. 166 OF THE CRIMINAL CODE OF UKRAINE) UNDER THE LEGISLATION OF UKRAINE

Yevteyeva D.P.

Key words: crimes against family and minors, persistent failure to perform duties related to the care of a child or a person under guardianship or in the custody, grave consequences, parents, adopters, tutors, guardians, foster caregiver, foster parents, adoptive parents, a child, a ward.

Abstract. In the article the signs of corpus delicti of persistent failure to perform duties related to the care of a child or a person under guardianship or in the custody (Art. 166 of the Criminal Code of Ukraine) are described. The suggestions for improvement of this norm are made.

УДК 342.74

УГОЛОВНЫЙ ЗАПРЕТ В СФЕРЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ МЕДИЦИНСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: РЕАЛЬНОСТЬ И ПЕРСПЕКТИВЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Идрисов Н.Т.

Ключевые слова: уголовный запрет, ятрогения, ятрогенные преступления, дефект оказания медицинской помощи, здравоохранение.

Введение

На современном этапе развития российской государственности крайне актуальным является вопрос о защите жизни и здоровья граждан при оказании медицинских услуг. Отсутствие доступности, несвоевременность и низкое качество медицинских услуг все чаще вызывают недовольство населения. Следует согласиться с мнением ректора Первого Санкт-Петербургского государственного медицинского университета им. И.П. Павлова С. Багненеко, который утверждает: «Медицина как комета, у которой голова уже по некоторым направлениям в XXII веке, а хвост, если мы отъедем 100 километров от любого областного центра, окажемся в лучшем случае в середине XX века.

И мне кажется, что огромная проблема у нас – это взаимоотношения пациента и врача. Если на врача слишком много пациентов, то уходит душа» [1].

Основная часть

В ноябре 2017 года Всероссийским центром изучения общественного мнения (ВЦИОМ) представлены данные социологического опроса об оценке гражданами системы здравоохранения, согласно которым лишь 9 % россиян положительно отозвались о практике оказания медицинских услуг в стране, 52 % – поставили российской медицине неудовлетворительные оценки, еще 37 % – удовлетворительные [2].

Особо следует отметить, что «основными ее «болевыми точками» граждане считают недостаточный уровень профессиональной подготовки врачей (37 %), а также их нехватку (37 %), недоступность медицинской помощи для населения: дорогие лекарства, услуги (35 %), недостаточную оснащенность медицинских учреждений современным оборудованием (31 %)».

В рамках проведения настоящего исследования нами проведен опрос, причем в качестве респондентов выступили медицинские работник, студенты медицинских вузов, следователи Следственного комитета РФ, студенты Санкт-Петербургской академии Следственного комитета РФ. В общей сложности в опросе приняли участие более 60 человек.

Мы задали вопрос респондентам: «Является ли для Вас актуальной проблема качества оказания медицинских услуг?» 82,6 % респондентов ответили положительно, указав, что данная проблема является крайне актуальной в регионе их проживания.

Наше исследование подтверждает неудовлетворительное состояние дел в медицинской сфере. На вопрос: «Как вы оцениваете современное состояние отрасли здравоохранения?» 93,5 % опрошенных ответили удовлетворительно и неудовлетворительно и лишь 6,5 % респондентов оценило высоко.

Следует отметить, что позиция официальных властей отличается от результатов опроса ВЦИОМ и нашего социологического исследования. Министр здравоохранения Вероника Скворцова на встрече с Президентом Российской Федерации в 2015 году указывала, что «россияне вполне удовлетворены оказываемой медицинской помощью (40,5 %), значительная часть населения доверяет врачам (65 %) и оценивает качество их работы как высокое (95 %)».

Такое существенное падение рейтинга российской медицины может быть связано с двумя обстоятельствами: либо за два года качество и доступность медицинской помощи в силу экономических трудностей рухнуло, либо в 2015 году объективно доверия гражданам российской медицине не было, а данные министра не имеют ничего общего с реальным положением дел в здравоохранении.

Согласно данным Федерального казначейства, затраты на здравоохранение в консолидированном российском бюджете в 2015 году составили 3,1 трлн.рублей, в 2017 – 3,3 трлн.руб. [3].

Таким образом, плачевное положение дел в российской медицине носит системный, глубокий и длительный характер, что реально ощущают на себе граждане; исключительно вливанием средств в данную сферу проблему не решить.

Безусловно, указанное положение дел в медицине не могли не отразиться на показателях работы правоохранительных органов, прежде всего Следственного

комитета России. Согласно данным следственного органа, в 2017 году в ведомство поступило 6050 заявлений по ятрогенным преступлениям, возбуждено 1791 уголовное дело по факту ненадлежащего оказания медицинских услуг, при этом в 2016 году поступило 2 516 сообщений, возбуждено 878 уголовных дел [4].

Профессиональное медицинское и юридическое сообщество, безусловно, волнует содержание уголовно-правовых норм, предусматривающих ответственность за совершение разного рода дефектов оказания медицинской помощи.

Последнее время в юридической науке и практике активно обсуждаются предложения Следственного комитета РФ о внесении в действующий уголовный закон ряда изменений. В апреле текущего года Председатель Следственного комитета РФ Александр Бастрыкин совместно с руководителем Национальной медицинской палаты Леонидом Рошалем предложил предусмотреть в уголовном законе самостоятельные составы преступлений, предусматривающие юридические признаки специального субъекта и объективной стороны врачебных преступлений. В частности, предложено внести в уголовный закон ст.ст. 124.1 (ненадлежащее оказание медицинской помощи (медицинской услуги) и 124.2 (сокрытие нарушения оказания медицинской услуги), а также изложить в новой редакции ст. 235 УК РФ (незаконное осуществление медицинской и (или) фармацевтической деятельности).

В настоящее время уголовным законом предусмотрены ряд статей, которые устанавливают ответственность за так называемые ятрогенные преступления (ст.ст. 109, 118, 238 УК РФ и другие).

Однако и медицинское, и юридическое сообщество сходятся во мнении о том, что современное уголовно-правовое регулирование данных деликтов не учитывает всю специфику врачебной деятельности и нуждается в реформировании. Данное обстоятельство отражается и на судебной практике, которая не может характеризоваться единообразием и внятными правилами квалификации ятрогенных преступлений.

Последняя версия предложенной Следственным комитетом РФ ст. 124.1 УК РФ содержит три пункта. Первый посвящен нарушениям медицинским работником своих профессиональных обязанностей, если это повлекло по неосторожности гибель плода человека и/или причинение тяжкого вреда здоровью. За такие преступления предлагают наказывать штрафом до 200 тысяч рублей либо лишением свободы на срок до двух лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет.

Во втором пункте говорится о более серьезных деяниях, которые повлекли по неосторожности смерть человека. Здесь правонарушителя ждут штраф до 500 тысяч рублей либо лишение свободы на срок до пяти лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет.

Третий пункт предусматривает случаи, когда врачебная ошибка по неосторожности привела к смерти двух и более лиц. Осужденный наказывается лишением свободы на срок до семи лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до пяти лет.

Несмотря на то, что создание обоснованных предложений о внесении изменений происходило при активном участии и сотрудничестве с Национальной медицинской палатой, врачебное сообщество осталось неудовлетворенным подобными предложениями и выступило против некоторых формулировок.

В частности, врачи предложили законодательно определить термин «право на врачебную ошибку»; также профессиональное медицинское сообщество не согласилось с законодательным применением термина «плод» в редакции Следственного комитета РФ.

Соглашаясь с необходимостью систематизации действующего уголовного законодательства, на наш взгляд, следует согласиться с мнением врачебного сообщества, что в предложенной редакции использование термина «плод» нарушает принцип системности законодательства. Под плодом человека предлагается понимать «внутриутробно развивающийся человеческий организм с девяти недель до рождения».

Необходимо отметить, что согласно приказу Министерства здравоохранения и социального развития РФ от 24 апреля 2008 г. № 194н «Об утверждении Медицинских критериев определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека» установлено, что прерывание беременности на любой ее стадии является причинением тяжкого вреда здоровью женщине. Так, согласно п. 6.7. приказа прерывание беременности – прекращение течения беременности независимо от срока, вызванное причиненным вредом здоровью, с развитием выкидыша, внутриутробной гибелью плода, преждевременными родами либо обусловившее необходимость медицинского вмешательства.

Прерывание беременности в результате заболеваний матери и плода должно находиться в прямой причинно-следственной связи с причиненным вредом здоровью и не должно быть обусловлено индивидуальными особенностями организма женщины и плода (заболеваниями, патологическими состояниями), которые имелись до причинения вреда здоровью.

Если внешние причины обусловили необходимость прерывания беременности путем медицинского вмешательства (выскабливание матки, кесарево сечение и прочее), то эти повреждения и наступившие последствия приравниваются к прерыванию беременности и оцениваются как тяжкий вред здоровью).

Иными словами, представляется, что указания в проекте статей на совершение врачом преступных деяний, которые повлекли причинение тяжкого вреда здоровью либо смерть плода, по сути, идентичны и законодательно данная коллизия решена. Считаем необходимым исключить смерть плода из проекта закона о внесении изменений в действующий УК РФ.

Безусловно, в профессиональном юридическом сообществе имеются и иные, альтернативные предложения. В частности, предлагается заменить уголовную ответственность на административную для преступлений с неосторожной формы вины. Доцент кафедры судебной медицины и медицинского права МГМСУ им. А.И. Евдокимова, эксперт по качеству оказания медицинской помощи Иван Печерей указывает: «Нам кажется, это будет более действенной мерой для того, чтобы попытаться предотвратить подобного рода правонарушения. Если же такой термин как «ятрогенные преступления» будет введен, я настоятельно рекомендую всем практикующим врачам уходить из медицины, потому что мы

будем иметь дело просто с валом уголовных дел, возбуждаемых против медицинских работников. Еще больше усиливать контроль, вводить новую терминологию ятрогенных преступлений мне кажется абсолютно бесполезной затеей. Сам термин «ятрогенные преступления» юридически безграмотен и вводить его некорректно» [5].

Следует отметить, что проект уголовного закона, предложенный Следственным комитетом РФ, не предлагает законодательного определения термина «ятрогенное преступление», оно не к чему. Наличие данного определения в законе никаким образом не повлияет на формирование оснований уголовной ответственности для врачей. Куда важнее исключить современную неопределенность с конструктивными признаками составов преступлений, по которым сегодня возбуждаются уголовные дела в отношении врачей.

Более того, проведенное нами исследование подтверждает, что и врачебное сообщество, и правоохранительные органы заинтересованы в ясности и четкости границ преступного и непреступного поведения врачей при оказании медицинской помощи. На вопрос: «Необходимо ли наличие в уголовном законе отдельной нормы, предусматривающей уголовную ответственность за нарушение правил оказания медицинских услуг, повлекшее причинение вреда здоровью и жизни пациента?» 73 % респондентов (в том числе врачи) ответили положительно.

При этом не совсем понятно предложение коллег об административной ответственности лишь на основании неосторожной формы вины. При таких предложениях медицинский работник в Ульяновске, который проявив небрежность как неосторожную форму вины и введя в организм 28 летней девушки 10-кратную смертельную дозу формалина, повлекшую смерть пациентки, должен быть привлечен к административному штрафу? Аналогичным образом, видимо, должен решаться вопрос и о причинении смерти по неосторожности в рамках ч. 2 ст. 109 УК РФ.

Данные рассуждения стали предметом проведенного нами социологического опроса. На вопрос «В чем, по Вашему мнению, состоит моральное и философское основание уголовно-правового запрета причинения вреда медицинскими работниками жизни и здоровью пациента?» 60,9 % респондентов ответили, что медицинский работник является субъектом повышенной социальной и юридической ответственности в силу осуществляемой деятельности; 19,6 % указали в качестве основания уголовно-правового запрета причинения вреда медицинским работником нормы медицинской этики, вытекающие, прежде всего, из Клятвы Гиппократа.

Таким образом, неосторожная форма вины не может исключать уголовную ответственность, более того, умышленная форма вины при причинении вреда здоровью пациента должна квалифицироваться либо как умышленное причинение тяжкого вреда здоровью (ст. 111 УК РФ), либо как убийство (ст. 105 УК РФ).

Существенным является вопрос о виде, размере и сроках уголовного наказания для медицинских работников в случае причинения вреда при оказании медицинской помощи.

В рамках настоящего исследования нами изучено 62 уголовных дела и проанализированы приговоры судов первых инстанций по так называемым «ятрогенным преступлениям» (изучались уголовные дела по ст.ст. 109, 118, 293

УК как наиболее распространенные в практике квалификации правоохранительными органами и характеризующиеся повышенной общественной опасностью (в качестве последствий могут влечь смерть пациента).

По результатам изучения уголовных дел установлено, что основным видом наказания, применяемым судами в Российской Федерации к медицинским работникам, является ограничение свободы (34 приговора). Следует отметить, что ограничение свободы является видом наказания, при котором суд определяет ряд правоограничений, не связанных с лишением свободы. Изучение уголовных дел показало, что в качестве ограничений суды устанавливают запрет на смену места жительства, пересечение границы муниципального образования, а также устанавливают обязанность являться в уполномоченные органы.

Представляется, что назначение данного вида наказания за преступления, последствием которых явилась смерть пациента, не соответствует принципу справедливости и не достигает таких целей наказания как предупреждение совершения преступлений и исправление осужденного.

Приведем пример. Санкт-Петербургским городским судом в 2016 году рассмотрено уголовное дело, в рамках которого установлено следующее. При оказании медицинской помощи потерпевшей П. при родах Ивановой было допущено ненадлежащее исполнение своих профессиональных обязанностей, выразившихся на фоне диагностированной с опозданием слабости родовой деятельности у П., при целесообразности завершения родов кесаревым сечением, принятии решения о проведении операции наложения выходных акушерских щипцов, при выполнении которой Ивановой был допущен технический дефект оказания медицинской помощи, связанный с неправильным направлением тракций (вытяжений) при извлечении головки плода на себя, вниз и вверх, в то время как, при положении плода в заднем виде, следовало проводить тракции (вытяжения) на себя, кверху и книзу, что привело к разрыву намета мозжечка у новорожденного П. и состоит в прямой причинно-следственной связи со смертью последнего. В результате суд назначил Ивановой наказание в виде ограничения свободы сроком на два года и в соответствии с ч. 1 ст. 53 УК РФ установил для осужденной следующие ограничения: не покидать места жительства в период с 22 часов 00 минут до 06 часов 00 минут ежедневно; не выезжать за пределы территории муниципального образования места проживания; не изменять места жительства и места работы без согласия специализированного государственного органа, осуществляющего надзор за отбыванием осужденным наказания в виде ограничения свободы; являться в специализированный государственный орган, осуществляющий надзор за отбыванием осужденным наказания в виде ограничения свободы, один раз в месяц для регистрации.

Полагаем, что подобное наказание не обеспечивает реализацию принципа справедливости, цели уголовного наказания не достигнуты.

Вызвавшее общественный резонанс уголовное дело в отношении гематолога Елены Мисюриной, которую в январе 2018 года приговорили к двум годам реального лишения свободы, потому и привлекло такое внимание общественности, поскольку это единичный случай назначения врачу наказания в виде реального лишения свободы.

Проведенное нами изучение уголовных дел показало, что в 62 случаях наказание в виде реального лишения свободы не назначалось вообще, в 7 случаях лишение свободы устанавливалось условно (во всех случаях осуждения к лишению свободы), в 3 случаях назначена иная мера уголовно-правового характера в виде судебного штрафа (максимальный штраф составил 100 000 рублей); 5 медиков, в том числе допустившие смерть пациента, освобождены от уголовной ответственности на основании акта амнистии. Производство по уголовному делу в связи с истечением сроков давности и примирением сторон прекращено в 11 случаях. Еще 2 дела прекращены в связи с отказом прокурора от обвинения.

Рассматривая вопрос о справедливом уголовном наказании, следует отметить, что в 15 приговорах судами назначалось дополнительное наказание в виде запрета заниматься врачебной деятельностью или занимать должности в медицинских учреждениях. Максимальный срок соответствующего запрета составил 3 года. Представляется, что данный вид наказания соответствует духу уголовного запрета и отражает принцип справедливости в уголовном праве. Данный вывод подтверждается проведенным нами социологическим исследованием. На вопрос: «Какое уголовное наказание следует назначать за ненадлежащее оказание медицинских услуг медицинским работником, повлекшее причинение тяжкого вреда здоровью или смерть пациента?» 43 % респондентов указало на наказание, не связанное с лишением свободы, с обязательным запретом заниматься врачебной деятельностью; 15,2 % респондентов считают, что следует назначать наказание свыше 5 лет лишения свободы. Следует отметить, что в истории российского уголовного права наказание в виде запрета заниматься врачебной деятельностью уже применялось. Так в ст. 872 Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. (в ред. 1885 г.). устанавливалась уголовная ответственность за уклонение от оказания помощи больному, а ст. 870 Уложения гласила: «Когда медицинским начальством будет признано, что врач, оператор, акушер или повивальная бабка по незнанию своего искусства делают явные, более или менее важные, в оном ошибки, то им воспрещается практика, доколе они не выдержат нового испытания и не получат свидетельства в надлежащем знании своего дела. Если от неправильного лечения последует кому-либо смерть или важный здоровью вред, то виновный, будет он христианин, передается церковному покаянию по распоряжению своего духовного начальства» [6].

В рамках опроса 60,09 % респондентов указали, что в отношении медицинского работника, чьи действия повлекли причинение тяжкого вреда здоровью или смерть пациента, должны наступать иные последствия (не уголовно-правового характера) – следует обязать медицинского работника пройти курс повышения квалификации и сдать соответствующий экзамен, подтверждающий профессиональную пригодность. 13 % респондентов предложили расторгать трудовой договор с таким медицинским работником.

Безусловно, необходим индивидуальный подход к квалификации ятрогенных преступлений и назначению наказания за их совершение. Каждая сфера медицинской деятельности имеет свою специфику, однако можно выделить ряд причин, которые, по нашему мнению, влекут криминогенность медицинской сферы.

В рамках проведенного опроса мы задали вопрос респондентам: «Как Вы полагаете, в чем состоит причина ненадлежащего оказания медицинских услуг?». 23,9 % отметили ошибки в государственном управлении отраслью, 15,2 % указали на недостаточное финансирование, 13,9 % – на непрофессионализм медицинских работников.

Заключение

Таким образом, проблемы правового регулирования медицинской деятельности лежат отнюдь не в уголовно-правовых институтах; современная медицинская отрасль поражена хроническими болезнями, основными причинами которых являются ошибки государственного регулирования данной сферы. В этом контексте верным является утверждение, что врач болеет болезнями пациентов. Так и медицина поражена болезнями общества и государства.

Уголовный закон же должен иметь дело лишь с теми проявлениями медицинского непрофессионализма, которые характеризуются повышенной общественной опасностью. Исключительно уголовно-правовыми средствами проблему ненадлежащего оказания медицинских услуг не решить.

Список цитированных источников

1. http: //vademecum.ru.
2. https://wciom.ru.
3. http://www.roskazna.ru/.
4. https://sledcom.ru.
5. https://medvestnik.ru.
6. Замалеева, С. В. Уголовная ответственность медицинских работников: история и современность // Пробелы в российском законодательстве. 2009, № 3.

Аннотация. Статья посвящена актуальным проблемам установления уголовного запрета в сфере профессиональной медицинской деятельности. Проанализированы предложения Следственного комитета РФ о внесении изменений в действующий Уголовный Кодекс РФ, на основании социологического опроса и изучения уголовных дел, сделаны выводы о необходимости реформы уголовного закона. Основным является вывод о невозможности решения актуальных проблем в российском здравоохранении исключительно уголовно-правовыми средствами.

CRIMINAL PROHIBITIONS IN THE SPHERE OF THE MEDICAL PROFESSION: THE REALITY AND PERSPECTIVES OF LEGAL REGULATION

Idrisov N.T.

Keywords: criminal prohibition, iatrogeny, iatrogenic crimes, defect of medical care, health care.

Abstract. The article is devoted to the actual problems of establishing a criminal ban in the sphere of professional medical activity. The proposals of the Investigative Committee of the Russian Federation on amendments to the current criminal Code of the Russian Federation, on the basis of a sociological survey and the study of criminal cases, conclusions about the need for reform of the criminal law. The main conclusion is that it is impossible to solve urgent problems in Russian health care exclusively by criminal law means.

УДК 343.2

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПОНЯТИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ ТЕХНИКИ УГОЛОВНОГО ЗАКОНА

Караваева В.А.

Ключевые слова: законодательная техника, нормотворческая техника, конструирование уголовного закона, форма уголовного закона, содержание уголовного закона, уголовно-правовая политика.

Введение

Уровень законодательной техники нормативных правовых актов является одним из показателей правовой культуры современного общества [1, с. 270]. Недостатки в конструировании правовых норм негативно влияют на процесс правоприменения, состояние законности и правопорядка в стране. Как справедливо отмечал А.М. Винавер, «ищущий глаз заинтересованного «потребителя закона» в мало-мальски неясной редакции юридической нормы легко намечает опору и орудие для защиты или, смотря по обстоятельствам, – для нападения» [2, с. 3].

В отечественной литературе проблемы законодательной техники чаще всего рассматриваются на общетеоретическом уровне, в то время как наиболее сложные вопросы отраслевого характера изучаются крайне редко. В то же время, современный законотворческий процесс должен обязательно учитывать специфику принимаемых правовых норм. Анализ многочисленных изменений и дополнений, внесенных в Уголовный кодекс Республики Беларусь (далее – УК), показывает, что уголовно-правовые аспекты законодательной техники в современных условиях нуждаются в создании соответствующей теоретической базы, на основе которой должно происходить конструирование уголовного закона. Ее формирование целесообразно начинать с определения понятия законодательной техники уголовного закона – вопроса, не нашедшего в отечественной юридической литературе должного отражения.

В Республике Беларусь отдельные аспекты законодательной техники уголовного закона рассматривались в работах Н.А. Бабия, Г.А. Василевича, О.И. Грунтова, В.В. Лосева, В.В. Марчука, Е.А. Реутской, А.Л. Савенка, Э.А. Саркисовой, В.М. Хомича и др. В зарубежной литературе данную проблему изучали такие ученые, как И.Н. Бокова, А.П. Войтович, А.В. Иванчин, С.В. Изосимов, Т.В. Кленова, А.А. Князьков, Л.Л. Кругликов, Н.А. Лопашенко, К.К. Панько, М.А. Тулиглович и др. Однако в публикациях указанных авторов отсутствует единство во взглядах на понятие законодательной техники уголовного закона. Подобная ситуация не способствует повышению качества уголовно-правовых норм и, на наш взгляд, отрицательно влияет на правоприменительную деятельность компетентных органов.

Основная часть

Общие требования законодательной техники закреплены в Законе Республики Беларусь от 10 января 2000 г. № 361–З «О нормативных правовых актах Республики Беларусь» (далее – Закон), а также Правилах подготовки

проектов нормативных правовых актов, утвержденных Указом Президента Республики Беларусь от 11 августа 2003 г. № 359 «О мерах по совершенствованию нормотворческой деятельности» (далее – Правила). В данных нормативных правовых актах законодатель использует два понятия: «законодательная техника» и «нормотворческая техника». Под законодательной техникой понимается «система правил подготовки проектов законодательных актов» [3]. Понятие нормотворческой техникой является более широким и определено как «система правил подготовки проектов нормативных правовых актов» [3]. При этом законодатель размещает все технико-юридические требования в разделе «Нормотворческая техника», подразумевая тем самым их общий характер для всех нормативных правовых актов.

Понятие законодательной техники сформулировано, исходя из положений такой стадии нормотворческого процесса как подготовка проекта нормативного правового акта. Подход законодателя в данном случае представляется понятным, поскольку вышеуказанная формулировка может быть адаптирована к любому нормативному правовому акту, в том числе УК. В то же время, как представляется, совершенствование уголовного закона предполагает более углубленное уяснение понятия законодательной техники, поэтому применительно к уголовно-правовому законотворчеству оно нуждается в определенной корректировке и детализации.

В юридической литературе наблюдается разрозненность мнений по поводу того, что собой представляет законодательная техника: некоторые ученые отождествляют ее с «системой» правил подготовки нормативных правовых актов [4, с. 241; 5, с. 46; 6, с. 173], другие – с их «совокупностью» [7, с. 56; 8, с. 103]. Определение законодательной техники уголовного закона через понятие системы предполагает четко выстроенную структуру требований, составляющих ее содержание. А.И. Бойко, определяя систему как «целое, состоящее из частей», указывает, что она должна обладать прочным внутренним каркасом [9, с. 12]. По нашему мнению, действующие правила подготовки проектов нормативных правовых актов по своей структуре и содержанию больше напоминают совокупность, чем систему. Так, наряду с выделением специализированной главы для размещения требований к терминологии, в ч. 3 ст. 23 Закона «Общие требования, предъявляемые к нормативному правовому акту» размещена норма, которая гласит «Термины и понятия, используемые в тексте нормативного правового акта, должны быть понятными и однозначными» [3]. Кроме того, в ч. 5 указанной статьи размещено требование, согласно которому «названия нормативного правового акта, раздела, главы и статьи должны быть лаконичными, четко сформулированными и отражать их основное содержание» [3]. Расположение законодателем указанного положения в ст. 23 Закона представляется нецелесообразным, учитывая наличие в нем ст. 27 «Название нормативного правового акта».

Взаимосвязь требований законодательной техники в уголовном законе наиболее отчетливо проявляется на примере отдельной статьи Особенной части УК. Система требований к ее конструированию в общем виде может быть представлена следующим образом: общие требования к структуре статьи; требования к диспозиции статьи; требования к санкции; требования к примечанию.

Следует отметить, что указанные нами требования в системе законодательной техники уголовного закона являются обособленными лишь формально. Например, общие требования к структуре статьи Особенной части включают требования к формулированию названия. Название статьи представляет собой ее «лицо», обобщенно отражающее содержание. В уголовном законе название должно служить ориентиром в поиске нужной нормы и по возможности должно отражать объект преступного посягательства. Однако подход законодателя к формулированию названий статей Особенной части уголовного закона не всегда является понятным. Так, название ст. 429 УК «Незаконное участие в предпринимательской деятельности» неточно отражает содержание диспозиции статьи. Во-первых, в названии отсутствует указание на специальный субъект общественно опасного деяния – должностное лицо, находящееся на государственной службе. Во-вторых, название является чрезмерно обобщенным по сравнению с четко определенными законодателем альтернативными действиями, составляющими объективную сторону преступления. В-третьих, указание в названии на «незаконность» в предпринимательской деятельности представляется не совсем удачным, ввиду того, что в УК все общественно опасные деяния запрещены законом. Существование в уголовном законе подобных положений свидетельствует о необходимости системного подхода в разработке требований законодательной техники, обязательно учитывающих взаимодействие его структурных элементов.

В юридической литературе наблюдается тенденция к расширению элементов, входящих в содержание законодательной техники. Так, ученые относят к ним правила, приемы, средства, методы, способы, принципы, инструменты и т. д. Подобное многообразие элементов обусловлено многогранностью содержания законодательной техники. Однако, принимая во внимание развитие общественных отношений, считаем целесообразным понятие законодательной техники уголовного закона не ограничивать определенным набором элементов, поскольку нередко один и тот же элемент уголовного закона может рассматриваться двояко: как прием, либо как средство; несколько средств могут представлять собой целостный прием изложения нормативного материала и т.д. Например, примечание как структурный элемент раздела, главы либо статьи является средством законодательной техники и, в то же время, может рассматриваться как прием изложения уголовно-правовой нормы. Кроме того, закрепить в законодательстве все возможные приемы, средства, способы и т. д. не представляется возможным ввиду их разнообразия.

С учетом действующего законодательства законодательную технику уголовного закона не совсем корректно определять как систему «правил», так как согласно ст. 2 Закона под «Правилами» понимается «кодифицированный нормативный правовой акт, конкретизирующий нормы более общего характера с целью регулирования поведения субъектов общественных отношений в определенных сферах и по процедурным вопросам» [3]. С нашей точки зрения, наиболее правильным для раскрытия понятия законодательной техники уголовного закона использовать термин «требования», который по своему значению синонимичен «правилам» [10, с. 701].

Определяя законодательную технику уголовного закона как «систему требований», следует выяснить ее основную цель. В юридической литературе по данному поводу указываются достаточно абстрактные формулировки. Учеными

отмечается, что законодательная техника призвана «обеспечить точное соответствие формы нормативных предписаний их содержанию» [11, с. 30; 12, с. 8], «повысить их эффективность» [13, с. 131]. Как видно, данные точки зрения носят общий характер и могут быть применимы к различным отраслям права. Однако, на наш взгляд, цель законодательной техники применительно к уголовному закону нужно трактовать более конкретно, принимая во внимание отличительные особенности Общей и Особенной части УК.

Существенные трудности представляет определение соответствия формы уголовного закона его содержанию. Очевидно, что критерии соответствия для Общей и Особенной части УК будут отличаться. Так, применительно к Общей части уголовного закона законодательная техника обеспечивает возможность буквального толкования норм с целью точного установления содержания волеизъявления законодателя. Как отмечает В.П. Коняхин, предписания, объединенные в Общей части, «выполняют системообразующую функцию по отношению ко всем нормам уголовного права, поскольку содержат в себе наиболее общие части их элементного состава и алгоритм для восстановления полного объема уголовно-правовой нормы» [14, с. 154]. При этом вопрос о форме нормативных предписаний фактически уходит на второй план, поскольку в Общей части законодателю необходимо как можно полнее осветить общие положения действия уголовного закона, основания и условия уголовной ответственности, принудительных мер безопасности и лечения и т.д. Для статей Общей части порядок расположения частей, а также их количество является не столь существенным. Например, в ст. 16 УК «Соучастие в преступлении» расположение отдельных частей можно поменять местами без ущерба для смысла всей статьи.

В Особенной части уголовного закона проблема совершенства формы является более значимой. Наиболее сложным с точки зрения законодательной техники является конструирование глав и статей. Вопросам конструирования отдельных статей Особенной части УК в отечественной юридической литературе уделяется достаточное внимание, в то время как вопрос о построении главы остается открытым. С точки зрения формы глава представляет собой структурный элемент уголовного закона, содержащий ряд статей. Кроме того, глава представляет собой «пласт» общественных отношений и ее форма должна четко отражать иерархию ценностей, охраняемых уголовным законом, а также учитывать особенности уголовно-правовой политики государства в области противодействия преступности. К сожалению, современный уровень законодательной техники уголовного закона не всегда может это обеспечить.

Так, Глава 35 УК «Преступления против интересов службы», содержащая большинство коррупционных преступлений, недостаточно четко отражает уголовно-правовую политику государства в области борьбы с коррупцией. Отметим, что последовательность расположения статей в Главе 35 существенно не изменялась с момента принятия Уголовного кодекса Российской Советской Федеративной Социалистической Республики 1922 г. (далее – УК РСФСР 1922 г.), в котором в начале Главы II «Служебные преступления» располагалась ст. 105, которая по своему содержанию соответствует ст. 424 УК «Злоупотребление властью или служебными полномочиями». Неизменный на протяжении столетия порядок расположения статей, на наш взгляд, обусловлен

отсутствием глубоких теоретических разработок по проблемам законодательной техники уголовного закона.

В настоящее время расположение статей в главах Особенной части УК по определенному критерию представляется затруднительным ввиду отсутствия единообразия в их конструкциях. Не все статьи построены по «классической схеме»: основной состав, квалифицированный состав, особо квалифицированный состав. Например, в ч. 3 ст. 426 УК «Превышение власти или служебных полномочий» наряду с квалифицированным составом расположен самостоятельный формальный состав, присоединенный сочетанием «а равно». В других главах Особенной части УК также встречаются подобные примеры. Так, ч. 2 ст. 228 УК «Контрабанда», а также ч. 2 ст. 265 УК «Нарушение требований экологической безопасности» нельзя назвать квалифицированными составами. Ввиду наличия в уголовном законе подобных конструкций, местоположение статей в главе целесообразно определять с учетом категории преступления основного состава.

В начале Главы 35 УК следует разместить наиболее тяжкое коррупционное преступление, чтобы отразить приоритеты уголовно-правовой политики. На сегодняшний день наиболее опасным преступлением против интересов службы является ст. 430 «Получение взятки», которое неразрывно связано со ст. 431 УК «Дача взятки» и ст. 432 УК «Посредничество во взяточничестве». В литературе данные преступления традиционно именуют «взяточничеством». «Взяточничество» является наиболее опасным проявлением коррупции, поскольку «подрывает принципы государственного управления, равенства и социальной справедливости, сдерживает экономическое развитие, составляет угрозу моральным устоям общества» [16]. После указанных статей уместно разместить иные коррупционные преступления по степени тяжести от наиболее тяжкого к менее тяжкому. Затем могут быть размещены статьи, предусматривающие уголовную ответственности за преступления против интересов службы, не являющиеся коррупционными.

Заключение

Таким образом, законодательная техника уголовного закона – это система взаимосвязанных требований к конструированию уголовного закона, обеспечивающих единство его формы и содержания с целью точного установления содержания волеизъявления законодателя, а также претворения в жизнь уголовно-правовой политики государства в области борьбы с преступностью.

С учетом действующей системы санкций, а также государственной политики в области борьбы с коррупцией в Республике Беларусь статьи в Главе 35 УК «Преступления против интересов службы» могут быть расположены в следующей последовательности: «Получение взятки», «Дача взятки», «Посредничество во взяточничестве», «Злоупотребление властью или служебными полномочиями», «Бездействие должностного лица», «Незаконное участие в предпринимательской деятельности», «Превышение власти или служебных полномочий», «Служебная халатность», «Принятие незаконного вознаграждения», «Служебный подлог».

Список цитированных источников

1. Алексеев, С. С. Общая теория права: в 2 т. / С.С. Алексеев. – М.: Юрид. лит., 1982. – Т. 2. – 360 с.

2. Винавер, А. М. Законодательная техника / А. М. Винавер // Право и жизнь. – 1922–1928. – № 2/3. – С. 3–11.

3. О нормативных правовых актах Республики Беларусь: Закон Респ. Беларусь от 10 янв. 2000 г. № 361-З: с изм. и доп.: текст по состоянию на 2 июля 2009 г. // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «Юрспектр», Нац. центр прав. информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.

4. Законотворчество в Российской Федерации (научно-практическое и учебное пособие) / Под ред. А. С. Пиголкина. М. : Формула права, 2000. – 608 с.

5. Болдырев, С. Н. Юридическая техника: теоретико-правовой анализ: дис. ... д–ра юрид. наук: 12.00.01 / С. Н. Болдырев. – Ростов-на-Дону, 2014. – 468 л.

6. Кашанина, Т. В. Юридическая техника или законодательная техника? / Т. В. Кашанина // Журнал российского права. – 2010. – № 3. – С. 171–173.

7. Карташов, В. Н. Перспективные направления совершенствования законодательной техники, тактики и стратегии в юридический науках и практиках / В. Н. Карташов // Юридическая техника. – 2015. – № 9. – С. 54–61.

8. Миронов, А. Н. Юридическая техника нормативных правовых актов / А. Н. Миронов // Вестник Владимирского юрид. ун-та. – 2007. – № 3 (12). – С. 101–104.

9. Бойко, А. И. Система и структура уголовного права : в 3-х т. /А. И. Бойко. – Ростов н/Д : Изд. ЮФУ, 2007. – Т. 1 : Системология и структурализм в современной познавательной культуре. – 448 с.

10. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка : 80000 слов и фразеол. выражений / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова ; Рос. акад. наук. – 4-е изд., доп. – М. : Азбуковник, 1999. – 939 с.

11. Давыдова, М. Л. Теоретические проблемы определения понятия юридической техники в отечественной теории права / М. Л. Давыдова // Вестник ВолГУ. Серия 5. Вып. 9. – 2007. – № 9. – С. 23–32.

12. Воскресенский, К. А. Юридическая техника: частные вопросы совершенствования уголовного закона: автореф. дис. … канд. юрид. наук: 12.00.08 / К.А. Воскресенский; Санкт-Петербургский ун-т МВД России. – СПб., 2008. – 23 с.

13. Савенок, А. Л. Теория эффективности уголовного закона / А. Л. Савенок ; учреждение образования «Акад. М-ва внутр. дел респ. Беларусь». – Минск : Академия МВД, 2017. – 258 с.

14. Коняхин, В. П. Теоретические основы построения Общей части российского уголовного права / В. П. Коняхин. – СПб.: Юрид. центр Пресс, 2002. – 348 с.

15. О судебной практике по делам о взяточничестве: Постановление Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 26 июня 2003 г. № 6: в ред. постановления Пленума Верховного Суда от 25.09.2003 № 3 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «Юрспектр», Нац. центр прав. информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.

Аннотация. В статье рассматриваются теоретические проблемы определения понятия законодательной техники уголовного закона. Отмечается, что понятие законодательной техники, закрепленное в законодательстве, применительно к уголовно-правовому законотворчеству нуждается в определенной корректировке и детализации.

Анализируются различия норм Общей и Особенной части уголовного закона, формулируется понятие законодательной техники уголовного закона. На основании проведенного анализа вносится предложение по формированию структуры Главы 35 Уголовного кодекса Республики Беларусь «Преступления против интересов службы».

THEORETICAL PROBLEMS OF DETERMINING THE CONCEPT OF LEGISLATIVE TECHNIQUE OF THE CRIMINAL LAW

Karavayeva V.A.

Keywords: legislative technique, norm-setting technique, construction of criminal law, form of criminal law, content of criminal law, criminal law policy.

Abstract. The article deals with theoretical problems of definition of the concept of legislative technique of criminal law. It is noted that the concept of legislative machinery, enshrined in the law, as applied to criminal law law-making requires a certain adjustment and detail. The differences in the norms of the General and Special Part of the Criminal Law are analyzed, and the notion of the legislative technique of the criminal law is formulated. Based on the analysis, a proposal is made to form the structure of Chapter 35 of the Criminal Code of the Republic of Belarus «Crimes against the interests of service».

УДК 343

СОЦИАЛЬНАЯ И ИНДИВИДУАЛЬНАЯ ПОТРЕБНОСТЬ В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ

Козаченко И.Я.

Ключевые слова: уголовное право, статика и динамика уголовного права, уголовно-правовая власть или уголовно-правовая сила власти, уголовно-правовой или социально-правовой контроль преступности.

Введение

Уголовное право, как известно, возникло настолько давно, что ни один историк, даже обладающий феноменальной фантазией, не сможет ответить на вопрос, когда же это произошло. Можно только предположить, что о его возникновении и существовании долгое время люди не знали и даже не догадывались, а оно, еще на заре человечества, по-хозяйски и решительно заполоняло наш быт. Его называли на всякий лад, а оно не теряло своих устойчивых признаков и свойств. Ему посвящали многотомные сочинения, а оно оставалось и остается тайной за семью печатями. Ему предписывались и предписываются не присущие его природе функции, а оно с завидным упорством, как могло, выполняло предписанное ему судьбой предназначение. Ему неоднократно слышались призывы отказаться от него, а оно все плотней и плотней ложилось на бумагу, все стремительнее заполняло информационные пространства и даже дерзко ныне осваивает новые информационные технологии. Возникает резонный вопрос, почему такая, нередко принудительная тяга у уголовного права к человеку, к людям, а у людей – к уголовному праву? Ответ заключается, во-первых, в том, что, сознаем мы или не сознаем, но обращение людей к уголовному праву и уголовного права к людям обусловлено социальной

и личностной объективно существующей каждодневной взаимной потребностью. И, во-вторых, по любви не всегда получается. Многих пугает даже название этого права – право-то «**уголовное**».

Основная часть

Цепенеющий страх, леденящий сердце ужас источают отдельные нормы уголовного права (например, о смертной казни), а мы к нему. Чего же здесь больше – здравого смысла или «любви по расчету»? При пристальном рассмотрении здравый смысл улетучивается как дым, а любовь по расчету всегда принудительна. Бескорыстно любить уголовное право могут только эпилептики, да и то, если они находятся в состоянии наивысшей степени экзальтации.

На самом деле, возможно, все наоборот. Уголовное право пытается обратиться к людям с настоятельной просьбой, урезонить свой дикий и по природе неукротимый нрав, чтобы каждый жил комфортно и другим не мешал. Жил не по принципу противопоставления: «Я и мир», а по завету единства: «я – часть Мира».

Поэтому напрашиваются вопрос, возможно ли существование уголовного права в отрыве от людей, а людей без уголовного права? Уголовное право – не есть ли это мы в статике? Мы, люди – не есть ли это уголовное право в динамике, в жизни? А, может быть, все это вместе перемешано и равновелико единое целое, части которого находятся в режиме броуновского движения, сближаясь друг с другом и отталкиваясь друг от друга, в конечном счете, движутся в нужном (или не совсем в нужном) для социума направлении. Создается впечатление, будто невидимые связующие нити удерживают нас (каждого из нас) на соответствующей социальной орбите. Функции этих невидимых нитей выполняют запреты, предписания, дозволения, закрепленные в уголовном праве [1, с. 7-8].

Трудно погрешить перед истиной, заметив, что с точки зрения криминальной психологии всех людей на земле можно подразделить на пессимистов и оптимистов. Пессимисты сотворили преступность, а оптимисты написали уголовное право, которое в форме грозного уголовного законодательства должно эту преступность искоренять. А дальше, как говорят в народе: «пошло и поехало». С самых достопамятных времен и до наших дней юристы всех направлений и рангов усваивали и усваивают с молоком матери постулат о том, что преступность в обществе, в том числе и в том, в котором мы живем, – это нечто внешнее, иногда привнесенное нам извне (например, пережитки прошлого). Это нечто внешнее по отношению к нам (конечно, порядочным), по отношению к обществу (конечно, самому гуманному), по отношению к государству (конечно, самому справедливому) вобрало в себя все пороки человеческие, и потому, естественно, подрывающее нравственные основы существования человека, общества и государства. Смысловые модели, подтверждающие приведенное суждение, можно свести к трем основным конструкциям: «Человек и преступность», «Общество и преступность», «Государство и преступность». Указанное противопоставление настолько ощутимо и воспринимается как нечто безупречное и совершенное, что сама мысль о ее возможной погрешности воспринимается как кощунство. Отличие зла (понимай, порочных людей) от добра (понимай, добродетельных людей), а тем более их противопоставление превратилось в культовую дихотомию и выступает расхожим сюжетом сказок, притч, преданий, обрядов, ритуалов и т.д.

Противоборство добра и зла, как символ непримиримой (добавлю, и бесперспективной) борьбы, в психологии массового обывателя является самым расхожим. Вся наша жизнь – это постоянная «борьба» добра (оно всегда во мне, считает каждый из нас) со злом (оно всегда у кого-то, только не у меня, считает каждый из нас). Парадокс заключается в том, что каждый из нас считает себя хранителем только добродетели, носителем же зла – всех, кого угодно, только не себя и, наконец, никто из нас даже саму мысль о том, что он может быть исчадьем ада, не допускает.

Мы многие десятилетия, а, вернее, столетия, жили и живем в придуманной кем-то сказке, что в уголовно-правовой действительности мир имеет два полюса: на одном полюсе находятся люди, хранители добра, а на другом – люди – носители зла, питающего преступность. При такой, внешне заманчивой постановке вопроса нет ответа на вопрос, а кто же выполняет функции связующего звена между этими двумя полюсами, не давая им возможности, однажды ударившись друг о друга, разлететься и исчезнуть в бескрайних просторах Вселенной? Что-то должно быть, такое сильное, чтобы, несмотря на возникающее или постоянно существующее противодействие, прочно удерживать необходимый союз социума и преступности в нужном, оптимально допустимом равновесии. Что же это за сила, которая в безбрежном и непредсказуемом хаосе пытается укротить (и в какой-то мере ей это удается) эти две, всегда недружелюбные стихии?

Попробую, если не обрисовать в полном объеме, то, хотя бы контурно, обозначить возможности решения затронутых в этих вопросах проблем. В поисках ответа на поставленные вопросы, как подсказывает логика, нужно двигаться от человека к уголовному праву. Это исходный рубеж и одновременно указание на генеральное направление, ибо у отдельного человека, как равно и у общества, и государства, в той или иной степени, имеется постоянная потребность в праве, и не в последнюю очередь – в праве уголовном. Мне могут возразить: ведь, были исторические периоды, когда не было уголовного права, тем более писаного уголовного права. Писаного да, но неписаное уголовное право существовало и существует ныне, причем не в меньших объемах, просто мы его не замечаем. А зря! Любые запретительные, предписывающие или дозволяющие императивы индивидуальной и общественной жизни людей, в силу своей повторяемости и устойчивости, так или иначе способствуют созданию правовой (в том числе и уголовно-правовой) основы физической и общественной жизни человека, людей, общества, государства.

Уголовно-правовые импульсы, исходящие от власти **силы** или от силы **власти**, а, возможно и от того, и от другого одновременно, на бытовом (индивидуальном) уровне, наряду с другими поведенческими рецепторами, проходя сложный психологический путь, трансформируются в сознании человека в информационную потребительскую цепочку. Именно эта цепочка есть ни что иное как результат личностной психологической деятельности каждого отдельного человека, связанного с поисками ответа на жизненно-важные вопросы, в том числе уголовно-правового значения. Получаемые суммы знаний уголовно-правовых представлений лежат в основе общеправовой и уголовно-правовой культуры, впитывая, насколько это можно, личностную и социальную психологию как одну из древнейших форм самовыражения человека в социуме. Можно заключить, что уголовно-правовая насыщаемость

нашего быта в той или иной степени выступает одним из важных способов человеческого развития. Уголовно-правовое мышление человека, как и все иные мыслительные процессы, проецирует свое внимание либо на все сферы человеческого бытия либо на отдельные его сегменты и особенно на все то, что повседневно окружает человека [2, с. 12-22].

Далеко не тайна, что уголовно-правовому мышлению подвержен каждый человек. У каждого имеются индивидуальные представления о природе и сущности уголовного права, уголовного закона, уголовной ответственности, уголовного наказании, судимости и т.д. Именно поэтому уголовно-правовое сознание не является элитарным сознанием – на криминальную тему могут рассуждать и рассуждают все люди: большая часть стихийно, без специальной подготовки, однако, немалое их число, к сожалению, познают и осознают уголовно-правовую специфику на своем горьком опыте. Естественно, каждый человек сам для себя решает вопрос, как относиться к уголовно-правовым запретам и предписаниям, к отдельным актам преступного поведения и к преступности в целом.

Существование уголовного права сопряжено с *определенной степенью потребности человека* выработать свою уголовно-правовую позицию по отношению к окружающим, обществу и государству в целом. Человек как существо сознательное, в своем развитии остается несовершенным и незавершенным. Как говорили древние греки, человек не сосуд, который необходимо наполнить, а факел, который следует зажечь. Зажечь не только для выработки необходимой социальной, как равно и уголовно-правовой энергетики, но и для освещения самых сложных и не менее темных лабиринтов человеческого мышления и его сознательной деятельности.

Названные личностные психологические и социально-коллективные процессы протекают в тесном взаимодействии с реальной действительностью, которая вынуждает менять антропологические модели человека, развивает или ослабляет его психическую моторику и интеллект, придавая им позитивный либо негативный оттенок. Именно поэтому сумма знаний, эрудиция и поведение человека могут быть социально востребованы, социально нейтральны или социально вредные (опасные). Важно заметить, что позитивные и негативные компоненты могут мирно уживаться друг с другом, могут беспрерывно буйствовать либо неистово пытаться вытеснить своих психических, социальных и поведенческих оппонентов. Одним словом, человека идеального не существует и не может существовать в природе.

Человек – это своего рода узел добродетелей, страстей и пороков, конфликтующих между собой. Может ли человек, подобно мифологическому Гордию, рубить подобные узлы? Рубить, очевидно, сможет, да проку от этого мало. Рубить, да еще с богатырского плеча, мы научились, и, может быть, злоупотребляем этим приемом решения возникающих проблем. Нам нужно учиться подобные узлы развязывать, а не рубить. Для этого человеку, скорее всего, и дан разум, используя который он может сознательно выбирать модель общения с себе подобными, то есть мирно существовать в той или иной психологической, социальной, социокультурной, экономической, правовой, уголовно-правовой среде. Поиск нужного варианта общения сроится на процессах саморегуляции и регуляции, в том числе и уголовно-правового характера. Верен, на мой взгляд, и тезис о том, что та среда, в том числе

и криминальная, в которой вынужденно или по своей воле находится человек, в его жизни также воспринимается незавершенной, и он старается ее изменять, подстраивать под себя. Последнее означает, что отдельного человека, любую его общность глубоко интересует жизненно важный вопрос, в какой социально и уголовно-правовой роли каждый конкретный человек может оказаться сейчас и в недалеком будущем в случае избрания им того или иного варианта поведения? Не уходит в глубокую тень и другой вопрос, а какой образ своего уголовно-правового имиджа он будет культивировать не только сегодня и не только завтра, но в пределах достаточно отдаленного будущего? Чаще всего готового ответа на него нет. И когда соответствующие государственные и общественные структуры (институты, органы), как и само государство и общество бездействуют, человек вынужден сам строить (лепить) в частности свое уголовно-правовое, а чаще всего криминальное будущее. Выбор основных психологических ориентиров развития социально-коллективных и личностно-индивидуальных криминальных и антикриминальных навыков выпал на уголовное право.

Предоставить людям в целом и каждому человеку в отдельности безопасные условия уголовно-правового мышления, поведения и всей их жизнедеятельности и надежно их охранять от любого криминального посягательства – основная, генеральная социальная и нравственная миссия уголовного права. Для выполнения указанной миссии уголовное право должно способствовать выработке у людей стойкой мотивации к беспрекословному соблюдению и исполнению его запретов, предписаний и дозволений. Это возможно лишь при условии глубоко эшелонированном, открытом и тотальном контроле над преступностью во всех сферах жизнедеятельности людей и во всех возможных формах ее проявления.

В этом направлении у нас достаточно много нерешенных и слабо обсуждаемых проблем, кроме того, мы достаточно робко обращаемся к позитивному опыту многих зарубежных государств, добившихся в сфере контроля преступности ощутимых результатов. По сути, речь должна идти о том, чтобы преступность была контролируема, то есть, во-первых, она должна быть обусловлена полным (исключающим латентный характер) статистическим сопровождением; во-вторых, контроль над преступностью должен быть фронтальным (всеобъемлющим); в-третьих, формы и содержание контроля должны отвечать современным международным стандартам.

Контроль над преступностью в современном мире, как и многие другие социальные процессы, находится в состоянии кризиса, что не без оснований подвергается справедливому осуждению как со стороны отдельных видных криминологов, так и их корпоративных объединений (школ, теорий, течений, направлений и т.д.). При всем этом критикуют подходы контроля государства над преступностью, носящие репрессивный, карательный и жесткий характер, осуждению подвергается и «некарательное» воздействие на преступника. Из всех кризисов самым опасным и непредсказуемым является кризис уголовно-правовой сферы [3, с. 39-42]. Именно он парализует фундаментальную функцию уголовно-правового запрета – переводить психологическую, криминальную и уголовно-правовую мотивацию из режима «да» в режим «**нет**».

Заключение

Представляется, что в состоянии кризиса основных, прежде всего, государственных институтов, которые в той или иной мере участвуют (должны участвовать) в процессе противодействия криминальной идеологии, криминальному мышлению, криминальному образу жизни наиболее гибким и потому наиболее способным к активной деятельности на этом направлении выступает уголовное право. Индивидуальная и общественная потребность в уголовном праве должна войти в норму межличностных и социальных отношений людей между собой и внешним миром.

Список цитированных источников

1. Долгова, А. И. Нужна ли криминология и криминологический взгляд на преступность. URL: http://crimas.ru/?p=3441(дата обращения: 01.07.2018).

2. Шестаков, Д. А. Планетарная олигархическая преступная деятельность / Д. А. Шестаков // Криминология: вчера, сегодня, завтра. – 2012. – № 2 (22). – С. 12-22.

3. Никуленко, А. В. Стратегия национальной безопасности – все дальше от народа / А. В. Никуленко // Криминология: вчера, сегодня, завтра. – 2016. – № 4 (43). – С. 39-42.

Аннотация. В статье с позиции социально-нравственных истоков человеческого бытия рассматриваются естественные истоки формирования уголовного права, причины его кризисного состояния в современную эпоху и необходимость его социального и криминологического оздоровления.

SOCIAL AND INDIVIDUAL NEED FOR CRIMINAL LAW

Kozachenko I.Y.

Keywords: criminal law, statics and dynamics of criminal law, criminal-legal authority or the criminal-legal power of authority, criminal-legal or social and legal control of crime.

Abstract. The article from the position of the social and moral sources of human existence examines the natural sources of the formation of criminal law, the causes of its crisis state in the modern era and the need for its social and criminological recovery.

УДК 340.13

О РОЛИ ПРАВОВЫХ НОРМ И ИНСТИТУТОВ В ОБЕСПЕЧЕНИИ ОБЩЕСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Колесников В.В.

Введение

Обеспечение общественной безопасности всегда стоит в центре стратегических задач любого государства. В современной России этому стали уделять особое внимание, в частности, в части формирования адекватной нормативно-правовой базы [1]. Вместе с тем, эффективность этой деятельности зависит не только от применяемых правовых норм, но и от выбора соответствующего инструментария – подхода, способов и методов.

Отечественная практика показывает, что обычно при этом прибегают к традиционному подходу, – который иногда называют ситуационным, – когда государственные структуры действуют в соответствии с тривиальной схемой «событие – реакция», схожей, *volens-nolens*, с биофизиологической реакцией организмов живой природы «раздражение (импульс) – возбуждение (действие)» [2]. Причем это касается как внутренних событий, так и того, что происходит на так называемой международной арене. Последнее все чаще затрагивает российскую действительность, поскольку после присоединения в результате референдума Крыма стала реализовываться политика перманентных незаконных санкций к РФ со стороны США и их союзников. Последние эксцессы связаны с одобрением Константинопольским патриархатом православной церкви раскольнической деятельности «отступников в рясах» на Украине [3]. И опять здесь, как и в отношении внутренних угроз, истеблишмент и соответствующие структуры реагируют со значительным запаздыванием. В таких условиях бессмысленно говорить о необходимости прогноза, выработки превентивных мер предупреждения и противодействия агрессивным намерениям и действиям «партнеров»… Все сводится к пассивному («тупиковому» с точки зрения эффективного управления в сфере обеспечения национальной безопасности от внешних угроз) ожиданию наступательных действий «противника». И лишь только после таких действий следует какая-то реакция, сводящаяся к шумихе в национальных СМИ, способная в чем-то убедить преимущественно собственного, часто не очень искушенного, потребителя информации, но слабо и малопродуктивно влияющая на так называемое общественное мнение мирового сообщества. Примеров этому масса – это и не способность противостоять эксцессам пропаганды западных СМИ и политиков накануне и во время вооруженного вторжения Грузии в Южную Осетию, и по факту катастрофы со сбитым Боингом над Донбассом и т.д. и т.п. Отсутствие активной политики противостояния подобным угрозам говорит, как считают специалисты, об отсутствии продуманной и обоснованной стратегии в данной сфере. Вместо «работы на опережение» и подготовки системы превентивных мер фаталистично уповают на то, что «мы способны дать достойный ответ» на любые факты посягательств на наш суверенитет… Такая политика обрекает страну на сохранение позиции вечного изгоя, на роль «мальчика для битья», которому приходится постоянно оправдываться за проступки, которые он не совершал… Критика подобной позиции прозвучала в одной из передач В. Соловьева «Вечер с Владимиром Соловьевым» на федеральном канале телевидения «Россия 1» в начале 2018 года из уст эксперта, бывшего высокопоставленного сотрудника спецслужб Израиля Якова Кедми [4].

Основная часть

Подход «событие – реакция» не требует каких-то особых затрат на предварительный анализ, глубокие исследования и т.п. Это незамысловатая политика по принципу *«laissez faire»*. [«*Laissez faire*» (фр.) – в прямом переводе «пусть идет, как идет – своим естественным путем»; в английском близкое выражение – «*let it be*»]. При реализации модели «событие – реакция» поверхностные, видимые причины принимаются, как правило, за ключевую версию для рассмотрения, необходимость более глубокого анализа игнорируется. И характерной чертой при этом является катастрофическое запаздывание реакции госструктур на происходящие деструктивные события –

о них знали давно, была информация о том, что они готовятся, либо (при иных категориях событий) уже было много предыдущих примеров, которые позволяли сделать элементарный прогноз (экстраполяцию) о неизбежной повторяемости аналогичных происшествий.

Прежде чем приступить к показу условий и причин детерминации подобных событий (происшествий) и выбору стратегии противодействия им, важно дать хотя бы краткую иллюстрацию на примерах, которые характеризуют череду событий, представляющих серьезные внутренние угрозы общественной безопасности. Все мы знаем, что в последнее время в России произошло достаточно много трагедий техногенного характера, обусловивших многочисленные человеческие жертвы. В числе таких трагедий – резонансные пожары в пермском ночном клубе «Хромая лошадь» (5 декабря 2009 года – 156 жертв), в кемеровском торговом центре «Зимняя вишня» (25–26 марта 2018 года – 64 жертвы, из них 41 ребенок), и т.д. В этом же ряду стоят авиакатастрофы, в которых погибли наши граждане, в том числе 44 человека – при крушении 7 сентября 2011 года авиалайнера Як-42Д авиакомпании «Як Сервис», совершавшего международный чартерный рейс AKY 9633 по маршруту Ярославль – Минск, (на его борту находились члены ярославской хоккейной команды клуба «Локомотив»); 92 человека – 25 декабря 2016 года, когда рухнул в Чёрное море авиалайнер Ту-154Б-2 ВВС России, выполнявший рейс по маршруту Москва – Сочи – сирийская Латакия (на борту находились члены ансамбля песни и пляски им. А.В. Александрова Министерства обороны РФ); и т.д. и т.п.

Подобных событий множество. И крайне важно понять, что приводит к ним, почему они повторяются со столь устойчивой закономерностью и как реагируют на это те структуры, от которых зависит обеспечение нашей общественной безопасности сегодня и в будущем? Не секрет, что чаще всего в ответ на возникновение такого рода трагедий следует стандартный ответ по описанной выше схеме «событие – реакция». А в последствии – усиление применения репрессивных методов, связанных с ужесточением уголовной репрессии, административной или дисциплинарной ответственности и т.п. При этом постоянно раздаются призывы в очередной раз пересмотреть нормы известных отраслей права в сторону их ужесточения. Такого рода подход характерен для современного законодателя и в решении многих иных проблем жизнедеятельности общества и общественной безопасности – например, в ответ на рост ДТП, нарушений ПДД, отдельных видов преступлений и гражданско-правовых деликтов. Доходит до применения судами наказаний в виде уголовной ответственности с лишением свободы за «проявления экстремизма» за перепосты с социальных сетях, которые возбуждают «религиозную рознь и ненависть» и т.п. (по ст. 282 УК РФ «Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства») [5]. В ряду таких событий стоят неудачи с запусками космических аппаратов. СМИ в свое время растиражировали высказывание вице-премьера Д. Рогозина, посетившего с инспекцией предприятие, – тот сравнил с диверсией зарплаты размером 10-15 тыс. руб. в месяц сборщиков двигателей ракеты-носителя «Протон» [6]. Кстати, дальнейшей официальной реакции на это практически не последовало… Практически каждую неделю нам сообщают о тех или иных врачебных ошибках

и некомпетентности медицинского персонала, приводящих к ущербу здоровью, либо к летальным исходам…

Список трагедий бесконечен, а в их основании лежит в большинстве случаев одно – *ущербность экономических институтов*. А это, в свою очередь, служит выражением несовершенства и «провалов» государства (в теории общественного выбора современной экономической науки данный феномен давно и подробно описан). Удивление вызывает то, что об этом не говорят ни официальные структуры, в том числе те, которые ответственны за обеспечение общественной безопасности, ни экспертное сообщество. Если же нет попыток понять наиболее глубинные условия и причины воспроизводства угроз общественной безопасности, сложно ожидать принятия эффективных мер противодействия. Это аксиома.

Ущербность экономических институтов, в свою очередь, выступает в качестве следствия наличия деструктивных свойств используемой в стране модели экономики [7]. Отсюда и неспособность государства конструктивно решать отдельные проблемы обеспечения общественной безопасности. Однако это уже тема для отдельного разговора.

Ужесточение правовых норм – это, так сказать, отложенная во времени реакция, к чему прибегают официальные структуры в случае массового характера тех или иных происшествий, обусловливающих человеческие жертвы и т.п. Оперативная же реакция связана с арестами и заведением уголовных дел на непосредственных виновников, которых определило следствие, а затем и суд (владельцев объектов недвижимости, авиационной и иной техники и др., менеджеров, командиров пожарных служб МЧС, командиров авиасудов и т.д.). Часто в просторечии такой подход называют «найти крайнего». Разумеется, найти персонально ответственных за совершение техногенных катастроф и иных происшествий, представляющих угрозу для общественной безопасности, крайне важно. Однако только к этому не должна сводиться реакция государства. Этого крайне недостаточно. Ответственный государственный подход требует от власти уйти от примитивизма эмоционального ответа, когда реакция осуществляется в каждом конкретном случае по описанной выше схеме. Анализ множества частных случаев должен привести к выявлению неких глубинных условий и причин, а также закономерностей и стать основой для принятия решений стратегического порядка. На такой подход мы и предлагает обратить внимание компетентных структур – когда в анализе конкретных резонансных техногенных трагедий важно перейти от тривиальной схемы действий «событие – реагирование» к стратегии воздействия на условия и причины возникновения совокупности таких событий. А их поиск (условий и причин), соответственно, неизбежно приведет *к оценке качества институтов и правовых норм* (!). И вот здесь мы еще раз подводим читателя к главному смыслу подхода, который автор хотел бы донести – *об особом значении институтов и правовых норм для решения ключевых задач обеспечения общественной безопасности*.

Прежде чем попытаться охарактеризовать влияние качества институтов и правовых норм на обеспечение общественной безопасности, кратко скажем о том, как институты и правовые нормы квалифицируются в экономической теории права (экономическом анализе права) в отличие от юриспруденции и чем такой подход важен для решения коренных задач государства [8; 9; 10].

Прежде всего следует учитывать, что у юристов и экономистов разное понимание содержания таких терминов как институты, законы и иные нормы права. В экономической науке *законы* и *другие юридические нормы* представляют собой частный случай принуждаемых к исполнению *правил*, т.е. *институтов*. Здесь, в отличие от подходов, принятых в юриспруденции, институты – понятия более общие и важные, нежели законы и иные юридические нормы. *Закон в юриспруденции* рассматривается как некий священный феномен – «*Dura lex, sed lex*», т.е. «Закон суров, но это – закон!». В этом наиболее ярко отражается суть юридического позитивизма: любое решение законодателя воспринимается как некая высшая данность (фетиш), фактически не подлежащая обсуждению с точки зрения его социальных или экономических функций – закон таков, каков он есть, и обсуждения и анализа достойны только проблемы его применения, включая соответствие ранее принятым законам. *Закон же в экономической науке* не есть «объективная реальность», он есть не более чем один из возможных альтернативных путей достижения определенной цели, о нем можно и нужно рассуждать с точки зрения эффективности достижения этой цели. И такой подход к законам и законодательной деятельности есть прямое следствие существования концепции функционирования политического рынка, подробно описываемой в таком разделе экономической науки как теория общественного выбора. Если для юридического подхода свойственно абсолютизация значения законов, иных юридических норм и феноменов – «пусть мир рухнет, но правосудие восторжествует», то экономический подход концентрируется на анализе последствий существования и применения юридических правил, что служит основанием для пересмотра либо совершенствования правовой системы. Это придает особое значение использованию экономического подхода законодателем в качестве дополняющего инструментария в анализе правовых феноменов и эффективности принимаемых юридических норм. «Способность экономистов видеть дальше очевидного для того, чтобы объяснять непосредственно не связанные между собой феномены, представляет собой один из наиболее значимых навыков, которые они внесли в социальный анализ» [11].

Как в экономической теории права характеризуется содержание понятий «Правила» («Нормы») и «Институты»? *Правила (нормы)* – это общепризнанные предписания, содержащие запреты или разрешения на определенные виды действий людей в системе общественных отношений. Они регулируют взаимодействие между людьми или их группами. *Институты* – это формальные и неформальные правила (нормы), установленные людьми плюс механизмы обеспечения их соблюдения. Чтобы правило (норма) превратилось в институт, оно должно выполняться, т.е. должен действовать указанный механизм. Таким образом, *институт — это функционирующее правило (норма)*. При этом любой институт определяется через правило (норму), но не любое правило (норма) является институтом. В современной экономике гарантом выполнения правил обычно является государство, которое и создает механизмы обеспечения их соблюдения.

Формальными называются правила, которые создаются специально, целеустремленно для регулирования какой-либо сферы общественных отношений или деятельности. Они зафиксированы, как правило, в виде какого-либо нормативного правового акта или подзаконного акта и обеспечены

легальной и специализированной защитой со стороны государства. *Неформальные правила* – это правила, которые не зафиксированы в письменной форме. Они защищены иными механизмами – традициями, обычаями и т.п. Это относится, к примеру, к «обычаям делового оборота» (ст. 5 ГК РФ), как правилам поведения в сфере ведения бизнеса, не предусмотренным законодательством или договором, но широко применяемым на практике. При этом неформальная норма (правило) может стать институтом. *Формальный институт* – это такое правило (норма) и механизм обеспечения его выполнения, которое реализуется через деятельность государства. Именно признание государством отличает формальные правовые феномены от неформальных. Начало введения в действие нового формального института связано с принятием того или иного нового закона или подзаконного акта (юридического правила, нормы).

Главное призвание института – способствовать общественному прогрессу, облегчая и упорядочивая осуществление взаимодействия людей в тех или иных сферах общественных отношений, в первую очередь, конечно, в сфере экономики, экономической и трудовой деятельности. Еще одна *функция институтов* – способствовать эффективному распределению и использованию ограниченных ресурсов, снижению трансакционных издержек, и, наконец, росту национального богатства и общественного благосостояния. В последнем выражено высшее предназначение институтов.

Следует принимать во внимание обстоятельство, связанное с выполнением институтами *координационных функций* (с целью эффективного размещения ресурсов) и *функций распределительных* (с целью перераспределения ресурсов и благосостояния в обществе) – институты могут приводить к максимизации благосостояния отдельных социальных групп, групп специальных интересов. Это происходит в случае, когда законодатель ангажирован интересами этих групп и лоббирует их при принятии нормативных правовых актов.

Правовая система – конкретно-историческая и объективно обусловленная, упорядоченная совокупность правовых явлений определенного общества. Она включает совокупность взаимосвязанных, согласованных и взаимодействующих правовых средств, регулирующих общественные отношения, а также элементов, характеризующих уровень правового развития страны. Она включает совокупность норм права, правовых институтов, отраслей права и характеризует особенности правосознания, правового поведения и правовой культуры людей и организаций. В идеале приоритетом правовой системы выступает ее эффективность (по аналогии с понятием эффективности институтав и нормативного акта).

Правила, нормы и институты оказывают значительное влияние на экономику, как и сама экономическая политика. При этом экономическая политика наиболее эффективно может осуществляться именно через посредство принятия и реализации обоснованных норм и институтов (правил). *Эффективность нормативного акта* – степень соответствия предписываемого и поощряемого им (актом) поведения экономических субъектов задаче минимизации трансакционных издержек, наиболее эффективного использования ресурсов и максимизации национального богатства и общественного благосостояния.

Каковы примеры институтов? Здесь важно отметить, что в современной экономической науке (особенно в институциональной теории) есть более широкое представление об институтах – институтами могут называться, например, такие социально значимые феномены как свобода, равенство и справедливость, а также институты собственности, конкуренции, страхования и компенсаций, кредита и залога, и т.д. Наиболее полное воспроизводство этих институтов в ткани экономических и социально-экономических отношений невозможно вне приятия и действия соответствующей системы правил (норм) и механизма их реализации. В этом состоит особое значение правовой системы для функционирования экономики.

Институт свободы должен полноценно реализовывать и защищать права граждан, их объединений и общества в целом, государства. Любые посягательства на эти права должны пресекаться с использованием всей силы закона. Наиболее опасны при этом не тривиальные кражи, разбой и т.п. (хотя, разумеется, для граждан они чувствительны), а преступления иного характера – рейдерство, силовой отъем собственности со стороны субъектов бизнеса, в том числе с незаконным использованием возможностей силовых структур, органов государства или местных органов самоуправления и т.п. Когда такого рода противоправные действия становятся массовыми, они способны подорвать институциональные основы общества – поставить под вопрос реализацию священных прав собственности. И это уже не частный вопрос, а проблема обеспечения общественной безопасности.

Это же можно сказать и о реализации *института равенства*. В современной рыночной экономике он воплощается в результате воспроизводства такого фундаментального рыночного правила *как закон эквивалентности обмена*. Особую угрозу общественной безопасности здесь представляют преступления в сфере экономической деятельности, подавляющее большинство из которых носит мошеннический характер; а мошенничество это и есть неэквивалентный обмен (!). Именно на институтах свободы собственности и равенства и держится в мире цивилизованное рыночное хозяйство. Заметим, что третий институт – *институт справедливости* – играет здесь несколько менее важную, скорее соподчиненную, роль; однако он также крайне ценен для людей и организаций, поскольку за счет рыночных правил обусловливает относительное равенство в стартовых условиях конкуренции, распределении доходов в зависимости от эффективности предпринимательской деятельности, распределении заработков от количества и качества труда и формировании цены рабочей силы не ниже ее стоимости и др. Неполноценное воплощение в жизнь этих институтов и связанных с ними правовых норм приводит к ущербности господствующих в той или иной стране социально-экономических отношений. В результате снижается мотивация к производительному труду у наемных работников, к эффективной работе у бизнеса, продуктивной деятельности – у структур и органов государства. Поэтому, говоря о необходимости формирования эффективных институтов в экономике, надо постоянно помнить – и мы не устаем это повторять – наставление лауреата Нобелевской премии по экономике Гэри Беккера о том, что экономика – это то, как люди и организации реагируют на изменение в стимулах (!).

Как же институты, их качество влияют на частоту и масштабы техногенных катастроф и иных резонансных происшествий и событий, приносящих

человеческие жертвы или ущерб здоровью граждан? В силу ограниченности объемов публикации рассмотрим это на примере *института страхования*. Мы убеждены, что ущербность этого института обуславливает массу отрицательных внешних эффектов (экстерналий) для граждан в целом ряде сфер жизнедеятельности.

Возьмем гражданскую авиацию. В чем здесь заключается принципиальная разница в некоторых важных сторонах организации этой отрасли у нас и в странах с давними традициями рыночного регулирования? Если мы посмотрим (хотя и упрощенно) на схему регистрации авиакомпаний и их функционирования, то сразу заметим, что в западных (условно) странах для регистрации таких компаний требуется предварительное заключение страховых компаний – они дают «добро» на основе собственного заключения, основанного на тщательном анализе технического состояния авиационного парка летных аппаратов, возможностей его технического и иного обслуживания, квалификации летного состава и т.д. И дотошность такого анализа со стороны специалистов страховых компаний очень высокая, поскольку они умеют считать деньги и не идут на бессмысленные потери. К примеру, в Великобритании, насколько нам известно, по страховому случаю выплачивают около двух миллионов фунтов стерлингов за одного погибшего в авиакатастрофе пассажира. А если самолет перевозил 200 пассажиров. Плюс страховка самого авиалайнера не менее ста миллионов фунтов стерлингов. Простая арифметика показывает, что страховой компании придется выплачивать компенсаций до полумиллиарда в названной валюте… Может она позволить себе роскошь застраховать сомнительную компанию в авиапарком в составе двух-трех летных единиц, да к тому же купленных где-то на авиа-кладбище как секонд-хенд, у которых давно истек срок безопасной эксплуатации и исчерпан технический ресурс?! Ответ понятен. А вот у нас порядок совсем иной – регистрация компаний и получение разрешений на перевозку пассажиров связано не с экономическими и техническими объективными возможностями (параметрами), а зависит от чиновников, которые дают такие разрешения… При наличии высокого уровня коррупции сложно с уверенностью говорить, что исключены случаи получения названных разрешений компаниями с секонд-хенд парком… Да и само страхование построено таким образом, что жизнь человеческая оценивается по остаточному принципу – сейчас она стоит всего два миллиона рублей… В этих условиях все, кто летает, не гарантирован от страховых случаев, а они у нас достаточно часты. И будут и дальше таковыми, пока институт страхования будет ущербным и деструктивно опасным.

Возьмем еще одну сферу, связанную с наземным транспортом. В ряду происшествий, которые становятся массовыми и в силу этого также представляют угрозу для общественной безопасности – известные всем так называемые «войны на дорогах». Именно под такой рубрикой выходят передачи на ряде федеральных телеканалов. Речь идет о жестких разборках между участниками ДТП, когда в ход идут не только кулаки, но и бейсбольные биты, монтировки и иные подручные средства, и даже огнестрельное оружие. При этом нередко участники таких ожесточенных схваток попадают с травмами и ранениями в медицинские учреждения, а порою все заканчивается и летальным исходом.

В попытках понять истоки «озверения» участников дорожного движения и особенно ДТП можно много говорить на тему падения нравственности и общественной морали, деградации культуры и т.п. Все это, в принципе, правильно. Но почему все-таки стали притупляться сдерживающие факторы, почему люди массово стали впадать в девиантное (отклоняющееся) поведение, нарушать принятые норма? Чтобы ответить на эти вопросы, важно вспомнить, что наше общество (как и само государство) претерпело катастрофические трансформации, на смену одной общественно-политической формации пришла другая и процессы эти еще далеко не закончены. Столь коренная ломка всего уклада жизни для миллионов граждан не могла пройти легко и гладко. И общество и отдельные индивиды впали в состояние аномии (вспомним Эмиля Дюркгейма, Роберта Мертона и других социологов и криминологов, разрабатывавших данную теорию) – безнормности, безнормативности поведения, когда старые нормы поведения уже канули в Лету, а новые полноценно еще не сформированы и не освоены людьми, бизнесом и структурами власти [12]. Российское общество с трудом и болезненно вошло в рыночную экономику и пытается формировать основы гражданского общества и правового государства. При этом не следует питать иллюзий: рыночная экономическая система у нас еще крайне далека от совершенства и состояния цивилизованности. И это касается, прежде всего, качества тех институтов, которые и составляют суть рыночных отношений. Многие из них сформированы (открыты) на паллиативной основе – не полно, не полноценно, ущербно, что обусловливает появление целой совокупности отрицательных внешних эффектов. В числе последних как раз пресловутые «дорожные войны». Какой из институтов способен принципиально изменить здесь ситуацию? В первую очередь это, как и в отношении гражданской авиации, институт страхования. Чтобы он работал полноценно, нужно распространить страхование здоровья и жизни на подавляющее число наших граждан, да и размер компенсаций требуется принципиально пересмотреть в сторону повышения. К примеру, в западных странах это страхование охватывает, как правило, до 90 % населения, в России сейчас – всего около 5 %... Введение полноценного института страхования жизни и здоровья граждан должно стать фактором предотвращения от проявлений агрессии и нарушения норм поведения на дорогах.

Как это должно действовать? Механизм здесь крайне прост. Если ты нанес травму, увечье, ранение и т.д. другому гражданину сегодня, то он будет с вами судиться и защищать в суде сам себя, в лучшем случае привлекая адвоката; и не факт, что он будет способен удовлетворить свой иск (что сплошь и рядом происходит). А вот в случае, если в стране будет сформирован полноценный институт страхования здоровья и жизни, то в судебной инстанции интересы потерпевшего будет представлять уже страховая компания, имеющая свою мощную юридическую службу. Ситуация меняется кардинально и результат будет совсем иной. Здесь следует добавить, что параллельно важно сформировать и *институт внешних эффектов* – вне наличия которого наши суды присваивают недостойно низкие компенсации потерпевшим (или вовсе отказываю в этом), явно унижая их человеческое достоинство, что не красит деятельности судебной ветви власти, подрывая доверие к ней у законопослушных членов общества. К сожалению, об институте внешних эффектов наши специалисты знают крайне мало или вообще не слышали о нем,

а ведь его отсутствие минимизирует эффективность и правосудность решений органов судебной власти [13].

Любой вменяемый участник ДТП, зная, что в случае нанесения ущерба здоровью другому гражданину, его могут ждать, допустим, пожизненные выплаты материальной компенсации (на лекарства, лечение, реабилитацию и т.д.), задумается, стоит ли проявлять агрессию и вступать в открытый конфликт с применением насилия?! Или, стоит ли превышать скорость в городе, когда увеличивается вероятность наезда на пешехода, жизнь и здоровье которого наверняка застрахованы?! А ведь именно так действует институт страхования во многих западных странах. И, например, питерские лихие парни, которые привыкли нарушать ПДД в своем родном городе, выезжая за рубеж, стараются блюсти правила поведения за рулем. Правда, не все – известен резонансный случай с Владиславом Пиотровским, в то время (январь 2009 г.) занимавшим пост ГУВД по Санкт-Петербургу и Ленинградской области (2006-2011 гг.); тот во время частной поездки по Финляндии на личном автомобиле был задержан местной полицией за нарушение правил дорожного движения, главный милиционер Северной столицы превысил скоростной режим, а бдительные финны позвонили полицейским [14]… Конечно, за рубежом часто институт дорожной полиции действует несколько иначе, чем у нас – подкупить полицейского, задержавшего вас за превышение скорости, просто нереально. Как, кстати, и в Республике Беларусь, насколько нам известно. Хотя, следует признать, что и в России в этой сфере начались серьезные позитивные изменения.

Когда мы ведем речь о формировании полноценных институтов для рыночной экономики, таких, как, например, институт страхования, стоит сделать еще одно немаловажное замечание. Чтобы действие института страхования здоровья и жизни распространялось на подавляющее число граждан, последние должны иметь доходы, позволяющие безболезненно для семейного бюджета делать страховые отчисления. Сегодня же чуть ли не у трети граждан доходы таковы, что они относятся к категории бедного населения, которое выпадает из сферы интереса страховых компаний (неимущим гражданам не под силу такие отчисления). Это еще один факт в пользу пересмотра отношения государства и гражданского общества к действующей в стране экономической неолиберальной модели.

Что касается «дорожных войн» и нарушений правил дорожного движения, то официальная реакция продолжается в традиционном ключе – ужесточение уголовной и административной репрессии. О воздействии на глубинные условия и причины рассматриваемого явления и о серьезной реформе институтов пока никто не говорит…

Заключение

И, наконец, в заключение следует сказать, что ущербность, паллиативный характер многих из перечисленных институтов не только впрямую негативно отражается на состоянии общественной безопасности и защищенности граждан, но и обуславливает наличие значительных обременений в деятельности органов прокуратуры – этому важнейшему надзорному органу государства вменяют в обязанность выполнение массы несвойственных функций (невыплаты зарплаты, ЖКХ, и т.д. и т.п.). Их появление обусловлено системными недостатками действующей модели национальной экономики и ущербностью ее

институтов – поскольку многие рыночные регуляторы у нас не работают автоматически и не выполняют свои задачи, в качестве компенсаторного механизма начинают использовать административный ресурс государства, в частности, привлекать к этому прокуратуру. Пока наша экономика не станет полноценно рыночной и цивилизованной, число таких обременений будет расти. Осознание этого факта, надеемся, даст еще один аргумент в пользу адекватной оценки особого значения и важности работы по формированию и укреплению институтов для установления единого нормативного порядка в социуме и обеспечения общественной безопасности.

Список цитированных источников

1. Концепция общественной безопасности в Российской Федерации. Утверждена Указом Президента Российской Федерации 20 ноября 2013 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70425172/ – Дата доступа: 14.09.2018; Стратегия национальной безопасности Российской Федерации. Утверждена Указом Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 г. № 683. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_191669/ – Дата доступа: 14.09.2018; Стратегия экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года. Утверждена Указом Президента Российской Федерации от 13 мая 2017 г. № 208. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71572608/ – Дата доступа: 14.09.2018; Федеральный закон от 28.12.2010 № 390-ФЗ «О безопасности». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_108546/ – Дата доступа: 14.09.2018; Доктрина информационной безопасности Российской Федерации (утв. Указом Президента РФ от 5 декабря 2016 г. № 646) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://base.garant.ru/71556224/ – Дата доступа: 14.09.2018; и др.

2. Кузнецов, А. А. Биофизические основы живых систем: учеб. пособие / А. А. Кузнецов; Владим. гос. ун-т им. А. Г. и Н. Г. Столетовых. – Владимир: Изд-во ВлГУ, 2015. – 112 с.

3. РПЦ отказалась работать под председательством Константинополя // Офиц. сайт «РИА-Новости». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ria.ru/religion/20180914/1528609747.html?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop – Дата доступа: 14.09.2018; Балябина, М. В чужой монастырь со своим уставом. Госдеп занялся религией на Украине. 11.09.2018 / М. Балябина // Офиц. сайт «РИА-Новости». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ria.ru/accents/20180911/1528305702.html?inj=1 – Дата доступа: 14.09.2018; В РПЦ рассказали о влиянии США на Константинопольский патриархат. 10.09.2018 // Офиц. сайт «РИА-Новости». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ria.ru/religion/20180910/1528214723.html?inj=1 – Дата доступа: 14.09.2018; и др.

4. «Может уже хватит прогибаться?»: Кедми про жесткую политику Запада и … действия России // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.youtube.com/watch?v=pnkDwK7Erf8 – Дата доступа: 14.09.2018.

5. «Уголовный кодекс Российской Федерации» от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 29.07.2018) / [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/d350878ee36f956a74c2c86830d066eafce20149/ – Дата доступа: 14.09.2018.

6. Хроленко, А. Ракета или зарплата: почему падают «Протоны»: 01.02.2017 / А. Хроленко // Офиц. сайт «РИА-Новости». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ria.ru/analytics/20170201/1486970136.html – Дата доступа: 14.09.2018.

7. Колесников, В. В. Модель экономики и уголовно-правовое регулирование / В.В. Колесников // Российский журнал правовых исследований. – 2015. – № 1 (2). – С. 186-195.

8. Тамбовцев, В. Л. Право и экономическая теория. Учебное пособие / В. Л. Тамбовцев. – М. : МГУ, 2005.

9. Экономическая теория права : экономический анализ правовых феноменов : учебное пособие / В. В. Колесников. – СПб. : Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Академии Генеральной прокуратуры РФ, 2017.

10. Экономическая теория права / Экономическая теория теневого сектора хозяйства, преступности и эффективности противодействия ей : Учебное пособие / В. В. Колесников. – СПб. : Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Академии Генеральной прокуратуры РФ, 2015.

11. Robertson, D. Law&Economics Analysis: A Lawyer Perspective on the Economic Analysis of Law. University of New Zealand (mimeo), 2001. Цитир. по: Тамбовцев, В. Л. Право и экономическая теория. – С. 12-13.

12. Кара-Мурза, С. Г. Аномия в России: причины и проявления / С. Г. Кара-Мурза. – М. : Научный эксперт, 2013.

13. Одинцова, М. И. Экономика права : учеб. пособие / М. И. Одинцова. – М. : Изд. дом ГУ ВШЭ, 2007. С. 9. – Рецензия судьи Конституционного Суда РФ Г.А. Гаджиева на учебное пособие.

14. Финская полиция задержала главу ГУВД Владислава Пиотровского за превышение скорости. 29.01.2009. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.spb.aif.ru/society/656036 – Дата доступа: 14.09.2018.

Аннотация. Статья посвящена изложению представлений об институтах и правовых нормах в обеспечении общественной безопасности. В ней показана разница в подходах к определению этих терминов в юриспруденции и экономической теории права. На примерах из практики показана ущербность многих институтов экономики, которая отражается на уровне защищенности граждан от угроз жизни и здоровью и на состоянии общественной безопасности. Говорится о низкой эффективности реакции властных структур и законодателя в соответствии со схемой «событие – реакция». Рекомендуется подход, при котором воздействие должно оказываться на условия и причины происшествий, ведущих к снижению уровня общественной безопасности. Показываются примеры правильно выстроенных институтов и их нормативное воздействие на поведение индивидов.

ON THE ROLE OF LEGAL NORMS AND INSTITUTIONS IN PROVIDING PUBLIC SECURITY

Kolesnikov V.V.

Abstract. The article considers institutions and legal norms and their role in providing public security. The difference is shown in approaches to the definition of these terms in jurisprudence and economic theory of law (economic analysis of law). The author presents examples of the defects of many economic institutions, which influences on the level of

protection of citizens' life and health and determines public security conditions. The article refers to the low efficiency of responce to such threats on the part of state agencies and legislators. An approach is recommended whereby the efforts should be made to find out the reasons and to reduce the trend of decline of public security. Positive examples of institutions and their regulatory impact on the behaviour of individuals are given.

УДК 343

К ВОПРОСУ ОБ ОПРЕДЕЛЕНИИ ВОЗМОЖНОСТИ ПОГАСИТЬ КРЕДИТОРСКУЮ ЗАДОЛЖЕННОСТЬ

Кукштель В.А.

Ключевые слова: кредиторская задолженность, возможности выполнить обязанность по погашению кредиторской задолженности, очередности платежей, расчетный счет, расходная операция, финансово-экономическая экспертиза.

Введение

В условиях экономического кризиса, охватившего многие континенты и страны, охрана экономической деятельности от преступных посягательств является одним из приоритетных направлений уголовной политики государства. Нельзя не отметить, что преступления, посягающие на основы гражданского оборота, приобретают первостепенное значение, поскольку современная национальная экономика рассматривает институт кредиторской задолженности как один из важнейших источников финансирования текущей деятельности многих субъектов хозяйствования как частной, так и государственной форм собственности. При умелом управлении кредиторская задолженность может стать дополнительным, а главное дешевым источником привлечения заемных средств. Данный вид задолженности зачастую рассматривается как самопроизвольно возникающий и бесплатный ресурс, способствующий увеличению как объемов продаж, так и оборотных средств предприятий. Однако рост долгов и просрочка в их погашении зачастую приводят к неплатежеспособности предприятий и увеличению риска их банкротства, что само по себе негативно сказывается на развитии финансово-хозяйственных взаимоотношений между субъектами хозяйствования, и способствует снижению экономического потенциала государства.

Кредиторы, долги перед которыми своевременно не погашаются, могут не только обратиться в суд, требовать взыскания задолженности с учетом пени и процентов за пользование чужими денежными средствами, инициировать возбуждение исполнительного производства или даже дела о банкротстве, но и прибегнуть к уголовному преследованию неплательщиков [1, с. 42].

Уголовно-правовые меры являются наиболее жестким средством государственного воздействия на негативные явления общественной жизни, а их применение обусловлено повышенной степенью общественной опасности совершенных деяний. Общественная опасность за уклонение от погашения кредиторской задолженности заключается в причинении должником кредитору

реального имущественного ущерба на сумму, подлежащую взысканию, а также ущерба в результате упущенной выгоды.

Статистические данные свидетельствуют о стремительном увеличении количества обращений по факту непогашения контрагентом задолженности: в 2014 г. в органы финансовых расследований Комитета госконтроля Республики Беларусь поступило 507 таких заявлений; в 2015 г. – 1104.; в 2016 – 1178 [2, с. 51].

В соответствии с вышеизложенным особую актуальность приобретает характеристика признаков объективной стороны ст. 242 «Уклонение от погашения кредиторской задолженности» Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК Республики Беларусь). В рамках данной публикации подробно рассмотрим необходимое условие для привлечения к уголовной ответственности по ст. 242 УК Республики Беларусь: наличие возможности выполнить обязанность по погашению кредиторской задолженности, которая должником чаще всего отрицается.

Основная часть

Наличие возможности выполнить обязанность по погашению кредиторской задолженности определяется достаточностью у субъекта хозяйствования средств для погашения этой задолженности, причем учитываются не только наличие или отсутствие свободных денег на текущем счете, но и имеющиеся у должника основные и оборотные средства, товар в обороте, ценные бумаги, наличие вкладов, средств на валютном счете и т.п. Кроме того в качестве таких средств могут рассматриваться активы субъекта хозяйствования в не денежной форме, поскольку они могут быть переведены в денежную форму.

В соответствии с ст. 1 Закона Республики Беларусь от 12 июля 2013 г. № 57-З «О бухгалтерском учете и отчетности» к активам относится имущество, возникшее в организации в результате совершенных хозяйственных операций, от которых организация предполагает получение экономических выгод [3]. Имеющиеся у должника активы, а также их движение в соответствии с законодательством о бухгалтерском учете отражаются на соответствующих счетах бухгалтерского учета и в бухгалтерском балансе организации.

Однако п. 2 ст. 2 Закона «О бухгалтерском учете и отчетности» предусматривает, что отдельные категории организаций могут быть освобождены от обязанности ведения бухгалтерского учета и составления отчетности. В частности, это организации, работающие по упрощенной системе налогообложения; по этой системе работает часть индивидуальных предпринимателей. Указанные выше организации вправе вести учет в книге учета доходов и расходов организаций и индивидуальных предпринимателей.

Отметим, что законодательство также не требует ведения учета имущества для индивидуальных предпринимателей, уплачивающих подоходный налог или единый налог с индивидуальных предпринимателей и иных физических лиц. Однако на практике информация о составе имущества таких организаций и индивидуальных предпринимателей все же имеется. Поскольку ряд из них ведут бухгалтерский учет и, как правило, в автоматизированной форме, эти данные должны быть истребованы.

Следует учитывать ситуации, когда в соответствии со ст. 1 и ст. 23 Гражданского кодекса Республики Беларусь предпринимательская деятельность осуществляется физическим лицом от своего имени, на свой риск и под свою

имущественную ответственность, и гражданин отвечает по своим обязательствам всем принадлежащим ему имуществом, за исключением имущества, на которое в соответствии с законодательством не может быть обращено взыскание [4]. В таких случаях необходимо истребовать данные о принадлежащих физическому лицу недвижемости, транспортных средствах, ценных бумагах, его участии в комерческих организациях и долях в уставных фондах юридических лиц.

Таким образом, при определении у организации или индивидуальных предпринимателей возможности выполнить обязанность по погашению кредиторской задолженности необходимо установить стоимость и состав имущества, которое может быть использовано в качестве средств для погашения долга на дату вступления в законную силу судебного постановления и на дату, определенную органом уголовного преследования, а также проанализировать движение имущества в период между этими датами.

Наличие возможности погасить кредиторскую задолженность выявляют органы финансовых расследований, проводя анализ финансовых операций должника, включая совершенные им сделки на заведомо невыгодных условиях. Работники подразделений документальных проверок анализируют движение денежных средств по расчетному счету, что позволяет выявить расходные операции, совершенные в нарушение очередности порядка расчетов между юридическими лицами, индивидуальными предпринимателями.

На основании Указа Президента Республики Беларусь от 29.06.2000 г. № 359 «Об утверждении порядка расчетов между юридическими лицами, индивидуальными предпринимателями в Республике Беларусь» предлагаем следующий алгоритм определения достаточности денежных средств на расчетных счетах организации для уплаты имеющийся кредиторской задолженности:

Определяется очередность каждой расходной операции по расчетным счетам. В качестве источника информации для такого анализа служат выписки из текущих (расчетных) счетов с указанием очередности, наименования контрагента, номера счета, назначения и основания каждого платежа, либо первичные платежные документы, отражающие проведение указанных операций.

Определяются платежи, осуществленные с несоблюдением очередности по отношению к вступившему в силу судебному постановлению.

На основании суммы платежей, осуществленных с несоблюдением установленной очередности, делается вывод о достаточности либо недостаточности денежных средств для погашения возникших обязательств по уплате кредиторской задолженности [5].

В соответствии с приложением к Инструкции об организации исполнения платежей с текущих (расчетных) счетов в белорусских рублях в очередности, установленной законодательством, утвержденной постановлением Правления Национального Банка Республики Беларусь от 29 марта 2001 г. № 63, для обозначения очередности платежей применяются коды:

в счет неотложных нужд – код 03 и др.;

платежи первой очереди:

иные платежи, осуществляемые в первую очередь – код 13 и др.;

платежи второй очереди:

платежи по исполнительным документам судов, предмет иска по которым относится ко второй очереди – код 21, ко всем иным платежам, осуществляемым во вторую очередь, применяется код 22 [6].

В случае, если имеются расчетные документы с одинаковым обозначением очередности платежа, банки исполняют в порядке их календарного поступления в банк.

При исполнении расчетных документов приоритет имеют документы с меньшим значением очередности платежа перед расчетными документами с большим значением очередности платежа.

Как правило, у субъектов хозяйствования к счетам неотложных нужд, имеющим код 03, относится заработная плата, к иным платежам, осуществляемым в первую очередь с кодом 13 – налоги. Перечисленные выше платежи являются платежами первой очереди и должны осуществляться в первоначальном порядке. В свою очередь кредиторская задолженность является платежом по исполнительным документам судов, предмет иска по которым относится ко второй очереди, который должен осуществляться в первоочередном порядке платежей второй очереди (код 21). Для всех остальных платежей субъекта хозяйствования, осуществляемых во вторую очередь, применяется код 22, к которым относятся арендная плата, расчеты с иными субъектами хозяйствования и др. Для определения достаточности денежных средств на расчетных счетах субъекта хозяйствования следует учитывать сумму платежей второй очереди (код 22).

Отметим, что к платежам в счет оплаты банковских услуг (комиссии за проведение различных операций, абонентская плата за пользование банковскими электронными системами) применяется код 22, однако они не учитываются при расчете достаточности денежных средств на счете. Данное обстоятельство обусловлено тем, что оплата банковских услуг обеспечивает своевременное осуществление всех расчетных операций.

Приведем пример определения достаточности денежных средств на расчетном счете субъекта хозяйствования для погашения кредиторской задолженности:

Субъект хозяйствования ОАО «А» имеет непогашенную кредиторскую задолженность перед ООО «Б» по судебному постановлению в сумме 10 000 рублей. На расчетный счет организации должника ОАО «А» поступили денежные средства на сумму 13 000 рублей. Сумма расходных операций по счету составила 14 000 рублей. Субъект хозяйствования ОАО «А» осуществил следующие расходные операции: оплата за аренду имущества на сумму 5 500 рублей (код 22), оплата за стройматериалы на сумму 3 000 рублей (код 22), вознаграждение за банковское обслуживание 500 рублей (код 22), погашение задолженности по постановлению о наложении административного взыскания на сумму 500 рублей (код 12), платеж по исполнительному документу суда в пользу ООО «В» на сумму 2 000 (код 21), оплата за товары на сумму 2 000 рублей (код 22), оплата налога на прибыль на сумму 500 рублей (код 13). На основании анализа проведенных расчетных операций установлено, что в нарушении очередности платежей субъект хозяйствования ОАО «А» совершил расходные операции на сумму 10 500 рублей. Следовательно, на расчетном счете ОАО «А» имелись денежные средства для полного погашения кредиторской задолженности перед кредитором ООО «Б» по судебному постановлению.

Однако в правоприменительной практике встречаются ситуации, когда при проведении расчета достаточности денежных средств для погашения кредиторской задолженности на расчетных счетах индивидуальных предпринимателей не учитываются платежи, осуществляемые ими, по которым в качестве назначения платежа указан «Личный доход» или «Вознаграждение». Эксперты руководствуются тем, что указанные операции не являются расходными, не относятся к 22-й очереди и не совершены в нарушение Порядка расчетов между юридическими лицами, индивидуальными предпринимателями в Республике Беларусь, что является предметом экспертного исследования [5]. Считается, что указанные платежи свидетельствуют о том, что индивидуальный предприниматель формирует себе заработную плату без осуществления расходных операций. Поскольку данные платежи не содержат нарушений Порядка расчетов между юридическими лицами, индивидуальными предпринимателями, их нельзя относить к платежам, указывающим на уклонении от уплаты кредиторской задолженности.

Полагаем, что в данной ситуации необходимо учитывать тот факт, что платеж «Личный доход» или «Вознаграждение» являются заработной платой самого индивидуального предпринимателя, в отношении которого имеется непогашенная кредиторская задолженность. В данном случае, по нашему мнению, у индивидуального предпринимателя долг перед его кредитором, следовательно, приоритетным направлением является его погашение, а не повышение своего благосостояния. Безусловно, данного субъекта без средств к существованию оставлять нельзя, поэтому предлагаем ввести фиксированную сумму, равную, к примеру, минимальной заработной плате, которая будет переводиться индивидуальному предпринимателю в качестве заработной платы. Однако на практике индивидуальные предприниматели в качестве личного дохода переводят себе суммы равные, а порой и превышающие имеющуюся у них кредиторскую задолженность.

Существует еще один способ доказывания возможности погашения кредиторской задолженности, а именно проведение финансово-экономической экспертизы в Государственном комитете судебных экспертиз Республики Беларусь. Согласно ч. 2 ст. 173 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь (далее – УПК Республики Беларусь) до возбуждения уголовного дела может быть при необходимости проведена экспертиза. Ч. 2 ст. 226 УПК Республики Беларусь закрепляет, что до возбуждения уголовного дела может быть назначена любая экспертиза, выводы которой могут иметь существенное значение для решения вопроса о возбуждении уголовного дела [7].

Решая вопрос о возбуждении уголовного дела по факту уклонения от погашения кредиторской задолженности, выводы финансово-экономической экспертизы являются одним из ключевых моментов, поскольку именно они доказывают наличие либо отсутствие у должника возможности выполнить обязанность по погашению задолженности.

Следует упомянуть позицию Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь, которая заключается в следующем: органы финансовых расследований, инициируя проведение финансово-экономической экспертизы по фактам уклонения от погашения кредиторской задолженности, нерационально подходят к постановке вопросов, заключающихся в определении достаточности денежных средств по всем вынесенным судебным постановлениям. При этом

зачастую при проведении экспертных исследований выясняется, что к моменту назначения экспертизы определенная часть судебных постановлений была уже исполнена должником самостоятельно либо в рамках исполнительных производств. Вместе с тем указанные обстоятельства при назначении экспертиз инициатором не всегда учитываются, и как следствие негативно сказывается на оперативности проведения экспертиз и эффективности судебно-экспертной деятельности.

В правоприменительной практике Государственный комитет судебных экспертиз Республики Беларусь предлагает следующее:

– более активно использовать возможность разрешения вопросов о достаточности денежных средств на расчетных счетах субъектов хозяйствования для погашения задолженности по судебным постановлениям в рамках проверок, проводимых подразделениями органов финансовых расследований, без назначения экономических экспертиз;

– в случае признания необходимости экономической экспертизы до ее назначения инициатору выяснить все существующие обстоятельства (какие из судебных постановлений исполнены полностью, исполнены частично либо не исполнены вовсе; каким образом происходило погашение задолженности);

– предоставлять для проведения экспертизы соответствующие документы.

Департамент финансовых расследований Комитета государственного контроля Республики Беларусь придерживается следующей позиции: экономическая экспертиза данной категории должна назначаться в исключительных случаях с учетом обстоятельств конкретного материала проверки или уголовного дела. Например, при наличии ходатайств участников процесса, сомнений в выводах проверок, проведенных органами финансовых расследований и т.п. Позиция Следственного комитета Республики Беларусь заключается в том, что проведение экспертиз по материалам проверок по ст. 242 УК «Уклонение от погашения кредиторской задолженности» не является обязательной. Позиция Генеральной прокуратуры Республики Беларусь тождественна позиции Департамента финансовых расследований Комитета государственного контроля и Следственного комитета.

С нашей точки зрения проведение финансово-экономической экспертизы по данной категории дел целесообразно и необходимо, поскольку она является неоспоримым доказательством возможности погашения кредиторской задолженности, однако проводить ее необходимо в исключительных случаях, когда в отношении должника имеется большое количество не исполненных судебных постановлений. Проведение финансово-экономической экспертизы целесообразно, когда достаточность выводов (расчетов) специалистов органов финансовых расследований вызывает сомнения у лица, в производстве у которого находятся материалы или уголовное дело, и эти сомнения не могут быть устранены иным способом кроме финансово-экономической экспертизы. На наш взгляд, определяющим моментом при решении вопроса о необходимости назначения финансово-экономической экспертизы является объективность и полнота проверки по заявлению о преступлении либо предварительного расследования, в ходе которых сотрудник органа уголовного преследования должен установить все обстоятельства, в соответствии с которыми национальное законодательство связывает первоочередность производимых должником платежей. В большинстве случаев для определения возможности погашения

должником кредиторской задолженности достаточным является проведение соответствующего расчета работниками подразделений документальных проверок Департамента финансовых расследований Комитета государственного контроля Республики Беларусь.

Заключение

1. Алгоритм определения достаточности денежных средств на расчетных счетах организации для уплаты имеющийся кредиторской задолженности:

– определение очередности каждой расходной операции по расчетным счетам. В качестве источника информации для такого анализа служат выписки из текущих (расчетных) счетов с указанием очередности, наименования контрагента, номера счета, назначения и основания каждого платежа, либо первичные платежные документы, отражающие проведение указанных операций.

– определение платежей, осуществленных с несоблюдением очередности по отношению к вступившему в силу судебному постановлению.

– на основании суммы платежей, осуществленных с несоблюдением установленной очередности, формируется вывод о достаточности либо недостаточности денежных средств для погашения возникших обязательств по уплате кредиторской задолженности.

2. Финансово-экономическая экспертиза как способ доказывания возможности погашения кредиторской задолженности должна назначаться, когда достаточность выводов (расчетов) специалистов органов финансовых расследований вызывает сомнения у лица, в производстве у которого находятся материалы или уголовное дело, и эти сомнения не могут быть устранены иным способом.

3. Регламентация на законодательном уровне размера личного дохода (вознаграждения) индивидуальных предпринимателей.

Список цитированных источников

1. Смольский, А. П. Последствия уклонения от расчетов по задолженности / А. П. Смольский // Главный экономист. – 2016. – № 1. – С. 41 – 47.

2. Трусевич, К. И. Методы воздействия на должника / К.И. Трусевич // Промышленно-торговое право: журнал для юристов, принимающих решение. – 2016. – № 10. – С. 51 –54.

3. О бухгалтерском учете и отчетности [Электронный ресурс]: Закон Республики Беларусь от 12 июля 2013 г. № 57-З // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.

4. Гражданский кодекс Республики Беларусь от 07.12.1998 г № 218-З : с изм. и доп.: текст по состоянию на 08.01.2014 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.

5. Об утверждении порядка расчетов между юридическими лицами, индивидуальными предпринимателями в Республике Беларусь [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь, 29.06.2000 г., № 359 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.

6. Об утверждении Инструкции об организации исполнения платежей с текущих (расчетных) счетов в белорусских рублях в очередности, установленной законодательством [Электронный ресурс]: постановление Правления Национального Банка Республики

Беларусь, 29.03.2001 г., № 63// ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.

7. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 16 июля 1999 г. № 295-З: принят Палатой представителей 24 июня 1999 года: одобрен Советом Республики 30 июня 1999 года // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.

Аннотация. В научной статье рассматривается одно из необходимых условий привлечения к уголовной ответственности по ст. 242 Уголовного кодекса Республики Беларусь «Уклонение от погашения кредиторской задолженности»: наличие возможности у субъекта хозяйствования реального сектора национальной экономики выполнить обязанность по погашению кредиторской задолженности. Результаты исследования основаны на анализе действующего законодательства Республики Беларусь и правоприменительной практики. С целью оперативного выявления органами финансовых расследований уголовно наказуемых фактов уклонения от погашения кредиторской задолженности предлагается алгоритм определения достаточности денежных средств на расчетных счетах организаций и индивидуальных предпринимателей. Анализируется целесообразность проведения финансово-экономической экспертизы как способа доказывания возможности погашения кредиторской задолженности. В результате исследования выявлена необходимость регламентации на законодательном уровне размера личного дохода (вознаграждения) индивидуальных предпринимателей.

TO THE QUESTION ON THE DETERMINATION OF OPPORTUNITIES, TO OVERCOME CREDIT INCOME

Kukshtel V.A.

Keywords: accounts payable, the ability to fulfill the obligation to repay the accounts payable, the order of payments, the settlement account, the expenditure transaction, the financial and economic examination.

Abstract. In a scientific article, one of the necessary conditions for bringing to criminal responsibility under art. 242 of the Criminal Code of the Republic of Belarus "Evasion from payment of accounts payable": the possibility for a business entity of the real sector of the national economy to fulfill the obligation to repay accounts payable. The results of the study are based on an analysis of the current legislation of the Republic of Belarus and law enforcement practice. With the purpose of prompt detection by the bodies of financial investigations of criminally punishable facts of evading repayment of accounts payable, an algorithm for determining the adequacy of cash on settlement accounts of organizations and individual entrepreneurs is proposed. The expediency of carrying out financial and economic expertise as a way of proving the possibility of repayment of accounts payable is analyzed. As a result of the research, the need to regulate the amount of personal income (remuneration) of individual entrepreneurs at the legislative level is revealed.

УДК 343.268

ЦЕЛИ ПРИНУДИТЕЛЬНЫХ МЕР БЕЗОПАСНОСТИ И ЛЕЧЕНИЯ: ЗАКОНОДАТЕЛЬНАЯ РЕГЛАМЕНТАЦИЯ И ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Лапцевич И.И.

Ключевые слова: цели принудительных мер безопасности и лечения, психическое расстройство (заболевание), принудительное лечение лиц, страдающих хроническим алкоголизмом, наркоманией, токсикоманией.

Введение

Принудительные меры безопасности и лечения представляют собой особый институт уголовного права, которому присущи своя особая правовая природа, цели, задачи, субъектный состав, механизм реализации.

Одним из важнейших условий эффективности правовой регламентации и реализации принудительных мер безопасности и лечения, определения целостности правовой природы, отграничения от иных уголовно-правовых институтов, выступает правильное определение его целей. Особенность данного института заключается в его комплексности, тесной взаимосвязи норм уголовного права и положений медицинского характера, что также оказывает влияние на формирование его целей. В настоящее время в отечественной уголовно-правовой науке обозначенная проблематика является малоисследованной.

Основная часть

Цели принудительных мер безопасности и лечения выражают представление законодателя о тех результатах принудительного лечения общественно опасных психических больных лиц, совершивших уголовно-противоправные деяния, которые он стремится достичь посредством применения таких мер. Они должны гармонично сочетать интересы как личности, так и общества [1, с. 68, 71].

Цели принудительных мер безопасности и лечения определены в ст. 100 УК и дифференцированы в зависимости от психического состояния лица:

1. В отношении лиц, страдающих психическими расстройствами (заболеваниями), совершивших общественно опасные деяния, предусмотренные УК (ч. 1):

– предупреждение со стороны этих лиц новых общественно опасных деяний;

– охрана;

– лечение таких лиц.

2. В отношении совершивших преступления лиц, признанных уменьшенно вменяемыми (ч. 2):

– создание условий для лечения;

– создание условий для достижения целей уголовной ответственности.

3. В отношении совершивших преступления лиц, страдающих хроническим алкоголизмом, наркоманией или токсикоманией (ч. 3):

– лечение;

– создание условий, способствующих достижению целей уголовной ответственности.

Цели применения принудительных мер безопасности и лечения можно условно разделить на:

1) медицинские;

2) юридические.

Цели медицинского характера связаны законодателем с лечением лица, страдающего психическим расстройством (заболеванием). Выбор медицинских средств обусловливается исключительно клиническими показаниями [2, с. 440] и предполагает применение медикаментозной терапии, психотерапии, трудотерапии и других мер, направленных на восстановление социальной адаптации лиц [3, с. 228; 4, с. 54]. При диагностике заболевания, назначении и прохождении лечения, реабилитационных мероприятий к таким лицам применяются аналогичные средства и методы, регламентированные законодательством о здравоохранении, как и к иным больным. Целью применения принудительных мер безопасности и лечения ни в коем случае не является кара, наказание лица, которому они назначаются. В связи с чем, в процессе реализации таких мер исключается применение карательных средств [5, с. 88] и методов лечения для наказания или в интересах других лиц, запрещается использование хирургических и других методов, вызывающих необратимые последствия (лоботомия, лечение эндокринными препаратами), не допускается испытание на больных новых медицинских средств и методов, еще не допущенных для всеобщего использования [6, с. 19].

Однако законодательное формулирование целей медицинского характера принудительных мер безопасности и лечения видится дискуссионным.

Согласно словарю С. И. Ожегова, цель представляет собой «предмет стремления, то, что надо, желательно осуществить» [7, с. 873]. Словарь социально-гуманитарных терминов под редакцией А. Л. Айзенштадта рассматривает цель как «осознанный образ предвосхищаемого результата, на достижение которого направлено действие человека» [8 с. 94]. Цель, являясь общенаучной категорией, предстает в виде конечного результата и не может быть определена через понятие «процесс».

Законом Республики Беларусь от 18 июня 1993 г. № 2435-XII «О здравоохранении» в п. 1 «лечение» определено как «комплекс медицинских услуг, направленных на устранение заболевания у пациента». Исходя из указанной дефиниции, лечение представляет собой определенный процесс, который обозначается временными рамками, и направлен на достижение конкретного результата («устранение заболевания у пациента»).

Следует обратить внимание, что непосредственный результат, представленный в виде двух альтернативных вариантов, на достижение которого направлено применение для всех категорий лиц принудительных мер безопасности и лечения, определен в ч. 3 ст. 103 УК: 1) выздоровление лица; 2) такое изменение характера заболевания, при котором отпадает необходимость в применении этих мер.

Законодатель в рамках уголовного закона не обращается к определению понятий «выздоровление», «изменение характера заболевания, при котором отпадает необходимость в применении принудительных мер безопасности и лечения». Об их содержании можно судить, исходя из нормативных правовых актов в сфере здравоохранения.

Понятие «выздоровление лица» определено Инструкцией о порядке осуществления диспансерного наблюдения, утвержденной постановлением Министерства здравоохранения Республики Беларусь 10 ноября 2017 г. № 95 (далее – Инструкция), и заключается в «отсутствии у пациента диагностических критериев психического расстройства (заболевания), определенных Международной статистической классификацией болезней и проблем, связанных со здоровьем, десятого пересмотра, которое послужило основанием для установления диспансерного наблюдения» (п. 2).

Достижение выздоровления при наличии психических заболеваний не всегда возможно, поскольку случаи полного выздоровления являются относительной редкостью в практике применения психиатрического лечения. Обращаясь к изучению данного вопроса, Б. А. Спасенников отмечает, что ««излечение», выздоровление лиц, страдающих хроническим психическим расстройством (коих абсолютное большинство среди направленных на принудительное лечение), в подавляющем числе случаев недостижимо… В разряд психических расстройств, не исключающих вменяемости, попадает большое число психических расстройств, резистентным к формальным психиатрическим методам лечения в психотравмирующих условиях мест лишения свободы (например, расстройства личности). Принудительный характер лечения тем более не способен привести к благополучному исходу – излечению» [9, с. 334-335].

В таком случае более вероятным представляется говорить об изменении характера заболевания лица, при котором отпадает необходимость применения принудительных мер безопасности и лечения. Полагаем, что следует соотносить это основание с определенном в Инструкции понятием «стойкое улучшение состояния психического здоровья», которое выражается в существенном уменьшении (компенсации) тяжести, стойкости или частоты обострений болезненных проявлений психического расстройства (заболевания) либо стойкой и длительной ремиссии психического расстройства (заболевания) у пациента (п. 2). Таким образом, о необходимости прекращения применения принудительных мер безопасности и лечения можно судить при таком изменении психического состояния лица, когда отпадает либо значительно снижается его общественная опасность [4, с. 93].

Определение одной из целей принудительных мер безопасности и лечения лиц, признанных уменьшенно вменяемыми, как «создание условий для лечения», представляется сомнительным. Полагаем, следует согласиться с Г. В. Назаренко: «иногда к целям применения принудительных мер медицинского характера относят «создание условий, способствующих лечению ограниченно вменяемых, алкоголиков и наркоманов и достижению целей наказания». Однако принудительное лечение указанных лиц не имеет каких-либо вспомогательных целей. Меры медицинского характера в случае лечения алкоголиков, наркоманов и ограниченно вменяемых субъектов выступают в качестве вспомогательного средства, создающего условия для исправления осужденных, имеющих психические аномалии» [4, с. 55]. В таком случае закреплять в уголовном законе цель «создание условий для лечения» нет необходимости.

В качестве целей принудительных мер безопасности и лечения в отношении совершивших преступления лиц, признанных уменьшенно вменяемыми, а также лиц, страдающих хроническим алкоголизмом, наркоманией или токсикоманией

(ч. 2) выступают «создание условий для достижения целей уголовной ответственности» и «создание условий, способствующих достижению целей уголовной ответственности» соответственно. Представляется, что достижение выздоровления лица или такого изменения характера заболевания, при котором отпадает необходимость в применении этих мер, и будет способствовать достижению указанных целей уголовно-правового характера.

С учетом того, что в отношении лиц с уменьшенной вменяемостью и лиц, страдающих хроническим алкоголизмом, наркоманией или токсикоманией, принудительные меры безопасности и лечения применяются наряду с назначением наказания или иных мер уголовной ответственности (которые направлены на достижение целей юридического характера: исправление осужденного, предупреждение совершения новых преступлений осужденным, предупреждение совершения преступлений иными лицами), можно заключить, что цели указанных мер носят сугубо медицинский характер. При этом, обладая самостоятельностью, они способствуют достижению целей уголовной ответственности.

Цель юридического характера, реализуемая посредством применения принудительных мер безопасности и лечения, применима в отношении лиц, указанных ч. 1 ст. 100 УК, и представлена в виде частной превенции (предупреждение совершение лицами, в отношении которых применяется принудительное лечение, новых деяний, предусмотренных Особенной частью уголовного закона). Законодатель обоснованно не включил в перечень целей принудительных мер безопасности и лечения общую превенцию, так как применение данных мер к конкретному лицу объективно не может удержать других психически больных лиц от совершения общественно опасных деяний в силу наличия у них психического расстройства [10, с. 53].

Достижение обозначенной цели связано с принудительным амбулаторным лечением и наблюдением у психиатра либо с помещением более опасных больных в психиатрический стационар, что предполагает не только лечение, но также изоляцию психически больных от общества, постоянное наблюдение за ними, а в наиболее серьезных случаях – интенсивный надзор [3, с. 229; 4, с. 54-55]. В таких ситуациях цель «охраны» лиц выражается в самих режимных требованиях и ограничениях, действующих в психиатрическом стационаре. Говорить о реализации рассматриваемой цели применительно к лицам, которым назначено принудительное амбулаторное наблюдение и лечение у врача-специалиста в области оказания психиатрической помощи, нет смысла, поскольку такие лица самостоятельно выполняют назначения врача, и не требуют за собой более строгого контроля. Поэтому, на наш взгляд, выделять цель «охраны» лиц, страдающих психическим расстройством (заболеванием), в качестве самостоятельной не следует.

Несмотря на определение целей рассматриваемого института в УК, в п. 1 постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 28 марта 2013 г. № 1 «О практике применения судами принудительных мер безопасности и лечения в уголовном судопроизводстве» предусмотрены «дополнительные» цели анализируемого института:

– в отношении лиц, совершивших предусмотренные уголовным законом общественно опасные деяния в состоянии невменяемости или совершивших преступления в состоянии вменяемости, но заболевших до постановления

приговора или во время отбывания наказания психическим расстройством (заболеванием), лишающим их возможности сознавать значение своих действий или руководить ими – *«обеспечение безопасности общества»*. Представляется, что обозначенная цель уже заложена в «предупреждении со стороны этих лиц новых общественно опасных деяний», поскольку обеспечение безопасности общества предполагает его защиту от новых деяний лица, в отношении которого применяются или применялись такие меры [10, с. 50];

– в отношении лиц, совершивших преступления в состоянии уменьшенной вменяемости, а также лиц, страдающих хроническим алкоголизмом, наркоманией или токсикоманией, - «*исправление*» лица. Однако следует обратить внимание, что в таком случае происходит смешение целей уголовной ответственности (одна из которых – «исправление лица» (ч. 2 ст. 44 УК), и целей принудительных мер безопасности и лечения, что представляется недопустимым, поскольку указанные институты являются самостоятельными, имеющими свою правовую природу, цели, задачи и механизмы реализации.

Следует также обратить внимание, что законодателем цели принудительных мер безопасности и лечения определены не для всех категорий лиц. Исходя из буквального толкования положений ст. 100 УК, за рамками правовой регламентации остались лица, совершившие преступления, но заболевшие до постановления приговора или во время отбывания наказания психическим расстройством (заболеванием), лишающим их возможности сознавать значение своих действий или руководить ими, а также лица, заболевшие после постановления приговора или во время отбывания наказания психическим расстройством (заболеванием), но не утратившим полностью возможность сознавать значение своих действий или руководить ими. Такая пробельность, на наш взгляд, также подлежит устранению, поскольку она не способствует целостности уголовно-правового института.

Заключение

Проведенное исследование показывает, что цели медицинского и юридического характера тесно взаимосвязаны. О медицинском содержании принудительных мер безопасности и лечения свидетельствует установление уголовным законом только оснований их назначения, изменения и прекращения, в то время как сама процедура их исполнения регламентируется не уголовно-исполнительным законодательством, а законодательством о здравоохранении. При этом принудительный характер указанных мер и правоограничения, применяемые в ходе его осуществления, выступают в качестве средств обеспечения необходимого лечения, безопасности общества и самого лица. Медицинское содержание, не вступая в противоречие с целями и задачами правового регулирования, представляет единственный способ достижения уголовно-правовых целей исправления осужденного и предупреждения совершения преступлений [10, с. 53–54; 11, с. 114].

Таким образом, представляется целесообразным совершенствование положений главы 14 УК следующим образом.

Предлагаем в качестве целей применения принудительных мер безопасности и лечения определить:

– в отношении лиц, совершивших предусмотренные УК общественно опасные деяния в состоянии невменяемости или совершившим преступления, но заболевшим до постановления приговора или во время отбывания наказания

психическим расстройством (заболеванием), лишающим их возможности сознавать значение своих действий или руководить ими: 1) выздоровление лица; 2) такое изменение характера заболевания, при котором отпадает необходимость в применении этих мер; 3) предупреждение со стороны этих лиц новых общественно опасных деяний;

– в отношении лиц, совершивших преступления в состоянии уменьшенной вменяемости, а также заболевших после постановления приговора или во время отбывания наказания психическим расстройством (заболеванием), но не утратившим полностью возможность сознавать значение своих действий или руководить ими: 1) выздоровление лица; 2) такое изменение характера заболевания, при котором отпадает необходимость в применении этих мер; 3) создание условий для достижения целей уголовной ответственности;

– в отношении лиц, совершивших преступления, и страдающих хроническим алкоголизмом, наркоманией или токсикоманией: 1) выздоровление лица; 2) такое изменение характера заболевания, при котором отпадает необходимость в применении этих мер; 3) создание условий для достижения целей уголовной ответственности.

Список цитированных источников

1. Павлухин, А. Н. Принудительные меры медицинского характера: уголовно-правовой аспект / А. Н. Павлухин, Н. В. Жарко, З. Д. Хухуа ; под ред. А. Н. Павлухина. – М. : ЮНИТИ-ДАНА : Закон и право, 2007. – 142 с.

2. Уголовное право. Общая часть : учебник / Ю. В. Грачева [и др.] ; под ред. А. И. Чучаева. – Изд. 3-е, перераб. и доп. – М. : Проспект, 2017. – 462 с.

3. Гребенкин, Ф. Б. Меры уголовно-правового характера и их применение : учеб. пособие / Ф. Б. Гребенкин. – М. : Юрлитинформ, 2013. – 263 с.

4. Назаренко, Г. В. Принудительные меры медицинского характера : учеб. пособие / Г. В. Назаренко. – М. : Дело, 2003. – 174 с.

5. Энциклопедия уголовного права : в 35 т. / отв. ред. В. Б. Малинин. – СПб. : Изд. Малинина, 2005–2009. – Т. 12 : Иные меры уголовно-правового характера / Г. В. Назаренко [и др.]. – 2009. – 462 с.

6. Петров, В. И. Принудительные меры безопасности и лечения как профилактика повторных общественно опасных деяний психически больных : учеб.-метод. материалы / В. И. Петров, Н. В. Пантелеева. – Могилев : Могилев. гос. ун-т, 2017. – 41 с.

7. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка : 80 000 слов и фразеол. выражений / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – 4-е изд., доп. – М. : Азбуковник, 1999. – 939 с.

8. Словарь социально-гуманитарных терминов / авт.-сост.: А. Л. Айзенштадт [и др.] ; под общ. ред. А. Л. Айзенштадта. – Минск : Тесей, 1999. – 320 с.

9. Спасенников, Б. А. Принудительные меры медицинского характера: история, теория, практика / Б. А. Спасенников. – СПб. : Юрид. центр пресс, 2003. – 410 с.

10. Герасина, Ю. А. Принудительные меры медицинского характера: понятие, виды, применение / Ю. А. Герасина. – М. : Юрлитинформ, 2014. – 182 с.

11. Карпов, К. Н. Иные меры уголовно-правового характера: система, виды / К. Н. Карпов. – М. : Юрлитинформ, 2012. – 205 с.

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы законодательной регламентации целей принудительных мер безопасности и лечения. С учетом специфики обозначенного

института обосновывается важность их определения, выявляются дискуссионные моменты в предлагаемом законодателем закреплении целей в уголовном законе, разъяснениях постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 28 марта 2013 г. № 1 «О практике применения судами принудительных мер безопасности и лечения в уголовном судопроизводстве». Рассматривается взаимосвязь целей принудительных мер безопасности и лечения и целей уголовной ответственности. В заключении автором формулируются предложения по совершенствованию законодательства.

OBJECTIVES OF FORCED SECURITY AND TREATMENT MEASURES: LEGISLATIVE REGULATION AND THEORETICAL ASPECTS

Laptsevich I.I.

Key words: the purpose of compulsory security measures and treatment, mental disorder (illness), compulsory treatment of persons suffering from chronic alcoholism, drug addiction, substance abuse.

Abstract. The article deals with the issues of legislative regulation of the objectives of compulsory security measures and treatment. Taking into account the specifics of the designated institute, the importance of their definition is substantiated, the discussion points are revealed in the proposed by the legislator fixation of goals in the criminal law, explanations of the decision of the Plenum of the Supreme Court of the Republic of Belarus of March 28, 2013 No. 1 "On the practice of applying forced security measures and treatment in criminal proceedings by courts ". The relationship between the objectives of coercive security measures and treatment and the objectives of criminal responsibility is considered. In conclusion, the author formulates proposals for improving legislation.

УДК 343

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ СТАТЕЙ УГОЛОВНЫХ КОДЕКСОВ БЕЛАРУСИ И РОССИИ, УСТАНАВЛИВАЮЩИХ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА СВЯЗАННЫЕ С НАРКОТИКАМИ ПРЕСТУПЛЕНИЯ, И ПРЕДЛОЖЕНИЯ ПО УНИФИКАЦИИ

Лосев В.В.

Ключевые слова: сравнительный анализ, Беларусь, Россия, унификация, уголовное законодательство, криминализация, наркотики.

Введение

Необходимость унификации уголовных законодательств Республики Беларусь и Российской Федерации, устанавливающих ответственность за связанные с наркотиками преступления, очевидна и неоднократно обосновывалась. В соответствии с решением Объединенной коллегии Генеральной прокуратуры Российской Федерации и Генеральной прокуратуры Республики Беларусь от 27 октября 2017 г. [1] Научно-практическим центром проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь и Университетом прокуратуры Российской Федерации начата работа в этом направлении с целью выработки конкретных рекомендаций по совершенствованию уголовных законодательств.

Актуальность проблемы обусловлена тем, что различия в подходах к криминализации деяний в сфере незаконного оборота наркотиков препятствуют уголовному преследованию и выдаче для привлечения к уголовной ответственности, поскольку одним из условий выдачи является наказуемость деяния в обоих государствах. Существуют проблемы юридической оценки содеянного, если действия были начаты на территории России и окончены в Беларуси, и наоборот. Вместе с тем существуют отдельные концептуальные различия в положениях Общей части уголовных законодательств, что не дает возможности в полной мере выстроить дифференциацию ответственности с учетом квалифицирующих обстоятельств и унифицировать санкции.

Основная часть

Проблематика криминализации в Беларуси деяний в сфере незаконного оборота наркотиков (в широком смысле) исследовалась в последние годы, в частности, учеными А.Е. Лукашовым [2], В.В. Марчуком [3; 4; 5], Е.В. Новиковой [6; 7], которые охарактеризовали изменения в законодательстве, сформулировали и обосновали отдельные предложения по совершенствованию норм Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК Республики Беларусь). Учитывая в т.ч. результаты этих исследований, нами был проведен комплексный сравнительный анализ норм уголовных законодательств Беларуси и России, устанавливающих ответственность за связанные с наркотиками преступления, что позволило выработать предложения по внесению изменений и дополнений в УК Республики Беларусь и отдельные соображения о возможном учете нашего мнения при совершенствовании Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ), направленные на их унификацию.

Статьи УК Республики Беларусь и УК РФ о связанных с наркотиками преступлениях характеризуются общим объектом посягательства, каковым являются общественные отношения в сфере обеспечения здоровья населения, и помещены в соответствующие главы уголовных кодексов. В Беларуси уголовная ответственность за такие преступления предусмотрена ст.ст. 327–332 УК Республики Беларусь. Группа названных деяний включена в гл. 29 «Преступления против здоровья населения» (разд. X «Преступления против общественной безопасности и здоровья населения»). В Российской Федерации уголовная ответственность за преступления, связанные с наркотиками, предусмотрена в ст.ст. 228–233 гл. 25 «Преступления против здоровья населения и общественной нравственности» УК РФ (разд. IX «Преступления против общественной безопасности и общественного порядка»).

Предметом большинства преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков в УК Республики Беларусь и УК РФ являются наркотические средства, психотропные вещества, их прекурсоры и аналоги (далее по тексту в отдельных случаях, если это не принципиально, будут охватываться понятием «наркотики»).

Отличающим статьи УК РФ является указание наряду с наркотическими средствами, психотропными веществами, их прекурсорами и аналогами в качестве альтернативного предмета преступления: в ст.ст. 228, 228.1, 228.2, 229 – растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, либо частей растений, их содержащих; в ст.ст. 228.3 и 228.4 – растений, содержащих прекурсоры наркотических средств или психотропных

веществ, либо частей, содержащих их прекурсоры; в ст. 229.1 – растений, содержащих наркотические средства, психотропные вещества или их прекурсоры, либо частей растений, их содержащих.

Подобный подход к определению предмета преступлений обусловлен тем, что в России в соответствии со ст.ст. 2 и 2.1 Федерального закона «О наркотических средствах и психотропных веществах» предусмотрены два Перечня – Перечень наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, подлежащих контролю в Российской Федерации (утв. Постановлением Правительства РФ от 30 июня 1998 г. № 681) и Перечень растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества либо их прекурсоры и подлежащих контролю в Российской Федерации (утв. Постановлением Правительства РФ от 27 ноября 2010 г. № 934). Последний Перечень включает: голубой лотос (растение вида Nymphea caerulea); грибы любого вида, содержащие псилоцибин и (или) псилоцин; кактус, содержащий мескалин (растение вида Lophophora williamsii), и другие виды кактуса, содержащие мескалин; кат (растение вида Catha edulis); кокаиновый куст (растение любого вида рода Erythroxylon); коноплю (растение рода Cannabis); мак снотворный (растение вида Papaver somniferum L) и другие виды мака рода Papaver, содержащие наркотические средства; мимозу хостилис (растение вида Mimosa tenuiflora); розу гавайскую (растение вида Argyreia nervosa); шалфей предсказателей (растение вида Salvia divinorum); эфедру (растение рода Ephedra L).

В УК Республики Беларусь растения, содержащие наркотические средства, психотропные вещества или их прекурсоры, и части растений, их содержащие, в качестве самостоятельного предмета преступления не выделяются. Это обусловлено тем, что, в отличие от России, в Беларуси принят только один Перечень – Республиканский перечень наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, подлежащих государственному контролю в Республике Беларусь (утв. постановлением Министерства здравоохранения Республики Беларусь от 11 февраля 2015 г. № 19). В этом Республиканском перечне такие растения и грибы прямо названы наркотическими средствами растительного происхождения (кокаиновый лист и куст; лист шалфея предсказателей; маковая солома (любые части – как целые, так и измельченные, как высушенные, так и невысушенные, за исключением зрелых семян любого растения рода Papaver, содержащие наркотически активные алкалоиды опия); марихуана (любые части (как целые, так и измельченные, как высушенные, так и невысушенные, за исключением целых семян, если они не сопровождаются другими частями растений, и корневой системы) растений рода Cannabis, содержащие в своем составе любой из изомеров тетрагидроканнабинола); семена розы гавайской; цветки и листья лотоса голубого) и психотропными веществами растительного происхождения (кат; кактусы, содержащие мескалин; грибы, содержащие псилоцин и (или) псилоцибин, трава эфедры) и включены в соответствующие списки этого Республиканского перечня. Как видно, этот перечень практически совпадает с Перечнем растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества либо их прекурсоры и подлежащих контролю в Российской Федерации.

В связи с изложенным, поскольку отсутствуют принципиальные различия, дополнение статей УК Республики Беларусь растениями и их частями,

содержащими наркотические средства или психотропные вещества, как дополнительным предметом преступлений не требуется, поскольку это не имеет практического значения.

Размер предмета преступлений как криминобразующий обязательный и квалифицирующий признаки отличается: уголовная ответственность по ч. 1 ст. 328 УК Республики Беларусь за незаконные без цели сбыта изготовление, переработку, приобретение, хранение, перевозку или пересылку наркотических средств, психотропных веществ либо их прекурсоров или аналогов наступает независимо от их размера. Преступным в России признаются: подобные незаконные действия (за исключением пересылки) без цели сбыта в отношении наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов в значительном размере (ч. 1 ст. 228 УК РФ); незаконные (подразумевается без цели сбыта) приобретение, хранение или перевозка прекурсоров в крупном размере (ч. 1 ст. 228.3 УК РФ); незаконные производство, сбыт или пересылка прекурсоров также в крупном размере (ч. 1 ст. 228.4 УК РФ); незаконное культивирование в крупном размере растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества либо их прекурсоры (ч. 1 ст. 231 УК РФ).

Ответственность в УК РФ дифференцируется по трем количественным показателям: значительный, крупный и особо крупный размеры. В УК Республики Беларусь – по двум: размер, не составляющий крупного, и крупный размер.

В отличие от России, в Беларуси в качестве квалифицирующего признака в ч. 2 ст. 327 «Хищение наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров и аналогов», в ч. 3 ст. 328, устанавливающей ответственность за незаконные с целью сбыта изготовление, переработку, приобретение, хранение, перевозку или пересылку либо незаконный сбыт наркотических средств, психотропных веществ либо их прекурсоров или аналогов, в ч. 2 ст. 328-1 «Незаконное перемещение через таможенную границу Евразийского экономического союза или Государственную границу Республики Беларусь наркотических средств, психотропных веществ либо их прекурсоров или аналогов» и в ч. 2 ст. 331 «Склонение к потреблению наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов» предусмотрен такой предмет преступлений, как «особо опасные наркотические средства и психотропные вещества». Под ними понимаются средства или вещества, включенные в Список особо опасных наркотических средств и психотропных веществ, не используемых в медицинских целях, или Список особо опасных наркотических средств и психотропных веществ, разрешенных к контролируемому обороту, Республиканского перечня наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, подлежащих государственному контролю в Республике Беларусь (ч. 2 примечаний к ст. 327 УК Республики Беларусь).

Подобного деления в Перечне наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, подлежащих контролю в Российской Федерации, нет. Представляется возможным рассмотреть вопрос о переработке этого перечня с выделением списков особо опасных наркотических средств и психотропных веществ и дополнением этими предметами в качестве квалифицирующих признаков соответствующих статей УК РФ.

В законодательстве России и Беларуси различаются понятия аналогов. В ч. 3 примечаний к ст. 327 УК Республики Беларусь приведено следующее

определение, соответствующее ст. 1 Закона Республики Беларусь «О наркотических средствах, психотропных веществах, их прекурсорах и аналогах»: «под аналогами наркотических средств и психотропных веществ в статьях настоящего Кодекса понимаются химические вещества, структурные формулы которых образованы заменой в структурных формулах наркотических средств, психотропных веществ или базовых структурах одного или нескольких атомов водорода на заместители атомов водорода, включенные в перечень заместителей атомов водорода в структурных формулах наркотических средств, психотропных веществ или базовых структурах, установленный Государственным комитетом судебных экспертиз Республики Беларусь».

УК РФ не содержит определение понятия «аналоги». Оно закреплено в Федеральном законе «О наркотических средствах и психотропных веществах»: «аналоги наркотических средств и психотропных веществ – это запрещенные для оборота в Российской Федерации вещества синтетического или естественного происхождения, не включенные в Перечень наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, подлежащих контролю в Российской Федерации, химическая структура и свойства которых сходны с химической структурой и со свойствами наркотических средств и психотропных веществ, психоактивное действие которых они воспроизводят» (ст. 1). Тем самым понятие «аналоги» шире по содержанию в РФ.

Предлагается и в законодательстве Беларуси сформулировать понятие аналогов с отражением отличительного признака «химическая структура и свойства которых сходны с химической структурой и со свойствами наркотических средств и психотропных веществ, психоактивное действие которых они воспроизводят», исключив признак образования веществ «заменой в структурных формулах наркотических средств, психотропных веществ или базовых структурах одного или нескольких атомов водорода на заместители атомов водорода». Внести соответствующие изменения в ст. 1 Закона Республики Беларусь «О наркотических средствах, психотропных веществах, их прекурсорах и аналогах» и ч. 3 примечаний к ст. 327 УК Республики Беларусь.

Статья 327 УК Республики Беларусь устанавливает ответственность за хищение наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров и аналогов. Статья 229 УК РФ – за хищение либо вымогательство наркотических средств или психотропных веществ, а также растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, либо их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества.

В уголовном законодательстве Республики Беларусь, в отличие от УК РФ, сформировался подход, в соответствии с которым вымогательство названо одной из форм хищения (ч. 1 примечаний к главе 24 «Преступления против собственности» УК Республики Беларусь). Поэтому какой-либо корректировки ст. 327 УК Республики Беларусь в этой части не требуется.

Предмет преступления отличается. Представляется, что в ст. 327 УК Республики Беларусь он перечислен сейчас исчерпывающе, включает не только наркотические средства и психотропные вещества, как в ст. 229 УК РФ, но также их прекурсоры и аналоги, хищение которых представляет не меньшую общественную опасность, и поэтому совершенно обосновано. На это можно обратить внимание российского законодателя.

Перечень квалифицирующих признаков в ст. 327 УК Республики Беларусь и ст. 229 УК РФ имеет различия. В частности, ст. 229 УК РФ (как и другие статьи УК РФ) не предусматривает квалифицирующего признака «повторно» («неоднократно») и такого специального субъекта, как лицо, ранее совершившее преступления, связанные с наркотиками (в УК Республики Беларусь они предусмотрены ст.ст. 328, 329 и 331), что обусловлено современным состоянием российского уголовного законодательства. В этой части корректировка статей УК Республики Беларусь не требуется.

В п. «а» ч. 2 ст. 229 УК РФ предусматривается «группа лиц по предварительному сговору», в ч. 2 ст. 327 УК Республики Беларусь – «группа лиц», под которой в соответствии с ч. 12 ст. 4 УК Республики Беларусь понимается признак, характеризующий совершение преступления группой лиц как без предварительного сговора, так и по предварительному сговору. Совершение подобного хищения группой лиц без предварительного сговора представляет такую же общественную опасность, как и с предварительным сговором, в связи с чем считаем указание признака «группой лиц» в ч. 2 ст. 327 УК Республики Беларусь оптимальным.

Содержательно различаются специальные субъекты: в ч. 2 ст. 327 УК Республики Беларусь это, помимо названной, еще три категории – лицо, которому наркотики вверены в связи с его служебным положением, или профессиональной деятельностью, или под охрану. В п. «в» ч. 2 ст. 229 УК РФ – один специальный субъект: лицо, которое для совершения хищения или вымогательства использовало свое служебное положение. Таковым признается как должностное лицо, так и лицо, выполнение трудовых функций которого связано с работой с наркотиками. По нашему мнению, хищение, совершенное лицом, которому предметы преступления были вверены под охрану, представляет не меньшую общественную опасность, чем хищение, совершенное лицами, которым наркотики были вверены в связи со служебным положением или профессиональной деятельностью, в связи с чем полагаем оптимальным сохранение в ч. 2 ст. 327 УК Республики Беларусь всех названных специальных субъектов.

О таком предмете преступления, как «особо опасное наркотическое средство или психотропное вещество» (ч. 2 ст. 329 УК Республики Беларусь), и размерах предмета преступления (п. «д» ч. 2, п. «б» ч. 3 и ч. 4 ст. 229 УК РФ) было сказано выше.

В ч. 3 ст. 329 УК Республики Беларусь предусматривается ответственность за хищение предмета преступления путем разбоя или вымогательства. Тем самым открытое похищение наркотиков, в т.ч. совершенное с применением насилия, не опасного для жизни или здоровья, либо с угрозой применения такого насилия, без других квалифицирующих обстоятельств, необходимо квалифицировать по ч. 1 ст. 329 УК Республики Беларусь. В ст. 229 УК РФ предусматривается различная по строгости ответственность за совершение хищения или вымогательства предметов преступления с применением насилия, не опасного для жизни или здоровья либо с угрозой применения такого насилия (п. «г» ч. 2), и с применением насилия, опасного для жизни или здоровья либо с угрозой применения такого насилия (п. «в» ч. 3).

Это вполне обосновано как с точки зрения терминологии (потому что понятия разбоя и вымогательства сформулированы в ст.ст. 207 и 208 УК

Республики Беларусь применительно к хищению имущества), так и дифференциации ответственности (очевидно, что более строгую ответственность должно влечь применение опасного насилия или угрозы таким насилием). Поэтому можно было бы предложить белорусскому законодателю внести изменения в ст. 327 УК Республики Беларусь: ч. 2 этой статьи дополнить квалифицирующим признаком «с применением насилия, не опасного для жизни или здоровья, либо с угрозой применения такого насилия», а в ч. 3 заменить слова «путем разбоя или вымогательства» на «с применением насилия, опасного для жизни или здоровья, либо с угрозой применения такого насилия». Подобная дифференциация уже предусмотрена как в ст. 206 «Грабеж» и ст. 207 «Разбой», так и в ч.ч. 2 и 3 ст. 208 «Вымогательство» УК Республики Беларусь. Подобные изменения последовательно необходимо внести и в другие статьи УК Республики Беларусь, устанавливающие ответственность за хищение специальных предметов преступления (ст.ст. 294, 323, 333), что не противоречит понятиям таких хищений, сформулированным в примечаниях к ст. 294 и к главе 29 УК Республики Беларусь.

Существенно различаются статьи УК Республики Беларусь и УК РФ, непосредственно устанавливающие ответственность за незаконный оборот наркотиков, т.е. за незаконные деяния с ними: в УК Республики Беларусь это одна статья – 328, в УК РФ – четыре статьи 228, 228.1, 228.3 и 228.4.

Прежде всего, проанализируем основные составы этих преступлений. В ч. 1 ст. 328 УК Республики Беларусь предусмотрена ответственность за незаконные без цели сбыта изготовление, переработку, приобретение, хранение, перевозку или пересылку наркотических средств, психотропных веществ либо их прекурсоров или аналогов, в ч. 2 – за такие же действия с этими предметами с целью сбыта и их сбыт.

Статья 228 УК РФ устанавливает ответственность за незаконные приобретение, хранение, перевозку, изготовление, переработку без цели сбыта наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов в значительном размере, а также за незаконные приобретение, хранение, перевозку без цели сбыта растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, либо частей растений, их содержащих, в значительном размере. Статья 228.1 – за незаконные производство, сбыт или пересылку этих предметов преступления. Аналогичные ст. 228 деяния – незаконные приобретение, хранение или перевозка других предметов – прекурсоров наркотических средств или психотропных веществ, растений, содержащих такие прекурсоры, либо их частей, содержащих прекурсоры, но уже в крупном размере (подразумевается без цели их сбыта) предусмотрены в ст. 228.3, а в ст. 228.4 УК РФ – незаконные производство, сбыт или пересылка названных предметов преступления.

В этой части, по нашему мнению, корректировка ст. 328 УК Республики Беларусь и дополнение УК Республики Беларусь отдельными статьями, устанавливающими ответственность за незаконные деяния с прекурсорами, не требуется как не имеющая принципиального и практического значения.

Квалифицирующие признаки для незаконных деяний без цели сбыта наркотиков в ст. 328 УК Республики Беларусь не предусмотрены. Части 3–5 этой статьи содержат квалифицирующие признаки, относящиеся только к незаконным деяниям с целью сбыта и сбыту наркотиков.

НПЦ Генеральной прокуратуры Республики Беларусь уже высказывалось предложение, принимая во внимание существенное различие общественной опасности деяний, совершаемых с целью распространения наркотиков и с целью только их потребления, выделить, как и в УК РФ, незаконные без цели сбыта изготовление, переработку, приобретение, хранение, перевозку или пересылку наркотических средств, психотропных веществ либо их прекурсоров или аналогов в самостоятельную статью 327-1 УК. Сформулировать ее в следующее редакции:

«Статья 327-1. Незаконные без цели сбыта действия в отношении наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров и аналогов

1. Незаконные без цели сбыта изготовление, переработка, приобретение, хранение, перевозка или пересылка наркотических средств, психотропных веществ либо их прекурсоров или аналогов – .

2. Деяния, предусмотренные частью 1 настоящей статьи, совершенные лицом, ранее совершившим преступления, предусмотренные настоящей статьей, статьями 327, 329 или 331 настоящего Кодекса – ».

Полагаем, что введение в эту предлагаемую статью УК Республики Беларусь квалифицирующих признаков незаконных деяний с наркотиками без цели их сбыта «в крупном размере» и «в особо крупном размере», как это сделано в ч. 2 и 3 ст. 228 УК РФ, вряд ли обосновано, поскольку такие размеры свидетельствуют о том, что предмет преступления предполагается для его сбыта, а не только для собственного потребления. Об этом имеется разъяснение Пленума Верховного Суда Республики Беларусь в п. 7 постановления от 26 марта 2003 г. № 1 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными веществами, их прекурсорами и аналогами, сильнодействующими и ядовитыми веществами (ст.ст. 327–334 УК)»: «О наличии умысла на сбыт могут указывать такие обстоятельства, как … значительный объем наркотических средств… ».

Также нами предлагается одновременно с дополнением УК Республики Беларусь ст. 327-1 изменить ст. 328, исключив из нее ч. 1.

В ст.ст. 228.1 и 228.4 УК РФ устанавливается уголовная ответственность за незаконные производство, сбыт или пересылку предметов преступления, при этом, в отличие от ч. 2 ст. 328 УК Республики Беларусь, не указывается, но подразумевается цель сбыта при производстве и пересылке. Полагаем, что изменение ст. 328 УК Республики Беларусь путем дополнения альтернативным деянием «производство» не требуется, поскольку такое действие охватывается термином «изготовление» предмета преступления, что может быть совершено как без цели сбыта, так и с такой целью.

Кроме того, пересылка, которая однозначно понимается в УК РФ только как незаконное действие с целью сбыта предмета преступления (это подразумевается, поскольку пересылка указана в одном ряду со сбытом), может быть совершена и без такой цели, когда, к примеру, лицо, не желая перемещать наркотик при себе или его перевозить, пересылает его для себя внутри государства или через границу. Поэтому в УК Республики Беларусь предусмотрена ответственность за незаконную пересылку предмета преступления как без цели сбыта, так и с целью сбыта.

Возраст субъекта уголовной ответственности за незаконные производство, сбыт или пересылку предметов преступления (подразумевается цель сбыта)

в ст.ст. 228.1 и 228.4 УК РФ в соответствии со ст. 20 УК РФ – с 16 лет, а в Беларуси возраст субъекта незаконных деяний с предметами преступлений с целью сбыта и их сбыта в основном и квалифицированном составах (ч.ч. 2–5 ст. 328 УК Республики Беларусь) в соответствии с п. 17-1 ч. 2 ст. 21 УК Республики Беларусь установлен с 14 лет. С учетом значительного омоложения наркопотребителей, которые в т.ч. совершают незаконные деяния с наркотиками с целью сбыта и их сбыт, полагаем необходимым сохранить такой возраст уголовной ответственности в Беларуси. Российским законодателям можно учесть подобный опыт, снизив возраст субъекта уголовной ответственности за незаконные производство, сбыт или пересылку предметов преступления в ст.ст. 228.1 и 228.4 УК РФ с 16 до 14 лет, для чего внести соответствующее дополнение в ст. 20 УК РФ.

Перечень квалифицирующих признаков в ст. 328 УК Республики Беларусь (ч.ч. 3–5) и ст. 228.1 УК РФ (ч.ч. 2–5) имеет различия.

Статья 228.1 УК РФ не предусматривает такие квалифицирующие признаки производства, сбыта и пересылки предметов преступления, как предусмотренные в ч. 3 ст. 328 УК Республики Беларусь «группой лиц», «лицом, ранее совершившим преступления, предусмотренные настоящей статьей, статьями 327, 329 или 331 настоящего Кодекса», «в отношении наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов в крупном размере», «в отношении особо опасных наркотических средств, психотропных веществ». Об этом, а также о значительном и крупном размерах наркотиков (п. «б» ч. 3 и ч. 5 ст. 228.1 УК РФ) было сказано выше при сравнении ответственности за хищение.

Содержательно различаются специальные субъекты: в ч. 3 ст. 328 УК Республики Беларусь это должностное лицо, совершившее незаконные деяния с наркотиками с целью их сбыта или сбыт с использованием своих служебных полномочий. В п. «б» ч. 4 ст. 228.1 УК РФ – лицо, которое для производства, сбыта или пересылки предмета преступления использовало свое служебное положение. Таковым признается как должностное лицо, так и лицо, выполнение трудовых функций которого связано с работой с наркотиками. Очевидно, что повышенную опасность представляют не только незаконные деяния с наркотиками должностных лиц, но и иных лиц, выполняющих профессиональные функции в отношении наркотиков, что учтено белорусским законодателем в ч. 2 ст. 327 УК Республики Беларусь. Поэтому считаем целесообразным дополнить ч. 3 ст. 328 УК Республики Беларусь наряду с должностным лицом еще одним специальным субъектом – «лицом, которому предмет преступления вверен в связи с профессиональной деятельностью».

Различаются места совершения сбыта наркотиков как квалифицирующие признаки. С учетом российского опыта предлагается дополнить ч. 3 ст. 328 УК Республики Беларусь такими местами сбыта наркотиков, как «административное здание», «объекты спорта» и «помещения, используемые для развлечений или досуга» (поскольку эти места не охватываются понятием «место проведения массового мероприятия»), а также «объекты транспорта» и «железнодорожный, воздушный, внутренний водный и общественный транспорт», поскольку сбыт наркотиков в этих местах представляет повышенную общественную опасность.

Вместе с тем с учетом белорусского опыта российскому законодателю можно было бы рассмотреть вопрос о дополнении п. «а» ч. 2 ст. 228.1 УК РФ такими местами сбыта, как «организация здравоохранения», «воинская часть», «место

проведения массового мероприятия», т.к. сбыт наркотиков в этих местах также представляет повышенную общественную опасность.

Объективно необходимым является установление повышенной ответственности за сбыт наркотиков с использованием средств массовой информации либо электронных или информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть «Интернет»), как это сделано в п. «б» ч. 2 ст. 228.1 УК РФ. В связи с этим полагаем необходимым дополнить ч. 3 ст. 328 УК Республики Беларусь такими квалифицирующими признаками сбыта наркотиков, как «с использованием средств массовой информации или глобальной компьютерной сети Интернет, иной сети электросвязи общего пользования либо выделенной сети электросвязи». Подобным образом белорусский законодатель уже дифференцировал ответственность, к примеру, в ч. 2 ст. 188 «Клевета», в ч. 2 ст. 343 «Изготовление и распространение порнографических материалов или предметов порнографического характера», в ч. 2 ст. 343-1 «Изготовление и распространение порнографических материалов или предметов порнографического характера с изображением несовершеннолетнего» УК Республики Беларусь.

Положительным примером также является формулировка незаконных деяний с наркотиками в отношении заведомо несовершеннолетнего в п. «в» ч. 3 ст. 228.1 УК РФ, которая предусматривает специального субъекта сбыта – «лицо, достигшее восемнадцатилетнего возраста». Полагаем необходимым таким образом скорректировать ч. 3 ст. 328 УК Республики Беларусь. Так уже сформулированы, к примеру, ч. 2 ст. 171-1 «Вовлечение в занятие проституцией либо принуждение к продолжению занятия проституцией», ч. 1 ст. 172 «Вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления», ч. 1 ст. 173 «Вовлечение несовершеннолетнего в антиобщественное поведение» УК Республики Беларусь.

Часть 5 ст. 328 УК Республики Беларусь предусматривает ответственность за незаконные действия с наркотиками, повлекшие по неосторожности смерть человека в результате потребления им наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов. Возможно, этот пример будет полезен при совершенствовании ст. 228.1 УК РФ. Такой квалифицирующий признак уже предусмотрен в п. «б» ч. 3 ст. 230 «Склонение к потреблению наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов» УК РФ.

Возможность освобождения от уголовной ответственности предусмотрена только в примечаниях к ст.ст. 228 и 228.3 УК РФ применительно к незаконным приобретению, хранению, перевозке, изготовлению и переработке наркотиков, а также незаконным приобретению, хранению и перевозке прекурсоров и растений, содержащих прекурсоры (без цели сбыта), при этом подобного основания освобождения от ответственности за незаконные производство, сбыт и пересылку наркотиков и прекурсоров в ст.ст. 228.1 и 228.4 УК РФ нет. В Беларуси же подобное основание освобождения от ответственности распространяется на случаи незаконных действий с наркотиками как без цели их сбыта, так и с целью сбыта, в т.ч. при квалифицирующих обстоятельствах. В целом такой подход с учетом традиции и практики правоприменения Беларуси обоснован, поскольку возможность освобождения от уголовной ответственности способствует выявлению таких преступлений и борьбе с ними, в т.ч. путем проведения оперативно-розыскных мероприятий. Вместе с тем, по нашему

мнению, следовало бы распространить освобождение от уголовной ответственности только на ч.ч. 2–4 ст. 328 УК Республики Беларусь и не применять его при наступлении последствия в виде смерти лица в результате потребления наркотиков (ч. 5 ст. 328 УК Республики Беларусь), для чего скорректировать примечание к ст. 328 УК Республики Беларусь.

Некоторым образом отличаются по названию и содержанию ст. 328-1 «Незаконное перемещение через таможенную границу Евразийского экономического союза или Государственную границу Республики Беларусь наркотических средств, психотропных веществ либо их прекурсоров или аналогов» УК Республики Беларусь и ст. 229.1 «Контрабанда наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров или аналогов, растений, содержащих наркотические средства, психотропные вещества или их прекурсоры, либо их частей, содержащих наркотические средства, психотропные вещества или их прекурсоры, инструментов или оборудования, находящихся под специальным контролем и используемых для изготовления наркотических средств или психотропных веществ» УК РФ.

В целом предмет преступления совпадает. Вместе с тем следовало бы дополнить ч. 1 ст. 328-1 УК Республики Беларусь такими предметами преступления, как «инструменты или оборудование, находящиеся под специальным контролем и используемые для изготовления наркотических средств или психотропных веществ». Этот предмет преступления предусмотрен сейчас в ст. 330 «Нарушение правил обращения с наркотическими средствами, психотропными веществами, их прекурсорами и аналогами» УК Республики Беларусь.

В ч. 2 ст. 328-1 УК Республики Беларусь отсутствует такой квалифицирующий признак незаконного перемещения наркотиков, как его совершение «с применением насилия к лицу, проводящему таможенный или осуществляющему пограничный контроль», при том, что он есть в других статьях УК Республики Беларусь, устанавливающих ответственность за незаконное перемещение иных предметов преступления – в ч. 3 ст. 228 «Контрабанда» и в ч. 2 ст. 333-1 «Незаконное перемещение через таможенную границу Евразийского экономического союза или Государственную границу Республики Беларусь сильнодействующих, ядовитых, отравляющих веществ, радиоактивных материалов, огнестрельного оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ, взрывных устройств, оружия массового поражения или средств его доставки, а также иных видов вооружения и военной техники» УК Республики Беларусь. В такой же редакции этот квалифицирующий признак есть и в п. «в» ч. 3 ст. 229.1 УК РФ.

Очевидно, что таким квалифицирующим признаком необходимо дополнить и ч. 2 ст. 328-1 УК Республики Беларусь. Вместе с тем необходимо учитывать, что незаконное перемещение наркотиков происходит не только в пунктах пропуска через границу, где осуществляется таможенный и пограничный контроль, но зачастую вне пунктов пропуска, где подобного контроля нет, однако несут службу по охране границы военнослужащие органов пограничной службы (как входящие в составы нарядов по охране границы, так и выполняющие оперативно-розыскные мероприятия на границе), а также выполняют на границе свои обязанности сотрудники таможенных органов. Одной из непосредственных задач этих лиц является недопущение перемещения

наркотиков через границу, однако к лицам, которые осуществляют пограничный или таможенный контроль (в пунктах пропуска / пунктах таможенного оформления), они не относятся. Очевидно, что применение к ним насилия с целью воспрепятствования незаконному перемещению наркотиков через границу не менее опасно, чем к указанным в названных статьях лицам.

С учетом этого полагаем, что нет оснований ограничивать усиление ответственности за незаконное перемещение наркотиков через границу только такими потерпевшими, как лица, осуществляющие таможенный и пограничный контроль. Необходимо расширить этот квалифицирующий признак и сформулировать его следующим образом: «с применением насилия к лицу, проводящему таможенный или осуществляющему пограничный контроль, либо к иному лицу, выполняющему служебные обязанности по недопущению незаконного перемещения через таможенную границу Евразийского экономического союза или Государственную границу Республики Беларусь наркотических средств, психотропных веществ либо их прекурсоров или аналогов» и включить его в такой редакции в ч. 2 ст. 328 УК Республики Беларусь.

С целью обеспечения внутренней согласованности предлагаем внести соответствующие изменения в ч. 3 ст. 228 и ч. 2 ст. 333-1 УК Республики Беларусь. Подобное предложение можно учесть при совершенствовании п. «в» ч. 3 ст. 229.1 УК РФ.

Статья 329 УК Республики Беларусь устанавливает ответственность за посев или выращивание в целях сбыта или изготовления наркотических средств, психотропных веществ запрещенных к возделыванию растений или грибов, содержащих наркотические средства или психотропные вещества. Статья 231 УК РФ – за незаконное культивирование в крупном размере растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества либо их прекурсоры.

В соответствии со ст. 1 Закона Республики Беларусь «О наркотических средствах, психотропных веществах, их прекурсорах и аналогах» под культивированием понимается посев и выращивание таких растений и грибов, поэтому различий в этой части нет.

Вместе с тем есть отличие по размеру – в ст. 329 УК Республики Беларусь минимальный размер не определен, а также по субъективной стороне – ответственность по ст. 329 УК Республики Беларусь наступает только при наличии цели сбыта или изготовления наркотических средств, психотропных веществ. Подобная конструкция ст. 329 УК Республики Беларусь представляется нам обоснованной, поскольку, во-первых, если имеется цель сбыта или изготовления наркотиков, то уголовная ответственность должна наступать независимо от размера, во-вторых, если посев или выращивание растений и грибов не преследует такие цели, то отсутствуют признаки незаконного оборота наркотиков и в целом угроза здоровью населения, в связи с чем предложений по изменению ст. 329 УК Республики Беларусь не имеем.

В отличие от ст. 228.2 УК РФ, ст. 330 «Нарушение правил обращения с наркотическими средствами, психотропными веществами, их прекурсорами и аналогами» УК Республики Беларусь не устанавливает ответственность за нарушение правил культивирования растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества. Поскольку в соответствии со ст. 1 Закона

Республики Беларусь «О наркотических средствах, психотропных веществах, их прекурсорах и аналогах» под оборотом наркотических средств и психотропных веществ понимается, помимо перечисленных сейчас в ст. 330 УК Республики Беларусь действий, еще и культивирование (посев или выращивание) растений и грибов, содержащих наркотические средства, психотропные вещества, представляется необходимым дополнить ст. 330 УК Республики Беларусь таким альтернативным деянием как «нарушение правил … культивирования (посева или выращивания) растений и грибов, содержащих наркотические средства, психотропные вещества».

Имеются некоторые терминологические различия при перечислении деяний, не влияющие на сущность: в ст. 228.2 УК РФ наряду с производством указывается изготовление, последнего в ст. 330 УК Республики Беларусь нет, поскольку изготовление охватывается понятием «производство»; то же можно сказать и об упоминании в ст. 228.2 УК РФ наряду с реализацией «продажи», последняя охватывается понятием «реализация», имеющимся в ст. 330 УК Республики Беларусь, в связи с чем, по нашему мнению, корректировка ст. 330 УК Республики Беларусь в этой части не требуется.

В ст. 228.2 УК РФ отсутствует такой предмет преступления, как аналоги наркотических средств или психотропных веществ. Вместе с тем общественную опасность представляет нарушение правил уничтожения как аналогов, так и других предметов преступления, повлекшее их утрату или хищение, в связи с чем представляется обоснованным имеющееся сейчас перечисление в ст. 330 УК Республики Беларусь в ряду предметов преступления и аналогов. В этой части возможна корректировка ст. 228.2 УК РФ.

В качестве последствий ст. 228.2 УК РФ предусматривает только утрату предметов преступления, ст. 330 УК Республики Беларусь – альтернативно утрату или расхищение предметов преступления, что представляется нам обоснованным. Вместе с тем терминологически верно было бы говорить не о расхищении, а о хищении предметов преступления, что общепринято в тексте УК Республики Беларусь. Это требует корректировки ст. 330, а также ст. 334 «Нарушение правил обращения с сильнодействующими и ядовитыми веществами» УК Республики Беларусь.

В ст. 330 УК Республики Беларусь не упоминается субъект преступления, в ст. 228.2 УК РФ он прямо назван – «лицо, в обязанности которого входит соблюдение правил». Полагаем, что в данном случае более обоснованным является подход российского законодателя, в связи с чем считаем необходимым таким же образом указать специального субъекта и в ст. 330 УК Республики Беларусь, как это сделано в ряде других статей УК Республики Беларусь, предусматривающих ответственность за нарушение различных правил.

Дополнение ст. 330 УК Республики Беларусь квалифицирующими признаками, подобно тому как это сделано в ч. 2 ст. 228.2 УК РФ («то же деяние, совершенное из корыстных побуждений либо повлекшее по неосторожности причинение вреда здоровью человека или иные тяжкие последствия»), не считаем возможным. Во-первых, в ст. 330 УК Республики Беларусь, в отличие от ст. 228.2 УК РФ, прямо названа только неосторожная форма вины по отношению к последствиям, в связи с чем говорить о корыстных побуждениях применительно к нарушению правил нет оснований. В том случае, если нарушение правил совершается умышленно с целью оказания содействия иному

лицу в хищении предмета преступления, уголовная ответственность должна наступать не по ст. 330 УК Республики Беларусь, а за соучастие в хищении. Во-вторых, если нарушение правил повлекло по неосторожности утрату или хищение предмета преступления, что, в свою очередь, по неосторожности повлекло причинение вреда здоровью человека или иные тяжкие последствия, то в данном случае нет оснований говорить о прямой непосредственной причинной связи.

Основные составы склонения к потреблению наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов (ст. 331 УК Республики Беларусь, ст. 230 УК РФ) отличий не имеют. Различен набор квалифицирующих признаков.

Возможно было бы дополнить ч. 2 ст. 331 УК Республики Беларусь следующими квалифицирующими признаками, имеющимися в ч. 2 и 3 ст. 230 УК РФ: 1) группой лиц; 2) наряду с насилием предусмотреть и угрозу насилием, как это сделано в других статьях УК Республики Беларусь. Дополнить ст. 331 УК Республики Беларусь частью 3, в которой предусмотреть особо квалифицирующий признак «действия, предусмотренные частями 1 и 2 настоящей статьи, повлекшие по неосторожности смерть человека в результате потребления им наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов».

Также предлагается скорректировать ч. 2 ст. 331 УК Республики Беларусь и п. «а» ч. 3 ст. 230 УК РФ – «лицом, достигшим восемнадцатилетнего возраста, в отношении заведомо несовершеннолетнего», как это предусмотрено в других статьях уголовных законов.

По нашему мнению, склонение к потреблению наркотиков не может охватывать пропаганду их потребления, поскольку склонение подразумевает воздействие на конкретное лицо (лиц), а пропаганда обращается к неопределенному кругу лиц. Иное толкование «склонения» полагаем расширительным и поэтому недопустимым.

В связи с тем, что пропаганда потребления наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов представляет существенную общественную опасность, предлагаем криминализировать это деяние, дополнив УК Республики Беларусь ст. 331-1, ч. 1 которой сформулировать следующим образом: «1. Распространение материалов или печатных изданий, а также публичные призывы с целью возбуждения у неопределенного круга лиц желания потребления наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов». В качестве квалифицирующих признаков предусмотреть в ч. 2 совершение этого деяния группой лиц по предварительному сговору, лицом, ранее совершившим преступления, предусмотренные настоящей статьей либо статьями 327, 328, 329 или 331 настоящего Кодекса, либо с использованием средств массовой информации или глобальной компьютерной сети Интернет, иной сети электросвязи общего пользования либо выделенной сети электросвязи, либо если пропаганда была адресована заведомо несовершеннолетним.

С учетом повышенной общественной опасности возможно подобным образом дополнить УК РФ (сейчас в России за подобные деяния наступает только административная ответственность по ст. 6.13 КоАП РФ).

В ст. 332 УК Республики Беларусь обоснованно, как нам представляется, дифференцируется ответственность за предоставление помещений (даже совершенное один раз) для изготовления, переработки и (или) потребления

наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов или других одурманивающих веществ (ч. 1) и организацию либо содержание притонов для тех же целей (ч. 2), поскольку это различные по общественной опасности деяния.

В ст. 232 УК РФ криминализировано только систематическое предоставление помещений, т.е. более двух раз, хотя, по нашему мнению, и совершенное единожды такое деяние представляет общественную опасность.

Терминологически более точно было бы говорить о предоставлении помещения, а не помещений (множественное число здесь неуместно), для чего скорректировать названия и части первые названных статей УК Республики Беларусь и УК РФ.

Различаются деяния по целям: в ст. 232 УК РФ – только для потребления наркотиков, в ст. 332 УК Республики Беларусь, помимо этого, еще для их изготовления или переработки, что представляется вполне обоснованным и может заслуживать внимания российского законодателя.

В положительную сторону ст. 232 УК РФ отличает выделение таких квалифицирующих признаков, как совершение деяний группой лиц по предварительному сговору (ч. 2) и организованной группой (ч. 3), в связи с чем предлагаем дополнить соответствующими ч.ч. 3 и 4 ст. 332 УК Республики Беларусь.

В ст. 233 УК РФ самостоятельно криминализированы такие деяния, как незаконная выдача либо подделка рецептов или иных документов, дающих право на получение наркотических средств или психотропных веществ. Подобные деяния не могут охватываться понятием «нарушение правил…» (ст. 330 УК Республики Беларусь), т.к. это преступление относится к неосторожным с материальной конструкцией объективной стороны. Поскольку названные в ст. 233 УК РФ деяния являются общественно опасными, полагаем необходимым криминализировать их и в Беларуси как умышленное преступление с формальной конструкцией объективной стороны, дополнив УК Республики Беларусь ст. 330-1. Предусмотреть в ч. 1 этой статьи ответственность за подделку рецептов или иных документов, дающих право на получение наркотических средств или психотропных веществ (общий субъект), а в ч. 2 – за незаконную выдачу либо подделку рецептов или иных документов, дающих право на получение наркотических средств или психотропных веществ, совершенные медицинским работником (специальный субъект), поскольку эти деяния обладают повышенной общественной опасностью по сравнению с подделкой, выполненной иным лицом.

Несколько выходя за пределы исследования, необходимо отметить положительный опыт криминализации в России деяний, направленных на противодействие использованию допинга – склонения спортсмена к использованию субстанций и (или) методов, запрещенных для использования в спорте (ст. 230.1), и использования их в отношении спортсмена (ст. 230.2). Эти статьи помещены в ту же главу 25 «Преступления против здоровья населения и общественной нравственности» УК РФ сразу за статьями, устанавливающими ответственность за преступления, связанные с наркотиками. Одновременно с внесением предложенных выше изменений и дополнений в УК Республики Беларусь полагаем необходимым рассмотреть вопрос о криминализации названных деяний.

В соответствии со ст. 2.2 Федерального закона «О наркотических средствах и психотропных веществах» в России предусмотрено формирование Реестра новых потенциально опасных психоактивных веществ, оборот которых в Российской Федерации запрещен. В этот Перечень должны включатся вещества, вызывающие у человека состояние наркотического или иного токсического опьянения, опасное для его жизни и здоровья, в отношении которых уполномоченными органами государственной власти Российской Федерации не установлены санитарно-эпидемиологические требования либо меры контроля за их оборотом. Оборот новых потенциально опасных психоактивных веществ в Российской Федерации запрещается.

Это обусловило введение в УК РФ ст. 234.1 «Незаконный оборот новых потенциально опасных психоактивных веществ», которым устанавливается ответственность за незаконные производство, изготовление, переработку, хранение, перевозку, пересылку, приобретение, ввоз на территорию Российской Федерации, вывоз с территории Российской Федерации в целях сбыта, а равно незаконный сбыт новых потенциально опасных психоактивных веществ, оборот которых в Российской Федерации запрещен (ч. 1). Квалифицирующими обстоятельствами являются те же деяния, совершенные группой лиц по предварительному сговору либо повлекшие по неосторожности причинение тяжкого вреда здоровью человека (ч. 2) и совершенные организованной группой либо повлекшие по неосторожности смерть человека (ч. 3).

При условии запрета в Беларуси оборота новых потенциально опасных психоактивных веществ и создания соответствующего перечня одновременно следовало бы установить уголовную ответственность за незаконный оборот таких веществ.

Санкционное обеспечение противодействия наркопреступлениям не рассматривалось в связи с тем, что унификация уголовных законодательств должна начинаться с криминализации общественно опасных деяний. В целом же мы должны отметить достаточную жесткость санкций в статьях УК Республики Беларусь, особенно предусматривающим ответственность за преступления, связанные со сбытом наркотиков, что позволяет судам адекватно реагировать на такие преступления.

Заслуживает внимания белорусского законодателя новела УК РФ – ст. 82.1 «Отсрочка отбывания наказания больным наркоманией», которая предусматривает, что осужденному, которому впервые назначено наказание в виде лишения свободы за совершение отдельных преступлений, признанному больным наркоманией и изъявившему желание добровольно пройти курс лечения от наркомании, а также медицинскую реабилитацию, социальную реабилитацию, суд может отсрочить отбывание наказания в виде лишения свободы до окончания лечения и медицинской реабилитации, социальной реабилитации, но не более чем на пять лет. Подобную норму можно было ввести и в УК Республики Беларусь при комплексном подходе к внесению изменений в национальное уголовное законодательство в рамках унификации.

Заключение

Реализация белорусскими и российскими законодателями изложенных предложений об унификации уголовных законодательств и совершенствовании криминализации деяний в сфере незаконного оборота наркотиков позволит восполнить недостающие элементы в системе уголовно-правовых норм,

направленных на защиту здоровья населения наших стран, и обеспечить должное уголовное преследование лиц, совершающих такие преступления на территории Беларуси и России. При реализации идеи унификации уголовных законодательств также целесообразно учитывать особенности уголовных законодательств иных государств, входящих в Евразийский экономический союз.

Список цитированных источников

1. Прокуратуры России и Беларуси объединяют усилия в борьбе с наркопреступностью // Законность и правопорядок. – 2017. – № 4. – С. 4–5.

2. Лукашов, А. Уголовно-правовое значение предмета преступлений, связанных с наркотическими средствами, психотропными веществами, их прекурсорами и аналогами / А. Лукашов // Юстиция Беларуси. – 2017. – № 10. – С. 37–41; № 11. – С. 34–39.

3. Марчук, В. О квалификации преступных деяний, ответственность за которые предусмотрена ч. 2 ст. 332 Уголовного кодекса Республики Беларусь / В. Марчук // Юстиция Беларуси. – 2017. – № 11. – С. 28–33.

4. Марчук, В. О понимании уголовной противоправности преступления, ответственность за которое предусмотрена ст. 328-2 УК / В. Марчук // Юстиция Беларуси. – 2017. – № 4. – С. 30–33.

5. Марчук, В. Уголовно-правовая оценка склонения к потреблению наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов / В. Марчук, А. Андреюшков // Законность и правопорядок. – 2017. – № 3. – С. 19–23.

6. Новикова, Е. Некоторые проблемы криминализации и пенализации преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров и аналогов / Е. Новикова // Право.by. – 2018. – № 4. – С. 85–90.

7. Новикова, Е. О правопонимании и правоприменении в сфере незаконного оборота наркотиков / Е. Новикова // Право.by. – 2017. – № 2. – С. 77–82.

Аннотация. В статье проведен сравнительный анализ норм уголовных законодательств Республики Беларусь и Российской Федерации, устанавливающих ответственность за связанные с наркотиками преступления. Выявлены сходство и различия в перечнях уголовно-наказуемых деяний, определении предмета преступлений, изложении обязательных и квалифицирующих признаков, оснований освобождения от уголовной ответственности. Сформулированы предложения по унификации уголовных законодательств с приведением обоснования внесения изменений и дополнений в УК Республики Беларусь и отдельные соображения о возможном учете нашего мнения при совершенствовании УК Российской Федерации, которые приведены последовательно в соответствии со структурой УК Республики Беларусь.

COMPARATIVE ANALYSIS OF THE ARTICLES OF THE CRIMINAL CODES OF BELARUS AND RUSSIA ESTABLISHING LIABILITY FOR DRUG-RELATED CRIMES AND PROPOSALS FOR UNIFICATION

Loseu U.U.

Keywords: comparative analysis, Belarus, Russia, unification, criminal legislation, criminalization, drugs.

Abstract. The article compares the norms of the criminal legislation of the Republic of Belarus and the Russian Federation, which establish responsibility for crimes related to drugs.

Similarities and differences in the lists of criminally punishable acts, the definition of the crime subject, the description of mandatory and aggravating elements, the grounds for exemption from criminal liability are revealed. Proposals on the unification of criminal legislation with the providing the justification for introducing amendments and additions to the Criminal Code of the Republic of Belarus and some ideas on the possible consideration of our opinion in the process of improving the Criminal Code of the Russian Federation, which are consistently given in accordance with the structure of the Criminal Code of the Republic of Belarus, are formulated.

УДК 343.27(477)

РЕФОРМИРОВАНИЕ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ПОЛИТИКИ В СФЕРЕ ПРИМЕНЕНИЯ НАКАЗАНИЯ В ВИДЕ ШТРАФА В УКРАИНЕ КАК ПРЕДПОСЫЛКА ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ БОРЬБЫ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ

Марисюк К.Б.

Ключевые слова: уголовно-правовая политика, наказание, штраф, конфискация имущества, имущественные наказания.

Введение

В связи с созданием в Украине высокоразвитого гражданского общества и развитием на основе Конституции Украины демократического правового государства возникла потребность в выработке эффективной уголовно-правовой политики государства, в определении ее базовых приоритетов.

Уголовно-правовая политика, выступая структурным элементом политики в сфере борьбы с преступностью, имеет задачей разработку и реализацию мер борьбы с преступностью с помощью уголовно-правовых средств, в первую очередь – через систему наказаний, в том числе и имущественных.

Несмотря на то, что имущественные наказания (а к ним в полной мере мы можем отнести только штраф и конфискацию имущества) – одни из самых древних в правовой системе, традиционно были присущи уголовно-правовым актам и практике и до сих пор остаются (особенно штраф) одними из наиболее часто назначаемых судами, однако четкого уголовно-правового регулирования этих видов наказания до сих пор нет, как нет и четкой уголовно-правовой политики в этой сфере.

Особенно важным является изучение имущественных наказаний в связи с гуманизацией уголовно-правовой политики. На первый план выходят виды наказания, не связанные с лишением свободы, что в корне меняет практику назначения наказаний, а имущественные наказания и практика их назначения приобретают чрезвычайную актуальность.

Именно на совершенствование уголовно-правовой политики в сфере применения одного из имущественных наказаний, а именно штрафа, и ориентирована эта научная статья.

Основы национальной украинской уголовно-правовой политики, в частности в сфере имущественных наказаний, были заложены в трудах выдающихся ученых-криминалистов Н. Чубинского, Л. Белогриц-Котляревского,

Л. Владимирова, Г. Гордиенко, И. Данилевича, А. Кистяковского, И. Максимовича, К. Пауловича и др.

Значительный вклад в исследование уголовно-правовой политики в сфере имущественных наказаний осуществили ведущие современные ученые-криминалисты Н. Бажанов, В. Бурдин, С. Гавриш, В. Грищук, В. Козырева, А. Колб, Т. Денисова, А. Дудоров, Н. Мельник, В. Навроцкий, Ю. Пономаренко, В. Попрас, Г. Собко, Е. Стрельцов, В. Таций, В. Тютюгин, Н. Хавронюк, В. Харченко и др.

Разработкой проблем уголовно-правовой политики в сфере имущественных наказаний занимались и зарубежные ученые, среди которых Т. Габбриш, Л. Гетц, А. Литински, Ю. Макаревич, Ц. Мартин, В. Урущак, В. Хейнош, Р. Хубе, Р. Цезарь и др. Большинство их работ до сих пор не были предметом научных исследований в Украине.

Несмотря на большое количество публикаций по этой теме, до сих пор не выработано четкого подхода к тому, каким же образом должна реформироваться уголовно-правовая политика в сфере применения наказания в виде штрафа в Украине, что дает основания ставить вопрос о необходимости проведения такого исследования.

Основная часть

На основании анализа содержания соответствующих положений действующего УК Украины, а также изучения практики его применения можно с уверенностью утверждать, что значительная часть положений, касающихся уголовно-правового регулирования имущественных наказаний в целом и наказания в виде штрафа в частности нуждается в совершенствовании. На это же обращает внимание и М. Колос, который отмечает, что, «не отрицая высокого уровня совершенства Общей части УК Украины ... можно утверждать, что ее отдельные нормы все же требуют проведения глубокого научного анализа и внесения предложений законодателю по их усовершенствованию» [1, с. 305].

На это же указывают и результаты проведенного нами социолого-правового опроса 375 сотрудников суда, органов внутренних дел и прокуратуры, 73 % из которых отметили необходимость реформирования системы и порядка исполнения уголовных наказаний. К тому же некоторые элементы уголовно-правового регулирования наказания в виде штрафа являются не в полной мере действенными, эффективными.

Отдельно нужно отметить, что будущие изменения как в законодательном регулировании наказания в виде штрафа, так и в практике его применения должны быть подчинены идеям гуманизации уголовно-правовой сферы деятельности государства [2, с. 48] и евроинтеграции Украины с учетом наиболее передового отечественного и зарубежного исторического и правового опыта.

Что должно быть реформировано в этой сфере в первую очередь? Рассмотрим лишь самые необходимые, по нашему мнению, изменения.

Учитывая отечественный историко-правовой опыт, необходим существенный рост роли имущественных наказаний как на законодательном уровне, так и в практике реализации норм действующего УК Украины. По нашему мнению, наказание в виде штрафа должно стать базовым видом наказания за преступления небольшой тяжести. Поэтому, назначая наказание за такие преступления, суд, в первую очередь, должен рассматривать возможность

применения к виновному именно штрафа и только в случае невозможности или нецелесообразности его назначения (например, в связи с тяжелым материальным положением виновного) назначать другие виды наказаний. Указанное предложение позволило бы сделать более простым и действенным процесс исполнения наказаний (очевидно, что для фактического исполнения наказания в виде штрафа, в отличие, например, от общественных или исправительных работ, не нужны специальные места, специальный штат сотрудников для длительного контроля за осужденным и т.д.), а также способствовало бы задаче гуманизации наказаний (хотя бы потому, что, в отличие от других наказаний, штраф фактически не предусматривает дополнительных правоограничений, кроме собственно уплаты определенной в приговоре суммы штрафа, которые отражаются на правовом статусе осужденного).

УК Украины 2001 г. в ч. 1 ст. 53 закрепляет определение понятия «штраф» как наказания. Указанное определение можно считать традиционным для отечественного законодательства, поскольку оно перекликается с тем, что содержалось в ранее действовавшем УК УССР 1961 г.

Несмотря на казалось бы устоявшийся подход к пониманию упомянутого понятия, считать его удачным трудно. Основной задачей любого законодательного определения является четкое и полное раскрытие содержания изучаемого предмета, максимально полное освещение его признаков, а не только определение общей сути этого явления.

К сожалению, существующая сегодня в ч. 1 ст. 53 УК Украины дефиниция является неполной, не до конца раскрывает понятие и сущность штрафа.

Можно предложить два выхода из этой ситуации. Более радикальным является исключение этого понятия из УК Украины. По нашему мнению, потребности в определении штрафа, закрепленного в норме закона, нет. Упомянутый вид наказания по своей сути довольно прост и доступен для понимания, как минимум, не сложнее тех видов наказания, дефиниций которых законодатель не предлагает. Если же идти по пути внедрения в нормы УК Украины понятий каждого из наказаний, то стоит согласиться, например, с предложением Г. Собко, которая считает целесообразным определить и закрепить дефиницию «конфискация имущества», под которой предлагает понимать «дополнительное уголовное наказание как санкцию за совершение преступления, которая заключается в принудительном безвозмездном лишении лица права собственности на неправомерно полученное, использованное или переданное имущество, которая назначается по решению суда» [3, с. 7].

Понимая, что предложенная идея может быть воспринята как чрезмерно радикальная и нарушающая отечественные историко-правовые традиции фиксации понятия штрафа в УК, можем как альтернативу предложить изменить редакцию упомянутой ч. 1 ст. 53 УК Украины, закрепив в ней основные признаки штрафа, изложив ее в следующей редакции: «Штраф – это вид наказания, которое применяется по приговору суда к виновному лицу и заключается во взыскании четко определенной в Особенной части УК Украины денежной суммы в пользу государства».

Не до конца взвешенным представляется предусмотренный в ст. 53 УК Украины максимальный размер штрафа, который согласно Закону Украины от 15 ноября 2011 г. № 4025-VI «О внесении изменений в некоторые законодательные акты Украины относительно гуманизации ответственности

за правонарушения в сфере хозяйственной деятельности» был увеличен до 50 000 необлагаемых минимумов доходов граждан, то есть до 850 000 гривен. Признавая необходимость увеличения максимального размера штрафа, нам трудно согласиться именно с таким резким его ростом, а именно в 50 раз. Особенно следует подчеркнуть, что и такая значительная сумма не является пределом, поскольку законодатель и дальше сохраняет правило, согласно которому сумма штрафа может быть еще выше, если это предусмотрено в санкции соответствующей статьи Особенной части УК Украины. Спорным при этом кажется превентивный и карательный эффект такого значительного наказания, особенно в условиях тяжелых экономических реалий.

С целью создания реальной возможности исполнения указанного наказания, а также с целью приведения закрепленных в уголовном законе цифр в соответствии с существующими экономическими реалиями предлагаем ограничить законодательно предусмотренный максимальный размер наказания в виде штрафа суммой примерно в 100 средних месячных зарплат. Об этом же говорят и данные проведенного нами социолого-правового опроса, согласно которым 39,9 % опрошенных назвали именно такое сокращение оптимальным. Как нам кажется, установление такого предела будет способствовать предотвращению преступности, создаст реальные условия для уплаты штрафа и снизит процент осужденных, которые вследствие невозможности оплатить штраф будут привлекаться к наказанию в виде лишения свободы на определенный срок в качестве замены наказания в виде штрафа.

В случае же сохранения нынешней редакции ст. 53 УК Украины не слишком обоснованным можно считать место наказания в виде штрафа (ст. 51 УК Украины), согласно которому это наказание признается наименее тяжелым (наиболее легким) уголовным наказанием.

На эту ситуацию длительное время обращают внимание многие исследователи. Так, например, по словам А. Пироженко «достаточно проблемным считается значительное усиление карательного воздействия штрафа ... без изменения его места в системе наказаний» [4, с. 329]. В. Попрас отмечает, что штраф не совсем обоснованно помещен на первое место в системе наказаний как наиболее мягкий его вид, и предлагает переместить штраф на четвертую позицию – после лишения воинского, специального звания, ранга, чина или квалификационного класса, лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью и общественных работ [5, с. 38]. В. Козырева считает, что «штраф является более строгим наказанием по сравнению с исправительными работами» [6, с. 7].

В то же время, если до введения в действие Закона Украины от 15 ноября 2011 г. № 4025-VI «О внесении изменений в некоторые законодательные акты Украины относительно гуманизации ответственности за правонарушения в сфере хозяйственной деятельности» объяснить такую ситуацию еще было возможно (например, тем, что штраф в качестве основного наказания мог применяться только за совершение преступлений небольшой тяжести), то сейчас карательное значение упомянутого наказания значительно возросло и, по нашему мнению, явно превышает карательное влияние, которое вызывают, например, наказание в виде лишений права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, а также в виде общественных или исправительных работ.

Согласно данным, полученным нами в результате социолого-правового опроса, лишь 18,7 % опрошенных считают, что карательное влияние наказания в виде штрафа меньше, чем наказания в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, наказания в виде общественных работ и наказания в виде исправительных работ, а 56,4 % придерживаются мнения, что наказание в виде штрафа имеет не меньшее карательное влияние, чем наказание в виде ареста и наказание в виде ограничения свободы.

Поэтому, исходя из содержания нынешней редакции ст. 12 УК Украины, предлагаем поместить наказание в виде штрафа или на седьмое место (как наиболее тяжкое наказание, не связанное с изоляцией осужденного) или же, что более логично, на десятое место в перечне наказаний, предусмотренных ст. 51 УК Украины сразу перед наказанием в виде лишения свободы на определенный срок. Еще одним дополнительным аргументом в пользу именно такой реформы является то, что наказание в виде штрафа является единственным, кроме наказаний в виде лишения свободы на определенный срок и пожизненного лишения свободы, которое может применяться за совершение преступлений средней тяжести, тяжких и особо тяжких преступлений.

С момента введения в действие УК Украины 2001 г. и до сих пор предельные размеры наказания в виде штрафа, предусмотренные ст. 53 и 99 УК Украины, определяются не в национальных денежных единицах (гривнах), а в необлагаемых минимумах доходов граждан. Аналогичный подход был использован и в нынешней редакции ст. 12 УК Украины, введенной в действие Законом Украины от 15 ноября 2011 г. № 4025-VI «О внесении изменений в некоторые законодательные акты Украины относительно гуманизации ответственности за правонарушения в сфере хозяйственной деятельности».

Очевидно, что нестабильная национальная валюта 1990-х – начала 2000-х гг. совершенно обоснованно заставила законодателя сделать привязку размеров штрафов к какой-то стабильной расчетной единице, однако в наше время экономическая ситуация такой привязки не требует. К мысли о необходимости фиксации предельных размеров наказания в виде штрафа в национальных денежных единицах (гривнах) подталкивает и тот факт, что с момента введения в действие УК Украины 2001 г. денежный эквивалент, из которого выводится необлагаемый минимум доходов граждан при расчете размеров штрафов, ни разу не менялся и продолжает равняться 17 гривнам. Еще одним аргументом в пользу предлагаемой поправки является то, что указание на конкретную денежную сумму значительно облегчит понимание потенциальными преступниками того, какие именно последствия их ждут, что, несомненно, будет способствовать процессу предотвращения преступности. Согласно данным проведенного нами социолого-правового опроса, такое изменение поддержали 87,2 % человек.

Предлагается к лицам, совершивших корыстные преступления в сфере служебной деятельности или профессиональной деятельности, связанной с предоставлением публичных услуг, в обязательном порядке применять штраф, рассчитанный в кратном размере полученной от преступления выгоды.

Представляется, что предусмотренная сегодня в УК Украины ответственность не может служить действенным средством воздействия на преступника. Особенно это касается реализации задачи предупреждения преступности в исследуемой сфере.

Очевидно, что размеры наказания в виде штрафа, предусмотренные в разделе XVII Особенной части УК Украины, не могут считаться серьезным наказанием. Конфискация же имущества не всегда на практике может выполнить поставленную перед ней задачу, поскольку преступник часто успевает юридически легализовать полученную от преступления выгоду, перевести ее в фактическое владение других, часто совершенно не связанных с ним родственными или иными близкими отношениями, лиц. Все это приводит к тому, что значительная часть незаконно полученных средств или имущества не подвергаются воздействию мер уголовно-правового принуждения.

По нашему мнению, штраф, назначенный в упомянутом случае, должен равняться минимум десятикратному размеру полученной выгоды, в противном же случае ему будет трудно выполнить задание предупреждения совершения преступлений. Нужно было бы также дифференцировать кратность штрафов в зависимости от субъекта совершения преступления (чем выше общественное, политическое или служебное положение занимает виновный, тем выше коэффициент должен применяться), от того, совершено преступление впервые или повторно, а также от того, действовал субъект преступления самостоятельно или в соучастии. Представляется, что угроза обязательного штрафа, который значительно превышает полученную от преступления выгоду, будет служить существенной превентивной мерой. Интересно, что предложенное изменение поддержали 62,1 % опрошенных.

Нами также предлагается значительно расширить круг применения наказания в виде штрафа в качестве дополнительного наказания, закрепив его в качестве такового в санкциях тех корыстных преступлений, где отсутствует штраф в качестве основного наказания, а также (или) конфискация имущества в качестве дополнительного наказания. Как известно, на данный момент штраф как дополнительное наказание предусмотрен лишь в двух статьях УК Украины, что нельзя считать полноценным способом использования возможностей этого вида наказания. Согласно данным проведенного нами социолого-правового опроса это предложение поддержали 51,3 % опрошенных.

Заключение

Подытоживая изложенное, считаем, что внесение соответствующих изменений в действующий УК Украины будет способствовать повышению эффективности наказания в виде штрафа, даст возможность более четко определить его место в системе уголовных наказаний, нивелирует существующие сегодня пробелы и двусмысленности. Также это послужит общей цели гуманизации уголовной ответственности и уголовных наказаний, поможет осуществлять более эффективное предупредительное воздействие на потенциальных преступников.

Список цитированных источников

1 Колос, М. І. Кримінальне право в Україні (Х–початок XXI століття) : у 2 т. / М. І. Колос. – Київ. – Острог : Національний університет «Острозька академія», 2011. – Т. 1. – 448 с.

2. Фріс, П. Л. Кримінально-правова політика Української держави : теоретичні, історичні та правові проблеми / П. Л. Фріс. – Київ : Атіка, 2005. – 332 с.

3. Собко, Г. М. Конфіскація за кримінальним законодавством України : автореф. дис. на здобуття наукового ступеня канд. юрид. наук : спец. 12.00.08 «Кримінальне право та кримінологія; кримінально-виконавче право» / Г. М. Собко. – Київ, 2008. – 20 с.

4. Пироженко, О. І знову про «гуманізацію» закону про кримінальну відповідальність / О. Пироженко // Актуальні проблеми кримінальної відповідальності : матеріали міжнародної науково-практичної конференції (10–11 жовтня 2013 р.). – Харків : Право, 2013. – С. 328–332.

5. Попрас, В. О. Штраф як вид покарання за кримінальним правом України / В. О. Попрас. – Харків : Право, 2009. – 224 с.

6. Козирєва, В. Штраф як майнове покарання за кримінальним законодавством України / В. Козирєва // Підприємництво, господарство і право. – 2009. – № 6. – С. 138–141.

Аннотация. На основании анализа содержания соответствующих положений действующего УК Украины, а также изучения практики его применения можно с уверенностью утверждать, что значительная часть положений, касающихся уголовно-правового регулирования имущественных наказаний в целом и наказания в виде штрафа в частности нуждается в совершенствовании. Наказание в виде штрафа должно стать базовым видом наказания за преступления небольшой тяжести. УК Украины 2001 г. в ч. 1 ст. 53 закрепляет определение понятия «штраф» как наказания, но оно является неполным, не до конца раскрывает понятие и сущность штрафа. С целью создания реальной возможности выполнения указанного наказания, а также приведения закрепленных в уголовном законе цифр в соответствие с существующими экономическими реалиями предлагаем ограничить законодательно предусмотренный максимальный размер наказания в виде штрафа суммой примерно в 100 средних месячных зарплат.

REFORMING OF CRIMINAL-LAW POLICY IN THE FIELD OF APPLICATION OF PUNISHMENT OF FINE IN UKRAINE AS A PRECONDITION FOR IMPROVING THE EFFECTIVENESS OF STRUGGLE AGAINST CRIME

Marysyuk K.B.

Keywords: criminal-law policy, punishment, fine, confiscation of property, property punishments.

Abstract. Based on the analysis of the content of the relevant provisions of the current Criminal Code of Ukraine, as well as studying the practice of its application, it can be confidently asserted that a significant part of the provisions concerning the criminal-law regulation of property penalties in general, and fine in particular, need to be improved. Punishment in the form of a fine should become the basic form of punishment for crimes of small gravity. The Criminal Code of Ukraine in 2001 in Part 1 of Art. 53 fixes the definition of the concept of “fine” as punishment, but it is not complete, does not fully reveal the concept and essence of the fine. In order to create a real opportunity to fulfill this punishment, and also to bring the figures fixed in the criminal law in accordance with the existing economic realities, we propose to limit the statutory maximum penalty in the form of a fine of approximately 100 average monthly salaries.

УДК 343

УВАЖЕНИЕ К УГОЛОВНОМУ ЗАКОНУ КАК АЛЬТЕРНАТИВА СТРАХУ ПЕРЕД НАКАЗАНИЕМ

Марчук В.В.

Ключевые слова: уголовный закон, уголовно-правовой запрет, конструкция уголовно-правовой нормы, общая превенция.

Введение

Согласно общепринятым подходам в отечественной криминологии и уголовном праве в основе общей превенции лежит угроза применения наказания к лицу, нарушившему уголовно-правовой запрет. Кроме того, существенным является отношение общества к системе предусмотренных в Уголовном кодексе (далее – УК) запретов. Отрицательное отношение граждан к совершаемым преступлениям в рамках общепредупредительного воздействия должно, в целом, оказывать влияние на снижение уровня преступности. Вместе с тем содержание некоторых уголовно-правовых норм ставит под сомнение их превентивный потенциал. И связано это иногда с тем, что у граждан существует негативное отношение к установленному запрету. Отсюда возникает вопрос: что должно лежать в основе законопослушного поведения человека в призме превентивного воздействия уголовно-правой нормы: страх перед наказанием или, прежде всего, должно быть уважение граждан к уголовному закону, поскольку он обеспечивает защиту их основных прав и свобод. Рассмотрение этого вопроса является предметом предлагаемой статьи.

Основная часть

Несомненно, в основе уважения граждан к уголовно-правовой норме лежит нравственная составляющая. И в большинстве уголовно-правовых запретов заложен аспект нравственного порицания соответствующему поведению. Многим из них моральная оценка была дана еще в Ветхом Завете. С позиции уголовного права и нравственности морально обязывающими следует признавать классические запреты «не убий», «не укради» и т.д. С учетом конкретных исторических и социально-экономических условий развития общества круг уголовно-правовых запретов имеет свою специфику, отраженную в национальных уголовных законах. В определенных случаях уголовно-правой запрет формировался на основе проявления так называемой «негативной этики». Так, до табузации кровосмешения в первобытном обществе сестра была женой брата. И в период промискуитета, как отмечал Ф. Энгельс в своей известной работе «Происхождение семьи, частной собственности и государства» – это было нравственно. В настоящее время в уголовном законодательстве некоторых государств установлена уголовная ответственность за половые сношения с родственниками по нисходящей или восходящей линии.

В литературе многие авторы отмечают, что своей действенностью и эффективностью любой уголовно-правовой запрет во многом обязан заложенному в нем нравственному потенциалу [1, с. 31; 2, с. 8–9; 3, с. 160]. Многие правоведы не без оснований утверждают, что все преступления аморальны [4, с. 243; 5, с. 50; 6, с. 91]. Да, так должно быть! Однако история

криминализации, в том числе прошлого века, показывает, что установление некоторых уголовно-правовых запретов входило в противоречие с элементарными представлениями населения о морали. Например, во исполнение постановления ЦИК и СНК СССР от 27 июня 1936 г. «О запрещении абортов» в уголовное законодательство союзных республик были введены статьи, предусматривающие уголовную ответственность за производство беременными женщинами аборта без надлежащего на то разрешения. Запрещение абортов под страхом уголовного наказания привело к росту числа криминальных абортов и в конечном итоге к увеличению женской смертности. Такого рода норма была не просто аморальной, она была социально вредной и противоречила естественному по своей сути праву человека на самостоятельное планирование своей семьи.

Истории уголовного законодательства советского периода известны нормы, запрещавшие под страхом применения уголовного наказания опоздание на работу, прогул, добровольный гомосексуализм, бродяжничество и попрошайничество, незаконное скармливание хлеба скоту, посев масличного мака при отсутствии цели сбыта или изготовления наркотических средств и др.

На это противоречие, свидетельствующее о недоверии населения к установленному уголовно-правовому запрету, обращал в свое время К. Маркс. Он писал, что, в случае, когда законодатель фактический проступок превращает в преступление «народ видит наказание, но не видит преступления, и именно потому, что он видит наказание там, где нет преступления, он перестает видеть преступление там, где есть наказание…» [7, с. 122–123].

Необходимо отметить, что ряд уголовно-правовых запретов имеет ярко выраженную моральную основу. Но по непонятным причинам, как показывает законодательная практика некоторых стран, соответствующее поведение может быть декриминализировано либо в действующем уголовно-правовом запрете происходит существенное сужение пределов криминализации. Так, Федеральным законом от 7 декабря 2011 г. № 420-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» из УК Российской Федерации были исключены ст.ст. 129 и 130, предусматривавшие ответственность соответственно за клевету и оскорбление. Официальное объяснение декриминализации указанных деяний: гуманизация уголовного законодательства РФ и невысокая степень общественной опасности клеветы и оскорбления.

Однако спустя семь месяцев Федеральным законом от 28 июля 2012 г. № 141-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» в главе 17 УК России была реанимирована норма, предусматривающая ответственность за клевету (почему-то при этом забыли об оскорблении). При этом в ст. 128-1 «Клевета» УК РФ выделено уже пять частей, в которых предусмотрена уголовная ответственность за различные варианты клеветы. Оказывается, нашлись основания и для детальной дифференциации ответственности за это преступление.

К сожалению, белорусский законодатель не учится на ошибках своего партнера по Союзному государству. Палата представителей Национального собрания Республики Беларусь в июне 2018 г. приняла в первом чтении законопроект, в соответствии с которым ч. 1 ст. 188 (клевета) и ч. 1 ст. 189

(оскорбление) будут исключены из УК Республики Беларусь. На уровне уголовно-правового запрета сохранены лишь публичные проявления клеветы и оскорбления (ч. 2 ст. 188 и ч. 2 ст. 189 УК).

Были времена, когда за клевету или оскорбление вызывали на дуэль. Получение сатисфакции подобным образом законодатель уже давно признал убийством. Однако, грустно, что унижение чести и достоинства человека (что может быть более ценным после жизни и здоровья!?) у современных парламентариев вызывает такую реакцию. Могут ли подобные законодательные решения вызывать уважение у граждан?

В контексте предупредительной функции, которую должна выполнять каждая принимаемая уголовно-правовая норма, ее легитимность предполагает доверие и восприятие этой нормы общественным сознанием. Граждане воспринимают и одобряют установленный уголовно-правовой запрет, исходя из исторически сформировавшихся в обществе моральных представлений о добре и зле и, в целом, социальной справедливости. Одобрение запрета в таком случае логично предполагает и его неукоснительное соблюдение. И при таком подходе государственное принуждение, которое будет применено к отдельному члену (членам) общества, осознанно выбравшему путь на нарушение соответствующего уголовно-правового запрета, следует признавать оправданным.

Важное значение в установлении уголовно-правового запрета имеет его социальная обусловленность. Вопрос о социальной обусловленности запрета следует признать краеугольным камнем в теории криминализации. Этот вопрос достаточно широко освещен в литературе [8, с. 64–72; 9, с. 76–83; 10, с. 70–76; 11, с. 18–27; 12, с. 80–96; 13, с. 166–194 и др.]. Социальная обусловленность введения уголовно-правового запрета, в целом, должна предопределять и объяснять наличие общественной потребности в охране соответствующего блага уголовно-правовыми средствами. Это требует оценки и выявления тех общественных отношений, которые нуждаются в охране средствами уголовного права. Ученые выделяют целую совокупность факторов, которые оказывают влияние на необходимость принятия решения о введении или изменении уголовно-правового запрета: нравственные, экономические, психологические, идеологические и др. В последних научных исследованиях перечень этих факторов существенно расширяется [13, с. 183–190].

Следует обратить внимание на еще один аспект. В общей теории права нормы-суждения некоторые авторы рассматривают в плоскости истинности или ложности правовых норм. Известный исследователь проблем истинности правовых норм В.К. Бабаев отмечал, что истинная норма права должна, в частности, давать правильную юридическую оценку этим отношениям. Если же законодатель в силу ненаучности подхода, поспешности и иных обстоятельств подвергает юридической регламентации общественные отношения, не созревшие для правового регулирования, или даст им неправильную оценку, то эту норму следует считать ложной [14, с. 163–164]. А ложь, как известно, всегда вызывает адекватную реакцию у граждан. И если ложь закреплена в уголовно-правовой норме, то можно ли надеяться на позитивное отношение общества к подобному уголовно-правовому запрету?

Уместно затронуть вопрос и о легитимности принимаемых решений в сфере декриминализации. Так, Законом Республики Беларусь от 17 июля 2018 г.

№ 131-З «О внесении изменений и дополнений в некоторые кодексы Республики Беларусь» из УК были исключены ст. 247 (ограничение конкуренции) и ст. 248 (незаконное использование деловой репутации конкурента). А в принятом в первом чтении проекте Закона Республики Беларусь «О внесении изменений и дополнений в некоторые кодексы Республики Беларусь» предусмотрена декриминализация нарушений антимонопольного законодательства (ст. 244 УК) и дискредитации деловой репутации конкурента (ст. 249 УК). Указанные статьи следует относить к центральным в системе уголовно-правовых норм законодательства любой страны, экономика которой допускает использование рыночных механизмов. Вызовет ли одобрение, а тем более, уважение, у индивидуальных предпринимателей и иных инициативных граждан, окрыленных положениями декретов Президента Республики Беларусь от 23 ноября 2017 г. № 7 «О развитии предпринимательства» и от 21 декабря 2017 г. № 8 «О развитии цифровой экономики», исключение из УК Республики Беларусь данных норм в условиях начавшейся в Республике Беларусь широкомасштабной либерализации экономики?

Заметим, что в новом «законе законов» – в ст. 6 Закона Республики Беларусь от 17 июля 2018 № 130-З «О нормативных правовых актах» закреплен принцип защиты прав, свобод и законных интересов граждан, юридических лиц, интересов общества и государства, социальной справедливости, суть которого заключается в том, что «нормотворческие органы (должностные лица) при планировании, подготовке, принятии (издании) и реализации нормативных правовых актов учитывают мнение населения и интересы его различных групп, политических партий, религиозных организаций и иных общественных объединений, обеспечивают надлежащий баланс в правовом регулировании их прав, свобод и обязанностей с учетом национальных традиций и социальных ценностей белорусского народа, гарантируют реализацию и защиту этих прав, свобод и обязанностей в целях социальной справедливости и достижения устойчивого развития Республики Беларусь».

Разумеется, социальная обусловленность уголовно-правового запрета должна основываться на научных методах. Эти вопросы должны быть предметом исследования социологии уголовного закона (права). Руководствуясь этой наукой, законодатель в рамках законотворческого процесса должен квалифицировать проявившиеся в объективной действительности поступки как объективно опасные для общества и соответственно определять и закреплять их в качестве уголовно-правового запрета.

Особую проблему для восприятия гражданами сущности установленных запретов образуют уголовно-правовые нормы с бланкетным содержанием признаков преступного деяния. Этот достаточно распространенный в законодательной практике юридико-технический прием конкретизации уголовно-правового запрета в нормативном правовом акте не уголовно-правового характера создает весьма серьезное противоречие с положениями уголовного законодательства о круге источников уголовного права.

Часть 2 ст. 3 УК гласит: «Преступность деяния, его наказуемость и иные уголовно-правовые последствия определяются только настоящим Кодексом». Наличие в УК бланкетных уголовно-правовых норм фактически привело к тому, что вопрос о сущности и пределах уголовно-правового запрета практически решается не законодателем, а иными органами государственной власти

и управления. В литературе уже давно высказывались предупреждения о недопустимости превращения бланкетной уголовно-правовой нормы в «технический прием делегирования законодательных полномочий» [15, с. 183].

Вместе с тем наличие в УК уголовно-правовых норм с бланкетным содержанием признаков преступного деяния, создает существенные проблемы в квалификации соответствующих преступлений. Дело в том, что многочисленность нормативных правовых актов, регламентирующих соответствующие правила поведения, при отсутствии их индивидуальной определенности в рамках бланкетного признака порождает непростую задачу по установлению пределов уголовно-правового запрета. В некоторых статьях УК содержатся ссылки на целые отрасли законодательства (например, нарушение правил охраны труда, нарушение правил охраны недр и др.). Кроме того, как показывает правотворческая практика последнего десятилетия, в эти нормативные правовые акты очень часто вносятся изменения и дополнения, которые, в конечном итоге, корректируют содержание уголовно-правового запрета. Такого рода нормативные корректировки порождают «плавающие» границы уголовно-правового запрета, что порождает трудности при реализации положений о действии уголовного закона во времени.

И если следователь по такого рода уголовным делам вынужден обращаться за консультацией к юристам, специализирующимся в сфере экологического и иного специального законодательства, то каким образом будет воспринимать сущность уголовной противоправности в глыбе постоянно меняющегося законодательства обычный гражданин, на которого направлен установленный уголовно-правовой запрет?

В рассматриваемом контексте следует согласиться с В.В. Денисенко, который считает, что «…регламентация большинства отношений позитивным правом приводит к тому, что оно становится слишком сложным и формальным для граждан. Такой процесс приводит к кризису правового регулирования и кризису легитимности позитивного права» [16, с. 135].

Представляется, что одним из направлений в преодолении проблематики легитимности норм с бланкетным содержанием признаков преступного деяния является конкретизация (разумеется, по возможности) уголовно-правового запрета непосредственно в уголовно-правовой норме. Такие варианты уже были предложены автором данной статьи [17, 18, с. 345–363].

Значительные трудности для понимания гражданами значения и сущности уголовно-правовых запретов создают конструкции некоторых уголовно-правовых норм. Возьмем, к примеру, уголовно-правовые нормы с административной преюдицией. Длительную дискуссию о сущности и природе административной преюдиции оставим за пределами предлагаемой статьи. Однако, с точки зрения оснований криминализации, следует признать, что административная преюдиция является весьма спорным и проблемным явлением в уголовном праве. Как отмечала Н.Ф. Кузнецова – это вопрос о том, «могут ли два кота стать тигром».

В период проведения уголовно-правовой реформы конца 90-х годов прошлого века на постсоветском пространстве при принятии новых уголовных кодексов законодатели стран Балтии и доминирующего большинства государств-участников СНГ отказались от использования этого законодательного приема конструирования уголовно-правовых норм. Однако в уголовном

законодательстве Республики Беларусь остались нормы с административной преюдицией. Первоначально, по замыслу разработчиков УК, предполагалось, что запреты, обусловленные признаками административной преюдиции, будут постепенно переведены в разряд только административных правонарушений. И на первых порах эта тенденция действительно наблюдалась. Из УК 1999 г. были исключены в 2003 г. ст. 260 (нарушение правил торговли), в 2006 г. – ст. 213 (повторное мелкое хищение) В 2008 г. существенное изменение претерпела ст. 371-2 (нарушение правил пребывания в Республике Беларусь, а также правил транзитного проезда (транзита) через территорию Республики Беларусь), в результате которого из данной нормы была исключена двойная административная преюдиция.

Вместе с тем, одновременно проявились и другие тенденции: поведение, признаваемое ранее на условиях административной преюдиции, стало чистым криминалом. Например, в соответствии с Законом Республики Беларусь от 05.01.2015 № 241-З «О внесении изменений и дополнений в Уголовный, Уголовно-процессуальный и Уголовно-исполнительный кодексы Республики Беларусь» в ст. 435 УК (уклонение от мероприятий призыва на воинскую службу) была исключена административная преюдиция как условие уголовной ответственности.

Кроме того, в УК стало увеличиваться количество норм с административной преюдицией. Это условие уголовной ответственности предусмотрено во введенных в УК новых статьях: ст. 228-1 (незаконное перемещение товаров через таможенную границу), ст. 234-1 (незаконное распоряжение денежными средствами, находящимися на банковских счетах субъекта хозяйствования), ст. 282-1 (незаконные перемещение (транспортировка) или разделка диких животных), ст. 295-1 (незаконные действия в отношении охотничьего огнестрельного гладкоствольного оружия), ст. 317-1 (управление транспортным средством лицом, находящимся в состоянии опьянения, передача управления транспортным средством такому лицу либо отказ от прохождения проверки (освидетельствования), ст. 328-2 (потребление наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов в общественном месте либо появление в общественном месте или нахождение на работе в состоянии, вызванном потреблением наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов, токсических или других одурманивающих веществ), ст. 369-2 (получение иностранной безвозмездной помощи в нарушение законодательства Республики Беларусь).

В настоящее время порядка 10 % статей Особенной части УК Республики Беларусь содержат признаки административной преюдиции. Между тем, в правоприменительной практике при квалификации преступлений, обусловленных административной преюдицией, возникает достаточно много проблем: о формуле и установлении умышленной вины в таких преступлениях, о покушении на административное правонарушение и соучастии в административном правонарушении в контексте преюдициальной связи, о квалификации преступления, обусловленного повторным однородным правонарушением, о правовой оценке тождественного нарушения, совершенного после осуждения за преступление, обусловленное преюдицией и т.д. [19, 20].

Нет стабильной позиции по этому вопросу и в других государствах. Так в УК России, начиная с 2014 г., стали вносить нормы, содержащие административную

преюдицию (маятник пошел в другую сторону), что вызывает неоднозначную оценку со стороны российских правоведов [21, 22, 23, 24].

Это свидетельствует о том, что административная преюдиция, как прием законодательной техники, может использоваться для манипулирования направлениями в уголовно-правовой политике. При этом криминализация соответствующего поведения на основе введения или исключения административной преюдиции осуществляется без учета общественного мнения. Реакция граждан на такие реверсы в уголовно-правой политике не известна. Следует заметить, что в соответствии со ст. 7 Закона Республики Беларусь от 17 июля 2018 г. № 130-З «О нормативных правовых актах» проекты законодательных актов, затрагивающие права, свободы и обязанности граждан и юридических лиц, как правило, должны подлежать публичному обсуждению.

Заключение

Вышеизложенное позволяет сделать следующие выводы:

1. Содержание и предназначение уголовно-правового запрета предполагает доверие и адекватное понимание соответствующей уголовно-правовой нормы обществом. Граждане воспринимают и одобряют установленный уголовно-правовой запрет, исходя из исторически сформировавшихся в обществе моральных представлений о добре и зле и, в целом, социальной справедливости. Одобрение населением запрета в таком случае логично предполагает и его неукоснительное соблюдение. При таком подходе государственное принуждение, которое будет применено к отдельному члену (членам) общества, осознанно выбравшему путь на нарушение соответствующего уголовно-правового запрета, следует признавать оправданным.

2. Положения уголовно-правовых норм, порождающие недоверие граждан к уголовно-правовому запрету, должны упраздняться в процессе законотворческой деятельности. Большое значение в настоящее время приобретают те требования, которые установлены в Законе Республики Беларусь от 17 июля 2018 г. № 130-З «О нормативных правовых актах». В затронутом контексте важно учитывать принципы нормотворческой деятельности, требования нормотворческой техники, правила и процесс организации подготовки законопроекта, в частности, прогнозирование последствий принятия соответствующего закона, оценку регулирующего воздействия законопроекта на условия осуществления предпринимательской деятельности.

3. Гражданское общество должно иметь возможность реагировать на проблемные с позиции социальной обусловленности уголовные законы. Должны быть гарантии в том, что ограничение силой государственного принуждения свободы одних граждан не должно нарушать права и свободы других граждан. Если в рамках нормотворческой деятельности полностью невозможно исключить появление несовершенных уголовно-правовых норм, то тогда должна быть установлена процедура легального установления (доказывания) нелегитимности этого запрета. В частности, большое значение здесь приобретает общественное мнение, полученное на основе проведенного и научно-обоснованного социологического опроса.

Список цитированных источников

1. Векленко, С. В. Нравственный аспект уголовно-правового запрета / С. В. Векленко // Научный вестн. Омского юрид. института МВД России. – 1999. – № 1. – С. 30–34.

2. Тасаков, С. В. Нормы нравственности как социальный фундамент уголовного права / С.В. Тасаков // Рос. юстиция. – 2005. – № 12. – С. 8–11.

3. Пудовочкин, Ю. Е. Учение об основах уголовного права: лекции / Ю. Е. Пудовочкин. – М. : Юрлитинформ, 2012. – 240 с.

4. Дурманов, Н. Д. Понятие преступления / отв. ред. М. Д. Шаргородский / Н. Д. Дурманов. – М., Л. : Изд-во АН СССР, 1948. – 315 с.

5. Кузнецова, Н. Ф. Уголовное право и мораль / Н. Ф. Кузнецова. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1967. – 104 с.

6. Карпец, И. И. Уголовное право и этика / И.И. Карпец. – М. : Юрид. лит., 1985. – 256 с.

7. Маркс, К. Сочинения. Т. 1 / К. Маркс, Ф. Энгельс. – 2-е изд. – М.: Политиздат, 1955. – 698 с.

8. Кудрявцев, В. Н. Социология, право и криминология / В. Н. Кудрявцев // Сов. государство и право. – 1969. – № 2. – С. 64–72.

9. Кузнецова, Н. Ф. Социальная обусловленность уголовного закона и научное обеспечение нормотворчества / Н. Ф. Кузнецова, Г. А. Злобин // Сов. государство и право. – 1976. – № 8. – С. 76–83.

10. Злобин, Г. А. Основания и принципы уголовно-правового запрета / Г.А. Злобин // Сов. государство и право. – 1980. – № 1. – С. 70–76.

11. Наумов, А. В. Форма уголовного закона и ее социальная обусловленность / А. В. Наумов // Проблемы совершенствования уголовного закона / отв. ред. В. Н. Кудрявцев. – М.: Изд-во ИГиП АН СССР, 1984. – С. 18–27.

12. Спиридонов, Л. И. Социология уголовного закона / Л.И. Спиридонов. – М. : Юрид. лит., 1986. – 237 с.

13. Маркунцов, С. А. Теория уголовно-правового запрета: монография. – М. : Юриспруденция, 2015. – 560 с.

14. Бабаев, В. К. Советское право как логическая система: учеб. пособие / В. К. Бабаев. – М. : Академия МВД СССР, 1978. – 212 с.

15. Наших, А. Правотворчество. Теория и законодательная техника / А. Наших – М. : Юрид. лит., 1974. – 255 с.

16. Денисенко, В. В. Легитимность как характеристика сущности права. Введение в теорию / В. В. Денисенко. – М. : Юрлитинформ, 2014. – 184 с.

17. Марчук, В. В. Квалификация преступления при наличии в норме бланкетного признака / В. В. Марчук // Юстыцыя Беларусі. – 2014. – № 4. – С. 26–31.

18. Марчук, В. В. Методологические основы квалификации преступления: монография / В. В. Марчук. – М. : Юрлитинформ, 2016. – 440 с.

19. Марчук, В. Новый КоАП Республики Беларусь и квалификация преступлений, обусловленных административной преюдицией / В. Марчук // Юстыцыя Беларусі. – 2007. – № 2. – С. 34 – 38.

20. Марчук, В. Отграничение преступлений от административных правонарушений в свете норм нового КоАП Республики Беларусь / В. Марчук // Суд. весн. – 2007. – № 3. – С. 60–62.

21. Шемякин, Д. В. Проблемные вопросы использования административной преюдиции в уголовном праве / Д.В. Шемякин // Рос. следователь. – 2015. – № 15. – С. 45–47.

22. Сидоренко, Э. Л. Административная преюдиция в уголовном праве: проблемы правоприменения / Э. Л. Сидоренко // Журнал российского права. – 2016. – № 6. – С. 125–133.

23. Зябликова, М. Применение административной преюдиции и сопряжённости при несоблюдении административных ограничений, установленных в рамках административного надзора / М. Зябликова, В. Иващенко // Законность. – 2017.– № 2. – С. 41–44.

24. Аюпова, Г. Ш. О расширении границ применения административной преюдиции применительно к ст. 264.1 УК РФ / Г.Ш. Аюпова // Рос. следователь. – 2017. – № 3. – С. 34–36.

Аннотация. В статье рассматриваются факторы, формирующие у граждан уважение к запрету, установленному в уголовно-правовой норме. Содержание уголовно-правового запрета анализируется в контексте его нравственной составляющей и социальной обусловленности. Автор затрагивает проблематику конструкции некоторых уголовно-правовых норм, которая показывает трудность восприятия и понимания гражданами значения и сущности соответствующего уголовно-правового запрета.

RESPECT FOR CRIMINAL LAW AS AN ALTERNATIVE TO FEAR PUNISHMENT

Marchuk V.V.

Key words: criminal law, criminal-legal prohibition, construction of criminal law norm, general prevention.

Abstract. The article examines the factors that shape the citizens' respect for the prohibition established in the criminal law norm. The content of the criminal-legal prohibition is analyzed in the context of its moral component and social conditioning. The author touches the problem of the construction of certain criminal law norms, which shows the difficulty of perception and understanding by citizens of the meaning and essence of the relevant criminal-legal prohibition.

УДК 343.352

ПРОБЛЕМЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ СУБЪЕКТА КОРРУПЦИОННОГО ПРЕСТУПЛЕНИЯ В СВЕТЕ ИМПЛЕМЕНТАЦИИ КОНВЕНЦИИ ООН ПРОТИВ КОРРУПЦИИ

Сащеко П.И.

Ключевые слова: должностное лицо, коррупция, взятка, подкуп, злоупотребление служебными полномочиями.

Введение

Присоединившись к Конвенции ООН против коррупции, Республика Беларусь взяла на себя обязательства по имплементации положений названного договора во внутригосударственное законодательство. Одним из наиболее сложных для имплементации является имеющееся в Конвенции определение

термина «публичное должностное лицо», существенно отличающееся от определения должностного лица, содержащегося в ст. 4 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК). В то же время значение этого термина в значительной степени определяет объем криминализации коррупции.

Отдельные аспекты имплементации термина «публичное должностное лицо» во внутригосударственное законодательство рассматривались в российской научной литературе. На неполноту определения термина «должностное лицо» в российском законодательстве по сравнению с определениями, предлагаемыми международными конвенциями против коррупции, обращал внимание А. Е. Голубенко [1]. З. А. Абдульмановой, Г. Богушем, Э. Л. Сидоренко и некоторыми другими авторами затрагивались вопросы имплементации норм международных конвенций в части определения термина «иностранное должностное лицо» [2; 3; 4; 5]. Некоторые спорные аспекты определения термина «иностранное должностное лицо» рассматривались в белорусской научной литературе [6, с. 204-206; 7, с. 100-102]. Вместе с тем, требует дальнейшего анализа вопрос надлежащей имплементации в УК положений Конвенции ООН в части определения субъекта коррупционного преступления.

Целью настоящей статьи является рассмотрение особенностей имплементации положений Конвенции ООН против коррупции в УК и формулирование предложений по совершенствованию белорусского уголовного закона.

Основная часть

В соответствии со ст. 2 Конвенции ООН против коррупции «публичное должностное лицо» означает для целей криминализации:

1) любое назначаемое или избираемое лицо, занимающее какую-либо должность в законодательном, исполнительном, административном или судебном органе государства-участника на постоянной или временной основе, за плату или без оплаты труда, независимо от уровня должности этого лица;

2) любое другое лицо, выполняющее какую-либо публичную функцию, в том числе для публичного ведомства или публичного предприятия, или предоставляющее какую-либо публичную услугу, как это определяется во внутреннем законодательстве государства-участника и как это применяется в соответствующей области правового регулирования этого государства-участника;

3) любое другое лицо, определяемое в качестве «публичного должностного лица» во внутреннем законодательстве государства-участника.

Содержание термина «публичное должностное лицо» раскрыто в материалах, подготовленных ООН. Например, в Руководстве для законодательных органов по осуществлению Конвенции ООН против коррупции указывается, что все термины нуждаются в тщательном рассмотрении с целью обеспечения того, чтобы внутригосударственное законодательство распространялось на весь круг лиц, определяемых в ст. 2 Конвенции как «публичные должностные лица» [8].

Если сопоставить приведенное выше определение «публичного должностного лица», которое предлагается Конвенцией ООН против коррупции, с определением должностного лица в ч. 4 ст. 4 УК, то можно отметить существенные различия в подходах к определению должностных лиц. Однако важно не только констатировать несовпадение объема соответствующих терминов, но и установить в чем конкретно заключаются различия.

УК выделяет несколько категорий должностных лиц.

Первая категория должностных лиц, названных в п. 1 ч. 4 ст. 4 УК, – это представители власти, как назначаемые на должность (на постоянной или временной основе), так и избираемые. К представителям власти отнесены не все государственные служащие, а лишь те, которые имеют право в пределах своей компетенции отдавать распоряжения или приказы и принимать решения относительно лиц, не подчиненных им по службе. Соответственно лица, занимающие иные должности в законодательном, исполнительном, административном или судебном органе, которые согласно Конвенции ООН являются публичными должностными лицами, не охватываются определением представителя власти в УК.

Вторая категория должностных лиц, выделяемая УК, – это представители общественности, т.е. те лица, которые наделены полномочиями представителя власти при выполнении обязанностей по охране общественного порядка, борьбе с правонарушениями, отправлению правосудия. Эти лица не занимают должности, а наделяются полномочиями в установленном законодательством порядке. Определение представителей общественности в УК также не охватывает лиц, занимающих должности в законодательном, исполнительном, административном и судебном органе, как того требует Конвенция ООН против коррупции. Термин «представитель общественности» лишь частично охватывает указанных в Конвенции ООН «любых других лиц, выполняющих какую-либо публичную функцию, в том числе для публичного ведомства или публичного предприятия, или предоставляющих какую-либо публичную услугу», поскольку по УК представителями общественности признаются не все лица, осуществляющие на общественных началах какие-либо функции в интересах государства или государственных юридических лиц, а лишь те лица, которые выполняют обязанности по охране общественного порядка, борьбе с правонарушениями, отправлению правосудия.

Третья категория должностных лиц, выделяемых УК, – это лица, которые постоянно или временно, или по специальному полномочию занимают должности, связанные с выполнением организационно-распорядительных или административно-хозяйственных обязанностей. Эта категория лиц включает только часть тех лиц, которые признаются «публичными должностными лицами» в том смысле, который вкладывает в этот термин Конвенция ООН против коррупции. Если лицо не выполняет организационно-распорядительные или административно-хозяйственные обязанности, либо выполняет указанные обязанности, но не занимает должность, то такое лицо согласно белорусскому уголовному закону не является должностным лицом.

Четвертая категория должностных лиц, выделяемых УК, – лица, уполномоченные в установленном порядке на совершение юридически значимых действий. Эта категория лиц также не охватывает всех лиц, которые отнесены Конвенцией ООН против коррупции к числу «публичных должностных лиц». Если лицо не уполномочено на совершение юридически значимых действий, хотя и занимает должность в законодательном, исполнительном, административном или судебном органе на постоянной или временной основе, то согласно УК такое лицо не относится к числу должностных лиц, уполномоченных на совершение юридически значимых действий. Кроме того, если лицо выполняет какую-либо публичную функцию,

в том числе для публичного ведомства или публичного предприятия, или предоставляет какую-либо публичную услугу, но не уполномочено на совершение юридически значимых действий, то это лицо также не относится к числу должностных лиц. Например, Н.А. Бабий отмечает, что внештатные сотрудники правоохранительных органов не являются по отечественному законодательству должностными лицами [6, с. 222].

Вместе с тем, изложенное выше само по себе вряд ли может поставить под сомнение правильность выделения именно тех категорий должностных лиц, которые указаны в ч. 4 ст. 4 УК. Эти лица выделяются в УК в целях дифференциации их ответственности в связи с наделением служебными полномочиями властного характера и возможностью ими злоупотребить, что выглядит вполне оправданным.

Следует отметить, что «публичное должностное лицо» в том виде, в котором оно определено в Конвенции ООН против коррупции, фактически является определением субъекта коррупционного преступления. Субъект коррупционного преступления включает более широкий круг лиц, чем должностные лица согласно ч. 4 ст. 4 УК. Соответственно возникает вопрос о том, какие еще лица, помимо должностных лиц, должны признаваться субъектами коррупционного преступления и каким образом можно обобщенно выделить эту категорию субъектов в УК.

Для этого, прежде всего, необходимо определиться с тем, какие преступления следует признавать коррупционными. В УК нет определения коррупционного преступления. В Конвенции содержится описание коррупционных преступлений подкупа, которые могут быть совершены любым «публичным должностным лицом» в его широком понимании. В этом сразу же видно различие с УК, который признает субъектом получения взятки только должностное лицо, а субъектами иных преступлений, связанных с подкупом, – таких специальных субъектов, как работник индивидуального предпринимателя или юридического лица, который не является должностным лицом (ст. 252); спортсмена, спортивного судью, тренера, руководителя команды или организатора спортивных соревнований, организатора или члена жюри зрелищного коммерческого конкурса (ст. 253) и т.д. При этом согласно ст. 1 Трудового кодекса Республики Беларусь работник – это лицо, состоящее в трудовых отношениях с нанимателем на основании заключенного трудового договора. В этой связи лицо, не являющееся работником, не может признаваться субъектом коммерческого подкупа. Равным образом не является субъектом преступления, предусмотренного ст. 253 УК, врач спортивной команды, лицо, обслуживающее спортивный инвентарь, хотя эти лица могут влиять на результаты спортивных соревнований и выступать субъектами пассивного подкупа. Подобного рода примеры можно продолжить. Например, ст. 404 УК устанавливает ответственность за подкуп свидетеля, потерпевшего или эксперта с целью принуждения к совершению различных процессуальных действий. Однако в УК нет ответственности за подкуп гражданского истца, гражданского ответчика, которые имеют право представлять доказательства в суде.

Обозначенная выше проблема определения субъекта коррупционного преступления имеет несколько решений. В практике различных стран встречались следующие основные способы определения круга «публичных должностных лиц» во внутригосударственном уголовном законодательстве:

1) внедрение в законодательство термина, который охватывает любое лицо, которое выполняет какую-либо публичную функцию, исполняет публичную обязанность, уполномочено выполнять какую-либо публичную задачу или занимает ответственную официальную должность или на которое были возложены публичные функции, независимо от того, было ли такое лицо избрано или назначено, осуществляет ли оно свои функции за плату или без оплаты и было ли оно назначено на постоянной или временной основе; 2) отказ от функционального определения и перечисление различных видов субъектов или публичных органов, в которых должно работать лицо; 3) употребление термина «агент» для обозначения всех лиц, нанятых или выступающих от имени другого лица в каком-либо качестве [9].

Первый способ чрезмерно расширяет понятие должностного лица, делая невозможным отграничение должностных лиц от любых иных лиц, например, действующих на основании гражданско-правового договора. Это делает бессмысленной приставку к слову «лицо» слова «должностное», поскольку назначение на должность не является обязательным признаком для всех лиц, которые первый подход предполагает относить к числу должностных. Второй способ не согласуется с отечественной уголовно-правовой доктриной и ведет к громоздким формулировкам в уголовном законе. Третий способ также имеет существенный недостаток, который заключается в значительно отличающейся общественной опасности деяний, совершенных с использованием властных полномочий, предоставленных государством; деяний, совершенных с использованием служебных полномочий в частном секторе; деяний, совершенных без использования властных или служебных полномочий. Это требует дифференциации уголовной ответственности указанных категорий субъектов преступлений.

Таким образом, необходимо выработать подход к определению субъекта коррупции, в максимальной степени учитывающий отечественную уголовно-правовую доктрину. При этом важно исключить необоснованное отнесение к субъектам коррупционных деяний лиц, которые таковыми не являются.

Относительно возможных исключений отдельных категорий лиц из круга субъектов коррупционных преступлений в некоторых юрисдикциях основное внимание фокусировалось на осуществлении публичных функций, поэтому из числа субъектов коррупционных преступлений, как правило, исключались госслужащие, выполняющие канцелярские обязанности, работу по обслуживанию, работу, которая не связана с властными полномочиями; следует учитывать, однако, что такие исключения могут создать лазейки при применении положений о подкупе [9].

Соответственно оптимальным видится сохранение термина «должностное лицо» в УК в существующем объеме. Иные же субъекты коррупционных преступлений, не являющиеся должностными лицами, нуждаются в систематизации на основе единых критериев. Эти критерии должны учитывать занятие должности в органах государственной власти и управления или в органах местного управления; исполнение государственных функций или значимых функций для государственных предприятий; выполнение организационно-распорядительных или административно-хозяйственных обязанностей без занятия должности или без оплаты. В основе таких критериев должна лежать способность лица быть субъектом пассивного подкупа, который

обусловлен специфическим функционалом лица – возможностью лица в связи с подкупом злоупотребить своими правами или возможностями, специально предоставленными по основаниям, предусмотренным законодательством.

Заключение

Изложенное выше позволяет сформулировать следующие выводы.

1. В связи с имплементацией Конвенции ООН против коррупции назрела необходимость упорядочения в УК Республики Беларусь круга субъектов коррупционных преступлений, которые охватываются термином «публичное должностное лицо» в смысле Конвенции.

2. Наряду с должностными лицами, определенными в ст. 4 УК, целесообразно выделить категории лиц в публичном и частном секторах, не являющихся согласно УК должностными лицами, но способных за вознаграждение злоупотреблять предоставленными им правами или ненадлежащим образом осуществлять свои обязанности.

3. К числу таких лиц следует отнести следующие категории лиц, выделенные в зависимости от осуществляемых функций: лиц, осуществляющих профессиональные функции в связи с занятием должности (секретари, референты и др.); лиц, осуществляющих профессиональные функции по основаниям, предусмотренным гражданско-правовым и иным законодательством (на основании договора, поручения, в силу возникших обстоятельств и т.д.); лиц, осуществляющих процессуальные права и обязанности, но не являющихся должностными лицами (гражданский истец, гражданский ответчик, частный обвинитель и др.); лиц, осуществляющих не профессиональные, а иные функции, прямо возложенные на них в соответствии с законодательством (члены избирательных или счетных комиссий и пр.).

Список цитированных источников

1. Голубенко, А. Е. Эволюция понятия должностного лица неизбежна / А.Е. Голубенко // Российский следователь. – 2008. – № 12. – С. 18-19.

2. Абдульманова, З. А. О проблеме признания иностранного должностного лица субъектом получения взятки / З.А. Абдульманова // Российский следователь. – 2015. – № 13. – С. 13-15.

3. Богуш, Г. Подлежат ли иностранные должностные лица ответственности по УК РФ? / Г. Богуш // Уголовное право. – 2010. – № 4. – С. 12-19.

4. Жук, М. С. Ответственность иностранных должностных лиц и системное единство институтов уголовного права / М.С. Жук // Законность. – 2011. – № 1. – С. 44-46.

5. Сидоренко, Э. Л. Статус иностранного должностного лица как субъекта транснационального подкупа: сравнительно-правовой анализ / Э.Л. Сидоренко // Международное уголовное право и международная юстиция. – 2016. – № 2. – С. 17 – 21.

6. Бабий, Н. А. Квалификация взяточничества: науч. исследование белорус. и рос. опыта / Н.А. Бабий. – Минск: Тесей, 2011. – 860 с.

7. Коррупционная преступность: криминол. характеристика и науч.-практ. коммент. к законодательству о борьбе с коррупцией / В.В. Асанова [и др.] ; под общ. ред. В.М. Хомича. – Минск: Тесей, 2008. – 504 с.

8. Руководство для законодательных органов по осуществлению Конвенции Организации Объединенных Наций против коррупции [Электронный ресурс]. – Режим

доступа: http://www.unodc.org/documents/treaties/UNCAC/Publications/LegislativeGuide/UNCAC_Legislative_Guide_R.pdf. – Дата доступа: 14.09.2018.

9. Ход осуществления Конвенции Организации Объединенных Наций против коррупции: криминализация, правоохранительная деятельность, международное сотрудничество [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.unodc.org/documents/corruption/Publications/2018/V1704681r.pdf. – Дата доступа: 14.09.2018.

Аннотация. Ратифицировав Конвенцию ООН против коррупции Республик Беларусь взяла на себя обязательство по имплементации в свое внутригосударственное законодательство положений этого международного договора о криминализации коррупции. Одним из ключевых элементов в определении объема криминализации коррупции является дефиниция субъекта коррупционного преступления. Актуальность избранной для исследования тематики обусловлена значением борьбы с коррупцией в современном белорусском обществе, что требует однозначного определения в уголовном законе круга лиц, способных совершать коррупционные преступления. В статье рассматриваются важные для белорусского законодательства проблемы определения субъекта коррупционного преступления. Проанализированы нормы Конвенции, а также материалы Организации Объединенных Наций. На основании выявленных различий между Конвенцией ООН против коррупции и Уголовным кодексом Республики Беларусь предложены направления дальнейшего совершенствования законодательства Республики Беларусь в части установления круга субъектов коррупционных преступлений.

PROBLEMS OF DETERMINING THE SUBJECT OF CORRUPTION CRIME IN THE LIGHT OF IMPLEMENTATION OF THE UN CONVENTION AGAINST CORRUPTION

Sascheko P.

Keywords: public official, corruption, bribe, bribery, abuse of power.

Abstract. Having ratified the UN Convention against Corruption, the Republic of Belarus undertook the obligation to implement the provisions of this international treaty on the criminalization of corruption in its domestic legislation. One of the key elements in determining the extent of criminalization of corruption is the definition of the subject of a corruption criminal offence. The topicality of issue chosen for study is determined by the importance of fighting corruption in modern Belarusian society, this requires an unambiguous definition in the criminal law of a range of persons capable of committing corruption criminal offences. The article deals with the problems, which are important for the Belarusian legislation, regarding defining the subject of a corruption criminal offrencr. The norms of the Convention, as well as the materials of the United Nations, are analysed. On the basis of the revealed differences between the UN Convention against Corruption and the Criminal Code of the Republic of Belarus, directions for further improvement of the legislation of the Republic of Belarus regarding the establishment of a range of subjects of corruption criminal offences are offered.

УДК 343.13:004.421

КОНЦЕПЦИЯ ЭЛЕКТРОННОГО УГОЛОВНОГО ПРОИЗВОДСТВА

Столетний А.В.

Ключевые слова: электронное уголовное производство, концепция, дорожная карта, этапы внедрения, мероприятия, подсистемы, программное обеспечение.

Введение

Информатизация социальных, экономических, культурных условий жизни общества и государства актуализирует необходимость обеспечения эффективными инновационными процессуальными процедурами осуществление уголовного производства. В современных условиях информационного общества ведущими государствами мира на досудебном расследовании используются электронные уголовные процессуальные процедуры.

Применение информационных и телекоммуникационных технологий во время досудебного расследования частично исследовали украинские ученые В.В. Белоус, В.В. Бирюков, В.А. Голубев, Н.В. Карчевский, Е.Д. Лукьянчиков, Т.В. Михальчук, А.В. Молдован, А.С. Рыбченко, И.В. Рогатюк, М.И. Смирнов, А.Ю. Татаров, В.Г. Уваров, И.Ф. Хараберюш, Д.М. Цехан, С.С. Чернявский и др. Данному вопросу посвятили труды российские ученые, в частности А.Ф. Абдулвалиев, А.Х. Гарифуллина, Н.А. Колоколов, Ю.Н. Соколов, О.С. Сухарева, В.А. Терехин, А.Е. Федюнин и др.

В то же время остается нерешенным вопрос систематического использования в уголовно-процессуальной деятельности инновационных достижений, направленных на максимально быструю и эффективную уголовную процессуальную процедуру.

Цель данного исследования заключается в формировании на основе теоретического анализа и с учетом правоприменительной практики концепции электронного уголовного производства.

Основная часть

Объектом исследования являются уголовные процессуальные общественные отношения, возникающие при осуществлении процессуальной деятельности по использованию электронных средств фиксации и коммуникации.

Предметом исследования является электронное уголовное производство.

Методологической основой исследования является совокупность общенаучных и специально-юридических методов: системного анализа, аналогии, диалектический, системно-структурный, компаративистский, формально-юридический, правового моделирования, синергетический и др.

В современных условиях информационного общества введение электронных уголовных процессуальных процедур является объективной необходимостью и условием эффективного функционирования уголовной юстиции.

Производство по уголовному делу в электронном виде имеет, по мнению А.В. Качаловой и Ю.А. Цветкова, значительные преимущества перед бумажным форматом [1, с. 96].

А.Ф. Абдулвалиев считает, что одним из первых шагов в модернизации уголовного судопроизводства должен стать переход на новую форму уголовного

дела и отказ от бумажных процессуальных документов. В свете этого в качестве альтернативы предлагается использовать электронную форму уголовного дела, которое должно в значительной мере упростить процедуры сбора доказательств и составления процессуальных документов [2, с. 58].

А.Х. Гарифуллина и О.С. Сухарева рассматривают возможность замены протокола следственных действий и других процессуальных документов предварительного расследования на электронный протокол, понимая последний как новый вид доказательства и новый элемент удостоверительного аспекта уголовного судопроизводства [3].

В отдельных государствах уже сегодня созданы специализированные электронные системы для осуществления уголовного производства. Сказанное подтверждает опыт использования специализированных электронных систем во время уголовного производства в Англии («Criminal Justice System Exchange», «Compass», «Libra»), США («Oasis», «Magic Lantern», «Fluent»), Новой Зеландии («Electronic Operating Model»), Канаде в провинции Альберта («Criminal e-File»), Германии («INPOL-neu», «rsCASE», «Koyote», «Fall Bearbeitungs-SystemTHüringen»), Швеции («DurTvå», «Cåbra», «Vera»), Финляндии («Sakari»), Бельгии («e-Justice», «Tax-on-Web», «Policeon-Web»), Чехии («E-Case Management System»), Украине («Единый реестр досудебных расследований»).

Существующий переходный формат уголовного процесса Украины является ярким примером такой продолжающейся инновационной трансформации. Действующий Уголовный процессуальный кодекс Украины (далее – УПК Украины) ввел ряд актуальных технологических решений по осуществлению электронных процессуальных процедур и их инновационной фиксации. Однако электронные процессуальные процедуры и средства на сегодня функционируют как обособленные институты, не связанные между собой ни структурно, ни системно. Указанное обуславливает создание концепции по объединению разрозненных электронных систем органов уголовной юстиции интегрированным электронным уголовным процессуальным средством и функционирования как единой системы. Аналогичная проблема электронного реформирования уголовного производства присуща большинству государств, в которых идет соответствующий процесс. Учитывая указанное, а также универсальность предлагаемых нами теоретических положений и концепции, это позволяет применять их другими государствами как дорожную карту инновационного совершенствования уголовного производства.

Электронное уголовное производство (далее – ЭУП) – режим уголовно-процессуальной деятельности, основанный на композиционных алгоритмах автоматизированных уголовных процессуальных процедур (Единого реестра досудебных расследований) и интегрированных с ним электронных информационных систем, осуществляемый субъектами в электронном формате и зафиксированный в официальном электронном процессуальном документе [4].

Внедрение ЭУП предусматривает четыре этапа:

I. Формирование/Совершенствование информационно-телекоммуникационной системы (далее – ИТС) стороны обвинения. Данный этап предусматривает осуществление мероприятий по:

– дополнению уголовного процессуального закона принципами «приоритета официального электронного процессуального документа» и «открытости электронного производства»; создание нормативно-правового акта,

регулирующего организационные и процессуальные аспекты функционирования электронной системы ЭУП и акта, который регулирует технические аспекты функционирования электронной системы ЭУП;

− созданию/совершенствованию ИТС стороны обвинения, что включает подсистемы: электронное досье уголовного производства; шаблоны электронных процессуальных документов; личный виртуальный кабинет (далее – ЛВК) / автоматизированное рабочее место (далее – АРМ); управление деятельностью и организационными правилами; обучение; аналитика и визуализация; учет деятельности; информационная безопасность;

− созданию/совершенствованию ИТС суда;

− привлечению субъектов ЭУП: держатель ИТС; администратор(ы) ИТС; субъекты стороны обвинения: прокурор, следователь (детектив), руководитель прокуратуры, руководитель органа досудебного расследования и тому подобное.

II. Привлечения суда (следственного судьи) к ЭУП:

− создание модуля обмена структурированной электронной информацией между ИТС стороны обвинения и ИТС суда;

− создание интегрированной системы (далее – ИС) ИС ЭУП;

− привлечение субъектов ЭУП: следственный судья, секретарь судебного заседания, работник аппарата суда и тому подобное.

III. Привлечение всех субъектов уголовного производства в ЭУП с помощью электронной почты:

− создание интеграционной шины двусторонней коммутации между ИС ЭУП и внешними ресурсами цифрового обмена сообщениями (электронная почта);

− интеграция общегосударственных реестров и баз данных по ИС ЭУП;

− налаживание электронной коммуникации стороны обвинения с субъектами властных полномочий;

− привлечение субъектов ЭУП: потерпевший, его представитель; лицо, которое привлекается к уголовной ответственности; защитник; заявитель; гражданский истец, гражданский ответчик, их представители; законный представитель гражданского истца; свидетель; переводчик; эксперт; специалист; поручитель; залогодатель и т.п.

IV. Переход к осуществлению электронных уголовных процессуальных процедур (ЭУПП) с использованием ЛВК (АРМ). Данный этап предусматривает осуществление мероприятий по:

− создание ЛВК (АРМ) для всех субъектов уголовного производства;

− создание в ИС ЭУП подсистемы координации и планирования;

− замена инструмента коммуникации для субъектов ЭУП привлеченных во время 3 этапа с электронной почты на ЛВК (АРМ).

Кроме того, все этапы требуют осуществления мероприятий по:

− **созданию программного обеспечения:** разработка комплексного технического задания: анализ требований, концептуальное проектирование; разработка программного обеспечения: проектирование, разработка, тестирование функциональности, применимости и безопасности; аудит информационной и криптографической безопасности программного обеспечения; тестирование действенности и производительности интеграционной среды ЭУП в форме пилотного проекта;

− **расширению инфраструктуры:** увеличение мощностей центров хранения и обработки данных ЭУП; обеспечение подразделений органов досудебного

расследования, прокуратуры и суда устройствами для оцифровки документов, полученных в бумажной форме; увеличение пропускной способности сетевого подключения помещений органов досудебного расследования, прокуратуры и суда для обеспечения субъектов уголовного производства возможностью работать с видео-файлами и другими материалами большого объема;

− **обучению субъектов ЭУП работе с функционалом электронной системы:** создание специализированных программ-тренажеров; профессиональное обучение и повышение квалификации (например, на базе Национальной академии прокуратуры Украины).

Подсистемы ИС ЭУП:

1) Электронное досье уголовного производства.

Полностью или частично доступное субъектам уголовного производства согласно их статусу в производстве, объему процессуальных полномочий и состоянию (этапу) досудебного расследования.

Досье включает:

− метаданные – структурированная информация, характеризующая электронное производства: дата, субъекты и средства внесения или осуществления изменений, наполнение и размер дела после каждого из изменений, субъекты, которые просматривали производства, данные о ходе и содержании обмениваемыми в электронной системе данными и тому подобное);

− права доступа – сведения о субъектах или их группах, которые имеют доступ к электронному досье уголовного производства или его части, уровня их доступа (регистратор, регистратор и пользователь, пользователь);

− документы производства – материалы производства, которые хранятся как структурированные совокупности данных или электронные документы (сгенерированные системой или загружены субъектом).

Обеспечивается доступ к материалам производства в порядке ведомственного контроля путем разработки алгоритма определения уровня и объема доступа к электронному досье уголовного производства и ручное (мануальное) присоединение в случаях невозможности автоматизации процесса.

Устраняет потребность ведения надзорного производства и, как следствие, создание электронного надзорного производства.

2) Шаблоны электронных процессуальных документов.

Создание функции формирования электронного документа путем заполнения (автоматизированного, из имеющихся в системе данных) электронных полей системы унифицированных шаблонов электронных процессуальных документов.

Разработка унифицированных шаблонов электронных процессуальных документов обеспечит их устойчивость и структурированность формы.

Алгоритм формирования электронного процессуального документа: выбор шаблона электронного документа → автоматическое заполнение структурированной информацией → внесение уполномоченным должностным лицом данных в электронные цифровые контуры → наложения ЭЦП автором → потребности: а) согласование прокурором, руководителем; б) подписания (с помощью ЭЦП) участниками процессуального действия.

Не предусматривает полный отказ от бумажных носителей информации. В случае отсутствия доступа к электронной процедуре, например, при выявлении признаков уголовного правонарушения на морском или речном судне,

находящемся за пределами Украины, чрезвычайных природных или техногенных катаклизмах, сбоях в работе электронной системы, антитеррористическом режиме, военном положении и т. п. сведения вносятся в ИС ЭУП при первой возможности.

3) Личный виртуальный кабинет (Автоматизированное рабочее место).

Электронное досудебное расследование осуществляется субъектами уголовного производства в личных виртуальных кабинетах (ЛВК).

Вход в ЛВК и подтверждение совершаемых в нем действий (подписание или согласование документов) будет осуществляться с помощью электронного цифрового ключа.

Структурные составляющие ЛВК образуют модули:

− управление электронными досье уголовных производств – сортировка, профилирование, приоритезация, управление доступом и обмен данными в соответствии с автоматизированными маршрутами движения информации;

− информирование – подсистемы электронных уведомлений о полученных документах и актуальных задачах, функционирующие по принципу «электронной почты»: перечень задач согласования документов; уведомление для оперативного контроля соблюдения или выполнения задач;

− календарь для планирования и контроля задач – сетевой планировщик для назначения рабочих встреч и совещаний с автоматическим уведомлением участников.

4) Управление деятельностью и организационными правилами.

Подсистема управления деятельностью и организационными правилами обеспечит быструю настройку и внедрение автоматизации организационных процедур взаимодействия субъектов уголовного производства между собой в пределах и порядке, определенном УПК Украины.

Разработка на основе норм УПК Украины алгоритмов всех электронных уголовных процессуальных процедур во время досудебного расследования и их отражение в подсистеме управления деятельностью и организационными правилами (электронный уголовный процессуальный контроль) для обеспечения совершения субъектами уголовного производства исключительно тех действий и в порядке, определенном уголовным процессуальным законом.

Введение трех видов автоматизированного уголовного процессуального контроля: превентивный, текущий, последующий [4].

5) Обучение.

Специализированная программа-тренажер обучения работе в ЛВК.

Интегрированная подсистема повышения квалификации кадров (для прокуроров – интеграция с порталом электронного обучения НАПУ).

6) Аналитика. Визуализация.

Схематическое или графическое представление уголовной процессуальной информации – визуализация данных в понятных и четких, логически выстроенных формах. Две ВФ: «Диаграмма» и «Карта».

Модификации формы визуализации: 1) относительно заданной даты (периода); 2) в режиме реального времени.

Онлайн-визуализация: динамические графики, диаграммы, интерактивные карты, отображающие данные ЭКП в режиме реального времени [4].

7) Учет деятельности.

Дополнения видовыми и родовыми категориями, которые будут учитываться в электронной системе.

Максимальное структурирование информации, что учитывается.

Расширения функциональности отчетов и введение подсистемой автоматического формирования стандартных отчетов на основе внесенных сведений.

Автоматическое формирование отчетности.

Устранение дублирующих учетных подсистем.

Введение единых классификаторов в государственных реестрах и базах данных субъектов досудебного расследования.

8) Информационная безопасность.

Создание Аккредитованного центра сертификации ключей (АЦСК) для обеспечения субъектов ЭУП электронными цифровыми подписями с целью разграничения доступа к данным.

Создание Комплексной системы защиты информации (КСЗИ) для ИС ЭУП по модульному принципу.

9) Координация и планирование.

Планирование и согласование событий между субъектами досудебного расследования (в том числе автоматический) для согласования следственных и процессуальных действий: рассмотрения ходатайств, допроса, ознакомления с материалами производства и других событий.

Календарь процессуальных действий. Для процессуальных действий: рассмотрения ходатайств, проведения видео-конференций во время следственных и процессуальных действий, допросы, конвоирование задержанных (заключенных) и другие процессуальные события предусмотрено единую модель управления, где каждая интегрированная информационная система предоставляет информацию о доступности субъектов досудебного расследования, что является обязательными участниками такого действия, ресурсов (залы судебных заседаний, устройства для видео-конференций, автомобили и персонал для конвоирования заключенных), планирование, согласование действий, а электронная система централизованно координирует и планирует соответствующие события в рамках определенных законом сроков.

Заключение

Введение ЭУП направлено на достижение следующих положительных результатов:

I. Упрощение процедуры досудебного расследования:

– электронный формат общения между субъектами уголовного производства, удаленный доступ к материалам следствия (удобство и оперативность);

– существенное снижение вероятности потери, удаления или фальсификации материалов досудебного расследования;

– устранение необходимости перевозки или пересылки бумажных носителей.

II. Усовершенствование системы процессуального контроля и надзора:

– самостоятельное получение субъектами надзора актуальной информации в минимальные сроки;

– автоматизированный контроль процессуальных нарушений путем обработки расширенной базы анализируемого материала (за счет перевода значительной части бумажных данных в электронные) в минимальные сроки.

III. Экономия бюджетных средств:

– сокращение расходов на расходные материалы (бумага, краска и тому подобное), пересылка (конверты, почтовые услуги), процессуальную экспедицию;

– экономия фонда заработной платы путем сокращения численности работников надзорных и контролирующих отделов, канцелярии, экспедиции;

– экономия ресурсов хранения бумажных производств (уменьшение размеров архивов).

IV. Повышение качества работы органов прокуратуры и органов досудебного расследования за счет устранения бюрократических процедур и перераспределение ресурсов на реальное расследование преступлений.

V. Повышение социального капитала:

– общественного доверия к правоохранительным и судебным органам в целом;

– уровня доверия экспертной среды (адвокаты, юристы) к правоохранительным и судебным органам;

– улучшение рейтинга Украины в международных справочниках, связанных с эффективностью правоохранительной и судебной систем.

Реализация предлагаемой концепции позволит качественно реформировать уголовное производство во время досудебного расследования на основе эффективной, продуктивной и скоординированной системы электронного взаимодействия субъектов досудебного расследования, что будет свободным от любого внепроцессуального воздействия и соответствовать стандартам и передовым практикам Европейского Союза.

Список цитированных источников

1. Качалова, О. В. Электронное уголовное дело – инструмент модернизации уголовного судопроизводства / О. В. Качалова, Ю. А. Цветков // Российское правосудие. – 2015. – № 2. – С. 95–101.

2. Абдулвалиев, А. Ф. Предпосылки и перспективы внедрения электронной формы уголовного дела в деятельность судебных органов / А. Ф. Абдулвалиев // Право и политика. – 2013. – № 1 (157). – С. 58–65.

3. Гарифуллина, А. Х. Электронный протокол как новый вид доказательства и новый элемент удостоверительного аспекта уголовного судопроизводства / А. Х. Гарифуллина // Вестник Казанского юридического института МВД России. – 2012. – № 9. – С. 111–117.

4. Столетний, А. В. Электронное уголовное производство: предпосылки возникновения, современное состояние и перспективы развития : Монография / А. В. Столетний. – К.: Издательский дом «АртЕк» – 2016. – 724 с.

Аннотация. В статье предложена концепция электронного уголовного производства (ЭУП), что может применяться как дорожная карта инновационного совершенствования уголовного производства.

Введение ЭУП предусматривает четыре этапа: 1) формирование / совершенствование информационно-телекоммуникационной система стороны обвинения; 2) привлечение суда (следственного судьи) к ЭУП; 3) привлечение всех субъектов уголовного производства в ЭУП с помощью электронной почты; 4) переход к осуществлению электронных уголовных процессуальных процедур с использованием личных виртуальных кабинетов.

На выполнение определенных этапов предусмотрено проведение мероприятий по: созданию нормативной базы; созданию программного обеспечения; совершенствованию функциональной архитектуры интеграционного среды; расширению инфраструктуры; обучению работе с функционалом электронной системы; привлечение субъектов уголовного производства в ЭУП.

Интегрированная система ЭУП включает подсистемы: электронное досье уголовного производства; шаблоны электронных процессуальных документов; личный виртуальный кабинет / автоматизированное рабочее место; управление деятельностью и организационными правилами; обучение; аналитика и визуализация; учет деятельности; информационная безопасность; координация и планирование.

Введение ЭУП направлено на достижение ряда положительных результатов относительно упрощения процедуры досудебного расследования, усовершенствование системы процессуального контроля и надзора, экономию бюджетных средств, повышение качества работы органов прокуратуры и органов досудебного расследования за счет устранения бюрократических процедур и перераспределение ресурсов на реальное расследование преступлений, повышение социального капитала.

THE CONCEPT OF ELECTRONIC CRIMINAL PROCEEDINGS

Stoletniy A.V.

Keywords: electronic criminal proceedings, concept, road map, stages of implementation, activities, subsystems, software.

Abstract. The article proposes the concept of electronic criminal proceedings (EAP), which can be used as a roadmap for innovative improvement of criminal proceedings.

The introduction of the EAP provides for four stages: 1) formation / improvement of the information and telecommunication system of the prosecution; 2) involvement of the court (investigating judge) to the EAP; 3) involvement of all subjects of criminal proceedings in the e-mail; 4) the transition to the implementation of electronic criminal procedural procedures using personal virtual offices.

To perform certain stages, it is planned to carry out measures to: create a regulatory framework; create software; improve the functional architecture of the integration environment; expand the infrastructure; learn how to work with the functionality of the electronic system; involve the subjects of criminal proceedings in the electronic control SYSTEM.

The integrated system includes subsystems: electronic dossier of criminal proceedings; templates of electronic procedural documents; personal virtual office / workstation; management of activities and organizational rules; training; Analytics and visualization; activity accounting; information security; coordination and planning.

The introduction of EEP is aimed at achieving a number of positive results regarding the simplification of the pre-trial investigation procedure, improvement of the system of procedural control and supervision, budget savings, improving the quality of work of the Prosecutor's office and pre-trial investigation bodies by eliminating bureaucratic procedures and reallocation of resources for the real investigation of crimes, increasing social capital.

УДК 343

К ВОПРОСУ О СОВЕРШЕНСТВОВАНИИ ОТСРОЧКИ ОТБЫВАНИЯ НАКАЗАНИЯ В УСЛОВИЯХ РЕФОРМИРОВАНИЯ УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН

Филипец О.Б.

Ключевые слова: гуманизация, уголовное законодательство, наказание, отсрочка отбывания наказания, освобождение от наказания.

Введение

В Республике Казахстан становление суверенитета повлекло за собой глубокие и коренные изменения в области права. В период интенсивного реформирования законодательства и, в частности, уголовного, в республике большое внимание уделяется проблемам жесткого противодействия преступности, с одной стороны, и вопросам гуманизации уголовного законодательства, с другой.

Первый уголовный закон Республики Казахстан 1997 года, утративший силу 1 января 2015 года, практически в полной мере отвечал важнейшим общеправовым принципам, среди которых наиболее значимыми и главенствующими выступали принцип гуманизма и принцип справедливости. Именно данным принципам в первую очередь соответствовал Уголовный кодекс Республики Казахстан 1997 года, «который призван бороться с преступностью специфическими формами и методами» [1, с. 3].

Поэтапное реформирование уголовного законодательства повлекло за собой принятие нового Уголовного кодекса Республики Казахстан (далее – УК РК) от 3 июля 2014 года, который вступил в силу 1 января 2015 года. Уголовный закон 2014 года имеет существенные особенности в сравнении с ранее действующим УК РК, и основным направлением его дальнейшего совершенствования является гуманизация. Свидетельством чего служат последние поправки в законодательство республики. Так, основные положения Закона Республики Казахстан от 12 июля 2018 года № 180 «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам совершенствования уголовного, уголовно-процессуального законодательства и деятельности правоохранительных и специальных государственных органов» направлены на гуманизацию уголовного, уголовно-процессуального и уголовно-исполнительного законодательства.

Указанный закон, вступивший в силу 31 июля 2018 года, разработан Генеральной прокуратурой во исполнение поручения главы государства, данного в январском Послании «Новые возможности развития в условиях четвертой промышленной революции».

Всего поправки коснулись 262 статей Уголовного, 45 – Уголовно-процессуального и 9 – Уголовно-исполнительного кодексов. В частности, по 247 преступлениям небольшой и средней тяжести, не связанным с причинением смерти человеку, в качестве альтернативного наказания впервые вводятся общественные работы, что позволит использовать труд осужденных во благо

общества. ... В целом за годы реформ в стране отмечается ежегодное снижение преступности на 7-10%.

С 2012 года тюремное население сократилось на 19 тыс. человек (с 52 тыс. до 33 тыс.), но это не повлияло на криминогенную ситуацию. Так, в сравнении с 2012 годом, в 2017 году на 22 % снизилось число тяжких и особо тяжких преступлений, на 43 % –изнасилований (1,3 тыс. против 2,3 тыс.), на 59 % – разбоев (700 против 1700) [2].

Необходимо отметить, что УК РК наряду с наказаниями за совершение уголовных правонарушений (уголовных проступков и преступлений) устанавливает иные меры уголовно-правового воздействия (ст. 2 УК РК).

К числу таких важнейших и необходимых мер противодействия преступности можно отнести отсрочку отбывания наказания (ст. 74, ч. 2 ст. 76 УК РК). Мы полностью разделяем позицию У.С. Джекебаева, который отмечает: «В борьбе с преступностью уголовное наказание является не единственным и даже не основным средством борьбы» [3, с. 35].

Основная часть

Отсрочка отбывания наказания, являясь самостоятельным уголовно-правовым институтом и одним из экономных гуманных карательных средств, в первую очередь направлена не только на смягчение уголовной ответственности и наказания, а ставит своей основной целью исправление осужденного без реального отбывания наказания в условиях строгого контроля со стороны уполномоченного государственного органа (службы пробации).

Отсрочку отбывания наказания правильно относят к числу реальных альтернатив «тюремному заключению» не только в Республике Казахстан, но и во многих странах ближнего и дальнего зарубежья. Многим странам мира известны прогрессивные методы и средства противодействия преступности, обладающие свойством кары, но при этом направленные на исправление лица без его изоляции от общества. Так, в частности, уголовному законодательству Англии, Голландии, США, известен институт пробации, тождественный по своим юридическим признакам институту отсрочки отбывания наказания, предусмотренного отечественным уголовным законом. Большинство стран СНГ (Грузия, Кыргызская Республика, Республика Беларусь, Российская Федерация и другие) в своем уголовном законодательстве также предусмотрели нормы об отсрочке.

Наличие отсрочки отбывания наказания в уголовном законодательстве Республики Казахстан является свидетельством гуманизма и заботы государства не только о лице, совершившем уголовное правонарушение, но и, что немаловажно, о его близких.

Одним из направлений совершенствования казахстанского уголовного законодательства является дальнейшее реформирование института отсрочки отбывания наказания. Необходимо отметить, что в правоприменительной деятельности относительно реализации норм об отсрочке отбывания наказания возникают определенные трудности, что можно объяснить несовершенством законодательного регулирования этого института и недостаточной теоретической разработанностью данной проблемы. На протяжении многих лет относительно норм об отсрочке в теории уголовного права возникали острые разногласия, причем большинство неразрешенных вопросов применительно

к нормам об отсрочке отбывания наказания остаются открытыми до настоящего времени.

В первые годы суверенитета до 1998 года в Республике Казахстан фактически действовало законодательство советского периода 1959 года с поправками и изменениями, обусловленными новым курсом уголовной политики. Уголовное, уголовно-процессуальное и уголовно-исполнительное законодательства Республики Казахстан до 1998 года предусматривало отсрочку исполнения приговора в отношении следующих категорий осужденных:

1) военнослужащего или военнообязанного в военное время (предоставлялась до окончания военных действий);

2) лица, впервые осужденного к лишению свободы на срок до трех лет, при возможности его исправления и перевоспитания без изоляции от общества (предоставлялась на срок от одного года до двух лет);

3) ввиду тяжелой болезни осужденного, препятствующей отбыванию наказания (предоставлялась осужденному до его выздоровления);

4) осужденной беременной женщины (предоставлялась на срок не более одного года);

5) в отношении осужденной женщины при наличии у нее малолетнего ребенка (предоставлялась до достижения ребенком трехлетнего возраста);

6) в случае, когда немедленное отбывание наказания могло повлечь за собой наступление тяжких последствий для осужденного или его семьи (предоставлялась на срок не более трех месяцев).

Не возникает сомнений в том, что законодатель Республики Казахстан и в 1997 году, и в 2014 году при разработке норм об отсрочке отбывания наказания учитывал не только современные требования правовой политики, но и исторический опыт применения норм об отсрочке исполнения приговора.

Уголовный закон Казахстана 2014 года в части нормативного закрепления отсрочки отбывания наказания сохранил позицию УК РК 1997 года. В действующей редакции УК РК 2014 года предусмотрено четыре вида отсрочки отбывания наказания:

беременным женщинам;

женщинам, имеющим малолетних детей;

мужчинам, в одиночку воспитывающим малолетних детей;

вследствие стечения тяжелых обстоятельств [4].

Кроме того, Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан (далее – УПК РК) 2014 года помимо этих видов сохранил возможность представления отсрочки вследствие тяжелой болезни осужденного, препятствующей отбыванию наказания (ч.1 ст.475 УПК РК) [5].

Таким образом, два нормативных правовых акта, в данном случае УК РК И УПК РК вступают между собой в противоречие, в части категорий лиц и оснований применения отсрочки, что является недопустимым.

Отдельные исследователи в области уголовного права утверждают, что отсрочка отбывания наказания по своей юридической природе является видом освобождения от наказания [6, с. 63; 7, с. 55; 8, с. 90; 9, с. 38], так как норма об отсрочке помещена в один ряд с такими видами освобождения от наказания, как, например, освобождение от уголовного наказания в связи с болезнью (ст. 75 УК РК).

С подобной позицией мы не можем согласиться. По нашему мнению, отсрочка отбывания наказания не является видом освобождения от наказания. Норма об отсрочке отбывания наказания, как и норма об условном осуждении, предусматривает возможность такого осуждения лица за совершенное им уголовное правонарушение, при котором назначенное судом наказание реально не исполняется. В соответствии с проявлением принципа гуманизма, назначение указанных реально не исполняемых мер наказания осуществляется в тех случаях, когда, по мнению суда, цели, стоящие перед наказанием, могут быть достигнуты иным способом, то есть без фактического отбывания наказания в силу обстоятельств, характеризующих как личность виновного, так и содеянное им.

Суть отсрочки отбывания наказания заключается в том, чтобы перенести отбывание наказания на более поздний срок или же в будущем полностью освободить осужденного от отбывания наказания в зависимости от его поведения и соблюдения условий отсрочки.

Нельзя отрицать, правовую близость отсрочки отбывания наказания и освобождения от наказания. Например, в случае соблюдения осужденным указанных в законе условий, суд в дальнейшем может освободить осужденного от отбывания наказания. Однако применение отсрочки отбывания наказания предусматривает и возможность реального исполнения наказания, причиной чего может служить ненадлежащее поведение осужденного. Следовательно, освобождение от наказания – лишь один из возможных вариантов последствий отсрочки, который не может полностью раскрывать ее юридическую природу.

Если отсрочку отбывания наказания признать освобождением от наказания, то получается, что осужденный будет освобожден от наказания дважды. Если осужденного освобождают от наказания при вынесении приговора, то не будет понятно, от чего он должен быть освобожден по истечении срока отсрочки в будущем.

Признание отсрочки отбывания наказания одним из видов освобождения от наказания «является неудовлетворительным и для судебной практики, так как может ослабить воздействие приговора на осужденного, вызвать у виновного чувство безнаказанности за совершенное преступление, создать подобное мнение у окружающих, и нередко, является одной из причин плохой организации воспитательной работы с осужденными» [10, с. 24].

Справедливо отмечает В.М. Хомич: «Осуждение с отсрочкой исполнения назначенного наказания и осуждение с условным неприменением назначенного наказания, представляют собой самостоятельные меры уголовно-правового воздействия, основанные на возможности достижения целей уголовной ответственности без реального применения назначенного наказания» [11, с. 143].

По нашему мнению, отсрочка отбывания наказания имеет собственное содержание и, реализуя цели уголовного наказания, действует несколько иначе, чем освобождение от наказания, и поэтому ее нельзя ни при каких обстоятельствах признавать в качестве одного из видов освобождения от уголовного наказания.

Если провести анализ такого вида освобождения от наказания, как освобождение от наказания по болезни (ст. 75 УК РК), то можно прийти к выводу о том, что эта норма по своей правовой природе является фактически разновидностью отсрочки отбывания наказания.

Заключение

В заключение сформулируем следующие выводы и предложения.

1. Сравнительно-правой анализ действующего уголовного и уголовно-процессуального законодательства Республики Казахстан позволил выявить следующий недостаток: в п. 1 ч. 1 ст. 475 УПК РК предусмотрено применение отсрочки в отношении осужденного лица, заболевшего тяжелой болезнью, препятствующей отбыванию наказания – до его выздоровления. Мы считаем, что законодатель пошел по верному пути, сохранив в процессуальном законе данное положение об отсрочке. Однако следует отметить, что в уголовном законодательстве нашей Республики такой вид отсрочки не предусмотрен. Вместе с тем, ст. 75 УК РК предусматривает освобождение от наказания в связи с болезнью. То есть налицо противоречие относительно данного вопроса в уголовном и уголовно-процессуальном законодательстве Республики, которое должно быть устранено. Тем более, что ч. 3 ст. 75 УК РК по своему содержанию и основным признакам фактически представляет не разновидность освобождения от наказания, а один из видов отсрочки отбывания наказания, поскольку содержит положение о том, что лица, к которым была применена ст. 75 УК РК, «в случае их выздоровления подлежат уголовной ответственности и наказанию, если не истекли сроки давности привлечения к уголовной ответственности или обвинительного приговора» [4].

2. Позицию о том, что ст. 75 УК РК содержит положение не об освобождении лица, а об отсрочке отбывания наказания можно обосновывать исходя из следующего – решение об освобождении осужденного в связи с болезнью не является окончательным: в случае выздоровления лица, освобожденного по болезни, с учетом всех обстоятельств, суд может направить его для дальнейшего отбывания оставшегося срока наказания в учреждение, где отбывается назначенное судом первоначально наказание. То есть применение к осужденному ст.75 УК РК не освобождает его окончательно от наказания, а к нему фактически применяют отсрочку его отбывания на время болезни – до его выздоровления. В этой связи позиция законодателя в УПК РК представляется более правильной.

Руководствуясь вышеизложенным, правильным, по нашему мнению, будет предусмотреть в уголовном законе Республики Казахстан новый вид отсрочки – отсрочку отбывания наказания в связи с болезнью и изложить ст. 75 УК РК в новой редакции:

«Статья 75. Отсрочка отбывания наказания в связи с болезнью

1. Лицо, отбывающее наказание, у которого после совершения уголовного правонарушения наступило психическое расстройство, лишающее его возможности осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) либо руководить ими, подлежит отсрочке отбывания наказания. Таким лицам суд может назначить принудительные меры медицинского характера, предусмотренные настоящим Кодексом.

2. Лицо, страдающее иной тяжелой болезнью, препятствующей отбыванию наказания, кроме пожизненного лишения свободы подлежит отсрочке отбывания наказания или наказание может быть заменено более мягким видом наказания с учетом характера заболевания, тяжести совершенного уголовного правонарушения, личности осужденного и других обстоятельств.

3. Лица, указанные в частях первой и второй настоящей статьи, в случае их выздоровления, в зависимости от поведения осужденного лица, могут быть освобождены судом от отбывания наказания или назначенное наказание может быть заменено более мягким видом наказания либо суд может принять решение о направлении осужденного лица в соответствующее учреждение для отбывания наказания.»

Указанные выводы и предложения направлены на дальнейшее совершенствование норм об отсрочке отбывания наказания, являющихся реальной альтернативой уголовному наказанию.

Список цитированных источников

1. Поленов, Г. Ф. Назначение наказания. – Алматы: «БОРКИ», 1998. – 72 с.
2. Информационно-аналитический портал: Резонанс.kz [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://rezonans.kz/obshchestvo/ - Дата доступа: 06.09.2018.
3. Джекебаев, У. С., Судакова, Р. Н., Шапинова, С. А., Балтабаев, К. Ж. и др. Криминологические и уголовно-правовые проблемы наказания. – Алма-Ата: Наука, 1983. – 208 с.
4. Уголовный кодекс Республики Казахстан от 3 июля 2014 года № 226-V ЗРК. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://adilet.zan.kz/ – Дата доступа: 05.09.2018.
5. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан от 4 июля 2014 года № 231-V ЗРК. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://adilet.zan.kz/ – Дата доступа: 05.09.2018.
6. Русакова, Т. П. Проблемы законодательного регламентирования уголовно-правового института освобождения от наказания // Актуальные вопросы правоведения в период совершенствования социалистического общества / Отв. ред. В. Ф. Волович. – Томск: Издательство ТГУ, 1988. – С. 62-64.
7. Гаверов, Г. С. Уголовно-правовые меры, не связанные с лишением свободы, и их применение к несовершеннолетним правонарушителям. – Иркутск, 1981. – 97 с.
8. Дьяков, С. В., Игнатьев А. А., Лунеев В. В., Никулин С. И. Уголовное право. – М.: Издательская группа НОРМА-ИНФРА-М, 1999. – 416 с.
9. Посмаков, П. Н., Семушкин В. И. Правовая природа наказаний и иных мер уголовно-правового характера, не связанных с изоляцией осужденного от общества, в законодательстве Казахстана // Правовые основы деятельности уголовно-исполнительных инспекций в Республике Казахстан / Под ред. К. Х. Рахимбердина, М. Р. Гета. – Усть-Каменогорск: Медиа-Альянс, 2004. – С. 37–46.
10. Ломако, В. А. Применение условного осуждения. – Харьков: Вища школа, 1976. – 125 с.
11. Комментарий к Уголовному кодексу Республики Беларусь / Н.Ф. Ахраменка, Н.А. Бабий, А.В. Барков и др.; Под общ. ред. А.В. Баркова. – Мн.: Тесей, 2003. – 1200 с.

Аннотация. Настоящая статья посвящена актуальным вопросам совершенствования норм об отсрочке отбывания наказания, предусмотренных уголовным законодательством Республики Казахстан. В статье исследуется проблема противоречий между уголовным и уголовно-процессуальным законами Республики Казахстан в части видовой характеристики отсрочки отбывания наказания. Автором подвергнут анализу один из видов освобождения от уголовного наказания – в связи с болезнью осужденного, на

основании чего получены выводы о том, что данный вид освобождения по своим юридическим признакам целесообразно признать одним из видов отсрочки отбывания наказания. Статья содержит конкретные предложения по устранению сложившихся противоречий между нормативными правовыми актами и изменению норм об отсрочке отбывания наказания за счет расширения ее видов.

TO THE QUESTION OF IMPROVING THE REPRIEVE OF SERVING A SENTENCE UNDER THE CONDITIONS OF REFORMING THE CRIMINAL LEGISLATION OF THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN

Filipets O.B.

Keywords: humanization, criminal law, punishment, postponement of serving a sentence, exemption from punishment.

Abstract. This article is devoted to the topical issues of improving the norms on the reprieve of serving a sentence provided for by the criminal legislation of the Republic of Kazakhstan. The article explores the problem of contradictions between the penal law and criminal procedure law of the Republic of Kazakhstan regarding the specific character of the reprieve in serving a sentence. The author subjected to analysis one of the types of exemption from criminal punishment – due to the illness of the convict, on the basis of which conclusions were reached that this type of exemption by its legal features is expedient to be recognized as one of the types of reprieve of serving a sentence. The article contains specific proposals on eliminating the existing contradictions between normative legal acts and changing the norms on the reprieve of serving a sentence by expanding its types.

УДК 343.53

ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ УГОЛОВНОГО ЗАКОНА В СФЕРЕ ЗАЩИТЫ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Харчейкина Ю.В.

Ключевые слова: уголовный кодекс, понятийный аппарат, терминология, информационные преступления, компьютерная информация, повреждение компьютерных данных, совершенствование уголовного законодательства.

Введение

Термины, то есть слова (или сочетания слов), «являющиеся точным обозначением определенного понятия какой-либо специальной области науки, техники, искусства, общественной жизни и т.п.» [1, с. 1318], составляют важную часть нормотворческой техники.

Согласно Закону Республики Беларусь от 17.07.2018 «О нормативных правовых актах» основными требованиями нормотворческой техники являются ясность, простота и доступность языка изложения нормативного правового акта, исключающие различное толкование его предписаний, отсутствие внутренних противоречий, единство терминологии в законодательстве. Для обозначения одного и того же понятия в нормативных правовых актах должен использоваться один и тот же термин.

Требования определенности, ясности, недвусмысленности правовых норм и их согласованности в общей системе правового регулирования приобретают особую значимость применительно к уголовному законодательству, являющемуся по своей правовой природе крайним (исключительным) средством, с помощью которого государство реагирует на факты противоправного поведения в целях охраны общественных отношений [2].

Как отмечает В.В. Марчук, если в уголовно-правовой норме содержатся нечеткие или двусмысленные термины, то неизбежно возникает необходимость в их судебном толковании, которое может привести к необоснованному искажению смысла уголовно-правового запрета, сужению или расширению пределов уголовно-правовой охраны и нарушению законных прав и интересов граждан [3].

В современных условиях интенсивного развития информационно-телекоммуникационных технологий и изменения характера криминальных проявлений решение прикладных задач эффективного противодействия преступности в целом невозможно без изучения вопросов построения уголовно-правовых норм о преступлениях против информационной безопасности, анализа их технико-юридических недостатков и содержательных дефектов, влияющих на результаты правоприменительной деятельности.

Основная часть

В Республике Беларусь нормы о «компьютерных преступлениях» впервые появились в главе 31 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК), принятом в 1999 году и введенном в действие с 01.01.2001.

На момент включения в УК соответствующих статей отсутствовал опыт в этой области и в настоящее время становится все более очевидным, что действующий уголовный закон не в полной мере позволяет эффективно бороться с преступлениями в сфере компьютерной информации.

Прямое влияние законодательной техники построения диспозиций уголовно-правовых норм и способов криминализации деяний на правоприменительную практику можно проиллюстрировать следующим примером.

Изначально основной состав преступления в ст. 349 УК был сконструирован как «несанкционированный доступ к компьютерной информации, повлекший по неосторожности изменение, уничтожение, блокирование информации или вывод из строя компьютерного оборудования либо причинение иного существенного вреда», а ее часть 2 предусматривала ответственность за «то же действие» при отягчающих квалифицирующих признаках. Неоднозначное понимание правоприменителями того, охватывает ли «то же действие» в ч. 2 ст. 349 УК именно действие, указанное в ч. 1, т.е. несанкционированный доступ к компьютерной информации, или необходимо обязательное наступление при этом одного из вредных последствий, перечисленных в ч. 1 ст. 349 УК, обусловило корректировку нормы Законом Республики Беларусь от 22.07.2003 «О внесении дополнений и изменений в Уголовный и Уголовно-процессуальный кодексы Республики Беларусь». Слова «то же действие» в ч. 2 ст. 349 УК заменены словами «несанкционированный доступ к компьютерной информации».

Каким образом указанные изменения отразились на практике, показывают статистические данные. Так, если в 2002 году было зарегистрировано 9 преступлений, предусмотренных ст. 349 УК, в 2003 году – 28, то в 2004 году –

59, т.е. на следующий год после внесения изменений в уголовный закон их количество увеличилось более чем в 6 раз по сравнению с предшествующим периодом.

Однако следует отметить, что, несмотря на наличие в нормах о преступлениях против информационной безопасности других недостатков, существенных противоречий, пробелов, в том числе и технико-юридического характера, указанный Закон Республики Беларусь от 22.07.2003 стал единственным нормативным правовым актом, направленным на их совершенствование.

Законодатель как бы не замечает существенных изменений в сфере информационной безопасности, которые требуют корректировки уголовного закона, не соответствующего современной ситуации [4, с. 170].

Отечественные исследователи справедливо указывают, что нормы главы 31 УК чрезмерно перегружены узкотехническими понятиями, терминами и оценочными категориями («несанкционированный доступ», «вредоносная программа», «блокирование», «модификация» и др.), большинство из которых характеризуются крайней неопределенностью, не имеют легитимного толкования и неоднозначно понимаются белорусскими учеными и практиками [5, с. 76].

Н.Ф. Ахраменка отмечает, что при криминализации деяний в сфере информационной безопасности в уголовный закон были включены термины, не свойственные для традиционного уголовно-правового описания способов действия [6, с. 140].

Очевидно, что в условиях непрерывного совершенствования информационных технологий использование в Уголовном кодексе терминов и понятий, заимствованных из тезауруса неюридических наук, неизбежно. Однако обоснованным видится мнение С.Д. Бражника о том, что со специальными терминами следует обращаться с максимальной осторожностью, убедившись в их адекватном «устоявшемся» отражении соответствующего понятия [7, с. 59].

На наш взгляд, одним из существенных недостатков следует признать использование в уголовном законе применительно к преступлениям в сфере информационной безопасности технических и других специальных терминов, не имеющих однозначного толкования ни в научной литературе, ни в нормативных правовых актах. Их неопределенный смысл изначально программирует трудности правоприменения.

Базовым понятием для означенных норм, не имеющим законодательного разъяснения, является «компьютерная информация», которая в диспозициях ч. 1 ст. 349 и ч. 1 ст. 350 УК раскрыта как информация, хранящаяся в компьютерной системе, сети или на машинных носителях.

В толковых словарях русского языка слово «храниться» определяется через понятия «находиться на хранении где-либо, содержаться в специальных условиях», «иметь свое обычное, постоянное место» [1, с. 1453].

Компьютерная информация всегда опосредована через машинный (физический) носитель информации, вне которого она существовать не может.

Компьютерные устройства связи и сетевые устройства являются средой ее распространения, они не хранят, а только перемещают компьютерную информацию [5, с. 76]. Исходя из подобного понимания, компьютерная

информация, передающаяся по каналам связи, не является предметом несанкционированного доступа или модификации. Представляется, что такие обстоятельства должны быть учтены при определении и использовании данного понятия для формулирования уголовно-правового запрета.

К примеру, в Уголовном кодексе Республики Казахстан объективные стороны уголовных правонарушений в сфере информатизации и связи сконструированы более логично как «неправомерный доступ к охраняемой законом информации, содержащейся на электронном носителе, в информационную систему или сеть телекоммуникаций», «неправомерные уничтожение или модификация охраняемой законом информации, хранящейся на электронном носителе, содержащейся в информационной системе или передаваемой по сетям телекоммуникаций».

Другим ключевым понятием, используемым в главе 31 УК, является понятие «компьютерная система», определение которого не дано ни в одном законодательном акте Республики Беларусь, в силу чего оно остается предметом научной дискуссии и неоднозначно трактуется специалистами в области уголовного права.

Н.Ф. Ахраменка предлагает под компьютерной системой понимать организационно упорядоченную совокупность массивов информации и информационных технологий, реализующую информационные процессы, образующим элементом которой является хотя бы одна ЭВМ [8, с. 815]. В.В. Лосев, отождествляя компьютерную систему с автоматической или автоматизированной информационной системой, представляет ее в виде комплекса информационных ресурсов, информационных технологий и программно-технических средств, осуществляющих процессы в человеко-машинном или автоматическом режиме [9, с. 18]. К характерным признакам компьютерной системы В.В. Хилюта относит электронно-вычислительную машину и связанное с ней оборудование, функционирующее как единое целое для решения вычислительных задач [10].

Представляется, что для исключения ошибок в правоприменительной деятельности законодателю следует использовать понятие «информационная система», легальное толкование которого содержится в Законе Республики Беларусь от 10.11.2008 «Об информации, информатизации и защите информации».

Несогласованность Уголовного кодекса и информационного законодательства усугубляется использованием в уголовном законе таких неопределенных в правовом отношении узкоспециальных технических терминов, как «уничтожение», «копирование», «блокирование», «модификация», «вредоносная и вирусная программы», «специальные программные и аппаратные средства» и т.п., которые сложны для восприятия неспециалистом [7, с. 73]. Раскрытие содержания указанных терминов только в специальной литературе и научных публикациях обусловливает произвольное усмотрение правоприменителя при квалификации содеянного и, как следствие, неединообразную следственно-судебную практику.

Частью 1 ст. 349 УК установлена уголовная ответственность за несанкционированный доступ к компьютерной информации, повлекший по неосторожности изменение, уничтожение, блокирование информации.

Те же отглагольные существительные «изменение», «уничтожение», «блокирование» компьютерной информации законодатель использовал, описывая объективную сторону составов преступлений, предусмотренных ст.ст. 350, 351 УК.

Данные термины могут означать как само действие (процесс), так и его результат. Исходя из общего контекста уголовно-правового запрета и буквального толкования ст. 349 УК и ст.ст. 350, 351 УК можно сделать вывод о том, что «изменение», «уничтожение», «блокирование» компьютерной информации применительно к ст.ст. 350, 351 УК представляют собой действия, тогда как в ч. 1 ст. 349 УК таким образом описаны общественно опасные последствия преступления.

Вместе с тем, использование при конструировании диспозиций одного и того же термина для описания в одной статье деяния, а в другой – общественно опасных последствий, как это имеет место в ст.ст. 349, 350, 351 УК, предоставляет правоохранительным органам возможность неоднозначного понимания, а, соответственно, является нарушением важного требования нормотворческой техники – непротиворечивости уголовно-правовых норм и ясности языка их изложения, не допускающего различное толкование.

С целью исключения ситуации неопределенности указанные недостатки следует принять во внимание при корректировке уголовного закона, отказавшись от подобного описания общественно опасных последствий.

В положениях закона о преступлениях против информационной безопасности также не в полной мере соблюдено правило о единообразии терминологии нормативного правового акта, согласно которому для обозначения одних и тех же понятий должны употребляться одинаковые термины.

Так, в ч. 2 ст. 350 УК и ч. 2 ст. 351 УК законодатель применил термин «несанкционированный доступ к компьютерной системе или сети». В то же время в ст. 353 УК содержится указание на «неправомерный доступ». Аналогичным образом как тождественные понятия «несанкционированный» и «неправомерный» используются в ст. 352 УК. Часть 3 ст. 349 УК дополняет этот синонимичный ряд определением «самовольное».

В ч. 1 ст. 349 УК в качестве общественно опасных последствий противоправного деяния предусмотрен «вывод из стоя компьютерного оборудования». Однако в этом же значении в ч. 1 ст. 355 УК указано на «нарушение работы компьютерного оборудования».

В ч. 3 ст. 349 УК законодатель оперировал понятием «средства связи компьютеризованной системы», а в ст. 352 УК – «средства компьютерной связи».

Для описания признаков преступлений в статьях главы 31 УК употребляется формулировка «компьютерная сеть». В то же время в диспозиции ч. 1 ст. 212 УК в качестве равнозначного присутствует такое обозначение как «сеть передачи данных».

В ч. 3 ст. 349 УК упоминается устаревший термин «электронная вычислительная техника», который в иных нормах заменен более понятной и универсальной категорией «компьютерное оборудование».

Представляется, что такую терминологическую неточность и вариативность необходимо устранить. Столь широкий разброс понятий не самым лучшим образом влияет на правоприменительную практику.

В ст.ст. 349 – 355 УК имеется много других недостатков, в числе которых многочисленные повторы, сложное построение норм, отсутствие ясности, формальной определенности, употребление оценочных категорий.

Как отмечается рядом российских ученых, безусловным недостатком законодательной техники является «синонимия единственного и множественного числа» [4, с. 178; 7, с. 122; 11, с. 135].

Данные замечания применимы к отечественному уголовному закону. Так, например, в диспозиции ст. 353 УК закреплена ответственность за изготовление либо сбыт специальных средств для получения неправомерного доступа к компьютерной системе или сети, в ст. 354 УК – за разработку, использование либо распространение вредоносных программ.

Исходя из буквального толкования ст.ст. 353, 354 УК следует, что изготовление либо сбыт одной специальной программы или одного аппаратного средства, использование либо распространение одной вредоносной программы уголовно ненаказуемо. Однако это не в полной мере отвечает смыслу статей главы 31 УК, в связи чем данный недостаток необходимо исправить, исключив употребление множественного числа.

Как пишет Т.Л. Тропина, дефекты законодательной техники искажают волю законодателя, а также могут привести к неправильному толкованию закона [4, с. 178].

Заключение

По результатам проведенного исследования сформулируем следующие выводы и предложения.

Анализ статей главы 31 УК, предусматривающей ответственность за преступления против информационной безопасности, показал наличие существенных технико-юридических недостатков, которые способны затруднить их применение. При этом приведенный реестр проблем понимания и использования терминов при формулировании признаков означенных преступлений является далеко не исчерпывающим.

Однако даже рассмотрение вопроса только с формальной терминологической стороны без глубокого разбора существа признаков преступлений, предусмотренных ст.ст. 349 – 355 УК, и их соответствия реалиям современных информационных процессов, свидетельствует о необходимости совершенствования уголовного закона в данной сфере и кардинального, комплексного пересмотра существующих подходов к регулированию отношений, складывающиеся при совершении преступлений с использованием компьютерных технологий.

Для обеспечения эффективности правоохранительной деятельности данные нормы должны быть сформулированы с использованием точной, понятной и однозначной терминологии, с соблюдением существующих принципов технико-юридического конструирования, что является одной из основных предпосылок законности их применения.

Выполнение уголовным законом предназначающихся ему охранительной и превентивной функций в этой области детерминирует необходимость применения в его тексте понятий, находящихся во взаимосвязи с положениями базового информационного законодательства.

Представляется целесообразным отказаться от употребления целого ряда специальных узкотехнических терминов, задействованных в настоящее время

в качестве признаков, характеризующих объективные свойства преступных деяний, и не имеющих легального толкования.

Решению проблемы единообразного осознания и использования правоприменителями ключевых понятий и оценочных категорий преступлений против информационной безопасности может содействовать традиционный для уголовного закона способ закрепления дефиниций в примечаниях к соответствующим статьям.

Список цитированных источников

1. Большой толковый словарь русского языка / редкол.: С. А. Кузнецов (гл. ред.) [и др.]. – СПб. : Норинт, 2004. – 1536 с.

2. По делу о проверке конституционности части четвертой статьи 222 Уголовного кодекса Российской Федерации и статей 1, 3, 6, 8, 13 и 20 Федерального закона «Об оружии» в связи с жалобой гражданки Н. В. Урюпиной [Электронный ресурс] : постановление Конституционного Суда Российской Федер., 17 июня 2014 г., № 18-П // Законы, кодексы и нормативно-правовые акты Российской Федерации. – Режим доступа: http://legalacts.ru/doc/postanovlenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-17062014-n/. – Дата доступа: 12.09.2018.

3. Марчук, В. В. Терминология уголовного закона и квалификация преступлений [Электронный ресурс] / В. В. Марчук // Электронная библиотека БГУ. – Режим доступа: http://elib.bsu.by/handle/123456789/19832. – Дата доступа: 12.09.2018.

4. Тропина, Т. Л. Киберпреступность: понятие, состояние, уголовно-правовые меры борьбы : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Т. Л. Тропина. – Владивосток, 2005. – 235 л.

5. Ахраменка, Н. Реализация в Беларуси международных стандартов уголовно-правового запрета общественно опасного доступа к компьютерной системе / Н. Ахраменка // Судовы веснік. – 2009. – № 4. – С. 75–79.

6. Ахраменка, Н. Ф. Проблемные вопросы судебной практики по квалификации преступлений против информационной безопасности / Н. Ф. Ахраменка // Судебная практика в контексте принципов законности и права : сб. науч. тр. / редкол.: В. М. Хомич (гл. ред.) [и др.]. – Минск : Тесей, 2006. – С. 138–147.

7. Бражник, С. Д. Преступления в сфере компьютерной информации: проблемы законодательной техники : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / С. Д. Бражник. – Ижевск, 2002. – 189 л.

8. Научно-практический комментарий к Уголовному кодексу Республики Беларусь / Н. Ф. Ахраменка [и др.] ; под ред. А. В. Баркова, В. М. Хомича.– 2-е изд., с изм. и доп. – Минск : ГИУСТ БГУ, 2010. – 1064 с.

9. Лосев, В. В. Преступления против информационной безопасности : метод. рекомендации к курсу «Уголовное право Республики Беларусь. Особенная часть» / В. В. Лосев. – Брест : Брест. гос. ун-т им. А. С. Пушкина, 2000. – 45 с.

10. Хилюта, В. В. Хищение с использованием компьютерной техники: история и современность [Электронный ресурс] : [по состоянию на 05.09.2011 г.] / В. В. Хилюта // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.

11. Степанов-Егиянц, В. Г. Ответственность за преступления против компьютерной информации по уголовному законодательству Российской Федерации / В. Г. Степанов-Егиянц. – М. : Статут, 2016. – 190 с.

Аннотация. В статье анализируются отдельные технико-юридические недостатки уголовно-правовых норм об ответственности за преступления против информационной безопасности и их влияние на правоприменительную практику. Рассмотрена проблема использования специальной терминологии в нормах главы 31 Уголовного кодекса Республики Беларусь при формулировании признаков составов данных преступлений. Делается вывод, что при использовании указанных терминов и понятий в статьях уголовного закона допущено нарушение ряда требований нормотворческой техники. Обращено внимание на употребление в статьях 349–355 Уголовного кодекса Республики Беларусь для обозначения одних и тех же понятий различных терминов. Предлагаются пути совершенствования уголовного законодательства, направленные на повышение эффективности противодействия компьютерной преступности.

TERMINOLOGICAL PROBLEMS OF THE CRIMINAL LAW IN INFORMATION SECURITY PROTECTION

Kharcheykina Yu.V.

Keywords: criminal code, conceptual framework, terminology, information crimes, computer data, damage of computer data, improvement of criminal legislation.

Abstract. The article analyzes specific technical and legal defects of criminal law standards on responsibility for cyber crimes and their impact on law implementation practices. The problem of using technical language in the rules of Chapter 31 of the Criminal Code of the Republic of Belarus when formulating signs of these crimes has been discussed. It is concluded that there has been a violation of certain requirements of standard-setting technology when using these terms and concepts in the criminal law articles. Attention is drawn to the use in articles 349 – 355 of the Criminal Code of the Republic of Belarus of different terms to refer to the same concepts. The article suggests ways to improve the criminal legislation aimed at improving the effectiveness in combating cyber crime.

УДК 343.98

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ И КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЯ ВЛАСТЬЮ ИЛИ СЛУЖЕБНЫМИ ПОЛНОМОЧИЯМИ

Хлус А.М.

Ключевые слова: уголовное право, злоупотребление властью или служебными полномочиями, криминалистика, объект преступления.

Введение

Одним из коррупционных преступлений, предусмотренным законодательством Республики Беларусь [1], является злоупотребление властью или служебными полномочиями. Уголовная ответственность за него предусмотрена ч.ч. 2 и 3 ст. 424 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК) [2].

Расследование данного преступления предполагает наличие современной и эффективной методики. Имеющаяся методика расследования злоупотребления властью или служебными полномочиями не соответствует потребностям времени, что и предполагает необходимость ее совершенствования.

Основная часть

В криминалистических работах, посвященных частным криминалистическим методикам, приводятся различные элементы их структуры. Их условно можно разделить на две части: теоретическую и методическую.

Теоретическую часть методики составляют элементы, содержащие информацию в виде научно обобщенных сведений о данном виде или группе преступлений, а также информацию о наиболее типичных ситуациях их развития, складывающихся к первоначальному этапу расследования. Некоторые ученые к этой части методики относят «исходную информацию о конкретном преступлении» [3, с. 4], что, по нашему мнению, не является верным. Дело в том, что информация о конкретном преступлении появляется на определенный момент его раскрытия и расследования и, в связи с этим, не может относиться к сформированной методике, которая, по своей сути, в теоретической части может рассматриваться в качестве своеобразной матрицы, с которой и предстоит соотнести исходную информацию о конкретном преступлении. Процесс такого соотношения позволяет на первоначальном этапе расследования определить конкретные тактические задачи и соответствующие средства их решения.

Теоретическая часть методики расследования представляется в виде информационной модели данного вида или группы преступлений. В качестве таких моделей учеными рассматриваются криминалистические характеристики преступных деяний.

Методическая часть в методике расследования – это система научно разработанных рекомендаций, имеющих значение для практической деятельности по раскрытию и расследованию преступлений. Методические рекомендации в первую очередь касаются последовательности и тактики производства следственных действий.

Вопросы упомянутой выше криминалистической характеристики преступлений до сих пор сохраняют повышенную дискуссионность. Понимание многими учеными абстрактного характера криминалистической характеристики преступлений ни коим образом не повлияло на ее живучесть как категории криминалистики и основы для формирования методик расследования. Криминалистическая характеристика преступлений является наиболее активно используемой в научных работах криминалистической категорией.

Считается, что основное практическое назначение криминалистической характеристики как информационной модели преступлений состоит в возможности построения версии о принадлежности расследуемого преступления к известному виду (группе) деяний. Далее, «располагая сведениями об одном из элементов криминалистической характеристики или иной модели расследуемого преступления, мысленно строят цепочку связей с другими ее элементами. Конечным же элементом и главной целью указанной мыслительной деятельности следователя является личность неустановленного преступника» [3, с. 5]. Знание структурных элементов криминалистической характеристики вызывает сомнение в объективности такого утверждения. Даже описание в криминалистической характеристике личности субъекта совершения

преступления не может гарантировать возможности установления неизвестного преступника, совершившего расследуемое деяние. Такие сведения носят только ориентирующий характер, не более.

Различие в понимании количества и видов элементов криминалистической характеристики преступлений является одной из проблем формирования ее частной методики, а затем практической реализации в ходе расследования. Эта же проблема характерна и для частной методики расследования злоупотребления властью или служебными полномочиями.

Для выявления иных проблем методики расследования злоупотребления властью или служебными полномочиями необходимо провести сравнительный анализ его криминалистической характеристики в сочетании с данными уголовно-правового характера.

Основой для такого анализа должна служить уголовно-правовая конструкция состава преступления. Согласно ч. 2 ст. 424 УК злоупотребление властью или служебными полномочиями – это «умышленное вопреки интересам службы совершение должностным лицом из корыстной или иной личной заинтересованности действий с использованием своих служебных полномочий, повлекшее причинение ущерба в крупном размере или существенного вреда правам и законным интересам граждан либо государственным или общественным интересам».

Сведения о составе преступления значимы не только для практики расследования, но и для конструирования информационной модели преступления. По мнению А.В. Дулова, «эти сведения дают возможность выявить в преступлении его элементы и их свойства, которые надо углубленно изучать, ибо они определяют основу криминалистического познания преступления» [4, с. 31].

Для криминалистической характеристики преступления сведения о его уголовно-правовом составе также значимы. Более того, уголовно-правовые данные об объективной и субъективной стороне, объекте и субъекте преступления являются составной частью криминалистической характеристики многих преступлений, что служит основой для ее критики [5, с. 222].

Рассматривая криминалистическую характеристику злоупотребления властью или служебными полномочиями, следует указать на наличие различных авторских взглядов на ее понимание и содержание. Не анализируя различные точки зрения, в качестве примера рассмотрим криминалистическую характеристику данного преступления, содержащуюся в одном из пособий для практических работников [6]. В качестве ее немногочисленных элементов авторы пособия называют способы и мотивы совершения злоупотребления властью или служебными полномочиями, обстоятельства, способствующие им, а также связь должностных преступлений с другими преступными деяниями [6, с. 96]. Если удалить все не относящиеся к криминалистике элементы, то в такой характеристике останется лишь один криминалистический элемент – способ совершения преступления.

На основе анализа материалов 48 уголовных дел авторы пособия называют 17 способов злоупотребления властью или служебными полномочиями. В их числе покровительство или попустительство по службе; противоправное предоставление льгот, преимуществ при заключении договоров в ущерб интересам учреждения, где работает виновный; выдача заведомо ложных

документов; внесение ложных сведений в документы; совершение процессуальных действий в нарушение законодательства; использование служебного имущества в личных целях и др.

Кроме того, авторы указали на иные способы совершения данного преступления, описанные в учебной литературе по криминалистике:

1) издание незаконных приказов и распоряжений;

2) сокрытие незаконной деятельности других лиц путем самоуправных действий;

3) временное заимствование и использование государственных или общественных средств на личные нужды;

4) расходование денежных средств не по назначению;

5) выдача бестоварных накладных;

6) подчистка, травление и иные изменения текста документов;

7) незаконное применение оружия представителем власти [6, с. 96].

Следует обратить внимание, что пособие адресовано практическим работникам: следователям и оперативным работникам правоохранительных органов. Невольно возникает вопрос о значимости такой криминалистической характеристики в представленных в пособии частных методиках расследования коррупционных преступлений, к которым и относится злоупотребление властью или служебными полномочиями.

Также обращает на себя внимание отсутствие в криминалистической характеристике рассматриваемого преступления таких важных ее элементов как описание личности преступника и объекта преступления. Эти элементы являются важной составной частью многих криминалистических характеристик иных преступлений. По всей видимости, авторы практического пособия их не выделяют в структуре злоупотребления властью или служебными полномочиями, что является весма спорным.

В уголовном праве описание субъекта преступления представлено в наиболее обобщенном виде, что позволяет говорить об абстрактности данного элемента состава преступления. Такая информация не имеет значимости при рассмотрении личности преступника с позиции криминалистики. Содержательнее выглядит описание личности преступника криминологами, что заимствуется и используется в криминалистическом описании различных преступлений.

Абстрактным понятием в уголовном праве является и объект преступления. Согласно теории уголовного права, непосредственным объектом рассматриваемого нами преступления являются общественные отношения, обеспечивающие соответствующую интересам службы деятельность государственного, общественного и хозяйственного аппаратов управления, независимо от формы собственности и функий управления [7, с. 963].

Такой подход к пониманию объекта преступления в уголовном праве выглядит наиболее общим и доминирующим в настоящее время. Вместе с тем, еще в прошлом столетии указано на важность и недостаточную разработанность проблемы объекта преступления [8, с. 188-189].

В последние годы теория уголовного права пополнилась новыми концептуальными взглядами на объект преступления. По данному поводу российский ученый В.Н. Винокуров пишет: «Общественные отношения – это отношения по поводу каких-либо объектов, под которыми следует понимать все

то, что входит в сферу потребностей людей» [9, с. 66-67]. Следовательно, в основе этих абстрактных отношений находятся материальные объекты.

Криминалистика, являясь наукой «о реальностях уголовного права» [10, с. 109], рассматривает любое преступное деяние как систему [11, с. 71], структура которой образована не абстрактными, а материальными элементами. В их числе выделяется и материальный объект преступного посягательства [12, с. 48].

Очевидно, что объект преступного посягательства, являясь материальным элементом в структуре преступления, существенно отличается от аналогичного по наименованию уголовно-правового элемента состава преступления. Как уже было отмечено, в теории и практике отечественного уголовного права до сих пор в вопросе понимания содержания объекта посягательства используется концепция общественного отношения. Данная концепция не приемлема для рассмотрения объекта посягательства как равноценного понятия в криминалистике и, в частности, криминалистической характеристике преступлений. Дело в том, что абстрактные по своей сути общественные отношения, социальные блага или человек [13, с. 45], составляющие содержание концепций уголовно-правового понятия объекта посягательства, не отражают систему следов, содержащих криминалистически значимую информацию о совершенном преступлении и его элементах.

Ранее мы представили объект посягательства с точки зрения криминалистики в качестве «материальной совокупности или системного образования, на которые оказывается непосредственное или опосредованное воздействие, одна или несколько составляющих их частей могут определять целевую направленность преступного деяния» [14, с. 52]. Сам по себе объект, являясь единым целым, также может определять цель деятельности. Это имеет место в случаях умышленного причинения объекту посягательства вреда.

С позиции криминалистического описания объект преступного посягательства может являться простым и сложным, единым и множественным, одно- и многоуровневым образованием. Особенности объекта предопределяют специфику деятельности субъекта и механизм преступления, что, в итоге, сказывается на его следовой картине, следах-отражениях, той первооснове, на которой базируется вся криминалистическая деятельность [15, с. 284].

Криминалистическая характеристика объекта посягательства при злоупотреблении властью или служебными полномочиями предполагает проведение анализа его уголовно-правового состава.

Данное преступление совершается с использованием предоставленных должностному лицу служебных полномочий. В процессе расследования это обстоятельство подлежит установлению и подтверждению указанием на конкретные деяния и соответствующие им служебные полномочия. Анализ ч. 2 ст. 424 УК позволяет выделить общие признаки рассматриваемого преступления, которыми являются:

1) преступление совершается должностным лицом;

2) преступление совершается с использованием должностным лицом полномочий по службе;

3) служебные полномочия используются против интересов службы;

4) преступление причиняется ущерб (в крупном размере) или существенный вред;

5) имеется причинно-следственная связь между действиями должностного лица и наступившими последствиями.

Основываясь на предложенном определении понятия «объект преступного посягательства» в качестве такового в составе рассматриваемого преступления можно выделить несколько материальных элементов, которым в результате деяния причиняется ущерб или вред.

Объектами посягательства в их криминалистическом понимании для данного преступления являются человек, имущество, государственные и общественные организации.

Человек является объектом преступного посягательства в случаях, когда в результате преступных действий на него оказывается определенное непосредственное или опосредованное воздействие. Такие деяния связаны с причинением личности гражданина существенного вреда, который может выражаться, например, в причинении умышленного легкого телесного повреждения или в умышленном создании ситуации, при которой вследствие неосторожных действий других лиц были причинены менее тяжкие или тяжкие телесные повреждения (хотя бы одному лицу). Человеку может быть причинен и иной существенный вред. При этом воздействие на него оказывается опосредованное. Например, существенный вред может быть выражен в значительном для гражданина нарушении конституционных прав и свобод на получение достоверной информации, свободное и беспрепятственное передвижение, выбор места жительства, работы, охрану здоровья, свободу выражения взглядов и т.д. [7, с. 967].

Очевидно, что при непосредственном воздействии на человека, как объект посягательства, остаётся более информативная следовая картина.

Человеку может быть причинен ущерб имущественного (материального) характера. Речь идет о прямом (непосредственном) ущербе, возникновение которого не связано с иными обстоятельствами и целями противоправного поведения должностного лица. В данном случае имущество, а не человек, выступает в роли объекта злоупотребления властью или служебными полномочиями.

Имущество как объект преступного посягательства отличается большим разнообразием. Оно охватывает собой множество различных вещей, разделяемых на две большие группы имущества: движимое и недвижимое. Не анализируя в деталях аспекты гражданско-правового понятия «имущество», заметим, что ему, как структурному элементу преступления, может причиняться вред.

Объектами преступного посягательства, согласно ч. 2 ст. 424 УК, являются государственные и общественные органы и организации. При этом следует иметь в виду, что совершаемым преступлением нарушаются их интересы.

Заключение

На основе вышеизложенного предлагаются некоторые выводы:

1. Уголовно-правовая характеристика преступлений служит основой для их криминалистической информационной модели, используемой для формирования частной методики расследования.

2. Абстрактность уголовно-правовых элементов состава преступления не способствует отражению системы следов, содержащих криминалистически значимую информацию о совершенном преступлении.

3. Криминалистическая характеристика преступлений, являясь теоретической основой частной методики расследования, содержит сведения об отдельных элементах в их абстрактном, уголовно-правовом понимании.

4. Абстрактный характер уголовно-правовых концепций не приемлем для рассмотрения структурных элементов преступления как равноценных понятий, используемых криминалистикой.

5. Криминалистическая характеристика преступлений должна содержать сведения о материальных элементах структуры преступного деяния.

6. Объектами преступного посягательства при злоупотреблении властью или служебными полномочиями в их криминалистическом понимании являются материальные элементы преступной структуры, в числе которых человек, имущество, государственные и общественные организации.

7. Развитие наук уголовно-правового цикла, к которым относятся уголовное право и криминалистика, необходимо осуществлять в направлении унификации научных категорий, которыми оперируют эти науки. Следовательно, необходимо выработать единое понимание по многим ключевым категориям, характеризующим общий объект исследования – преступление. Реализация этого будет способствовать повышению эффективности борьбы с преступлениями.

Список цитируемых источников

1. Перечень коррупционных преступлений // Генеральная прокуратура Республики Беларусь. – [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.prokuratura.gov.by (дата доступа 17.01.18).

2. Уголовный кодекс Республики Беларусь: принят Палатой представителей 24 июня 1999 г.: одобр. Совет Респ. 30 июня 1999 г. с изм. и доп. // Электрон. копия эталонного банка данных правовой информации с информационно-поисковой системой «ЭТАЛОН»: версия 6.5 [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информации Респ. Беларусь. – Минск, 2018.

3. Криминалистика : учебник : в 3 ч. Ч. 3. Криминалистическая методика / под ред. Г. Н. Мухина ; М-во внутрен. дел Респ. Беларусь, учреждение образования «Акад. М-ва внутрен. дел Респ. Беларусь». – 2-е изд., испр. – Минск : Акад МВД, 2010. – 295 с.

4. Дулов, А. В. Основы расследования преступлений, совершенных должностными лицами. Мн.: Университетское, 1985. – 168 с.

5. Белкин, Р. С. Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня. Злободневные вопросы российской криминалистики. – М.: Издательство НОРМА, 2001. – 240 с.

6. Методика расследования коррупционных преступлений: Научно-практическое пособие для следователей и оперативных работников правоохранительных органов / С. В. Войцеховская, В. Х. Кадыров и др.; Под общ. ред. В. Х. Кадырова. – Мн., 2005. – 305 с.

7. Научно-практический комментарий к Уголовному кодексу Республики Беларусь / Н. Ф. Ахраменка [и др.]; под ред. А. В. Баркова, В. М. Хомича. – 2-е изд., с изм. и доп. – Минск: Гос. ин-т упр. и соц. технологий Белорус. гос.ун-та, 2010. – 1064 с.

8. Шаргородский, М. Д. Актуальные вопросы советского уголовного права / М. Д. Шаргородский, Н. С. Алексеев // Учен. Записки (Ленингр. гос. ун-т). – № 182. – Серия юрид. наук. – Вып. 5. – Л., 1954. – С. 188-189.

9. Винокуров, В. Н. Объект преступления: теория, законодательство, практика : моногр. / В. Н. Винокуров // М.: Юрлитинформ, 2010. – 224 с.

10. Криминалистика: Краткая энциклопедия / Авт.-сост. Р. С. Белкин. – М.: Большая Российская энциклопедия, 1993. – 111 с.

11. Криминалистика: учебное пособие / А. В. Дулов [и др.]; под. ред. А. В. Дулова. – Минск: ИП «Экоперспектива», 1996. – 415 с.

12. Гучок, А. Е. Криминалистическая структура преступления / А. Е. Гучок // Минск: БГУ, 2007. – 151 с.

13. Грунтов, И. О. К вопросу о понимании объекта преступления в уголовном праве / И. О. Грунтов // Труд. Профсоюзы. Общество. № 2(56), 2017. – С. 41-46.

14. Хлус, А. М. Объект преступного посягательства как элемент интеграции уголовного права и криминалистики / А. М. Хлус // Юстиция Беларуси. – 2018. № 6. – С. 50-55.

15. Шумак, Г. А. Экономическая криминалистика в системе криминалистической науки / Г. А. Шумак // Право и демократия. Межвуз. сб. науч. тр. Вып. 11. / Отв. ред. В. Н. Бибило. Мн., 2001. – С. 284-285.

Аннотация. В статье проанализирована проблема соотношения одноименных научных категорий, которыми оперируют в уголовном праве и криминалистике. Абстрактный характер элементов состава преступления не способствует отражению системы следов, значимых для криминалистического исследования. Криминалистическая характеристика преступлений, являясь теоретической основой частной методики расследования, содержит сведения об отдельных элементах в их абстрактном, уголовно-правовом понимании. По мнению автора, криминалистическая характеристика преступлений должна содержать сведения о материальных элементах структуры преступного деяния. Например, объектами преступного посягательства при злоупотреблении властью или служебными полномочиями в их криминалистическом понимании являются человек, имущество, государственные и общественные организации. Важным направлением в развитии интеграции среди наук уголовно-правового цикла является унификация научных категорий, которыми они оперируют.

SOME ASPECTS OF CRIMINALISTIC AND CRIMINAL-LEGAL CHARACTERISTICS OF ABUSEMENT BY AUTHORITY OR OFFICE AUTHORITIES

Khlus A.M.

Key words: criminal law, abuse of power or official powers, criminalistics, the object of crime.

Abstract. The article analyzes the problem of correlation of the same scientific categories, which operate in criminal law and criminalistics. The abstract nature of the components of the crime does not contribute to reflecting the system of traces that are significant for forensic research. The criminalistic characterization of crimes, being the theoretical basis of the private investigation methodology, contains information about individual elements in their abstract, criminally-legal understanding. In the author's opinion, the criminalistic characterization of crimes should contain information about the material elements of the structure of the criminal act. For example, objects of criminal encroachment in case of abuse of power or official powers in their criminalistic understanding are man, property, state and public organizations. An important direction in the development of integration among the sciences of the criminal legal cycle is the unification of the scientific categories with which they operate.

УДК 343

ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО О ПРОТИВОДЕЙСТВИИ ПРЕСТУПНОСТИ НА ПУТИ КОНСОЛИДАЦИИ ПРАВОВЫХ НАЧАЛ УГОЛОВНОЙ ПОЛИТИКИ

Хомич В. М.

Ключевые слова: противодействие преступности, верховенство права, правозащитная функция уголовного права, уголовно-правовой контроль преступности, криминология правообразования.

Введение

В последние годы в общественных науках сложилась парадоксальная ситуация: на фоне информационного бума трансформационных процессов, заполонивших все сферы социальной деятельности и, несомненно, меняющих облик их правового восприятия и публичной правовой реакции, все больше и больше уходят в сторону, давно казалось бы, общепринятые и провозглашенные интересы обычных людей.

Не обошла стороной эта деструкция уголовную юстицию и уголовно-правовую науку. Несмотря на отдельные успехи, уголовно-правовая наука сосредоточилась на добросовестном комментировании сформулированных кем-то и когда-то идей, изданных законов, принятых решений правоприменительных органов. Одним словом, юридическая практика вольно или невольно настолько приземлила уголовно-правовую науку, что та охотно стала обслуживать уголовно-правовую политику, не обращая внимания на ее социальную неэффективность, неопределенность и небезопасность для сохранения и укрепления правопорядка.

Симптомы этой социальной болезни, в частности в области уголовно-правовых исследований можно обнаружить в проявляющейся дискредитации теоретических исследований, их «ненужности» практикам. Все это привело к преобладанию в правовой литературе феноменологических описаний и предание забвению фундаментальных исследований. К сожалению, по этой причине мало и подлинно научных исследований прикладного характера в уголовном праве.

Все это нисколько не может возвышать, как и принижать чисто прикладной характер уголовно-правовых исследований, равно как и низвергать роль глубоко фундаментальных по своей задаче изысканий, всегда имеющих практический выход в деле оптимального построения и применения норм уголовного закона. Важно правильно определить содержание современных проблем регулирования уголовно-правовой защиты общества от угроз криминального характера, как традиционных, так и надвигающихся.

Так вот главной проблемой всего комплекса законодательства в области противодействия преступности являются наметившиеся и постоянно обостряемые проблемы, вызываемые инфляцией (избыточностью) уголовно-правовой защиты, монополизмом публичных видов ответственности в разрешении далеко не всегда публичных социальных конфликтов и проблем. Отсюда наблюдаемый недостаточный уровень интеграции правовых начал, более того, их снижение в правообразовании, правоприменении и в практиках

деятельности органов юстиции в реализации правовых стандартов в уголовной политике.

С позиции верховенства права в статье делается попытка обозначить проблематику содержательно-функциональных свойств современного социального контроля преступности, который при усиливающей инфляции уголовного права при монопольном праве государства на криминализацию и формирование санкционных механизмов воздействия на преступность и преступников становится небезопасным для человека, общества и самого государства. Постоянная интеграции права в систему уголовно-правовых средств обеспечения социальной безопасности должно стать основным фактором прогрессивного развития человека (понимай, человечества), хотя бы ради сохранения безопасности самого уголовного права.

Основная часть

В качестве заглавного тезиса, претендующего на новизну в разрешении интегративных подходов к правопониманию и правоприменению, В.В. Лазарев сделал следующее заключение: «Полнокровная интеграция права материализуется только в судебных решениях». Более того, по его мнению, следует исходить из того, что самая важная и фундаментальная функция правосудия — не правоприменительная, *а правозащитная*, и если к тому же защиту прав участников общественных отношений не ограничивать *обеспечением буквально выраженных на законодательном уровне запретов*, то становится очевидным необходимость судебного контроля и над издаваемыми государством нормативными актами, и над действиями соответствующих должностных лиц [1, с. 7-8]. Да, мы привыкли, что уголовное право и обслуживающая его система учреждений и органов уголовной юстиции успешно или неуспешно выполняет правовую защиту общества и государства от преступности. И в силу привычки забыли, что уголовное право – это хотя и грозное право, но все-таки право и на фоне изменяющегося мира и изменяющейся преступности оно нуждается в защите путем консолидации правовых начал в уголовной политике. Эти положения имеют самое непосредственное значение как к поиску истины, так и к процессу интеграции права в уголовном законе.

В свою очередь мы убеждены, что только посредством правосудия, базовые истоки которого исходят от общественного правосознания (от силы права), а не от права силы, в общественном правопорядке должна поддерживаться и проявляться коммуникативная взаимосвязь естественного права и права позитивного. Однако пока мы можем только теоретически рассматривать правосудие в качестве посредника между божественными (естественными) и человеческими (позитивными) законами, между разумом и справедливостью [2, с. 7-8]. К сожалению, правосудие еще далеко и не всегда ориентировано на поиск интегративного права в социальных конфликтах [3, с. 52-62]. Хотя требования равенства, свободы, справедливости и существуют в нормах законов, заложены в принципах; которые сочетаются с требованиями законности, разумности, личной и общей пользы, но они лишены коммуникативной активности вследствие той же неактивности правосудия в их продвижении. В итоге мы получаем упрощенный формально-логический догматизм закона, но не права.

На первый план сегодня вышли вопросы пересмотра баланса публичных и частных интересов, доверия граждан к действиям государства, стабильность гражданского оборота и социально-экономических прав и свобод человека, пределы ограничения права собственности и иных прав человека вообще, в том числе и в контексте обеспечения общественной и национальной безопасности. В уголовном праве симптомы этих проблемных вопросов заключены в продолжающем кризисе наказания, в неадекватной и несбалансированной с фундаментальными интересами человека криминализации, чрезмерной коммерциализации публичных видов правовой ответственности, абсолютизации и злоупотреблении уголовно-правовыми средствами защиты систем национальной безопасности. Ни одна из этих проблем современности не может быть разрешена сугубо легистскими подходами, тем более посредством введения на законодательном уровне уголовно-правовых запретов, точнее, – только нормативными установлениями органов, которые занимают господствующее политическое положение в системе официального правообразования и правоприменения.

Очень важно сегодня в формировании уголовной политики иметь в виду следующее. «Вмешательством в право» посредством уголовного запрета под угрозой уголовной ответственности и наказания *должно устанавливаться* «справедливое равновесие» между потребностями общества или общим интересом и требованиями защиты фундаментальных прав индивидуального лица. Должно быть достигнуто разумное соотношение пропорциональности между применяемыми государством уголовно-правовыми средствами для обеспечения социальной безопасности и поддержания ее стабильности и целью преследуемой применяемой мерой, которая лишает человека определенных прав. Уголовное право, как и всякое право, должно соотноситься со справедливостью и равенством, иначе оно утрачивает свое естественно-правовое предназначение. Об этом не должен забывать законодатель. Взять хотя бы не так давно последовавшие изменения в уголовном законодательстве об ответственности за незаконный оборот наркотиков или дискуссию о либерализации системы уголовной противоправности деликтов в области занятия предпринимательской деятельностью, чрезмерную на уровне методического пособия криминализацию форм проявления экстремистской и террористической деятельности.

В поиске истины уголовного права, несмотря на его специфику, следует исходить из интегративного анализа и характеристики *его правового предназначения,* при этом в гораздо большей степени, чем в отношении иных систем правового регулирования. Важно учитывать и то, что «правовое содержание» уголовного права в силу его социального предназначения как радикального, но правозащитного средства от общественно опасных проявлений человека не сводится только *к общему признанию* взаимосвязи трех его общих атрибутов в виде свободы, равенства и справедливости, а представляет собой воплощение требований соблюдения определенной степени, да еще и *ответственной* свободы, *ответственного* равенства и *ответственной законной* справедливости. Ответственность в данном случае понимается в значении законной и справедливой *общеобязательности* соблюдения свободы, равенства и справедливости во всех формах проявления и применения права [4, с. 19], в том числе и в процессе правообразования, криминализации, квалификации, уголовном преследовании и собственно в правосудии.

Конечно, таким критерием измерения истины уголовного права является человеческое измерение в самом буквальном, если хотите, и в конституционном смысле. «Мы, народ Республики Беларусь (Беларуси), … стремясь утвердить права и свободы каждого гражданина Республики Беларусь, желая обеспечить гражданское согласие, незыблемые устои народовластия и правового государства, принимаем настоящую Конституцию». Или быть может это просто метафора или красивые слова без определенного смысла. Не думаю, что это так. Только оно, *человеческое измерение*, цивилизационно изменяло социальную картину мира, равно как и социальное содержание позитивного уголовного права, и характер его реакции на преступность. Оно должно его формировать и контролировать, *поскольку для человека имеют значение не нормы сами по себе*, а те ценности, которые посредством норм позитивного права закрепляются, реализуются, отражаются и защищаются. Другое дело, что человеческое измерение на национальных уровнях пока нефункционально, не имеет системно организованных независимых институций на просторах гражданского общества и публичной власти.

Наиболее чувствительная для человеческого измерения сегодня область права связана с потребностью поиска модернизации уголовного законодательства в экономической сфере. Это продиктовано продолжающейся его неэффективностью и чрезмерной репрессивностью, а также неспособностью государства методами как мягкой, так и жесткой правовой регуляции обеспечить сбалансированные интересы бизнеса, экономическую безопасность и социальное благосостояние людей. Хотя сегодня национальным интересам отвечает сохранение публично-правового режима обеспечения экономической безопасности государства, тем не менее, интегративный подход в уголовной политике противодействия экономическим преступлениям все-таки должен быть сбалансирован и заключается в том, что либерализация должна быть общей, а не избирательной, сопровождаться структурными реформами уголовно-правовой системы *на стандартах правовой демократизации экономической деятельности с ориентацией этой деятельности на общесоциальное благосостояние народа*.

Отход от крайне прокоммунистических (идеологических) взглядов на преступность как на сугубо классовое социальное явление позволил отечественной криминологии углубиться системно в социологию преступности, представить ее в качестве имманентного фактора (свойства) социальных систем. Были замечены и новые факторы, имеющие самое непосредственное отношение к воспроизводству современной преступности. В развитии социальных (государственных и межгосударственных) систем наблюдаются ярко выраженные тенденции дезинтеграционного характера, обусловленные разрушением прежнего пусть и формального равенства, обесцениванием человеческого достоинства, дефицитом политико-правовой свободы компромисса как социальных ценностей, посредством которых обеспечивается и гарантируется воспроизводство права, в том числе в официальных законоположениях.

На фоне международной интеграции социальных конфликтов и преступности (пьянство, наркомания, суицид, экстремизм, терроризм, преступность средств массовой коммуникации, в киберпространстве и т.д.) имманентно повышается

роль институтов публичной власти государства в обеспечении национальной безопасности, а, следовательно, и в правовой ее защите.

И здесь, к сожалению, избирается самая простая и безопасная для самого государства (до определенного предела безопасная) форма (традиционная форма) социально-правового контроля за нежелательными социальными девиациями – их криминализация на уровне публичных правонарушений и установление санкций-наказаний, а также мер безопасности в целях непосредственной защиты от преступных посягательств или их пресечения. В принципе в этом нет ничего предосудительного, если это делается ради сохранения жизни и здоровья людей и общественных основ их безопасности. Но все более можно наблюдать, как государства отходят от соблюдения этих уравновешивающих правовых требований.

Одним из главных факторов современной преступности сегодня является ее коррупциогенный фон выражения, проявляющийся, с одной стороны, в рукотворном несовершенстве системы жизнеобеспечения основной части населения как на национальном, так и международном уровнях, а с другой стороны, осознанием этого обстоятельства все большим числом людей, желающих жить в этих условиях лучше, чем предполагается действующей системой. Вот и весь фокус современной криминологии преступности.

К сожалению, современный социально-нравственный «камертон» использования позитивного права и, как следствие, уголовного закона, как отмечает известный российский криминолог И.Я. Козаченко, настроен не на глубинные, базовые истоки воспроизводства социальной несправедливости и преступности, а на поверхностные экономические и социальные колебания либо напряжения политического характера. Прежде, чем устанавливать уголовную ответственность за то или иное опасное деяние, общество и государство должны отдавать себе отчет в том, в какой мере они сами виновны в создании и поддержании таких условий жизни, которые разрушают материальную и нравственную основу равенства людей и провоцируют их на совершение недозволенного [5, с. 6-7].

Официально возведенное в закон право призвано определять правомерное поведение людей. Однако следует всегда иметь в виду, что закон, а это всегда производная от права форма его выражения и поэтому его всегда недостаточно для понимания действительного права, возможно, и выраженного в законе. Более того, право как *определитель правомерного поведения* не требует позитивного нормативного закрепления, право здесь проявляется как таковое и непосредственно в поведении людей. Социального контроля посредством позитивного нормирования государством такого поведения, как правило, не требуется.

Мы разделяем базовую криминологическую позицию о том, что позитивное право (законы и иные нормативные регуляции, исходящие от государства), является основным правоустанавливающим (правоорганизующим) и одновременно правооправдывающим средством социального публичного контроля (самоконтроля) государства в целях недопущения, нейтрализации и предупреждения социально-нежелательных и социально-опасных конфликтов.

Правомерность, как и противоправность, проявляются через конфликты (споры и деликты) участников общественных отношений. Именно в предупреждении и справедливом разрешении конфликтных ситуаций и состоит

назначение права и создаваемых на его осмыслении нормативных регуляций (законов). Чтобы сохранить мир и спокойствие в современных обществах и обеспечивать человеческий прогресс, необходим *ответственный* социально-правовой контроль. И не только со стороны институтов публичной власти в отношении гражданского общества (граждан), но и в отношении институтов публичной власти. И не только *в контексте предупреждения социально опасного поведения, но и в оценке того, что опасно для социальной системы, и какая санкция и мера защиты должна быть предпринята для этого (сохранения общественного спокойствия).*

Поскольку право перед каждым и нас предстает как своеобразная граница свободы, формализованного равенства и требований социальной справедливости, *все это было бы достаточным для исходной характеристики сути организации социально-правового контроля*, по крайней мере, преступности и иных откровенно вредных (нежелательных) для общества социальных девиаций, *если бы не одно обстоятельство*. В нем нет указания на существеннейший принцип правового общения – на взаимную уравновешиваемую и сбалансированную ответственность тех, кто осуществляет этот контроль, и тех, кто ограничивается в свободе и в праве вследствие контроля. Если право есть справедливость, как отмечает В.Г. Графский, то в случае обнаружения в практическом его воплощении дефицита гарантированной ответственности оно лишается свойства и права, и справедливости [4, с. 24]. Вот такую ситуацию разбалансированности ответственности в уголовном праве мы наблюдаем сегодня.

Социально-правовой контроль преступности является сложным социально-правовым образованием. Для сохранения глубинных свойств права в него должны быть органически вплетены естественное и позитивное право – неотъемлемые права, свободы и обязанности человека, нормативно-регулятивные средства их обеспечения и контроля. При усиливающем монопольном праве государства на криминализацию и формирование санкционных механизмов воздействия на преступность и преступников, социальный контроль преступности (за исключением, может быть, традиционно общеуголовной) становится небезопасным для человека, общества и самого государства вследствие его безграничной хаотичности, неопределенности и криминологической необоснованности [5, с. 57-60; 6, с. 61-63; 7, с. 64-68].

Это касается также мер безопасности некарательного ограничения в отношении физических лиц, деятельности юридических лиц (организаций) и социальных групп, применяемых при наличии указанных в законе оснований и имеющие цель предотвращения вредоносного воздействия определенного источника опасности или ограждения объекта охраны от вредного влияния источников опасности. Необходимость введения этих мер будет расти и в сфере сдерживания преступности, особенно в борьбе с терроризмом, рецидивной, профессиональной, организованной преступностью и коррупцией, преступностью лиц, страдающими психическими заболеваниями, алкоголизмом и наркоманией, преступностью, которая связана с использованием техники как источников повышенной опасности.

Уже сегодня выделяют три вида санкций, которые должны и могут реализовываться в рамках строгой фиксации правового поля (контроля) их применения (санкции безопасности, санкции пресечения, санкции наказания).

Меры, направленные на пресечение криминальной опасности (преступления, преступности, криминогенной личности) или на защиту от нее, предлагается выделить в особую группу – антикриминальные меры безопасности [8, с. 26-33].

Что же делать? Думаю надо вернуться к истинно правовым истокам уголовного права. Эти истоки очень хорошо обозначены в определении уголовного права, которое дала Н. А. Лопашенко – это «основанная на идеях законности, равенства, вины, справедливости и гуманизма система правовых норм, … определяющих преступность и наказуемость общественно опасных деяний …» [9, с. 182].

Список цитированных источников

1. Лазарев, В. В. Интеграция права и имплементация интегративных подходов к праву в решении суда / В. В. Лазарев // Журнал российского права. – 2017. – № 7. – С. 5-18.
2. Исаев, И. А. Власть и закон в контексте иррационального / И. А. Исаев – М., 2006. С. 175.
3. Скобликов, П. А. Законодательная инициатива Верховного Суда РФ: еще ближе к гуманности, еще дальше от справедливости / П.А. Скобликов // Криминология: вчера, сегодня, завтра. – 2015. – № 4 (39). – С. 52-63.
4. Графский, В. Г. О непреодоленных трудностях в создании интегральной юриспруденции / В. Г. Графский // Журнал российского права. – 2017. – № 7. – С. 19-24.
5. Козаченко, И. Я. Нравственный потенциал уголовной ответственности: Основной доклад XIV Международной научно-практической конференции, посвященной памяти М.И. Ковалева (Екатеринбург, 16-17 февраля 2017 года). – Екатеринбург: Изд. дом Уральского государственного юридического университета, 2017. – 15 с.
5. Шестаков, Д. А. Поголовное чипирование как подмена бога шайкой земных хозяев (возвращаясь к Достоевскому) / Д.А. Шестаков // Криминология: вчера, сегодня, завтра. – 2016. – № 4 (43). – С. 57-60.
6. Голик, Ю. В. Преступление и наказание: что нас ждет / Ю. В. Голик // Криминология: вчера, сегодня, завтра. – 2016. – № 4 (43). – С. 61-63.
7. Данилов, А. П. Прогресс как криминогенный фактор / А. П. Данилов // Криминология: вчера, сегодня, завтра. – 2016. – № 4 (43). – С. 64-63.
8. Аликперов, Х. Д. Глобальный дистанционный контроль над преступностью: допустимость, возможность, издержки / Х. Д. Аликперов // Криминология: вчера, сегодня, завтра. – 2016. – № 3 (42). – С. 26-33.
9. Лопашенко, Н. А. Уголовное право: понятие, предмет, метод, система и задачи / Н. А. Лопашенко // Энциклопедия уголовного права. Т. 1. Понятие уголовного права. – Издание профессора Малинина. – СПб., 2005. – С.143-235.

Аннотация. В статье с позиции верховенства права и необходимости его интеграции в систему правового регулирования предпринята попытка раскрыть содержательно-функциональные свойства современного социального контроля преступности, который при усиливающем монопольном праве государства на криминализацию и формирование санкционных механизмов воздействия на преступность и преступников становится небезопасным для человека, общества и самого государства. Интересы олигархической власти становятся доминирующими факторами в формировании и реализации уголовной политики. На повестке дня формирование криминологического *компетенционно-распределительного* кодекса о публичных правонарушениях и систем защиты от посягательств на публичные интересы общества и государства.

LEGISLATION ON COMBATING CRIME IN THE WAY OF COMBINING LEGAL PRINCIPLES OF CRIMINAL POLICY

Khomich, Ul.M.

Keywords: counteraction to crime, rule of law, human rights function of criminal law, criminal law control of crime, law formation criminology.

Abstract. In the article, from the position of the rule of law and the need for its integration into the system of legal regulation, an attempt is made to reveal the content-functional properties of law in social crime control, which, when the state's monopolistic right on criminalization and forming sanctions mechanisms to influence criminality and criminals, becomes unsafe for a person and society and the state itself. The interests of the oligarchic power become the dominant factors in the formation and implementation of criminal policy. On the agenda is the formation of criminological competence-distribution legislation on public offenses and systems of protection against encroachment on the public interests of society and the state.

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА И ПРАКТИКИ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ

УДК 343.123.3

ДИСКУССИОННЫЕ ВОПРОСЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПРИНЦИПА ПРЕЗУМПЦИИ НЕВИНОВНОСТИ ПРИ ПРЕКРАЩЕНИИ ПРОИЗВОДСТВА ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ (УГОЛОВНОГО ПРЕСЛЕДОВАНИЯ) ПО НЕРЕАБИЛИТИРУЮЩИМ ОСНОВАНИЯМ

Богданович Н.А.

Ключевые слова: презумпция невиновности, прокурор, уголовное преследование, уголовный процесс, преступление, следователь, прекращение уголовного преследования, прекращение предварительного расследования, орган уголовного преследования, виновность.

Введение

Институт прекращения уголовных дел по нереабилитирующим основаниям в последние десятилетия вызывает особый научный интерес ввиду исторически сложившейся дискуссии о целесообразности существования в досудебном производстве возможности прекращения производства по уголовному делу либо уголовного преследования с освобождением от уголовной ответственности по так называемым нереабилитирующим основаниям, в связи с нарушением основных начал принципа презумпции невиновности.

Основная часть

Слово «презумпция» происходит от латинского «praesumptio» и означает предположение, основанное на вероятности (например, презумпция доверия, презумпция порядочности и т. д.) [1, с. 486]. Она имеет место в тех случаях, когда при наличии постоянной связи между двумя фактами (или группой фактов) предполагается, что если существует один факт, то существует и другой, объективно с ним связанный и из него вытекающий[2, с. 151].

Истоки презумпции невиновности, как принято считать, лежат во французской Декларации прав человека и гражданина 1789 года, ст. 9 которой гласила: поскольку каждый человек считается невиновным, пока его вина не установлена, то в случаях, когда признается нужным арест лица, любые излишне суровые меры, не являющиеся необходимыми, должны строжайше пресекаться законом [3, с. 484].

С тех пор презумпция невиновности была и остается прогрессивным правовым принципом, который направлен на ограничение произвола следственной и судебной власти, на защиту личности от необоснованных обвинений [4].

Рассматриваемый принцип закреплен в ст. 26 Конституции Республики Беларусь: «Никто не может быть признан виновным в преступлении, если его вина не будет в предусмотренном законом порядке доказана и установлена вступившим в законную силу приговором суда. Обвиняемый не обязан доказывать свою невиновность» [5].

Несколько иная дефиниция данного принципа приводится в ст. 16 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь (далее – УПК) [6]: «Лицо, обвиняемое в совершении преступления, считается невиновным, пока его виновность в совершении преступления не будет доказана в предусмотренном настоящим Кодексом порядке и не будет установлена вступившим в законную силу приговором суда (ч. 1). Обвиняемый не обязан доказывать свою невиновность. Орган уголовного преследования, суд не вправе перелагать обязанность доказывания на обвиняемого (ч. 2). Сомнения в обоснованности предъявленного обвинения толкуются в пользу обвиняемого (ч. 3). Приговор не может быть основан на предположениях (ч. 4)». К сожалению, ч. ч. 2 и 3 ст. 16 УПК не упоминают такого участника уголовного процесса, как подозреваемый, хотя по смыслу содержания презумпции невиновности на него также распространяется сфера действия это принципа в случае, когда речь идет о досудебном производстве.

Если оправдательный приговор, как итоговый процессуальный документ, не вызывает сомнений в невиновности лица, то основания к прекращению предварительного расследования (ст. 250 УПК), напротив, имеют продолжительную научную полемику. Все они существенно отличаются по своему содержанию и правовым последствиям применения.

В уголовно-процессуальной науке существует множество классификаций оснований прекращения предварительного расследования (уголовного преследования). Однако для соотношения с принципом презумпции невиновности актуальной будет именно та, которая делит их на 1) **реабилитирующие** (эта группа оснований предоставляет право на реабилитацию, она связана с установлением отсутствия преступления или невиновности лица в том деянии, по признакам которого возбуждалось дело) и 2) **нереабилитирующие** (основания, при которых право на реабилитацию при прекращении производства предварительного расследования обвиняемому не предоставлено).

При прекращении уголовного дела по реабилитирующим обвиняемого основаниям проблем, связанных с презумпцией невиновности, не возникает, так как при ссылке на эти основания сомнений в невиновности лица не может быть, поскольку их применение сопровождается восстановлением в полном объеме репутации лица, его абсолютную реабилитацию.

При прекращении предварительного расследования по уголовному делу по нереабилитирующим основаниям обвиняемый по сути дела признается виновным в совершении преступления не приговором суда, а постановлением прокурора или следователя, что, по мнению отдельных ученых, противоречит ст. 26 Конституции Республики Беларусь и реализации принципа презумпции невиновности. Эта научная версия вызывала всегда длительную историческую дискуссию, которую можно разделить на следующие этапы:

40-е – 60-е гг. прошлого века – когда только появились первые основания прекращения производства по уголовному делу (уголовному преследованию).

В обозначенный период становления института прекращения уголовного дела (уголовного преследования) острых споров не возникало в связи с четким разграничением института прекращения производства предварительного расследования и институтом судебного разбирательства. В своих научных трудах М.С. Строгович четко обозначил свою позицию: «если уголовное дело

прекращено, значит уголовного дела в юридическом понятии этого слова нет. Как же можно признавать человека виновным в преступлении без уголовного дела?» [7, с. 168]. Однако постепенно, в ходе научных изысканий данная позиция стала оспариваться и со временем проблема начала нарастать.

70-е – 80-е гг. прошлого века. Пик дебатов ученых пришелся именно на этот период.

Фактически мнения ученых можно было разделить на три группы. Первая полагала, что освобождение от уголовной ответственности может быть только по приговору суда (например, И.Л. Петрухин, В.П. Божьев [8, с. 22]). В частности, высказывалось мнение о наделении таким правом только суд, куда органы расследования обязаны обращаться в соответствующих случаях с ходатайством о прекращении уголовного дела по нереабилитирующим основаниям [9, с. 23]. В данном случае усматривается логический принцип – если, согласно ч. 1 ст. 16 УПК лицо может быть признано виновным в совершении преступления исключительно вступившим в законную силу приговором суда, то необходимо лишить органы предварительного расследования права прекращать производство по уголовному делу по нереабилитирующим основаниям. Вторая предлагала полное уничтожение данного института (например, А. М. Ларин [10, с. 86-93]), рассматривая единый итоговый процессуальный документ по уголовному делу – приговор. Третья – отстаивала право на самостоятельное существование данного института (например, В.З. Лукашевич [11, с. 179]), исключая нарушение принципа презумпции невиновности.

90-е гг. и по сегодняшний день – период, когда споры несколько утратили былой накал, однако вопрос периодически возникает в современной литературе (например, Мытник П.В. [12], Зайцева Л.Л. [4] и др.).

Если поддержать позицию о неконституционности института прекращения уголовного дела по нереабилитирующим основаниям, то отказ от данного института может привести к тому, что, например, ввиду истечения сроков давности или издания акта амнистии, необходимо будет: либо проводить судебное разбирательство (пусть даже в сокращённой форме, как это предусмотрено ст. 326 УПК), что предположит вынесение обвинительного приговора с немедленным освобождением от уголовной ответственности либо необходимо ввести некий «особый» порядок для таких дел, где допускается рассматривать вопросы исключительно связанные с прекращением уголовного дела. Что порождает вопрос: каким процессуальным решением это необходимо оформить? Так как приговор (по его сути) исключен, то остается постановление (или определение) суда о прекращении производства по уголовному делу. Последний пример, прежде всего, неудачен потому, что для получения статуса «свободен/оправдан» субъект должен затратить длительное время: сначала он ждет производства предварительного расследования в полном объеме, затем – судебного разбирательства и решения по делу. То есть признать его виновным невозможно ввиду положений УПК (ст. ст. 29, 30, 250 и пр.), а время, затраченное на все производство по уголовному делу, существенно возрастет. Подобное мнение можно встретить в работах Головко Л.В. [13], В.Н. Григорьева, А.В. Победкина, И.А. Зинченко [14] и др. авторов.

Изложенные сомнения ученых порождает одна причина – специфика понятия «виновность».

Если обратиться к досудебным стадиям, то проблема виновности кроется в следующем. Прекращение уголовных дел прокурором либо следователем на стадии предварительного расследования порождает один вопрос: кто должен признать невиновным обвиняемого до вступления обвинительного приговора в законную силу? Если это прокурор, то в его функции, согласно ст. 34 УПК, не входит установление виновности (либо невиновности) лица. Следователь согласно ст. 36 УПК осуществляет предварительное расследование, он обязан всесторонне, объективно и полно исследовать обстоятельство уголовного дела, в необходимых случаях осуществить уголовное преследование; если потребуется – привлечь в качестве обвиняемого (гл. 27 УПК), но никак не признать виновным (невиновным) лицо. Если обратиться к зарубежной практике, то, например, ч. 4 ст. 320 Уголовно-процессуального кодекса Швейцарии 2007 года (далее – УПК Швейцарии) предусматривает, что «вступившее в законную силу постановление о прекращении производства равнозначно оправдательному приговору», а предписание о полном или частичном прекращении по делу принадлежит прокуратуре (ч. 1 ст. 319 УПК Швейцарии) [15, с. 809-810], что предоставляет возможность приравнять постановление прокурора о прекращении дела к оправдательному приговору суда.

Таким образом, согласно положениям УПК, прокурор либо следователь не обладают полномочиями по признанию виновности (невиновности) лица.

Если исходить из позиции, что виновным обвиняемого считает закон, то здесь имеет место терминологическая путаница таких понятий как «окончание предварительного расследования» и «прекращение производства по уголовному делу» (применительно к стадии предварительного расследования).

Во-первых, согласно ч.1 ст. 30 УПК прекратить производство по уголовному делу с освобождением от уголовной ответственности может помимо суда, также прокурор или следователь (с согласия прокурора) в связи с применением мер административного взыскания; утратой деянием или лицом общественной опасности; деятельным раскаянием; примирением с потерпевшим; наличием оснований, предусмотренных ст. 20 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК) в отношении участника преступной организации или банды; передачей несовершеннолетнего под наблюдение родителей или лиц, их заменяющих. В указанных случаях для признания лица виновным не требуется постановления приговора. Речь идет о прекращении производства по уголовному делу на основании одноименного постановления прокурора или следователя, несмотря на наличие в деянии обвиняемого всех элементов состава преступления. Аналогичная норма присутствует и в ч. 2 ст. 30 УПК (освобождение от уголовной ответственности в связи с добровольными возмещением причиненного ущерба (вреда), уплатой дохода, полученного преступным путем, предусмотренного ст. 88^1 УК), где прокурор, используя свое право, может прекратить производство по уголовному делу опять же в отношении субъекта, в деяниях которого имеются все элементы состава преступления.

Во-вторых, согласно положениям ч.1 ст. 191 УПК одним из вариантов окончания производства предварительного следствия является вынесение постановления о прекращении производства по уголовному делу.

В-третьих, согласно ч. 1 ст. 250 УПК предварительное расследование по уголовному делу прекращается при наличии оснований, указанных в ст. 29, ч. ч.

1 и 2 ст. 30 УПК. При этом диспозиция ч. 1 ст. 250 УПК имеет не совсем совершенную конструкцию, т.к. прекращает уже не производство, а само предварительное расследование, тем самым предлагая третий вариант прекращения уголовного дела в стадии досудебного производства.

Во всех рассмотренных случаях закон предусматривает вину обвиняемого уже на стадии предварительного расследования, однако допускает возможность исключить судебное производство. В этих случаях под период «прекращения производства по уголовному делу» подпадает лишь стадия предварительного расследования, что, к сожалению, в приведенных примерах не совсем четко изложено в УПК. Предполагается, что дефиниция ст. 250 УПК все же должна носить более системный характер.

Таким образом, закон **устанавливает** во всех трех обозначенных позициях виновность обвиняемого как родовое понятие умысла и неосторожности, однако не **признает** виновным, что может делать только суд в своем приговоре. Причем период, пока приговор вступит в законную силу, может радикально изменить историю уголовного дела в связи с наличием оснований к апелляционному производству (ст. 389 УПК). Ввиду чего все рассуждения о признании обвиняемого виновным существуют лишь формально; юридическую силу суждение о виновности приобретает со дня вступления приговора в законную силу (ч. 2 ст. 42 УПК). Следовательно, если производство по уголовному делу прекращается в досудебных стадиях, презумпция невиновности продолжает действовать, поскольку органы уголовного преследования исключают перед судом возможность постановки вопросов о преступлении и наказании субъекта.

Сказанное позволяет сделать вывод о том, что постановление прокурора или следователя о прекращении предварительного расследования либо уголовного преследования по нереабилитирующим основаниям ни при каких обстоятельствах не может заменить приговор.

В современных международных источниках формула презумпции невиновности заложена в ч. 1 ст. 11 Всеобщей декларации прав человека: «каждый человек, обвиняемый в совершении преступления, имеет право считаться невиновным до тех пор, пока его виновность не будет установлена законным порядком путем гласного судебного разбирательства, при котором ему обеспечиваются все возможности для защиты» [16]. Несколько позже принцип был изложен в иной интерпретации в ч. 2 ст. 14 Международного пакта о гражданских и политических правах: «каждый обвиняемый в уголовном преступлении имеет право считаться невиновным, пока виновность его не будет доказана согласно закону» [17], при этом сохранив историческую сущность.

Современный подход к понимаю презумпции невиновности исходит из классификации правовых систем на континентальную и англо-саксонскую.

В континентальной системе подход очевиден: поскольку формально можно классифицировать континентальный уголовный процесс на досудебное и судебное производство, реализация принципа презумпции невиновности при решении вопроса о применении нереабилитирующих оснований аналогична нормам белорусского УПК. Также подобные нормы содержаться в уголовно-процессуальных кодексах Украины (ст. 17), Казахстана (ст. 19), Армении (ст. 18), Азербайджана (ст. 21), Российской Федерации (ст. 14), Узбекистана (ст. 23), Грузии (ст. 5), Швейцарии (ст. 10) и т.д.

В англосаксонской правовой системе не все так однозначно. Исторически сложилось, что ни один акт о правах человека не содержит упоминания о презумпции невиновности. Если сегодня и можно говорить о действии принципа презумпции невиновности в общеевропейском понимании, например, в Англии, то лишь через факультативное и непрямое применение положений Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод, к которой отсылает английский Закон о правах человека, принятый в 1998 г. в Англии и вступивший в силу в 2000 г. [18].

Сложно рассмотреть возможность применения нереабилитирующих оснований и соотнести их с реализацией презумпции невиновности в англосаксонской правовой системе, поскольку юридически такие институты в обозначенной системе не закреплены. По мнению профессора Головко Л.В. имеются две причины этого:

во-первых, в современном англосаксонском праве нельзя найти презумпцию невиновности в системообразующих конституционно-правовых актах Англии или США, по крайней мере, национального уровня;

во-вторых, проблемы англо-американского права с поисками у себя признаков презумпции невиновности объясняются серьезными теоретическими затруднениями: англосаксонский состязательный уголовный процесс построен на теории «спора». Если спора нет (обвиняемый признал вину), то доказывать или расследовать вовсе ничего не надо, на чем зиждется система так называемых сделок о признании, на основании которых, например, в США в 2013 году было рассмотрено 97,4% всех уголовных дел [19]. В этой связи возникают проблемы с формулировкой принципа презумпции невиновности: «Обвиняемый считается невиновным, пока его вина не установлена вступившим в законную силу приговором суда или **пока он сам не признал свою вину**?» Очевидный нонсенс, который сложно себе представить в современных правовых реалиях [18].

Заключение

Резюмируя сказанное, напрашивается вывод: институт прекращения производства по уголовному делу либо уголовного преследования по нереабилитирующим основаниям, связанным с освобождением лица от уголовной ответственности, не нарушает основные начала принципа презумпции невиновности. Если «установление виновности» означает наличие в действиях лица субъективной стороны состава преступления, то «признание виновным» всегда соотноситься с осуждением лица от имени государства обвинительным приговором суда.

Во-первых, следует четко разграничивать «вину» как родовое понятие умысла (ст. 22 УК) или неосторожности (ст. 23 УК) и «виновность», которая существует для обозначения доказанности совершения субъектом конкретного преступления и является своеобразной основой познания в уголовном деле (в частности, согласно п. 2 ч. 1 ст. 89 и ч. 1 ст. 356 УПК виновность лица подтверждается совокупностью доказательств). Иначе можно рассмотреть виновность лица, как одно из совокупных условий, приводящих к вменению деяния.

Во-вторых, необходимо разграничивать виновность обвиняемого в совершении преступления (п. 2 ч. 1 ст. 89 УПК), которую должен установить следователь (прокурор) для привлечения лица в качестве обвиняемого, даже если это в дальнейшем приведет к прекращению производства по уголовному делу по

основаниям, изложенным в ст.ст. 29, 30, 250 УПК (в данном случае постановление о соответствующем прекращении имеет процессуальную форму), и виновность, предусмотренную вступившим в законную силу приговором суда (несмотря на то, что сам приговор является процессуальным актом, содержание резолютивной части имеет исключительно уголовно-правовые последствия).

В-третьих, до вступления приговора суда в законную силу любые рассуждения на тему признания лица виновным носят голословный характер. Следовательно, если в возбуждении уголовного дела отказывают по основаниям, предусмотренным ст.ст. 29 или 30 УПК, либо производство по уголовному делу прекращается вынесением постановления на основании ст.250 УПК, то факт признания виновным лица не реализуется, а значит, презумпция невиновности также не прекращает действовать.

Сказанное позволяет сделать вывод о том, что постановление прокурора или следователя о прекращении предварительного расследования либо уголовного преследования по нереабилитирующим основаниям ни при каких обстоятельствах не может заменить приговор.

Список цитированных источников

1. Современный словарь иностранных слов / Сост. Н.М. Ланда. – М. : Русский язык, 1993. – 740 с.

2. Уголовный процесс БССР: учеб. пособие для юрид. вузов / под ред. С. П. Бекешко и Е. А. Матвиенко. – 2-е изд., испр. и доп. – Минск : Выш. школа, 1979. – 544 с.

3. Юридическая энциклопедия. Серия «Academia» / Академия Генеральной прокуратуры Российской Федерации ; под общ. ред. О. С. Капинус. – Т. 3. – М. : ООО «Буки Веди», 2017. – 800 с.

4. Зайцева, Л. Л. Презумпция невиновности и ее значение в уголовном процессе [Электронный ресурс] / Л. Л. Зайцева // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.

5. Конституция Республики Беларусь : с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г. и 17 окт. 2004 г. – Минск : Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2016. – 62 с.

6. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 16 июля 1999 г., № 295–З : принят Палатой представителей 24 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 30 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 17.07.2018 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. Центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.

7. Строгович, М. С. Курс советского уголовного процесса: в 2 т. / М.С. Строгович. М. : Издательство «Наука», 1970. – Т. 2 : Порядок производства по уголовным делам по советскому уголовно-процессуальному праву. – 516 с.

8. Божьев, В. П. Прекращение дел на досудебных стадиях уголовного судопроизводства / В. П. Божьев // Российская юстиция. – 1996. – № 5. – С. 21–22.

9. Петрухин, И. Л. Презумпция невиновности, конституционный принцип советского уголовного процесса / И. Л. Петрухин // Советское государство и право. – 1978. – № 12. – С. 18–26.

10. Ларин, А. М. Презумпция невиновности и прекращение уголовного дела по нереабилитирующим основаниям / А. М. Ларин // Суд и применение закона. – М.: Изд-во ИГиП АН СССР, 1982. – С. 86-93.

11. Лукашевич, В. З. Освобождение от уголовной ответственности и наказания // Конституция СССР и дальнейшее укрепление законности и правопорядка. – М. : Изд-во ИГиП АН СССР, 1979. – С. 174–177.

12. Мытник, П. В. Презумпция невиновности и прекращение уголовных дел по нереабилитирующим основаниям / П. В. Мытник // Судебный вестник. – 2001. – № 1. – С. 55–56.

13. Курс уголовного процесса [Электронный ресурс] / Л. В. Головко [и др.] ; под ред. проф. Л. В. Головко // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». – М., 2018.

14. Уголовный процесс России. Проблемные лекции: учебное пособие (для студентов высших юридических учебных заведений) / Науч. ред. В. Т. Томин, А. П. Попов и И. А. Зинченко. – Пятигорск : Изд. «РИА-КМВ», 2014. – 412 с.

15. Трефилов, А. А. Уголовный процесс зарубежных стран: в 15 т. – М. : ООО «НИПКЦ Восход-А», 2016. – Т. 1 : Уголовно-процессуальная компаративистика. Уголовный процесс Швейцарии. – 1004 с.

16. Всеобщая декларация прав человека [Электронный ресурс] : [принята и провозглашена резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН 10.12.1948 г.] // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.

17. О гражданских и политических правах: Международный пакт Организации Объединенных Наций [Электронный ресурс] : [принят в г. Нью-Йорке 16.12.1966 г.] // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.

18. Головко, Л. В. Презумпция невиновности и англо-американский уголовный процесс: проблемы совместимости [Электронный ресурс] / Л. В. Головко // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». – М., 2018.

19. Качалова, О. В. Теоретические основы ускоренного производства в российском уголовном процессе: монография / О. В. Качалова. – М. : Юрлитинформ, 2015. – 208 с.

Аннотация. В работе исследуются дискуссионные вопросы реализации принципа презумпции невиновности при прекращении производства по уголовному делу или уголовного преследования по нереабилитирующим основаниям. Автором дается характеристика исторических этапов исследуемой проблематики. Рассмотрены различные точки зрения современников. Проведен сравнительный анализ зарубежного законодательства.

DISCUSSION QUESTIONS IMPLEMENTATION OF THE PRINCIPLE «PRESUMPTION OF INNOCENCE» TERMINATION CRIMINAL PROCEEDINGS (CRIMINAL PROSECUTION) ON UNREHABILITATING GROUNDS

Bahdanovich N.A.

Keywords: presumption of innocence, prosecutor, a criminal prosecution, criminal procedure, crime, investigator, cessation of a criminal prosecution, the termination of the preliminary investigation, a prosecution authority, guilt.

Abstract. In work debatable questions of realisation of the principle «innocence of presumption» are investigated at phase-out on criminal case or criminal pursuing on unrehabilitating grounds. By author specification of historical phases of under study problems is given. Contemporaries various points of view are investigated. Comparative analysis of foreign legislation is conducted.

УДК 343.148

ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ПОЛНОМОЧИЯ РУКОВОДИТЕЛЯ ЭКСПЕРТНОГО УЧРЕЖДЕНИЯ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Боярина А.А.

Ключевые слова: судебная экспертиза, руководитель экспертного учреждения, судебно-экспертное учреждение, процессуальный статус, уголовный процесс.

Введение

Реформирование системы государственных судебно-экспертных учреждений (подразделений) путем образования Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь позволило не только сконцентрировать кадровые, материально-технические, образовательные и иные ресурсы в судебно-экспертной деятельности, но и акцентировать внимание на проблемных вопросах ее осуществления. Полагаем, что реализация единой государственной политики в данной сфере в первую очередь должна быть направлена на совершенствование ее правового регулирования, что особенно актуально с учетом наличия в республике субъектов хозяйствования, имеющих специальное разрешение (лицензию) на осуществление судебно-экспертной деятельности и занятых проведением судебных экспертиз на возмездной основе [1].

В этой связи Государственным комитетом судебных экспертиз Республики Беларусь совместно с иными государственными органами разрабатывается проект Закона «О судебно-экспертной деятельности». С учетом юридической силы нормативных правовых актов его положения должны подчиняться требованиям процессуальных кодексов Республики Беларусь, устанавливающим порядок назначения и проведения экспертизы, получения в качестве ее результата источника доказательства – заключения эксперта, а также полномочия участников процесса в данной части. Полагаем, что разрабатываемый законопроект направлен на решение в большей степени процедурных вопросов осуществления судебно-экспертной деятельности, а ее процессуальные основы должны регламентироваться в соответствующих кодексах. При этом, так как «решаемые экспертные задачи, объекты экспертизы, методы и методики экспертного исследования не зависят от процессуальной процедуры, а определяются родом и видом судебных экспертиз и изучаются общей теорией судебной экспертизы» [2, с. 10], действующая правовая регламентация требует унификации [3, с. 13-14].

Очевидно, что цель процессуальной деятельности вне зависимости от ее категории – это восстановление справедливости. Суть выполняемых

функций экспертом – оказание специализированной помощи путем применения специальных знаний, руководителем экспертного учреждения – организация проведения экспертизы, неизменна и не зависит от вида процесса.

Несмотря на то, что уголовно-процессуальный закон напрямую не относит руководителя к участникам уголовного процесса, процессуальный характер его полномочий отмечен известными учеными-криминалистами А.В. Дуловым и А.Р. Шляховым [4, с. 18; 5, с. 75].

В целях совершенствования правовой регламентации процессуального статуса руководителя экспертного учреждения (далее по тексту, в том числе в отношении руководителя судебно-экспертного учреждения, органа судебной экспертизы, – руководитель) рассмотрим его полномочия на примере уголовно-процессуального законодательства, в том числе евразийского, в котором предусмотрено более детальное их урегулирование.

Основная часть

Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь (далее – УПК Республики Беларусь) весьма узко определяет компетенцию руководителя. Исходя из ст.ст. 230 и 233 УПК Республики Беларусь, указанный субъект после получения постановления о назначении экспертизы и необходимых материалов наделен следующими полномочиями:

поручение проведения экспертизы одному или нескольким экспертам;

разъяснение экспертам, которым поручено проведение экспертизы, их прав и обязанностей, а также предупреждение их об установленной законодательством ответственности (соответствующая информация отражается в подписке);

организация проведения комплексных исследований.

Однако обозначенные выше полномочия руководителя, который взаимодействует с иными участниками уголовного процесса и фактически обеспечивает организацию проведения экспертизы как процессуального действия, не являются единственной процессуальной формой его деятельности.

Являясь процессуальным документом, заключение эксперта отражает ход проведенного исследования и сформулированные выводы, то есть познанные объективные закономерности определенной науки, причины, следствия, взаимосвязи между имевшимися и установленными обстоятельствами сквозь призму субъективности восприятия конкретного эксперта. Сочетание этих двух категорий (объективного и субъективного) усложняет и в этой связи предъявляет особые требования к проверке заключения на обоснованность и объективность.

С учетом сложности такой оценки несведущими лицами, которыми, как правило, являются лица, ведущие уголовный процесс, судебно-экспертная система вынуждена вырабатывать внутренние средства контроля, использование которых отсеивает «ненадлежащие» заключения, тем самым исключая (минимизируя) их негативное влияние на процесс доказывания и решение задач уголовного процесса.

Законодательно осуществление контроля за соблюдением срока производства судебной экспертизы, всесторонностью, полнотой и объективностью проводимых исследований, обеспечением сохранности объектов судебной экспертизы как одна из обязанностей руководителя нашло свое отражение в УПК Республики Казахстан. Несмотря на наличие таких полномочий, действия руководителя не должны нарушать принцип независимости эксперта (ч. 6 ст. 276

УПК Республики Казахстан). Полагаем, что включение аналогичной нормы в национальное законодательство будет способствовать повышению результативности использования специальных знаний в уголовном процессе.

Непосредственным следствием осуществления вышеуказанных полномочий является механизм реагирования руководителя на выявленные в заключении эксперта недостатки [6, с. 154-155; 7, с. 147-150; 8, с. 1047-1048; 9]. Безусловно, с учетом независимости эксперта и природы экспертизы как процессуального действия (специальный порядок назначения и невозможность повторного исследования в случае уничтожения либо повреждения ее объектов) руководитель не вправе дать указание об изменении (доработке) заключения либо поручить ее «новое проведение» иным работникам организации. Однако, следуя единым принципам уголовного процесса, руководитель как лицо, осуществляющее внутреннюю проверку заключения в соответствии со своими профессиональными обязанностями, не вправе оставить выявленные в нем нарушения без внимания.

Указанная позиция в целом поддержана и белорусским законодателем, предусмотревшим среди полномочий Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь обеспечение своевременного доведения до сведения государственных органов и иных организаций информации о недостатках, выявленных при проведении по их материалам экспертных исследований, повлиявших на экспертные выводы (ст. 10 Закона Республики Беларусь «О Государственном комитете судебных экспертиз Республики Беларусь»). Однако представляется, что данный инструмент контроля за качеством заключения эксперта должен стать обязательным для судебно-экспертных организаций независимо от формы собственности и найти свое закрепление в перечне процессуальных полномочий их руководителей.

Уголовно-процессуальными законами Республик Казахстан и Кыргызстан (ст.ст. 281 и 282; ст.ст. 180 и 181 соответственно) за руководителями закреплено право определять комплексный и комиссионный характер порученной для проведения экспертизы (в ст. 200 УПК Российской Федерации аналогичное полномочие предусмотрено в отношении комиссионной экспертизы) и, как следствие, организовывать их проведение в соответствии с установленными правилами. Такая позиция отвечает сложившейся в Республике Беларусь практике, когда при необходимости применения специальных знаний из различных областей деятельности для исследования объекта, информацией о чем не владело лицо, назначившее экспертизу, а также в ряде иных случаев руководителем организуется проведение комплексной либо комиссионной экспертизы. При этом, будучи принятым при наличии к тому оснований, данное решение направлено на повышение эффективности реализации задач уголовного процесса. Таким образом, руководитель «исправляет допущенные при вынесении постановления недостатки на основании своих специальных познаний и опыта» [10, с. 44]. Полагаем, что предлагаемый в литературе подход, заключающийся в уточнении характера предстоящего исследования и указании на необходимость проведения комплексной экспертизы [11, с. 17-18], не будет служить оперативности получения ее результатов. В качестве аналогии представляется возможным привести пример, когда орган, ведущий процесс, неверно указывает в постановлении вид (подвид) экспертизы либо использует названия, которые не соответствуют нормативным правовым актам,

определяющим виды (подвиды) судебных экспертиз, и современной классификации экспертиз. Однако в таких случаях руководитель самостоятельно определяет вид (подвид) экспертизы и организует его исполнение в полном объеме в соответствии с поставленными вопросами, не истребуя каких-либо разъяснений у лица, ведущего процесс.

Участники уголовного процесса в Республике Беларусь узнают сведения об эксперте, которому руководителем поручено проведение экспертизы, уже после ознакомления с ее результатами, что не позволяет в полном объеме реализовывать право на защиту путем заявления отвода. В этой связи отмечаем предусмотренное в УПК Российской Федерации (ч. 2 ст. 199) и Республики Казахстан (ч. 1 ст. 276) обязательное информирование руководителем лица, назначившего экспертизу, о конкретных экспертах, которым поручено ее проведение. Казахским законодателем также установлен трехдневный срок для такого уведомления.

Уголовно-процессуальными законами Российской Федерации (ст. 199), Республики Казахстан (ст. 276), Республики Кыргызстан (ст. 177) руководитель уполномочен на возврат постановлений о назначении экспертизы без исполнения. При этом в законах Казахстана и Кыргызстана в отличие от аналогичного закона Российской Федерации перечень указанных оснований наиболее широкий. Принимая во внимание обязательность исполнения постановления о назначении экспертизы (ст. 227 УПК Республики Беларусь), полагаем, что для его возврата без исполнения требуется процессуальная основа, так как данное решение влечет определенные процессуальные последствия (к примеру, вынесение постановления о назначении экспертизы в иное судебно-экспертное учреждение или иному судебному эксперту). Среди оснований для его принятия представляется возможным определить отсутствие судебного эксперта, обладающего необходимыми специальными знаниями, нужной материально-технической базы и (или) специальных условий для проведения экспертизы.

Помимо вышеуказанных полномочий, полагаем, что процессуальному закреплению подлежит возможность принятия руководителем постановления о назначении экспертизы к исполнению лично без поручения ее проведения кому-либо из подчиненных либо путем участия в ее проведении в составе комиссии экспертов.

Принимая во внимание ознакомление с материалами экспертизы в ходе реализации руководителем управленческой функции, представляется вполне обоснованным распространить на него обязанность по неразглашению сведений, ставших известными в связи с организацией проведения экспертизы. Такое положение высказывалось и Е.П. Ореховой [12, с. 121].

Следует отметить, что УПК Республики Беларусь оперирует понятием «руководитель экспертного учреждения». В Гражданском кодексе Республики Беларусь под учреждением понимается организация, созданная для осуществления функций некоммерческого характера, в связи с чем возникает вопрос об обоснованности применения указанного понятия к юридическим лицам, имеющим лицензию на осуществление судебно-экспертной деятельности, и, соответственно, распространения полномочий, предусмотренных ст.ст. 230 и 233 УПК Республики Беларусь, на их руководителей. На коммерческий характер их деятельности указывает определение судебно-экспертной

деятельности, содержащееся в п. 4224 Положения о лицензировании отдельных видов деятельности, утвержденного Указом Президента Республики Беларусь от 1 сентября 2010 г. № 450, согласно которому один из ее признаков – возмездный характер оказываемой услуги по проведению судебной экспертизы. Полагаем, что отсутствие четкого правового регулирования в данном вопросе имеет место и в отношении руководителей экспертных подразделений в государственных судебно-экспертных учреждениях.

Заключение

Таким образом, на основании изложенного в целях совершенствования процессуального статуса руководителя, в ведении которого находятся вопросы организации проведения судебных экспертиз, на наш взгляд, представляется обоснованным внести в УПК Республики Беларусь следующие изменения и дополнения. Предлагается вместо понятия «руководитель экспертного учреждения» ввести понятие «руководитель судебно-экспертной организации (подразделения)», предусмотрев в п. 371 ст. 6 УПК Республики Беларусь следующее определение:

«руководитель судебно-экспертной организации (подразделения) – Председатель Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь, руководители органов и экспертных подразделений Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь и их заместители, а также руководители иных государственных судебно-экспертных учреждений, организаций, имеющих специальные разрешения (лицензии) на осуществление судебно-экспертной деятельности, и их заместители».

Принимая во внимание, что руководитель вступает в уголовный процесс и является его участником только в случае поручения уполномоченным лицом проведения экспертизы возглавляемой им экспертной организации, предлагается изложить ч. 2 ст. 230 УПК Республики Беларусь следующим образом:

«Руководитель судебно-экспертной организации (подразделения):

поручает проведение экспертизы одному или нескольким экспертам, о чем уведомляет лицо, назначившее экспертизу;

разъясняет экспертам, которым поручает проведение экспертизы, их права и обязанности, а также предупреждает об установленной законодательством ответственности;

имеет право проводить экспертизу лично либо совместно с иными экспертами;

возвращает без исполнения постановление о назначении экспертизы и материалы, представленные для ее проведения, если отсутствуют эксперт, обладающий необходимыми специальными знаниями в науке, технике, искусстве, ремесле и иных сферах деятельности, материально-техническая база и (или) специальные условия, необходимые для проведения экспертизы, указав мотивы возврата.».

По аналогии с комплексной экспертизой полагаем целесообразным предусмотреть правовое закрепление обязанности руководителя судебно-экспертной организации (подразделения) по организации проведения комиссионной экспертизы, дополнив соответствующей нормой ст. 232 УПК Республики Беларусь.

Кроме того, предлагается распространить на руководителя судебно-экспертной организации (подразделения) ответственность за разглашение сведений, ставших известными в связи с организацией проведения экспертизы.

Список цитированных источников

1. Государственный комитет судебных экспертиз Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://sudexpert.gov.by. – Дата доступа: 30.08.2018.

2. Россинская, Е. Р. Некоторые проблемы законодательной регламентации судебной экспертизы и пути их разрешения / Е. Р. Россинская // Судебная экспертиза. –2012. – № 2. – С. 9-22.

3. Клинчук, А. В. Концептуальные основы Закона «О судебно–экспертной деятельности» / А. В. Клинчук, Л. О. Занимон // Судебная экспертиза Беларуси. – 2016. – № 1. – С. 12-14.

4. Дулов, А. В. Процессуальные проблемы судебной экспертизы: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12 00 09 / А. В. Дулов; БГУ. – Минск, 1963. – 24 с.

5. Шляхов, А. Р. Труды по судебной экспертизе / А. Р. Шляхов. – М.: Наука, 2006. – 567 с.

6. Антонов, О. Ю. Проблемы использования специальных знаний в уголовном судопроизводстве и пути их решения / О. Ю. Антонов // Актуальные проблемы российского права. – 2017. – № 6 (79). – С. 149-157.

7. Любовицкий, А. В. Оценка заключения эксперта как субинститут судебно–экспертной деятельности / А. В. Любовицкий // Вестник удмуртского университета. – 2013. – № 4. – С. 147-150.

8. Галяшина, Е. И., Россинская, Е. Р. Законодательство о судебной экспертизе и пути его совершенствования / Е. И. Галяшина, Е. Р. Россинская // LEX RUSSICA. – 2006. – № 6. – С. 1033-1055.

9. Зайцева, Е. А. Совершенствование правового института судебной экспертизы в стадии расследования: автореф. дис. … канд. юрид. наук: 12.00.08 / Е. А. Зайцева; Министерство внутренних дел РФ. Высшая следственная школа. – Волгоград, 1994 [Электронный ресурс] / Федеральный образовательный портал «Юридическая Россия». – Режим доступа: http://www.law.edu.ru. – Дата доступа: 06.07.2018.

10. Щербаковский, М. Процессуальные полномочия руководителя экспертного учреждения как субъекта судебно–экспертной деятельности / М. Щербаковский // Legea si viata. – 2015. – № 6. – С. 42-45.

11. Червинский, А. С. Уголовно–процессуальный статус руководителя судебно-экспертного учреждения: автореф. дис. … канд. юрид. наук: 12.00.09 / А. С. Червинский; Нижегородский гос. ун–т им. Н.И. Лобачевского. – Нижний Новгород, 2011. – 24 с.

12. Орехова, Е. П. Субъекты судебно–экспертной деятельности / Е. П. Орехова // Вопросы криминологии, криминалистики и судебной экспертизы: сб. науч. тр. / НПЦ Гос. комитета суд. экспертиз Респ. Беларусь ; редкол. : А. С. Рубис (гл. ред.) [и др.]. – Минск: Право и экономика, 2017. – Вып. 1 (41). – С. 117-123.

Аннотация. В статье рассмотрены вопросы правовой регламентации процессуального статуса руководителя экспертного учреждения. Проанализированы положения зарубежного уголовно–процессуального законодательства на предмет возможности их использования в национальных нормативных правовых актах. Приведены

мнения представителей научного сообщества по рассматриваемому вопросу. Автором предложено введение в УПК Республики Беларусь понятия «руководитель судебно–экспертной организации (подразделения)» и его определение, а также новая редакция части 2 статьи 230 УПК, которой регламентируются его полномочия. В статье обосновывается наделение руководителя судебно-экспертной организации (подразделения) дополнительно следующими полномочиями: проводить экспертизу лично либо совместно с иными экспертами, возвращать в строго определенных УПК случаях без исполнения постановление о назначении экспертизы и материалы, представленные для ее проведения. Предлагаемые изменения и дополнения направлены на совершенствование уголовно-процессуального законодательства и служат решению задач уголовного процесса.

PROCEDURAL AUTHORITY OF THE HEAD OF THE FORENSIC INSTITUTION IN THE CRIMINAL PROCESS

Boyarina A.A.

Keywords: forensic examination, head of the forensic institution, forensic institution, procedural status, criminal procedure.

Abstract. The article discusses legal regulation issues of procedural status of a head of a forensic institution. The rules of the foreign criminal procedure legislation are analyzed in order to determine possibility of their using in national legal system. There are some opinions of the scientific community representatives on the issue under consideration. The author proposes to introduce the term «head of forensic examination organization (subdivision)» to the Criminal Procedure Code of the Republic of Belarus and its definition as well as a new version of Part 2 of Article 230 of the Criminal Procedure Code, which regulates the authority of the head of the forensic examination organization (subdivision). In the article the author substantiates following additional authorization of the head of the forensic examination organization (subdivision): to carry out forensic examination personally or together with other experts, to return decision on expertise and the relevant materials without the execution in strictly defined cases set by the Criminal Procedure Code. The proposed amendments and additions are aimed at improving the criminal procedural legislation and solving the tasks of the criminal process.

УДК 343.98

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКАЯ ПРОГРАММА ИЗУЧЕНИЯ ПРОКУРОРОМ МАТЕРИАЛОВ УГОЛОВНОГО ДЕЛА О НАРУШЕНИИ ТРЕБОВАНИЙ ОХРАНЫ ТРУДА И ПРАВИЛ БЕЗОПАСНОСТИ

Григорьева М.А.

Ключевые слова: криминалистика, криминалистический анализ, прокурорский надзор, государственное обвинение, нарушение требований охраны труда, нарушение правил безопасности, программно-целевой метод.

Введение

В приказах Генерального прокурора Российской Федерации от 25 декабря 2012 года № 465 «Об участии прокуроров в судебных стадиях уголовного судопроизводства» и от 2 июня 2011 г. № 162 «Об организации прокурорского

надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия» прокурорам предписано на стадии принятия решения по уголовному делу, поступившему с обвинительным заключением, проверять соответствие выводов следователя установленным в ходе расследования обстоятельствам дела, правильности квалификации содеянного, соблюдение уголовно-процессуальных норм при производстве следственных и иных процессуальных действий и подготовке процессуальных документов, а также указано на необходимость заблаговременной подготовки к судебному заседанию, продумывания тактики своих действий. Деятельность прокурора, как обоснованно указывается в научной литературе, заключается как в самостоятельном познании надзирающим прокурором, государственным обвинителем события преступления, так и анализе содержания и результатов деятельности по расследованию преступления [1, с. 40]. Подобный анализ материалов уголовного дела прокурором (в том числе поддерживающим государственное обвинение) абсолютно справедливо относится учеными криминалистами и процессуалистами к числу методов практической деятельности поисково-познавательного характера, имеет комплексный (процессуально-криминалистический) характер и основан на изучении имеющейся в материалах уголовного дела информации о деятельности субъектов по выявлению и расследованию преступлений, ее промежуточных и конечных результатах [2, с. 19]. Однако несколько конкретизируем содержание анализа прокурором (как надзирающим за расследованием, так и государственным обвинителем) материалов уголовного дела. Представляется, что он выражается в их анализе с точки зрения соответствия требованиям федерального законодательства (а именно, соответствия требованиям действующего федерального законодательства процедуры и процессуального оформления хода и результатов досудебной стадии уголовного преследования), а также с точки зрения полноты отражения в материалах уголовного дела обстоятельств, подлежащих установлению при расследовании того или иного вида (разновидности) преступлений, принятии на основе имеющейся информации решения о правильности или неправильности квалификации деяния, и необходимости восполнения пробелов в доказательственной базе в ходе рассмотрения уголовного дела в суде.

Как показывают результаты анализа судебно-следственной практики, расследование нарушения требований охраны труда и правил безопасности (то есть преступлений, предусмотренных ст. 143 УК РФ и ст. 216 УК РФ) связано с рядом проблем (необоснованно поверхностная оценка материалов расследования несчастного случая (технического расследования причин аварии), неустановление причинно-следственной связи между нарушением требований, правил и наступившими общественно опасными последствиями, неправильное установление виновного в преступлении лица и т.п.). Помимо этого, интервьюирование прокурорских работников в ходе практических занятий на факультете профессиональной переподготовки и повышения квалификации Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университет прокуратуры Российской Федерации позволяет констатировать, что следователи, осуществляющие предварительное расследование по уголовным делам о нарушении требований охраны труда и правил безопасности, зачастую не владеют знаниями относительно предмета доказывания по уголовным делам

о названных преступлениях. А ведь неустановление или недостоверное установление хоты бы одного элемента системы обстоятельств преступления свидетельствует об отсутствии полноты, всесторонности, объективности расследования и означает, что совершение преступления не доказано.

В научной литературе основное внимание уделяется лишь особенностям расследования исследуемых преступлений [3, 4, 5, 6, 7, 8], в то же время научные исследования, посвященные криминалистическому анализу прокурором материалов уголовного дела о нарушении требований охраны труда и правил безопасности, отсутствуют. Полагаем, разработанная криминалистическая программа [9, с. 8-11, 10, с. 27-28] анализа прокурором материалов уголовного дела поможет ему в анализе и систематизации имеющейся в уголовном деле о нарушении требований охраны труда и правил безопасности информации, выявлении тех сведений, которые в материалах дела не отражены и принятии решения о возвращении уголовного дела для производства дополнительного расследования, либо о восполнении доказательственной базы в ходе судебного рассмотрения уголовного дела, а в итоге – в решении всех задач уголовного преследования.

Основная часть

При разработке названной криминалистической программы мы исходили из доминирующего значения предмета доказывания, сформулированного в ст. 73 УПК РФ, уголовно-правовой и криминалистической характеристики нарушения требований охраны труда и правил безопасности. Такой подход позволил сформулировать программу, включающую в себя следующие вопросы:

1. Имеется ли в деле достаточная информация относительно факта нарушения требований охраны труда и правил безопасности: какого вида работы производились; какие нормативные акты регулируют безопасное выполнение этих работ и приобщены ли они к материалам уголовного дела; когда, в каких условиях, с использованием какого оборудования должна была осуществляться подготовка, производство (завершение) работ конкретного вида; каким образом фактически осуществлялась подготовка, производство (завершение) конкретных видов работ; какие конкретно требования охраны труда и правила безопасности нарушены, каков способ их нарушения; все ли документы, в которых могут найти отражение факты нарушения требований охраны труда и правил безопасности и сокрытия их следов, изъяты, исследованы и приобщены надлежащим образом к материалам уголовного дела.

2. Установлено ли в ходе расследования место нарушения требований охраны труда и правил безопасности, их сокрытия, наступления общественно опасных последствий преступления, в том числе место фактического нахождения организации, осуществляющей работы, и ее характеристика.

3. Установлено ли в ходе расследования время нарушения правил безопасности при ведении строительных работ, его сокрытия, наступления общественно опасных последствий преступления. Прокурору необходимо помнить, что поскольку субъекты преступлений, предусмотренных ст. 216 и ст. 143 УК РФ, специальные, в связи с этим в материалах уголовного дела должна быть отражена информация о дате назначения виновного на должность, получении задания на выполнение конкретной работы; периоде, в течение которого виновный занимал указанную должность, выполнял конкретную

работу; о времени отсутствия субъекта преступления на работе, а также времени, в течение которого его замещало (исполняло обязанности) другое лицо.

4. Имеется ли в материалах уголовного дела информация о факте наступления общественно опасных последствий преступлений и их характере. Отдельное внимание должно быть уделено сведениям о том, кому конкретно в результате нарушения требований охраны труда и правил безопасности причинена смерть или вред здоровью (причина смерти, характер и механизм образования телесных повреждений, степень их тяжести), каков характер морального вреда, причиненного пострадавшему, в чем выразился материальный ущерб, причиненный в результате совершения преступления (стоимостная характеристика в денежном выражении), а также повлекло ли нарушение требований охраны труда и правил безопасности убытки организации вследствие простоя по причине происшествия, ущерб деловой репутации, затраты на ликвидацию последствий несчастного случая (аварии) и не нанесен ли урон окружающей природной среде, не повреждены или не утрачены ли объекты культурного наследия (памятники истории и культуры).

5. Подтверждается ли материалами уголовного дела наличие причинной связи между допущенным нарушением (нарушениями) требований охраны труда и правил безопасности и наступившими вредными последствиями; какое конкретно нарушение требований охраны труда и правил безопасности было допущено и кем; какие общественно опасные последствия наступили, было ли их наступление неизбежным; какое конкретно нарушение правил безопасности обусловило наступление общественно опасных последствий; могли ли при отсутствии исследуемого нарушения правил безопасности наступить данные общественно опасные последствия; имелась ли у виновного возможность предвидеть наступление общественно опасных последствий и предотвратить их; какие действия (бездействие) совершены пострадавшим, не явились ли они причиной наступления общественно опасного события, можно ли их расценивать как грубую неосторожность.

6. Имеется ли в деле достаточная информация о личности пострадавшего и его роли в нарушении правил безопасности при ведении строительных работ: допущено ли нарушение требований охраны труда и правил безопасности самим пострадавшим, каков его характер, имело ли место противоправное поведение пострадавшего в форме грубой неосторожности; сведения демографического характера; данные о психофизиологических признаках личности пострадавшего; данные об уровне профессиональной подготовки и профессиональной деятельности пострадавшего:

7. Правильно ли определен субъект преступления. Подтверждается ли материалами уголовного дела виновность указанного лица, а также наличие обстоятельств, влияющих на характер и степень его вины: на кого из сотрудников организации (индивидуального предпринимателя) была возложена обязанность по обеспечению безопасных условий труда при подготовке, ведении (завершении) работ, во время производства которых имело место происшествие; кто допустил нарушение требований охраны труда и (или) правил безопасности при подготовке, выполнении (завершении) работ.

Имеется ли в материалах уголовного дела характеристика личности обвиняемого: сведения демографического характера; данные

о психофизиологических признаках личности; данные об уровне профессиональной подготовки и профессиональной деятельности.

8. Установлены ли следствием обстоятельства, способствовавшие преступлению; обстоятельства, исключающие преступность и наказуемость деяния; смягчающие и отягчающие наказание обстоятельства; а также обстоятельства, которые могут повлечь за собой освобождение от уголовной ответственности и наказания.

9. Кем, в какие сроки и где проводилась проверка сообщения о нарушении требований охраны труда и правил безопасности, какие средства и методы сбора информации использовались; соблюдены ли требования законодательства при принятии и проверке сообщений о названных преступлениях.

10. Кем, когда, где принято решение о возбуждении уголовного дела; имелись ли для этого повод и основание.

11. Кем, в какие сроки, где производилось предварительное расследование. Правильно ли определена подследственность и место производства предварительного расследования.

12. Как, когда и при каких обстоятельствах, из каких источников была получена та или иная информация по делу. Отвечают ли использованные доказательства требованиям относимости, допустимости, достоверности и достаточности.

13. Не имеется ли противоречий в свидетельских показаниях, соответствуют ли они другим материалам уголовного дела.

14. Кто привлекался в качестве экспертов и специалистов. Имеется ли в уголовном деле достаточная информация о компетентности экспертов, специалистов в той области, в которой они проводили соответствующие исследования. Соответствуют ли выводы судебных экспертиз иным материалам уголовного дела. Не имеется ли противоречий между заключениями различных судебных экспертиз.

15. Правильно и полно ли определены обстоятельства, способствовавшие совершению нарушения требований охраны труда и правил безопасности, приняты ли следователем меры к устранению указанных обстоятельств.

16. Соответствует ли обвинительное заключение материалам уголовного дела, все ли необходимые материалы нашли отражение в обвинительном заключении, правильно ли отражено их содержание.

17. Какие имеются пробелы в системе доказательств, каков их характер и имеется ли необходимость производства дополнительного расследования или возможность их восполнить в ходе судебного разбирательства и каким образом. Какие обстоятельства необходимо исследовать дополнительно. Из каких источников может быть получена недостающая информация, каким способом.

Заключение

В заключение сформулируем следующий вывод: анализируя материалы уголовного дела о нарушении требований охраны труда и (или) правил безопасности с использованием данной криминалистической программы, прокурор, осуществляющий прокурорский надзор за расследованием или поддержание государственного обвинения, получит возможность проверить, все ли обстоятельства названных преступлений установлены, какими доказательствами они подтверждаются, оценить эти доказательства с точки

зрения относимости, допустимости, достоверности и достаточности, а также установить, какие из обстоятельств нуждаются в дополнительной проверке.

Список цитированных источников

1. Руководство для государственного обвинителя: Учебное пособие / Под ред. докт. юрид. наук, проф. О. Н. Коршуновой. 2-е изд., испр. и доп. – Санкт-Петербург : «Издательство «Юридический центр-Пресс», 2011. – 772 с.

2. Криминалистический анализ и оценка прокурором материалов уголовного дела: монография / Н. А. Данилова, В. Н. Исаенко, О. Н. Коршунова, Т. Г. Николаева; отв. ред. В.Н. Исаенко; Акад. Ген. прокуратуры Российской Федерации. – Москва, 2013. – 244 с.

3. Беляева, И. М. Практика и проблемы методики расследования преступлений, нарушающих безопасные условия труда: дис. … канд. юрид. наук: 12.00.09. – Челябинск, 2006. – 281 с.

4. Образцов, В. А. Теоретически основы раскрытия преступлений, связанных с ненадлежащим исполнением профессиональных функций в сфере производства / В.А. Образцов. – Иркутск : Изд-во Иркутского ун-та, 1985. – 109 с.

5. Рохлин, В. И. Расследование преступных нарушений правил техники безопасности: конспект лекций / В.И. Рохлин. – Ленинград : Институт усовершенствования следственных работников при Прокуратуре СССР, 1980. – 28 с.

6. Расследование преступных нарушений правил техники безопасности: общие положения / Н. А. Селиванов, В.И. Беджашев, Л.Н. Викторова [и др.]. – Москва : Изд-во Всесоюзного научно-исследовательского института проблем укрепления законности и правопорядка, 1990. – 80 с.

7. Шалумов, М. С. Программа расследования преступных нарушений правил электробезопасности. Методическое пособие. – Москва : НИИ проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры РФ, 1997. – 80 с.

8. Яблоков, Н. П. Исследование обстоятельств преступных нарушений правил безопасности труда / Н.П. Яблоков. – Москва : Изд-во Московского ун-та, 1980. – 146 с.

9. Густов, Г. А. Разработка и использование типовых криминалистических программ в работе по уголовному делу: методические рекомендации / Г. А. Густов. – Ленинград, 1989. – 24 с.

10. Шаталов, А. С. Криминалистические алгоритмы и программы. Теория. Практика. Прикладные аспекты / А. С. Шаталов. – Москва : Лига Разум, 2000. – 250 с.

Аннотация. Определено авторское содержание понятия «анализ прокурором материалов уголовного дела», а также разработана криминалистическая программа анализа прокурором материалов уголовного дела о нарушении требований охраны труда и правил безопасности, позволяющая оптимизировать работу прокурора, осуществляющего надзор за расследованием или поддержание государственного обвинения по уголовным делам данных видов.

FORENSIC PROGRAM OF THE PROSECUTOR'S STUDY OF THE MATERIALS OF THE CRIMINAL CASE ON VIOLATION OF LABOR PROTECTION REQUIREMENTS AND SAFETY RULES

Grigorieva M.A.

Keywords: criminology, forensic analysis, prosecutorial supervision, public prosecution, violation of labor protection requirements, violation of safety rules, program-target method.

Abstract: the author's content of the concept "analysis of materials of criminal case by the Prosecutor" is defined, and also the criminalistic program of the analysis by the Prosecutor of materials of criminal case about violation of requirements of labor protection and safety rules allowing to optimize work of the Prosecutor exercising supervision of investigation or maintenance of the state charge on criminal cases of these types is developed.

УДК 343,121

ПРАВО НА ЗАЩИТУ КАК ГАРАНТИЯ ПРАВ ПОДОЗРЕВАЕМОГО, ОБВИНЯЕМОГО, ПОДСУДИМОГО В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Каратаев Т.Ж.

Ключевые слова: защита, юридическая помощь, адвокат, защитник, участники уголовного процесса, подозреваемый и обвиняемый, свидетель имеющих на защиту, адвокатская деятельность.

Введение

Высшими ценностями Республики Казахстан являются человек, его жизнь, права и свободы, которые гарантированы Конституцией Республики Казахстан. Каждый имеет право на признание его правосубъектности и вправе защищать свои права и свободы всеми не противоречащими закону способами (ст. 13 Конституции Республики Казахстан) [1]. Данные права человека реализуются в уголовном, административном и гражданском процессе.

В уголовном процессе право на защиту имеют его участники, заинтересованые в исходе дела: свидетель, имеющий право на защиту, подозреваемый, обвиняемый. Перечисленные лица считаются невиновными до вступления в законную силу обвинительного приговора и вправе всеми законными средствами защищать свои права в уголовном процессе (ст. 19 УПК РК) [2].

Право на защиту неотделимо от гарантий его осуществления, в связи с этим в ст. 26 УПК Республики Казахстан закреплен принцип обеспечения подозреваемому, обвиняемому право на защиту, которое они могут осуществлять лично, либо с помощью защитника, законного представителя.

Право на защиту – это совокупность всех предоставленных законом процессуальных возможностей для опровержения возникшего подозрения, смягчения ответственности и наказания, а также право оправданного на возмещение вреда, причиненного незаконным задержанием, вынесением постановления о квалификации деяния подозреваемого, применением меры пресечения, преданием суду и осуждением [3].

Основная часть

Возможность подозреваемого (обвиняемого) самостоятельно осуществлять защиту своих прав и законных интересов означает, что он должен, прежде всего, знать сущность и причины выдвинутого против него подозрения (обвинения). Перечень прав подозреваемого, обвиняемого указаны в ст.ст. 64, 65 УПК РК. Таковыми правами являются (в зависимости от процессуального положения): знать, в чем он подозревается (обвиняется) и получить от лица, осуществляющего задержание, разъяснение принадлежащих прав; получить копии постановлений о признании подозреваемым, квалификации деяния, протокол задержания и другие (ст. 64 УПК). Обвиняемый имеет дополнительно ряд прав, присущих его статусу: получить копию утвержденного прокурором обвинительного акта, протокола об уголовном проступке; на любой стадии расследования заявить ходатайство, выразить согласие о заключении процессуального соглашения и заключить процессуальное соглашение, получить копию процессуального соглашения (ст. 65 УПК). Подсудимый имеет право участвовать в судебном разбирательстве дела в суде первой и апелляционной инстанций (ст. 65 УПК).

Кроме того, подозреваемому вручается копия протокола задержания либо копия постановления о применении к нему меры пресечения (140 УПК РК). В законе не оговаривается, в каком объеме подозреваемому следует разъяснить сущность подозрения. Если лицо признано обвиняемым, то в обязательном порядке ему вручается копия обвинительного акта (ст. 304 УПК).

Следователь, прокурор, суд, учитывая индивидуальные особенности личности (возраст, жизненный опыт, образование), должны разъяснить сущность подозрения (обвинения), квалификацию уголовного правонарушения и возможные последствия в доходчивой и понятной форме для подозреваемого, обвиняемого (подсудимого). Если у лица имеется защитник, то разъяснение прав является также и его обязанностью.

Право на защиту подозреваемого, обвиняемого и подсудимого при их желании осуществления с помощью защитника.

Защитник – это лицо, осуществляющее в установленном законом порядке защиту прав и интересов свидетеля, имеющего право на защиту, подозреваемого, обвиняемого, подсудимого, осужденного, оправданного и оказывающее им юридическую помощь при производстве по уголовному делу. Защитник призван выяснять все обстоятельства, свидетельствующие в пользу подозреваемого, обвиняемого и подсудимого, а также оказывать необходимую юридическую помощь. Правами, которыми наделяется защитник для выполнения своих обязанностей, также обладают подозреваемый, обвиняемый. Соответственно, их нарушение всегда влечет нарушение права на защиту подозреваемого, обвиняемого и подсудимого.

Согласно ч. 2 ст. 66 УПК РК в качестве защитников допускаются только адвокаты. При участии адвоката в уголовном процессе в качестве защитника наряду с ним по письменному заявлению свидетеля, имеющего право на защиту, подозреваемого, обвиняемого, подсудимого, осужденного, оправданного их защиту может осуществлять одно из следующих лиц: супруг (супруга) или близкий родственник, опекун, попечитель либо представитель организации, на попечении или иждивении которой находится подзащитный.

На основании ст. 7 Закона Республики Казахстан «Об адвокатской деятельности» от 5 декабря 1997 года № 195 «Адвокат – это гражданин Республики Казахстан, имеющий высшее юридическое образование, получивший лицензию на занятие адвокатской деятельностью, обязательно являющийся членом коллегии адвокатов и оказывающий юридическую помощь на профессиональной основе в рамках адвокатской деятельности» [4].

Защитник вправе участвовать в уголовном процессе с момента получения лицом статуса свидетеля, имеющего право на защиту, подозреваемого, обвиняемого, а также в любой последующий момент уголовного процесса. Адвокат в качестве защитника приглашается свидетелем, имеющим право на защиту, подозреваемым, обвиняемым, подсудимым, осужденным, оправданным, их законными представителями, а также другими лицами по поручению или с их согласия.

На основании ст. 67 УПК РК участие защитника в производстве по уголовному делу обязательно в случаях, если: 1) об этом ходатайствуют подозреваемый, обвиняемый, подсудимый, осужденный, оправданный; 2) подозреваемый, обвиняемый, подсудимый, осужденный, оправданный не достигли совершеннолетия; 3) подозреваемый, обвиняемый, подсудимый, осужденный, оправданный в силу физических или психических недостатков не могут самостоятельно осуществлять свое право на защиту; 4) подозреваемый, обвиняемый, подсудимый, осужденный, оправданный не владеет языком, на котором ведется судопроизводство; 5) лицо подозревается, обвиняется в совершении преступления, за которое в качестве меры наказания могут быть назначены лишение свободы на срок свыше десяти лет, пожизненное лишение свободы либо смертная казнь; 6) к подозреваемому, обвиняемому, подсудимому, осужденному применено содержание под стражей в качестве меры пресечения или они принудительно направлены на стационарную судебно-психиатрическую экспертизу; 7) между интересами подозреваемых, обвиняемых, подсудимых, осужденных, оправданных, один из которых имеет защитника, имеются противоречия; 8) в уголовном процессе участвует представитель потерпевшего (частного обвинителя) или гражданского истца; 9) при рассмотрении дела в суде участвует прокурор, поддерживающий государственное обвинение (государственный обвинитель); 10) подозреваемый, обвиняемый, подсудимый, осужденный, оправданный находятся вне пределов Республики Казахстан и уклоняются от явки в органы уголовного преследования или суда; 11) заявлено ходатайство о процессуальном соглашении и его заключении.

К лицам, которые в силу физических или психических недостатков не могут сами осуществлять свое право на защиту, следует относить и тех, у кого имеется психическое расстройство, не исключающее вменяемости, а также страдающих существенным дефектом речи, зрения, слуха или другим тяжким недугом.

Органам, ведущим уголовный процесс, необходимо строго выполнять требование закона об обязательном участии защитника в случаях, предусмотренных ст. 67 УПК. Несоблюдение положений указанной нормы надлежит рассматривать как существенное нарушение процессуального закона, а собранные материалы могут быть признаны не имеющими силы доказательств [3].

К сожалению, далеко не всегда это право обеспечивается должным образом. На практике адвокаты привлекаются в качестве защитника не с момента

получения лицом статуса свидетеля, имеющего право на защиту, подозреваемого, обвиняемого, а в конце досудебного расследования. Следователь редко заинтересован в том, чтобы квалифицированный адвокат появился в деле на самом раннем этапе его расследования. Следователи, а затем и судьи, не утруждая себя поисками профессиональных защитников, допускают в качестве таковых супругов, родственников и других лиц, формально обеспечивая право на защиту, что является нарушением закона.

Соответственно, такая защита может повлечь судебные ошибки и, как следствие, – необъективный либо незаконный приговор. Очевидно, что лица, не обладающие специальными познаниями в правозащитной сфере, не могут на должном уровне осуществлять защиту своих доверителей.

Наряду с вышеизложенным, отсутствие у свидетеля, имеющего право на защиту, подозреваемого, обвиняемого, подсудимого, осужденного материальных средств для оплаты услуги адвоката, согласно УПК РК, не освобождает органы следствия от обеспечения участия в деле квалифицированного защитника. В этом случае оплата труда производится за счет государства (ст. 68 УПК РК).

Право на доступ к бесплатной юридической помощи является неотъемлемой частью обеспечения справедливого правосудия, гарантированного Конституцией Республики Казахстан. В течение последнего десятилетия в Казахстане активно обсуждается вопрос реформирования механизмов по оказанию квалифицированной юридической помощи за счет государственного бюджета. Тем не менее, вопрос о едином подходе к внедрению комплексной системы оказания бесплатной юридической помощи остается открытым.

Не все адвокаты горят желанием работать с полной отдачей за весьма небольшую оплату труда из государственного бюджета [5]. Оплата назначенных адвокатов производится только за количество часов, затраченных адвокатом на ведение дела. Эта оплата не так высока, чтобы заинтересовать квалифицированного защитника-профессионала. При этом не оплачиваются выезды в учреждения, дорога к которым занимает довольно длительное время. Защитнику приходиться тратить много времени на перемещение между судом, следственным изолятором, изолятором временного содержания, выездами на следственный эксперимент. Все эти перемещения фактически являются затраченным временем адвоката, но, к сожалению, не оплачиваемое. Например, в г. Шымкент 2017 году из всех уголовных дел, проведенных с участием адвокатов, в 50 % защита была обеспечена из средств государственного бюджета [6], и всего затрачено 3000 000 тенге.

Проблемой, препятствующей надлежащей защите прав человека адвокатскими методами, являются организационные факторы. Сегодня отток кадров из отдаленных населенных пунктов привел к тому, что почти в пятнадцати районных юридических консультациях профессиональных защитников нет вообще, а более чем в двадцати районах работает только по одному адвокату [7].

Кроме того, в новом УПК не нашли своего отражения старые проблемы обеспечения права на защиту и квалифицированную юридическую помощь, одним из которых является вопрос урегулирования надлежащим образом порядка вступления адвокатов в дела, содержащие государственные секреты. Также в законе не гарантирована неприкосновенность адвокатов при осуществлении ими своего профессионального долга. В ч. 8 ст. 232 УПК

предусмотрен запрет на производство негласных следственных действий в отношении адвокатов, за исключением случаев совершения или подготовки ими тяжких и особо тяжких преступлений. Однако эта одна норма является недостаточной защитой от давления на адвокатов со стороны их процессуальных оппонентов.

Заключение

На основании вышеизложенного в целях совершенствования уголовно-процессуального законодательства Республики Казахстан предлагается:

считать как существенное нарушение процессуального закона не соблюдение норм ст. 67 УПК об обязательном участии защитника, а собранные материалы признавать не имеющими юридической силы доказательств. Пример этого можно увидеть в п.1 ч. 2 ст. 75 УПК Российской Федерации, согласно которому показания подозреваемого, обвиняемого, данные в ходе досудебного производства по уголовному делу в отсутствие защитника, включая случаи отказа от защитника, и не подтвержденные подозреваемым, обвиняемым в суде, относятся к недопустимым доказательствам [8]. Данная норма обязывает следователей и дознавателей реально обеспечить явку адвоката, в присутствии которого и фиксируется решение подозреваемого, обвиняемого воспользоваться услугами адвоката на предварительном расследовании;

– в настоящее время процессуальным кодексом ограничено право на свободный выбор адвоката обвиняемым по делам, содержащим государственные секреты, по мотиву отсутствия у этого адвоката допуска к государственным секретам, что противоречит ст. 14 Международного Пакта о гражданских и политических правах. Допуск к защите по делам, содержащим государственные секреты, необходимо осуществлять на основании подписки о неразглашении, отбираемой у адвоката, как это принято в России;

– проблему обеспечения граждан квалифицированной юридической помощью можно решить путем изменения порядка формирования адвокатского корпуса [9]. В этих целях необходимо отказаться от лицензирования адвокатской деятельности и осуществлять прием новых членов путем тестирования в соответствующих комиссиях, создаваемых при президиумах коллегии адвокатов. С одной стороны, это позволит регулировать численность адвокатов в юридических консультациях и адвокатских конторах, избегая перезагруженности в одних и некомплектности в других, а с другой – повысить качество оказываемой юридической помощи, поскольку, в отличие от лицензиара, адвокатская корпорация заинтересована в том, чтобы в коллегию адвокатов попадали профессионалы, обладающие широкой эрудицией, высокой правовой и общей культурой, большим опытом работы в юридической отрасли;

– увеличить оплату работы адвоката из бюджета государства.

Список цитированных источников

1. Конституция Республики Казахстан (принята на республиканском референдуме 30 августа 1995 года) (с изменениями и дополнениями по состоянию на 10.03.2017 г.) http://online.zakon.kz.

2. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан от 4 июля 2014 года № 231-V (с изменениями и дополнениями по состоянию на 18.04.2017 г.) / http://online.zakon.kz.

3. О практике применения уголовно-процессуального законодательства, регулирующего право на защиту Нормативное постановление Верховного Суда Республики Казахстан от 6 декабря 2002 года N 26 / http://online.zakon.kz.

4. Закон Республики Казахстан «Об адвокатской деятельности» от 5 декабря 1997 года № 195 /http://online.zakon.kz.

5. Канафин, Д. К. совершенствование системы квалифицированной юридической помощи, оказываемой за счет республиканского бюджета // Заключение Фонда Сорос-Казахстан по вопросу организации и оказания бесплатной юридической помощи в Казахстане http://www.zakon.kz/197331-zakljuchenie-fonda-soros-kazakhstan-po.html.

6. Обзор адвокатуры Южно-Казахстанской области Республики Казахстан.

7. Тугел, А. Успехи и проблемы адвокатуры Казахстана // Адвокатская газета РФ https://www.advgazeta.ru/intervyu/uspekhi-i-problemy-advokatury-kazakhstana/.

8. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации http://base.garant.ru/12125178.

9. Нурмаганбет, Е. Т. Проблемы, пути совершенствования деятельности защитника в уголовном судопроизводстве Республики Казахстан // Вестник КазНУ Алматы 2014 https://articlekz.com/article/14960.

Аннотация. Статья посвящена по анализу права на защиту участников уголовного процесса. В данной статье рассматривается механизмы реализации защиты лиц-участников уголовного процесса: потерпевшего, подозреваемого и овиняемого в судебной практике.

В вводной части статии рассматриваются актуальность и значимость реализации права на защиту участников процесса в Республике Казахстан. Целью работы является совершенствование защиты прав участников.

В основной части рассматриваются вопросы в отношении защитника и права на защиту возникающие в ходе уголовном судопроизводстве. По данному проблему произведен обзор и составлен статистические данные.

Практическая значимость статьи в том же реализации, гарантирования прав участников будет способствовать совершенствованию.

В заключительной части рассматриваются предложения с целью совершенствования института адвокатуры по улучшения деятельности организации деятельности и нормативно-правовых актов.

Annotation. The article is devoted to the analysis of the right to protection of participants in criminal proceedings. This article discusses the mechanisms for implementing the protection of persons participating in criminal proceedings: the victim, the suspect and the perpetrator in judicial practice.

In the introductory part of the article, the relevance and significance of the realization of the right to protection of participants in the process in the Republic of Kazakhstan are considered. The aim of the work is to improve the protection of the rights of participants.

The main part deals with issues relating to attorney and the right to defense arising in the course of criminal proceedings. For this problem, a review was made and statistics were compiled.

The practical significance of the article in the same implementation, guaranteeing the rights of participants will contribute to improvement.

In the final part, proposals are considered with the aim of improving the institute of advocacy to improve the organization of activities and legal acts.

УДК 347.963 (477)

РОЛЬ ПРОКУРОРА В ПОДГОТОВИТЕЛЬНОМ СУДЕБНОМ УГОЛОВНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ УКРАИНЫ

Лапкин А.В.

Ключевые слова: уголовный процесс, подготовительное производство, прокурор, судебное производство, суд.

Введение

С принятием Уголовного процессуального кодекса Украины от 2012 г. (далее – УПК Украины) существенно изменились как система стадий уголовного производства, так и роль прокурора в уголовном процессе. Значительные изменения коснулись подготовительного производства, которое приобрело характер не только обеспечительного этапа судебного производства, предшествующего судебному рассмотрению, но и стадии уголовного производства, в которой возможно решение уголовного дела, по сути, в упрощенном порядке. При этом ключевым участником данной стадии является прокурор, от которого непосредственно зависит принятие основных судебных решений в подготовительном производстве. В связи с этим становится актуальным исследование роли прокурора в подготовительном судебном производстве по законодательству Украины.

Проблематика подготовительного производства исследовалась такими украинскими и зарубежными учеными, как А. В. Бабаева, В. С. Зеленецкий, Н. О. Зражевская, П. Л. Ишимов, Л. М. Лобойко, А. В. Федина, О. Ф. Шминдрук, Н. А. Юркевич и др. В то же время, вопросы участия прокурора в подготовительном производстве не были изучены полно и всесторонне. В частности, не раскрыта роль прокурора в подготовительном производстве, степень его влияния на суд при принятии им решений в данной стадии, задачи прокурора в подготовительном производстве и т. д.

В связи с этим, целью данной научной статьи является определение роли прокурора в подготовительном производстве, а также обозначение основных направлений его деятельности в этой стадии. Достижение этих целей представляется важным в контексте исследования общих вопросов деятельности прокурора в уголовном производстве в целом и в судебных его стадиях в частности.

Основная часть

В современном уголовном процессе Украины подготовительное производство представляет собой трансформированную стадию предания суду, существовавшую в советском уголовном процессе. В результате «малой судебной реформы» 2001 г. данная стадия получила название «предварительное рассмотрение дела судьей». В условиях действия УПК Украины от 1960 г. предварительное рассмотрение дела судьей определялось как самостоятельная стадия уголовного процесса, заключающаяся в том, что судья в установленном законом процессуальном порядке, не решая наперед вопроса о виновности, решает вопрос о достаточности оснований для назначения дела к судебному рассмотрению и о подготовке судебного заседания [1, с. 367]. Основными

задачами данной стадии были судебный контроль за стадией досудебного расследования (фактически, она выполняла роль «процессуального фильтра», не допускающего к судебному рассмотрению уголовные дела, расследованные неполно или с нарушениями законности), а также подготовка к проведению судебного рассмотрения.

С принятием УПК Украины 2012 г. данная стадия изменила название на «подготовительное производство». Вместе с этим, ее содержание существенно трансформировалось. Так, в соответствии с ч. 3 ст. 314 УПК Украины, в подготовительном судебном заседании суд имеет право принять такие решения: 1) утвердить соглашение или отказать в утверждении соглашения и возвратить уголовное производство прокурору; 2) закрыть производство в случае установления соответствующих оснований; 3) возвратить обвинительный акт, ходатайство о применении принудительных мер медицинского или воспитательного характера прокурору, если они не соответствуют требованиям УПК Украины; 4) направить обвинительный акт, ходатайство о применении принудительных мер медицинского или воспитательного характера в соответствующий суд для определения подсудности в случае установления неподсудности уголовного производства; 5) назначить судебное рассмотрение на основании обвинительного акта, ходатайства о применении принудительных мер медицинского или воспитательного характера; 6) поручить представителю персонала органа пробации составить досудебный доклад.

Сохранив за собой функции контроля за досудебным расследованием и проверки оснований для проведения судебного рассмотрения, а также подготовки к нему, стадия подготовительного производства существенно расширила круг своих задач и функций. Так, по мнению исследователей, наиболее существенным отличием данной модели от предыдущих стала возможность решения дела, по сути, непосредственно в подготовительном производстве [2, с. 232]. Это связано с возможностью принятия судом в подготовительном производстве таких решений: 1) утвердить соглашение о признании виновности или о примирении, в результате чего на основании соглашения выносится приговор; 2) закрыть уголовное производство в связи с освобождением лица от уголовной ответственности. Оба этих варианта предусматривают решение судом вопроса о виновности лица в совершении преступления, то есть уголовного дела по существу. Поскольку, по общему правилу, решение дела по существу производится в стадии судебного рассмотрения, а подготовительное производство предшествует судебному рассмотрению, то в этих случаях решение дела по существу проводится в упрощенном и ускоренном порядке, без соблюдения гарантий и процедур, предусмотренных для стадии судебного рассмотрения.

Таким образом, стадия подготовительного производства по законодательству Украины на современном этапе выполняет такие функции: 1) контроля за досудебным расследованием; 2) подготовки к судебному рассмотрению; 3) осуществления правосудия в тех случаях, когда судебное рассмотрение не проводится.

Рассматривая роль прокурора на данной стадии, следует отметить, что прокурор является ее обязательным участником, без которого подготовительное производство не может осуществиться. Вместе с тем, если обязательность

участия прокурора в этой стадии предусматривалось и ранее (в соответствии с УПК Украины 1960 г. обязательным участником предварительного рассмотрения уголовного дела был только прокурор), то в настоящее время подготовительное судебное заседание должно проходить не только при участии прокурора, но и обвиняемого, защитника, потерпевшего, его представителя и законного представителя, гражданского истца и гражданского ответчика, их представителей (ч. 2 ст. 314 УПК Украины). По мнению некоторых исследователей, в этом нашли отображение идеи обеспечения состязательности на этой стадии и равенства прав сторон на участие в подготовительном производстве [3, с. 169]. Однако при этом следует учитывать, что в большинстве случаев присутствие широкого круга участников судебного производства в подготовительном судебном заседании не требуется. Необходимость обеспечения их участия создает проблемы в проведении такого заседания, которое может заблокировать неявка кого-либо из предусмотренных законом участников.

Исходя из этого, судебная практика идет путем, при котором неявка для участия в подготовительном судебном заседании участников судебного производства (кроме прокурора), которые надлежащим образом уведомлены о дате, времени и месте проведения такого заседания, не препятствует его проведению (абз. 2 п. 2 Информационного письма Высшего специализированного суда Украины по рассмотрению гражданских и уголовных дел «О порядке осуществления подготовительного судебного производства в соответствии с Уголовным процессуальным кодексом») [4]. И хотя такой подход противоречит букве закона, он оправдан практической необходимостью, которая по общему правилу диктует требования обязательности присутствия в подготовительном судебном заседании прокурора и нецелесообразности присутствия других участников судебного производства.

В подготовительном производстве прокурор осуществляет функцию поддержания публичного обвинения, содержанием которой является отстаивание перед судом тезиса о виновности лица в совершении уголовного правонарушения с целью привлечения его к уголовной ответственности [5, с. 91]. Данная функция для прокурора является логичным продолжением его деятельности по организации и процессуальному руководству досудебным расследованием, осуществлявшейся на предыдущей стадии и получившей воплощение в утвержденном или составленном прокурором обвинительном акте. Следовательно, подготовительное производство, несмотря на свою организационно-распорядительную природу, является для прокурора сферой осуществления его обвинительной деятельности.

С точки зрения задач, выполняемых прокурором в подготовительном производстве, стоит отметить их частичное тождество и частичное расхождение с задачами суда в этой стадии. Так, в научной юридической литературе к системе задач, выполняемых судом в стадии подготовительного производства, относятся: 1) проверка соответствия процессуальных документов, поданных прокурором, требованиям уголовного процессуального закона; 2) рассмотрение жалоб и ходатайств участников уголовного производства; 3) определение оснований для завершения уголовного производства; 4) установление отсутствия нарушений требований уголовного процессуального закона, которые препятствуют назначению судебного рассмотрения; 5) решение вопросов,

связанных с подготовкой к судебному рассмотрению [6]. В наиболее общем виде прокурор должен всеми имеющимися у него средствами способствовать суду в достижении всех этих задач, поэтому в данной стадии как суд, так и прокурор стремятся к общей цели: выявить и устранить препятствия на пути к судебному рассмотрению уголовного производства и разрешить сопутствующие ему организационные вопросы. Однако следует учитывать, что у прокурора существуют собственные задачи, определяющие его деятельность в подготовительном производстве, отличающиеся от специфических задач суда в этой стадии.

Прежде всего, проведение подготовительного производства является средством проверки судом наличия повода и оснований для назначения судебного рассмотрения. Они объективируются в направленном прокурором в суд обвинительном акте (ходатайствах о применении принудительных мер медицинского или воспитательного характера). Следовательно, перед прокурором, утвердившим или лично составившим обвинительный акт, стоит задача убедить суд в его соответствии требованиям УПК Украины и отсутствии препятствий для назначения судебного производства. В свою очередь, к таким препятствиям могут относиться необходимость утверждения соглашения, наличие оснований для прекращения уголовного производства, неправильно определенная подсудность уголовного производства, недостатки в оформлении и/или изложении обвинительного акта. Поскольку прокурор, направляя обвинительный акт в суд, должен быть уверен в возможности провести на его основании судебное рассмотрения, выявление любого из указанных препятствий для его назначения свидетельствует о допущенных прокурором ошибках или нарушениях. С другой стороны, прокурор по законодательству Украины обладает монополией на обращение в суд с обвинительным актом. Поэтому он несет персональную ответственность не только за содержание и правильное оформление обвинительного акта, но и за само обращение с ним в суд как инициирование начала судебного производства, в т. ч. судебного рассмотрения. Поэтому именно в подготовительном производстве прокурор должен устранить любые сомнения суда в законности и обоснованности назначения судебного рассмотрения уголовного дела по существу.

Также прокурор обязан способствовать суду в решении вопросов, связанных с организацией проведения судебного рассмотрения. В этом контексте прокурор должен помочь суду определить дату и место проведения судебного заседания; решить, в открытом или закрытом заседании необходимо осуществлять судебное рассмотрение; определить состав лиц, которые будут участвовать в судебном рассмотрении; рассмотреть ходатайства участников судебного производства об: осуществлении судебного вызова определенных лиц в суд для допроса; истребовании определенных вещей или документов; осуществлении судебного рассмотрения в закрытом судебном заседании (ч. 2 ст. 315 УПК Украины). По всем этим вопросам прокурор может выразить свое мнение или заявить соответствующее ходатайство. Кроме того, прокурор в случае необходимости должен инициировать перед судом избрание меры пресечения в отношении обвиняемого путем заявления соответствующего ходатайства. В результате с помощью прокурора суд должен создать необходимые условия для проведения судебного рассмотрения.

Отдельного внимания заслуживает роль прокурора в ситуациях принятия решения судом по существу в стадии подготовительного производства. Следует отметить, что как утверждение соглашения, так и рассмотрение вопроса об освобождении лица от уголовной ответственности осуществляется судом по инициативе прокурора. В первом случае прокурор направляет в суд обвинительный акт с соответствующим соглашением (о примирении или о признании виновности), а во втором – ходатайство об освобождении лица от уголовной ответственности. Следовательно, задачей прокурора в этих случаях является отстаивание перед судом наличия оснований для утверждения соглашения или освобождения лица от уголовной ответственности. А поскольку оба этих решения принимаются судом в упрощенном порядке и без проведения полноценного судебного рассмотрения, всецело на основании и в пределах предложений прокурора, то фактически именно от прокурора в этих ситуациях зависит решение уголовного производства по существу, тогда как суд только подтверждает или отклоняет его решение [7, с. 70]. Таким образом, прокурор исполняет квазисудебную функцию, а суд контролирует ее законность.

Заключение

На основании изложенного можно сделать следующие выводы. В результате реформирования стадии подготовительного производства в уголовном процессе Украины, роль прокурора в ней существенно возросла. Прокурор является обязательным участником этой стадии, а исключительную необходимость его участия в подготовительном судебном заседании подчеркивает судебная практика. Осуществляя в подготовительном производстве конституционную функцию поддержания публичного обвинения, прокурор способствует суду в исполнении возложенных на него задач: выявить и устранить препятствия на пути к судебному рассмотрению уголовного производства и разрешить сопутствующие ему организационные вопросы. При этом деятельность прокурора направленна на достижение специфических задач, к которым можно отнести следующие: убедить суд в соответствии поданного прокурором обвинительного акта или соответствующего ходатайства требованиям УПК Украины и отсутствии препятствий для назначения судебного производства, а также способствовать суду в решении вопросов, связанных с организацией проведения судебного рассмотрения. В случаях, когда уголовное производство подлежит решению по существу в подготовительном производстве, прокурору принадлежит исключительная компетенция в инициировании перед судом этих вопросов, определении оснований и последствий их решения, отстаивании перед судом наличия оснований для утверждения соглашения или освобождения лица от уголовной ответственности. В таких случаях прокурор выполняет квазисудебную функцию, которую должен проконтролировать и легитимизировать суд своим решением.

Список цитируемых источников

1. Кримінальний процес : підручник / за ред. Ю. М. Грошевого та О. В. Капліної. – Х. : Право, 2010. – 608 с.

2. Бабаєва, О. В. Еволюція стадії підготовчого провадження у кримінальному процесуальному праві України / О. В. Бабаєва // Вісник Асоціації кримінального права України. – 2017. – № 1 (8). – С. 225-235.

3. Зражевська, Н. О. Особливості реалізації принципу змагальності на стадії попереднього розгляду кримінальної справи / Н. О. Зражевська // Науковий вісник Київського національного університету внутрішніх справ. Науково-теоретичний журнал. – 2009. – №1. – С. 168–170.

4. Про порядок здійснення підготовчого судового провадження відповідно до Кримінального процесуального кодексу України [Електронний ресурс]: лист Вищого спеціалізованого суду України з розгляду цивільних і кримінальних справ № 223-1430/0/4-12 від 03.10.2012. – Режим доступу: http://sc.gov.ua/ua/informacijni_listi.html. – Заголовок з екрана.

5. Лапкін, А. В. Організація судових та правоохоронних органів України: навч. посіб. / А. В. Лапкін. – 7-ме вид., змін. і допов. – Х. : Право, 2018. – 170 с.

6. Сиза, Н. П. Завдання суду в стадії підготовчого провадження у кримінальному процесі України / Н. П. Сиза // Часопис Національного університету «Острозька академія». Серія «Право». – 2014. – № 2(10) : [Електронний ресурс]. – Режим доступу : http://lj.oa.edu.ua/articles/2014/n2/14snpkpu.pdf.

7. Тюрін, Г. Є. Організаційно-правові основи участі прокурора у кримінальному провадженні на підставі угод: монографія / Г. Є. Тюрін. – Х. : Право, 2015. – 288 с.

Аннотация. Статья посвящена исследованию роли прокурора в реформированной стадии подготовительного производства по уголовному процессуальному законодательству Украины. Определяется функциональная направленность прокурорской деятельности в подготовительном производстве. Рассматриваются задачи, которые осуществляет прокурор в подготовительном производстве, а именно: убедить суд в соответствии поданного прокурором обвинительного акта или соответствующего ходатайства требованиям УПК Украины и отсутствии препятствий для назначения судебного производства, а также способствовать суду в решении вопросов, связанных с организацией проведения судебного рассмотрения. Отдельное внимание уделяется роли прокурора в решении уголовного дела по существу в стадии подготовительного производства: при утверждении соглашений и рассмотрении вопроса об освобождении лица от уголовной ответственности. Анализируется взаимодействие прокурора и суда в подготовительном производстве.

ROLE OF THE PROSECUTOR IN PREPARATORY JUDICIAL CRIMINAL TRIAL BY THE LEGISLATION OF UKRAINE

Lapkin A.V.

Keywords: criminal trial, preparatory proceeding, prosecutor, judicial proceeding, court.

Abstract. Article is devoted to research of a role of the prosecutor in the reformed stage of preparatory proceeding by the criminal procedural legislation of Ukraine. The functional orientation of public prosecutor's activity in preparatory proceeding is defined. Tasks which are carried out by the prosecutor in preparatory proceeding are considered, namely: to convince court of compliance of the indictment submitted the prosecutor or the corresponding petition to requirements of the Criminal Procedure Code of Ukraine and lack of obstacles for purpose of judicial proceeding, and also to promote court in the solution of the questions connected with the organization of carrying out judicial consideration. The separate attention is given to a role of the prosecutor in the solution of criminal case in essence in a stage of preparatory proceeding: at the adoption of agreements and consideration of a question of release of the person from criminal liability. Interaction of the prosecutor and court in preparatory proceeding is analyzed.

УДК 346.26:719:341.355.22

ОСОБЕННОСТИ ОБЖАЛОВАНИЯ В СУД РЕШЕНИЯ О НЕОТНЕСЕНИИ МАТЕРИАЛЬНОГО ОБЪЕКТА К АРХЕОЛОГИЧЕСКИМ ОБЪЕКТАМ ИЛИ АРХЕОЛОГИЧЕСКИМ АРТЕФАКТАМ

Мартыненко И.Э.

Ключевые слова: археологическое наследие, культурные ценности, судебная защита.

Введение

Изменения в законодательстве, произошедшие в 2016–2018 годах в связи и после вступления в силу Кодекса Республики Беларусь о культуре [1] (далее – Кодекс о культуре), вызывают необходимость изучения ***новых возможностей судебной защиты историко-культурного наследия***, которые предлагает упомянутый выше нормативный правовой акт, что имеет важное значение в том числе для развития теории и практики прокурорского надзора в этой сфере. Так, Кодекс о культуре впервые предоставляет право и возможность *обжаловании в суд решения о неотнесении материального объекта к археологическим объектам или археологическим артефактам* (п. 6 ст. 128 Кодекса о культуре).

В юридической науке указанная проблема ***не исследовалась*** (в этот временной промежуток отдельные аспекты охраны археологического наследия рассматривали в своих работах А.Н. Панфилов [2, с. 72–81] и И.А. Халиков [3, с. 30–35], но только применительно к российскому законодательству). Прокурорская и судебная практика по делам данной категории, возможно, скоро начнет формироваться. Поэтому в настоящий момент является ***актуальным*** и своевременным уточнение некоторых положений нового законодательства, регулирующего порядок принятия на государственный учет историко-культурных ценностей, одним из видов которых являются памятники археологии, археологические объекты и археологические артефакты.

Основная часть

Прежде всего, археологические объекты и археологические артефакты, которые согласно ст. 83 Кодекса о культуре являются памятниками археологии как видом историко-культурных ценностей – это разные правовые понятия, чтобы их правильно применять, надо раскрыть их содержание.

Археологические артефакты – это движимые материальные объекты, возникшие в результате жизни и деятельности человека более 120 лет тому назад, которые сохранились в культурном слое (слое) или на дне природных и искусственных водоемов, имеют историческое, художественное, научное или иное культурное значение, могут соответствовать критериям для придания статуса историко-культурной ценности, установленным законодательством об охране историко-культурного наследия, и на момент их обнаружения не имеют собственника.

К ***археологическим объектам*** относятся недвижимые материальные объекты или их комплексы вместе с археологическими артефактами и культурным слоем, возникшие в результате жизни и деятельности человека более 120 лет тому назад, которые сохранились в земле или на дне природных и искусственных водоемов, имеют историческое, художественное, научное или иное культурное

значение, могут соответствовать критериям для придания статуса историко-культурной ценности, установленным законодательством об охране историко-культурного наследия.

Так вот, что бы стать памятником археологии, объект сначала должен быть выявлен (обнаружен профессионально или случайно) (ст. 127 Кодекса о культуре). Профессиональное выявление культурных ценностей, которым может быть придан статус историко-культурной ценности, осуществляется во время профессиональной научно-исследовательской деятельности, в том числе при проведении археологических исследований: археологических раскопок, археологических разведок, археологического надзора.

В целях принятия решения об отнесении (неотнесении) материальных объектов, которые обнаружены случайно, к археологическим объектам или археологическим артефактам при местных исполнительных и распорядительных органах областного территориального уровня созданы и действуют ***областные (Минская городская) комиссии по археологическим объектам и археологическим артефактам*** (в профессиональной речи используется название «археологические комиссии», воспользуемся и мы этой терминологией – прим. автора).

Необходимость и цель создания археологических комиссий установлены в Указе Президента Республики Беларусь «О совершенствовании охраны археологических объектов и археологических артефактов» от 14 декабря 2015 г. № 485, который в настоящее время утратил силу [4], так как основные положения Указа включены в Кодекс о культуре.

В состав данной комиссии, которая утверждается областными исполнительными (Минскими городскими) комитетами, входят представители облисполкомов (Минского горисполкома), специалисты в отрасли археологии и истории научных организаций, музеев и учреждений образования Республики Беларусь. Члены археологических комиссий исполняют свои обязанности на общественных началах. Компетенция археологических комиссий определена в ст. 128 Кодекса о культуре.

Согласно п. 3 ст. 128 Кодекса о культуре *решение о неотнесении материального объекта к археологическому объекту или археологическому артефакту* принимается в случаях, если материальный объект: не является результатом жизни и деятельности человека; возник менее ста двадцати лет тому назад; не имеет исторического, художественного, научного или иного культурного значения.

В соответствии с п. 6 ст. 128 Кодекса о культуре решение о неотнесении материального объекта к археологическим объектам или археологическим артефактам ***может быть обжаловано в суд*** (выделено нами – И.М.). При этом законодательством не установлены конкретно ни форма обращения в суд (исковое заявление, заявление, жалоба и др.), ни подсудность дел данной категории. Эти вопросы решаются, исходя из общих принципов подведомственности и подсудности юридических дел, установленных соответственно в ГПК и ХПК. Хотя в данном случае, безусловно, присутствуют и публично-правовые отношения: обнаруженный объект археологического наследия, так же как и извлеченный из мест залегания археологический артефакт, передается в государственную собственность; доступность культурных ценностей (археологических артефактов) обеспечивается государством.

Учитывая эти обстоятельства, в Российской Федерации, например, в определенной мере схожие дела возбуждаются посредством административного иска.

Так, судебная коллегия по административным делам Московского городского суда отказала в удовлетворении административного иска о признании незаконным изданный Департаментом культурного наследия г. Москвы 24 апреля 2017 года приказ, на основании которого не подлежал включению в перечень выявленных объектов культурного наследия города Москвы «Ансамбль колбасной фабрики В.Г. Григорьева и сыновей с жилым домом конца XIX-начало XX вв.» По мнению административного истца, оспариваемый приказ и действия Департамента нарушали гарантированное Конституцией Российской Федерации право гражданки А. на доступ к культурным ценностям [5]. Дело рассматривалось в порядке Кодекса административного судопроизводства РФ [6].

В белорусском законодательстве такой вид судопроизводства не предусмотрен, дела данной категории рассматривают суды общей юрисдикции в соответствии с правилами подведомственности и подсудности, определенными, как мы уже указывали, соответственно в ГПК и ХПК.

И на этом этапе начинается, по нашему мнению, самое сложное: ***суд должен будет ответить, по сути, на научные вопросы***: о том, что выявленный во время раскопок или обнаруженный случайно материальный объект не является (или, наоборот, является) результатом жизни и деятельности человека; о том, что он возник (или, наоборот, не возник) менее ста двадцати лет тому назад и не имеет (имеет) исторического, художественного, научного или иного культурного значения и, соответственно, не соответствует (соответствует) критериям для придания статуса историко-культурной ценности, установленным законодательством об охране историко-культурного наследия.

Напомним, что памятниками археологии являются в соответствии со ст.ст. 83, 123 Кодекса о культуре остатки укрепленных поселений (древние города, городища, замки), неукрепленных поселений (древние стоянки, поселения, отдельное жилье); зданий, сооружений, других объектов (святилища, места совершения обрядов, монастыри, храмы); кресты, культовые камни, статуи, обелиски, курганные и грунтовые могильники, отдельные захоронения, некрополи, мавзолеи и другие захоронения; инфраструктура сухопутных и водных путей; монетные и вещевые клады, которые вместе с другими недвижимыми и (или) движимыми артефактами сохранились в культурном слое, а также в природных и искусственных водоемах.

Конечно, в этом вопросе не обойтись без помощи ***специалистов***. Таковыми в Республике Беларусь являются: Национальная академия наук Беларуси [7] (Институт истории; Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы Национальной академии наук Беларуси), учреждения образования; научные организации и музеи, ученые-археологи, имеющие опыт проведения полевых археологических исследований.

Суд должен дать оценку соблюдению порядка (процедуры) рассмотрения археологической комиссией материалов о выдвижении обнаруженной культурной ценности для присвоения ей статуса историко-культурной ценности, т.е. памятника археологии. Поэтому, учитывая специфику данной категории дел, полагаем, что ***доказательствами по делу*** являются материалы данной

комиссии, которые формируются секретарем и председателем на основании поступивших заявлений об отнесении материального объекта к археологическому объекту и (или) археологическому артефакту.

Основанием для рассмотрения вопроса об отнесении материального объекта к археологическому артефакту и включения археологического артефакта в реестр являются:

– заявление и другие документы в соответствии с п. 8.8 перечня административных процедур, которые осуществляются государственными органами и другими организациями по заявлениям граждан, утвержденного Указом Президента Республики Беларусь от 26 апреля 2010 г. № 200 «Об административных процедурах, осуществляемых государственными органами и иными организациями по заявлениям граждан»;

– заявление и другие документы в соответствии с п. 12.15 единого перечня административных процедур, которые осуществляются государственными органами и другими организациями в отношении к юридическим лицам и индивидуальным предпринимателям, утвержденного Постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 17 февраля 2012 г. № 156. Указанные документы подаются в ходе личного приема, через почту или нарочным (курьером).

При этом в заявлении должны быть указаны:

– название уполномоченного органа, в который подается заявление;

– название административной процедуры;

– место, условия и время выявления материального объекта, и его короткое описание;

– сведения о лице, которое выявило материальный объект: фамилия, личное имя, отчество, место жительства (место пребывания), телефон, адрес электронной почты гражданина;

– название, место нахождения, телефон, адрес электронной почты юридического лица, наименование государственного органа, другой государственной организации, которые осуществили государственную регистрацию, регистрационный номер в Едином государственном регистре юридических лиц и индивидуальных предпринимателей;

– подпись гражданина или подпись руководителя юридического лица или лица, уполномоченного в установленном порядке подписывать заявление, заверенная печатью юридического лица, или подпись представителя заинтересованного лица.

Решение об отказе в принятии заявления принимается не позже чем за *пять рабочих дней* со дня подачи такого заявления. Заявление рассматривается на заседании археологической комиссии в срок не более 30 рабочих дней со дня подачи заявления. Заинтересованное лицо имеет право присутствовать на заседаниях археологических комиссий.

Археологическая комиссия обязана обеспечить надлежащие условия сохранения материального объекта, переданного для принятия заключения об отнесении его к археологическому объекту или археологическому артефакту. На время пребывания материального объекта в археологической комиссии заявителю выдается *справка о временном сохранении*.

Изучение автором статьи данного вопроса непосредственно на местах показала, что практика обращения в археологические комиссии не получила

широкого распространения: всего лишь несколько раз в год проводятся такие заседания. Объясняется такое положение дел разными причинами.

В судебном заседании необходимо допросить всех членов археологической комиссии, установить, кто конкретно готовил проект постановления; были ли с этим документом ознакомлены остальные члены комиссии, проводилось ли голосование по проекту постановления и в какой форме; присутствовал ли на заседании комиссии заявитель, выслушивались ли его доводы.

Кроме того, по нашему мнению, важными источниками доказательственной информации несут ***материалы фиксации, научной обработки и художественной оценки***. На практике, *фиксация выявленной культурной ценности* проводится путем текстового описания, фотографирования и графического отображения, видео- и аудиозаписи. Именно в текстовом описании культурных ценностей указываются их очевидные отличительные духовные, художественные и (или) документальные достоинства и дополнительно для нематериальных культурных ценностей – сведения о носителе нематериальных культурных ценностей. А фотография обеспечивает передачу их объемно-пространственного решения, наличия наиболее значимых декоративных и конструктивных деталей и элементов, особенностей размещения этих культурных ценностей в окружающей среде, отражает наиболее характерные черты этих культурных ценностей, которые передают их основные постановочные, исполнительские признаки, особенности художественного оформления, одежды и украшений носителей нематериальных культурных ценностей, традиционной атрибутики.

Данные научной обработки культурных ценностей содержат сведения об исторических событиях, связанных с ней, представляют эти культурные ценности в их причинно-итоговой зависимости в системе подобных культурных ценностей (аналогов).

Судам, как представляется, следует иметь в виду, что научная обработка культурных ценностей содержит исторические сведения о характере, облике культурной ценности, ее влиянии на развитие страны или отдельного ее региона, сведения об авторе или принадлежности знаменитой личности, о периоде создания (возникновения) этой культурной ценности и другие исторические сведения и выводы, в которых дается заключение о причинно-следственной связи культурных ценностей и основных закономерностях их развития.

Художественная оценка культурных ценностей содержит их анализ по основным стилистически-жанровым и морфологическим признакам, определяет их соотнесение с определенной стадией или стадиями развития белорусского национального и мирового искусства. На практике, при художественной оценке материальных культурных ценностей проводится отнесение их к определенным видам и (или) типам, описание стилевых особенностей, структуры и особенностей застройки, элементов и деталей, других характерных черт, отделки, цвета.

Научная обработка и художественная оценка культурных ценностей оформляются в виде текста, к которому в случае необходимости прилагаются иллюстрации.

Заключение

В заключении, подводя итог исследованию, выскажем собственное мнение по данному вопросу. Анализ законодательства о культуре, практики его

применения в сфере охраны археологического наследия, показывает, что в настоящее время сформировались предпосылки перехода на новую доктрину судопроизводства – рассмотрение дел, возбуждаемых *административным иском*. К числу таковых, по нашему мнению, относятся дела об обжаловании в суд решения областных (Минской городской) комиссии по археологическим объектам и археологическим артефактам о неотнесении материального объекта к археологическим объектам или археологическим артефактам.

Надеемся, что изложенные выше положения помогут заинтересованным лицам правильно оценить достаточность и достоверность представленные материалов о признании обнаруженного объекта (предмета) в качестве охраняемого законом памятника археологии. В случае же отказа в этом – обратиться в суд, а законодатель может учесть наши пожелания об изменении Кодекса о культуре и подготовки новых законодательных актов.

Список цитированных источников

1. Кодэкс Рэспублікі Беларусь аб культуры: Кодекс Республики Беларусь от 20 июля 2016 года //Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь, 02.08.2016, 2/2412.

2. Панфилов, А. Н. Правовое понятие «объект археологического наследия» в российском законодательстве и проблема его правовой определенности / А. Н. Панфилов // Государство и право. –2018. – № 1. – С. 72 – 81.

3. Халиков, И.А. Сложности при определении характера и размера вреда, причиненного объекту культурного наследия в результате совершенного преступления / И.А. Халиков // Культура: управление, экономика, право. –2018. – № 1. – С. 30–35.

4. Об изменении указов Президента Республики Беларусь: Указ Президента Республики Беларусь от 14 марта 2017 г. № 87// Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь, 17.03.2017, 1/16963.

5. Архив судебной коллегии по административным делам Московского городского суда за 2018 г. Дело № 33а-2161/2018 от 26 марта 2018 г.

6. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 08.03.2015 № 21-ФЗ (ред. от 19.07.2018) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2015. – № 10. – ст. 1391.

7. Лакиза, Вадим. Академическая археология Беларуси на современном этапе / Вадим Лакиза // Наука и инновации. Научно-практический журнал. –2017. –№ 9 (175).– С. 18–26.

Аннотация. В статье, впервые в юридической науке, рассматриваются проблемы обжалования в суд решения о неотнесении материального объекта к археологическим объектам или археологическим артефактам. Цель – раскрыть содержание судебного способа защиты историко-культурного наследия, права граждан иметь доступ к культурным ценностям. Автор, излагая установленный Кодексом Республики Беларусь о культуре новый порядок обжалования решения административного органа в суд, формулирует предложение о рассмотрении данных дел в порядке административного судопроизводства.

Выводы и рекомендации могут быть учтены судами при рассмотрении дел данной категории, гражданами и юридическим лицами (учреждениями образования и науки,

музеями) при обращении в археологические комиссии суд о признании обнаруженных историко-культурными ценностями.

Keywords: archaeological heritage, cultural value, legal defense.

Abstract. In an article for the first time in legal science, deals with the problems of appeal to a court decision to refuse recognition of archaeological artifacts found in the quality of the archaeological monument. The purpose of this Article - to reveal the content of the judicial way to protect historical and cultural heritage, the rights of citizens to have access to cultural values. The author presents the Code of the Republic of Belarus on culture of the procedure for appealing the decision of the administrative body of the court. The paper made proposals for consideration of these cases in administrative proceedings. The conclusions and recommendations can be taken into account by the courts in cases of this category, citizens and legal entities (institutions and communications and tourism, museums) when referring to the archaeological commission court for recognition Discovered historical and cultural values.

УДК 343.235

КВАЛИФИЦИРУЮЩИЕ ПРИЗНАКИ И ОТЯГЧАЮЩИЕ ОБСТОЯТЕЛЬСТВА, ОПРЕДЕЛЯЕМЫЕ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКИМ ПРОГРЕССОМ (БИОИНЖЕНЕРИЯ, ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ, НЕОРГАНИЧЕСКАЯ И СМЕШАННАЯ ФОРМЫ ЖИЗНИ)

Радутный А.Э.

Ключевые слова: уголовное право, квалифицирующие признаки, отягчающие обстоятельства, биоинженерия, искусственный интеллект, неорганическая форма жизни, смешанная форма жизни, уголовная ответственность.

Введение

Выполняя свою прогностическую функцию уголовное право должно предвидеть и своевременно, иногда даже на упреждение, реагировать на потенциальные угрозы и обстоятельства, которые в традиционной системе доктринальных координат именуются квалифицирующими или отягчающими, усиливают ответственность виновного лица и указывают на более высокую степень общественной опасности деяния и его последствия. Достижения научно-технического прогресса всегда несут с собой определенные социальные выгоды и не менее значимые риски. Соблюдение баланса между видимыми преимуществами и скрытыми недостатками таких высокотехнологичных направлений современной науки как биоинженерия (англ. Bioengineering), искусственный интеллект (англ. Artificial intelligence), неорганическая и смешанная форма жизни (англ. Cybernetic organism) возложено на каждую из отраслей права, в том числе на сферу уголовного права. Благодаря указанным направлениям биологический вид *Homo sapiens* предпринимает попытки расширить отведенные ему природой границы, а право – их осмыслить и должным образом урегулировать.

Основная часть

Сегодня помощью достижений *биоинженерии* уже происходит целенаправленное вмешательство в биологическую природу человека на клеточном или атомарном уровне. Этим достигается модификация внешнего вида, свойств, когнитивных способностей и даже мотивации поведения. Так, например, удалось выявить ген моногамности, который позволит в будущем поддавать коррекции личностные наклонности отдельных индивидов и задавать нужный вектор их отклоняющемуся поведению [1]. Подобным образом измененный (улучшенный) человек может значительно отличаться по своим характеристикам от обычного индивида с привычным набором свойств и качеств.

Набирает популярность выращивание на заказ из стволовых клеток полностью совместимых органов на смену таким же, но уступающим по своим функциональным характеристикам (неполноценным, поврежденным, пораженным и т.п.) [2]. Так, в университете Миннесоты (University of Minnesota, США) создано работоспособное сердце, пока только крысы. Пульсирующие клетки сердца были получены в 2007 году в Украине. В 2006 году в Цюрихе (Швейцария) из стволовых клеток амниотической жидкости впервые были выращены клапаны сердца. В Украине Институтом клеточной терапии (Киев) была разработана и применяется в повседневной практике методика восстановления сосудов на основе применения стволовых клеток пуповинной крови.

Различные комбинации генного материала, а равно создание новых генов, предоставляют новые возможности, но порождают многочисленные этические, политические, экономические, юридические и идеологические проблемы, в том числе относительно клонирования бесстрашных солдат, покорных работников или бездумных исполнителей преступлений.

Однако, самые убедительные сомнения и возражения не способны остановить запущенный процесс научно-технического прогресса, даже если скорость получения новых знаний не соответствует способности человечества применять их рассудительно и во благо. Сторона, запрещающая или замедляющая те или иные исследования, на любом из промежуточных финишей окажется в неизменном проигрыше (например, оснащенные современными объектами робототехники под управлением искусственного интеллекта крупные преступные группировки окажутся более эффективными в противостоянии с официальными органами власти, располагающими только техникой предыдущего поколения). Понимание этого факта вовлекает все заинтересованные стороны (правительства, корпорации, сообщества и даже отдельных индивидов) в ускоряющуюся гонку исследований и вооружений, где каждый участник желает получить преимущества одним из первых и в силу этого стремления может пренебрегать разработкой систем контроля над результатами своих изысканий.

Не мене удивительным, чем современная биоинженерия, представляется создание *живых существ, соединяющих органику с неорганикой*. Так, кохлеарные имплантаты позволяют восстановить слух пациентам с ярко выраженной утратой слуха [3]; [4]. Имплантат «Бионическое ухо» принимает звук через микрофон, расположенный на внешней стороне уха, фильтрует звуки, выделяет речь человека и направляет электрические сигналы к центральному

слуховому нерву и далее в мозг [5]. Система C-LEG успешно используется для замены ампутированных ног человека [6]. В 2006 году впервые имплантировали бионическую руку [7] и в дальнейшем процесс восстановления конечностей был поставлен на эффективный массовый поток. По сообщению Deutsche Welle в 2008 году ученые-офтальмологи из нескольких университетов Германии впервые имплантировали человеку электронный протез в глаз, чем добились частичного восстановления зрения [8]. Компания Retina Implant разрабатывает протез сетчатки глаза в виде микрочипа, который также имплантируется в орган зрения пациента [9].

Примечательным является тот факт, что слух, зрение, работу органов или конечностей можно не только восстанавливать, но улучшать во много раз даже тем людям, которые изначально не имели проблем в своем здоровом теле. Так, в США агентство DARPA много лет занимается разработкой солдата, который благодаря высокотехнологическим имплантатам получит повышенные умственные и физические способности [10]. В 2006 году Центр военных подводных исследований США (NUWC) отчитался о достижениях в направлении создания киборгов-акул с вживленными нейро- имплантатами [11].

В определенном смысле всех, кто уже сегодня пользуется умными протезами сетчатки глаза, кардиостимуляторами или биопротезами конечностей можно именовать киборгами (англ. Cyborg), т.е. людьми, неотъемлемой частью тела которых стали неорганические элементы, в том числе под управлением электроники и(или) искусственного интеллекта.

При этом распространенным заблуждением является мнение о том, что новые достижения в сфере медицины, химии, биологии и нанотехнологий станут доступными всем желающим или действительно нуждающимся. Однако, никаких объективных предпосылок для подобных необоснованных надежд история развития общественных отношений не содержит. Следовательно, новые люди (вместо *Homo sapiens* назовем их для закрепления в научном обороте *Homo numeralis* или *Homo digitalis*, или *Homo horologium* – «человек цифровой») могут составить новый класс или новую касту.

Также имеются основания для частичного отождествления человека с улучшенными способностями (супер человека с имплантатами на базе новых технологий) и объекта робототехники под управлением искусственного интеллекта. Такой человек может существенно улучшить свои когнитивные способности (память, способность к восприятию и анализу, быстрой обработке данных и т.п.) и физические свойства тела (быстроту реакции, силу, выносливость, гибкость и т.п.) и значительно отличаться от обычного человека как взрослый от младенца, или *Homo sapiens* от иных представителей отряда приматов.

Все это формирует системообразующие вопросы и предъявляет новые вызовы традиционным правовым доктринам: 1) существуют ли такие пределы протезирования организма человека, за которыми исчезает идентичность его личности? 2) за какой чертой человек превращается в машину или наоборот? 3) сохранит ли человечество контроль над сверхчеловеком с улучшенными способностями? 4) возможно ли порабощение человечества сверхлюдьми, расслоение на касты?

И все же самым амбициозным проектом является разработка двухстороннего интерфейса между мозгом человека и компьютером, что позволит последнему считывать электросигналы из мозга и одновременно передавать понятные ему сообщения. Благодаря этому интерфейсу мозг человека сможет напрямую подключаться к сети Интернет или соединяться с другими в соответствующие сети, дополняя своей органикой набирающий популярность «Интернет вещей» (англ. Internet of Things, IoT) – концепцию взаимодействия всех «умных» устройств и технологий между собой и с внешним окружением при минимальном участии человека в качестве пользователя.

Переходом от органической формы жизни к *неорганической* может считаться попытка сканирования и последующего копирования и(или) полного перенесения (без остатков на первоначальном носителе) сознания, интеллекта и личности человека на искусственный цифровой носитель. Такие возможности исследует невролог из Йельского университета (Yale University) Стивен Новела (Steven Novella) [12]. Известный исследователь Рей Курцвейл (Ray Kurzweil) предполагает, что к 2030 году должна появиться возможность сканирования мозга человека и восстановление его по электронной копии [13].

Копирование мозга также порождает правовые и этические проблемы, в том числе о соотношении между копией и оригиналом (к примеру, где сохраняется настоящая индивидуальность – в больном физическом теле или на компьютерном диске, с которого она может быть перенесена в новую биологическую оболочку), а также проблему их одновременного сосуществования (оригинала и копии или нескольких копий сразу), что имеет принципиальное значения для разрешения вопроса о соучастии в совершении преступления.

При этом полное перенесение индивидуальности (сознания, интеллекта и личности) вовсе не означает уничтожение первоначального носителя – биологического тела человека (например, когда человек засыпает в своем теле, а просыпается в другой биологической оболочке или на ином искусственном носителе, сохраняя ту же самую информацию на прежнем). По утверждению Девида Чалмерса (David Chalmers) из Австралийского национального университета (The Australian National University, ANU) именно так и происходит при утрате сознания в момент засыпания, а его возвращению при пробуждении будет тождественно восстановление личности на новом носителе [14].

Третье направление, а именно – создание *неорганической формы жизни*, порождает следующие правовые вопросы: 1) является ли субъектом правоотношений физическое лицо, сознание, интеллект и личность которого перенесены на цифровой носитель? 2) может ли быть признано субъектом преступления физическое лицо сознание, интеллект и личность которого перенесены на цифровой носитель (вопрос тождественен тому, может ли быть искусственный интеллект субъектом правоотношений или субъектом преступления)? 3) к какой разновидности правовых деликтов следует отнести повреждение, несанкционированное внесение изменений или уничтожение личности на цифровом носителе? 4) как по своим правовым режимам соотносятся искусственный интеллект и физическое лицо, сознание, интеллект и личность которого перенесены на цифровой носитель?

Все указанные направления научно-технического прогресса (биоинженерия, искусственный интеллект, создание живых существ, соединяющих органику

с неорганикой и т.п.) могут быть использованы как во благо, так и во вред, в том числе для существенного облегчения совершения привычных форм преступной деятельности или создания ее новых разновидностей. Этот факт должен постоянно пребывать в сфере внимания научной общественности.

Значительные усилия в вопросах правового прогнозирования и упреждающей регламентации вышеуказанных проблем предпринимают в мире профессор University of Washington School of Law Райан Кало (Ryan Calo), профессор Umeå Universitet (Швеция) Питер Асаро (Peter M. Asaro) и многие другие исследователи, в научном пространстве Украины – профессоры А. А. Баранов, М. В. Карчевський, В. А. Мысливый, чуть более скромные – автор этой статьи и нескольких других на заданную тематику.

Заключение

Новые формы, качества и характеристики тела человека (быстрота реакции, сила, выносливость и т.п.) или его умственных способностей (улучшенная память без пробелов, феноменальная скорость обработки данных, восприятие всех сигналов окружающего мира без ограничений и т.п.) могут быть учтены законодательством в качестве квалифицирующих признаков или отягчающих обстоятельств. Для этого следует рассмотреть возможность внесения изменений в действующие уголовно-правовые нормы. Однако, при этом необходимо сформулировать несколько существенных оговорок и обобщающих выводов.

1. Преимущества и недостатки научно-технического прогресса никогда не служили и не должны впредь рассматриваться в качестве его сдерживающих факторов. Задачей является своевременное прогнозирование и нейтрализация возможных общественно опасных форм поведения и их последствий.

2. Количественные и качественные результаты улучшения физических и психических способностей человека могут быть учтены законодателем в области уголовно-правовых отношений в качестве квалифицирующих признаков или отягчающих обстоятельств. Однако, только в том случае, если они существенно выходят за пределы привычных биологических и ментальных границ.

Список цитированных источников

1. Zoe, R. Donaldson. Production of Germline Transgenic Prairie Voles (Microtus Ochrogaster) Using Lentiviral Vectors / Biology of Reproduction 81:6 (2009), 1189-1195 // [Electronic resource] – Mode of access: https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles /PMC2802233/ – Title from the screen.

2. Сучасні досягнення біоінженерії органів зі стовбурових клітин / Інститут клітинної терапії // [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.stemcellclinic.com/recent-advances-in-bioengineering-of-organs-from-stem-cells/?lang=uk/ – Заголовок с экрана.

3. Łukaszewicz, Z, Soluch, P, Niemczyk, K, Lachowska, M. Correlation of auditory-verbal skills in patients with cochlear implants and their evaluation in positone emission tomography (PET)- Article in Polish. Otolaryngol, Jun 2010, Pol. 64 (7): 10-16 // [Electronic resource] – Mode of access: https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pubmed/21171304?dopt=Abstract / – Title from the screen.

4. Пудов, В. И., Кузовков, В. Е., Зонтова, О. В. Кохлеарная имплантация в вопросах и ответах / В. И. Пудов, В. Е. Кузовков, О. В. Зонтова // СПб: ФГУ «Санкт-Петербургский научно-исследовательский институт уха, горла, носа и речи Федерального агентства по

высокотехнологичной медицинской помощи», 2009. – 28 с. // [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://studfiles.net/preview/2231106/ – Заголовок с экрана.

5. Cochlear Implants / National Institute on Deafness and Other Communication Disorders, accessed March 22, 2012 // [Electronic resource] – Mode of access: http://www.mdcd.nih.gov/health/hearing/pages/coch.aspx / – Title from the screen.

6. C-Leg above knee prosthetic leg // [Electronic resource] – Mode of access: https://www.ottobockus.com/c-leg.html/ – Title from the screen.

7. Woman outfitted with robotic arm // [Electronic resource] – Mode of access: https://medicalxpress.com/news/2006-09-woman-outfitted-robotic-arm.html/ – Title from the screen.

8. Немецкие ученые имплантировали протез для восстановления зрения // [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.dw.com/ru/немецкие-ученые-имплантировали-протез-для-восстановления-зрения/a-3191792/ – Заголовок с экрана.

9. Retina Implant // [Electronic resource] – Mode of access: https://www.retina-implant.de/en/company/who-we-are / – Title from the screen.

10. Douglas Ernst. Real-life Jason Bourne: SEALs test ‘cognitive enhancement’ / The Washington Times - Monday, April 3, 2017 // [Electronic resource] – Mode of access: https://www.washingtontimes.com/news/2017/apr/3/navy-seals-elite-units-testing-cognitive-enhanceme/ – Title from the screen.

11. Christensen, Bill. Military Plans Cyborg Sharks / Live Science, March 7, 2006, accessed December 10, 2010 // [Electronic resource] – Mode of access: http://www.livescience.com/technology/060307_shark_implant.html / – Title from the screen.

12. Novella, Steven. The Continuity Problem / Neuroscience, Apr 23, 2013 // [Electronic resource] – Mode of access: https://theness.com/neurologicablog/index.php/the-continuity-problem/ – Title from the screen.

13. Kurzweil, Ray. Live forever, uploading the human brain, closer than you think // [Electronic resource] – Mode of access: http://www.kurzweilai.net/live-forever-uploading-the-human-braincloser-than-you-think – Title from the screen.

14. Zimmer, Carl. Can You Live Forever? Maybe Not–But You Can Have Fun Trying / Scientific American, December 22, 2010 // [Electronic resource] – Mode of access: https://www.scientificamerican.com/article/e-zimmer-can-you-live-forever/ – Title from the screen.

Аннотация. В статье рассматривается возможность расширения уголовно-правового понятия квалифицирующих признаков и(или) отягчающих обстоятельств посредством учета количественных и качественных результатов улучшения физических и психических способностей человека, приобретаемых благодаря достижениям научно-технического прогресса (биоинженерия, искусственный интеллект, создание живых существ, соединяющих органику с неорганикой). Предлагается ввести в научный оборот понятие Homo numeralis (или Homo digitalis, или Homo horologium) – «человек цифровой» – в качестве ступени развития, которая следует за Homo sapiens. Существенным улучшением следует считать только такое изменение, которое явно и значительно выходит за пределы привычных биологических и ментальных границ.

QUALIFYING CHARACTERISTICS AND AGGRAVATING CIRCUMSTANCES DEFINED BY SCIENTIFIC AND TECHNICAL PROGRESS (BIOENERGY, ARTIFICIAL INTELLIGENCE, CYBERNETIC ORGANISM, INORGANIC AND MIXED FORMS OF LIFE)

Radutniy O.E.

Keywords: criminal law relations, bioengineering, artificial intelligence, inorganic life form, qualifying characteristics, aggravating circumstances, cyborg, Homo numeralis, Homo digitalis, Homo horologium, human digital.

Abstract. The article considers the possibility of expanding the criminal legal concept of qualifying characteristics and (or) aggravating circumstances by taking into account the quantitative and qualitative results of improving the physical and mental abilities of a person acquired through scientific and technical progress (bioengineering, artificial intelligence, creation of living beings connecting organic matter with inorganic, cyborg). It is proposed to introduce the concept of Homo numeralis (or Homo digitalis, or Homo horologium) – the «digital human» – as the stage of development that follows Homo sapiens. It is proposed to consider such an improvement only a change, which essentially extends beyond the limits of the usual biological and mental boundaries.

УДК 343.1

ПРИМЕНИМОСТЬ КОНСУЛЬСКИХ КОНВЕНЦИЙ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Самарин В.И.

Ключевые слова: уголовный процесс, международные договоры, консульские конвенции, источники уголовно-процессуального права, уголовно-процессуальные правоотношения.

Введение

Упрощение пересечения государственных границ, в том числе с принятием Указа Президента Республики Беларусь от 24.07.2018 № 295, закономерно ведет к увеличению числа иностранных граждан, посещающих Республику Беларусь. Нередко такие лица могут преступить закон государства пребывания и в этом случае им потребуется консульская помощь. Однако Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь (далее – УПК) не упоминает консульские конвенции среди международных договоров, которые могут применяться при расследовании, рассмотрении и разрешении уголовных дел.

О применении международных договоров в уголовном процессе, учитывая специфику Российской Федерации, писал ряд российских исследователей, включая В.М. Волженкину [1], Е.В. Курушину [2], О.Н. Малиновского [3] и др. Про необходимость учета положений консульских конвенций о представительстве в отдельных случаях консулом граждан своего государства упомянули К.Б. Калиновский и А.В. Смирнов [4, с. 33].

В связи с вышеизложенным в настоящей статье попытаемся рассмотреть допустимость применения *de jure* в рамках уголовно-процессуальных отношений

норм консульских конвенций и сформулировать каталог соответствующих положений таких конвенций.

Основная часть

1. Проанализировав нормы ст. 1 УПК, можно установить, что законодатель допускает применение в ходе производства по уголовному делу лишь отдельных международных договоров Республики Беларусь. Данные нормы ограничивают применение в рамках уголовного процесса ч. 2 ст. 36 Закона Республики Беларусь «О международных договорах Республики Беларусь» (в ред. Закона Республики Беларусь от 11.05.2018 № 106-З), которая указывает, что нормы права, содержащиеся в международных договорах Республики Беларусь, подлежат непосредственному применению, кроме случаев, когда из международного договора следует, что для применения таких норм требуется принятие (издание) внутригосударственного нормативного правового акта, и имеют силу того нормативного правового акта, которым выражено согласие Республики Беларусь на обязательность для нее соответствующего международного договора.

УПК допускает использование в уголовном процессе международных договоров Республики Беларусь:

а) определяющих права и свободы человека и гражданина (ч. 4 ст. 1);

б) содержащих нормы об оказании международной правовой помощи по уголовным делам (ч. 5 ст. 1);

в) регулирующих гражданское судопроизводство (ч. 4 ст. 148 в связи со ст. 543 Гражданского процессуального кодекса Республики Беларусь).

Учитывая, что исключительно УПК, основываясь на Конституции Республики Беларусь, устанавливает порядок деятельности органов, ведущих уголовный процесс, а также права и обязанности участников уголовного процесса, иные международные договоры Республики Беларусь, а следовательно и консульские конвенции *de jure* не должны применяться указанными органами, так как такие конвенции нельзя назвать определяющими права и свободы человека и гражданина [5] либо содержащими нормы об оказании международной правовой помощи по уголовным делам. Консульские конвенции являются соглашениями между государствами, содержащими нормы консульского права, определяющими порядок учреждения консульских представительств, назначения и отзыва, круг деятельности, права, привилегии и иммунитеты консульских должностных лиц и консульских служащих [7], а соответственно предоставляют права и наделяют обязанностями стороны их заключившие – государства. Однако именно они зачастую определяют особенности процессуального статуса иностранцев в уголовном процессе [6, с. 23-24]. В консульских конвенциях не предусматривается принятие внутригосударственного акта для применения их норм и, соответственно, они должны применяться непосредственно на территории Республики Беларусь.

Проанализировав положения Венской конвенции о консульских сношениях 1963 г. (далее – Венская конвенция), можно выделить следующие нормы, применимые к уголовно-процессуальным отношениям:

– обязанность безотлагательного уведомления компетентными органами консульского учреждения о том, что в пределах его консульского округа какой-либо гражданин этого государства арестован, заключен в тюрьму или взят под стражу в ожидании судебного разбирательства, или же задержан в каком-либо

ином порядке, *если этот гражданин этого потребует*, с обязательным безотлагательным сообщением такому лицу о соответствующем праве (п. b ч. 1 ст. 36);

– возможность выступать консульскому должностному лицу в качестве представителя гражданина представляемого государства в судах и иных органах в определенных случаях (п. i ст. 5);

– передача консульским должностным лицом судебных и несудебных документов или исполнение судебных поручений или же поручений по снятию показаний для судов представляемого государства (п. j ст. 5);

– свидетельский иммунитет в определенных случаях (ст. 44);

– неприкосновенность консульских помещений (ч. 2 ст. 31);

– неприкосновенность официальной корреспонденции консульского учреждения (ч. 2 ст. 35);

– неприкосновенность консульского архива (ст. 33, 61);

– недопустимость ареста или задержания консульского курьера (ч. 5 ст. 35);

– личная неприкосновенность консульских должностных лиц (ст. 41).

Схожие нормы прослеживаются в заключенных Республикой Беларусь в развитие Венской конвенции двухсторонних консульских конвенциях. Однако последние могут содержать и специальные нормы, которые должны учитывать должностные лица органов, ведущих уголовный процесс.

2. При анализе уголовно-процессуальных норм в консульских конвенциях необходимо остановиться прежде всего на праве иностранного гражданина на консульскую помощь и уведомлении об этом праве, так как оно нередко нарушается, что может вести к нарушению права на справедливое судебное разбирательство, а соответственно указывается как правовое основание при обжаловании приговоров в национальных судах либо их нарушение является предметом рассмотрения в Международном Суде ООН.

В этом контексте следует сопоставить нормы ст.ст. 115, 125, 126, 512 УПК, содержащие обязанность должностных лиц органов, ведущих уголовный процесс, по уведомлению консульского учреждения о задержании, применении мер пресечения в виде домашнего ареста либо заключения под стражу в отношении иностранного гражданина, с положениями Венской конвенции. Можно заметить, что в 2010 г. указанные нормы УПК были приведены в соответствии с предложением первым п. b ч. 1 ст. 36 Венской конвенции. Появилось дополнительное условие для направления сообщения в МИД для уведомления консульского учреждения, которое мы не находим в уголовно-процессуальных кодексах Казахстана, Кыргызстана и России, – требование иностранного гражданина (лица без гражданства). Однако двухсторонние консульские конвенции Республики Беларусь не содержат подобного условия. А это значит, что при задержании, например, гражданина Вьетнама у должностных лиц органа, ведущего уголовный процесс, возникает безусловная обязанность сообщить в МИД такую информацию. И мы находим этому подтверждение в п. 2 Положения о порядке информирования Министерства иностранных дел Республики Беларусь о задержании иностранного гражданина или лица без гражданства или о применении к нему меры пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста (утв. постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 15.06.2010 № 917), где дана отсылка к необходимости соблюдения международных договоров Республики Беларусь.

УПК, в отличие от консульских конвенций, умалчивает о необходимости безотлагательно сообщить задержанному (заключенному под стражу) гражданину иностранного государства о праве требовать уведомления консульского учреждения государства гражданства. Двухсторонняя консульская конвенция с Россией вторгается в сферу уголовного процесса, требуя внесения соответствующей записи в материалы уголовного дела (ч. 5 ст. 39), имея в виду, по всей видимости, составление протокола. Тот факт, что иностранный гражданин не требует проинформировать о задержании (аресте) свое консульское учреждение, не только не позволяет установить факт соблюдения обязательства по уведомлению о правах, которое возложено на задерживающее (арестовавшее) государство, но также может быть объяснено в некоторых случаях именно тем, что лицо не было проинформировано о его правах из ст. 36 Венской конвенции [8].

Как видим, наличие уже таких отличий требует допущения применения норм консульских конвенций в ходе уголовного процесса.

В литературе и судебной практике иностранных государств ведется полемика о признании субъективного права на консульскую помощь из нормы ст. 36 Венской конвенции [9, с. 571].

Международный Суд ООН в решении по делу ФРГ против США (дело *LeGrand*) указал, что Венская конвенция предоставляет субъективное право иностранным гражданам, задержанным в течение длительного периода времени или приговоренным к суровым наказаниям, без промедления быть уведомленными о своем праве общаться с их консульствами [10]. Позже было отмечено, что в каждом случае необходимо рассмотреть, действительно ли неуведомленному лицу тем самым был причинен процессуальный вред (пострадали его права) в ходе дальнейшего разбирательства [11]. Как указывают авторы, в решении по делу *LeGrand* Международный Суд ООН впервые вторгся в национальный уголовный процесс [12, с. 69]. Межамериканский суд по правам человека высказал мнение, что право задержанного иностранного гражданина быть проинформированным о праве на консульскую помощь относится к международному праву прав человека [13]. Немецкие суды полагают, что п. b ч. 1 ст. 36 Венской конвенции «создает право обвиняемого, устанавливающее его процессуальный статус» [14], что приводит к дискуссии в литературе [15, с. 20]. О процессуальном праве на встречу с представителем иностранного государства высказываются российские процессуалисты [6, с. 26]. При таком подходе исследуемые нормы Венской конвенции могут применяться в уголовном процессе Республики Беларусь наравне с УПК на основании ч. 4 ст. 1 УПК.

Однако указанная позиция все еще не является общепризнанной. Такой вывод можно сделать и из буквального прочтения двухсторонних консульских конвенций, заключенных Беларусью. Так, в конвенциях с Казахстаном, Китаем, Россией, Украиной сказано про информирование о положениях соответствующих статей конвенций, а не о правах, как это указано в Венской конвенции.

В судебной практике США известен ряд случаев неуведомления консульских учреждений о задержании (аресте) иностранных граждан, приговоренных к смертной казни. Однако суды при обжаловании со ссылкой на наличие процессуального нарушения из-за отсутствия такого неуведомления не отменяли приговоры. Так, в деле Фаулдер против Техаса суд, отказывая в удовлетворении

апелляционной жалобы, отметил, что консул Канады не смог бы предоставить информацию, которую не предоставили либо не могли бы предоставить адвокаты обвиняемого [9, с. 578]. В то же время Верховный Суд США в своих решениях подтвердил, что Венская конвенция «возможно, предоставляет лицу право на консульскую помощь после ареста», но федеральные апелляционные суды не считают такое право обязательным к исполнению (*enforceable*) [16, с. 44].

При задержании (заключении под стражу) иностранного гражданина он находится в менее выгодном положении, нежели гражданин, из-за незнания системы уголовной юстиции, национальных обычаев [9, с. 605]. Консульская помощь может уравновесить его положение с гражданином государства задержания. Вопрос о допустимости применения консульских конвенций в уголовном процессе важен с точки зрения возможности признания неуведомления гражданина иностранного государства о праве на сообщение о его задержании (заключении под стражу) консульскому учреждению для реализации права на консульскую помощь существенным нарушением уголовно-процессуального закона в смысле ч. 1 ст. 391 УПК. В этом вопросе можно согласиться с Федеральным конституционным судом ФРГ, который указал, что неосуществление информирования в соответствии с требованиями международного публичного права представляет собой процессуальное нарушение, на котором может основываться апелляционная жалоба по правовым вопросам в соответствии с § 337 Уголовно-процессуального кодекса ФРГ и это само по себе гарантирует, что нарушение публичного международного права не останется «без последствий» [14]. А уже, исходя из представленных обоснований, суд апелляционной инстанции должен решать, помешало ли суду такое нарушение всесторонне, полно и объективно исследовать обстоятельства уголовного дела и повлияло ли или могло повлиять оно на постановление законного и обоснованного приговора.

3. Хотя иные уголовно-процессуально релевантные нормы консульских конвенций не направлены на защиту субъективного права, а больше на обеспечение консульской функции, они должны соблюдаться должностными лицами органов, ведущих уголовный процесс, а соответственно должны быть им известны.

Статья 5 Венской конвенции включает в консульскую функцию с соблюдением практики и порядка, принятых в государстве пребывания, представительство или обеспечение надлежащего представительства граждан представляемого государства в судебных и иных учреждениях государства пребывания. Данная норма уточняется в двухсторонних консульских конвенциях: консульское должностное лицо может без особой доверенности представлять гражданина в судах и других органах государства пребывания, если гражданин представляемого государства не может осуществлять в государстве пребывания защиту своих прав и интересов в связи с его отсутствием в государстве пребывания или по другим причинам (п. f ст. 13 конвенции с Казахстаном). Соответственно у органа, ведущего уголовный процесс, может возникнуть обязанность допустить консульское должностное лицо в качестве представителя, хотя это и не в полной мере соответствует норме п. 28 ст. 6 УПК.

Согласно п. j ст. 5 Венской конвенции консульское должностное лицо имеет право передавать судебные и несудебные документы, или исполнять судебные поручения, или же поручения по снятию показаний для судов представляемого государства. Однако, участвуя тем самым в собирании доказательственной информации, оно должно действовать в соответствии с действующими международными соглашениями или при отсутствии таких соглашений – в порядке, не противоречащем законам и правилам государства пребывания.

Консульские конвенции расширяют список лиц, обладающих свидетельским иммунитетом: работники консульского учреждения не обязаны давать показания по вопросам, связанным с выполнением ими своих функций, или представлять относящуюся к их функциям официальную корреспонденцию и документы, а также показания, разъясняющие законодательство представляемого государства (ч. 3 ст. 44 Венской конвенции). Консульская конвенция с Польшей указывает, что члены семей сотрудников консульского учреждения, а также частные домашние работники не обязаны давать показаний в отношении фактов, связанных с деятельностью консульского учреждения (ч. 3 ст. 18).

Часть 4 ст. 35 Консульской конвенции с КНР предписывает органам, ведущим уголовный процесс, когда это возможно, выслушивать показания у вышеуказанных лиц на дому или в помещении консульского учреждения или же принимать от них письменные показания. Аналогичное правило заложено в ч. 5 ст. 16 Консульской конвенции с ЧСФСР.

В дополнение к ч. 2 ст. 4 УПК и п. 1 ч. 3 ст. 60 УПК ст. 44 Венской конвенции позволяет консульскому должностному лицу отказаться давать показания и к нему не могут применяться никакие меры принуждения или наказания за это.

УПК содержит лишь отдельные нормы, связанные с дипломатическим иммунитетом – ч. 10, 11 ст. 204 (осмотр помещений), ч. 10 ст. 210 (обыск и выемка), – распространяя его и на консульские учреждения, хотя они обладают иммунитетом иного объема. Данные нормы будут применяться независимо от наличия договорных отношений в сфере консульских отношений с иностранным государством, так как они не содержат соответствующей оговорки. Венская конвенция предоставляет более широкую неприкосновенность, в том числе и в рамках производства по материалам и уголовным делам. Прежде всего, схожие правила должны распространяться на все следственные действия в помещениях, занимаемых консульскими учреждениями (ч. 2 ст. 31 Венской конвенции).

Неприкосновенны также официальная корреспонденция консульского учреждения (ч. 2 ст. 35 Венской конвенции) и консульский архив (ст. 33, 61 Венской конвенции), а соответственно в отношении них нельзя производить выемку либо иные следственные действия.

Личная неприкосновенность распространяется на консульского курьера и консульских должностных лиц (ч. 5 ст. 35, 41 Венской конвенции), они не могут быть задержаны, заключены под стражу. Хотя последние лица могут быть заключены под стражу на основании постановления компетентных судебных властей в случае совершения тяжкого преступления, а также во исполнение судебных постановлений, вступивших в законную силу. Если против консульского должностного лица возбуждается уголовное дело, это лицо должно явиться в компетентные органы. Однако необходимо иметь в виду, что нормы

консульских конвенций с Вьетнамом (ст. 37) и Украиной (ст. 35) распространяют на консульских должностных лиц в полном объеме иммунитеты дипломатических агентов, а соответственно указанные исключения в отношении этих государств не могут быть применены (ст. 29 Венской конвенции о дипломатических сношениях 1961 г.).

Заключение

По итогам исследования можно придти к следующим выводам.

1. Установлено, что УПК *de jure* не позволяет применять консульские конвенции в ходе производства по материалам и уголовным делам.

2. В данных конвенциях содержатся уголовно-процессуально релевантные нормы:

– о консульской помощи подозреваемому (обвиняемому) и необходимости уведомления о праве на такую помощь;

– о возможности консульского должностного лица выступать представителем гражданина представляемого им государства перед судами и другими органами;

– о неприкосновенности личности консульского должностного лица, консульского курьера, помещений, занимаемых консульским учреждением, официальной корреспонденции консульского учреждения и консульского архива.

3. Требуется внесение изменения в ст. 1 УПК с целью расширения круга международных договоров, применяемых при производстве по материалам и уголовным делам, а также ознакомление в ходе обучения и повышения квалификации работников органов, ведущих уголовный процесс, с вышеуказанными нормами.

4. Необходимо строго соблюдать нормы консульских конвенций об уведомлении граждан иностранных государств о праве на консульскую помощь. В противном случае вышестоящим судам важно изучить представленные сторонами обоснования для решения вопроса о том, не помешало ли суду нарушение соответствующей нормы консульской конвенции всесторонне, полно и объективно исследовать обстоятельства уголовного дела и не повлияло ли оно или могло ли повлиять на постановление законного и обоснованного приговора.

Список цитированных источников

1. Волженкина, В. М. Нормы международного права в российском уголовном процессе / В. М. Волженкина. – СПб: Изд-во «Юрид. центр Пресс», 2001. – 359 с.

2. Курушина, Е. В. Международно-правовые акты как источники уголовно-процессуального права Российской Федерации : автореферат дис. ... кандидата юридических наук : 12.00.09 / Моск. ун-т МВД РФ. – М., 2003. – 26 с.

3. Малиновский, О. Н. Нормы международного права о правах человека как источник российского уголовно-процессуального права : автореферат дис. ... кандидата юридических наук : 12.00.09 / Кубан. гос. ун-т. – Краснодар, 2003. – 25 с.

4. Смирнов, А. В. Уголовный процесс : учебник / А. В. Смирнов, К. Б. Калиновский ; под общ. ред. проф. А. В. Смирнова. – 4-е изд., перераб. и доп. – М. : КНОРУС, 2008. – 704 с.

5. Самарин, В. И. Признаки международных договоров, определяющих права и свободы человека и гражданина, в смысле статьи 1 УПК Беларуси / В. И. Самарин //

Юридическая наука и практика: наследие, состояние и перспективы развития : сб. науч. ст. : в 2-х ч., Ч. 2 / ГрГУ им. Я. Купалы ; редкол.: С. Е. Чебуранова (гл. ред.) [и др.]. – Гродно: ГрГУ им. Я. Купалы, 2018. – С. 92-96.

6. Филиппова, Т. Ю. Особенности применения российского уголовно-процессуального законодательства в отношении иностранных граждан / Т.Ю. Филиппова. – М. : Юрлитинформ, 2016. – 188 с.

7. Фисенко, В. Н. Консульские конвенции / В.Н. Фисенко // Белорусская юридическая энциклопедия: В 4 т. – Т. 2. – Минск: ГИУСТ БГУ, 2009. – С. 103.

8. Case concerning Ahmadou Sadio Diallo (Republic of Guinea v. Democratic Republic of the Congo): Judgment of the International Court of Justice, 30 November 2010 [Electronic resource] // International Court of Justice. – Mode of access: http://www.icj-cij.org/files/case-related/103/103-20101130-JUD-01-00-EN.pdf. – Date of access: 22.08.2018.

9. Kadish, M. J. Article 36 of the Vienna Convention on Consular Relations: A Search for the Right to Consul / M.J. Kadish // Michigan Journal of International Law. – 1997. – Vol. 18. – Is. 4. – P. 565-613.

10. Lagrand case (Germany v. USA): Judgment of the International Court of Justice, 27 June 2001 [Electronic resource] // International Court of Justice. – Mode of access: http://www.icj-cij.org/files/case-related/104/104-20010627-JUD-01-00-EN.pdf. – Date of access: 22.08.2018.

11. Case concerning Avena and other Mexican nationals (Mexico v. USA): Judgment of the International Court of Justice, 31 March 2004 [Electronic resource] // International Court of Justice. – Mode of access: http://www.icj-cij.org/files/case-related/128/128-20040331-JUD-01-00-EN.pdf. – Date of access: 22.08.2018.

12. Cassel, D. International Remedies in National Criminal Cases: ICJ Judgment in Germany v. United States / D. Cassel // Leiden Journal of International Law. – 2002. – Vol. 15. – Is. 1. – P. 69-86.

13. Advisory Opinion oc-16/99 of October 1, 1999 requested by the United Mexican States ‘The right to information on consular assistance in the framework of the guarantees of the due process of law’ [Electronic resource] // Corte Interamericana de Derechos Humanos. – Mode of access: http://www.corteidh.or.cr/docs/opiniones/seriea_16_ing.pdf. – Date of access: 22.08.2018.

14. In dem Verfahren über die Verfassungsbeschwerde 5. November 2013, 2 BvR 1579/11 [Electronic resource] // Bundesverfassungsgericht. – Mode of access: https://www.bundesverfassungsgericht.de/SharedDocs/Entscheidungen/DE/2013/11/rk20131105_2bvr157911.html. – Date of access: 22.08.2018.

15. Heger, M. Strafprozessrecht / M. Heger. – Stuttgart : Kohlhammer, 2013. – 188 S.

16. Opinion of the US Court of Appeals for the 6th circuit in Case No. 11-3453, 2 September 2014 [Electronic resource] // The Sixth Circuit Court of Appeals. – Mode of access: http://www.opn.ca6.uscourts.gov/opinions.pdf/14a0217p-06.pdf. – Date of access: 22.08.2018. – 48 p.

Аннотация. В статье указывается, что УПК Республики Беларусь допускает использование в уголовном процессе международных договоров Республики Беларусь определяющих права и свободы человека и гражданина, содержащих нормы об оказании международной правовой помощи по уголовным делам, а также регулирующих гражданское судопроизводство. В этот перечень не включаются консульские конвенции. Однако в ходе анализа вычленяются уголовно-процессуально релевантные нормы таких

конвенций, которые должны исполняться Республикой Беларусь посредством своих государственных органов.

Отдельно проанализированы нормы национального законодательства и действующих конвенций о праве на консульскую помощь и информировании о таком праве. Установлено, что УПК не содержит предписания об обязательном информировании, но должны действовать соответствующие нормы консульских конвенций.

Автор приходит к выводу, что требуется внесение изменения в ст. 1 УПК с целью расширения круга международных договоров, применяемых при производстве по материалам и уголовным делам, а также ознакомление в ходе обучения и повышения квалификации работников органов, ведущих уголовный процесс, с выше указанными нормами.

APPLICABILITY OF CONSULAR CONVENTIONS IN THE CRIMINAL PROCEEDINGS OF THE REPUBLIC OF BELARUS

Samaryn V.

Key words: criminal proceedings, international treaties, consular conventions, sources of criminal procedural law, criminal procedural legal relations.

Abstract. The author points out that the Code of Criminal Procedure of the Republic of Belarus (hereinafter – CCP) allows the application in criminal proceedings of the following international treaties of the Republic of Belarus: 1) defining human and civil rights and freedoms, 2) containing rules on the provision of international legal assistance in criminal matters, as well as 3) regulating civil proceedings. This list does not include consular conventions. However, in the course of the analysis, the criminal-procedurally relevant provisions of such conventions are identified. They must be enforced by the Republic of Belarus through its state agencies.

The provisions of national legislation and existing conventions on the right to consular assistance and informing on this right are analyzed separately. It is established that the CCP does not contain a requirement for mandatory provision of information, but the relevant consular conventions must be applied.

The author comes to the conclusion that it is necessary to amend Art. 1 of the CCP in order to expand the list of international treaties to-be-applied within criminal proceedings, as well as to train the employees of the agencies conducting criminal proceedings for better understanding of the above-mentioned standards.

УДК 343.1

К ВОПРОСУ О НЕОБХОДИМОСТИ РАСШИРЕНИЯ ПРЕДЕЛОВ СУДЕБНОЙ ПРОВЕРКИ ПРИМЕНЕНИЯ ЗАКЛЮЧЕНИЯ ПОД СТРАЖУ

Хиревич М.Л., Бурак Р.В.

Ключевые слова: домашний арест, задержание, заключение под стражу, судебный контроль.

Введение

Право на свободу и личную неприкосновенность граждан является неотъемлемым и охраняется многими международными актами. На основании

ст. 25 Конституции Республики Беларусь ограничение или лишение личной свободы возможно в случае и порядке, установленных законом.

В качестве одной из процессуальных гарантий реализации указанного права выступает судебный контроль в ходе осуществления уголовно-процессуальной деятельности органами, ведущими уголовный процесс. Несмотря на то, что данный процессуальный институт предусмотрен многими международными актами и доказал свою эффективность в решении задач уголовного судопроизводства во многих странах, Уголовно-процессуальным кодексом Республике Беларусь (далее – УПК) его применение весьма ограничено. Он реализуется лишь в форме последующего судебного контроля, состоящего в проверке законности и обоснованности задержания, заключения под стражу, домашнего ареста и продления сроков их применения, а также рассмотрении жалоб на решения органа уголовного преследования об отказе в возбуждении уголовного дела, о прекращении предварительного расследования уголовного дела, уголовного преследования, об отказе в возбуждении производства по вновь открывшимся обстоятельствам. Однако даже в таком виде судебный контроль может выступать в качестве определенного дополнительного барьера, предупреждающего нарушения прав и законных интересов граждан.

Основная часть

Согласно статистическим данным судами в год рассматривается около 700–800 жалоб на заключение под стражу, домашний арест и продление срока их действия. При этом удовлетворяется только около 5–10 % таких жалоб, а в 90–95 % случаев они остаются без удовлетворения. Вместе с тем, порядка 95 % жалоб приходится именно на решения о применении меры пресечения в виде заключения под стражу.

Проведенный Верховным Судом Республики Беларусь анализ практики рассмотрения судами вопросов законности и обоснованности заключения под стражу показал, что суды испытывают трудности в определении предмета и пределов судебного контроля при разрешении жалоб по данному вопросу и в основном ограничиваются проверкой законности применения указанной меры пресечения [1, с. 11].

Поскольку критерий законности четко регламентирован УПК, вопросы определения предмета и пределов последующего судебного контроля за применением меры пресечения в виде заключения под стражу сводятся к установлению круга фактических данных, составляющих критерии обоснованности применения меры пресечения.

Сложность определения предмета и пределов судебного контроля обусловлена необходимостью установления таких критериев обоснованности применения меры пресечения в виде заключения под стражу и достаточного объема данных, проверка и оценка которых осуществляется в ходе рассмотрения жалоб на заключение по стражу. С одной стороны, суд должен рассмотреть указанный вопрос на основе данных, подтверждающих и обусловливающих необходимость применения меры пресечения в виде заключения под стражу, и в то же время, с другой стороны, он не должен предрешать вопросы, которые впоследствии могут стать предметом судебного разбирательства по уголовному делу – виновности лица и доказанности подозрения или обвинения в совершении преступления.

В постановлении Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 23 декабря 2010 г. № 12 «О практике рассмотрения судами жалоб на применение мер пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста или продление срока их действия» (далее – постановление Пленума Верховного Суда № 12) обоснованность определяется как наличие в представленных суду материалах сведений, в том числе о личности подозреваемого или обвиняемого, которыми подтверждается необходимость применения мер пресечения или продления их срока.

Говоря об обоснованности, ч. 2 ст. 117 УПК и постановление Пленума Верховного Суда № 12 приводят такие ее критерии как характер подозрения или обвинения, личность подозреваемого или обвиняемого, их возраст и состояние здоровья, род занятий, семейное и имущественное положение, наличие постоянного места жительства и другие обстоятельства. Перечень их является открытым.

Содержание данного перечня позволяет говорить о том, что суд при проверке законности и обоснованности применения меры пресечения в виде заключения под стражу должен учитывать лишь характеризующие подозреваемого, обвиняемого материалы и обстоятельства, но не может касаться оценки доказательств обоснованности подозрения данного лица в инкриминируемом ему преступлении. В связи с этим представляется необходимым более подробно проанализировать приведенные в указанном перечне критерии.

Главным образом следует остановиться на таком критерии обоснованности, предусмотренном постановлением Пленума Верховного Суда № 12, как характер подозрения или обвинения. Фактически проверка «характера подозрения или обвинения» сводится к определению тяжести преступления и его характера (насильственное либо ненасильственное преступление и т.д.). Устанавливая данный критерий, наряду с закреплением запрета на разрешение вопросов, связанных с доказанностью выдвинутых подозрений или обвинений, при рассмотрении жалоб, законодатель фактически выносит за рамки судебной проверки вопрос об обоснованности подозрения лица в совершении преступления, тем самым констатируя обоснованность такого подозрения и учитывая лишь характер совершенного деяния в контексте характеристики личности лица, заключенного под стражу.

Как показывает практика, несмотря на то, что учеными неоднократно обращалось внимание на недопустимость такого подхода [2, с. 57–58], тяжесть преступления, в совершении которого подозревается или обвиняется лицо, выступает основным критерием применения меры пресечения в виде заключения под стражу. В первую очередь это обусловлено тем, что уголовно-процессуальный закон содержит норму, предусматривающую возможность применения меры пресечения в виде заключения под стражу по мотивам лишь одной тяжести подозрения или обвинения в случае, если лицо подозревается или обвиняется в совершении тяжкого или особо тяжкого преступления. В то же время другие предусмотренные законом основания для применения указанной меры пресечения – возможность скрыться, оказать давление на потерпевшего либо совершить новое преступление – могут просто констатироваться, при этом полностью отсутствовать фактические данные, подтверждающие указанные основания.

С учетом сложившейся практики и необходимости повышения эффективности судебной проверки применения заключения под стражу, представляется, что обоснованность подозрения должна выступать в качестве критерия проверки обоснованности применения указанной меры пресечения.

Такой подход в юридической литературе поддерживается многими учеными. Например, В. Воронин высказал мнение, что установлению намерений подозреваемого препятствовать производству по уголовному делу должно предшествовать выяснение обоснованности и законности вынесения постановления о возбуждении уголовного дела по соответствующей статье Уголовного кодекса, а также наличия в отношении данного лица обоснованного подозрения в конкретном инкриминируемом ему преступлении. Эта деятельность заключается в изучении и правовой оценке доказательств, подтверждающих правильность квалификации преступного деяния, а также достоверность и обоснованность подозрения (например, уяснение наличия оснований для задержания), которые носят лишь предварительный характер [3, с. 46].

Н.А. Колоколов полагает, что в определенной степени, по крайней мере, на психологическом уровне, вопрос о виновности лица в ходе судебного контроля все-таки предрешается, так как заключение под стражу из чисто процедурных соображений недопустимо [4, с. 390]. А.Н. Тарбагаев, А.Д. Назаров также обращают внимание на то, что «действующая ныне модель ареста должна учитывать необходимость для суда при решении вопроса о заключении под стражу или продлении сроков содержания под стражей исследовать не только «вопрос права» (формальные основания для принятия указанных решений), но и «вопрос факта» – наличие минимального набора доказательств инкриминируемого лицу подозрения или обвинения [5, с. 563].

Следует обратить внимание на то, что в соответствии с п. «с» ч. 1 ст. 5 Конвенции о защите прав человека и основных свобод законность задержания или заключения под стражу лица определяется возможностью предстать в установленном законом порядке перед компетентным органом по обоснованному подозрению в совершении преступления или в случае, когда имеются достаточные основания полагать, что необходимо предотвратить совершение им правонарушения или помешать ему скрыться после его совершения. Сложившаяся практика Европейского суда по правам человека выделяет обоснованное подозрение в совершении преступления в качестве основного критерия ограничения свободы в досудебном производстве. В ряде его постановлений предписывается при решении вопроса об избрании или продлении срока применения меры пресечения в виде заключения под стражу, в первую очередь, оценивать доказанность разумно обоснованного подозрения в совершении лицом преступления [6]. При этом Европейский суд по правам человека отмечает, что вызывающие подозрение факты еще не достигли уровня, необходимого для осуждения лица или даже для предъявления обвинения, которое происходит на следующем этапе уголовного процесса [7].

Судебная практика Российской Федерации пошла по аналогичному пути. В своем решении Конституционный Суд РФ, ссылаясь на подп. «с» п. 1 ст. 5 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, указывал, что факты, обосновывающие подозрение, не обязательно должны обладать той же степенью

убедительности, как те, которые необходимы для предъявления обвинения – следующего этапа в процессе следствия по уголовному делу [8].

Несмотря на то, что указанная практика касается осуществления предварительного судебного контроля при судебном санкционировании заключения под стражу, представляется, что такой подход должен применяться и при судебной проверке законности и обоснованность применения данной меры пресечения по жалобам уполномоченных лиц.

Следует обратить внимание и на тот факт, что в п. 11 постановления Пленума Верховного Суда № 12 предусмотрен перечень документов, предоставляемых с жалобой в суд, среди которых содержаться копии постановлений о возбуждении уголовного дела, о задержании подозреваемого, привлечении лица в качестве обвиняемого, применении меры пресечения в виде заключения под стражу.

Вынесение постановлений о возбуждении уголовного дела в отношении конкретного лица, о его задержании либо применении меры пресечения является способом легализации подозрения, поскольку на основании указанных документов лицо приобретает статус подозреваемого. Таким образом, данные постановления содержат не только основания для применения меры пресечения, но и фактические данные, обосновывающие подозрение лица в совершении преступления. Указанное обстоятельство также подтверждает факт того, что осуществление проверки законности и обоснованности заключения под стражу невозможно без рассмотрения вопроса обоснованности подозрения лица в совершении преступления.

Кроме того, необходимо обратить внимание на тот факт, что при разрешении жалобы на постановление следователя о применении меры пресечения, судья руководствуется общими правилами процесса доказывания, проверяя и оценивая доказательства, подтверждающие основания применения меры заключения под стражу. Запрет на вторжение в компетенцию суда первой инстанции при доказывании фактов по уголовному делу не распространяется на проверку средств доказывания. Как отмечает Н. А. Колоколов, при проверке законности и обоснованности решения публичного органа уголовного преследования, суд должен оценить доказательства, положенные в основу такого решения с точки зрения их допустимости, соответствия требованиям УПК [9, с. 29–30]. В то же время, как представляется, весь объем доказательств, подтверждающих основания применения заключения под стражу, суд должен оценить с точки зрения их относимости, достоверности, допустимости и достаточности для подтверждения наличия оснований для применения меры пресечения.

При проверке законности и обоснованности заключения под стражу в суд должны быть представлены доказательства того, что действия, совершенные лицом, прямо указывают на его причастность к преступлению. В ходе такой проверки он должен убедиться в достаточности данных об имевшем место событии преступления и о причастности к нему подозреваемого. Подозрение может считаться обоснованным лишь в том случае, когда основывается на фактах или информации, объективно связывающих подозреваемое лицо с предполагаемым преступлением.

Заключение

Таким образом, на основании изложенного в целях повышения эффективности судебного контроля в досудебном производстве предлагается

расширить пределы судебной проверки по жалобам управомоченных лиц на решения органов уголовного преследования о применении меры пресечения в виде заключения под стражу посредством установления в качестве критерия такой проверки определение наличия обоснованного (разумного) подозрения в совершении преступления. В этой связи в постановлении Пленума Верховного Суда № 12 предлагается указать на необходимость судьи при осуществлении проверки оснований применения меры пресечения в виде заключения под стражу наряду с оценкой характера подозрения убедиться в наличии достаточных данных, свидетельствующих об имевшем место событии преступления и о причастности и к нему подозреваемого, которая может иметь вероятностный характер. При этом вопрос о доказанности такого подозрения ставиться не должен, поскольку установлению подлежит только наличие достаточных оснований полагать о причастности лица к совершению преступления.

Расширение пределов судебного контроля в рамках рассмотрения жалоб на заключение под стражу может выступать в качестве начального этапа на пути к увеличению объема полномочий суда в досудебном производстве (предмета судебного контроля), конечной точкой которого должно стать построение системы судебного санкционирования применения мер пресечения и иных процессуальных действий, в наибольшей степени ограничивающих права и законные интересы граждан, которая будет соответствовать установленным международным стандартам отправления правосудия.

Список цитированных источников

1. Дулько, Л. О практике рассмотрения судами жалоб на применение мер пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста или продление срока их действия (по материалам обзора) /Л. Дулько, И. Тылец // Судовы веснік. – 2011. – № 1. – С. 10–17.

2. Зайцева, Л. Л. Основания заключения под стражу в Республике Беларусь / Л. Л. Зайцева // Уголовная юстиция в свете интеграции правовых систем и интернационализации криминальных угроз : сб. науч. тр., приуроч. к 90-летию д-ра юрид. наук, проф. И.И. Мартинович / Белорус. гос. ун-т; редкол.: А.А. Данилевич (отв. ред.) [и др.]. – Минск, 2017. – С. 54–60.

3. Воронин, В. Порядок действий судьи при решении вопроса о заключении под стражу /В. Воронин // Российская юстиция. – 2002. – № 12. – С. 45–46.

4. Судебный контроль в уголовном процессе: учебное пособие / И.А. Давыдова и др.; под ред. Н.А. Колоколова. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2015. – 847 с.

5. Назаров, А. Д. Судебный контроль и проблемы предупреждения преступлений и иных правонарушений в уголовном процессе России и Германии / А. Д. Назаров, А.Н. Тарбагаев // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. – 2015. – Т. 9. – № 3. – С. 560–570.

6. По делу Калашников против Российской Федерации [Электронный ресурс] : постановление Европейского суда по правам человека от 15 июля 2002 г., жалоба № 47095/99 // ИБ «КонсультантПлюс. Международное право» / ЗАО «Консультант Плюс». – М., 2018.

7. По делу Мюррей против Соединенного Королевства [Электронный ресурс] : постановление Европейского суда по правам человека от 28 октября 1994 г. //

Информационно-правовой портал «Гарант.ру». – Режим доступа: http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/2461419/. – Дата доступа: 12.09.2018.

8. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Мошнина Игоря Александровича на нарушение его конституционных прав статьей 108 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации [Электронный ресурс] : определение Конституционного Суда РФ от 12 июля 2005 г. № 330-О // Информационно-правовой портал «Гарант.ру». – Режим доступа: http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/1254548/. – Дата доступа: 12.09.2018.

9. Колоколов, Н. А. Механизм избрания меры пресечения судом нуждается в коренной модернизации / Н.А. Колоколов // Уголовный процесс. – 2014. – № 8. – С. 28–38.

Аннотация. В статье рассматриваются проблемные вопросы определения пределов судебной проверки законности и обоснованности применения меры пресечения в виде заключения под стражу. На основе анализа правоприменительной практики Республики Беларусь, международного опыта, мнений ученых автором предлагается расширить пределы судебного контроля посредством установления в качестве критерия такой проверки определение наличия обоснованного (разумного) подозрения в совершении преступления.

Abstract. The article deals with the problematic issues of the definition of the limits of judicial review of the legality and validity of detention. Based on the analysis of the law enforcement practice of the Republic of Belarus, international experience, opinions of scientists the author proposes to expand the limits of judicial control and to establish the existence of a reasonable suspicion of a crime as a criterion for such verification.

ПРОБЛЕМЫ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРОКУРОРСКОГО НАДЗОРА

УДК 347.963

ТИПИЧНЫЕ НАРУШЕНИЯ, ВЫЯВЛЯЕМЫЕ ПРОКУРОРАМИ В СФЕРЕ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ЗАКУПОК ПРОДУКТОВ ПИТАНИЯ В УЧРЕЖДЕНИЯХ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ, И ПУТИ ИХ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ

Бильдейко А.А.

Ключевые слова: прокуратура, прокурорский надзор, государственные закупки, закупки продуктов питания, нарушения в сфере государственных закупок, предупреждение правонарушений в сфере закупок.

Введение

Традиционно одной из наиболее подверженных коррупционным проявлениям считается сфера здравоохранения. Особое внимание всего белорусского общества она привлекла в связи с громким коррупционным скандалом, разразившимся в июне 2018 г. и связанным с закупками медицинского оборудования и лекарств. Даже специальное законодательство, регламентирующее вопросы государственных закупок медицинских изделий и лекарственных средств, не смогло обеспечить эффективное противодействие массовым завышениям стоимости закупаемой продукции. Изложенное свидетельствует о его несовершенстве и опровергает доводы о действенности централизации, позволяющей гарантировать сбалансированное обеспечение потребностей здравоохранения Беларуси [1, с. 4]. Вопросы закупок продуктов, используемых учреждениями здравоохранения для питания пациентов, находящихся на стационарном лечении, регламентируются общим законодательством о государственных закупках товаров (работ, услуг), каждое медицинское учреждение проводит процедуру закупки продуктов самостоятельно. Надзор за законностью использования бюджетных средств в данной сфере на регулярной основе осуществляют органы прокуратуры, однако в научной литературе данная актуальная проблема практически не нашла своего отражения. Анализ наиболее типичных нарушений, выявляемых прокурорами, позволит оценить состояние законности в анализируемой сфере, а также сформулировать предложения по предупреждению коррупционных проявлений.

Основная часть

В Российской Федерации наиболее распространенным результатом противоправных действий, совершаемых в сфере осуществления государственных закупок, является причинение ущерба бюджетной системе государства, связанное с избыточными затратами на финансирование контрактов (т.е. когда обязательства выполняются в полном объеме, но для государственных нужд поставляется товар по явно завышенной цене) [2, с. 38; 3, с. 5]. В Республике Беларусь исследователями отмечается, что наиболее часто нарушения в сфере закупок связаны с процессом организации и оформления процедур закупок в основном без причинения вреда интересам государства

и иным субъектам [4, с. 93-96]. Об этом также свидетельствует и практика прокурорского надзора за исполнением законодательства о государственных закупках, в том числе о закупках продуктов питания для учреждений здравоохранения.

В научной литературе отмечается, что цели закупок имеют три аспекта:

1) обеспечение соответствия приобретаемых товаров, работ или услуг заявленным требованиям для выполнения определенной государственной задачи;

2) заключение договора на лучших возможных условиях (что необязательно означает самую низкую цену);

3) обеспечение гарантии того, что участник закупки будет в состоянии обеспечить поставку товаров, выполнение работ или оказание услуг на согласованных в контракте условиях [5, с. 95].

В связи с этим нарушения, выявляемые прокурорами при организации закупок продуктов питания для пациентов учреждений здравоохранения, сгруппируем по трем направлениям исходя из тех аспектов целей, достижению которых они препятствуют.

Первая *группа нарушений*, связанная с несоответствием приобретаемых продуктов питания требованиям для выполнения государственной задачи обеспечения здорового питания пациентов учреждений здравоохранения, представляется в определенной степени обделенной вниманием контролирующих (надзорных) органов.

Зачастую на практике единственным критерием при оценке предложений участников учреждениями здравоохранения при закупке продуктов питания избирается наименьшая цена. В результате в конкурсной и аукционной документации четко не прописываются требования к качеству закупаемого товара, что, соответственно, влечет поставку продуктов с минимальными потребительскими качествами. Это не всегда может обеспечить здоровое питание для пациентов больниц, т.е. людей ослабленных и нуждающихся в скорейшем восстановлении.

Решением данной проблемы может быть использование закупочной практики США, которая вынуждает публичных заказчиков формировать в целях приобретения качественной продукции исчерпывающие технические задания с сотнями и тысячами показателей закупаемой продукции. Например, описание требований к горячему шоколаду, поставляемому для военных США, размещается на 20 страницах. В условиях такого досконального описания объекта закупки зарубежные заказчики, действительно, могут не волноваться о возможностях поставки некачественной продукции, которая одновременно удовлетворяет всем заявленным характеристикам, в связи с чем главной задачей проведения закупки в США становится обеспечение конкуренции и неограниченный допуск к таким закупкам предпринимателей [6, с. 196].

Изучением прокурорами аукционных документов учреждений здравоохранения на закупку продуктов питания иностранного происхождения (сахар, шоколад, печенье, зефир) в ряде случаев выявляется, что в них отсутствовали предусмотренные подпунктом 2.1 п. 2 ст. 5 Закона Республики Беларусь «О государственных закупках товаров (работ, услуг)» (далее – Закон о госзакупках), постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 17.03.2016 № 206 «О допуске товаров иностранного происхождения

и поставщиков, предлагающих такие товары, к участию в процедурах государственных закупок» условия проведения конкурентной процедуры государственной закупки и требования к содержанию предложений участников в части наличия сведений о стране происхождения товара, что не обеспечивает соблюдение закрепленного *в ст.ст. 4 и 5 Закона о госзакупках принципа оказания поддержки отечественным поставщикам и товарам, а также поставщикам и товарам иностранного происхождения, в отношении которых применяется национальный режим, в той мере, в которой это не противоречит международным договорам Республики Беларусь.*

Например, при предоставлении предложений участниками электронного аукциона на проводимую учреждением закупку сахара, одним в первом разделе предложения не указываются сведения о стране происхождения товара (который зачастую относится к тем, которому не предоставляется национальный режим). При указанных обстоятельствах предложение данного участника подлежит отклонению, однако это нередко не делается. Соответственно при оценке таких предложений вопрос о применении предусмотренной ст. 5 Закона о госзакупках преференциальной поправки к цене, не рассматривается.

Вторая группа нарушений, связанная с заключением договора на лучших возможных условиях, является наиболее часто выявляемой в ходе прокурорских проверок.

В более чем в половине случаев определение поставщиков продуктов питания учреждениями здравоохранения осуществляется по результатам процедуры закупки из одного источника, а в отдельных учреждениях удельный вес неконкурентных процедур закупок составляет более 80 %. В то же время при проведении данного вида процедуры государственной закупки не во всех случаях учреждениями здравоохранения задействуются резервы по удешевлению стоимости питания граждан, в том числе путем установления прямых связей с производителями, что, в первую очередь, обусловлено ненадлежащим исследованием конъюнктуры рынка, в результате чего бюджетные ассигнования, выделяемые на питание, становятся доходом посредников.

Например, одной из больниц при выборе поставщика яиц изучены предложения трех организаций с ценой от 1,72 до 1,75 рублей за десяток, в результате чего договор поставки яиц был заключен с организацией, предложившей цену 1,72 рубля. В то же время единственный производитель яиц в регионе, где расположена больница, по запросу прокурора сообщил, что реализацию яиц такой категории в анализируемый период осуществлял по цене 1,62 рубля за десяток. Таким образом, всестороннее изучение конъюнктуры рынка позволило бы учреждению здравоохранения сэкономить бюджетные средства.

Учитывая низкий уровень прозрачности и подконтрольности процедуры закупки из одного источника, наличие значительных возможностей для противоправного лоббирования интересов конкретных поставщиков, несоблюдение установленного законодательством порядка ее проведения, создает предпосылки к коррупционным проявлениям и причинению ущерба государственным интересам.

Путем профилактики подобных нарушений видится законодательное (путем издания нормативного правового акта) либо административное (путем

поручений соответствующих министерств, концернов и областных исполнительных комитетов) «обеспечение» участия крупных производителей (в первую очередь – с долей государственной собственности) закупаемых учреждениями здравоохранения продуктов к участию к конкурентных процедурах закупок. В настоящее время крупные производители продуктов питания не участвуют в данных процедурах из-за невыгодности для них по причине небольших объемов. В результате организации частной формы собственности покупают у них продукты и с наценкой продают больницам, другим организациям социальной сферы. Данная разница и представляет собой возможную экономию бюджетных средств. Задача органов прокуратуры – инициировать перед уполномоченными органами скорейшее решение данной проблемы путем:

– определения перечня производителей, которые должны участвовать в процедурах закупок производимой ими продукции;

– пороговых значений сумм закупки, начиная с которых необходимо принимать участие;

– экономически обоснованного расчета сумм затрат на доставку продукции производителями, как правило не имеющими необходимого количества транспорта, до места назначения с учетом привлечения транспорта сторонних организаций.

Не в полной мере учреждениями здравоохранения обеспечено надлежащее изучение конъюнктуры рынка и при проведении конкурентных процедур закупок, в результате чего сырье для производства продукции питания закупается по завышенным ценам.

Так, в ряде случаев при проведении электронных аукционов начальной ценой торгов определяется наименьшая цена из предложенных участниками. Вместе с тем установление в качестве начальной цены торгов ориентировочной стоимости государственной закупки, определенной в результате надлежащего исследования конъюнктуры рынка, позволило бы не допустить к конкурентной процедуре закупки поставщиков с заведомо завышенными ценами.

Так, по результатам электронного аукциона, начальной ценой которого являлась наименьшая цена из предложенных участниками, заключен договор купли-продажи продуктов питания с организацией частной формы собственности, в соответствии с которым поставка мяса говядины тазобедренной и лопаточной частей осуществлялась по цене 17,48 и 15,48 рублей за килограмм соответственно, что значительно выше рыночных цен на данный товар. В то же время, по состоянию на указанную дату, стоимость одного килограмма мяса говядины тазобедренной и лопаточной частей на мясокомбинате, расположенном в этом же населенном пункте, составляла 11 рублей и 9,5 рублей соответственно.

Имеют место случаи *неправильного выбора вида процедуры государственной закупки*, что, учитывая объемы закупки, не способствует эффективному расходованию бюджетных средств. Например, больницей при осуществлении государственной закупки овощной продукции (картофель, лук, морковь, капуста), не был учтен тот факт, что совокупная ориентировочная стоимость годовой потребности в указанных товарах, объединенных в один предмет государственной закупки, составляет 1 750 базовых величин. В результате, *вместо электронного аукциона*, предполагающего проведение торгов

и снижение начальной цены аукциона, и, соответственно, экономию бюджетных средств, была проведена *процедура запроса ценовых предложений*. Данные нарушения в подавляющем большинстве случаев обусловлены низким уровнем грамотности специалистов, занимающихся проведением процедур закупок, следовательно, предупреждение их должно осуществляться путем обеспечения повышения профессионального уровня соответствующих работников, а также руководителей учреждений здравоохранения, которые должны уметь самостоятельно выявлять подобные очевидные нарушения.

Зачастую выбор поставщиков продукции питания в начале календарного года осуществлялся без проведения процедур закупок путем пролонгирования ранее действовавшего договора, что является нарушением п. 2 ст. 50 Закона о госзакупках и противоречит принципу эффективного расходования бюджетных средств.

Так, в январе 2018 года поставка масла сливочного в учреждение здравоохранения осуществлялась на основании заключенного в начале 2017 года договора поставки по цене 11,99 рублей за килограмм. С февраля 2018 года поставку данного товара осуществляла другая организация по сформированной по результатам электронного аукциона цене 9,49 рублей за килограмм. Таким образом, ввиду несвоевременного проведения предусмотренной законодательством процедуры государственной закупки и ненадлежащего изучения конъюнктуры рынка больницей в январе 2018 года допущено излишнее расходование бюджетных средств.

В ряде случаев заключение дополнительных соглашений к договору на государственную закупку влечет изменение его условий в части объема (количества) предмета государственной закупки более чем на 10 %, что является нарушением п. 4 ст. 20, п. 7 ст. 25 Закона о госзакупках.

Справедливо отмечается, что в ходе исполнения договора его условия могут быть изменены настолько, что измененный договор может сделать процедуру государственной закупки в принципе бесполезной и неэффективной [7, с. 185]. Прокурорами регулярно выявляются факты заключения учреждениями здравоохранения *дополнительных соглашений к договорам на государственную закупку* по причине ничем не обоснованного изменения поставщиком сформированной по результатам процедуры государственной закупки цены на товар.

Например, больницей подписано дополнительное соглашение с организацией частной формы собственности к заключенному всего два месяца назад по результатам электронного аукциона договору поставки рыбы, в соответствии с которым цена на нее увеличилась более чем на 70% за килограмм, при этом отсутствовали предусмотренные п. 7 ст. 25 Закона о госзакупках основания для изменения стоимости договора. Кроме того, в ходе проведенных торгов эта частная фирма снизила стоимость своего предложения более чем в два раза, что свидетельствует о том, что она изначально уменьшала цену исключительно с целью победить в аукционе, а в дальнейшем добиться осуществления поставок на других, более выгодных для себя условиях. В подобных случаях для прокуроров не представляет сложности определить сумму дополнительного расходованных средств бюджета как разницу между ценой по договору и ценой реальной поставки и помимо обеспечения привлечения виновных лиц к административной ответственности по части 5 статьи 11.16 Кодекса

Республики Беларусь об административных правонарушениях в актах прокурорского реагирования (представлении, постановлении о привлечении к материальной ответственности) потребовать удержать из заработной платы виновных лиц работников данную сумму ущерба.

Третья группа нарушений, выявляемых прокурорами, связана с ненадлежащим исполнением поставщиком договорных обязательств, в большинстве случаев обусловлена отсутствием контроля со стороны учреждений здравоохранения за качеством поставляемой контрагентами продукции.

Так, в нарушение условий договора, заключенного больницей по результатам процедуры государственной закупки, осуществлялась поставка молока жирностью 3,5 % вместо 3,8 % и творога жирностью 7 % вместо 9 % без изменения сформированной на момент заключения договора стоимости товара.

Отдельными учреждениями здравоохранения практикуется составление дополнительных соглашений, прекращающих договорные отношения в связи с невозможностью исполнения контрагентами условий договоров на государственную закупку, что влечет для дополнительные расходы и время в связи с поиском нового поставщика. Принятию таких решений способствует, в том числе, отсутствие в заключенных договорах дополнительных условий ответственности недобросовестных продавцов, что обеспечивало бы в должной мере защиту интересов покупателя. Не используется в этой связи и предоставленное ст. 16 Закона о госзакупках право заказчика ходатайствовать перед уполномоченным государственным органом по государственным закупкам (Министерством антимонопольного регулирования и торговли Республики Беларусь) о включении таких контрагентов в список поставщиков (подрядчиков, исполнителей), временно не допускаемых к участию в процедурах государственных закупок.

Выявляемых нарушений прокурорами в данной сфере значительно больше, в особенности при оформлении документов по процедурам государственных закупок, в связи с чем имеется необходимость в разработке комплексного механизма их предупреждения.

Заключение

В заключение сформулируем следующие выводы и предложения.

1. Генеральной прокуратуре на основании анализа выявляемых прокурорами нарушений целесообразно разработать методическое пособие об организации прокурорского надзора за исполнением законодательства при закупках продуктов питания.

2. Министерству здравоохранения:

2.1. с целью исключения проведения подведомственными учреждениями закупок по завышенным ценам и обеспечения надлежащего изучения ими конъюнктуры рынка разработать и внедрить алгоритм действий заказчиков при проведении маркетинговых исследований, в том числе, порядок оформления результатов исследования.

2.2. инициировать перед Советом Министров рассмотрение вопроса об обеспечении участия производителей пищевой продукции в конкурентных процедурах закупок по выбору поставщиков продуктов питания, проводимых учреждениями здравоохранения (социальной сферы в целом).

3. Министерству здравоохранения совместно с Министерством антимонопольного регулирования и торговли, Министерством финансов:

3.1. разработать методические рекомендации по формированию документации о закупке продуктов питания, в которых с учетом специфики лечебных учреждений различного профиля предусмотреть качественные и нормативно-технические характеристики к составу закупаемых пищевых продуктов, максимально удовлетворяющие цели поддержания и (или) восстановления здоровья пациентов (типовые требования к предмету закупки).

3.2. разработать типовой договор, заключаемый по результатам процедуры государственной закупки, в котором предусмотреть необходимые условия, способствующие максимальной защите прав учреждений здравоохранения, закупающих продукты питания.

Список цитированных источников

1. Закупки в здравоохранении: государственные, за счет собственных средств, при строительстве / А. Н. Одинец [и др.] ; под ред. Ю. В. Косько, Д. В. Чимеренко. – Минск : Информационное правовое агентство Гревцова, 2016. – 135 с.

2. Шурпаев, Ш. М. О взаимосвязи коррупционных проявлений в сфере осуществления государственных закупок с причинением вреда интересам личности, общества и государства при ненадлежащем исполнении государственных контрактов / Ш. М. Шурпаев // Юрист. – 2017. – № 2. – С. 37-40.

3. Сухаренко, А. Н. Законодательное обеспечение противодействию коррупции в сфере госзакупок / А. Н. Сухаренко // Финансовый бизнес. – 2017. – № 1. – С. 3-7, с. 5.

4. Грамотные госзакупки: просто и системно / А. В. Богатко, М. В. Бенсман [и др.]. – Минск : Агентство Владимира Гревцова, 2017. – 151 с.

5. Шмелева, М. В. Теоретико-методологические основы государственных (муниципальных) закупок / М. В. Шмелева. – М. : Юрлитинформ, 2018. – 220 с.

6. Хвалынский, Д. С. О некоторых решениях проблемы улучшения качества поставок продукции для государственных и муниципальных нужд в Российской Федерации / Д. С. Хвалынский, О. П. Мамченко // Известия Алтайского государственного университета. – 2015. – № 2. – С. 194-197.

7. Амельченя, Ю. А. Договор на государственную закупку в законодательстве Республики Беларусь / Ю. А. Амельченя. – Минск : Четыре четверти, 2017. – 272 с.

Аннотация. Статья посвящена проблемам организации прокурорского надзора за исполнением законодательства о государственных закупках продуктов питания в учреждениях здравоохранения. Установлено, что несоблюдение установленного законодательством порядка проведения государственных закупок данных товаров создает предпосылки к коррупционным проявлениям и причинению ущерба государственным интересам, а также правам и законным интересам пациентов. На основании практики прокурорских проверок проанализированы наиболее типичные нарушения в этой сфере, а также формы прокурорского реагирования на них. Сформулированы предложения по совершенствованию организации прокурорского надзора за исполнением законодательства о государственных закупках продуктов питания в учреждениях здравоохранения, а также предложены пути предупреждения правонарушений и минимизации коррупционных рисков в данной сфере.

TYPICAL OFFENCES REVEALED BY PROSECUTORS IN THE SPHERE OF FOOD PROCUREMENT BY THE HEALTHCARE INSTITUTIONS AND PREVENTIVE MEASURES

Bildeyko A.A.

Key words: Prosecutor's Office, prosecutor's supervision, public procurement, food procurement, offenses in public procurement, prevention of offenses in public procurement.

Abstract. The article is devoted to the problems of organization of prosecutor's supervision over execution of the legislation on the food procurement in the healthcare institutions. It is determined that non-compliance of legally established procedure of public procurement of the specific goods creates prerequisites for corruption manifestations and damage to the state interests, as well as to the rights and legitimate interests of patients. The most typical offences in the above-mentioned sphere and the forms of reacting on them by prosecutors are analyzed on the basis of the practice of prosecutorial checks. The article presents proposals for improving organization of the prosecutors' supervision over execution of legislation in the area of food procurement in the healthcare institutions, as well as the ways of prevention from offences and of minimization of corruption risks in this sphere.

УДК 349.6 (476+1-87)(043.3)

ОГРАНИЧЕНИЕ ШУМОВОГО ЗАГРЯЗНЕНИЯ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ: ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

Гашникова Т.В.

Ключевые слова: благоприятная звуковая окружающая среда, шумовое загрязнение, карты шумового загрязнения, нормативы предельно допустимых физических воздействий, предельно допустимый уровень шума, ответственность за правонарушения, связанные с шумовым загрязнением.

Введение

Благоприятная звуковая окружающая среда является неотъемлемой составляющей благоприятной окружающей среды, право на которую гарантируется ст. 46 Конституции Республики Беларусь. Повышенное шумовое воздействие, негативно влияющее на здоровье людей, может считаться одной из экологических проблем, надлежащее решение которой зависит от эффективности правового регулирования и создания единообразной правоприменительной практики. Особое значение для поддержания режима законности в рассматриваемой области правоотношений приобретает работа органов прокуратуры, эффективная надзорная деятельность которых является залогом надлежащей реализации права каждого на благоприятную окружающую среду. Сказанное предопределяет актуальность исследования особенностей правового регулирования ограничения шумового загрязнения окружающей среды как в Республике Беларусь, так и за рубежом.

Основная часть

Обеспокоенностью проблемой воздействия шума на здоровье обусловлен ряд исследований по данному направлению. Например, в публикации «Бремя

болезней, обусловленное шумом как фактором окружающей среды. Количественная оценка утраченных лет здоровой жизни в Европе» [1] в кратком виде приводятся данные о связи между шумом как фактором окружающей среды и эффектами на здоровье, включая сердечно-сосудистые болезни, снижение когнитивной функции, нарушение сна, шум в ушах и дискомфорт.

В Европейском руководстве по контролю ночного шума [2], подготовленном Европейским региональным бюро Всемирной организации здравоохранения, предназначенном для государств-членов Европейского региона ВОЗ, приведены обзор негативных эффектов ночного шума на здоровье, анализ их зависимости от уровня шумового воздействия, а также как предварительные, так и окончательные рекомендуемые количественные показатели для нормирования.

Согласно названному руководству, учитывая имеющиеся научные данные о пороговых величинах ночного шума, выраженных в соответствии с Директивой о шумовом загрязнении окружающей среды (2002/49/ЕС) показателем Lnight,outside (эквивалентный уровень ночного шума вне помещений), целевым нормативом ночного шума (ННШ) для охраны здоровья населения, включая наиболее уязвимые группы – такие как дети, пациенты с хроническими заболеваниями и пожилые люди – должно быть значение 40 дБ. Значение показателя Lnight,outside 55 дБ рекомендовано в качестве промежуточной цели для стран, где по различным причинам ННШ не может быть достигнут в ближайшее время, и где политики выбрали поэтапную стратегию.

Предписания, касающиеся ограничения шумового загрязнения окружающей среды, содержаться в различных актах законодательства Республики Беларусь.

Согласно ст. 51 Закона Республики Беларусь от 26 ноября 1992 г. № 1982-XII «Об охране окружающей среды» (далее – Закон об охране окружающей среды) юридические лица и граждане, деятельность которых связана с использованием источников физических воздействий, а также местные исполнительные и распорядительные органы обязаны принимать необходимые меры по предупреждению и устранению вредного воздействия шума, вибрации, электрических, электромагнитных, магнитных полей и иных вредных физических воздействий на окружающую среду, в том числе в производственных, общественных и жилых помещениях, на улицах, во дворах, на площадях городов и иных населенных пунктов, в зонах отдыха и иных общественных местах, в местах обитания диких животных, в том числе в местах их размножения, на естественные экологические системы и типичные и редкие природные ландшафты и биотопы.

В этих целях должны осуществляться:

внедрение малошумных технологических процессов;

улучшение конструкций автомобильных, железнодорожных, воздушных, морских и речных транспортных средств, сельскохозяйственной, дорожной и строительной техники и иных передвижных средств и установок, оснащенных двигателями внутреннего сгорания, и способов их эксплуатации, а также качества содержания железнодорожных и трамвайных путей, автомобильных дорог и уличной сети населенных пунктов;

размещение аэродромов, аэропортов и иных объектов, эксплуатация оборудования, являющихся источниками шума, на расстоянии, обеспечивающем экологическую безопасность населенных пунктов;

специальные шумозащитные мероприятия.

Эксплуатация зданий, сооружений и иных объектов, имеющих источники физических воздействий, которые превышают нормативы допустимых физических воздействий, запрещается.

Классификация шумов, нормируемые параметры и предельно допустимые уровни шума на рабочих местах, в транспортных средствах, допустимые уровни шума в помещениях проектируемых, строящихся, реконструируемых и эксплуатируемых жилых, общественных зданий и на территории жилой застройки, установлены Санитарными нормами, правилами и гигиеническими нормативами «Шум на рабочих местах, в транспортных средствах, в помещениях жилых, общественных зданий и на территории жилой застройки», утвержденными постановлением Министерства здравоохранения Республики Беларусь от 16 ноября 2011 г. №115 (далее – Санитарные нормы № 115).

Под предельно допустимым уровнем шума понимается уровень шума, который при ежедневной (кроме выходных дней) работе, но не более 40 часов в неделю в течение всей трудовой деятельности, не должен вызывать заболеваний или отклонений в состоянии здоровья человека.

Под допустимым уровнем шума понимается такой уровень шума, который не вызывает у человека значительного беспокойства и существенных изменений показателей функционального состояния систем и анализаторов, чувствительных к шуму.

К примеру, для жилых комнат квартир, жилых помещений домов отдыха, пансионатов, домов-интернатов для престарелых и инвалидов, спальных помещений в учреждениях дошкольного образования и специального образования с 7 до 23 часов установлен максимальный уровень звука 55 дБА, с 23 до 7 часов – 45 дБА; для палат больничных организаций и санаториев, операционных больниц с 7 до 23 часов установлен максимальный уровень звука 50 дБА, с 23 до 7 часов – 40 дБА.

При этом при осуществлении государственного санитарного надзора для оценки проникающего шума, создаваемого транспортными средствами (включая рельсовый транспорт) в сложившейся застройке как внутри зданий, так и на прилегающей территории, следует принимать поправку +5 дБ (дБА) к допустимому уровню проникающего шума.

Для того, что бы нормы вышеприведенной ст. 51 Закона об охране окружающей среды и Санитарных норм № 115 «работали» в полной мере и не носили декларативный характер, для установления в перспективе норматива допустимого ночного шума 40 дБ, возможно принятие дополнительных мер в этом направлении. В данной связи представляют интерес положения Директивы 2002/49/ЕС Европейского Парламента и Совета (далее – Директива), касающейся оценки и управления шумовым загрязнением.

Директива является основным инструментом Европейского Союза (далее – ЕС) по определению уровней шумового загрязнения и запуска необходимых действий в государствах-членах и на уровне ЕС.

Положения директивы сфокусированы на трех основных областях:

– оценка существующего шумового воздействия;

– обеспечение того, чтобы информация о шумовом воздействии и его эффектах была доступна общественности;

– предупреждение и уменьшение шумового загрязнения, где это необходимо, и сохранение благоприятной звуковой окружающей среды там, где она оценивается как благоприятная.

Директива касается шума от большинства источников, в особенности от дорог, транспортных средств, инфраструктуры, самолетов, промышленного оборудования, мобильных источников.

Ею предусматривается, что данные о шумовом загрязнении должны быть собраны, критически рассмотрены и сообщены в соответствии с сопоставимыми критериями для выстраивания карт шумового загрязнения.

Государства-члены, основываясь на результатах карт шумового загрязнения, должны утвердить планы с целью предупреждения и уменьшения шумового загрязнения там, где это необходимо, в особенности, где уровни шума могут оказывать пагубные эффекты на здоровье людей [3].

Представляется, что идеи об оценке качества существующей звуковой окружающей среды, создании карт шумового загрязнения и утверждении планов в целях создания благоприятной звуковой окружающей среды, могут быть позаимствованы и реализованы в национальном законодательстве.

Касаясь вопросов ответственности за правонарушения, связанные с повышенным шумовым воздействием, следует отметить, что превышение предельно допустимых показателей уровня шума, предусмотренных Санитарными нормами № 115, влечет соответствующую административную ответственность.

Согласно ст. 16.8 Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях (далее – КоАП) нарушение санитарных норм, правил и гигиенических нормативов лицом, обязанным соблюдать эти правила, влечет наложение штрафа в размере до тридцати базовых величин, на индивидуального предпринимателя – до пятидесяти базовых величин, а на юридическое лицо – до двухсот базовых величин.

Вместе с тем, требования вышеуказанных Санитарных правил не распространяются на:

1) помещения и объекты специального назначения (радио-, теле-, киностудии, залы театров и кинотеатров, концертные и спортивные залы, испытательные полигоны);

2) шум, создаваемый медицинской техникой в помещениях организаций здравоохранения;

3) шум звуковоспроизводящих и звукоусилительных устройств;

4) шум на территории жилой застройки, обусловленный:

взлетом, пролетом и посадкой самолетов и вертолетов, опробованием двигателей на аэродромах при производстве полетов;

жизнедеятельностью людей (игра на музыкальных инструментах, применение пиротехнических средств, громкая речь и пение, выполнение бытовых (ремонтных) работ, проведение ручных погрузочно-разгрузочных работ, резкое закрытие дверей, содержание домашних животных и другое);

подачей звуковых сигналов и срабатыванием звуковой охранной и аварийной сигнализации;

аварийно-спасательными и аварийными ремонтными работами по ликвидации последствий аварий, стихийных бедствий и других чрезвычайных

ситуаций природного и техногенного характера, которые не носят регулярный или плановый характер;

проведением массовых мероприятий (митингов, уличных шествий, демонстраций и других);

проведением богослужений, религиозных обрядов и церемоний в рамках канонических требований соответствующих конфессий.

То есть в отношении шума, в частности обусловленного жизнедеятельностью людей, нормы предельно допустимого шумового воздействия не установлены. Однако в условиях преимущественного строительства в стране многоквартирных жилых домов, ограничение шума, обусловленного, в том числе, жизнедеятельностью людей, оформилось в общественную потребность.

По информации, содержащейся в Европейском руководстве по контролю ночного шума, подготовленном Европейским региональным бюро Всемирной организации здравоохранения, результаты инвентарных исследований в Нидерландах показали, что нарушения сна, обусловленные самыми раздражающими формами шумового загрязнения окружающей среды и шума от соседей (контактный шум и шум, производимый окружающими людьми), наблюдаются так же часто, как и нарушения сна от наиболее раздражающих видов транспортного шума (от мопедов и пассажирских автомобилей).

Сделан вывод, что стандартные современные требования к аттенуации силы звука между жилыми помещениями не обеспечивают достаточной защиты, чтобы предупредить раздражение, вызываемое шумом от соседей. Поскольку люди обычно менее толерантны к шуму, производимому соседями в ночное время, чем к вечернему или дневному шуму, можно прийти к заключению, что значительная часть раздражения, связанного с шумом от соседей, связана с негативным влиянием такого шума на сон.

Рассматриваемый вопрос законодательством регулируется следующим образом. В соответствии со ст. 26 Жилищного кодекса Республики Беларусь владение и пользование жилыми помещениями должны осуществляться с учетом соблюдения прав и законных интересов граждан, проживающих в жилом доме. Гражданам и организациям в области жилищных отношений запрещаются, в частности, действия (бездействие), приводящие к нарушению условий проживания граждан в других жилых помещениях, а также препятствующие осуществлению прав и законных интересов других граждан и организаций.

Указанные нормы нашли развитие в Правилах пользования жилыми помещениями, содержания жилых и вспомогательных помещений, утвержденных постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 21 мая 2013 г. № 399 (далее – Правила). Подпункт 7.10 п. 7 Правил наравне с иными обязанностями, предусматривает, что граждане обязаны пользоваться телевизорами, радиоприемниками, магнитофонами и другими громкоговорящими устройствами лишь при условии уменьшения слышимости до степени, не нарушающей покоя других граждан в жилом доме. Также с 23 до 7 часов не должны совершаться действия, создающие вибрацию и шум (в том числе посредством игры на музыкальных инструментах, громкой речи и пения, применения пиротехнических средств, выполнения бытовых (ремонтных) работ, проведения ручных погрузочно-разгрузочных работ, резкого закрытия дверей, содержания домашних животных и других действий).

Отдельная норма об административной ответственности за правонарушения, связанные с действиями, влекущими вредные шумовые воздействия, нарушающие условия проживания граждан в других жилых помещениях, не закреплена.

Соблюдение вышеприведенной нормы Правил предполагается обеспечивать с помощью ст. 21.16 КоАП, предусматривающей, что нарушение правил пользования жилыми помещениями влечет наложение штрафа в размере до тридцати базовых величин, а на юридическое лицо – от тридцати до пятидесяти базовых величин.

Вместе с тем на практике возникают трудности с квалификацией совершенного правонарушения ввиду отсутствия прямого указания на действия, влекущие негативное шумовое воздействие; лица, совершившие правонарушения не привлекаются к ответственности. Помимо этого проблематично формирование статистики в отношении правонарушений подобного рода. В связи с этим подлежит рассмотрению вопрос о конкретизации вышеприведенного состава административного правонарушения. Для решения имеющейся проблемы Генеральная прокуратура предлагает ввести в ст. 17.1 КоАП часть 2, предусматривающую ответственность правонарушителя либо собственника (нанимателя) жилого помещения за совершение действий, нарушающих покой граждан в ночное время, с предоставлением органам внутренних дел прав на составление соответствующих протоколов [4, с. 28].

Также для примера, рассмотрим, как схожий вопрос разрешается во Французской Республике. Статья R 623-2 Уголовного кодекса Франции, предусматривающая ответственность за ночной шум, устанавливает штраф третьего класса, максимальный размер которого составляет 450 евро, за шум или ночной дебош или нарушение ночного спокойствия других. Виновнику ночного шума, также может быть предписано совершить платеж в возмещение убытков.

Данная статья применяется в отношении шума, нарушающего спокойствие между заходом и восходом солнца (обычно с 22 до 6 часов, но это варьируется в зависимости от рассматриваемой поры). Ночным шумом считается любой шум, происходящий из одного жилища и слышимый в другом, или шум, происходящий от дорог общего пользования. Судебная практика развивается таким образом, что для применения рассматриваемой статьи достаточно, чтобы шум, имеющий место в одной квартире, был слышен в другой. Выводы делаются без акустического измерения. Вещи, используемые в качестве орудия совершения правонарушения, могут быть конфискованы [5].

Кроме того, представляется важным корректное установление требований в отношении шумоизоляции жилых помещений при строительстве, свойств материалов, используемых при строительстве жилых помещений, в результате выполнения которых будут соблюдаться нормативы предельно допустимого шума в жилых помещениях и при шумовом воздействии, обусловленном жизнедеятельностью людей.

В Техническом регламенте Республики Беларусь «Здания и сооружения, строительные материалы и изделия. Безопасность» (ТР 2009/013/BY), утвержденном постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 31 декабря 2009 г. № 1748, предусматривается, что наружные и внутренние ограждающие конструкции сооружений должны обеспечивать защиту от:

шума на территории, непосредственно прилегающей к сооружениям;

шума, проникающего внутрь сооружения через его наружные ограждающие конструкции;

шума, проникающего из помещения в соседние помещения внутри сооружения;

ударного шума, проникающего через перекрытия сооружений;

шума от работы систем инженерного оборудования, производственно-технологического оборудования и санитарно-технических устройств сооружений;

шума от звуковоспроизводящих и звукоусиливающих устройств, расположенных в сооружениях;

источников шума, находящихся внутри сооружений или связанных с ними, до допустимых уровней шума, установленных во взаимосвязанных технических нормативных правовых актах.

Сооружения должны быть запроектированы, разработаны и построены с учетом мероприятий по защите от вибрации и шума таким образом, чтобы уровни вибрации и уровни шума, возникающие при их эксплуатации и передающиеся на близко расположенные сооружения, не превышали допустимых уровней вибрации и уровней шума для этих сооружений, установленных во взаимосвязанных технических нормативных правовых актах.

Перечень технических нормативных правовых актов, взаимосвязанных с техническим регламентом ТР 2009/013/BY, утвержден приказом Министерства архитектуры и строительства Республики Беларусь от 31 марта 2010 г. № 90.

При этом, как указывалось выше, требования Санитарных норм № 115 не распространяются на шум на территории жилой застройки, обусловленный, в частности, жизнедеятельностью людей.

В целях ограничения шумового загрязнения окружающей среды в степени, максимально учитывающей интересы граждан, существующие правовые нормы могут быть усовершенствованы и детализированы, в том числе в части установления требований к проведению ремонтных и бытовых работ в жилых помещениях применительно к дням недели (будние, выходные и праздничные) и времени суток (дневное, вечернее, ночное). Для выработки оптимальных способов правовой регламентации можно принять во внимание нормы, закрепленные в законодательствах иных государств.

Например, в ФРГ действуют предписания, согласно которым ребенку не позволяется беспокоить соседей и непрерывно плакать в квартире дольше 30 минут. У собак прав еще меньше – им разрешено лаять не более 10 минут подряд. Также действует инструкция, которая фактически запрещает пользоваться стиральной машиной и убирать квартиру при помощи пылесоса в выходные дни и по вечерам после 20.00. Согласно этому документу, во избежание ночного шума регламентируется включение бытовых агрегатов строго в отведенное время. Если сосед сможет доказать в суде, что за стенкой в неурочное время регулярно работает назойливо шумный прибор, его владельца оштрафуют минимум на 50 евро плюс судебные издержки [6].

Заключение

Таким образом, ограничение шумового загрязнения окружающей среды обозначилось как важная проблема, требующая надлежащей регламентации в законодательстве. Актуален вопрос закрепления правовых норм, таким образом регулирующих экологические отношения в части шумового

загрязнения, чтобы создавалась благоприятная для жизни людей звуковая окружающая среда. Возможно совершенствование законодательства в направлении детализации правовых предписаний, касающихся обеспечения соблюдения нормативов качества окружающей среды; порядка проведения работ, являющихся источником шума; административной ответственности.

Список цитированных источников

1. Бремя болезней, обусловленное шумом как фактором окружающей среды. Количественная оценка утраченных лет здоровой жизни в Европе [Электронный ресурс] / Документационный центр ВОЗ при Центральном научно-исследовательском институте организации и информатизации здравоохранения (ЦНИИОИЗ) Минздрава РФ. – Режим доступа : http://www.whodc.mednet.ru/ru/osnovnye-publikaczii/okruzhayushhaya-sreda-i-zdorove/shum/1990.html. – Дата доступа : 12.01.2015.

2. Европейское руководство по контролю ночного шума [Электронный ресурс] / Документационный центр ВОЗ при Центральном научно-исследовательском институте организации и информатизации здравоохранения (ЦНИИОИЗ) Минздрава РФ. – Режим доступа : http://www.euro.who.int/__data/assets/pdf_file/0019/246322/E92845r.pdf. – Дата доступа : 12.01.2015.

3. Directive 2002/49/EC of the European Parliament and of the Council of 25 June 2002 relating to the assessment and management of environmental noise 1.[Electronic resource]. Mode of access : http://eur-lex.europa.eu. – Date of access : 06.07.2018.

4. Попова, М. Об инициативах Генеральной прокуратуры по совершенствованию законодательства в сфере противодействия домашненму насилию и бытовому хулиганству / М. Попова // Законность и правопорядок. – 2018. - № 2. – С. 27-31.

5. Tapage nocturne [Ressource électronique] / Conseil National du Bruit – Mode d'accès : http://www.bruit.fr/tout-sur-les-bruits/bruits-de-voisinage/reglementation/tapage-nocturne.html – Date d'accès : 12.01.2015.

6. Михайлова, М. Как борются с «шумовым загрязнением» в России и в Германии / М. Михайлова // Волжская коммуна. – 2013. – 18 янв. [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.vkonline.ru/article/231832.html – Дата доступа : 29.05.2015.

Аннотация. В статье рассматриваются значение и особенности правового регулирования ограничения шумового загрязнения в Республике Беларусь. С учетом зарубежного правового опыта выделяются возможные направления совершенствования национального законодательства.

LIMITATION OF NOISE POLLUTION IN THE REPUBLIC OF BELARUS: THE LEGAL ASPECT

Gashnikova T.

Key words: enabling acoustic environment, noise pollution, environmental noise, noise-mapping, standards of maximum permissible physical impacts, maximum permissible noise level, responsibility for offences connected with noise pollution.

Abstract. In the article the importance and features of legal regulation of noise pollution in the Republic of Belarus are considered. With taking into consideration the legislation of foreign states possible lines of improvement of the legislation are marked out.

УДК 342.9

УЧАСТИЕ ПРОКУРОРА В РАССМОТРЕНИИ СУДАМИ ДЕЛ ОБ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЯХ В НЕКОТОРЫХ ГОСУДАРСТВАХ СНГ

Головко И.И.

Ключевые слова: прокурор, административные правонарушения, административная ответственность, заключение прокурора, протест.

Введение

Административное преследование виновных лиц является важной составляющей деятельности прокурора. В республиках СССР подходы при формировании нормативной основы прокурорской деятельности были сходными. После распада СССР каждая республика выбрала собственный путь развития законодательства. В государствах – участниках СНГ в современных условиях понимание прокурорской деятельности и в том числе участия прокурора в рассмотрении судами дел об административных правонарушениях наполняется новым содержанием. В Республике Беларусь, Российской Федерации, Республике Казахстан прокуроры, осуществляя надзорные полномочия, выявляют нарушения законов, и для их пресечения и устранения инициируют привлечение виновных лиц к установленной законом ответственности, в том числе административной, проверяют законность постановлений по делам об административных правонарушениях.

Основная часть

Закон Республики Беларусь от 8 мая 2007 № 220-З «О прокуратуре Республики Беларусь» в ч. 1 ст. 4, ст. 32 устанавливает одной из задач надзор за соответствием закону судебных постановлений, а также за соблюдением законодательства при их исполнении; в ч. 4 ст. 4 закрепил участие прокуроров в административном процессе в соответствии с процессуальным законодательством.

Статья 1.4 Процессуально-исполнительного кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях от 20.12.2006 № 194-З (далее – ПИКоАП) определяет, что административный процесс – установленный настоящим Кодексом порядок деятельности его участников по делу об административном правонарушении.

При наличии оснований прокурор в силу ч. 4 ст. 27 Закона «О прокуратуре Республики Беларусь» вправе составлять протоколы об административных правонарушениях по указанным статьям, указанным в ч. 2 ст. 3.30 ПИКоАП; за иные административные правонарушения – при осуществлении надзорных функций.

В соответствии со ст. 2.15 ПИКоАП при осуществлении надзора за исполнением законов при ведении административного процесса прокурор в пределах своей компетенции в отношении актов суда полномочен: опротестовывать противоречащие законодательным актам постановления по делам об административных правонарушениях; истребовать из суда дела об административных правонарушениях; приостанавливать исполнение

вступившего в законную силу постановления по делу об административном правонарушении, за исключением постановлений о наложении административного взыскания в виде административного ареста или депортации.

Прокурор вправе обжаловать действия и решения судьи председателю суда. Действия и решения председателя суда могут быть обжалованы председателю вышестоящего суда (ч. 2 ст. 7.2 ПИКоАП).

В силу ч. 7 ст. 7.3 ПИКоАП прокурор, рассматривающий жалобу на действия и решения судьи, вправе истребовать дело об административном правонарушении для рассмотрения жалобы.

Руководствуясь ч. 4 ст. 11.4 ПИКоАП, можно сделать вывод о том, что прокурор может участвовать в рассмотрении дела об административном правонарушении, если его участие признает необходимым судья, по своей инициативе или по ходатайству лиц, указанных в ч.ч. 1-3 ст. 11.4; как должностное лицо органа, ведущего административный процесс, направившего дело об административном правонарушении на рассмотрение, может участвовать в его рассмотрении, если ходатайствует об этом.

Напротив, в научных публикациях утверждается, что прокурор не наделен правом участвовать в рассмотрении дел об административных правонарушениях [1, с. 382-383].

Прокурор вправе опротестовать постановление по делу об административном правонарушении, не вступившее в силу (ч. 2 ст. 12.1 ПИКоАП), вступившее в законную силу (ч. 1 ст. 12.11 ПИКоАП). Прокурор вправе приостановить исполнение постановления по делу об административном правонарушении до разрешения протеста (ст. 12.12 ПИКоАП).

В Республике Казахстан в соответствии с п. 3 ст. 5, ст. 13 Закона Республики Казахстан от 30 июня 2017 № 81-VI «О прокуратуре» прокуратура осуществляет высший надзор за законностью производства по делам об административных правонарушениях (аналогично указание ст. 759 Кодекса Республики Казахстан об административных правонарушениях от 5 июля 2014 № 235-V (далее – КоАП РК), на основании ст. 18 Закона представляет по делам указанной категории интересы государства.

Полномочия прокурора установлены ст. 760 КоАП РК и включают: право выносить постановление о возбуждении производства по делу об административном правонарушении; вносить в суд протест на постановление по делу об административном правонарушении; приостанавливать исполнение постановления об административном взыскании.

Перечень дел, по которым прокурор выносит постановление о возбуждении производства по делу об административном правонарушении, определяет ч. 1 ст. 805 КоАП РК, ч. 2 с. 805 Кодекса говорит о том, что прокурор вправе вынести постановление о возбуждении дела и об ином административном правонарушении.

В целях реализации указанных полномочий прокурор вправе: участвовать в производстве по делам об административных правонарушениях; высказывать суду предложение о применении положений закона и наложении административного взыскания либо освобождении от него. Кроме этого прокурор в обязательном порядке извещается о месте и времени рассмотрения дела об административном правонарушении, совершенном несовершеннолетним лицом, а также дела о правонарушении, влекущем административный арест,

административное выдворение иностранца или лица без гражданства за пределы Казахстана. В его отсутствие такое дело может быть рассмотрено лишь в случаях, когда имеются данные о своевременном извещении прокурора о месте и времени рассмотрения дела и если от него не поступило ходатайство об отложении рассмотрения дела (части 2-3 ст. 759 КоАП РК).

Постановление судьи о прекращении административного производства вне зависимости от срока, предусмотренного в части первой настоящей статьи, может быть пересмотрено по протесту прокурора в течение года со дня вступления его в законную силу (ч. 8 ст. 62 КоАП РК).

В случае участия прокурора в рассмотрении дела суд заслушивает его заключение (п. 10 ч. 1 ст. 818 КоАП РК).

Прокурор вправе опротестовать не вступившее в законную силу постановление по делу об административном правонарушении (ст. 829-2 КоАП РК), в случае участия прокурора в рассмотрении дела, жалобы, протеста заслушивает его заключение (п. 9 ч. 1 ст. 829-10 КоАП РК).

Кроме этого, в силу ч. 1 ст. 830 КоАП РК постановление специализированного районного суда и приравненного к нему административного суда и суда по делам несовершеннолетних о наложении административного взыскания, не вступившее в силу, может быть пересмотрено по апелляционному ходатайству прокурора.

Прокурор имеет право приостановить исполнение постановления о наложении административного взыскания на время проверки его законности. Принесение прокурором апелляционного ходатайства приостанавливает исполнение постановления до его рассмотрения (ч.ч. 2-3 ст. 834 РК).

Генеральный прокурор, его заместители, прокуроры областей и приравненные к ним прокуроры могут истребовать из соответствующего суда дело для проверки в кассационном порядке (ч. 1 ст. 848 КоАП РК).

Вступившие в законную силу постановления по делам об административных правонарушениях могут быть пересмотрены по протесту Генерального прокурора либо его заместителя (ч. 5 ст. 848 КоАП РК).

Прокурор вправе подать в суд, вынесший постановление, заявление о пересмотре постановления по вновь открывшимся обстоятельствам (ч. 1 ст. 854 КоАП РК).

Приказ Генерального прокурора Республики Казахстан от 2 мая 2018 № 60 «О некоторых вопросах организации прокурорского надзора», утвердивший Инструкцию по организации надзора за законностью деятельности государственных, местных представительных и исполнительных органов, органов местного самоуправления и их должностных лиц, иных организаций независимо от формы собственности, а также принимаемых ими актов и решений, судебных актов, вступивших в законную силу, исполнительного производства, представительства интересов государства в суде по гражданским и административным делам определяет организацию осуществления полномочий прокурора следующим образом.

В силу п. 1 Инструкция по организации надзора регулирует проверку судебных актов, вступивших в законную силу, надзор за законностью исполнительного производства, деятельность по представительству интересов государства в суде по административным делам.

Пункт 2 Инструкции устанавливает, что указанные виды деятельности органов прокуратуры включают в себя: представительство интересов государства в суде по делам об административных правонарушениях в порядке, определенном КоАП РК (в целях осуществления возложенных на него обязанностей и для защиты прав физических лиц, организаций, общественных и государственных интересов прокурор вправе обратиться в суд с иском (заявлением) – ч. 2 ст. 24 КоАП РК); надзор за законностью вступивших в законную силу судебных актов по делам об административных правонарушениях.

Как определил п. 4 Инструкции, в целях реализации указанных задач прокурор оценивает акты судов; представляет интересы государства в суде по делам об административных правонарушениях, а также осуществляет надзор за законностью исполнительного производства.

В силу требования п. 42 Инструкции прокуроры принимают обязательное участие в суде по делам об административных правонарушениях: в отношении несовершеннолетних; влекущим административный арест; влекущим выдворение иностранца или лица без гражданства за пределы Республики Казахстан; возбужденным им самим; по которым его участие признано необходимым вышестоящим прокурором по письменному указанию.

Кроме того, в соответствии со ст. 759 КоАП РК прокуроры принимают участие в суде и по иным делам без ограничения какой-либо категорией.

Генеральный прокурор, заместитель Генерального прокурора, прокурор области, прокурор района, их заместители, а также прокурор, участвовавший в рассмотрении дела в суде первой инстанции вправе принести апелляционные ходатайства на судебные акты по делам об административных правонарушениях при наличии оснований к отмене либо изменению постановления суда, предусмотренных ст. 840 КоАП РК (п. 45 Инструкции).

Прокуратура, сотрудник которой участвовал в судебном заседании, рассматривает жалобы участников процесса на не вступившие в законную силу судебные акты по делам об административных правонарушениях, указанным в п. 42 настоящей Инструкции (п. 46 Инструкции).

В суде апелляционной инстанции прокурор дает заключение, при этом прокурор не связан доводами ходатайства и действует, исходя из требований закона и имеющихся фактических данных (п. 48 Инструкции).

При необоснованном отклонении судом апелляционного ходатайства, а также при установлении существенных нарушений норм материального и процессуального права прокурор области инициирует внесение Генеральным прокурором либо его заместителем кассационного протеста. Протест может быть внесен по собственной инициативе, а также по ходатайствам физических и юридических лиц (пп. 49-50 Инструкции).

В России прокурор вправе инициировать рассмотрение дел об административных правонарушениях мировыми судьями, судами общей юрисдикции и арбитражными судами. Прокурор наделен правом возбуждения производства об административном правонарушении и проведения административного расследования Кодексом Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (далее – КоАП РФ) и другими федеральными законами (п. 2 ст. 1, ст. 25 Федерального закона от 17.01.1992 № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации»), прокуроры

в соответствии с процессуальным законодательством Российской Федерации участвуют в рассмотрении дел судами, арбитражными судами, опротестовывают противоречащие закону решения, приговоры, определения и постановления судов (п. 3 ст. 1, пп. 1, 3, 4 ст. 35, ст.ст. 36, 37 Закона «О прокуратуре Российской Федерации»).

Не вдаваясь в подробности о круге лиц, в отношении которых прокурор вправе вынести постановление, рассмотрим регламентацию указанного полномочия КоАП РФ. В соответствии с ч.ч. 1-2 ст. 25.11 КоАП РФ прокурор в пределах своих полномочий вправе:

1) возбуждать производство по делу об административном правонарушении;

2) участвовать в рассмотрении дела об административном правонарушении, представлять доказательства, заявлять ходатайства, давать заключения по вопросам, возникающим во время рассмотрения дела;

3) опротестовать постановление по делу об административном правонарушении независимо от участия в деле, а также совершать иные предусмотренные федеральным законом действия.

Прокурор извещается о месте и времени рассмотрения дела об административном правонарушении, совершенном несовершеннолетним, а также дела об административном правонарушении, возбужденного по инициативе прокурора.

Часть 2 ст. 29.7, п. 9 ч. 2 ст. 30.6 КоАП РФ наделили прокурора правом в случае участия в деле выступить с заключением.

Не вступившее в законную силу постановление по делу об административном правонарушении и последующие решения вышестоящих инстанций могут быть опротестованы прокурором (ч. 1 ст. 30.10 КоАП РФ).

Вступившие в законную силу постановление по делу об административном правонарушении, решения по результатам рассмотрения жалоб, протестов могут быть опротестованы прокурором (ч. 2 ст. 30.12 КоАП РФ).

Общий порядок рассмотрения дела об административном правонарушении установлен ст. 29.7 КоАП РФ, производство по этим делам в судах общей юрисдикции и мировыми судьями в случае отсутствия нормативного предписания в КоАП РФ регулируется также Гражданским процессуальным кодексом Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (далее – ГПК РФ). Однако полномочия прокурора в делах исследуемой категории не установлены.

В Арбитражном процессуальном кодексе Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ (далее – АПК РФ) имеется глава 25, которая также не определяет полномочия прокурора.

На основании п. 3 ч. 1 ст. 29 АПК РФ арбитражные суды рассматривают в порядке административного судопроизводства дела об административных правонарушениях, связанные с осуществлением организациями и гражданами предпринимательской и иной экономической деятельности, если федеральным законом их рассмотрение отнесено к компетенции арбитражного суда. Эти дела в арбитражных судах рассматриваются по общим правилам искового производства, с особенностями, установленными главой 25 и КоАП РФ (ч. 1 ст. 202 АПК РФ).

АПК РФ отдельно не оговаривает полномочия прокурора, участвующего в рассмотрении судом дела об административном правонарушении. Применяя к деятельности прокуроров ч. 2 ст. 202 АПК РФ, надлежит сделать вывод, что

прокурор, наделенный КоАП РФ правом составлять постановление о возбуждении дела об административном правонарушении, вправе обратиться в суд с заявлением о привлечении к административной ответственности субъектов предпринимательской деятельности.

Дела об оспаривании решений о привлечении к административной ответственности субъектов предпринимательской деятельности, рассматриваются арбитражным судом по общим правилам искового производства, с особенностями, установленными главой 25 АПК РФ и КоАП РФ (ч. 1 ст. 207 АПК РФ).

Приказ Генерального прокурора РФ от 19.02.2015 № 78 «Об организации работы по реализации полномочий прокурора в производстве по делам об административных правонарушениях» в п. 3 обязывает прокуроров участвовать в рассмотрении судом дел, возбужденных по инициативе прокурора.

Приказ Генерального прокурора РФ от 23.11.2015 № 645 «О порядке реализации прокурорами полномочий в сфере привлечения к административной ответственности лиц, обладающих особым правовым статусом» в п. 2.7 обязывает прокуроров участвовать в рассмотрении судами дел, возбужденных в отношении лиц, обладающих особым правовым статусом.

На основании приведенных нормативных актов надлежит сделать вывод о том, что в Российской Федерации по делам об административных правонарушениях прокурор обращается в суд с постановлением (заявлением) и участвует в рассмотрении дел, возбужденных по его инициативе судами, а также участвует для дачи заключения в рассмотрении судами дел, возбужденных иными органами в отношении несовершеннолетних и лиц, обладающих особым правовым статусом.

Заключение

Закон Республики Беларусь «О прокуратуре Республики Беларусь» в ч. 4 ст. 27, ч. 2 ст. 3.30 ПИКоАП не ограничивают прокурора в праве составления протокола об административном правонарушении определенным кругом лиц.

Закон Республики Казахстан «О прокуратуре», КоАП РК не ограничивают круг лиц, в отношении которых прокурор вправе возбудить производство об административном правонарушении.

Закон «О прокуратуре Российской Федерации» в п. 1 ст. 25 наделяет прокурора правом возбудить производство об административном правонарушении только в отношении должностного лица, что противоречит ст. 28.4 КоАП РФ, которая подобного ограничения не содержит и говорит о праве прокурора инициировать привлечение к ответственности по любому делу. Данная проблема была обозначена учеными, однако до настоящего времени не устранена [2, с. 161–184].

ПИКоАП РБ, КоАП РК, КоАП РФ содержат перечни дел, возбуждаемых прокурором, однако все они содержат указание на то, что прокурор вправе инициировать производство по иным делам об административных правонарушениях. Подобный широкий подход нельзя признать целесообразным, высказано обоснованное замечание, что перечень категорий дел указанных в ч. 1 ст. 28.4 КоАП РФ, возбуждаемых прокурором, неуклонно расширяется, зачастую недостаточно взвешенно [3, с. 12-16]. В данном случае представляется необходимым проявление должной активности со стороны осуществляющих

контрольную (надзорную) деятельность уполномоченных органов, их должностных лиц.

В России суд не является поднадзорным прокурору органом; в Республике Беларусь прокурор осуществляет надзор за соответствием закону судебных постановлений. В Республике Казахстан прокурор, осуществляя надзор за законностью производства по делам об административных правонарушениях, вправе истребовать дела об административных правонарушениях, приостанавливать исполнение итоговых решений, что говорит о властном характере полномочий прокурора.

Право прокурора участвовать в рассмотрении дел судами закреплено в нормативных актах Республики Казахстан (без ограничения категорией дела) и России (круг дел определен).

Таким образом, в Республике Казахстан прокурор наделен наибольшим объемом полномочий по участию в рассмотрении судами дел об административных правонарушениях.

Список цитированных источников

1. Круглов, В. А. Прокурор в административно-деликтном процессе / В. А. Круглов // Управление в социальных и экономических системах : материалы XVIII международной научно-практической конференции, г. Минск, 30-31 мая 2009 г. / Минский ин-т управления ; редкол.: Н.В. Суша [и др.]. – Минск, 2009. – С. 382–383.

2. Ергашев, Е. Р. О современных проблемах правовой регламентации и применения актов прокурорского реагирования в Российской Федерации и Республике Казахстан // Российский юридический журнал. – 2016. – № 6. – С. 181–184.

3. Субанова, Н. В. Возбуждение прокурором дел об административных правонарушениях: новое в практике // Законность. – 2016. – № 9. – С. 12–16.

Аннотация. Статья посвящена представлению результатов сравнительно-правового исследования особенностей нормативного регулирования участия прокурора в некоторых странах СНГ в рассмотрении судами дел об административных правонарушениях. В результате анализа нормативных правовых актов, в том числе организационно-распорядительных документов руководителей прокуратур, сделан вывод о характере и объеме полномочий прокурора по делам указанной категории. Властный характер сохранили полномочия прокурора в Республике Беларусь и Республике Казахстан. В целом наибольшим объемом полномочий по участию в рассмотрении судами дел об административных правонарушениях наделены прокуроры Республики Казахстан.

PARTICIPATION OF THE PROSECUTOR IN THE CONSIDERATION OF THE COURTS THE OFFICE OF ADMINISTRATIVE OFFENSES IN SOME CIS STATES

Golovko I.I.

Keywords: public prosecutor, administrative offenses, administrative responsibility, the conclusion of the prosecutor, the protest.

Abstract. The article is devoted to presenting the results of a comparative legal study of the peculiarities of the regulatory regulation of the participation of the prosecutor in some CIS countries in the consideration by courts of cases of administrative offenses. As a result of the

analysis of normative legal acts, including organizational and administrative documents of the heads of prosecutor's offices, a conclusion was drawn on the nature and scope of the powers of the prosecutor for cases of this category. Powerful character retained the powers of the prosecutor in the Republic of Belarus and the Republic of Kazakhstan. In general, prosecutors of the Republic of Kazakhstan are vested with the largest amount of powers to participate in the consideration of cases on administrative offenses by courts.

УДК 342

ПРАВОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ ОБРАЩЕНИЯ ПРОКУРОРА В СУД С АДМИНИСТРАТИВНЫМ ИСКОВЫМ ЗАЯВЛЕНИЕМ

Гуреева О.А.

Ключевые слова: прокурор, административное судопроизводство, обращение прокурора в суд, заключение прокурора по административному делу.

Введение

Принятие Кодекса об административном судопроизводстве Российской Федерации (далее – КАС РФ) является началом нового этапа в развитии процессуального законодательства. Необходимость установления специальных процедур для рассмотрения дел, возникающих из административных и иного рода публичных правовых отношений, не вызывает сомнений, в том числе и по той причине, что ст. 118 Конституции Российской Федерации предусматривает административное судопроизводство как самостоятельный вид, отличный от других видов судопроизводства (гражданского, конституционного), что порождает наличие определенных особенностей. Это потребовало принятия кардинально новых источников, составляющих правовую основу участия прокурора в административном судопроизводстве. Актуальность темы исследования объясняется недостаточностью ее научной разработки и настоятельной потребностью выработать в современных условиях новые представления об организации правозащитной деятельности по обеспечению участия прокурора в административном судопроизводстве.

Основная часть

В течение длительного времени процедура рассмотрения дел, возникающих из публичных правоотношений, судами общей юрисдикции регламентировалась нормами гражданского процессуального законодательства. КАС РФ существенным образом изменил порядок рассмотрения дел, возникающих из публичных правоотношений.

Правовую основу участия прокурора в административном судопроизводстве составляют нормы Конституции Российской Федерации, Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации», Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации, иных федеральных законов (в частности, Федерального закона от 22 декабря 2008 г. № 262-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации»), международных правовых актов (Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 года), организационно-распорядительных

актов Генерального прокурора Российской Федерации (приказа Генерального прокурора Российской Федерации от 10 июля 2017 г. № 475 «Об обеспечении участия прокуроров в гражданском и административном судопроизводстве»), решения высших судов Российской Федерации (Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27.09.2016 № 36 «О некоторых вопросах применения судами Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации»), осуществляемая путем реализации предоставленных прокурору полномочий в целях обеспечения верховенства закона, единства и укрепления законности, защиты прав и свобод человека и гражданина, неопределенного круга лиц или интересов Российской Федерации, субъектов Российской Федерации, муниципальных образований в сфере административных и иных публичных правоотношений, предупреждения правонарушений, формирования уважительного отношения к закону и суду.

В соответствии со ст. 37 КАС РФ, прокурор отнесен к лицам, участвующим в деле, что связано с его юридическим интересом в защите субъективных прав, свобод и законных интересов граждан и организаций. Прокурор, участвуя в деле, выступает самостоятельно и независимо от других участвующих в деле лиц, поскольку у него имеется свой интерес к процессу, вытекающий из его компетенции и имеющий государственно– правовой характер [1,с.122].

Таким образом, для осуществления как надзорной, так и правозащитной деятельности органы прокуратуры в соответствии со ст. 27 Федерального закона от 17 января 1992 г. № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» наделены соответствующими полномочиями, в пределах осуществления которых, и обеспечивается их участие в административном судопроизводстве.

Представляется, что полномочия прокурора можно определить как регламентированные действующим законодательством возможности, предоставленные ему для реализации, возложенных на органы прокуратуры функций. Выделение отдельных полномочий прокурора из совокупности прав, предоставленных лицам, участвующим в деле, определено специальной целью участия его в процессе, и как следствие, его особым правовым статусом. В свою очередь, правовое положение прокурора также обусловлено сущностью и целями его участия в административном судопроизводстве, а объем и характер процессуальных прав прокурора – формами его участия.

В соответствии с требованиями ч. 1 ст. 39 КАС РФ прокурор вправе обратиться в суд с административным исковым заявлением в защиту прав, свобод и законных интересов граждан, неопределенного круга лиц или интересов Российской Федерации, субъектов Российской Федерации, муниципальных образований, а также в других случаях, предусмотренных федеральными законами. Административное исковое заявление в защиту прав, свобод и законных интересов гражданина, являющегося субъектом административных и иных публичных правоотношений, может быть подано прокурором только в случае, если гражданин по состоянию здоровья, возрасту, недееспособности и другим уважительным причинам не может сам обратиться в суд.

Следует иметь в виду, что основанием для предъявления административного искового заявления в суд является обращение в письменной форме гражданина к прокурору о защите нарушенных или оспариваемых социальных прав, свобод и законных интересов. При невозможности оформления гражданином заявления

его волеизъявление должно быть зафиксировано прокурором в письменной форме. В случае, когда по объективным причинам гражданин не может представить доказательства, подтверждающие нарушение его прав и законных интересов, прокурор принимает исчерпывающие меры к сбору необходимых доказательств и прилагает копии соответствующих подтверждающих документов к административному исковому заявлению.

Право оценки уважительности причин, по которым гражданин сам не может обратиться в суд, принадлежит суду. Отсутствие в КАС РФ, а также в Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27.09.2016 № 36 «О некоторых вопросах применения судами Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации» перечня упомянутых в ч. 1 ст. 39 уважительных причин и критериев состояния здоровья, в соответствии с которыми гражданин не может обратиться в суд, не освобождает прокурора при подготовке административного искового заявления от выполнения указанных требований закона и приведения мотивов, по которым гражданин не может самостоятельно обратиться в суд.

Таким образом, отсутствие исчерпывающего перечня причин, ввиду которых гражданин сам не может обратиться в суд за защитой своих прав, свобод и законных интересов, а также наличие в законе неопределенной формулировки «другие уважительные причины», свидетельствует о том, что круг граждан, в защиту которых прокурор может обратиться с заявлением, действующим Кодексом административного судопроизводства определен достаточно абстрактно.

Результатом подобного подхода законодателя является то, что достаточно широкое распространение получили случаи, когда доводы прокурора, свидетельствующие о невозможности самостоятельного обращения граждан в суд по уважительным причинам, признаются судами не достаточными или отвергаются. Результаты анализа судебной практики дают основания для вывода о том, что отказывая в принятии административных исковых заявлений в интересах граждан, суды, как правило, исходят из отсутствия достаточных доказательств. При этом отвергаются доводы прокуроров о том, что таковыми являются возраст, инвалидность, плохое знание русского языка, зависимое положение, недостаток средств на оплату квалифицированной юридической помощи.

Представляется, что положения ч. 1 ст. 39 КАС РФ в определенной мере поставили прокуратуру в зависимое положение от судов первой инстанции, поскольку у судей появилась возможность произвольно истолковывать уважительность причин обращения прокурора в суд и отказывать в принятии административных исковых заявлений прокурора. Подобная ситуация не только создает напряженную обстановку во взаимоотношениях между прокуратурой и судами первой инстанции, но и в ряде, казалось бы, очевидных случаев препятствует принятию прокурором эффективных мер к оперативному восстановлению нарушенных прав, свобод граждан и интересов государства.

Как отмечает Н.А. Васильчикова «противоречивая судебная практика – это результат отсутствия в законе четких критериев, позволяющих прокурору реализовать свое право на обращение в суд в защиту прав, свобод и законных интересов гражданина» [2, с. 50].

Иными словами, если в таких причинах, упомянутых законодателем, как состояние здоровья, возраст, недееспособность гражданина имеется какая-то определенность, то трактовка ответа на вопрос об иных уважительных причинах, по которым гражданин сам не может обратиться в суд, весьма неоднозначна.

По мнению И.Д. Алиевой, к подобного рода «уважительным причинам» могут быть отнесены: тяжелая жизненная ситуация, в которой лицо оказалось в результате стихийного бедствия, катастрофы, межэтнического конфликта, потери работы, оставление без родительского попечения, бедность, многодетность, неграмотность истца [3, с. 69].

В дополнение к вышесказанному следует отметить и точку зрения Ю.В. Корулиной, согласно которой судебная защита физически и юридически беспомощных граждан должна обеспечиваться за счет государственной поддержки. К представителям слабозащищенных социальных групп автор относит: малоимущих граждан, выпускников детских домов и иных учреждений для детей-сирот, военнослужащих срочной службы, лиц, находящихся в местах лишения свободы, мигрантов [4, с. 66].

Анализ изучения прокурорско-надзорной практики показывает, что перечень уважительных причин необходимо дополнить следующими: тяжелое материальное положение гражданина, не позволяющее ему оплатить услуги адвоката, нахождение у гражданина на иждивении несовершеннолетних детей, нетрудоспособных членов семьи и необходимость постоянного ухода за ними, отдаленность места проживания граждан от места нахождения суда.

Наряду с вышеизложенным нельзя не упомянуть о необходимости совершенствования положений Федерального закона от 17 января 1992 г. № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации»; прокурор при предъявлении административных исковых заявлений в защиту прав и интересов граждан не вправе мотивировать свое обращение тем, что нарушение прав граждан приобрело «особое общественное значение» либо ссылаться на нарушение «прав и свобод значительного числа граждан», как это предусмотрено п. 4 ст. 27 названного Федерального закона.

Как указано выше, в случае обращения прокурора в защиту прав, свобод и законных интересов гражданина в административном исковом заявлении также должны быть указаны причины, исключающие возможность предъявления административного искового заявления самим гражданином.

Данное требование распространяется и на процедуру оспаривания ненормативных актов. Так, прокурор в заявлении об оспаривании ненормативного акта местного самоуправления, если он вправе оспаривать его в целях защиты прав вышеуказанных лиц, должен указать, какие конкретно права и свободы лиц, в защиту которых он обращается, нарушены оспариваемым актом.

У прокуроров субъектов Российской Федерации, их заместителей и приравненных к ним прокуроров военных и других специализированных прокуратур, Генерального прокурора РФ и его заместителей отсутствует право истребования дела из суда, в связи с чем участвующим в административном деле прокурорам необходимо принимать меры к формированию наблюдательных производств, в которых, помимо подробных заключений, должны содержаться копии наиболее важных процессуальных документов (административное исковое заявление, отзыв, копии правоустанавливающих документов, копии

либо заверенные выписки протокола судебного заседания, апелляционные и кассационные жалобы, представления прокурора и отзывы на них и т.д.). Именно эти материалы могут являться в дальнейшем основанием для принятия решения соответствующим прокурором о направлении представления в порядке обжалования в соответствующую судебную инстанцию. Таким образом, можно сделать вывод о необходимости определения единой законодательно закрепленной формы для наблюдательных производств.

В силу требований ч. 2 ст. 39 КАС РФ Генеральный прокурор Российской Федерации и заместитель Генерального прокурора Российской Федерации вправе обратиться в Верховный Суд Российской Федерации, верховный суд республики, краевой, областной суд, суд города федерального значения, суд автономной области, суд автономного округа, военный суд, районный суд; прокурор субъекта Российской Федерации, заместитель прокурора субъекта Российской Федерации и приравненные к ним прокуроры и их заместители – в верховный суд республики, краевой, областной суд, суд города федерального значения, суд автономной области, суд автономного округа, окружной (флотский) военный суд, гарнизонный военный суд, районный суд; прокурор города, района и приравненные к ним прокуроры – в гарнизонный военный суд, районный суд.

Административное исковое заявление прокурора должно соответствовать требованиям, предусмотренным ч. 6 ст. 125 КАС РФ. Прокурор, обратившийся в суд с административным исковым заявлением, пользуется процессуальными правами и несет процессуальные обязанности административного истца (за исключением права на заключение соглашения о примирении и обязанности по уплате судебных расходов), а также обязанность по уведомлению гражданина или его законного представителя о своем отказе от поданного им в интересах гражданина административного иска.

В случае отказа прокурора от административного иска, поданного в защиту прав, свобод и законных интересов неопределенного круга лиц, являющихся субъектами административных и иных публичных правоотношений, рассмотрение административного дела по существу продолжается. В случае, если отказ прокурора от административного иска связан с удовлетворением административным ответчиком заявленных требований, суд принимает такой отказ и прекращает производство по административному делу.

Данное условие имеет принципиальный характер и служит для предупреждения злонамеренного сговора представителей административного истца и административного ответчика и других проявлений злоупотребления правом. В этой связи прокурором на определение о прекращении производства по административному делу может быть внесено представление.

В ч. 7 ст. 39 КАС РФ также разрешен давний спор относительно возможности прокурора давать заключения по делам, возбужденным на основании поданного им заявления. Прокурор по таким делам заключение не дает.

Анализ указанных норм Федерального закона от 17 января 1992 г. № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» свидетельствуют о том, что они во многом устарели и не могут быть в полном объеме применимы при реализации прокурором права на участие в рассмотрении административных дел судами.

С введением в действие КАС РФ данные противоречия устранены не были, что порождает весьма неоднозначный подход при их разрешении на практике.

На современном этапе развития российского законодательства взаимоотношения суда и органов прокуратуры при реализации задач и целей правосудия целесообразно рассматривать как их профессиональное взаимодействие в целях обеспечения объективного рассмотрения гражданских дел и вынесения законного и обоснованного решения.

Представляется, что построение взаимоотношений сотрудничества между прокуратурой и судами, в интересах усиления судебной власти и уважения ее независимости, должно органично включать в себя признание необходимости активной роли прокурора в административном судопроизводстве, в интересах повышения качества осуществления функций правосудия, создание гарантий для обеспечения законности и укрепления правопорядка, а также осуществление эффективной защиты прав и свобод человека.

Заключение

Изложенное позволяет прийти к выводу о настоятельной необходимости законодательного урегулирования существующих противоречий в действующем законодательстве. Представляется, что особый правозащитный статус прокурора предполагает наличие у него полномочий на защиту публичных интересов без каких-либо ограничений, что и должно быть закреплено в законе. Статус правового и социального государства обязывает, чтобы законы Российской Федерации имели практический, реализуемый характер, а не декларативный.

Принимая во внимание вышеизложенное, представляется, что для повышения эффективности участия прокурора в административном судопроизводстве необходимо совершенствование действующего законодательства, предоставление прокурору дополнительных полномочий по защите прав, свобод и законных интересов граждан будет являться существенной гарантией со стороны государства.

Обращение в суд есть результат деятельности прокурора при осуществлении надзора в различных сферах правоотношений, которое в свою очередь необходимо рассматривать как завершающий этап прокурорско-надзорной деятельности в целях защиты прав граждан, интересов общества и государства, а также восстановления законности. При этом, как и у суда, цели участия прокурора в деле полностью совпадают с целями судопроизводства, сформулированными в нормах КАС РФ. Промежуточные же целевые установки варьируются в зависимости от формы участия прокурора в процессе, вида производства, в котором он участвует, и особенностей конкретного дела.

Список цитируемых источников

1. Гукасян, Р. Е. Сущность участия прокурора в советском гражданском процессе / Р. Е. Гукасян // Вопросы теории и практики прокурорского надзора: сб. ст. / Саратовский университет; – Саратов ,1974. – С.122 – 126.

2. Васильчикова, Н. А. К вопросу об обращении прокурора с заявлением в суд общей юрисдикции в защиту прав, свобод и законных интересов гражданина / Н. А. Васильчикова // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. – 2008. – №1(3). – С.48-52.

3. Алиева, И. Д. Защита гражданских прав прокурором и иными уполномоченными органами / И. Д. Алиева. – Москва: Волтерс Клувер, 2006. – 128 с.

4. Корулина, Ю. В. Участие прокурора в гражданском судопроизводстве / Ю. В. Корулина // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2007. – №8. – С.64–67.

Аннотация: в настоящей публикации анализируются правовые и организационные основы обращения прокурора в административном судопроизводстве, определена правовая основа участия прокурора в административном судопроизводстве, выделяются прикладные проблемы и предлагаются пути их совершенствования. На основании проведенного анализа обосновываются предложения по внесению изменений в действующее законодательство.

LEGAL ASPECTS OF THE PROSECUTOR APPEALS TO THE COURT OF ADMINISTRATIVE LAWSUIT

Gureeva A.O.

Keywords: attorney, administrative proceedings, an appeal by the Prosecutor to the court, the conclusion of the Prosecutor in the administrative case.

Abstract: this publication analyzes the legal and organizational basis of the Prosecutor's appeal in administrative proceedings, defines the legal basis of the Prosecutor's participation in administrative proceedings, identifies applied problems and suggests ways to improve them. On the basis of the analysis justified proposals for amendments to the current legislation.

УДК 342.9

ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ УЧАСТИЯ ПРОКУРОРА В АДМИНИСТРАТИВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ: НОРМАТИВНО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

Колюка Н.Н., Басов А.В.

Ключевые слова: административное судопроизводство, нормативно-правовой аспект, процессуальные особенности, процессуальный статус, участие.

Введение

Конституция Российской Федерации закрепляет, что человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина является обязанностью государства [1]. Особое значение это приобретает в современных условиях, а именно: когда права и свободы человека, их реальное обеспечение и защита, как важнейшая составляющая развития общества, становиться объектом внимание высших должностных лиц государства.

Успешное выполнение указанной задачи, прежде всего, зависит от наличия действенного нормативного правового регулирования отношений, возникающих при взаимодействии органов государственной власти, их должностных лиц с населением, а также при возникновении правовых конфликтов и споров.

Принятие Кодекса административного судопроизводства РФ обусловило постановку ряда вопросов как теоретического, так и практического характера.

К таким можно отнести: содержание процессуального статуса участников административного судопроизводства, в частности прокурора, а также правовое регулирование реализации данного статуса.

Отдельные аспекты осуществления административного судопроизводства в своих работах исследовали такие ученые: А.Ю. Винокуров, С. Выскуб, Н.Н. Колюка, Ю.Г. Насонов, В. Радченко, Н.Г. Салищева, Ю.Н. Старилов, В.А. Тюнин, Ю.А. Тихомиров и др.

Основная часть

Следует отметить, что в иерархической структуре законодательства основную роль играет Конституция Российской Федерации и федеральное законодательство, в частности, Федеральный закон от 17.01.1992 № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации»; Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации. Указанные нормативные правовые акты устанавливают базовые (отправные) принципы правового регулирования в данной сфере. Кроме того, с целью конкретизации положений отдельных нормативных правовых актов, Генеральный прокурор Российской Федерации принимает соответствующие акты в данной сфере.

Исследуя правовое обеспечение указанной сферы деятельности прокурора следует отметить, что основополагающее значение принадлежит Конституции Российский Федерации, которая определяет и закрепляет принципы, получающие развитие в иных нормативных правовых актах, а также устанавливает отправные принципы осуществления судопроизводства. Также заметим, что осуществление административного судопроизводства связано с применением определенных принудительных мер, базовые принципы реализации которых определены в Конституции.

В то же время, с принятием Кодекса административного судопроизводства РФ, конституционный тезис о том, что государство обязано признавать, соблюдать и защищать права и свободы человека и гражданина (ст. 2 Конституции Российской Федерации) практически начал выполняться путем осуществления административного судопроизводства по рассмотрению и разрешению административных дел, возникающих из административных и иных публичных правоотношений в новом, современном формате. Кроме того, в соответствии со ст. 46 Конституции Российской Федерации каждому гарантируется судебная защита его прав и свобод. Решения и действия (или бездействие) органов государственной власти, органов местного самоуправления, общественных объединений и должностных лиц могут быть обжалованы в суд [2, с. 276].

Правовой «площадкой» для осуществления административного судопроизводства является ч. 2 ст. 118 Конституции, которая закрепляет, что «судебная власть осуществляется посредством конституционного, гражданского, административного и уголовного судопроизводства» [1]. Таким образом, можно сделать промежуточный вывод, что Конституция Российской Федерации осуществляет первичную легализацию административного судопроизводства в целом.

Переходя к характеристике федеральных законов, отметим, что основным документом, регулирующим участие прокурора в административном судопроизводстве, является Кодекс административного судопроизводства РФ. Важно подчеркнуть, что данный Кодекс принят в целях реализации положений

Конституции (ч.ч. 1, 2 ст. 46, ч. 2 ст. 118, ст. 126) и федерального законодательства, в частности Федерального конституционного закона от 31.12.1996 № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации» [3], Федерального конституционного закона от 07.02.2011 № 1-ФКЗ «О судах общей юрисдикции в Российской Федерации» [4].

Следует отметить, что участие прокурора в административном судопроизводстве имеет важное значение для деятельности органов прокуратуры Российской Федерации. Статья 39 Кодекса административного судопроизводства РФ закрепляет процессуальный права прокурора в административном судопроизводстве, а именно:

– прокурор вправе обратиться в суд с административным исковым заявлением в защиту прав, свобод и законных интересов граждан, неопределенного круга лиц или интересов Российской Федерации, субъектов Российской Федерации, муниципальных образований, а также в других случаях, предусмотренных федеральными законами;

– прокурор, обратившийся в суд с административным исковым заявлением, пользуется процессуальными правами и несет процессуальные обязанности административного истца (за исключением права на заключение соглашения о примирении и обязанности по уплате судебных расходов), а также обязанность по уведомлению гражданина или его законного представителя о своем отказе от поданного им в интересах гражданина административного иска;

– прокурор вступает в судебный процесс и дает заключение по административному делу в случаях, предусмотренных настоящим Кодексом. Прокурор не дает заключение по административному делу, если административное дело возбуждено на основании его административного искового заявления [5].

Важно подчеркнуть, что участие прокурора в качестве административного истца регулируется не только Кодексом административного судопроизводства РФ, но и актами, положения которых разъясняют отдельные вопросы судебной практики, в частности, Постановлением Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 17 ноября 2015 г. № 50 «О применении судами законодательства при рассмотрении некоторых вопросов, возникающих в ходе исполнительного производства» [6]; Постановлением Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 марта 2016 г. № 11 «О некоторых вопросах, возникающих при рассмотрении дел о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок» [7]; Постановлением Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21 января 2016 г. № 1 «О некоторых вопросах применения законодательства о возмещении издержек, связанных с рассмотрением дела» [8]; Постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 27.09.2016 № 36 «О некоторых вопросах применения судами Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации» [9].

Анализируя указанную форму участия прокурора в административном судопроизводстве, А. Б. Заленцова и О. А. Ястребова указывают, что «обращение прокурора в суд с административным иском является важнейшей формой его участия в административном судопроизводстве и представляет собой способ реагирования прокурора на выявленные им в ходе общей надзорной деятельности правонарушений. В то же время, ученые делают важный вывод,

что прокурор, участвуя в собственно инициированном процессе, осуществляет не свои властные надзорные полномочия, а права и обязанности процессуального истца» [10].

Анализ законодательства показывает, что процессуальный статус прокурора в административном судопроизводстве имеет ряд особенностей. Во-первых, прокурор не может заключить соглашение о примирении, освобождается от обязанности по уплате судебных расходов, участвовать в рассмотрении административного дела по основаниям, предусмотренным ст.ст. 31, 33 Кодекса административного судопроизводства РФ (является членом семьи, родственником или родственником супруга кого-либо из лиц участвующих в деле; личная прямая или косвенная заинтересованность в исходе административного дела) [5]. По данному поводу М.В. Павловская в научной статье «Особенности участия прокурора в административном судопроизводстве» отмечает, что отсутствие у прокурора права на заключение соглашения о примирении обусловлено тем, что указанное исключительное право принадлежит только сторонам по делу, к которым в данном случаи относятся субъекты спорного материального правоотношения. Поскольку прокурор не является субъектом материального правоотношения, то он указанным правом и не обладает [11, с. 4].

Во-вторых, законодательство предусматривает дополнительные обязанности прокурора как административного истца. Так, в случаи обращения прокурора в защиту прав, свобод и законных интересов гражданина в административном исковом заявлении также должны быть указаны причины исключающие возможность предъявления административного искового заявления самим гражданином (ч. 6 ст. 125 Кодекса административного судопроизводства РФ).

Не менее важная форма участия прокурора в административном судопроизводстве реализуется посредствам вступления в инициированные другими субъектами дела в целях дачи заключения по административному делу (ч. 7 ст. 39 Кодекса административного судопроизводства РФ). В заключении прокурор должен проанализировать исследованные в ходе судебного разбирательства доказательства, раскрыть характер правоотношений сторон, сослаться на закон, нормы которого регулируют данные общественные отношения, и высказать своё мнение о том, как должно быть разрешено дело.

В соответствии с положениями Кодекса административного судопроизводства РФ к категории дел, по которым прокурор дает заключение, относится: об оспаривании нормативных правовых актов (ст. 213); о защите избирательных прав и права на участие в референдуме граждан РФ (ст. 243); о принудительной госпитализации гражданина в психиатрический стационар или о продлении срока принудительной госпитализации гражданина, страдающего психическим расстройством (ст. 277); о госпитализации гражданина в медицинскую противотуберкулёзную организацию в недобровольном порядке (ст. 283); о помещении иностранного гражданина, подлежащего депортации или реадмиссии, в специальное учреждение или о продлении срока пребывания иностранного гражданина, подлежащего депортации или реадмиссии, в специальном учреждении (ст. 268); об административном надзоре (ст. 272).

В то же время, ч. 7 ст. 39 Кодекса административного судопроизводства РФ закрепляет важную «ограничительную» норму: «Прокурор не дает заключение по административному делу, если административное дело возбуждено на

основании его административного искового заявления» [5]. Данные положения Кодекса нашли свое отражение в Приказе Генеральной прокуратуры РФ от 10 июля 2017 г. № 475 «Об обеспечении участия прокуроров в гражданском и административном судопроизводстве», а именно: «исключается возможность дачи заключения по делу, в котором орган прокуратуры выступает в качестве истца, ответчика или заинтересованного лица» [12].

Продолжая анализ полномочий прокурора в административном судопроизводстве, отметим, что важной составляющей его процессуального статуса является право на заявление ходатайств по различным вопросам, а также право приводить свои доводы по возникающим в ходе судебного разбирательства вопросам, в том числе: об объединении нескольких административных дел в одно производство; о возможности рассмотрения административного дела без свидетелей, экспертов, специалистов, переводчиков; о последовательности исследования доказательств; о признании лиц, заявляющих самостоятельные требования, относительно предмета спора третьими лицами в рассматриваемом деле; о распоряжении вещественными доказательствами; об отложении разбирательства дела; о последовательности исследования доказательств и т.д. [11, с. 6].

Продолжая исследование указанной проблематики, отметим, что важное место в правовом регулировании участия прокурора в административном судопроизводстве занимают акты Генерального Прокурора Российской Федерации. Так, Приказом Генеральной прокуратуры РФ от 10 июля 2017 г. № 475 «Об обеспечении участия прокуроров в гражданском и административном судопроизводстве» установлены основные обязанностями прокуроров, обеспечивающих участие в административном судопроизводстве. К ним относятся:

– участие в рассмотрении судами первой, апелляционной, кассационной и надзорной инстанций дел, возбужденных административным исковым заявлениям прокуроров в защиту прав, свобод и законных интересов граждан, указанных в ч. 1 ст. 39 Кодекса административного судопроизводства РФ, неопределенного круга лиц, интересов Российской Федерации, субъектов Российской Федерации, муниципальных образований, в том числе по заявлениям и представлениям о пересмотре судебных постановлений по вновь открывшимся или новым обстоятельствам;

– обеспечение качественной подготовки и направления в суд заявлений о возмещении ущерба, причиненного Российской Федерации, субъектам Российской Федерации, муниципальным образованиям, государственным и муниципальным унитарным предприятиям в результате преступлений, если такие заявления не рассмотрены в порядке уголовного судопроизводства (статьи 44, 306 и 309 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации;

– вступление в процесс на любой его стадии и дача заключений в иных случаях, предусмотренных ч. 7 ст. 39 Кодекса административного судопроизводства РФ и федеральными законами;

– апелляционное, кассационное и надзорное обжалование судебных постановлений по административным делам, в рассмотрении которых участвовал либо вправе был участвовать прокурор;

– рассмотрение обращений о проверке законности и обоснованности судебных актов, вынесенных в порядке административного судопроизводства по

делам, в которых предусмотрено участие прокурора, от лиц, участвующих в деле, а также от лиц, не привлеченных к участию в деле, если вопрос об их правах и обязанностях был разрешен судом [12].

Выводы

Подводя итог, следует отметить, что:

– во-первых, установлено, что правовое регулирование участия прокурора в административном судопроизводстве «находится» на стадии становления и «апробации», в то же время, имеет целостный характер, то есть нормы, которые закрепляют процессуальные особенности участия прокурора в данном судопроизводстве, содержатся в различных по юридической силе нормативных правовых актах, а также в актах, положения которых разъясняют отдельные вопросы судебной практики.

– во-вторых, считаем, что нормативные правовые акты, регулирующие процессуальный статус прокурора в административном судопроизводстве имеют многоаспектную юридическую природу и относятся к различным отраслям права;

– в-третьих, установлено, что участие прокурора в административном судопроизводстве регулируется значительным количеством нормативных правовых актов, которые предложено разделить на две группы: общие (закладывают фундаментальные принципы участия прокурора в административном судопроизводстве) и специальные (совокупность нормативных правовых актов, нормы которых непосредственно осуществляют регулирование отношений, возникающих в процессе реализации прокурором процессуальных прав и обязанностей в административном судопроизводстве);

– в-четвертых, проведенный анализ дает основания сделать вывод, что участие прокурора в административном судопроизводстве осуществляется в двух формах. Первая форма реализуется посредствам подачи административного иска в защиту прав, свобод и законных интересов граждан, неопределённого круга лиц или интересов РФ, субъектов Федерации, муниципальных образований, а также в других случаях, предусмотренных федеральными законами. Вторая форма реализуется посредствам вступления в инициированные другими субъектами дела в целях дачи заключения по административному делу.

Список цитированных источников

1. Конституция Российской Федерации от 12.12.1993 // Справочная правовая система «Консультант Плюс» [Электронный ресурс] URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения 10.09.2018).

2. Колюка, Н. Н. Правовое регулирование участия прокурора в административном судопроизводстве / Н. Н. Колюка // Евразийский юридический журнал. – 2017. – № 12. – С. 275–278.

3. Федеральный конституционный закон от 31.12.1996 N 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации» [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_12834/ (дата обращения 06.09.2018).

4. Федеральный конституционный закон от 07.02.2011 № 1-ФКЗ «О судах общей юрисдикции в Российской Федерации» [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_110271/ (дата обращения 06.04.2018).

5. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 08.03.2015 № 21-ФЗ [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/ document/cons_doc_ LAW_176147/ (дата обращения 07.04.2018).

6. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 17 ноября 2015 г. № 50 «О применении судами законодательства при рассмотрении некоторых вопросов, возникающих в ходе исполнительного производства» [Электронный ресурс]. URL:http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_189010/ (дата обращения 07.09.2018).

7. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 марта 2016 г. № 11 «О некоторых вопросах, возникающих при рассмотрении дел о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок» [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_195918/ (дата обращения 07.09.2018).

8. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21 января 2016 г. № 1 «О некоторых вопросах применения законодательства о возмещении издержек, связанных с рассмотрением дела» [Электронный ресурс]. URL: [Электронный ресурс]. URL: http://base.garant.ru/71330124/ (дата обращения 07.09.2018).

9. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.09.2016 № 36 «О некоторых вопросах применения судами Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации» [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_ LAW_205136/ (дата обращения 07.09.2018).

10. Судебное административное право: Учебник для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция» (Зеленцов А.Б., Ястребов О.А.) («Статут», 2017) [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req =doc&base=CMB&n=18449#01241298662093493 (дата обращения 07.04.2018).

11. Павловская, М. В. Особенности участия прокурора в административном судопроизводстве // Законность. – 2016. – № 1. – С. 3 – 7.

12. Приказ Генеральной прокуратуры РФ от 10 июля 2017 г. № 475 «Об обеспечении участия прокуроров в гражданском и административном судопроизводстве» [Электронный ресурс]. URL: http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71659058/#ixzz5EtXMFS5p (дата обращения 12.04.2018).

Аннотация. В статье осуществлен анализ нормативно-правового обеспечения участия прокурора в административном судопроизводстве. Установлено, что правовое регулирование участия прокурора в административном судопроизводстве имеет целостный характер, то есть, нормы которые закрепляют процессуальные особенности участия прокурора в данном судопроизводстве содержаться в различных, по юридической силе, нормативных правовых актах, а также в актах, положения которых разъясняют отдельные вопросы судебной практики. Кроме того, на основе исследования научной, учебно-методической литературы, а также норм действующего законодательства раскрыты процессуальные особенности участия прокурора в административном судопроизводстве и установлено, что участие прокурора в административном судопроизводстве осуществляется в двух формах, а именно: посредствам подачи административного иска; вступления в инициированные другими субъектами дела в целях дачи заключения по административному делу.

PROCEDURAL FEATURES OF THE PROSECUTOR'S PARTICIPATION IN ADMINISTRATIVE COURT: NORMATIVE AND LEGAL ASPECT

Kolyuka N.N., Basov A.V.

Key words: administrative legal proceedings, normative and legal aspect, procedural features, procedural status, participation.

Abstract. The article analyzes the regulatory and legal support for the participation of the prosecutor in administrative proceedings. It is established that the legal regulation of the participation of the prosecutor in the administrative proceedings is of a holistic nature, that is, the norms that fix the procedural features of the prosecutor's participation in this legal procedure are contained in various legal acts, as well as in the acts, the provisions of which clarify certain issues of the judicial practice. In addition, based on the study of scientific, educational and methodological literature, as well as the norms of the current legislation, procedural peculiarities of the prosecutor's participation in administrative proceedings are disclosed and it is established that the participation of the prosecutor in administrative proceedings is carried out in two forms, namely: through the submission of an administrative claim; accession to cases initiated by other subjects with a view to giving an opinion on the administrative case.

УДК 343.163

АКТЫ И МЕРЫ ПРОКУРОРСКОГО РЕАГИРОВАНИЯ ПРИ ОСУЩЕСТВЛЕНИИ НАДЗОРА ЗА ИСПОЛНЕНИЕМ ЗАКОНОВ В ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Никитин Е.Л.

Ключевые слова: оперативно-розыскная деятельность, прокурорский надзор за исполнением законов в оперативно-розыскной деятельности, полномочия прокурора, акты и меры прокурорского реагирования при осуществлении надзора за исполнением законов в оперативно-розыскной деятельности.

Введение

В настоящей статье, используя сравнительно-правовой метод, осуществлен анализ действующего законодательства о прокуратуре Российской Федерации и ряда государств СНГ – бывших республик СССР, в части правовой регламентации, а также практики применения актов и мер прокурорского реагирования при осуществлении надзора за исполнением законов в оперативно-розыскной деятельности. Применяемые в России акты и меры прокурорского реагирования автор признаёт традиционными для постсоветской модели прокуратуры, но недостаточно объемными и совершенными, а процедуру их применения сложной и противоречивой. Так, с учетом проведенного исследования перечень установленных видов актов и мер прокурорского реагирования в изученных законодательных актах Российской Федерации и сформированной правоприменительной практики представляется неполным, а потому не способствующим во всех случаях своевременному и полноценному предупреждению и устранению всех потенциальных нарушений оперативно-розыскного и иных видов законодательства Российской Федерации.

Основная часть

В теории прокурорского надзора и прокурорской деятельности осуществление функции надзора органами прокуратуры обычно рассматривается в качестве процессуальной деятельности по выявлению, устранению и предупреждению правонарушений [1, с. 35]. Таким образом, важнейшим этапом при реализации надзорных задач являются действия прокурора по устранению совершенных и предупреждению готовящихся правонарушений.

Характер применяемых в том или ином случае актов и мер прокурорского реагирования во многом зависит от объема полномочий, предоставленных прокурору [2, с. 119]. Разделяя эту позицию, полагаем, что формирование системы полномочий прокуроров в отдельных отраслях надзора должно определяться предназначением, иначе говоря, целями прокурорской деятельности [3, с. 82]. Следует констатировать, что в рамках существующих отраслей прокурорского надзора прокуроры наделяются различным объемом прав. Так, в соответствии с закрепленными в Федеральном законе «О прокуратуре Российской Федерации» и законах о прокуратуре многих стран – участников СНГ направлениями и отраслями прокурорского надзора полномочия при его осуществлении могут подразделяться на: 1) полномочия при осуществлении надзора за исполнением законов и законностью правовых актов, соблюдением прав и свобод человека и гражданина; 2) полномочия при осуществлении надзора в специальных отраслях прокурорского надзора [4, с. 3–4].

Каждому полномочию прокурора присуща особая форма его реализации. Правовые акты прокурора (акты прокурорского надзора), направленные на устранение и предупреждение нарушений законов, в теории российского прокурорского надзора именуются актами прокурорского реагирования. Кроме того, по сложившейся практике прокурор использует также меры прокурорского реагирования, применение которых находит отражение в показателях ведомственной отчетности, но формально к актам прокурорского реагирования они не относятся (письма, информационные письма, информация о нарушениях, требования об устранении нарушений и т. п.).

Вместе с тем в научной теории отсутствует единое понимание, какие документы прокурора следует считать актами прокурорского реагирования, а что относить к мерам прокурорского реагирования. Так, некоторыми авторами акт прокурорского реагирования рассматривается как документ-действие [5, с. 10]. Иной подход предполагает рассмотрение актов прокурорского реагирования в качестве специфических средств прокурорского реагирования на нарушения закона, применяемых в установленном законом порядке компетентными должностными лицами органов прокуратуры в ходе осуществления ими своих полномочий [6, с. 12]. По нашему мнению, к актам прокурорского реагирования относятся предусмотренные законодательными нормами документы, оформляющие решения прокурора, которые направлены на устранение выявленных нарушений законности либо их предупреждение и обязательны для рассмотрения поднадзорными прокуратуре объектами.

В свою очередь особенность и сложность определения круга актов и мер прокурорского реагирования при осуществлении надзора за исполнением законов в оперативно-розыскной деятельности в Российской Федерации обусловлена имеющейся законодательной неопределенностью объема

полномочий прокурора в этой отрасли надзора. В условиях фактической пробельности действующего законодательства при осуществлении надзора за исполнением законов в ОРД используются полномочия прокурорского надзора за исполнением законов и законностью правовых актов (общий надзор) и соблюдением прав и свобод человека и гражданина.

В настоящее время Приказ Генерального прокурора РФ «Об организации прокурорского надзора за исполнением законов при осуществлении оперативно-розыскной деятельности» от 15 февраля 2011 г. № 33 (с изм. и доп.) к актам прокурорского реагирования относит: протест, представление, постановление и требование. Причем в первоначальной редакции Приказа № 33 требование прокурора рассматривалось в качестве не акта, а меры прокурорского реагирования, так как его применение предполагалось по терминологии Приказа «помимо» актов прокурорского реагирования. В настоящее время это наиболее применяемый акт прокурорского реагирования в рассматриваемой сфере. Следует также учитывать, что форма и содержание, а также порядок и сроки рассмотрения требования прокурора в сфере надзора за исполнением законов в оперативно-розыскной деятельности в России законодательно не установлены, что также вызывало и вызывает вопросы о возможности его отнесения к актам прокурорского реагирования.

В 2017 году Генеральной прокуратурой РФ были разработаны и направлены в нижестоящие прокуратуры Методические рекомендации «О подготовке актов реагирования в рамках прокурорского надзора за исполнением законов при осуществлении оперативно-розыскной деятельности» [7]. В них, в частности, наряду с указанными выше актами реагирования рекомендуется к использованию также такие документы и акты прокурора, как кассационное (надзорное) представление и предостережение.

Несмотря на то, что Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности», равно как и нормы Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» не предусматривают возможности прокурорского опротестования либо внесения представлений на судебные решения о даче разрешения на проведение оперативно-розыскных мероприятий по представляемым в суд оперативным материалам, с 2012 года в отдельных регионах России сложилась положительная правоприменительная практика внесения и рассмотрения судебными органами надзорных (кассационных) представлений прокуроров на незаконные и необоснованные судебные решения [8]. В настоящее время Генеральная прокуратура РФ ориентирует уполномоченных прокуроров на необходимость внесения кассационных (надзорных) представлений при выявлении судебных решений, разрешающих проведение ОРМ, ограничивающих конституционные права граждан, если они не отвечают требованиям законности, обоснованности и мотивированности [9]. Обжалование указанных судебных решений при отсутствии иной законодательной регламентации должно осуществляться в порядке глав 47-1 и 48-1 УПК РФ. Представляется, что указанный документ нельзя относить к актам прокурорского надзора (реагирования), поскольку в современных условиях органы прокуратуры не осуществляют надзор за органами судебной власти и деятельностью судей. Кассационное (надзорное) представление скорее представляет собой средство прокурорской деятельности при реализации функции участия прокурора в рассмотрении дел судами (судебного контроля)

и обеспечения законности судебных решений. Данный вопрос требует отдельного глубокого исследования, которое выходит за рамки подготовленной публикации.

Согласно статистическим данным, в 2017 году в России прокурорами вынесено: постановлений о направлении материалов прокурорской проверки для решения вопроса об уголовном преследовании – 91; постановлений о направлении материалов прокурорской проверки для решения вопроса об уголовном преследовании в отношении сотрудников, осуществляющих ОРД, за преступления по службе – 13; принесено протестов – 10039; внесено представлений – 11278; внесено требований – 150272; направлено информаций о состоянии законности – 730 [10].

Устранение допущенных и предупреждение возможных нарушений оперативно-розыскного законодательства предполагает наличие адекватных и эффективных форм прокурорского реагирования, разработанного механизма их применения. Как представляется, арсенал актов прокурорского реагирования в сфере надзора за исполнением законов в ОРД в России в силу отсутствия специальной нормы закона о прокуратуре носит ограниченный характер. Данный «набор» актов прокурорского реагирования характерен скорее для применения в сфере «общего надзора» и не учитывает специфику правоотношений в области оперативно-розыскной деятельности, а также правоотношений при осуществлении прокурорского надзора за исполнением законов в ОРД. Действующее законодательство не позволяет прокурору для установления законности непосредственно воздействовать на проведение оперативно-розыскных мероприятий и решения, принимаемые оперативно-розыскным органом, в связи с чем уполномоченным прокурором в этих случаях не используется такой акт реагирования, как постановление. Отменить своим решением какое-либо незаконное решение руководителя оперативно-розыскного органа либо признать незаконным проведение оперативно-розыскного мероприятия и немедленно прекратить его осуществление в настоящее время прокурор не вправе. В таких случаях прокурор обычно действует опосредованно, направляя руководителю оперативно-розыскного органа протест или представление, что представляется существенным недостатком.

Обратимся к международно-правовому опыту регламентации полномочий прокуроров и форм прокурорского реагирования в некоторых странах постсоветского пространства. Так, в этих странах законодательство о прокуратуре содержит отдельные нормы, устанавливающие полномочия прокурора в сфере надзора за исполнением законов в оперативно-розыскной деятельности, а также определяющие формы и содержание актов прокурорского реагирования (надзора).

Например, Закон Республики Казахстан о прокуратуре (от 30.06.2017 г. с изм. от 21.12.2017 г. № 81-VI) при определении полномочий прокурора, направленных на устранение и предупреждения нарушений, в ст. 12 содержит как отсылочную норму к положениям Закона Республики Казахстан об оперативно-розыскной деятельности, так и прямое указание на право прокурора при осуществлении надзора за исполнением законов в ОРД: санкционировать проведение оперативно-розыскных мероприятий, инициировать проведение оперативно-розыскных мероприятий; прекращать оперативно-розыскные мероприятия при выявлении нарушений законности, прав и свобод человека

и гражданина. Опыт Республики Казахстан свидетельствует об эффективности применения санкции и указания прокурора (ст.ст. 25-26 Закона) при осуществлении надзора за исполнением законов в ОРД.

На наш взгляд, наиболее научно обоснованный и адекватный времени подход использован при формировании системы полномочий прокуроров и определении форм прокурорского реагирования при осуществлении надзора за исполнением законов в ОРД в законодательстве Республики Беларусь. Так, ст. 29 главы 5 «Надзор за исполнением законодательства при осуществлении оперативно-розыскной деятельности» Закона о прокуратуре Республики Беларусь (от 8.05.2007 г. № 220-З) устанавливает полномочия уполномоченного прокурора. По терминологии Закона прокуроры вправе применять следующие акты прокурорского надзора (по российской терминологии – реагирования – авт.): протест; представление; предписание; официальное предупреждение; постановление (о возбуждении дисциплинарного производства, о привлечении к материальной ответственности, о возбуждении уголовного дела). Кроме того, для предупреждения возможных нарушений применяется санкция прокурора на проведение оперативно-розыскных мероприятий, для устранения нарушений в виде бездействия – указание прокурора о проведении оперативно-розыскных мероприятий, а для устранения иных нарушений – указание прокурора о прекращении проведения оперативно-розыскных мероприятий. Полагаем, что разнообразие предусмотренных законодательством Республики Беларусь актов прокурора и мер реагирования позволяет более гибко, с учетом всех обстоятельств выявленного либо готовящегося правонарушения подходить к выбору способов и процедур его устранения либо предупреждения.

Рекомендуемые для национальных государств полномочия прокурора при осуществлении надзора за исполнением законов в ОРД установлены в ст. 36 главы 6 Модельного закона о прокуратуре для стран СНГ (Принят на 27 пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ. Постановление № 27-6 от 16 ноября 2006 г.). В части содержания полномочий, направленных на устранение нарушений закона, предлагается закрепить право прокурора непосредственно отменять незаконные и необоснованные постановления должностных лиц органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность. Кроме того, прокурор в соответствии с национальным законодательством может наделяться правом давать письменную санкцию (согласие) либо обращаться в суд с заявлением о даче согласия: при проведении оперативно-розыскных мероприятий, затрагивающих конституционные права граждан (ст. 24 Модельного закона).

Таким образом, отсутствие у российских прокуроров полномочий по надзору за исполнением законов органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, позволяющих своевременно и эффективно устранять допущенные нарушения законов, предупреждать их возможные нарушения позволяет предложить разработку специальных полномочий, имеющих оперативный характер и соответствующих форм их реализации. Необходимо ввести в арсенал средств прокурорского реагирования такие акты, которые позволят непосредственно и быстро устранять наиболее серьезные и значимые нарушения, например, связанные с несоблюдением конституционных прав и свобод человека и гражданина, а также предупреждать такие нарушения.

Заключение

Таким образом, посредством изучения норм законодательства о прокуратуре и ОРД отдельных стран СНГ, Модельного закона о прокуратуре и Модельного закона об ОРД для стран СНГ, определяющих перечень, формы, содержание и процедуры применения актов и мер прокурорского реагирования при осуществлении надзора за исполнением законов об оперативно-розыскной деятельности, автор приходит к выводу о необходимости расширения перечня актов прокурорского реагирования при осуществлении надзора за исполнением законов в ОРД в Российской Федерации. Такими актами, как представляется, могут стать: указание прокурора о проведении оперативно-розыскных мероприятий (в случае бездействия оперативно-розыскного органа); постановление о прекращении незаконно начатых и проводимых оперативно-розыскных мероприятий (в том числе, ограничивающих конституционные права и свободы человека и гражданина); санкция прокурора при вынесении постановления руководителя оперативно-розыскного органа о возбуждении ходатайства перед судом о даче согласия на проведение оперативно-розыскного мероприятия, ограничивающего конституционные права и свободы человека и гражданина.

Список цитируемых источников

1. Ломовский, В. Д. Прокурорско-надзорные правоотношения. – Ростов-на-Дону: Издательство Ростовского университета. 1987. – 160 с.

2. Ергашев, Е. Р. Прокурорский надзор в Российской Федерации. Курс лекций / Ергашев Е.Р. – Екатеринбург, 2016. – 316 с.

3. Дытченко, Г. В., Никитин, Е. Л. Средства прокурорского реагирования (постановка и анализ проблемы, способы ее решения) // Криминалист. 2009. №1 (4).

4. Правовые акты прокурорского надзора / [Т. А. Васильева, Н. П. Дудин, Г. В. Дытченко, Е. Л. Никитин, А. Е. Скачкова]; науч. ред. Н. П. Дудин. – СПб. : Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Академии Генеральной прокуратуры РФ, 2011. – 256 с.

5. Прокурорский надзор в Российской Федерации: учебное пособие / Под ред. Ю. Е. Винокурова. – Москва, 1997. – 250 с.

6. Ергашев, Е. Р. Протест прокурора: учебное пособие. – Екатеринбург: Издательский дом «Уральская государственная юридическая академия», 2010. – 100 с.

7. Разработаны Управлением методико-аналитического обеспечения надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного расследования и оперативно-розыскной деятельностью Генеральной прокуратуры РФ. Методические рекомендации направлены в нижестоящие прокуратуры 22 декабря 2017 г. №36-11-2017 заместителем Генерального прокурора РФ В. Я. Гринем.

8. О положительном опыте организации прокурорского надзора за законностью проведения оперативно-розыскных мероприятий, ограничивающих конституционные права граждан: информационное письмо Генеральной прокуратуры РФ от 24 мая 2013 года №69-12-2013.

9. О практике прокурорского надзора за соблюдением законности при проведении оперативно-розыскных мероприятий, ограничивающих конституционные права граждан: информационное письмо Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 11 апреля 2017 г. № 36-11-2017.

10. «Надзор за исполнением законов при осуществлении оперативно-розыскной деятельности»: Форма ОРД. Код формы 333. За январь-декабрь 2017 года. Приложение № 1 к Приказу Генерального прокурора РФ №593 от 28.08.2017.

Аннотация. В настоящей статье, используя сравнительно-правовой метод, осуществлен анализ действующего законодательства о прокуратуре Российской Федерации и ряда государств СНГ – бывших республик СССР, в части правовой регламентации, а также практики применения актов и мер прокурорского реагирования при осуществлении надзора за исполнением законов в оперативно-розыскной деятельности. В работе установлены закономерности законодательной регламентации форм и содержания актов и мер прокурорского реагирования. Своевременное и эффективное устранение нарушений законности в рассматриваемой сфере предполагает, в том числе применение оперативных средств реагирования. По результатам исследования автор приходит к выводу о необходимости расширения круга целесообразных для применения актов реагирования в России при осуществлении надзора за исполнением законов в ОРД.

ACTS AND PROSECUTION MEASURES OF PROSECUTION RESPONSE IN THE EXERCISE OF SUPERVISION FOR THE EXECUTION OF THE LAWS IN OPERATIVE AND PERSONAL ACTIVITY

Nikitin E.L.

Key words: operative-search activity, prosecutor's supervision over the execution of laws in the operational-search activity, the powers of the prosecutor, acts and measures of the prosecutor's response when exercising supervision over the execution of laws in the operational-search activity.

Abstract. In this article, using a comparative legal method, an analysis has been made of the current legislation on the prosecutor's office of the Russian Federation and a number of CIS states - former Soviet republics, with regard to legal regulation, as well as the practice of applying acts and measures of the prosecutor's response when exercising supervision over the execution of laws in the operational- search activity. In the work the author established the laws of legislative regulation of the forms and content of acts and measures of prosecutorial response. Timely and effective elimination of violations of the law in the sphere in question implies, including the use of operational means of response. According to the results of the research, the author comes to the conclusion that it is necessary to expand the range of appropriate for the application of response acts in the Russia when exercising supervision over the implementation of laws in the RAN.

УДК 343

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ УГОЛОВНОГО ПРЕСЛЕДОВАНИЯ, ОСУЩЕСТВЛЯЕМОГО ПРОКУРОРОМ, КАК ЧАСТНАЯ ТЕОРИЯ НАУКИ КРИМИНАЛИСТИКИ

Серова Е.Б.

Ключевые слова: прокурор, криминалистическое обеспечение, эффективность прокурорского надзора, государственное обвинение, криминалистика, уголовное преследование.

Введение

Криминалистика традиционно определяется как наука, способствующая раскрытию и расследованию преступлений, что предопределило соответствующее определение ее предмета, задач, системы и других элементов, составляющих общую теорию науки. Достижения и разработки науки криминалистики с момента ее возникновения адресованы в первую очередь следователю, тогда как другие участники уголовного судопроизводства традиционно рассматриваются лишь как субъекты, при необходимости использующие в своей деятельности криминалистические знания. Специальных исследований в этом направлении в течение многих лет не проводилось. Однако по мере развития науки криминалистики становится очевидной необходимость проведения целенаправленных научных исследований, адресованных всем субъектам, осуществляющим уголовное преследование, и распространяющихся на все стадии уголовного судопроизводства. В частности, С.Н. Чурилов обращает внимание на появившуюся в свое время необходимость разработки таких криминалистических рекомендаций, которые предназначались бы для суда, учитывали бы специфику судебного следствия и его отличия от предварительного следствия [1]. На необходимость знания основных положений криминалистики судьей обращает внимание И.В. Головачев [2]. Интересные исследования посвящены вопросам использования криминалистических знаний адвокатом [3 и др.]. Имеются и другие исследования в данной сфере. В таких условиях исследование криминалистической составляющей деятельности прокурора при осуществлении уголовного преследования как важного условия повышения эффективности прокурорского надзора и участия в рассмотрении уголовных дел судами становится объективно необходимым.

Основная часть

Нельзя не согласиться с мнением О.В. Химичевой, отмечающей, что уголовное судопроизводство есть система контролирующих друг друга последовательных этапов, где движение уголовного дела из одной стадии в другую основано на критической оценке уголовно-процессуальной деятельности, предпринятой на предыдущих стадиях. Осуществление уголовного судопроизводства в рамках строго установленной законом процессуальной формы позволяет проверить и оценить достоверность выводов об обстоятельствах совершённого преступления, выявить и устранить нарушения прав и законных интересов участников [4, с. 16]. Следовательно, значительна роль прокурора, осуществляющего надзор в ходе досудебного производства и поддерживающего государственное обвинение в суде, в обеспечении решения задач уголовного судопроизводства. Решение задач осуществления уголовного преследования возможно только при условии использования прокурором общенаучных методов познания, позволяющих получить объективные данные о событиях реальной действительности, умении им применить общетеоретические положения к конкретному событию преступления, в связи с совершением которого осуществляется уголовное преследование. Прокурор должен уметь оценить информацию, содержащуюся в материалах уголовного дела, а в судебных стадиях уголовного процесса – сам участвует в ее исследовании, а при необходимости в поиске и представлении суду дополнительной доказательственной информации. Не менее важна

организационная составляющая деятельности прокурора, в том числе выдвижение им версий на всех этапах уголовного судопроизводства. Вывод И.В. Головачева о том, что важнейшим средством обеспечения объективной оценки судом материалов предварительного расследования является всестороннее исследование всех обстоятельств, имеющих отношение к расследуемому событию, основанное на использовании комплекса криминалистических средств и методов, при безусловном соблюдении всех требований процессуального закона [2, с. 8], по нашему мнению, в полной мере применим и к деятельности прокурора.

Прокурор в уголовном судопроизводстве реализует две функции, возложенные на него законом. При реализации своих надзорных полномочий прокурор должен обеспечить соблюдение законов органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, дознание и предварительное следствие, при выявлении, раскрытии и расследовании преступлений. При этом среди форм деятельности прокурора можно выделить формы предупреждения прокурором нарушений законов; формы выявления нарушений законов, причин, их порождающих, и условий, им способствующих; формы реагирования на нарушения законов и обстоятельства, повлиявшие на их совершение. [4, с. 32]. В суде прокурор поддерживает государственное обвинение и осуществляет от имени государства уголовное преследование подсудимого. Вне зависимости от выполняемой функции содержание деятельности прокурора всегда направлено на реализацию процессуальной и криминалистической составляющей его компетенции [5, с. 59 – 60].

Таким образом, прокурор, осуществляющий уголовное преследование, не может оставаться в стороне от процесса доказывания, который по своей сути является процессом познания, которое носит всеобщий характер, но осуществлялся в особых процессуальных условиях. При этом, конечно, нельзя отождествлять предмет доказывания и предмет познания по уголовному делу. последний несомненно шире и включает в себя не только все обстоятельства, подлежащие доказыванию в соответствии с требованиями закона, но и доказательственные факты, обстоятельства, имеющие значение для определения тактики следствия, розыска виновного, скрывшегося от органов следствия и суда (например, обстоятельства, характеризующие связи обвиняемого); обстоятельства, знание которых позволяет следователю в необходимых случаях воздействовать на обвиняемого, вносить предложения по устранению причин и условий, способствовавших совершению преступления; данные, характеризующие эксперта, специалиста (образование, практический опыт, круг научных интересов и т.п.) и позволяющие решить вопрос о возможности и целесообразности использования этих лиц для производства экспертного исследования или участия в производстве следственных действий. Сюда же следует отнести и обстоятельства, позволяющие обнаружить и оценить доказательства, в частности, сведения, полученные оперативным путём, а также документы и материалы, характеризующие специфику производственного процесса предприятия (инструкции и другие документы, регламентирующие технологический режим, грузооборот, систему учёта и отчётности, кассовые операции и т.п.), материалы архивных уголовных дел [6, с. 23 – 24].

Задача установления с помощью доказательств обстоятельств дела лежит в первую очередь на следователе. В свою очередь прокурор, осуществляющий

надзор, должен проверить правильность решения данной задачи, сам оценить каждое доказательств в отдельность и все доказательства в совокупности, что предполагает осуществление перехода от чувственного восприятия отдельных фактов, признаков свойств тех или иных объектов, играющих роль доказательств, к логическому осмыслению воспринятого, к рациональному мышлению, что позволяет говорить о процессе познания в уголовном судопроизводстве как о разновидности всеобщего процесса познания, которая выражает все его сущностные черты, но имеет и свои особенности [7, с. 12]. При этом мы полностью разделяем позицию Л.М. Васильева, который полагает необходимым установление в ходе уголовного судопроизводства истинных обстоятельств преступления. Тенденция отказа от поисков истины в уголовном процессе ошибочна, потому что влечёт, как минимум, три нежелательных последствия: приводит к недостижению задач, поставленных перед уголовным судопроизводством; способствует рецидивной преступности; умаляет роль уголовного правосудия и государственной власти в целом в глазах общественности и в силу этого отворачивает её от сотрудничества с правоохранительными органами [8, с. 5].

В таких условиях вопросы исследования криминалистических аспектов деятельности прокурора не могут оставаться в стороне. Только зная специфику процесса познания события преступления в уголовном судопроизводстве, прокурор может оценить законность принимаемых органами предварительного расследования процессуальных решений и выполняемых процессуальных действий, решить опрос о возможности направления уголовного дела в суд и успешно поддержать государственное обвинение. Существенную помощь в этом ему может оказать наука криминалистика. По нашему мнению, только используя специально разработанные и адресованные именно ему криминалистические знания и рекомендации, прокурор может объективно проанализировать и оценить имеющуюся в материалах уголовного дела информацию, выявить ошибки, допущенные органами предварительного расследования, определить пути и возможности устранения их негативных последствий, а в ходе судебного разбирательства надлежащим образом представить имеющиеся доказательства и участвовать в их исследовании.

Таким образом, следует признать, что криминалистическая составляющая имеет существенное значение в деятельности прокурора, что предполагает необходимость ее научного исследования. При этом, по мнению А.С. Рубиса, криминалистическое содержание деятельности прокурора предполагает наличие двух стадий:

– активная стадия контроля, т.е. осуществление прямого управления деятельностью по борьбе с преступностью – управление выявлением преступлений; управление ходом формирования процессуальных доказательств и их системы посредством осуществления процессуальных полномочий; реализация доказательств при осуществлении доказывания в суде; управление профилактической деятельностью;

– пассивная стадия, т.е. контроль за соблюдением законности в деятельности субъектов правоприменения (изучение соответствующих материалов проверок, уголовных дел и т.п.) [5, с. 64 – 65].

Соглашаясь в целом с данным утверждением, обратим внимание, что данное определение предлагается для процессуальных условий Республики Беларусь,

законодательство которой в известной мере отличается от российского. К тому же, по нашему мнению, А.С. Рубис фактически выделяет формы деятельности прокурора, предполагающие использование криминалистических знаний и рекомендаций. Результаты использования этих знаний позволяют выявить нарушения закона в деятельности органов, осуществляющих предварительное расследование, их причины, условия, способствующие таким нарушениям, а также не допустить нарушение закона в дальнейшем (как по расследуемому преступлению, так и в целом по всем материалам проверки и уголовным делам).

Изложенное выше позволяет сделать вывод, что исследования криминалистического обеспечения деятельности прокурора обусловлено потребностями практики и логично вытекает из всего хода развития науки криминалистики.

Термин «криминалистическое обеспечение» может рассматриваться как традиционный и формально устоявшийся, однако единого подхода к определению данного понятия, его задачам и месту в системе криминалистики до настоящего времени не выработано [9, с. 26 – 29]. Тем не менее, следует признать, что чаще всего понятие «криминалистическое обеспечение» используется применительно к деятельности следователя, хотя в литературе упоминаются и иные виды обеспечения раскрытия и расследования преступлений, например, оперативно-розыскное [10, с. 10], что, на наш взгляд, достаточно спорно, поскольку наука криминалистика, как мы отмечали выше, изначально возникла как наука «для следователя» и в таком случае не достаточно ясно, чем криминалистическое обеспечение отличается от традиционных криминалистических рекомендаций. Использование же данного понятия применительно к деятельности прокурора, как нам представляется, вполне обосновано, поскольку отражает специфику деятельности прокурора и позволяет раскрыть возможности использования в этой деятельности криминалистических средств, методов и рекомендаций. При этом мы полагаем, что можно говорить о криминалистическом обеспечении деятельности прокурора в двух аспектах:

– как о системе криминалистических знаний, технических средств и криминалистического образования (в этой части мы солидарны с Р. С. Белкиным, который выделял в системе криминалистического обеспечения три подсистемы) [11, с. 64];

– как о частной теории науки криминалистики, разработка которой должна рассматриваться как одна из задач современной криминалистики.

Говоря о криминалистическом обеспечении деятельности прокурора как частной теории криминалистики, мы исходим из того, что структура общей теории криминалистики, как её определяют большинство учёных, содержит систему частных криминалистических теорий, отражающих отдельные элементы предмета криминалистики и неразрывно связанных между собой. Возникающие частные криминалистические теории могут сменять существующие, становясь либо их развитием и продолжением, либо следствием интеграции теоретического знания [12, с. 9]. При этом построение частной теории любой науки возможно при соблюдении четырех условий:

1) объединение знания в теорию производится самим предметом, его закономерностями;

2) теория должна включать в себя не только описание известной совокупности фактов, но и объяснение их, вскрытие закономерностей, которым они подчинены;

3) в теорию входит положение, выражающее закономерные связи, объединяющиеся одним общим началом, отражающим фундаментальную закономерность данного предмета;

4) для теории обязательным является обоснование (доказательство) входящих в неё положений [13, с. 206].

По нашему мнению, при разработке и построении теории криминалистического обеспечения деятельности прокурора вполне возможно соблюдение указанных условий. Тем более, что в современной криминалистике при наличии отдельных рекомендаций, адресованных прокурору, единая концепция данной проблемы отсутствует. Более того, большинство исследований сводится к рекомендациям прокурору по анализу материалов уголовного дела и адаптации частных криминалистических методик к специфике прокурорско-надзорной деятельности. В значительно меньшей степени исследуются вопросы использования прокурором возможностей криминалистической тактики и техники (да и то главным образом эти исследования адресованы государственному обвинителю). Следовательно, многие вопросы, касающиеся криминалистического обеспечения деятельности прокурора, не могут быть объяснены имеющимися в настоящее время теоретическими положениями.

Таким образом, с уверенностью можно констатировать, что в криминалистике имеется определенная проблема, требующая своего теоретического обоснования и исследования, что возможно только в рамках частной теории науки. Среди предпосылок возникновения такой теории следует назвать:

– современное состояние преступности и практика противодействия ей в нашей стране обуславливает повышение роли прокурора в осуществлении уголовного преследования, что предполагает проведение соответствующих научных исследований, в том числе и криминалистического характера;

– наличие нового научного направления, связанного с исследованием криминалистических аспектов деятельности прокурора на различных стадиях уголовного процесса;

– в современной криминалистике отсутствует единый подход к понятию и содержанию криминалистического обеспечения деятельности прокурора в уголовном судопроизводстве, что может быть объяснено относительной новизной данной проблемы и консерватизмом взглядов на нее отдельных ученых;

– имеющиеся частные теории науки криминалистики не позволяют разрешить все вопросы и проблемы, возникающие при использовании криминалистических знаний прокурором в своей деятельности.

Выдвигая тезис о возможности и необходимости разработки теории криминалистического обеспечения уголовного преследования, осуществляемого прокурором, как частной теории науки криминалистики, мы исходим также из позиции В.Е. Корнаухова, предлагающего выделять учения и теории, исходя из общего философского понятия об уровнях познания (теоретического, эмпирического и эмпирико-теоретического) [14, с. 3–6]. Предлагаемая нами

теория будет отражать эмпирико-теоретический уровень познания, который позволяет выявить закономерности деятельности такого специфического субъекта познания в уголовном судопроизводстве как прокурор, показать особенности криминалистической составляющей его деятельности.

Заключение

Таким образом, можно сделать вывод, что криминалистическое обеспечение деятельности прокурора как частная теория криминалистики должна строиться на результатах разработки проблем как общей теории криминалистики, так и частных теорий, прежде всего по вопросам криминалистической методики и криминалистической тактики. Как система специфических знаний об определенной области деятельности в сфере уголовного преследования данная теория охватывается предметом криминалистики и органически связана с другими частными теориями и учениями, но имеет свой объект (деятельность прокурора в уголовном судопроизводстве), предмет (закономерности криминалистического обеспечения деятельности прокурора, осуществляющего уголовное преследование, а также совокупность разработанных на познании указанных закономерностей криминалистических рекомендаций, средств и приемов, адресованных прокурору, участвующему в уголовном судопроизводстве), систему, решает специфические задачи, используя при этом соответствующие методы, корреспондирующиеся с предметом, задачами и методами науки криминалистики в целом.

Криминалистическое обеспечение деятельности прокурора как частная теория криминалистики призвана обеспечить повышение научной обоснованности, эффективности, практической значимости криминалистических рекомендаций, адресованных прокурору, участвующему в уголовном судопроизводстве. Решая стоящие перед ней задачи и осуществляя свою познавательную, методологическую функцию, она позволит вооружить ученых и практиков знаниями, позволяющими повысить эффективность прокурорского надзора в досудебном производстве и поддержания государственного обвинения в суде.

Список цитированных источников

1. Чурилов, С. Н. К вопросу о сферах применения достижений криминалистики // Вестник криминалистики / отв. ред. А.Г. Филиппов. – Вып. № 3 (39). – Москва: Спарк, 2011. – С. 7 – 12.

2. Головачёв, И. В. Криминалистические средства обеспечения оценки судом материалов предварительного следствия – Автореф. дисс. … к.ю.н. : Спец. 12.00.09. / И.В. Головачев; [Владимир. юрид. ин-т Федер. службы исполнения наказаний] – Владимир, 2008. – 22 с.

3. Баев, М. О. Адвокат-защитник в досудебном производстве по уголовному делу (процессуально-тактические основы деятельности) : Монография. / М. О. Баев, О.А. Куницина, О.Ю. Цурлуй – Москва: Издательство «Юрлитинформ», 2019. – 256 с.

4. Химичева, О. В. Концептуальные основы процессуального контроля и надзора на досудебных стадиях уголовного судопроизводства : Автореферат дисс. … докт. юрид. наук : Спец. 12.00.09. / О.В. Химичева; [Московский университет МВД России] – Москва, 2004. – 46 с.

5. Рубис, А. С. Криминалистическое обеспечение деятельности прокурора в сфере борьбы с преступностью / А. С. Рубис. – Минск: БГУ, 2005. – 271 с.

6. Лузгин, И. М. Методологические проблемы расследования / И.М. Лузгин – Москва: «Юрид. лит.», 1973 – 216 с.

7. Вишневецкий, К. В. Исследование доказательств на предварительном следствии и в судебном разбирательстве : Автореф. дис. на соиск. учен. степ. к.ю.н. : Спец. 12.00.09 / К. В. Вишневецкий; [Волгогр. акад. МВД России]. – Волгоград, 2001. – 27 с.

8. Васильев, Л. М. Проблемы истины в современном российском уголовном процессе – Автореф. дисс. … докт. юрид. наук : Спец. 12.00.09. / Л.М. Васильев; [Волгогр. акад. МВД России]. – Волгоград, 2001. – 49 с.

9. Волынский, А. Ф. Инновационная сущность криминалистического обеспечения расследования преступлений // Вестник криминалистики / отв. ред. А.Г. Филиппов. – Вып. № 3 (39). – Москва: Спарк, 2011. – С. 26 – 29.

10. Зникин, В. К. Научные основы оперативно-розыскного обеспечения раскрытия и расследования преступлений. – Автореф. дисс. … докт. юрид. наук : Спец. 12.00.09. / В. К. Зникин; [Нижегор. гос. ун-т им. Н.И. Лобачевского]. – Нижний Новгород, 2006. – 54 с.

11. Криминалистическое обеспечение деятельности криминальной милиции и органов предварительного расследования : Учебник / Аверьянова Т.В., Белкин Р.С., Бородулин А.И., Григорьев В.Н. и др.; Под ред.: Аверьянова Т.В., Белкин Р.С. – Москва: Новый Юрист, 1997. – 400 с.

12. Поврезнюк, Г. И. Криминалистические методы и средства установления личности в процессе расследования преступлений. По материалам стран СНГ. / Г.И. Поврезнюк – Москва: Изд-во «Юрлитинформ», 2005. – 366 с.

13. Копнин, П. В. Диалектика как логика и теория познания / П.В. Копнин. – Москва: Наука, 1973. – 324 с.

14. Корнаухов, В. Е. О структуре и содержании общей теории криминалистики // Актуальные проблемы криминалистики на современном этапе. Материалы всероссийской научно-практической конференции, г. Краснодар. 23 – 24 мая 2002 г. – Краснодар: Кубанский государственный аграрный университет, 2002. – С. 3 – 6.

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы разработки криминалистического обеспечения уголовного преследования, осуществляемого прокурором, как частной теории науки криминалистики. Основываясь на имеющихся в современной криминалистической литературе исследованиях, автор приходит к выводу о необходимости использования криминалистических знаний прокурором, осуществляющим надзор за исполнением законов органами, осуществляющими дознание и предварительное расследование в ходе досудебного производства, и государственным обвинителем при поддержании государственного обвинения в суде по уголовным делам. Обосновывает возможность и необходимость разработки новой частной теории науки криминалистики.

FORENSIC SUPPORT OF CRIMINAL PROSECUTION UNDERTAKEN BY THE ATTORNEY, AS A PRIVATE THEORY OF FORENSIC SCIENCE

Serova E. B.

Key words: Prosecutor, forensic support, efficiency of Prosecutor's supervision, public prosecution, criminal law, criminal prosecution.

Abstract. The article deals with the development of forensic support of criminal prosecution, carried out by the Prosecutor, as a private theory of science of criminology. Based on

the research available in the modern forensic literature, the author comes to the conclusion that it is necessary to use the forensic knowledge of the Prosecutor supervising the execution of laws by the bodies conducting the inquiry and preliminary investigation during the pre-trial proceedings, and the public Prosecutor in maintaining the state prosecution in the criminal court. Substantiates the possibility and necessity of developing a new private theory of science of criminology.

УДК 347.95:347.963(476)

О ПОВЫШЕНИИ ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРОКУРОРСКОГО НАДЗОРА ЗА СОБЛЮДЕНИЕМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В ИСПОЛНИТЕЛЬНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ

Скобелев В.П.

Ключевые слова: органы прокуратуры, прокурорский надзор, органы принудительного исполнения, должностные лица органов принудительного исполнения, исполнительное производство.

Введение

Согласно п.1 ст. 4, главе 7 Закона Республики Беларусь от 8 мая 2007 г. № 220-З «О прокуратуре Республики Беларусь» (далее – Закон № 220-З) одним из направлений осуществляемой прокуратурой деятельности является надзор за соблюдением законодательства в исполнительном производстве. Данный вид прокурорского надзора имеет очень большое значение, поскольку именно на этапе исполнительного производства происходит фактическое восстановление нарушенных прав и охраняемых законом интересов с одновременным применением к допустившим такие нарушения лицам серьезных мер реального государственного принуждения. Между тем, указанная сфера деятельности прокуратуры и ее правовое регулирование недостаточно исследованы в отечественной правовой науке, хотя это особенно актуально в свете недавно проведенной реформы – передачи функций принудительного исполнения от судов к органам исполнительной власти, принятия Законов Республики Беларусь от 24 октября 2016 г. № 439-З «Об исполнительном производстве» (далее – Закон № 439-З), от 24 октября 2016 г. № 440-З «О судебных исполнителях» (далее – Закон № 440-З) и внесения соответствующих крупных изменений в Гражданский процессуальный кодекс Республики Беларусь (далее – ГПК), Хозяйственный процессуальный кодекс Республики Беларусь (далее – ХПК).

Основная часть

Из содержания абз. 5 п.1 ст. 4, главы 7 Закона № 220-З видно, что анализируемая нами отрасль деятельности прокуратуры определяется законодателем как надзор за соблюдением законодательства при исполнении судебных постановлений, что не совсем верно (кстати, аналогичного рода неточность уже достаточно длительное время присутствует и в ч.1 ст. 23 ГПК). Во-первых, в рамках абз.5 п.1 ст. 4, главы 7 Закона № 220-З прокуратура, на наш взгляд, призвана осуществлять надзор не за любым исполнением судебных постановлений (в частности, исполнением судебных постановлений

в добровольном порядке), что вытекает из приведенной выше формулировки, а за их исполнением только в условиях государственного принуждения, т.е. исполнением, которое имеет место уже после возбуждения исполнительного производства. Именно по причине того, что с этого момента возникает возможность применения компетентными органами реального государственного принуждения (весьма существенных ограничений имущественного и неимущественного характера), и возникает потребность прокурорского надзора в данной сфере, причем надзора не столько за взыскателем и должником, сколько за соблюдением законодательства органами принудительного исполнения и их должностными лицами. В пользу этого говорит и содержание нормы ст. 32 Закона № 220-З, где в качестве поднадзорных субъектов названы занимающиеся исполнением органы и должностные лица.

Правда, сказанное не означает, что прокуратура вообще не вправе надзирать за добровольным исполнением судебных постановлений. Такое вполне возможно, например, в ходе проводимых прокурорскими работниками проверок соблюдения трудового законодательства – ведь согласно п. 5 Декрета Президента Республики Беларусь от 26 июля 1999 г. № 29 «О дополнительных мерах по совершенствованию трудовых отношений, укреплению трудовой и исполнительской дисциплины» неисполнение судебных постановлений при осуществлении должностных полномочий считается грубым нарушением трудовых обязанностей. Однако такого рода деятельность прокуратуры охватывается уже совсем иной отраслью надзора – надзором за исполнением законодательства (абз.2 п.1 ст. 4, глава 4 Закона № 220-З), которому присуща своя специфика, в том числе и в плане способов реагирования на выявленные нарушения.

Во-вторых, прокуратура не должна ограничиваться надзором за принудительным исполнением одних лишь судебных постановлений, поскольку исполнение последних – это только часть деятельности органов принудительного исполнения, в исполнительном производстве происходит реализация и целого ряда других актов: постановлений различных органов по делам об административных правонарушениях (в части имущественных взысканий), исполнительных надписей, мировых соглашений, постановлений судебных исполнителей, удостоверений комиссий по трудовым спорам и т.п., в том числе даже постановлений самих прокуроров (о выселении в административном порядке). В подтверждение сделанного вывода можно сослаться на текст ст. 32 Закона № 220-З, откуда видно, что прокуратура обязана осуществлять надзор за соответствием законодательству абсолютно любых актов, решений, действий (бездействия) органов и должностных лиц, ведающих принудительным исполнением, а не только тех актов, решений, действий (бездействия), которые имеют отношение к реализации судебных постановлений. В свое время ст. 349 ХПК тоже указывала, что прокурор осуществляет «надзор за законностью исполнения судебных постановлений и иных актов».

С учетом сказанного представляется целесообразным изменить наименование анализируемой отрасли прокурорского надзора следующим образом (здесь возможны несколько альтернативных вариантов): «надзор за соблюдением законодательства при принудительном исполнении судебных

постановлений и иных актов», или «надзор за соблюдением законодательства в исполнительном производстве», или «надзор за соблюдением законодательства органами принудительного исполнения», или «надзор за соблюдением законодательства органами принудительного исполнения и их должностными лицами». Попутно заметим, что в своих предложениях мы не случайно используем термин «органы принудительного исполнения», а не ставшее уже традиционным для отечественной правовой системы выражение «органы принудительного исполнения судебных постановлений и иных исполнительных документов». Дело в том, что в ходе реформы исполнительного производства 2013-2014 гг. в нормативных правовых актах, в том числе в самом наименовании системы соответствующих органов, была допущена ошибка: путем использования словосочетания «судебных постановлений и иных исполнительных документов» судебные постановления фактически были отождествлены с исполнительными документами, хотя в действительности это не так (как видно из содержания ч. 1 ст. 10 Закона № 439-З, статус исполнительных документов имеют всего лишь несколько судебных постановлений – определение о судебном приказе, определение об обеспечении иска и об обеспечении исполнения решения). Поэтому, думается, не случайно в ГПК и ХПК сейчас употребляется именно редуцированный вариант наименования указанных органов – «органы принудительного исполнения» (без добавления фразы «судебных постановлений и иных исполнительных документов») [1, с. 77-78].

При осуществлении надзора в исполнительном производстве прокурор, как сказано в ст. 33 Закона № 220-З, «имеет полномочия, предусмотренные процессуальным законодательством». До тех пор, пока исполнительное производство регламентировалось нормами ГПК (раздел IX) и ХПК (раздел IV), каких-либо проблем по этому поводу не возникало, поскольку, например, ГПК предусматривал принцип прокурорского надзора в гражданском судопроизводстве (ст. 23), распространявшийся также на исполнительное производство, предоставлял прокурору право вступить в дело на любой его стадии, т.е. в том числе на этапе исполнительного производства (ч. 2 ст. 81), и наделял прокурора при такой форме его участия в процессе широким комплексом правомочий. ХПК не закреплял подобного принципа, равно как и не оговаривал вторую форму участия прокурора в хозяйственном процессе (вступление в дело на любой стадии), однако положение спасала уже упоминавшаяся выше норма ст. 349 ХПК о прокурорском надзоре в исполнительном производстве по экономическим делам.

Ситуация кардинально изменилась в связи с реформой источников регулирования исполнительного производства – вступлением в силу Закона № 439-З, которым почти все нормы, касавшиеся принудительного исполнения, из раздела IX ГПК и раздела IV ХПК были исключены. Поскольку гражданское и хозяйственное процессуальное законодательство перестало регулировать исполнительное производство, возник вопрос: каким образом в современных условиях реализовать предписания ст. 33 Закона № 220-З? На первый взгляд может показаться, что большой проблемы здесь нет, ведь в ГПК остались указания о том, что прокуроры осуществляют в исполнительном производстве надзор (ч.1 ст. 23) и могут вступить в дело на любой стадии (ч.2 ст. 81), а сам ГПК обладает большей юридической силой по сравнению с Законом № 439-З

(ч. 6 ст. 10 Закона Республики Беларусь от 10 января 2000 г. № 361-З «О нормативных правовых актах Республики Беларусь»). По этому поводу нам бы хотелось заметить, что с помощью приведенных соображений можно в лучшем случае решить проблему прокурорского надзора за исполнением юрисдикционных актов лишь по гражданским делам, т.к. после вступления в силу Закона № 439-З в ХПК норма ст. 349 не сохранилась.

Кроме того, несмотря на наличие у ГПК большей юридической силы, его положения вряд ли можно напрямую применять к отношениям, регулируемым Законом № 439-З. Анализ Закона № 439-З показывает, что он имеет самостоятельный, отличный от ГПК, предмет регулирования, а значит, положения общей части ГПК очень сложно (если не сказать невозможно) согласовать (совместить) с правилами исполнительного производства, тем более что в Законе № 439-З имеется своя собственная общая часть (главы 1-5) [2, с. 33-34]. Присутствие сейчас в общей части ГПК норм, имеющих отношение к исполнительному производству (а это не только ч.1 ст. 23, но и ряд других норм – ч.1 ст. 5, ч.4 ст. 54, ст. 68, ч.2 ст. 79, ч.5 ст. 108, п.4 ст. 116, ст. 146-1, ст. 157), имеет случайный характер и объясняется банальной непоследовательностью в осуществлении законопроектных работ по согласованию между собой норм ГПК и Закона № 439-З, нежели является результатом некоей тщательно и глубоко продуманной правотворческой идеи [2, с. 33]. Просто при внесении в ГПК изменений был упущен из виду тот момент, что нормы, имеющие отношение к исполнительному производству, могут находиться также в других, помимо раздела IX, структурных частях Кодекса, и, как следствие, на эти нормы элементарно «забыли» обратить внимание.

Например, ст. 3 ГПК и после вступления в силу Закона № 439-З продолжала гласить, что гражданское процессуальное законодательство регулирует «порядок исполнительного производства». Данная неточность была устранена только Законом Республики Беларусь от 8 января 2018 г. № 94-З (слова «исполнительного производства» заменили на «производства, связанного с исполнением судебных постановлений, иных решений и актов»), хотя и здесь не обошлось без непоследовательности: все остальные нормы общей части ГПК, касающиеся исполнительного производства, законодатель почему-то оставил в неизменном виде [3, с. 12]. Подобного рода нестыковки присутствуют не только в общей части ГПК. Так, согласно ст. 8 приложения 4 к ГПК исполнительный лист, выданный на основании иностранного судебного решения, подлежит направлению «в суд по месту исполнения судебного решения», хотя в действительности его следует направлять в орган принудительного исполнения по месту совершения исполнительных действий (ст. 42, ч.1 ст. 56 Закона № 439-З).

Сказанное позволяет сделать вывод, что полномочия прокурора по осуществлению надзора в исполнительном производстве должны определяться в соответствии с Законом № 439-З. Но не будет ли тогда это противоречить положениям ст. 33 Закона № 220-З о том, что прокурор «имеет полномочия, предусмотренные процессуальным законодательством» и, соответственно, не потребуется ли в данную статью внести корректировки? По нашему мнению, на данный вопрос нужно ответить отрицательно. Несмотря на то, что сфера принудительного исполнения в 2014 г. отделилась от судов организационно, а в 2017 г. также и по источникам регулирования, исполнительное производство

по-прежнему целесообразно рассматривать как феномен процессуального (правда, несудебного) порядка, а регулирующие его нормативные правовые акты – как самостоятельное (т.е. стоящее особняком от гражданского процессуального и хозяйственного процессуального законодательства) процессуальное законодательство. Необходимо это для того, чтобы обеспечить в данной сфере юрисдикционной деятельности такой же высокий уровень правовых гарантий, как и в гражданском (хозяйственном) процессе. В научной доктрине уже неоднократно высказывалась подобная точка зрения [4, с. 27–32, 42, 59; 5, с. 90–171].

Думается, что аналогичную мысль в ряде своих решений хотел отразить и Конституционный Суд Республики Беларусь, отмечая, что право на судебную защиту включает в себя в том числе право на своевременное и полное исполнение судебных решений, а процесс исполнения решений является составной частью «суда» или «судебного разбирательства» (см. ч.4 п. 1, ч. 5, 6 п. 1.3, ч. 2 п. 5.5 решения от 20 июня 2014 г. № Р-930/2014 «О соответствии Конституции Республики Беларусь Закона Республики Беларусь «О внесении изменений и дополнений в некоторые законы Республики Беларусь по вопросам совершенствования гражданского судопроизводства»; ч.ч.1-3 п.5 решения от 20 июня 2014 г. № Р-931/2014 « О соответствии Конституции Республики Беларусь Закона Республики Беларусь «О внесении изменений и дополнений в некоторые законы Республики Беларусь по вопросам совершенствования судопроизводства в судах, рассматривающих экономические дела»; ч.ч. 2, 3 п. 2 решения от 13 октября 2016 г. № Р-1071/2016 «О соответствии Конституции Республики Беларусь Закона Республики Беларусь «Об исполнительном производстве»).

Однако обращение к Закону № 439-З показывает, что процессуальный статус прокурора урегулирован в нем очень противоречиво и фрагментарно. С одной стороны, Закон № 439-З предусматривает (глава 12) возможность опротестования в судебном и несудебном порядке постановлений, действий, бездействия должностных лиц органов принудительного исполнения (что косвенно подтверждает право прокуроров на осуществление надзора в исполнительном производстве). Однако, с другой стороны, Закон № 439-З не называет прокурора среди участников исполнительного производства. Более того, термины «прокурор», «прокуратура» в тексте Закона № 439-З раньше его главы 12 вообще не употребляются, за исключением ч.1 ст. 10 (постановления прокуроров о выселении в административном порядке являются исполнительными документами), ст. 21 (прокуроры не могут быть представителями сторон исполнительного производства) и ч. 5 ст. 95 (в торгах по реализации имущества должника не имеют права участвовать работники прокуратуры и члены их семей).

По сути это значит, что прокурор не имеет тех прав, которые Закон № 439-З предоставляет участникам исполнительного производства, и, соответственно, должностные лица органов принудительного исполнения не обязаны выполнять в отношении прокурора лежащие на них и корреспондирующие указанных правам обязанности. Возникает вопрос: каким образом в таких условиях прокурор сможет осуществлять надзор за соблюдением законодательства в исполнительном производстве, в том числе собирать необходимую фактологическую основу для принесения своих судебных и несудебных

протестов? Безусловно, ссылки на фактические обстоятельства могут делать (в том числе в письменном виде) обращающиеся к прокурору с просьбой о принесении протеста заинтересованные лица, но этого явно недостаточно, т.к. правдоподобность подобных ссылок прокурор обязан непременно выяснять путем проведения проверки.

Очевидно, что сложившееся положение вещей не способствует эффективности прокурорского надзора в исполнительном производстве, хотя потребность в таком надзоре велика и обусловлена следующими причинами:

коль скоро исполнительное производство является феноменом процессуального порядка, в нем должна существовать развернутая система правовых гарантий, роль одной из которых как раз и будет выполнять осуществляемый прокуратурой надзор;

отделение судебных исполнителей от судов и соответственно освобождение их от регулярного и ежечасного контроля со стороны судей создает предпосылки для снижения уровня законности в сфере исполнительного производства, опасность чего усугубляется еще тем, что действующее законодательство позволяет выполнять функции по исполнению работникам органов принудительного исполнения, не обладающим статусом судебных исполнителей (ч.4 ст. 6 Закона № 439-З, ч.2 ст. 1 Закона № 440-З, ч.4 п.2 Положения об органах принудительного исполнения судебных постановлений и иных исполнительных документов, утвержденного постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 31 декабря 2013 г. № 1190);

законодательство об исполнительном производстве содержит изрядное количество пробелов, неточностей и противоречий (недостаточно четко урегулирована компетенция органов принудительного исполнения, не определены сроки максимально возможной продолжительности исполнительного производства и др.), что уже само по себе создает негативный фон в деле обеспечения режима законности;

в исполнительном производстве происходит принудительная реализация материальных прав и законных интересов самого широкого спектра, в том числе и тех, которые требуют особого внимания и контроля со стороны государства (жилищных, семейных, трудовых, экологических и т.д.);

судебная защита прав и интересов, нарушенных работниками органов принудительного исполнения, для заинтересованных лиц (прежде всего граждан) в настоящее время весьма серьезно затруднена, т.к. подача судебной жалобы предполагает соблюдение обязательного досудебного порядка обжалования, а также уплату государственной пошлины; эти сложности могли бы быть во многом компенсированы за счет активности в исполнительном производстве прокуратуры.

С учетом сказанного полагаем, что ст. 5 Закона № 439-З целесообразно дополнить принципом прокурорского надзора в исполнительном производстве, а также упомянуть прокуроров (и других необходимых должностных лиц органов прокуратуры) в ст. 16 Закона № 439-З как самостоятельных участников исполнительного производства. Помимо этого, в главу 2 Закона № 439-З нужно включить отдельную статью, посвященную вопросам участия в исполнительном производстве прокуроров и иных должностных лиц органов прокуратуры (примерно под следующим наименованием – «Участие в исполнительном производстве прокурора»). В данной статье целесообразно закрепить, что

должностные лица органов прокуратуры осуществляют в исполнительном производстве надзор за соответствием законодательству постановлений, действий (бездействия) должностных лиц органов принудительного исполнения и в связи с этим имеют, в частности, право: участвовать в совершении исполнительных действий (что потребует установления обязанности должностных лиц органов принудительного исполнения извещать прокуроров по их требованию о совершении тех или иных исполнительных действий); знакомиться с любыми материалами исполнительного производства, в том числе и теми, которые содержат информацию, распространение и (или) предоставление которой ограничено (вследствие чего прокуроров, очевидно, стоит включить в число названных в ч.3 ст. 9 Закона № 439-З субъектов, обладающих полномочиями по истребованию у судебного исполнителя материалов исполнительного производства); опротестовывать любые постановления, действия (бездействие) должностных лиц органов принудительного исполнения.

Органы прокуратуры, как и органы принудительного исполнения, имеют трехуровневую структуру – районный, областной и республиканский уровни, что порождает вопрос: органы прокуратуры какого уровня вправе осуществлять надзор в исполнительном производстве на каждом из уровней деятельности органов принудительного исполнения? Думается, что здесь должно иметь место соответствие между уровнем органа прокуратуры и уровнем органа принудительного исполнения, т.е. за районными (городскими) отделами принудительного исполнения надзор должны осуществлять районные (городские) прокуратуры и т.д. Правда, из данного правила можно допустить одно изъятие: разрешить районным (городским) прокуратурам осуществление надзора за управлениями принудительного исполнения (т.е. органами областного уровня), поскольку последние по сложившейся практике занимаются точно такой же деятельностью, что и районные (городские) отделы принудительного исполнения, но только в отношении исполнительных документов определенного рода – по экономическим делам. Кроме того, полагаем, что должны соблюдаться территориальные пределы компетенции – органу прокуратуры следует надзирать только за тем органом принудительного исполнения, который находится на поднадзорной ему территории, за исключением случаев, когда на этой территории в силу ч. 2, 3 ст. 56 Закона № 439-З исполнительные действия совершаются должностными лицами «чужого» органа принудительного исполнения. Точно так и протесты могут приноситься прокуратурой в интересах лишь тех граждан и организаций, что проживают (имеют место нахождения) на подведомственной ей территории (данный момент в отношении любых судебных протестов прокуроров был подробно обоснован нами ранее [6, с. 273-274]). Сделанные нами выводы относительно предметных и территориальных пределов ведения органов прокуратуры было бы целесообразно закрепить в специальном приказе Генерального прокурора Республики Беларусь, посвященном надзору в исполнительном производстве.

В ч .2 ст. 124 Закона № 439-З сказано, что прокурор имеет право приносить в суд протесты на постановления, действия, бездействие должностных лиц органов принудительного исполнения без соблюдения досудебного порядка опротестования (т.е. без предварительного принесения протеста руководителю органа принудительного исполнения). Подобное регулирование полностью соответствует норме (уже утратившей силу) ч. 4 п. 14 Указа Президента

Республики Беларусь от 29 ноября 2013 г. № 530 «О некоторых вопросах совершенствования организации исполнения судебных постановлений и иных исполнительных документов», которой впервые был введен обязательный досудебный порядок обжалования (не опротестования) постановлений, действий, бездействия судебных исполнителей. Однако новые нормы ГПК (ч. 2 ст. 360-3) и ХПК (ч. 2 ст. 266-3), как и предшественники данных норм (ч.1 ст. 479 ГПК, ч. 1 ст. 353 ХПК), требование о соблюдении досудебного порядка на прокуроров распространяют, причем курьезность ситуации придает тот факт, что эти новые нормы были введены в ГПК и ХПК именно Законом № 439-З. Помимо этого с опротестованием постановлений, действий (бездействия) должностных лиц органов принудительного исполнения связан и ряд других сложностей, на которые мы уже обращали внимание и которые требуют устранения: неточности (пробелы) в регулировании предмета опротестования, подсудности протестов, сроков на их принесение и пр. [7].

Наконец, в заключение обратим внимание на еще одну проблему, имеющую отношение к деятельности прокурора в исполнительном производстве. Ранее норма п. 1 ч. 1 ст. 484 ГПК предоставляла прокурору право инициировать возбуждение исполнительного производства с соблюдением условий ст. 81 ГПК (в ХПК подобной нормы не было). В настоящее время Закон № 439-З не называет прокурора среди потенциальных инициаторов исполнительного производства, что вряд ли оправдано, причем в отношении юрисдикционных актов не только по гражданским, но и по экономическим делам. Ведь и в гражданском, и в хозяйственном процессе прокурор может предъявлять требования в государственных, общественных интересах (когда сложно определить конкретного выгодоприобретателя и обеспечить его участие в деле в качестве истца), а также в интересах лиц, которые по тем или иным причинам не в состоянии самостоятельно отстаивать свои права (ввиду состояния здоровья, антикорпоративной позиции руководителя юридического лица и т.п.). Если в таких случаях (когда суд удовлетворил требования прокурора) отрицать за прокурором право на инициирование исполнительного производства, то соответствующие интересы могут так и остаться невосстановленными. Кроме того, инициирование прокурором исполнительного производства есть закономерное продолжение (но только уже на этапе принудительного исполнения) осуществления им того надзора, в целях реализации которого прокурор изначально предъявил свои требования в суд. Поэтому считаем, что прокурора следует наделить правом инициировать возбуждение исполнительного производства и внести на этот счет необходимые дополнения в Закон № 439-З.

Заключение

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы.

1. В Законе № 220-З необходимо уточнить наименование надзора, осуществляемого прокуратурой в исполнительном производстве (предлагается несколько альтернативных вариантов).

2. В настоящее время потребность прокурорского надзора в исполнительном производстве очень велика, однако надзорные полномочия прокуроров в Законе № 439-З урегулированы противоречиво и фрагментарно. В связи с этим в Законе № 439-З нужно: состав принципов исполнительного производства дополнить принципом прокурорского надзора; включить прокуроров в число участников

исполнительного производства; предусмотреть специальную статью, посвященную вопросам участия прокурора в исполнительном производстве.

3. Надзор за законностью в исполнительном производстве органы прокуратуры должны осуществлять с учетом предметных и территориальных критериев, применение которых стоило бы разъяснить в специально принятом приказе Генерального прокурора Республики Беларусь, посвященном этому виду надзора.

4. Из ч. 2 ст. 360-3 ГПК, ч.2 ст. 266-3 ХПК следует исключить указание о необходимости соблюдения прокурором досудебного порядка опротестования постановлений, действий (бездействия) должностных лиц органов принудительного исполнения, равно как решить в ГПК, ХПК, Законе № 439-З и ряд других проблем, связанных с таким опротестованием.

5. Прокурора целесообразно включить в число лиц, имеющих право инициировать исполнительное производство.

Список цитированных источников

1. Скобелев, В. П. Исполнительное производство по-новому: проблемы и перспективы развития / В. П. Скобелев // Право.by. – 2015. – №2. – С. 76-82.

2. Скобелев, В. П. Концептуальные вопросы исполнительного производства в контексте нового правового регулирования / В. П. Скобелев // Право.by. – 2017. – № 2. – С. 32-39.

3. Скобелев, В. Новеллы гражданского судопроизводства и вопросы эффективности нормотворчества / В. Скобелев // Юридический мир. – 2018. – №4. – С. 11-21.

4. Валеев, Д. Х. Система процессуальных гарантий прав граждан и организаций в исполнительном производстве / Д. Х. Валеев. – М. : Статут, 2009. – 351 с.

5. Исаенкова, О. В. Исполнительное право в Российской Федерации: особенности становления и перспективы развития / О. В. Исаенкова; под ред. А. А. Демичева. – М. : Юрлитинформ, 2007. – 296 с.

6. Скобелев, В. П. О некоторых вопросах обращения прокурора в суд в порядке гражданского судопроизводства / В. П. Скобелев // Проблемы укрепления законности и правопорядка: наука, практика, тенденции : сб. науч. тр. / Науч.-практ. центр проблем укрепления законности и правопорядка Генераль. прокуратуры Респ. Беларусь; редкол. : В.М. Хомич [и др.]. – Минск : Изд. центр БГУ, 2016. – Вып. 9, т. 2: спец. юбилейн. изд. – С. 269-275.

7. Скобелев, В. Контроль судов за органами принудительного исполнения по-новому: есть проблемы / В. Скобелев // Юридический мир. – 2017. – №7. – С. 55-64.

Аннотация. Статья посвящена надзору прокуратуры за соблюдением законодательства в исполнительном производстве. Автор обосновывает важность, актуальность такого надзора, а также обращает внимание на неточности (пробелы) в его регулировании. В статье сделан ряд предложений по совершенствованию действующего законодательства и практики его применения, в частности, об уточнении наименования указанной отрасли прокурорского надзора, о необходимости включения прокурора в состав участников исполнительного производства, о соблюдении предметных и территориальных критериев при осуществлении надзора и др.

ON IMPROVING THE EFFICIENCY OF PROSECUTIONARY SURVEILLANCE FOR COMPLIANCE WITH LEGISLATION IN EXECUTIVE PRODUCTION

Skobelev V.P.

Key words: prosecutors' offices, prosecutor's supervision, compulsory enforcement bodies, officials of enforcement agencies, enforcement proceedings.

Annotation. The article is devoted to the supervision of the prosecutor's office for observing the legislation in the executive production. The author justifies the importance, relevance of such supervision, and draws attention to inaccuracies (gaps) in its regulation. The article made a number of proposals on improving the current legislation and practice of its application, in particular, on clarifying the name of this prosecutor's supervision branch, on the need to include the prosecutor in the composition of participants in the enforcement proceedings, on observing the subject and territorial criteria in the implementation of supervision, etc.

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ БОРЬБЫ С ПРАВОНАРУШЕНИЯМИ

УДК 343.1

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ВЫДАЧИ ЛИЦА ДЛЯ УГОЛОВНОГО ПРЕСЛЕДОВАНИЯ ИЛИ ИСПОЛНЕНИЯ ПРИГОВОРА

Баркалова Е.В.

Ключевые слова: уголовный процесс, международное сотрудничество, выдача лица для уголовного преследования или исполнения приговора, заключение под стражу, правовой статус лица, подлежащего выдаче.

Введение

Одним из актуальных направлений международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства является выдача лица для уголовного преследования или исполнения приговора. Особую роль в осуществлении взаимодействия между правоохранительными органами Российской Федерации и иностранного государства играет прокуратура Российской Федерации, поскольку в проведении экстрадиционной проверки задействованы органы прокуратуры всех уровней и различные структурные подразделения. Однако, на практике при исполнении запроса о выдаче лица прокуроры районов (городов) сталкиваются с различными трудностями как организационного, так и правового характера, в связи с чем затягиваются сроки исполнения запросов о выдаче, проведения экстрадиционных проверок, имеет место несвоевременное представление информации и документов в вышестоящие органы прокуратуры Российской Федерации, нарушения уголовно-процессуального права.

Основная часть

Во избежание вышеуказанных нарушений прокурору при рассмотрении запроса о выдаче необходимо проводить проверку в строгом соответствии с законодательством и обращать внимание на ряд проблемных моментов.

Нормативная правовая база, регламентирующая вопросы выдачи для обоих государств (инициатора и исполнителя запроса).

Российская Федерация является участником ряда многосторонних и двусторонних международных договоров по вопросам выдачи, включая Минскую конвенцию о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам от 22.01.1993 г., Европейскую конвенцию о выдаче от 13.12.1957 г. Составной частью законодательства Российской Федерации являются и другие нормативные правовые акты, ратифицированные в установленном законом порядке, по борьбе с отдельными видами преступлений, например, Конвенция Организации Объединенных Наций о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ от 20 декабря 1988 г., либо регламентирующие иные аспекты и затрагивающие вопросы выдачи, например, Конвенция Организации Объединенных Наций о статусе беженцев от 28.07.1951 г.

Если международный договор Российской Федерации, заключенный с государством-участником Европейской конвенции о выдаче от 13.12.1957 г.

содержит иные правила, чем данная Конвенция, то преимущественной силой обладают ее положения при условии, что такие иные правила не связаны с дополнением ее положений или облегчением применения содержащихся в ней принципов [1, абз. 3 п. 2]). Вместе с тем, при анализе правовой базы необходимо учитывать, что некоторые государства подписали многосторонние соглашения, однако не ратифицировали их, либо ратифицировали с оговорками, в связи с чем необходимо анализировать текст закона о ратификации. Также некоторые государства-участники многостороннего договора ратифицировали его, но не дополнительный протокол к нему, например от 28.03.1997 г. к Минской конвенции о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам от 22.01.1993 г., устанавливающий иные сроки содержания под стражей лица при исполнения запроса о его выдаче.

Уголовно-процессуальный кодекс РФ регламентирует общие вопросы направления и исполнения запросов о выдаче лица (ст.ст. 460 – 468 УПК РФ). Более детально процедура выдачи регламентируется в ведомственных нормативных правовых актах, в частности, в указаниях и информационных письмах Генеральной прокуратуры Российской Федерации [2].

Условия выдачи лица должны соответствовать установленным ограничениям в законодательстве государств, например, обвинение в совершении преступления, а не административно-наказуемого деяния, категория преступления и предполагаемое наказание – в виде определенного срока лишения свободы.

У правоохранительных органов на практике возникает ряд проблемных вопросов по поводу определения наличия таких условий. В частности, при сравнении уголовно-правовой нормы, устанавливающей ответственность за деяние, в совершении которого обвиняется лицо, подлежащее выдаче, необходимо проанализировать не только схожесть наименования деяния (например, убийство по неосторожности и непредумышленное убийство), но и дать оценку сущности рассматриваемого деяния. Например, п. 4 ч. 2 ст. 188 Уголовного кодекса Республики Казахстан установлена уголовная ответственность за кражу, совершенную путем незаконного доступа в информационную систему либо изменения информации, передаваемой по сетям телекоммуникаций, в то время как в Российской Федерации п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ введена норма, устанавливающая уголовную ответственность за кражу с банковского счета, а равно в отношении электронных денежных средств (при отсутствии признаков преступления, предусмотренного ст. 159.3 УК РФ – Мошенничество с использованием электронных средств платежа), и является действующей ст. 272 (Неправомерный доступ к компьютерной информации). На практике возможность квалификации хищения денежных средств с банковской счета лица по ст. 188 Уголовного кодекса Республики Казахстан носит дискуссионный характер и может рассматриваться как отсутствие условий для выдачи лица в связи с несовпадением уголовно-правовых норм. При анализе уголовно-правовых норм, устанавливающих ответственность за незаконный оборот наркотических средств и психотропных веществ, подлежат сравнению вид и объем подобного средства (вещества), запрещенного в обороте обоих государств.

В случае криминализации деяния, являющегося преступлением по законодательству зарубежных государств, после его совершения лицом,

в отношении которого поступил запрос о выдаче из иностранного государства, такой запрос не подлежит удовлетворению, поскольку уголовный закон не имеет обратной силы. Несовпадение в описании отдельных признаков состава преступления, в совершении которого обвиняется лицо, либо в юридической квалификации деяния не является основанием для отказа в выдаче, поскольку оцениваться должны фактические обстоятельства имевшего место деяния и его наказуемость по законам обоих государств [1, п. 5]. Вместе с тем, вопрос о квалификации преступления по тому или иному пункту, предусматривающему квалифицирующий признак этого преступления, находится в исключительной компетенции запрашивающей стороны [3].

Для удовлетворения запроса о выдаче лица должны отсутствовать основания для отказа в выдаче по законодательству обоих государств.

УПК РФ устанавливает безусловные основания для отказа в выдаче лица, предусмотренные ч. 1 ст. 464 УПК РФ и основания, которые могут быть применены государством в отдельных случаях, указанные в ч. 2 ст. 464 УПК РФ. Вместе с тем, УПК РФ содержит не полный перечень оснований для отказа в выдаче лица, поскольку они указаны в ряде международных многосторонних договоров, ратифицированных Российской Федерацией, федеральных законах и обобщены в материалах судебной практики [1, пп. 7 – 15]. К ним относятся: наличие исключительных обстоятельств, свидетельствующих о том, что выдача повлечет опасность для его жизни и здоровья, в том числе с учетом его возраста и физического состояния (ст. 3 Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 03.09.1953 г.); наличие оснований полагать, что в запрашивающем государстве оно может быть подвергнуто не только пыткам, но и бесчеловечному либо унижающему человеческое достоинство обращению или наказанию (ст. 3 Конвенции Организации Объединенных Наций против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения от 10.12.1984 г.) и другие. Вместе с тем, в ст. 484 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь (далее – УПК Беларуси) содержится более объемный перечень оснований для отказа в выдаче лица.

Необходимо обратить внимание на то, какой именно документ поступил из иностранного государства, для решения вопроса об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу с целью обеспечения дальнейшей выдачи лица – просьба о временном задержании (ст. 16 Европейской Конвенции о выдаче), ходатайство о взятии под стражу (ст. 61 Конвенции о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам от 22 января 1993 г.), поручение об осуществлении розыска (ст.61.1 данной Конвенции, если запрашивающее государство является участником дополнительного Протокола к ней от 28.03.1997 г.), другие документы, необходимые для заключения лица под стражу либо применения к нему иных мер пресечения до получения запроса о выдаче (например, постановление суда об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу, а также – запрос о выдаче, требование о выдаче или просьба о выдаче) [4, с. 18]. В зависимости от этого различен объем действий, предпринимаемых при проведении экстрадиционной проверки и процессуальные сроки. В частности, согласно Европейской конвенции о выдаче лицо может быть задержано при поступлении намерения запрашивать выдачу на срок 48 часов, но при отсутствии полного пакета документов по экстрадиции лицо может содержаться под стражей не

более 18 суток, при наличии необходимых документов – до 40 суток (ч. 4 ст. 16). Согласно ст. 62 Минской Конвенции о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам срок заключения под стражу составляет один месяц, для государств, ратифицировавших дополнительный протокол от 28.03.1997 г. – 40 дней (ст. 62).

В отношении лиц, заключенных под стражу в целях выдачи в иностранные государства для уголовного преследования, должны неукоснительно соблюдаться установленные ст. 109 УПК РФ в зависимости от категории преступлений требования о предельных сроках содержания под стражей, исчисление которых должно производиться со дня фактической передачи лица запрашивающей стороне [5]. Нарушение сроков содержания под стражей лиц, подлежащих выдаче, является основанием для дальнейшего обращения граждан в Европейский суд по правам человека и влечет за собой взыскание причиненного ущерба незаконным содержанием под стражей с соответствующего государства [6, 7].

При наличии решения суда иностранного государства о применении меры пресечения в виде заключения под стражу прокурор принимает решение об избрании данной меры пресечения в отношении лица, подлежащего выдаче. Полномочия прокурора, предусмотренные ст. 466 УПК РФ, не распространяются на заместителей и помощников прокуроров городов, районов и других приравненных к ним прокуроров, неправомочных выносить постановления об избрании меры пресечения для обеспечения возможной выдачи лица в порядке указанной статьи [8]. Вместе с тем, продление сроков содержания под стражей лица, подлежащего выдаче, допускается только по судебному постановлению, принятому на основании ходатайства прокурора в порядке, предусмотренном ст. 108 УПК РФ [9].

Однако в некоторых государствах-инициаторах розыска мера пресечения в виде заключения под стражу избирается несудебным органом, в связи с чем в целях соблюдения прав лиц, задержанных для обеспечения возможной выдачи, надлежит принимать необходимые меры для заключения их под стражу до поступления запросов о выдаче на основании судебных постановлений [10]. На Украине имеют место случаи, когда заключение под стражу лиц, подлежащих выдаче, осуществляется прокурорами на основании решений судов Украины о даче разрешения на задержание и доставление этих лиц в суд под стражей для рассмотрения вопроса об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу. В таких случаях к лицам, в отношении которых поступил запрос о выдаче из Украины, может быть применена мера пресечения в виде заключения под стражу только на основании решения суда Российской Федерации [11].

Необходимо соблюдать алгоритм экстрадиционной проверки при поступлении в Генеральную прокуратуру Российской Федерации запроса о выдаче иностранного гражданина, при этом следует контролировать сроки выполнения проверочных действий и предоставления необходимой информации и пакета документов в вышестоящую прокуратуру и Генеральную прокуратуру Российской Федерации [2, пп. 1.2.1 – 1.2.9, 1.4.1 – 1.4.8, 1.5.1 – 1.7.11].

Актуальным является вопрос о правовом статусе и объеме прав лиц, подлежащих выдаче, поскольку в УПК РФ применяются общие положения о задержании, избрании меры пресечения в виде заключения под стражу.

В научной среде предлагались различные варианты решения данного вопроса [12, с. 188–192; 13, с. 243-248; 14, с. 13-16.]. В информационном письме Генеральной прокуратуры Российской Федерации «О порядке документального оформления задержания лиц в целях обеспечения возможности их выдачи в другие государства» от 20.04.2009 г. № 81/4-27606-09, а также в абз. 2,3 п. 1.2.2, абз.2 п. 1.2.3 Указания Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 05.03.2018 г. № 116/35 перечислены основные права задержанных или лиц, в отношении которых избрана мера пресечения в виде заключения под стражу, подлежащих выдаче. В этом плане следует отметить положительный опыт правовой регламентации избрания меры пресечения в виде заключения под стражу в отношении лиц, подлежащих выдаче, в УПК Беларуси (ст.ст. 507 – 508).

До недавнего времени пробелом в законодательстве Российской Федерации было продление сроков содержания лица под стражей при поступлении прокурору материалов уголовного дела для утверждения обвинительного заключения (акта, постановления) в порядке ст.ст. ч. 1 ст. 221, ч. 1 ст. 226, ч. 1 ст. 226.8 УПК РФ в случае принятия прокурором решения о возвращении материалов уголовного дела для производства дополнительного расследования или дознания и обжаловании следователем (дознавателем) данного решения. Однако изменения, внесенные в ст. 221 УПК РФ Федеральным законом от 18.04.2018 г. № 72-ФЗ, решили данный проблемный вопрос. Установив, что срок содержания под стражей оказывается недостаточным для принятия решения в порядке, установленном ст. 221 УПК РФ, либо для выполнения судом требований, предусмотренных частью третьей статьи 227 УПК РФ, прокурор при наличии оснований возбуждает перед судом ходатайство о продлении срока указанных мер пресечения (ч. 2.1. ст. 221 УПК РФ).

Вопрос с процессуальными издержками по переводу документов и оплате услуг переводчика при экстрадиции был решен в указании Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 05.03.2018 г. № 116/35, в п. 1.4.11 которого указано, что перевод документов организуется органом, в производстве которого находится уголовное дело, или прокуратурой субъекта Российской Федерации, приравненной к ней военной и иной специализированной прокуратурой.

Заключение

В заключение следует отметить, что разрешение запроса об экстрадиции лица во многом носит политический характер и свидетельствует о налаженности международных отношений между государствами. Тем не менее, заключение международных договоров как двустороннего, так и многостороннего характера и их последующая ратификация влечет за собой необходимость имплементации в национальное законодательство международного акта или разработку своих правовых норм и их включение как в кодифицированные, так и отдельные законы, принятие ряда подзаконных нормативных правовых актов. Выдача лица, связанная с ней экстрадиционная проверка, необходимость избрания меры пресечения в виде заключения под стражу ограничивают ряд основных прав и свобод человека и гражданина, в связи с чем необходимо детально соблюдать как процедуру экстрадиции в соответствии с международными актами и национальным законодательством, так и сроки выполнения отдельных

проверочных действий, применения меры пресечения, ответа на запрос иностранного государства.

Список цитированных источников

1. Постановление Пленума Верховного суда Российской Федерации «О практике рассмотрения судами вопросов, связанных с выдачей лиц для уголовного преследования или исполнения приговора, а также передачей лиц для отбывания наказания» от 14.06.2012 № 11.

2. Указание Генеральной прокуратуры Российской Федерации «О порядке работы органов прокуратуры Российской Федерации по вопросам выдачи лиц для уголовного преследования или исполнения приговора» от 05.03.2018 № 116/35.

3. Информационное письмо Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 09.06.2007 г. № 35/1-2156-00.

4. Международная правовая помощь по уголовным делам [Электронный ресурс] : монография / Ю. А. Матвейчев, Ю. П. Шкаплеров ; Министерство внутренних дел Республики Беларусь, учреждение образования «Могилевский институт Министерства внутренних дел Республики Беларусь». – Могилев : Могилев. институт МВД, 2017. – Режим доступа: http://www.institutemvd.by/images/NIO/Mezhdunarodnaya_pravovaya _pomosch_ po_ugolovnim_delam.pdf.

5. Информационное письмо Генеральной прокуратуры Российской Федерации «Об исчислении и продлении сроков содержания под стражей лиц, подлежащих выдаче в иностранные государства для уголовного преследования» от 20.10.2010 г. № Исуб-81/1-101130-10.

6. Постановление Европейского суда по правам человека по жалобам № 2199/05 и 7 других «Чернов и другие против России» от 16.02.2017 г. – Режим доступа: http://www.ohchr.org/EN/HRBodies/Pages/TreatyBodies.aspx.

7. Постановление Европейского суда по правам человека по жалобам № 77153/13 и 4 других «Хасанов и другие против России от 16.02.2017 г. – Режим доступа: http://www.ohchr.org/EN/HRBodies/Pages/TreatyBodies.aspx.

8. Информационное письмо Генеральной прокуратуры Российской Федерации «О соблюдении требований статьи 466 УПК РФ при избрании или применении избранной меры пресечения для обеспечения возможной выдачи лица» от 17.04.2009 г. № 81/4-27602-09.

9. Информационное письмо Генеральной прокуратуры Российской Федерации «О порядке продления сроков содержания под стражей лиц, в отношении которых решается вопрос о выдаче по запросу иностранного государства для уголовного преследования» от 26.11.2009 г. № Исуб-81/4-90638-09.

10. Информационное письмо Генеральной прокуратуры Российской Федерации «О порядке заключения под стражу лиц, разыскиваемых правоохранительными органами иностранных государств для уголовного преследования, до поступления запросов о выдаче» от 05.07.2007 г. № инф-81/1-4913-07.

11. Информационное письмо Генеральной прокуратуры Российской Федерации «О порядке заключения под стражу лиц, разыскиваемых правоохранительными органами Украины для уголовного преследования» от 09.02.2009 г. № 81-6-2009.

12. Бирюков, П. Н. Российское законодательство о выдаче преступников: проблемы и перспективы / П. Н. Бирюков // Московский журнал международного права. – 2000. № 4. – С. 186–193.

13. Насонов, А. А. Основания появления в Российском уголовном процессе лица, выдача которого запрашивается для уголовного преследования / А. А. Насонов // Вестник ВГУ. Серия: Право. – 2016. №1. – С.241–250.

14. Смирнов, М. И. Понятие и правовая природа выдачи (экстрадиции) / М. И. Смирнов // Современное право. – 2007. № 3. – С. 12–17.

Аннотация. В настоящей статье проанализированы отдельные аспекты выдачи лица для уголовного преследования, затронуты проблемные вопросы, касающиеся исполнения запросов о выдаче лица, его процессуальном статусе, обеспечении его прав, решении вопроса об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу.

ACTUAL ISSUES OF EXTRADITING A PERSON FOR CRIMINAL PROSECUTION OR ENFORCEMENT OF A SENTENCE

Barkalova E.V.

Keywords: criminal procedure, international cooperation, extradition of a person for criminal prosecution or enforcement of a sentence, detention, legal status of the person to be extradited.

Abstract. This article analyzes some aspects of the extradition of a person for criminal prosecution, touches on problematic issues related to the execution of requests for the extradition of a person, his procedural status, ensuring his rights, deciding on the issue of choosing preventive measures in the form of detention.

УДК 343

ПРОКУРОР НА ЗАЩИТЕ ИНТЕРЕСОВ ГОСУДАРСТВА ПО ОБЕСПЕЧЕНИЮ БЕЗОПАСНОСТИ ОТ ДЕСТРУКТИВНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ИНОСТРАННЫХ И МЕЖДУНАРОДНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ

Борисов С.В., Меркурьев В.В.

Ключевые слова: деструктивная деятельность, национальная безопасность, прокурорская деятельность, преступления против основ конституционного строя и безопасности государства, экстремизм.

Введение

Анализ статистических данных показывает, что в России сохраняется тенденция роста числа зарегистрированных преступлений против основ конституционного строя и безопасности государства (глава 29 УК РФ). В период 2006–2017 гг. их количество увеличилось более чем в 4 раза. Так, если в 2006 г. было зарегистрировано 314 преступлений, то в 2016 г. их количество составило 1421, а в 2017 г. – 1494. При этом основной их сегмент составляют преступления экстремистской направленности, что обусловливает необходимость выявления причин их совершения в целях оказания предупредительного воздействия.

На рост негативных настроений в обществе существенное влияние оказывают различные радикальные движения, религиозные и общественные объединения, иностранные неправительственные организации и фонды. Активно используются политические, экономические, информационные и другие меры в качестве новых инструментов вмешательства во внутренние дела государств. Под предлогом защиты от российского влияния разрабатываются механизмы информационно-пропагандистской агрессии против России, что является непосредственной и очевидной угрозой национальной безопасности.

По мнению экспертов, в современной России сложились условия для инспирирования «цветных революций» [1, с.1; 2, с.55; 3, с.250; 4, с.3], а именно: попытки внешних сил инициировать сценарий, подобный украинскому. В связи с этим представляется актуальным вопрос разработки мер по предупреждению на ранних стадиях преступлений, посягающих на легитимность государственной власти. Иными словами, речь идет о предупреждении преступлений, направленных на насильственный захват или насильственное удержание власти в нарушение Конституции Российской Федерации, а равно на насильственное изменение конституционного строя: насильственный захват власти или насильственное удержание власти (ст. 278 УК РФ); вооруженный мятеж (ст. 279 УК РФ); публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности (ст. 280 УК РФ); публичные призывы к осуществлению действий, направленных на нарушение территориальной целостности России (ст. 280^1 УК РФ) [5, с. 4].

Поступающая из регионов информация свидетельствует, что правоохранительными органами, в том числе прокурорами, на постоянной основе осуществляется мониторинг протестной активности населения, деятельности религиозных и общественных объединений, иностранных некоммерческих организаций, а также сети «Интернет» на предмет распространения информации экстремистской направленности. В частности, такой мониторинг проводится путем получения оперативной информации, анализа поступающих обращений, проведения заседаний «круглых столов» с участием представителей общественности, религиозных организаций.

Учитывая потребность поиска путей оптимизации деятельности органов прокуратуры по предупреждению преступлений против основ конституционного строя и безопасности государства, авторы преследовали цель исследовать состояние и развития угроз роста протестной активности населения и возникновения конфликтных ситуаций, деятельности деструктивных религиозных и общественных объединений, иностранных неправительственных организаций в современных политических и социально-экономических условиях и их учет для разработки эффективных мер по предупреждению преступлений против основ конституционного строя и безопасности государства.

Основная часть

Деятельность прокуратуры, в том числе по осуществлению надзора за соблюдением Конституции РФ и исполнением законов, является одной из гарантий защиты прав и законных интересов граждан, обеспечения безопасности населения, укрепления конституционных основ, федерализма и тем самым оказывает максимальное содействие в реализации мероприятий по решению государственных задач в сфере национальной безопасности [6, с. 428–431].

В связи с этим задачи органов прокуратуры по обеспечению национальной безопасности формулируются и актуализируются в зависимости от внешних и внутренних угроз национальным интересам России [7, с. 37].

В ходе надзорной деятельности прокурорам надлежит уделять внимание исполнению законов в сфере противодействия распространению идеологии экстремизма. При выявлении информации, содержащей призывы к осуществлению экстремистской деятельности, прокурорами готовятся заключения и принимаются меры к ограничению доступа к информационным ресурсам в порядке, установленном Генеральным прокурором РФ.

Для пресечения и предупреждения правонарушений экстремистской направленности прокуроры в полной мере используют имеющиеся полномочия, а также предоставленное законом право на обращение в суды с заявлениями о признании организации экстремистской и ее ликвидации (запрете деятельности).

О своевременности постановки перед прокуратурой указанных задач, решение которых достигается посредством осуществления надзора, иных возложенных на прокуратуру функций и направлений деятельности, говорит тот факт, что в последнее десятилетие накал борьбы с экстремизмом и наиболее опасной его разновидностью – терроризмом не только не снизился, но даже многократно возрос в связи с активизацией деятельности националистических, религиозных, этнических и иных организаций, направленной на нарушение единства и территориальной целостности России, дестабилизацию внутриполитической и социальной ситуации в стране [8, с. 7].

События последних лет, как в России, так и в других странах наглядно показывают, как радикалы аккумулируют сотни людей для организации массовых беспорядков. С помощью таких Интернет-сервисов как «Твиттер», социальной сети «Фейсбук», а также интернет-мессенджеров они координируют свои действия, сообщают друг другу о месте нахождения и дальнейших планах атак. В сообщениях, которые вандалы отправляют друг другу во время погромов, содержатся призывы к нападениям, разрушениям и насилию над полицейскими.

В связи с этим усилия прокуроров также сосредоточены на вопросах недопущения проведения несогласованных массовых (публичных) мероприятий, а также использования деструктивными силами протестной активности населения для достижения своих политических целей.

Основными проводниками по смене «неугодных режимов» являются различные некоммерческие организации (далее – НКО), иностранные или международные неправительственные организации, а также ангажированные СМИ, которые путем раздувания социальных и экономических проблем, подтасовки фактов обвинений в коррупции, неэффективности экономических реформ и внешней политики, ставят под сомнение легитимность действующей власти, стимулируя в обществе протестные настроения.

Законодательством предусмотрены основания и порядок признания нежелательной деятельности иностранной или международной неправительственной организации на территории страны на основании решения Генерального прокурора РФ или его заместителей по согласованию с МИДом России. В рамках реализации полномочий, предусмотренных ч. 1 ст. 3.1 Федерального закона от 28.12.2012 № 272-ФЗ «О мерах воздействия на лиц, причастных к нарушениям основополагающих прав и свобод человека, прав

и свобод граждан Российской Федерации» приняты решения о признании нежелательной на территории страны деятельности в отношении 14 иностранных организаций. В 2012 г. вступили в силу изменения в федеральное законодательство в части регулирования деятельности НКО, финансируемых из-за рубежа и стремящихся активно влиять на общественно-политические процессы в стране. В результате предпринятых прокурорами мер в ходе осуществления надзора за исполнением законов о НКО по состоянию на 01.06.2018, в реестр некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента, включены 76 организаций (на 30.03.2016 – 124).

В своей деятельности они преследовали общую цель: *воздействие* на принятие государственными органами решений, направленных на изменение проводимой ими государственной политики. Зачастую, неадекватная реакция *иностранных агентов* на любые предъявляемые к ним правовые предписания и попытки выдать последние в массмедиа за сугубо политические притязания потребовали от прокуроров совершения активных и исключительно профессиональных действий при осуществлении надзора, высокого уровня организации надзорных мероприятий, а также предельной сосредоточенности и дисциплины, поскольку на практике «*проверки* деятельности некоммерческих организаций почти всегда сопровождаются постоянным общественным давлением, инициированным представителями проверяемого объекта» [9, с. 127].

По инициативе прокуроров судами приняты вступившие в законную силу решения о признании 63 организаций экстремистскими, 27 – террористическими, и запрете их деятельности на территории России. Например, совместно с правоохранительными органами проведена работа по пресечению деструктивной деятельности незарегистрированного общественного объединения «ТОЙС» – объединения футбольных болельщиков ФК «Крылья Советов» г. Самары. Участники объединения придерживались праворадикальных националистических взглядов, пропагандировали идеологию фашизма, неоднократно привлекались к административной ответственности по ст. 20.3 КоАП РФ за пропаганду и публичную демонстрацию нацистской символики. Решением суда организация признана экстремистской и запрещена.

В 2017 г. по постановлениям прокуроров привлечено к административной ответственности за пропаганду и публичное демонстрирование нацистской атрибутики и символики по ст. 20.3 КоАП РФ более 500 лиц.

Еще одним угрозообразующим фактором является деятельность различных псевдорелигиозных организаций деструктивного толка. Так, было вынесено предупреждение о недопустимости экстремистской деятельности в адрес руководителя централизованной религиозной организации «Управленческий центр Свидетелей Иеговы в России». По итогам повторной проверки Минюстом России было направлено заявление в суд о ликвидации Управленческого центра. Решением суда деятельность организации признана экстремистской и запрещена. Ликвидированы также все местные религиозные организации, входящие в структуру Управленческого центра.

Предупреждение экстремистских проявлений предполагает комплексную систему действий со стороны государства, обеспечивающую согласованность деятельности, объединение усилий всех органов и организаций, в первую очередь путем эффективного взаимодействия субъектов противодействия и профилактики. В работе по пресечению распространения экстремистских идей

задействованы практически все правоохранительные органы, различные министерства и ведомства, а также органы местного самоуправления.

Серьезным барьером на пути финансирования террористической деятельности является формируемый Росфинмониторингом Перечень организаций и физических лиц, в отношении которых имеются сведения об их причастности к экстремистской деятельности и терроризму (далее – *Перечень*). Включенные в *Перечень* лица фактически не имеют доступа к финансовым институтам. В настоящее время (на 01.06.2018) информационная база *Перечня* включает в себя сведения о 8 227 российских физических лицах (2 2016 г. – 5 462), 482 (2016 – 71) российских юридических лицах, 409 (408) иностранных физических лицах и 96 (94) иностранных юридических лицах.

Указом Президента Российской Федерации от 31.12.2015 № 684 утверждено *Положение об оценке и государственном мониторинге состояния национальной безопасности Российской Федерации*, которым на Генеральную прокуратуру РФ возложена обязанность проведения мониторинга состояния преступлений против основ конституционного строя и безопасности государства, перечень которых определен главой 29 УК РФ.

Информационно-аналитическая система государственного мониторинга включает в себя необходимость разработки *паспорта показателей* национальной безопасности, а также предоставление сведений о негативных тенденциях указанного вида преступности и выработку возможных вариантов управленческих решений.

Особое внимание в свете обозначенных проблем должно быть уделено научно обоснованной системе мониторинга в органах прокуратуры протестной активности населения, выявлению и устранению причин и условий, способствующих ее росту, противодействию угрозам возникновения конфликтных ситуаций в современных общественно-политических и социально-экономических условиях.

Заключение

1. Деятельность прокуратуры по противодействию экстремизму, в том числе предупреждению, считается приоритетным направлением и осуществляется посредством реализации возложенных законом на прокуратуру функций в целях выявления, предупреждения и устранения угроз национальной безопасности России, локализации и нейтрализации последствий их проявления.

2. Законотворческая практика характеризуется введением новых правовых институтов, значительно корректирующих статус и задачи прокуратуры. Они направлены на усиление роли российской прокуратуры в системе обеспечения национальной безопасности, которое сопровождается расширением круга прокурорских полномочий и правовых средств, в том числе по объединению и координации антикриминальных усилий различных государственных органов и органов местного самоуправления, призванных бороться с экстремизмом.

4. Усиление роли прокуратуры в системе обеспечения национальной безопасности сопровождается постановкой новых задач по противодействию экстремизму, в том числе по осуществлению мониторинга состояния обеспечения национальной безопасности по реализации такого стратегического приоритета как государственная и общественная безопасность.

5. Разработка паспортов показателей национальной безопасности осуществляется на основе проводимых в НИИ Университета прокуратуры РФ

прикладных криминологических исследований, включающих сбор, обработку и анализ информации, необходимой для оценки состояния преступности того или иного вида, их причин и условий. В результате проведенных прикладных исследований производятся расчеты предельно допустимых (критических) значений соответствующих показателей, выявляются факторы, явления и процессы, определяющие степень защищенности личности, общества и государства от внешних и внутренних угроз, разрабатываются предложения по оптимизации реагирования на изменяющуюся преступность и укреплению системы обеспечения национальной безопасности.

Список цитированных источников

1. Кара-Мурза, С. Г. На пороге «оранжевой» революции / С. Г. Кара-Мурза, А. А. Александров, М. А. Мурашкин, С. А. Телегин. – М., 2006. – 293 с.

2. Федотова, Ю. Г. Обеспечение безопасности государства через обеспечение безопасности личности / Ю.Г. Федотова // Государственная власть и местное самоуправление. – 2015. № 8. – С. 54– 58.

3. Красинский, В. В. Защита государственного суверенитета: монография / В.В. Красинский. – М.: НОРМА, ИНФРА-М, 2017. – 608 с.

4. Чаплин, Н. Ю. О некоммерческих организациях и обеспечении безопасности и устойчивости Российского государства / Н. Ю. Чаплин // Безопасность бизнеса. – 2017. № 2. – С. 3–7.

5. Деятельность органов прокуратуры по предупреждению преступлений против основ конституционного строя и безопасности государства: пособие / П.В. Агапов [и др.]. – М., 2017. – 138 с.

6. Рекомендации научно-практической конференции Прокуратура в системе обеспечения национальной безопасности: сб. материалов III науч.-практ. конф. / под общ. ред. О. С. Капинус; [под науч. ред. А. Ю. Винокурова; сост. И. А. Васькина. Н.А. и др.]. – М., 2018. – 424 с.

7. Меркурьев, В. В. Задачи прокуратуры Российской Федерации по противодействию экстремизму и терроризму в контексте обеспечения национальной безопасности / В.В. Меркурьев // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. – 2016. № 3 (53). – С. 37–46.

8. Экстремизм: стратегия противодействия и прокурорский надзор: монография / П.В. Агапов [и др.]. – М., 2015. – 428 с.

9. Чумаков, А. В. Деятельность прокуратуры, направленная на выявление некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранных агентов (НКО) / А. В. Чумаков // Следственная практика. – 2015. Выпуск 195. – С. 127–131.

Аннотация. В статье рассмотрены вопросы, связанные с реализацией полномочий прокуроров в сфере национальной (конституционной) безопасности, межнациональных отношений, противодействия экстремизму и терроризму, а также рассматриваются проблемы, связанные с осуществлением органами прокуратуры деятельности по предупреждению преступлений против основ конституционного строя и безопасности государства. Особое внимание уделяется протестной активности населения, противоправной деятельности иностранных специальных служб, деструктивных религиозных и общественных объединений как факторам, способствующим совершению

преступлений данной категории. Отдельно рассматриваются вопросы нейтрализации угрозы безопасности государства и основам конституционного строя в глобальной сети «Интернет», предлагаются меры, направленные на совершенствование деятельности органов прокуратуры по предупреждению преступлений против основ конституционного строя и безопасности государства. Последовательно обосновывается позиция авторов о том, что при осуществлении возложенных на прокуратуру функций в этой сфере – прокурорского надзора, уголовного преследования, координации деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью, административного преследования, участия прокурора в рассмотрении дел судами в рамках гражданского судопроизводства органы прокуратуры непосредственно участвуют в выявлении, предупреждении и устранении угроз национальной безопасности Российской Федерации. В итоге делается вывод, что законотворческий процесс в России характеризуется существенной корректировкой статуса и задач прокуратуры, приводящей к расширению круга прокурорских полномочий по обеспечению национальной безопасности Российской Федерации.

THE PROSECUTOR ON THE PROTECTION OF STATE INTERESTS SECURITY FROM THE DESTRUCTIVE ACTIVITIES OF FOREIGN SPECIAL SERVICES AND INTERNATIONAL ORGANIZATIONS

Borisov, S.V., Merkur'ev, V.V.

Keywords: destructive activity of foreign special services and international organizations, national security, prosecutorial activity, crimes against the foundations of the constitutional system and state security, extremism.

Abstract the article deals with the issues related to the implementation of the powers of prosecutors in the field of national (constitutional) security, interethnic relations, countering extremism and terrorism, as well as the problems associated with the implementation of the Prosecutor's office activities to prevent crimes against the foundations of the constitutional system and state security. Special attention is paid to the protest activity of the population, illegal activities of foreign special services, destructive religious and public associations as factors contributing to the Commission of crimes of this category. The issues of neutralizing the threat to the state security and the foundations of the constitutional system in the global network "Internet" are considered separately, the measures aimed at improving the activities of the Prosecutor's office to prevent crimes against the foundations of the constitutional system and state security are proposed. The authors consistently substantiate the authors ' position that in the implementation of the functions assigned to the Prosecutor's office in this area – Prosecutor's supervision, criminal prosecution, coordination of law enforcement agencies to combat crime, administrative prosecution, participation of the Prosecutor in the consideration of cases by the courts in civil proceedings, the Prosecutor's office is directly involved in the identification, prevention and elimination of threats to national security of the Russian Federation. As a result, it is concluded that the legislative process in Russia is characterized by a significant adjustment of the status and tasks of the Prosecutor's office, leading to the expansion of the range of prosecutorial powers to ensure national security of the Russian Federation.

УДК 343.2

СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ACTIO LIBERA IN CAUSA В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВАХ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

Зайцев А.В., Вишневская И.А.

Ключевые слова: actio libera in causa, преступление, вина, опьянение, переутомление, сон, вменяемость.

Введение

Классическая школа уголовного права презюмирует виновность как обязательный элемент преступления. То есть, только при наличии в деянии человека умысла или неосторожности может наступать уголовная ответственность. Соответственно, уголовная ответственность наступает за те обстоятельства преступления, которые охватывались сознанием человека [1, с. 934].

В судебной практике встречаются случаи совершения преступления в состоянии глубокого физиологического опьянения, переутомления или сна, которые не охватываются общепринятой концепцией субъективного вменения. Лицо не осознает совершение общественно опасного деяния и не контролирует собственные действия из-за перечисленных состояний. Именно в связи с отсутствием контроля сознания возникают трудности при привлечении лица к уголовной ответственности.

Как следствие, возникла проблема actio libera in causa *(с лат. – действие, свободное в своей причине)*. Она позволяет обосновать уголовную ответственность за общественно опасные деяния, которые совершаются лицом без очевидного контроля сознания.

В случаях, которые охватываются actio libera in causa, начало совершения преступления переносится на момент умышленного или неосторожного доведения лицом себя до состояния, при котором теряется сознательно-волевой контроль над собственными действиями. Например, из-за состояния глубокого физиологического опьянения, переутомления, сна т.д.

Actio libera in causa в науке уголовного права возник в XVIII веке и стал предметом активной дискуссии среди ученых. Вопрос был исследован в трудах отечественных и зарубежных ученых: Б.С. Бейсенова, А.А. Габиани, П.С. Дагеля, С. Димок, А.В. Зайцева, С. Згаги, Н.С. Лейкиной, А.А. Пионтковского, Л.А. Сильвы, Т.В. Церетели, В.А. Якушина и других.

Целью исследования является проведение сравнительного анализа опыта закрепления actio libera in causa в законодательствах зарубежных стран.

Основная часть

В статье использованы общенаучные методы исследования, характерные для правовых наук. С помощью догматического метода проанализировано содержание статей уголовных кодексов зарубежных стран, которые закрепляют actio libera in causa. Используя сравнительно-правовой метод было проведено сравнение форм закрепления в законодательствах зарубежных стран и эффективности применения на практике actio libera in causa.

Объектом исследования являются преступления, совершенные лицом в состоянии глубокого физиологического опьянения, переутомления, сна или другого подобного состояния. Предмет исследования – закрепление проблемы actio libera in causa в законодательствах зарубежных стран.

Римский статут Международного уголовного суда (далее – Статут) является одним из основных международных договоров, с которым связывают начало развития международного уголовного права. В п. b ч. 1 ст. 31 Статута закреплено actio libera in causa, согласно которому лицо не освобождается от уголовной ответственности: «... если только это лицо не подверглось добровольно интоксикации при таких обстоятельствах, при которых это лицо знало, что в результате интоксикации им может быть совершено деяние, представляющее собой преступление, подпадающее под юрисдикцию Суда, либо проигнорировало опасность совершения им такого деяния» [2].

В соответствии с указанной статьей Статута, actio libera in causa имеет 3 элемента: биологический (состояние глубокого физиологического опьянения т.д.), психологический (неспособность контролировать действия или понимать их последствия), другое третье негативное состояние (отсутствие вины за преступное деяние).

С. Згага справедливо отмечает, что к действующей редакции ст. 31 Статута необходимо принять дополнение, которое будет содержать исчерпывающий перечень критериев установления способности совершать деяния лицом, которое находится в состоянии, при котором теряется сознательно-волевой контроль над действиями. В этом случае определение состояния лица должно базироваться на таких критериях, как: интенсивность психологического состояния человека и случаи, в которых способность преступника осознавать и контролировать действия уменьшается, однако не исключается [3, с. 159].

Следует заметить, что данное дополнение позволило б облегчить применение actio libera in causa на практике. При его разработке необходимо привлечь медицинских специалистов и описать наиболее общие критерии и случаи состояний, которые охватываются actio libera in causa. Однако, нельзя настаивать на «исчерпаемости» перечня, ведь каждый человек имеет индивидуальную реакцию как на вещество в целом, так и на отдельные его составляющие.

Actio libera in causa законодательно закреплен и применяется в некоторых странах. Например, в § 45 УК Норвегии указано, что: «Бессознательное состояние в результате опьянения по своей вине (вызванное алкоголем или другими средствами) не исключает наказания» [4].

Частью 1 ст. 21 УК Испании установлено, что невменяемым является лицо, которое совершило преступление в состоянии постоянного или временного психического отклонения. Однако, в этой же статье есть исключение, а именно: «Временное психическое расстройство не является основанием для освобождения от наказания, если оно было спровоцировано самим субъектом с намерением совершить преступление или в случаях, когда оно предусматривало или должно было предусмотреть возможность его совершения» [5].

Не исключается уголовная ответственность и в случаях совершения преступления лицом в состоянии добровольного или неосторожного опьянения алкоголем, его аналогами или другими веществами в п. II ст. 28 УК Бразилии [6].

Actio libera in causa применяется и в штате Калифорния. Согласно ст. 26 УК штата Калифорния, состояние опьянения, переутомления и другие подобные состояния не являются исключением уголовной ответственности лица [7].

Для иллюстрации приведем следующий пример. 57-летний гражданин США 25 октября 2017 в результате переутомления заснул во время управления автомобилем. Из-за этого, в 2:43 автомобиль свернул с дороги и въехал в магазин продуктов. Экспертами было установлено, что магазину нанесено значительный материальный ущерб. На данный момент, расследования продолжается.

Однако, в некоторых уголовных кодексах можно увидеть закрепление законодателем конкретного вида наказания фиксированного размера.

В ч. 1 § 323a УК ФРГ установлено: «Кто умышленно или по неосторожности приводит себя в состояние опьянения алкогольными напитками или другими одурманивающими средствами, наказывается лишением свободы на срок до пяти лет или денежным штрафом, если он в этом состоянии поступит противоправное деяние» [8]. Примером применение actio libera in causa на практике в ФРГ являются обстоятельства следующего дела:

Гражданин ФРГ 24 октября 1995 был осужден районным судом г. Оснабрюк на 4 года лишения свободы за: лишение жизни по неосторожности (§ 222 УК ФРГ), нарушение правил безопасности дорожного движения (§ 315c УК ФРГ), § 323a УК ФРГ и § 20 УК ФРГ.

Осужденный неоднократно управлял фургоном в нетрезвом состоянии, за что его ранее лишили лицензии на управление транспортом. Купив в Дании алкогольные напитки после 18:00 и выпив их, водитель сел за руль и направился в сторону немецкой границы трассой A1 около 21:30. Автомобиль двигался со скоростью 70 км/ч, в результате чего он сбил предметы, ограничивающие проезд (дорожные конусы), которые перекрывали правую полосу дороги. Заснув за рулем из-за алкогольного опьянения, при дальнейшем движении водитель сбил двух пограничников, которые получили смертельные травмы и скончались на месте происшествия. В крови водителя было обнаружено концентрацию алкоголя в размере 1,95 %. Он был осужден на 4 года лишения свободы и лишение лицензии на управление транспортным средством сроком на 5 лет. Дело было пересмотрено Верховным федеральным судом ФРГ (решение BGH 4 № 217/96 от 22 августа 1996 года). Приговор суда первой инстанции оставлено без изменений.

§ 287 УК Австрии также закрепляет фиксированный размер наказания за преступления, совершенные в состоянии добровольного опьянения: «Кто с помощью употребления алкогольных напитков или путем использования других одурманивающих средств доводит себя до состояния полного опьянения, что исключает вменяемость, пусть и по неосторожности, тот наказывается лишением свободы на срок до трех лет или денежным штрафом в размере до 360 дневных ставок, если в таком состоянии он совершает преступное деяние, которое считалось бы преступлением или проступком, если бы это лицо не находилось в таком состоянии » [9].

Аналогично actio libera in causa закреплен в § 138 УК Дании, которым установлено наказание в виде: штрафа, или содержания под стражей (в случаях, если в таком состоянии лицо представляет опасность для окружающих), или, при

отягчающих обстоятельствах или при рецидиве, наказание может быть увеличено до тюремного заключения сроком на шесть месяцев [10].

В действующем УК Украины нормы, которая закрепляет actio libera in causa нет. На данный момент действует ст. 21 УК Украины: «Лицо, совершившее преступление в состоянии опьянения в следствии употребления алкоголя, наркотических средств или других одурманивающих веществ, подлежит уголовной ответственности» [11].

Однако, сравнивая положения ст. 21 УК Украины и основные принципы actio libera in causa следует заметить, что actio libera in causa охватывает более широкий перечень состояний, в результате которых лицо теряет сознательно-волевой контроль. Также существует различие и в объеме участия сознания непосредственно во время совершения преступления. В случаях, которые охватываются ст. 21 УК Украины, лицо во время совершения преступления сохраняет определенный контакт с окружающей средой и контроль над собственными действиями и поведением. Однако при actio libera in causa во время совершения преступления лицо не контролирует в полной мере свои действия и поведение в результате действий, предшествующих совершению преступления, которые стали причиной его совершения.

Исходя из вышеперечисленного и опираясь на положения ст. 21 УК Украины, уголовная ответственность наступает за само преступление, которое совершило лицо. В свою очередь, при actio libera in causa, анализируя опыт зарубежных стран, уголовная ответственность наступает за доведение лицом себя до состояния, из-за которого оно потеряло сознательно-волевой контроль над собственными действиями, в результате которого было совершено преступление, и за само преступление.

Заключение

Обобщив международный опыт, следует отметить, что в уголовных кодексах зарубежных стран ответственность за преступления, охватываемые actio libera in causa, закреплена с установлением конкретного вида и размера наказания или без такового.

Наиболее оптимальным является закрепление без указания конкретного вида и размера наказания, что позволяет при назначении наказания в каждом конкретном случае учитывать общественную опасность деяния и последствий.

Анализируя примеры, можно проследить, что при квалификации действий лица, совершившего преступление, кроме нормы, закрепляющей actio libera in causa, указывается и статья, предусматривающая уголовную ответственность за преступление, которое было совершено лицом в состоянии, в котором оно не контролировало в полной степени свои действия. Соответственно, можно сделать вывод, что при квалификации в большинстве зарубежных странах имеет место идеальная или реальная совокупность.

Как показывает международный опыт, нужно поддержать предложения ученых о необходимости криминализации такого деяния, как умышленное или неосторожное доведение лицом себя до состояния потери сознательно-волевого контроля над собственными действиями, в результате которого было совершено преступление. Такая норма будет иметь также и превентивный характер. Человек задумается о необходимости употребления веществ, которые могут привести к потере сознательно-волевого контроля над собственными действиями и поведением, или заставит его усилить контроль над собственными действиями

и поведением на начальной стадии интоксикации. Как следствие, снизится уровень совершения преступлений в состоянии физиологического опьянения или другого подобного состояния.

Список цитированных источников

1. Музика, А. А. Термін «Суб'єктивна сторона злочину» // Велика українська юридична енциклопедія : у 20 т. – Т. 17 : Кримінальне право / редкол.: В. Я. Тацій (голова), В. І. Борисов (заст. голови) та ін. ; Нац. акад. прав. наук України ; Ін-т держави і права ім. В. М. Корецького НАН України ; Нац. юрид. ун-т ім. Ярослава Мудрого. – 2017. – С. 934.
2. Rome Statute Of The International Criminal Court [Електронний ресурс]. – Режим доступу: https://www.icc-cpi.int/nr/rdonlyres/ea9aeff7-5752-4f84-be94-0a655eb30e16/0/rome_statute_english.pdf.
3. Zgaga Sabina, Intoxication and Criminal liability in International Criminal law // Law in modern world – 2014. - №2. - P. 159.
4. Уголовный кодекс Норвегии: по состоянию на 20 мая 2005 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://lovdata.no/dokument/NLO/lov/1902-05-22-10/KAPITTEL_1#KAPITTEL_1.
5. Código Penal de España [Електронний ресурс]. – Режим доступу: https://www.boe.es/buscar/act.php?id=BOE-A-1995-25444.
6. Уголовный кодекс Бразилии: по состоянию на 15 июля 2013 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.wipo.int/wipolex/ru/text.jsp?file_id=332216.
7. California Penal Code [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://law.justia.com/codes/california/2017/code-pen/.
8. Уголовный кодекс ФРГ: по состоянию на 11 апреля 2017 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gesetze-im-internet.de/stgb/.
9. Уголовный кодекс Австрии: по состоянию на 1 мая 2003 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://policehumanrightsresources.org/wp-content/uploads/2016/08/Criminal-Code-Austria-1998.pdf.
10. Уголовный кодекс Дании: по состоянию на 10 января 2007 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: crimpravo.ru/codecs/dan/2.doc.
11. Кримінальний Кодекс України : станом на 04 серпня 2017 року. – Х. : Право, 2017. – 272 с.

Аннотация. Статья посвящена проблеме actio libera in causa в уголовном праве и ее практическому применению в зарубежных странах. В статье внимание акцентировано на основных отличиях законодательного регулировании actio libera in causa в разных странах. На основе анализа уголовных кодексов разных стран было выделено 2 модели закрепления actio libera in causa в законодательстве: с указанием конкретного вида и размера наказания и без такого. Было сделано вывод, что такая норма применяется на практике в разных странах и является эффективной. Исходя из международного опыта других стран сделано вывод о необходимости законодательного закрепления actio libera in causa в национальном законодательстве, которая будет иметь также и превентивный характер.

COMPARATIVE-LEGAL ANALYSIS OF LEGISLATIVE REGULATION OF ACTIO LIBERA IN CAUSA IN LEGISLATION OF FOREIGN COUNTRIES

Zaitsev A.V., Vishnevskaya I.A.

Key words: actio libera in causa, crime, guilt, intoxication, fatigue, sleep, sanity.

Abstract. The article focuses on the problem of actio libera in causa in criminal law and its practical implementation in foreign countries. The article emphasized the main differences in the legislative regulation of Actio libera in causa in different countries. On the basis of criminal codes analysis of different countries, two models of enshrining actio libera in causa in legislation were singled out: with specification of the particular type and scale of punishment and without it. It was concluded that this rule is often applied in practice in different countries and it is effective. Based on the international experience of other countries, it is concluded that it is necessary to legislate the actio libera in causa in the national legislation, which will also have a preventive character.

УДК 341.1

НАРКОТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА, КУЛЬТУРНЫЕ ЦЕННОСТИ И ОБЪЕКТЫ ДИКОЙ ФАУНЫ И ФЛОРЫ КАК ПРЕДМЕТЫ КОНТРАБАНДЫ: АНАЛИЗ МЕЖДУНАРОДНЫХ СОГЛАШЕНИЙ ПО ПРЕДОТВРАЩЕНИЮ ИХ НЕЗАКОННОГО ПЕРЕМЕЩЕНИЯ

Игнатюк А.З.

Ключевые слова: риски и угрозы, предметы контрабанды, наркотические средства, культурные ценности, объекты дикой фауны и флоры, незаконные доходы, транзит, международные соглашения, правоохранительные органы, борьба с контрабандой.

Введение

Географическое положение Республики Беларусь определило мощный транзитно-транспортный потенциал нашего государства и целый ряд связанных с ним преимуществ. Через территорию республики проходят второй и девятый международные транспортные коридоры: Берлин – Варшава – Минск – Москва – Нижний Новгород; Хельсинки – Санкт-Петербург – Киев – Кишинев – Бухарест – Дмитровград – Александрополис, – соответственно.

Через Республику Беларусь следует транзитом большая часть колоссального товаропотока, следующего из Европейского Союза в Российскую Федерацию и далее, а также в обратном направлении. В таких условиях государство обязано обеспечить максимально эффективное использование данного потенциала и создать все условия для становления республики как важного международного логистического центра и артерии для международного перемещения товаров. От успешного развития данного направления уже сегодня напрямую зависит экономическая безопасность Республики Беларусь.

Вместе с тем, указанное геоэкономическое преимущество Республики Беларусь не может не способствовать тому, что международные криминальные структуры пытаются использовать территорию республики как возможность быстрого перемещения товаров из Европы в Россию и далее, а также обратно,

в рамках преступных схем, направленных на уклонение от уплаты таможенных платежей, незаконное перемещение наркотиков, историко-культурных ценностей, объектов дикой флоры и фауны и т.д. Данная преступная деятельность представляет серьезную опасность, так как нивелирует все выгоды для государства, которые могут быть получены от выгодного географического положения, и, более того, несет прямую угрозу для жизни и здоровья граждан республики, национальной безопасности.

В этой связи, на первый план выходят подходы, связанные с оперативно-аналитическими методами работы правоохранительных органов борющихся с контрабандой, анализом рисков в таможенной сфере, системным и эффективным взаимодействием правоохранительных органов с иностранными коллегами, а также к разработке и имплементации международных соглашений по противодействию вышеуказанным угрозам. Ситуацию осложняет низкий уровень взаимодействия сотрудников правоохранительных органов Республики Беларусь с иностранными коллегами за пределами стран СНГ, ограниченность межведомственного взаимодействия внутри республики, недостаточный уровень использования информационных технологий, недостаточное количество специалистов, компетентных в сфере таможенного дела и одновременно владеющих методами правоохранительной деятельности.

Все изложенное выше определяет актуальность настоящего исследования.

Основная часть

До конца XIX в. производство наркотических средств и торговля ими рассматривались как вполне законный промысел. Запреты и ограничения на производство и торговлю наркотиками, если и были, то в силу различных причин не были эффективными. В начале 1961 г. в г. Нью-Йорке (США) прошла очередная конференция, которая приняла Единую конвенцию о наркотических средствах и ряд резолюций, дополненная впоследствии Протоколом от 1972 г. о поправках к ней. Конвенция предусматривает две формы контроля: превентивный, направленный на предотвращение попадания наркотических средств, применяемых в медицинских и научных целях, в каналы незаконного оборота наркотиков, и репрессивный, состоящий в установлении единых международно-признанных норм ответственности за незаконную торговлю наркотиками. Последующая Конвенция о психотропных веществах 1971 г. распространила систему международного контроля на галлюциногены [1, с. 40]. Основная цель этих договоров – предупреждение незаконного культивирования, производства, изготовления и использования наркотических средств и психотропных веществ, и их незаконный оборот. Однако, как первая, так и вторая конвенции направлены на контроль в основном за законными видами деятельности и оставляли за пределами международного сотрудничества борьбу с обширными сферами наркобизнеса.

Этот существенный пробел был восполнен принятием Конвенции ООН о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ 1988 г., предусматривающей меры по расширению международного взаимодействия между таможенными службами, полицейскими и судебными органами стран-членов ООН. Конвенция предоставляет юридическое основание для запрета незаконного оборота наркотиков, ареста организаторов и участников наркобизнеса, принятию мер по лишению последних незаконных доходов [2]. Конвенция описывает преднамеренно совершаемые действия, которые Сторонам

следует признавать уголовными преступлениями, рекомендует применение определенных санкций за их совершение, и в то же время признает компетенцию национального законодательства в преследовании и наказании за такие правонарушения [2, ст. 3]. В ней предусмотрена возможность ареста доходов, собственности или других предметов правонарушения с целью последующей конфискации [2, ст. 5], и, что особенно важно, достаточно большая ее часть описывает вопросы оказания взаимной помощи в расследовании, сопутствующем уголовном преследовании и последующем судебном разбирательстве в вопросах, касающихся описанных уголовных преступлений. Запрос о предоставлении такой помощи возможен для следующих целей:

собирания доказательств или показаний;

ознакомления с материалами судебного разбирательства;

проведения обысков и арестов;

исследования предметов и обследования мест;

предоставления сведений и вещественных доказательств;

представления оригиналов или заверенных копий необходимых документов и материалов, включая банковские, финансовые, корпоративные или коммерческие документы;

определения или выявления доходов, собственности, средств или других вещей, которые могут быть использованы при доказывании.

Следует отметить, что предоставление такой помощи не ограничивает Стороны в предоставлении друг другу любых иных форм взаимной юридической помощи, не запрещенной законодательством запрашиваемой стороны. Кроме того, предусмотрена ситуация отсутствия между сторонами иных договоров, в соответствии с которыми могла бы оказываться взаимная юридическая помощь. В таких случаях запрос осуществляется с учетом приоритета законодательства запрашиваемой стороны, т.е. она вправе дать мотивированный отказ, если посчитает, что исполнение запроса может нести угрозу для ее суверенитета, безопасности, общественного порядка или иных значимых интересов; если национальное законодательство запрашиваемой Стороны не позволяет выполнить поступивший запрос в отношении аналогичного факта нарушения законодательства; если это нарушение явилось предметом расследования, уголовного преследования или судебного разбирательства в рамках их собственной юрисдикции; если запрос противоречит положениям правовой системы запрашиваемой Стороны, касающимся запросов об оказании юридической помощи. Она же по умолчанию берет на себя текущие расходы по осуществлению запроса.

Стороны назначают органы, которые обязаны и уполномочены исполнять запросы. Но по требованию принимающей стороны такие запросы и сообщения могут направляться в ее адрес по дипломатическим каналам и, в случае особых обстоятельств, по линии Интерпола, если это возможно.

Запросы об оказании помощи направляются в органы, уполномоченные их исполнять или препровождать на исполнение соответствующим компетентным органам, в письменной форме на языке, приемлемом для запрашиваемой Стороны, с указанием информации об органе, обратившемся с просьбой; вопроса и характера проводимого разбирательства, в рамках которого направляется запрос; краткого изложения соответствующих фактов; описания необходимой

помощи; конкретной цели получения доказательств, сведений или принятия мер [2].

Стороны оказывают юридическую помощь друг другу также в планировании и реализации исследовательских программ и подготовке кадров, обеспечивающих обмен специальными знаниями. Они организуют региональные и международные конференции и семинары в целях расширения сотрудничества, обозначения и рассмотрения актуальных проблем, представляющих общий интерес для Сторон, с учетом проблем, имеющихся у государств транзита, которым может оказываться поддержка путем предложения помощи в реализации программ технического оснащения или в виде финансовой помощи для формирования и улучшения имеющейся инфраструктуры, необходимой для эффективной реализации целей Конвенции ООН о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ 1988 г. [2].

Содержащиеся в указанных международных соглашениях (Конвенции ООН о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ 1988 г., Единой конвенции о наркотических средствах 1961 г., Конвенции о психотропных средствах 1971 г.) положения являются фундаментом при заключении региональных и двусторонних договоров о сотрудничестве и взаимопомощи в таможенных делах, способствуя единообразному пониманию соответствующих понятий и обеспечивая единство целей, установленных в рамках таких договоров. Для примера приведем отсылочные нормы к положениям соглашений при определении некоторых «традиционных» предметов контрабанды, содержащиеся в ст. 1 Соглашения между Правительством Республики Беларусь и правительством Турецкой Республики о сотрудничестве и взаимной помощи в таможенных делах от 11.11.2008:

наркотические средства – любые вещества, природные или синтетические, перечисленные в списках I и II Единой конвенции о наркотических средствах от 30.03.1961;

психотропные вещества – любые вещества, природные или синтетические, перечисленные в списках I, II, III и IV Конвенции о психотропных веществах от 21.02.1971;

прекурсоры – контролируемые химические вещества, используемые при производстве наркотических средств и психотропных веществ, перечисленные в таблицах I и II Конвенции Организации Объединенных Наций о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ от 20.12.1988 [3, ст. 1].

Таким образом, при расследовании преступлений, связанных с нарушениями таможенных правил, компетентные государственные органы обязаны руководствоваться списками веществ, установленных вышеназванными международными соглашениями. Это, однако, не означает отсутствие национальных списков наркотических средств и психотропных веществ. При этом вещества, внесенные в национальные списки, имеют деструктивное воздействие на организм человека, сопоставимое с веществами, включенными в списки, утвержденные поименованными соглашениями. Только при этом условии такие средства могут быть признаны предметом контрабанды в случае их незаконного перемещения через таможенную границу. В Республике Беларусь подобный список утвержден Постановлением Министерства

здравоохранения Республики Беларусь № 19 от 11.02.2015 «Об установлении республиканского перечня наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, подлежащих государственному контролю в Республике Беларусь» [4].

Контроль над производством и перемещением наркотиков в рамках ООН осуществляет Международный комитет по контролю за наркотиками. Традиционное внимание в деятельности данного комитета уделяется следующим странам:

«Золотого полумесяца» (Афганистан, Иран, Пакистан);

«Золотого треугольника» (Мьянма, Лаос, Таиланд), маршруты перевозки из которых проходят по странам Юго-Восточной Азии, европейскому региону, в частности, «Балканскому маршруту» (Турция - Западная Европа) [1, с. 40];

два «Серебряных треугольника»: первый образован границами Парагвая, Бразилии и Боливии; второй – границами Перу, Бразилии и Колумбии [5, с. 153].

С недавнего времени Международный комитет по контролю за наркотиками вынужден постоянное внимание уделять Китайской Народной Республике, в которой процветает производство синтетических наркотиков, в том числе и в промышленных масштабах.

Правоохранительные органы призваны перекрывать отработанные каналы перемещения наркотиков, но задачу в высокой степени осложняет многообразие методов сокрытия контрабандного груза от контроля, изобретательность правонарушителей, признаваемые правоохранительными органами всех стран. Это и перевозка кокаина в апельсинах, и на ноге пассажира в гипсе (аэропорт Рима, 2009 г. и 2010 г. соответственно), и попытка перевозки кокаина по маршруту Маракайбо (Венесуэла) – Лондон – Барселона под видом сервиза общей массой в 20 кг. (аэропорт Барселоны, 2010 г.), и многие другие примеры.

Еще одним предметом контрабанды, объемы незаконного оборота которого в мире растут ежегодно, являются предметы искусства и старины. География контрабандного перемещения культурных ценностей постоянно расширяется. Касательно постсоветского пространства, если ранее культурные ценности вывозились в страны Западной Европы и США, то с началом XXI века можно говорить, что страной их «назначения» являются Япония, Израиль и Ближний Восток в целом. Контрабанда культурных ценностей была и остается сферой деятельности международных преступных синдикатов. По данным Интерпола, в Западной Европе действует около сорока, а в странах СНГ – около тридцати организованных преступных группировок, которые занимаются незаконной торговлей и переправкой через границу культурных ценностей. Предшествуют этим незаконным действиям естественно поиск, скупка и хищение культурных ценностей, т.е. участники преступных синдикатов занимаются и иными видами преступной деятельности. Например, широкое освещение в средствах массовой информации получило уголовное дело 2008 г., когда в результате расследования попытки незаконного перемещения через таможенную границу Республики Беларусь в международном почтовом отправлении пистолета системы «ТТ» оперативными сотрудниками Минской региональной таможни в квартире отправителя было изъято 93 иконы, датируемых 19 – началом 20 в.в. [6].

Международным сообществом с целью пресечения незаконного оборота культурных ценностей также принят ряд международных правовых актов. Прежде всего, это Конвенция ЮНЕСКО о мерах, направленных на запрещение

и предупреждение незаконного ввоза, вывоза и передачи права собственности на культурные ценности, от 14.11.1970; Конвенция УНИДРУА о похищенных или незаконно вывезенных культурных ценностях от 24.06.1995, которая устанавливает равенство понятий незаконно вывезенной и невозвращенной культурной ценности, определяя в п. 2 ст. 5, что культурная ценность, временно вывезенная с территории государства-истца, особенно в целях выставки, исследования или реставрации, в силу разрешения, выданного в соответствии с его правом, регламентирующим вывоз культурных ценностей по защите его культурного достояния, и которая не была возвращена в соответствии с условиями этого разрешения, считается незаконно вывезенной [7, ст. 5]; Приложение XI Найробийской конвенции 1977 г. «Содействие в борьбе с контрабандой произведений искусства, антиквариата и других культурных ценностей». Наряду с многосторонними имеются и региональные договоры. Странами СНГ было заключено Соглашение о ввозе и вывозе культурных ценностей от 28.09.2001. Данному вопросу посвящено и Решение глав правительств государств-участников СНГ от 09.10.1997 «Об утверждении Положения о порядке возврата незаконно вывозимых и ввозимых культурных ценностей». Кроме того, положения об оказании правовой помощи по уголовным делам, об осуществлении уголовного преследования, о правовой помощи в вопросах розыска, ареста и обеспечения конфискации имущества, содержатся в Европейской конвенции о взаимной правовой помощи по уголовным делам от 20.04.1959, Минской конвенции о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам от 22.01.1993 и Кишиневской конвенции от 07.10.2002 [8, 156-157].

Участники преступных синдикатов весьма информированы, всегда учитывают спрос и конъюнктуру рынка в отношении тех или иных предметов и ценностей. Корыстная цель, стремление извлечь выгоду – с одной стороны, являются главным мотиватором преступника, с другой – неотъемлемые структурные элементы контрабанды как преступления.

Наряду с культурными ценностями, ставшими «традиционными» предметами контрабанды, за последние десятилетия расширилась торговля геологическими коллекциями, коллекциями метеоритов и т.д. Выявление подобных предметов при проведении контроля соответствующими органами требует очень высокого уровня компетентности сотрудников.

За последние десятилетия также значительно расширился незаконный промысел и последующие незаконные торговля и контрабанда ценных разновидностей животных, а также их дериватов – лапы бурых медведей, половые органы косуль, рога изюбрей, что является главной угрозой биологическому разнообразию, т.к. применяются к редким видам диких животных и растений.

Нелегальный промысел дикими животными по доходности соперничает с незаконной торговлей оружием, которая уступает только незаконному обороту наркотиков. Такой вывод можно сделать, опираясь на данные международной программы по отслеживанию торговли дикими видами фауны и флоры TRAFFIC Всемирного фонда дикой природы (WWF). Ежегодный торговый оборот дикими животными и растениями в мире составляет около 6 миллиардов долларов США. Основная часть этого товарооборота, к сожалению, является нелегальной. Но это закономерно, т.к., по оценкам экспертов, доход от незаконного промысла

и последующей реализации диких видов флоры и фауны составляет до тысячи процентов.

Данная проблема особенно актуальна для партнеров Республики Беларусь по ЕАЭС – Российской Федерации и Республики Казахстан. Так, в странах Средней Азии, Китае, Монголии существует исторически сложившийся устойчивый спрос на струю кабарги, шкуры и части снежного барса, медвежью желчь, медвежьи лапы, живых медвежат и другие предметы, применяемые в традиционном быту и медицине. Проблемой стала контрабанда редких видов соколов, занесенных в Красную книгу, 600-650 особей которых вывозится в среднем из России за год. Редкие виды птиц (соколы – балабаны, кречеты) вывозятся в государства Аравийского полуострова, прежде всего, в Объединенные Арабские Эмираты (ОАЭ), где традиционной и широко распространенной является соколиная охота, а также имеются высокой спрос и пропорционально высокие цены на ловчих птиц. Стоимость одной особи в ОАЭ может доходить до 50 тысяч долларов США. Для Дальневосточного федерального округа Российской Федерации актуальной проблемой является нелегальный вывоз морепродуктов, объем которого составляет до 4,8 миллиардов долларов США в год. Общий объем незаконно вырубленного леса на территории Российской Федерации ежегодно достигает 30 миллионов кубометров [9].

Одним из основных видов незаконно перемещаемых через границы товаров является слоновая кость. По подсчетам экспертов ежегодно в Африке в результате незаконного промысла браконьерами уничтожается в среднем около 50 тысяч слонов (это при том, что охота на слонов официально запрещена, а основная популяция слонов проживает на территории национальных парков и резерватов). По итогам данных незаконных действий на мировой рынок поставляется до 700 тонн бивней. Сокращение популяции слонов достигло: в Уганде – девяносто процентов, в Кении – восемьдесят пять процентов, в Танзании – около половины популяции. Слоны полностью истреблены в северных регионах Сомали, в Замбии, Гвинее-Бисау, Лесото и Свазиленде. Более восьмидесяти процентов всего незаконного экспорта слоновой кости уходят в Японию и Гонконг [10].

Из-за привлекательно окрашенной шкуры и качественного меха процветает незаконная добыча и последующая контрабанда и продажа гепардов, леопардов, ягуаров, оцелотов и другие диких кошек. Закономерным итогом незаконных действий явилось исчезновение отдельных видов диких кошек на целых континентах (к примеру, гепардов в Азии) [10].

Международное сообщество обеспокоено текущим положением и развитием ситуации в сфере охраны животного и растительного мира. Закономерно принимаются меры на уровне как отдельных государств, так и правительственных и неправительственных организаций.

Результатом межгосударственного взаимодействия по данному вопросу являются:

Конвенция о защите мирового культурного и природного наследия, известна также, или Парижская конвенция (1972 г.);

Конвенция о водно-болотных угодьях, имеющих международное значение главным образом в качестве местообитания водоплавающих птиц, или Рамсарская конвенция (1971 г.);

Конвенция о международной торговле видами дикой фауны и флоры, находящимися под угрозой исчезновения (СИТЕС), или Вашингтонская конвенция (1973 г.);

Конвенция об охране мигрирующих видов диких животных (CMS), или Боннская конвенция (1979 г.);

Конвенции по биоразнообразию (Рио-де-Жанейро, 1992 г.);

Соглашение о взаимодействии в области экологии и охраны окружающей природной среды 1992 г.

Среди активных участников данных конвенций и Республика Беларусь, ратифицировавшая Парижскую (в 1972 г.) и Вашингтонскую (в 1994 г.) конвенции, а в июне 1993 г. Конвенцию о биологическом разнообразии. Статьи 5 и 18 последней предусматривают сотрудничество прямое и в рамках профильных международных организаций (к числу таких организаций относятся Программа ООН по окружающей среде (UNEP), Программа ООН/ЮНЕСКО «Человек и биосфера» (MAB), Международный союз охраны природы (IUCN) и др.) [11]. На постоянной основе профильными государственными органами рассматриваются вопросы присоединения к другим конвенциям и соглашениям.

Среди перечня международных договоров, соглашений и конвенций, посвященных вопросу охраны окружающей природной среды наиболее системной и действенной является Конвенция о международной торговле видами дикой фауны и флоры, находящимися под угрозой исчезновения (далее – СИТЕС). Данная конвенция с целью сохранения редких видов животных и растений регулирует их перемещение через границы стран-участниц. Конвенция СИТЕС содержит 3 Приложения, в которые внесены около 34 тысяч объектов.

В первое Приложение к Конвенции СИТЕС входят виды, находящиеся под угрозой вымирания, торговля которыми оказывает или способна оказать влияние на их существование, и может быть разрешена только в исключительных обстоятельствах. В нем поименовано более 870 объектов растительного и животного мира.

Второе Приложение содержит виды, которые, хотя в данное время не находятся под непосредственной угрозой вымирания, могут с течением времени стать таковыми, если их оборот не будет должным образом контролироваться. Это приложение самое объемное. В него входит почти 32,6 тысячи объектов.

В третье Приложение включаются виды, которые страны-участницы Конвенции СИТЕС полагают необходимым регулировать в рамках своей собственной юрисдикции и нуждаются с этой целью в оказании содействия со стороны других стран-участниц Конвенции. В данное приложение по ходатайству различных стран включено чуть более 300 видов животных и растений [12].

Конвенция СИТЕС устанавливает, что виды животных и растений, включённые в списки приложений к Конвенции, могут перемещаться через границу только при наличии особых разрешительных документов. Основным разрешительным документом является разрешение СИТЕС. Для провоза образцов (как живых животных, так и дериватов), относящихся к видам, включенным в Приложение I Конвенции СИТЕС, требуется два разрешения СИТЕС – разрешение на экспорт, выдаваемое административным органом страны-экспортёра, и разрешение на импорт, выдаваемое Административным

органом страны-импортёра. Для включённых в Приложение II – только разрешение на экспорт. Также могут выдаваться разрешение на реэкспорт и разрешение, удостоверяющее законность приобретения конфискованных животных и растений, их частей и (или) дериватов, подпадающих под действие Конвенции СИТЕС.

Срок действия разрешений ограничен: на экспорт – до шести месяцев, на импорт – до одного года, сертификата происхождения по Приложению III СИТЕС – до одного года (для передвижных зоологических выставок и цирков, срок действия всех документов – до тридцати шести месяцев).

Учитывая объективные возможности, Стороны согласно Конвенции СИТЕС обеспечивают прохождение образцов через процедуры, необходимые для выдачи разрешений, с минимальными задержками, для чего Сторона может установить конкретные пункты ввоза и пункты вывоза, в которых образцы подлежат перемещению и в которых будут осуществляться таможенные операции. Кроме того, в обязанности Сторон входит осуществление надлежащего ухода за всеми живыми образцами с целью сведения к минимуму риска повреждения, угрозы здоровью или жестокого обращения в любое время транзита, хранения или перевозки [12, ст. 8].

В случае необходимости конфискации живых образцов образец передается на попечение административного органа Стороны (конфискующего государства), который после консультации с государством вывоза возвращает образец этому государству за его счет или передает компетентному учреждению, которому поручается уход за животными. Существует несколько вариантов их дальнейшего использования в соответствии с руководящими принципами Конвенции СИТЕС по использованию конфискованных животных: 1) содержание образцов в неволе; 2) их возвращение в определенную форму обитания в дикой природе; 3) эвтаназия [13, с. 129].

Вывоз из Республики Беларусь диких животных, внесенных в Красную книгу Республики Беларусь, их частей и (или) дериватов, зоологических коллекций или их частей, ввоз в Республику Беларусь и (или) вывоз из Республики Беларусь образцов СИТЕС осуществляются на основании разрешений, выдаваемых компетентным органом, которым является Министерство природных ресурсов и охраны окружающей среды Республики Беларусь. Для получения такого разрешения заявитель подает в данный компетентный орган заявление установленной формы. Разрешение оформляется в пяти экземплярах на бланках, установленных в соответствии с Конвенцией СИТЕС. Заявление визируется министром природных ресурсов и охраны окружающей среды или его заместителем. Образцы оттиска печати и подписей уполномоченных должностных лиц представляются в Государственный таможенный комитет Республики Беларусь. Три экземпляра разрешения СИТЕС выдаются на руки заявителю для использования при таможенном декларировании указанных в них образцов. При этом один экземпляр остается в самом министерстве, оставшийся экземпляр – высылается в Секретариат Конвенции о международной торговле видами дикой фауны и флоры, находящимися под угрозой исчезновения. Один экземпляр изымается таможней при пересечении таможенной границы при ввозе или вывозе и остается в архиве таможни.

Заключение

В заключение сформулируем следующие выводы и предложения.

1. Эффективности борьбы с нелегальным оборотом объектов дикой фауны и флоры, контрабандой наркотиков и культурных ценностей невозможно достичь только за счет работы компетентных органов на национальном уровне.

2. Уровень общественной опасности подобных деяний, транснациональный характер их совершения, определяют заинтересованность различных стран в обеспечении мер, которые помогли бы сдерживать и контролировать распространение подобных явлений. Для этого необходима активизация межгосударственного сотрудничества, прежде всего в договорно-правовой форме.

3. Анализ сложившейся на данный момент ситуации с контрабандой наиболее распространенных ее предметов и действующих международных соглашений в этой сфере говорит о соответствии и своевременности применяемых международным сообществом мер, направленных на решение конкретных проблем. Их результативность зависит не столько от количества присоединившихся к имеющимся договорам стран, сколько от фактического соблюдения ими закрепленных в международном праве норм, от слаженности и добросовестности принимаемых мер в рамках сформированной системы.

Список цитированных источников

1. Саяпин, В. Международная борьба с контрабандой наркотиков в XX в. / В. Саяпин // Таможня и ВЭД. – 2007. – №7, С. 39-40.

2. О подписании Конвенции ООН о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ 1988 года : Постановление Совета Министров Республики Беларусь от 15 февраля 1989 г. № 78 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.pravo.by. – Дата доступа: 24.06.2018.

3. Соглашение между Правительством Республики Беларусь и Правительством Турецкой Республики о сотрудничестве и взаимной помощи в таможенных делах от 11 нояб. 2008 г. // Информационный портал Беларусь Банк Законов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.pravo.by. – Дата доступа: 24.06.2018.

4. Об установлении республиканского перечня наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, подлежащих государственному контролю в Республике Беларусь : Постановление Министерства Здравоохранения Республики Беларусь от 11 февраля 2015 г. № 19 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.pravo.by. – Дата доступа: 24.06.2018.

5. Борисов, К. Г. Международное таможенное право : учеб. пособие : 2-е изд. доп. / К.Г. Борисов. – Москва : РУДН, 2001. – 616 с.

6. Крупную партию историко-культурных ценностей изъяли оперативники Минской региональной таможни // Пресс-служба ГТК Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – 2008. – Режим доступа: http://www.pravo.by. – Дата доступа: 24.06.2018.

7. Конвенция УНИДРУА о похищенных или незаконно вывезенных культурных ценностях, Рим, 24 июня 1995 г. // International Institute for the Unification of Private Law [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.pravo.by. – Дата доступа: 24.06.2018.

8. Богуславский, М. М. Культурные ценности в международном обороте: правовые аспекты / М. М. Богуславский. – Москва: Юрист, 2005. – 208с.

9. Рябинская, Я. WWF о нелегальной торговле дикими животными / Я. Рябинская // РИА «Новости» [Электронный ресурс]. – 2005. – Режим доступа: http://www.pravo.by. – Дата доступа: 24.06.2018.

10. Проблема контрабанды объектов фауны. Справка // РИА «Новости» [Электронный ресурс]. – 2005. – Режим доступа: http://www.pravo.by. – Дата доступа: 24.06.2018.

11. Конвенция о биологическом разнообразии, Рио-де-Жанейро, 5 июня 1992 г. // Официальный сайт Организации Объединенных Наций [Электронный ресурс]. – 2008. – Режим доступа: http://www.pravo.by. – Дата доступа: 24.06.2018.

12. Конвенция о международной торговле видами дикой фауны и флоры, находящимися под угрозой исчезновения, Вашингтон, 3 марта 1973 г. // Официальный сайт Организации Объединенных Наций [Электронный ресурс]. – 2005. – Режим доступа: http://www.pravo.by. – Дата доступа: 24.06.2018.

13. Таможенное регулирование и борьба с контрабандой в международном обороте объектов СИТЕС / Д.А. Шестаков [и др.] ; под общ. ред. Д.А. Шестакова. – М. : Всемирный фонд дикой природы, 2005. – 256 с.

Аннотация. В статье проанализированы ключевые международные соглашения по предотвращению незаконного оборота наркотических средств, культурных ценностей и объектов дикой фауны и флоры как предметов контрабанды. Обозначены подходы, связанные с оперативно-аналитическими методами работы правоохранительных органов борющихся с контрабандой, анализом рисков в таможенной сфере, системным и эффективным взаимодействием правоохранительных органов с иностранными коллегами, а также к разработке и имплементации международных соглашений по противодействию вышеуказанным угрозам.

Статья представляет собой системное исследование, основанное на практической деятельности правоохранительных органов. В заключение сформулированы конкретные предложения по совершенствованию деятельности правоохранительных органов в вышеуказанной сфере и даны практические рекомендации.

NARCOTIC DRUGS, CULTURAL VALUES, AND OBJECTS OF WILD FAUNA AND FLORA AS CONTRABAND ITEMS: ANALYSIS OF INTERNATIONAL AGREEMENTS ON THEIR ILLEGAL TRANSFER

Ignatyuk A.Z.

Keywords: risks and threats, contraband, narcotic drugs, cultural values, objects of wild fauna and flora, illegal incomes, transit, international agreements, law enforcement agencies, fight against smuggling.

Abstract. The article analyzes key international agreements on the prevention of illicit trafficking in narcotic drugs, cultural values and objects of wild fauna and flora as contraband items. Approaches related to operational and analytical methods of law enforcement agencies' work, combating contraband, analysis of risks in the customs sphere, systematic and effective interaction of law enforcement bodies with foreign colleagues, as well as the development and implementation of international agreements to counteract the above threats are indicated.

The article is a systematic study based on the practical activities of law enforcement agencies. In conclusion, conclusions and proposals on improving the activities of law enforcement agencies in the above area are formulated and practical recommendations are given.

УДК 342.56

ИМПЛЕМЕНТАЦИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ АНТИКОРРУПЦИОННЫХ ПРИНЦИПОВ И НОРМ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Петухов Н.А., Рябцева Е.В.

Ключевые слова: Коррупция, международные конвенции, международные антикоррупционные организации, этические кодексы.

Введение

Международные антикоррупционные конвенции опираются, главным образом, на императивные международно-правовые предписания, обязывающие государства при вступлении в силу соответствующих международных договоров имплементировать их в национальное законодательство. Становясь составной частью национальной правовой системы, международные принципы и нормы оказывают влияние на законодательство государства, которое их ратифицировало. Создание единой системы принципов и норм международного и национального законодательства обеспечивает оптимальное антикоррупционное правовое регулирование. Актуальность проведенного исследования заключается в разработке теоретических моделей имплементации международных принципов и норм в национальную правовую систему для исключения противоречий в национальном регулировании общественных отношений.

Цель исследования: анализ имплементации международных принципов и норм в российскую правовую систему и их влияние на развитие антикоррупционного правового регулирования. Вопросы, связанные с противодействием коррупции, исследовались многими учеными различных отраслей права: Кашеповым В.П., Савельевой В.В. Тиуновым О.И., Хабриевой Т.Я. и др.

Однако изменения, происходящие в международном и межгосударственном взаимодействии, непосредственно отражаются на политическом, экономическом и, безусловно, правовом развитии государства. Это требует проведения дальнейших исследований, анализ изменений правового регулирования и четкое определение перспектив развития, в частности в сфере противодействия коррупции.

Основная часть

Изучение особенностей международных и национальных антикоррупционных принципов и норм предполагает комплексный междисциплинарный подход, использующий общенаучные и специальные правовые и социальные методы (сравнительно-правовой, социологический, метод управления сложными системами и т.д.).

Методология исследования имплементации международных и национальных принципов и норм в национальное законодательство, основана на изложении материала от общего к частному, от основных международных принципов и норм до тех, которые регулируют отдельные аспекты противодействия коррупции.

Российская Федерация, выступая активным участником противодействия коррупционной преступности и связанных с ней правонарушений, подписала и ратифицировала ряд важных международных документов.

Основополагающим международно-правовым актом в сфере борьбы с коррупцией является Конвенция Организации Объединенных Наций против коррупции от 31 октября 2003 г. (ратифицирована Федеральным законом от 8 марта 2006 г.).

Необходимо отметить то, что Российская Федерация не ратифицировала ст. 20 «Незаконное обогащение». В РФ нет соответствующей статьи, посвященной незаконному обогащению. Однако незаконное обогащение в настоящее время является одной из самых острых проблем современного российского общества. Это касается, прежде всего, должностных лиц, которые не могут обосновать случаи, когда расходы значительно превышают уровень их доходов.

Конвенция содержит ряд стандартов, мер и норм, которые могут применяться всеми странами в целях укрепления их правовых и нормативных режимов борьбы с коррупцией.

Примечательно, что содержащиеся в Конвенции ссылки на стандарты, меры и нормы, входящие в число императивных норм, отражают новый, более высокий уровень регулирования вопросов противодействия коррупции.

Имплементация международно-правовых норм, направленных на противодействие коррупции, является базовым условием функционирования антикоррупционной системы как на международном, так и на национальном уровнях.

Следует отметить, что в ст. 2, которая содержит определения терминов, используемых в Конвенции, нет определения понятия «коррупция», однако раскрывается содержание коррупционных правонарушений.

По справедливому утверждению некоторых ученых, отсутствие легального определения понятия «коррупция» в Конвенции ООН против коррупции несколько ослабляет этот международный документ, делает его менее эффективным [1, с. 22]. Однако зачастую на универсальном уровне государствам достаточно сложно прийти к консенсусу вследствие объективных сложностей выработки взаимоприемлемого международно-правового определения.

Вместе с тем, отсутствие легального определения понятия «коррупция» в Конвенции ООН против коррупции дает возможность более гибко применять внутригосударственное нормативно-правовое регулирование и тем самым достигать те цели, которые обозначены рассматриваемой Конвенцией. Такой подход обоснован с международно-правовой точки зрения, т.к. международное право, т.е. система норм, основанная на согласовании воли государств, далеко не во всех случаях позволяет в рамках международно-правового акта осуществить всеобъемлющее регулирование того или иного вопроса. Конвенция ООН против коррупции, закрепляя основные правила поведения государств в сфере борьбы с коррупцией, предоставляет им возможность на национальном уровне разрабатывать и применять законодательные акты, сообразные букве и духу Конвенции [1, с. 22-24].

Конвенция Совета Европы об уголовной ответственности за коррупцию от 27 января 1999 г. ратифицирована Федеральным законом РФ от 25 июля 2006 г. № 125-ФЗ.

В Конвенции об уголовной ответственности за коррупцию закреплен перечень преступлений коррупционной направленности. Однако законодательная дефиниция «коррупция» отсутствует. Но содержание деяний, как преступлений коррупционной направленности дает понимание коррупции: 1) как подкуп в двух формах: активной и пассивной (ст.ст. 4-11); 2) как использование служебного положения в корыстных целях (ст. 12); 3) как отмывание доходов от преступлений, связанных с коррупцией (ст. 13); 4) преступления, касающиеся операций со счетами (ст. 14).

Отдельные вопросы по противодействию коррупции в различных органах и структурных подразделениях ООН представлены в соответствующих резолюциях.

В резолюциях содержатся основные направления деятельности по противодействию коррупции. Например, Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН от 19 декабря 2016 года A/71/485 о предупреждении коррупции и перевода коррупционных доходов, борьба с этими явлениями, содействие изъятию активов и возвращение таких активов законным владельцам, в частности, в страны происхождения в соответствии с Конвенцией ООН против коррупции.

Особо следует обратить внимание на Рекомендации Комитета министров Совета Европы № R (2000) 10 о кодексах поведения для государственных служащих (принята на 106-й сессии Комитета министров 11 мая 2000 г.) [2].

В рекомендациях содержится описание типовых ситуаций, которые могут привести к возникновению конфликта интересов и способы его предотвращения и урегулирования.

Международно-правовые рекомендации относительно кодексов поведения для государственных служащих явились основой для развития национального законодательства для многих стран. Распространённой практикой стало регулирование конфликта интересов с помощью этических кодексов. Например, Этический кодекс для государственных служащих Чехии, Итальянский кодекс для работников правительственных организаций также включают детальные указания, как должен поступить служащий, чтобы избежать конфликта интересов [3, с.13-14].

В Российской Федерации также действуют кодексы поведения для представителей социально значимых профессий (судей, адвокатов и т.д.).

Например, общие этические положения, относящиеся к статусу судьи, закреплены в Кодексе судейской этики (КСЭ), который был утвержден в 2012 г. VIII Всероссийским съездом судей. При подготовке документа были учтены стандарты Совета Европы.

КСЭ определяет принципы профессиональной деятельности и внеслужебной деятельности, обязательные для всех судей.

Законодатель предусмотрел целую систему мер, гарантирующих ограждение судьи от незаконного воздействия при осуществлении им правосудия. Однако эти меры являются достаточными лишь в том случае, если речь идет о конкретных ситуациях, которые предусмотрел законодатель. Внеслужебные отношения судьи не могут быть полностью поставлены под контроль государства. Установление законодательных запретов для судьи относительно личных отношений – недопустимое ограничение его конституционных прав и законных интересов.

Тенденция, направленная на установление дополнительных запретов и ограничений для служебной, а тем более для внеслужебной деятельности судьи, не обеспечит должной объективности и беспристрастности при осуществлении правосудия, не будет способствовать укреплению авторитета судебной власти. Многочисленная практика отказа в назначении кандидатов на должность судьи по причине наличия подозрений в возникновении конфликта интересов привела к нехватке кадров для судейского корпуса.

КСЭ запрещал судьям рассматривать дела с участием организаций, где работают близкие родственники (ч. 4 ст. 9). На основании этой статьи многие получали отказ, поскольку на самом деле конфликта интересов нет, но формально он существует. Неоднократно на рабочих совещаниях с судьями Председатель Верховного Суда РФ В. Лебедев обращался к данной проблеме. В частности, он указывал на необходимость отмены ч.4 ст. 9 КСЭ, которая запрещала судьям рассматривать дела с участием организаций, где работают близкие родственники [4].

В 2016 г. IX Всероссийский съезд судей принял решение исключить три положения, связанные с беспристрастностью судей, из КСЭ. Данные положения требовали от судей: 1) избегать ситуаций, когда близкие родственники заинтересованы в разбирательстве; 2) воздерживаться от действий, которые могут привести к конфликту интересов; и 3) избегать ситуаций, когда личные отношения со сторонами разбирательства могут вызвать подозрения или создать впечатление отсутствия беспристрастности.

Новая редакция ст. 9 КСЭ направлена на обеспечение баланса интересов правосудия, на объективное и беспристрастное рассмотрение дела, а также защиту правовых гарантий судьи, посредством ограждения его от необоснованных ограничений.

Однако такая формулировка ст. 9 КСЭ закрепляет принцип объективности и беспристрастности только посредством общих требований к поведению судьи. Общие формулировки не дают возможности четкого определения критериев поведения судьи при осуществлении правосудия, что вызывает сложности в их оценке, например, в случае жалоб участников процесса на нарушения их прав при рассмотрении дела. Следовательно, рассматриваемую статью необходимо конкретизировать перечнем запретов, позволяющим более четко определить пределы правового поведения судья при исполнении им своих служебных обязанностей.

Принятие кодексов поведения, содержащих антикоррупционные стандарты, является распространённой практикой правого регулирования в РФ. Они принимаются не только с учетом особенностей той или иной деятельности, но и особенности деятельности органов одной системы. В качестве примера обратимся к судебной системе. Кодекс этики и служебного поведения государственных гражданских служащих Верховного Суда Российской Федерации утвержден приказом Председателя Верховного Суда Российской Федерации № 192/кд от 24 марта 2011 г. Кодекс представляет собой свод общих принципов профессиональной служебной этики и основных правил служебного поведения, которыми надлежит руководствоваться государственным гражданским служащим аппарата Верховного Суда Российской Федерации, независимо от замещаемой должности (ст. 1).

Кодекс устанавливает этические нормы и правила служебного поведения государственных служащих для достойного выполнения ими своей профессиональной деятельности, а также содействует укреплению авторитета государственного служащего, доверия граждан к государству и обеспечивает единую нравственно-нормативную основу поведения государственных служащих. Кодекс призван повысить эффективность выполнения государственными служащими своих должностных обязанностей (ст. 2).

Правовым документом Судебного департамента при Верховном Суде РФ, непосредственно регулирующим вопросы противодействия коррупции, является Типовой кодекс этики и служебного поведения федеральных государственных гражданских служащих аппаратов федеральных судов общей юрисдикции, федеральных арбитражных судов и управлений Судебного департамента в субъектах Российской Федерации (в ред. приказа Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 13.04.2015 г. № 100), утвержденный приказом Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 26 апреля 2011 г. № 79. Он принят на уровне субъектов судебной системы.

Цель Кодекса – установление этических норм и правил служебного поведения гражданских служащих для достойного выполнения ими своей профессиональной деятельности, а также содействие укреплению авторитета государственных гражданских служащих, доверия граждан к государственным органам и обеспечение единых норм поведения гражданских служащих. Кодекс направлен на повышение эффективности выполнения гражданскими служащими своих должностных обязанностей.

Рекомендации Группы государств против коррупции (ГРЕКО) также оказывают серьезное влияние на развитие антикоррупционного законодательства в России (с 1 февраля 2007 г. Россия официально стала полноправным членом данной Группы) [5, с. 34].

В рекомендациях ГРЕКО при оценке состояния коррупции в судебной системе РФ, а также в рекомендациях по принятию дальнейших антикоррупционных мер рассматриваются вопросы, связанные с предотвращением и противодействием коррупционным правонарушениям. Например, в оценочном докладе четвертого раунда оценки «Предупреждение коррупции в отношении членов парламента, судей и прокуроров», принятом на 77-м пленарном заседании ГРЕКО (Страсбург, 16-18 октября 2017 г.), даются рекомендации о необходимости законодательного закрепления вопроса о конфликте интересов в части определения границы между государственными и частными интересами, и представления дополнительных руководств по отдельным коррупционным рискам [6].

Имплементация международных антикоррупционных стандартов в законодательство различных государств осуществляется различными способами. Однако можно говорить о моделях имплементации международно-правовых норм антикоррупционной направленности как особых теоретических конструкциях, опирающихся на определенные типологизированные признаки и особенности правового регулирования противодействия коррупции в конкретном государстве.

Это позволяет построить теоретические модели нормативного регулирования противодействия коррупции, руководствуясь особенностями законодательной техники изложения международных принципов и норм.

Возможно сконструировать следующие теоретические модели имплементации международных антикоррупционных принципов и норм в национальное законодательство.

Модель базового правового регулирования, которая не предполагает создания антикоррупционного законодательства. Содержание международных антикоррупционных принципов и норм находят свое закрепление в законах или подзаконных нормативных правовых актах, регламентирующих определенные области общественных отношений, например в уголовном, гражданском законодательстве и т.д.

Например, в правовом пространстве США нет отдельного антикоррупционного закона и/ или закона о выявлении и разрешении конфликта интересов, но данные вопросы регламентированы достаточно детально. В первую очередь это связано с тем, что законные и подзаконные акты фокусируются на создании механизма превенции конфликта интересов и штрафных санкциях за его возникновение; во-вторых, государственным служащим запрещается осуществлять представительскую или лоббистскую деятельность в интересах компаний, связанных со сферой их работы, и, кроме того, использовать служебную информацию для получения прибыли. Подобные запреты действуют, как правило, в течение 5 лет после ухода на пенсию или увольнения с государственной службы [7, с. 160-161].

Модель ведомственного правового регулирования противодействия коррупции, которая выражается в правовой регламентации международных принципов и норм посредством специальных законодательных актов, посвященных коррупции. Специальное правовое регулирование предполагает учет специфики коррупционных проявлений как в частной, так и в публичной сферах.

Российская Федерация пошла по пути реализации модели ведомственного правового регулирования противодействия коррупции и урегулирования конфликта интересов, закрепив содержание понятия «коррупция» в специальном законе. Так, легальное определение понятия «коррупция» содержит Федеральный закон от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» (ст. 1). Коррупция: а) злоупотребление служебным положением, дача взятки, получение взятки, злоупотребление полномочиями, коммерческий подкуп либо иное незаконное использование физическим лицом своего должностного положения вопреки законным интересам общества и государства в целях получения выгоды в виде денег, ценностей, иного имущества или услуг имущественного характера, иных имущественных прав для себя или для третьих лиц либо незаконное предоставление такой выгоды указанному лицу другими физическими лицами; б) совершение деяний, указанных в п. «а» настоящего пункта, от имени или в интересах юридического лица (ч. 1 ст. 1 ФЗ «О противодействии коррупции»).

Заключение

В заключении сформулированы следующие выводы и предложения.

В Российской Федерации реализована ведомственная модель имплементации международных антикоррупционных принципов и норм. Специальный закон о противодействии коррупции, в котором закреплены основные ратифицированные международные антикоррупционные принципы и нормы, обеспечивает единое согласованное регулирование в сфере противодействия

коррупции. Этот базовый документ отражает основные направления государственной политики по борьбе с коррупционными проявлениями. На его основе принимаются или приводятся в соответствие акты различных отраслей права. На примере судебной системы были показаны основные акты, в которых закреплены международные антикоррупционные принципы и нормы.

Создание достаточно сложной системы этических кодексов не способствует оптимизации правого регулирования противодействия коррупции. Размывание между нормами права и нормами этики посредством кодификации поведения судьи при осуществлении правосудия, а также во внеслужебной деятельности; служебного и внеслужебного поведения работников аппарата суда не обеспечивает понимания пределов допустимого поведения. Следует исключить из практики правого регулирования этических категорий. Антикоррупционные правовые стандарты должны опираться только на нормы права. Безусловно, этические нормы оказывают влияние на все сферы общественных отношений, но их воздействие связано с формированием антикоррупционного правосознания, воспитанием недопустимого коррупционного поведения. В этом направлении необходимы дальнейшие изменения антикоррупционного регулирования правоотношений, исключающие размывание права и этических норм.

Список цитированных источников

1. Legal Framework for Implementation of Anti-Corruption Conventions: Monograph. 2nd ed., revised / T.Y. Khabrieva, O.I. Tiunov, V.P. Kashepov etc; Editor-in-Chief O.I. Tiunov, Executive editor A.Y. Kapustin. — M.: The Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation; Jurisprudence. – 120 p.

2. Информационно-правовая справочная система ГАРАНТ. Режим доступа: http://base.garant.ru/2561375/#ixzz53rPIjwkn.

3. Этика публичной политики: Из опыта работы Комитета по стандартам публичной сферы Великобритании.М,2005. С.13-14.

4. Официальный сайт Верховного Суда РФ//http://vsrf.ru/.

5. Коррупциогенность законодательства: причины, факторы, преодоление: Монография / Абузярова Н. А., Артемов В. Ю., Булаевский Б. А. и др.; отв. ред. Е. И. Спектор, А. М. Цирин. М., 2013.С.34.

6. Отчетный доклад Председателя Совета судей Российской Федерации Момотова В.В. по итогам 2017 года/Официальный сайт Совета Судей. Режим доступа://http://ssrf.ru/menu/14.

7. Савельев, В. В. Выявление и разрешение конфликта интересов в деятельности органов государственной и муниципальной власти (по законодательству Российской Федерации, Китайской народной республики, США и Канады)// Современные стандарты и технологии противодействия коррупции: Материалы Третьего Евразийского антикоррупционного форума ; Нарышкин С.Е., Голикова Т. А., Хабриева Т. Я. и др.; отв. ред. Т. Я. Хабриева. – М., 2015. С.160-161.

Аннотация. В научной статье проведено исследование международных антикоррупционных принципов и норм, ратифицированных РФ. С учетом особенностей имплементации международных антикоррупционных стандартов в национальную правовую систему сформулированы соответствующие теоретические модели имплементации, позволяющие выявить сложности в правовом регулировании

противодействия коррупции в Российской Федерации. В связи с особенностями российской правовой системы проведено исследование специального антикоррупционного законодательства и особенностей построения в отдельных сферах деятельности на примере судебной системы.

IMPLEMENTATION OF THE INTERNATIONAL ANTI-CORRUPTION PRINCIPLES AND NORMS IN THE RUSSIAN FEDERATION

Petuhov N.A., Ryabtseva E.V.

Keywords: Corruption, international conventions, international anti-corruption organizations, ethical codes.

Abstract. In the scientific article the research of the international anti-corruption principles and norms ratified by the Russian Federation is conducted. Taking into account features of implementation of the international anti-corruption standards in national legal system the corresponding theoretical models of implementation allowing to reveal difficulties in legal regulation of anti-corruption in the Russian Federation are formulated. Due to the features of the Russian legal system the research of the special anti-corruption legislation and features of construction in separate fields of activity on the example of judicial system is conducted.

АНАЛИТИЧЕСКИЕ РАЗРАБОТКИ ГОСУДАРСТВЕННОГО УЧРЕЖДЕНИЯ «НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЦЕНТР ПРОБЛЕМ УКРЕПЛЕНИЯ ЗАКОННОСТИ И ПРАВОПОРЯДКА ГЕНЕРАЛЬНОЙ ПРОКУРАТУРЫ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ»

О НЕОБХОДИМОСТИ ЗАКРЕПЛЕНИЯ В УГОЛОВНОМ КОДЕКСЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ ПОНЯТИЯ «УГОЛОВНЫЙ ПРОСТУПОК»

(ИЗВЛЕЧЕНИЕ ИЗ АНАЛИТИЧЕСКОЙ СПРАВКИ[1])

Введение

Проблема либерализации уголовной ответственности за незначительные по тяжести преступления внесена в планы развития законодательства ряда стран постсоветского пространства. Наиболее дискутируемым направлением такой либерализации является дифференциация уголовной ответственности посредством введения института уголовного проступка. Данный институт имеет глубокие исторические корни и определённое распространение в практиках ряда современных государств.

Проблематике внедрения в законодательство понятия «уголовный проступок» посвящены труды учёных и практических специалистов в области уголовного, уголовно-процессуального и административного права, а также криминологии. В течение последних лет внимание к данной теме существенно возросло в связи с принятием в 2014 году в Республике Казахстан нового уголовного законодательства, в которое внедрена правовая регламентация уголовного проступка.

В научных публикациях достаточно рельефно обозначились два магистральных направления в отношении анализируемого понятия: 1) уголовный проступок следует внедрить как средство гуманизации уголовного законодательства; 2) уголовный проступок является инородным телом для уголовного права, а приписываемая ему гуманизация ответственности легко может быть достигнута без ломки действующего уголовного законодательства.

Задачей подготовки данной аналитической справки являлся всесторонний и объективный анализ позитивных и негативных аспектов введения в законодательный оборот данного нового для отечественного уголовного и уголовно-процессуального права понятия.

Для проведения исследования использовались общетеоретические и частноправовые, а также криминологические методы исследования. С помощью исторического и компаративного методов исследования проанализированы появление, развитие и существование законодательных практик дифференциации уголовной ответственности в зависимости от тяжести преступлений. Использование системно-диалектической методологии и методик

[1] Аналитическая справка подготовлена специалистами ГУ «Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь»: Бабием Н.А., Топориковой О.О., Гультяевой Н.Н., Швед Н.А., Солтановичем А.В., Богданович Н.А., Русецким О.В., Рочевой Е.А., Герасимовой С.И. Справка одобрена рабочей группой Совета по вопросам правовой и судебной деятельности при Президенте Республики Беларусь, созданной по поручению и в соответствии с Планом работы данного Совета на 2018 год (утверждён протоколом заседания от 30.11.2017 № 3).

социологических исследований позволило охарактеризовать межотраслевую дифференциацию ответственности с позиции единства функции государственного принуждения при наличии существенных различий в формах и методах его реализации государственно-организационными и правовыми средствами. Криминологический анализ с использованием статистических методик применён с целью установления наличия социальных оснований и условий для проведения существенных уголовно-правовых, уголовно-процессуальных и административно-правовых новаций.

1. Современное состояние уголовно-правовой категоризации преступлений и межотраслевой дифференциации ответственности

С позиции исторического развития, опыта зарубежных стран и международных правоприменительных практик уголовный проступок рассматривается как разновидность уголовно-правового нарушения наряду с преступлениями и иными правонарушениями. Отличается наименьшей степенью общественной опасности и, соответственно, наименьшей строгостью применяемых за его учинение мер уголовно-правового воздействия с использованием упрощённых процессуальных процедур.

Место уголовных проступков в системе правонарушающего поведения зависит от принятой в законодательстве страны межотраслевой дифференциации публичной ответственности:

– в тех странах, где отсутствует межотраслевая дифференциация публичных правонарушений, уголовный проступок содержится в уголовном законодательстве и занимает промежуточное место между преступлениями (наказуемы более строго, чем уголовные проступки) и правонарушениями (аналоги отечественных административных правонарушений, наказуемы менее строго, чем уголовные проступки);

– при разделении уголовной и административной ответственности уголовные проступки содержатся в уголовных кодексах как наименее опасный вид уголовно-противоправного поведения либо как категория преступления, либо как самостоятельный вид уголовного правонарушения по формуле «уголовное правонарушение = преступление + уголовный проступок».

Выделение деяний в качестве уголовных проступков традиционно осуществляется на основании наибольшей строгости предусматриваемого в санкции статьи наказания. Распространённым критерием выделения уголовных проступков является употребление в санкции в качестве наиболее строгого наказания лишения свободы на срок от одного года до трёх лет.

С содержательной точки зрения уголовные проступки являют собой промежуточный пласт правонарушений, находящийся между преступлениями и административными правонарушениями. Грань между уголовными проступками и административными правонарушениями является подвижной и зависит от особенностей национальных законодательств.

Выделение категории уголовных проступков преследует установление круга правонарушений, за совершение которых предусматриваются наиболее мягкие меры воздействия уголовно-правового характера. Смягчение ответственности выражается, в основном, в ограничении применения к уголовным проступкам институтов стадий совершения и соучастия в их учинении. Встречается и более широкое применение смягчающих ответственность мер, таких как сокращение

сроков давности, применение не наказания, а специальных мер уголовно-правового характера, исключение судимости по отбытии наказания и др.

Уголовные проступки обязаны своим появлением естественному стремлению законодателя отделить малозначительные правонарушения от опасных и определить строгость наказания сообразно тяжести правонарушения.

Законодательства всех стран, хотя и в различных вариантах, выделяют ответственность за правонарушения, наказуемые не строго и по упрощённой процедуре (в отечественном варианте – это административные правонарушения), и за наиболее опасные правонарушения, ввиду особой строгости мер реагирования, требующие судебного рассмотрения при соблюдении процессуальных гарантий, – преступления. Тем не менее, сходные содержательно правонарушения в законодательствах одних стран включены в уголовное законодательство, а в других странах, в том числе и в Республике Беларусь, – в самостоятельную отрасль наказательного права – административно-деликтное право.

Действующее уголовное законодательство Республики Беларусь (ст. 12 УК) устанавливает *категории преступлений* в зависимости от характера и степени их общественной опасности.

Категоризация преступлений имеет существенное позитивное значение для систематизации уголовно-правовых норм, обеспечения единства и справедливости дифференциации мер уголовной ответственности. Применявшийся в уголовном законодательстве советского периода перечневой способ указания преступлений помимо того, что не обеспечивал единства уголовно-правовой дифференциации, существенно затруднял понимание и применение уголовного закона, поскольку для каждого из институтов составлялись отдельные перечни преступлений.

Широкое применение категоризации преступлений указывает на её существенное значение для решения вопросов уголовной ответственности, что предполагает особую необходимость придания данному правовому институту стабильности.

Из числа существующих в УК категорий преступлений наиболее тяготеют к уголовным проступкам *преступления, не представляющие большой общественной опасности*. Данная наименее опасная категория преступлений характеризуется смягчающими особенностями применения уголовной ответственности.

Учитывая опыт формирования перечня уголовных проступков в законодательстве других стран, включая недавний опыт Республики Казахстан, к уголовным проступкам могут быть отнесены наиболее серьёзные административные правонарушения, к числу которых принадлежат в основном административные правонарушения, рассматриваемые единолично судьёй.

Основанием *отраслевой дифференциации* ответственности является различие в содержании совокупной оценки характера и степени деструктивного воздействия соответствующих правонарушений на существующие в обществе правила поведения.

Традиционным для уголовного и административного права является проведение разграничительной линии между преступлением и административным проступком по характеру создаваемой общественному

порядку угрозы: преступления являются общественно опасными, а административные проступки – общественно вредными.

Нарушения закреплённого общественного порядка по мере накопления своего разрушительного потенциала приобретают новое качество или качественно новое содержание: при невысоком потенциале нарушения являются вредоносными, при достижении высокого потенциала правонарушения становятся общественно опасными.

Для определения возникновения нового качества правонарушений через накопление количественных показателей следует учитывать, чему создаётся угроза поражения:

– если угроза создаётся жизненно важным условиям существования социального организма, то правонарушение относится к области уголовно-правовой и является преступным;

– если правонарушение не опасно для жизни, но угрожает здоровью социального организма, то такое правонарушение должно относиться к административным проступкам.

Различие между общественной опасностью и общественной вредностью, таким образом, является различием качественного рода, а не только количественным различием. Естественно, что при этом учитываются как качественная составляющая – характер угрозы (каким объектам охраны или социальным ценностям создаётся угроза), так и количественная (сколь сильный ущерб наносится соответствующим социальным объектам или ценностям).

Именно на это указывает содержание ч. 4 ст. 11 УК: «Не являются преступлением действие или бездействие, формально содержащие признаки какого-либо деяния, предусмотренного настоящим Кодексом, но в силу малозначительности не обладающие общественной опасностью, присущей преступлению. Малозначительным признаётся деяние, которое не причинило и по своему содержанию и направленности не могло причинить существенного вреда охраняемым уголовным законом интересам. Такое деяние в случаях, предусмотренных законом, может повлечь применение мер административного или дисциплинарного взыскания».

Весь массив правонарушающего поведения, требующего государственных мер принудительно-карательного воздействия, в отечественном законодательстве разделён одной чертой на две части, охватываемые нормами двух названных отраслей права. Однако между этими двумя отраслями нет непроходимой границы, которая исключала бы возможность корректировки мер ответственности в соответствии с множеством конкретных жизненных обстоятельств, требующих изменения правовой оценки того или иного вида правонарушений.

Более того, есть все основания констатировать, что в отечественном законодательстве сложилась устойчивая и эффективная система межотраслевого взаимодействия административного и уголовного права. Избрание адекватных тяжести содеянного мер государственного реагирования осуществляется на двух уровнях: законодательном и правоприменительном.

На законодательном уровне решаются вопросы об отнесении тех или иных деликтов соответственно к уголовным преступлениям или к административным проступкам. При недостаточности мер административно-правового характера для противодействия отдельным видам девиантного поведения законодатель

криминализует наиболее опасные формы их проявления, устанавливая уголовную ответственность, в том числе и с использованием административной преюдиции. Тем самым создаётся плавный переход от мер административного взыскания к мерам уголовного наказания для обеспечения эффективности государственного принуждения.

В УК выделена специальная норма (ст. 32), закрепляющая в качестве условия уголовной ответственности административную и дисциплинарную преюдицию: «В случаях, предусмотренных Особенной частью настоящего Кодекса, уголовная ответственность за преступление, не представляющее большой общественной опасности, наступает, если деяние совершено в течение года после наложения административного или дисциплинарного взыскания за такое же нарушение».

Нормы с административной преюдицией достаточно широко представлены в действующем УК. Такие нормы содержатся в 35 статьях, что по отношению к статьям, содержащим нормы о преступлениях, не представляющих большой общественной опасности, составляет почти 20 %, т. е. почти каждое пятое преступление названной категории содержит административную преюдицию как условие уголовной ответственности.

Одновременно в нормах уголовного и административного кодексов содержится множество норм, предусматривающих ответственность за сходные по содержанию правонарушения. Характерными примерами могут служить нормы об ответственности за правонарушения в сфере порядка осуществления экономической деятельности и в сфере экологической безопасности. Так, ст. 12.7 КоАП называется «Незаконная предпринимательская деятельность» и ст. 233 УК именуется «Незаконная предпринимательская деятельность». Естественно, что в указанных случаях законодатель должен обеспечить единство содержания разноотраслевых правонарушений и устанавливать максимально возможные конкретные критерии разграничения одноимённых преступлений и административных проступков.

В уголовном праве административная ответственность также широко применяется в качестве своего рода индикатора эффективности применения мер уголовно-правового характера к лицам, осуждённым за совершение преступлений. Привлечение лица к административной ответственности в процессе реализации осуждения с отсрочкой исполнения наказания, осуждения с условным неприменением наказания, превентивного надзора, условно-досрочного освобождения от наказания и т.д. приводит к изменению или отмене применения соответствующих мер. О тесной связи административного и уголовного права свидетельствует уже тот факт, что в отечественном УК содержится более тридцати норм с административной преюдицией.

В силу недопустимости перехода к худшему как одному из правовых принципов перевод административных правонарушений в уголовно наказуемые преступления может быть осуществлён только посредством изменения уголовного закона по воле самого законодателя.

Вместе с тем перевод не представляющих большой общественной опасности преступлений, по сути, в административные проступки может быть осуществлён непосредственно правоприменителем. Такое право прямо предусмотрено самим законом. Движение от уголовной ответственности к административной возможно на основании ст. 86 УК, которая предусматривает освобождение от уголовной ответственности с привлечением к административной

ответственности лица, впервые совершившего преступление, не представляющее большой общественной опасности, или менее тяжкое преступление при наличии определённых условий.

Следует также отметить, что корректировка опасности преступлений, по степени тяжести тяготеющих к нижней границе уголовно-правовой сферы государственного реагирования на правонарушения, может быть осуществлена правоприменителем по значительно большему числу оснований, чем освобождение от уголовной ответственности с привлечением к административной ответственности. Помимо смягчения ответственности осуждением без назначения наказания (ст. 79 УК) закон предусмотрел также полное освобождение от уголовной ответственности в силу утраты деянием или лицом общественной опасности (ст. 87 УК), в связи с деятельным раскаянием (ст. 88 УК), в связи с примирением с потерпевшим (ст. 89 УК), в силу примечаний к главам 37-38 УК.

Изложенное выше свидетельствует о наличии в отечественном уголовном законодательстве достаточно подробной и полной регламентации вопросов уголовной ответственности за преступления, не представляющие большой общественной опасности.

Действующее уголовное законодательство Республики Беларусь позволяет не только назначать адекватные меры наказания за преступления анализируемой категории, но при наличии целого ряда соответствующих смягчающих обстоятельств освобождать виновных от уголовной ответственности, в том числе и с привлечением к административной ответственности.

Межотраслевая дифференциация уголовной ответственности представляется достаточно эффективной, позволяющей оперативно реагировать на изменение характера и тяжести деструктивного поведения как посредством криминализации наиболее опасных проявлений, так и путём декриминализации не являющихся опасными деяний с отнесением их к числу административных проступков.

С *уголовно-процессуальной* точки зрения рассмотрение преступлений, не представляющих большой общественной опасности, в полной мере подчиняется положениям УПК, согласно которым предварительное расследование дел осуществляется в общем порядке либо в порядке ускоренного производства.

В связи с обсуждением проблемы упрощения процессуальной формы расследования и рассмотрения преступлений, не представляющих большой общественной опасности, которые потенциально могут составить основу уголовных проступков, можно предложить три вида форм досудебного производства по уголовному делу:

1) предварительное расследование в общем порядке (на сегодняшний день данная форма предусмотрена разделом VIII УПК);

2) ускоренное производство (глава 47 УПК);

3) протокольная форма досудебной подготовки материалов (данная форма пока отсутствует в действующем УПК).

2. Практика применения мер ответственности за преступления, не представляющие большой общественной опасности

Судебная практика рассмотрения уголовных дел по преступлениям, не представляющим большой общественной опасности, является сформировавшейся, стабильной и не испытывает каких-либо значительных

трудностей в правопонимании и правоприменении, на что косвенным образом указывает отсутствие специальных постановлений высшей судебной инстанции по вопросам ответственности за анализируемые преступления.

Криминологический анализ данных судебной статистики о преступлениях, не представляющих большой общественной опасности (далее – НБОО) демонстрирует следующие особенности, имеющие значение для принятия решения о введении уголовного проступка.

1. Преступления НБОО, представляя собой существенную часть всех предусмотренных УК преступлений, в практике привлечения к уголовной ответственности встречаются редко. На сегодняшний день рассматриваемые преступления составляют почти четверть из предусмотренных Особенной частью УК уголовно наказуемых деяний. Из их числа только 13,7 % составов являются в полной мере «действующими». По ним ежегодно осуждается в среднем 13 тыс. человек или 31,3 % от общего количества всех осуждённых за уголовно наказуемые деяния.

2. Структура преступлений НБОО не однородна как в формально-правовом, так и в криминологическом плане. По 37 составам рассматриваемых преступлений предусмотрена административная преюдиция. Санкции 82 (43,3 %) статей предусматривают лишение свободы. При этом по ним ежегодно осуждается более 20% от общего количества всех осуждённых в Республике Беларусь лиц. Удельный вес лиц, осуждённых за преступления НБОО с более мягкими санкциями, от общего количества всех осуждённых составляет только около 5 %.

3. Характеристика субъектов преступлений НБОО позволяет определить основные черты лиц, совершающих такие преступления.

Основной фиксируемый статистикой массив преступлений НБОО в Республике Беларусь формируется за счёт уголовно наказуемых деяний, связанных с уклонением родителей от содержания детей либо от возмещения расходов, затраченных государством на содержание детей, находящихся или находившихся на государственном обеспечении. Также значительны по объёму преступления, связанные с несоблюдением требований превентивного надзора, угрозой убийством, причинением тяжких телесных повреждений или уничтожением имущества, управлением транспортным средством лицом, находящимся в состоянии опьянения, уклонением от мероприятий призыва на воинскую службу.

Преимущественно преступления НБОО совершают лица в возрасте 30-49 лет (59,7 %). Несовершеннолетние практически не задействованы в формировании статистической картины рассматриваемых преступлений.

Около половины (49,3 %) осуждённых за преступления НБОО в 2017 году лиц не работали и не учились, 47,4 % имели не снятую и не погашенную судимость, 27,1% – неоднократную.

В сравнении с данными по остальным категориям преступлений прослеживается существенно более выраженная склонность контингента, совершающего рассматриваемые преступления, к систематической преступной деятельности. Удельный вес осуждённых лиц, совершивших преступления НБОО, при рецидиве в 2017 году составил 46,1 %. В то же время данный показатель для лиц, осуждённых за менее тяжкие преступления, составил 37 %, за тяжкие и особо тяжкие преступления – 16,9 % и 27,8 % соответственно.

В 2017 году от общего количества осуждённых за преступления НБОО 17,2 % лиц привлекались к ответственности по нормам с административной преюдицией.

4. Характеристика контингента, совершающего преступления НБОО, влияет на уголовную политику в отношении данных лиц. В структуре мер уголовной ответственности лиц, осуждённых за рассматриваемые преступления, основной объём (в среднем 62%) приходится на наказания, не связанные с лишением свободы. В то же время каждый четвёртый из осуждённых приговаривается к аресту, каждый десятый – к лишению свободы, применение которого за последние годы существенно расширилось (в основном за счёт случаев назначения лишения свободы на срок до 1 года).

В общем количестве лиц, осуждённых к лишению свободы в 2017 году, лица, осуждённые к этому виду наказания за преступления НБОО, составили 14 %, а среди всех лиц, осуждённых к аресту, осуждённые к аресту за преступления НБОО составили 44%.

3. Компаративный анализ уголовного законодательства зарубежных стран об ответственности за проступок, международно-правовые стандарты оценки уголовных проступков

В ряде зарубежных государств уголовные кодексы дифференцируют уголовно-правовые деяния на две или три категории, среди которых, как правило, самые малозначительные преступления определяются как «уголовные проступки». При этом следует отметить, что в разных странах подходы к категоризации преступных деяний различаются. Можно выделить две группы стран в зависимости от использования в УК двухзвенной или трёхзвенной системы подразделения уголовных деяний на категории.

К странам с трёхзвенной системой уголовных деяний следует отнести Францию и Бельгию. В УК Франции выделяются преступления, проступки и нарушения (ст. 111-1), в УК Бельгии – преступления, проступки и полицейские нарушения (ст. 1).

Исследование регламентации уголовного проступка в УК зарубежных государств позволило выявить различные подходы законодателей к дифференциации уголовных проступков и преступлений. Не во всех странах установлены особые условия и правила, связанные с особенностями привлечения к уголовной ответственности за проступок, применения иных мер уголовной ответственности или уголовно-правового воздействия, особенности освобождения от уголовной ответственности и наказания, соотношение уголовного проступка с иными институтами уголовного права и т.д. В большинстве случаев уголовный проступок выполняет роль минимально опасной категории преступлений, что аналогично преступлениям, не представляющим большой общественной опасности, в УК Республики Беларусь.

В странах СНГ И ЕАЭС только в уголовном законе Казахстана реализована идея уголовного проступка как наименее опасного вида уголовно-порицаемого поведения. Поднимается вопрос о необходимости введения проступка в уголовное законодательство Российской Федерации и Украины.

Вопросы категоризации правонарушений и межотраслевой дифференциации ответственности не нашли своего отражения и закрепления в международно-правовых актах. Вместе с тем имеется обширная правоприменительная международная практика по конкретным вопросам реализации публичной

ответственности в зависимости от вида правонарушения (преступления, проступки, правонарушения) и характера применяемых к нарушителям мер государственного принуждения. На основе этой практики сформированы единые подходы к оценке справедливости и гуманности государственных практик привлечения виновных к уголовной, административной и гражданско-правовой ответственности с позиции соблюдения прав человека в соответствии с Конвенцией о защите прав человека и основных свобод (далее – Конвенция).

Правовой основой оправления правосудия в области публичной ответственности является шестая статья Конвенции, которая хотя и употребляет понятие «уголовное преступление», но трактуется в более широком значении – как основа для оценки любых случаев применения государственного публичного принуждения за правонарушающее поведение.

Накопленный в сфере прецедентной практики опыт позволил судьям Европейского Суда по правам человека (далее – Европейский Суд) сформировать концепцию уголовной сферы (criminal matter) или концепцию уголовного права в широком смысле, охватывающего преступления, проступки и правонарушения. Прецедентная практика Европейского Суда установила три критерия, обычно именуемых критериями дела «Энгель» (см. постановление Европейского Суда по делу «Энгель и другие против Нидерландов» [Engel and Others v. the Netherlands], 8 июня 1976 года, серия А, № 22, § 82) и учитываемых при определении того, имеется ли «уголовное обвинение» по смыслу п. 1 ст. 6 Конвенции. Первый критерий заключается в правовой квалификации правонарушения по национальному законодательству, второй – в самом характере правонарушения, а третий – в характере и степени суровости наказания, которому рискует подвергнуться соответствующее лицо. Второй и третий критерии являются альтернативными и необязательно должны сочетаться. Это, однако, не исключает применения совокупности критериев, если анализ каждого критерия по отдельности не позволяет сделать чёткий вывод о существовании уголовного обвинения (см., среди прочих, постановления Большой Палаты Европейского Суда по делам «Юссила против Финляндии» [Jussila v. Finland], жалоба № 73053/01, ECHR [Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека] 2006-XIII, § 30-31; и «Эзе и Коннорс против Соединённого Королевства» [Ezeh and Connors v. the United Kingdom], жалобы № 39665/98 и 40086/98, ECHR [Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека] 2003-X, § 82)» [Дело «Блохин против России» [Blokhin v/ Russia]: постановление Европейского Суда по правам человека, г. Страсбург, 23 марта 2016 г. // Права человека: практика Европейского Суда по правам человека. – 2017. – № 12.].

Выводы

В уголовном законодательстве Республики Беларусь достаточно подробно и всесторонне регламентированы вопросы уголовной ответственности за преступления, не представляющие большой общественной опасности, что позволяет не только назначать адекватные меры наказания за преступления данной категории, но при наличии целого ряда соответствующих смягчающих обстоятельств освобождать виновных от уголовной ответственности, в том числе и с привлечением их к административной ответственности.

Исторически сложившаяся в Республике Беларусь межотраслевая дифференциация публичной ответственности на уголовную и административную

является объективным результатом кодификационного процесса, который позволяет весьма эффективно реагировать на изменение характера и тяжести деструктивного поведения как посредством криминализации наиболее опасных проявлений, так и путем декриминализации утративших общественную опасность деяний с отнесением их к числу административных проступков.

Дальнейшая гуманизация уголовного законодательства Республики Беларусь в части ответственности лиц, впервые совершивших преступления, не представляющие большой общественной опасности, при научно обоснованной необходимости может быть осуществлена посредством внесения изменений и дополнений в отдельные статьи Общей и Особенной частей Уголовного Кодекса Республики Беларусь. К числу таких уточнений могут быть отнесены, в частности,

смягчение мер ответственности лиц, впервые совершивших преступления, не представляющие большой общественной опасности;

расширение оснований и условий освобождения указанной категории лиц от уголовной ответственности;

погашение судимости указанных лиц после отбытия наказания за совершение преступлений, не представляющих большой общественной опасности;

декриминализация отдельных преступлений, не представляющих большой общественной опасности, с переводом их в число административных проступков.

Наряду с гуманизацией уголовного законодательства значительный потенциал смягчения мер ответственности за преступления, не представляющие большой общественной опасности, содержится в совершенствовании правоприменительной практики органов уголовного преследования, прокуратуры, судов, а также уголовно-исполнительной системы.

С учетом необходимости обеспечения прав человека и гражданина определенные изменения в части упрощения процедуры судопроизводства по преступлениям, не представляющим большой общественной опасности, могут быть внесены в Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь.

Понятие «уголовный проступок» в его ретроспективе в отечественном законодательстве по своему содержанию полностью соответствует современному содержанию понятия «административный проступок». После проведенной междисциплинарной дифференциации ответственности уголовные проступки были выведены из уголовного законодательства и кодифицированы в самостоятельном законодательном акте – Кодексе об административных правонарушениях.

Понижение уровня ответственности за преступления, не представляющие большой общественности опасности, до уровня административной ответственности либо повышение административной ответственности до уровня ответственности за преступления, не представляющие большой общественности опасности, путем введения в Уголовный кодекс Республики Беларусь понятия «уголовный проступок» противоречит сущности межотраслевой дифференциации ответственности и принципам криминализации, не вызывается криминогенной обстановкой и не востребовано современными социально-политическими, экономическими, правовыми и иными процессами жизнедеятельности белорусского государства.

Вместе с тем в силу публичного характера административной ответственности и отнесения ее к уголовно-правовой сфере в интерпретациях Европейского Суда по правам человека к административной ответственности в международном праве предъявляются те же требования по соблюдению прав человека, что и при отправлении правосудия по уголовным делам. Поэтому в части обеспечения конституционных гарантий неприкосновенности личности, соблюдения прав человека при применении мер административной ответственности либо мер обеспечения административного процесса необходимо проведение комплексного исследования с целью гуманизации законодательства об административных правонарушениях и административного процессуального законодательства Республики Беларусь.

ИНФОРМАЦИОННО-АНАЛИТИЧЕСКИЙ ОБЗОР СЕКРЕТАРИАТА КООРДИНАЦИОННОГО СОВЕТА ГЕНЕРАЛЬНЫХ ПРОКУРОРОВ ГОСУДАРСТВ – УЧАСТНИКОВ СОДРУЖЕСТВА НЕЗАВИСИМЫХ ГОСУДАРСТВ

Вступительное слово к обзору

Информационно-аналитический обзор «Практика работы генеральных прокуратур государств – участников СНГ по координации деятельности правоохранительных органов в сфере борьбы с преступностью, укрепления законности и правопорядка» подготовлен в 2018 году Секретариатом Координационного совета генеральных прокуроров государств – участников Содружества Независимых Государств (КСГП, Координационный совет) совместно с Научно-методическим центром Координационного совета, действующим на базе Университета прокуратуры Российской Федерации.

На пространстве Содружества Независимых Государств большинство генеральных прокуратур выполняют роль координаторов деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью, организаторов процесса выработки и реализации мер по выявлению, расследованию и предупреждению преступлений, принятию мер по устранению причин и условий, способствующих совершению преступлений. Наделение прокуроров координационными полномочиями обусловлено правовым положением прокуратуры в системе органов государственной власти, наличием у них обширной и объективной информации о совершенных преступлениях, их раскрываемости, качестве расследования, причинах и условиях, способствующих их совершению, результатах поддержания прокурором государственного обвинения. Прокуратура, осуществляя надзор за исполнением законов, имеет возможность выявлять недостатки в деятельности органов, которые проводят оперативно-розыскную деятельность, дознание и предварительное следствие, принимать меры, направленные на их устранение.

В соответствии с Положением о Координационном совете от 25.01.2000 (с изм. от 10.12.2010), утвержденным решением Совета глав государств СНГ, одним из основных направлений деятельности КСГП является осуществление обмена информацией о состоянии преступности и тенденциях ее развития, об организации и опыте работы органов прокуратуры, о координации деятельности национальных правоохранительных органов в борьбе с преступностью.

Секретариат КСГП как постоянно действующий орган Координационного совета, созданный в целях организационно-технического обеспечения деятельности КСГП и оперативного взаимодействия прокуратур государств – участников СНГ, уделяет большое значение обмену информацией об опыте прокуратур государств – участников СНГ в сфере координации деятельности правоохранительных органов в борьбе с преступностью на территории стран Содружества.

Это направление деятельности включено в План работы КСГП на 2014–2018 годы. Секретариат КСГП совместно с Научно-методическим центром КСГП и генеральными прокуратурами государств – участников СНГ обеспечивает его реализацию.

Обзор подготовлен по результатам анализа предоставленных генеральными прокуратурами государств – участников СНГ сведений о практике их деятельности в указанной области и в целях обмена положительным опытом направлен в генеральные прокуратуры государств – участников СНГ и органы СНГ в сфере обеспечения правопорядка и безопасности.

Исполнительный секретарь Координационного совета генеральных прокуроров государств – участников СНГ, заслуженный юрист Российской Федерации, почетный прокурор стран СНГ, государственный советник юстиции 2 класса ***Л.В. Ермолаев***

ПРАКТИКА РАБОТЫ ГЕНЕРАЛЬНЫХ ПРОКУРАТУР ГОСУДАРСТВ – УЧАСТНИКОВ СНГ ПО КООРДИНАЦИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ В СФЕРЕ БОРЬБЫ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ, УКРЕПЛЕНИЯ ЗАКОННОСТИ И ПРАВОПОРЯДКА(ИНФОРМАЦИОННО-АНАЛИТИЧЕСКИЙ ОБЗОР)

Во исполнение пункта 1.4 Плана работы Координационного совета генеральных прокуроров государств – участников Содружества Независимых Государств на 2014–2018 годы в Научно-методическом центре КСГП проанализирована практика генеральных прокуратур Республики Армения, Республики Беларусь, Республики Казахстан, Кыргызской Республики, Республики Молдова, Российской Федерации и Республики Таджикистан[1] по координации деятельности правоохранительных органов в сфере борьбы с преступностью, укрепления законности и правопорядка.

ГЕНЕРАЛЬНАЯ ПРОКУРАТУРА РЕСПУБЛИКИ АРМЕНИЯ

К компетенции Генеральной прокуратуры Республики Армения не относятся полномочия по координации деятельности правоохранительных органов в сфере борьбы с преступностью и коррупцией, укрепления законности и правопорядка.

Вместе с тем, по информации Генеральной прокуратуры Республики Армения, основные вопросы организации деятельности прокуратуры являются предметом рассмотрения Коллегии Генеральной прокуратуры Республики Армения. Так, в 2016–2017 годах решениями Коллегии Генеральной прокуратуры Республики Армения были определены основные критерии реализации прокурорских полномочий, в том числе при избрании ареста в качестве меры пресечения, реализации права на встречный опрос, квалификации отдельных категорий преступлений, розыска подозреваемых и обвиняемых, расследования заявлений о жестоком обращении.

[1] В материалах, представленных генеральными прокуратурами государств – участников СНГ, отсутствуют единые критерии отражения информации. В связи с этим по отдельным государствам – участникам СНГ сведения приводятся по иной структуре, без разбивки по конкретным пунктам.

Генеральная прокуратура Республики Армения принимает активное участие в разработке нормативной правовой базы в сфере противодействия коррупции. В рамках реализации мероприятий, предусмотренных планом осуществления мероприятий Антикоррупционной стратегии Республики Армения на 2015–2018 годы, утвержденным постановлением Правительства Республики Армения 25 сентября 2015 г., с участием Генеральной прокуратуры Республики были подготовлены изменения в Уголовный кодекс в части криминализации незаконного обогащения. Принятый Национальным собранием Республики Армения Закон от 16.12.2016 № ЗА-230-Н «О внесении дополнения в Уголовный Кодекс Республики Армения» вступил в силу 1 июля 2017 г. Указанным законом введена уголовная ответственность лиц, которые в соответствии с Законом Республики Армения от 27.12.2001 г. № ЗР-272 «О гражданской службе» обязаны представлять за отчетный период декларации о доходах. Основанием для уголовной ответственности является увеличение имущества и (или) сокращение обязательств, сумма которых на момент совершения преступления превышает законные доходы указанного лица в размере суммы, превышающей установленную минимальную зарплату в пять тысяч раз, и не поддается «разумному обоснованию» при отсутствии признаков преступления, послужившего основой для незаконного обогащения.

С участием Генеральной прокуратуры Республики Армения был разработан Закон «О внесении дополнений и изменений в Уголовный Кодекс Республики Армения», который 9 июня 2017 г. принят Национальным собранием Республики Армения. Указанным законодательным актом внесены изменения в редакцию статьи 311^2 УК Республики Армения (использование реального или предполагаемого влияния). Согласно новой редакции нормы использование реального или предполагаемого влияния влечет уголовную ответственность не только в случае совершения этих действий в корыстных целях, но и для достижения личной или групповой выгоды. Кроме этого, действие состава преступления распространяется также на те случаи, когда реальное или предполагаемое влияние использовалось в интересах третьих лиц.

При участии Генеральной прокуратуры Республики Армения разработан пакет законов, касающихся регулирования отношений, связанных с осведомлением о случаях коррупционного поведения. В частности, 9 июня 2017 г. Национальным собранием Республики Армения принят Закон № ЗР-97 «О системе осведомления», регламентирующий порядок осведомления, устанавливающий права осведомляющего лица, обязанности государственных органов и органов местного самоуправления, государственных учреждений и организаций, организаций общественного назначения, а также защиту осведомляющего лица и его близких. Для обеспечения анонимности осведомителя Закон предусматривает создание единой электронной площадки осведомления.

Согласно статьи 9 Закона Генеральная прокуратура Республики Армения в пределах своей компетенции обеспечивает постановку на учет, рассмотрение каждого введенного в единую электронную площадку сообщения, принятие в пределах своей компетенции мер и вынесение при необходимости соответствующего акта.

Осведомляющему лицу предоставляется право не только на конфиденциальность своих личных данных, но и на защиту от причиняющих

ему вред действий и их последствий. В связи с этим Уголовный кодекс Республики Армения дополнен нормой, предусматривающей уголовную ответственность за угрозу нанесения вреда жизни, здоровью или имуществу лица, предоставившего сообщение по поводу преступления, или его близких, а также за незаконное разоблачение лица, предоставляющего сообщение по поводу преступления сотрудником правоохранительного органа.

Кроме того, соответствующие гарантии для лиц, сообщающих о коррупционных преступлениях, включены в уголовно-процессуальное законодательство Республики Армения, в том числе им предоставляется возможность пользоваться мерами специальной защиты наравне с потерпевшим, свидетелем и экспертом.

В целях повышения прозрачности деятельности органов прокуратуры при участии Генеральной прокуратуры Республики Армения был разработан законопроект «О внесении дополнений в Закон Республики Армения «О прокуратуре», который 9 июня 2017 г. принят Национальным Собранием Республики Армения. Внесенные изменения предусматривают, что Генеральный прокурор Республики Армения ежегодно до 1 апреля обязан публиковать на сайте Генеральной прокуратуры сообщение, касающееся расследования преступлений, в котором должны содержаться сведения о результатах расследования преступлений, статистических данных, сравнительном анализе и выводах, сделанных в течение предыдущего года. Для подготовки указанной информации следственные органы ежегодно до 1 февраля представляют в Генеральную прокуратуру сведения и статистические данные о результатах расследования преступлений, совершенных в минувшем году.

С целью приведения в соответствие с международными антикоррупционными стандартами перечня преступлений, признаваемых коррупционными, повышения качества поддержания обвинения в суде и прокурорского надзора по уголовным делам указанной категории приказом Генерального прокурора Республики Армения от 19.01.2017 № 3 установлены стандарты рассмотрения деяний, предусмотренных Уголовным кодексом Республики Армения в качестве коррупционных преступлений, и утвержден перечень коррупционных преступлений, включающий 67 составов преступлений. Названным приказом к коррупционным преступлениям отнесены деяния, совершенные с целью получения неправомерного преимущества в корыстных целях или для собственного интереса или интересов группы, с применением возможностей, предоставленных должностным положением особого субъекта – должностного лица или другого лица, осуществляющего распорядительные или иные управленческие функции в коммерческих или иных организациях.

Приказом Генерального прокурора Республики Армения от 13.03.2017 № 26 установлены образцовые формы распоряжений относительно распределения рабочих обязанностей между прокурорами в системе прокуратуры Республики Армения, а также внесения изменений и /или/ дополнений в такие распоряжения. В соответствии с данным Приказом прокурорам г. Ереван и областей поручено по возможности обеспечить специализацию прокуроров по отдельным видам преступлений, в том числе по преступлениям, направленным против интересов государства, и коррупционным преступлениям.

В Республике Армения полномочиями по противодействию преступлениям коррупционного характера наделены различные правоохранительные органы. В частности, предварительное следствие по делам коррупционной направленности вправе осуществлять органы полиции, Службы национальной безопасности, Специальная следственная служба Республики Армения, а также Комитет государственных доходов Республики Армения. К компетенции органов прокуратуры отнесено осуществление надзора за законностью дознания и предварительного следствия по преступлениям коррупционной направленности, а также поддержание обвинения в суде.

Приказом Генерального прокурора Республики Армения от 22.01.2018 № 1 утверждено методическое руководство по представлению статистических данных и сведений о результатах расследования коррупционных преступлений следственными органами.

По информации Генеральной прокуратуры Республики Армения, в 2017 году компетентными органами республики было подготовлено 767 материалов о преступлениях коррупционного характера (в 2016 году – 1187), по 591 (731) из которых были возбуждены уголовные дела, по 165 – в возбуждении уголовного дела было отказано, 11 материалов было направлено по подсудности. Кроме возбужденных уголовных дел, в отчетный период к производству принято 186 уголовных дел (221), производство по 62 (73) из которых ранее было прекращено или приостановлено и возобновлено, 84 (131) были получены из других органов, 9 (4) из них прокурорами возвращены для дополнительного расследования. Из расследуемых уголовных дел выделено в отдельное производство 31 (13) уголовное дело, в производстве находилось 253 (452) уголовных дела, оставшихся с предыдущего года.

Из 1030 уголовных дел, находящихся в производстве органов предварительного следствия Республики Армения, производство по 529 (2016 году – 707) делам было завершено, по 321 – прекращено по реабилитирующим основаниям, по 62 – по нереабилитирующим основаниям. Из оставшихся 146 (114) дел, по которым производство было завершено, 145 уголовных дел в отношении 280 лиц были направлены в суд (в 2016 году – 114 дел в отношении 234 лиц).

В частности, в 2017 году 8 материалов (в 2016 году – 4) было подготовлено по признакам состава мошенничества, совершенного с применением должностного положения (статья 178 Уголовного кодекса Республики Армения), по 7 из которых были возбуждены уголовные дела. За указанный период по указанному составу преступления было расследовано 12 (10) уголовных дел, производство по 5 (7) из них было завершено, в том числе 2 (4) дела в отношении 2 (5) лиц с обвинительным заключением было направлено в суд.

По присвоению и растрате с использованием должностного положения (статья 179 УК РА) в 2017 году подготовлен 81 материал (59), по 69 (55) из них были возбуждены уголовные дела. За отчетный период по указанному составу преступления расследовано 134 уголовных дела (121), производство по 64 (53) из них завершено, в том числе 27 дел (19) в отношении 43 (28) лиц с обвинительным заключением направлены в суд.

По статье 184 УК РА, предусматривающей ответственность за причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием, совершенное с использованием должностного положения, в 2017 году

подготовлено 2 (0) материала, по которым были возбуждены уголовные дела. В отчетный период по указанному составу преступления расследовано 3 уголовных дела, по одному из них производство завершено с прекращением дела по реабилитирующему основанию.

По отмыванию денег (статья 190 УК РА) в 2017 году подготовлен 1 материал (1), по которому возбуждено уголовное дело. В отчетный период по указанному составу преступления было расследовано 8 уголовных дел (0), из которых завершено производство с направлением в суд по одному делу в отношении 5 лиц.

По преступлению, предусмотренному статьей 200 УК РА «О коммерческой взятке», подготовлено 11 материалов (8), по 11 (5) из которых возбуждены уголовные дела. В 2017 году по указанному составу преступления было расследовано 17 уголовных дел (7), из которых по 9 (5) производство было завершено, в том числе 4 дела (1) в отношении 4 лиц (21) с обвинительным заключением направлены в суд.

В 2017 году подготовлено 4 материала (1) по признакам состава преступления, предусмотренного статьей 201 УК РА, устанавливающей ответственность за подкуп участников и организаторов профессиональных спортивных соревнований и зрелищных коммерческих конкурсов, по 4 (0) из них были возбуждены уголовные дела. В отчетный период по указанному составу преступления расследовано с учетом ранее возбужденных 8 уголовных дел, по двум из которых производство завершено, в том числе 1 дело в отношении 4 лиц направлено в суд с обвинительным заключением.

По фактам злоупотребления полномочиями служащими коммерческих или иных организаций (статья 214 УК РА) подготовлено 52 материала (64), по 40 (50) из которых были возбуждены уголовные дела. В 2017 году расследовано 101 уголовное дело (122), из которых производство завершено по 42 (39) делам, в том числе 9 (3) дел в отношении 14 лиц (4) с обвинительным заключением направлены в суд.

По фактам злоупотребления должностными полномочиями (статья 308 УК РА) подготовлено 228 материалов (180), по 134 (98) из которых возбуждены уголовные дела. В отчетный период по указанному составу преступления было расследовано 238 (183) уголовных дел, из которых по 120 делам производство было завершено, в том числе 25 дел (18) в отношении 48 лиц (28) направлены в суд.

По фактам превышения должностных полномочий (статья 309 УК РА) подготовлено 73 материала (144), по 66 (100) из которых возбуждены уголовные дела. В отчетный период по указанному составу преступления было расследовано 100 уголовных дел (170), из которых по 60 (129) производство прекращено по реабилитирующим основаниям.

По фактам получения взятки (статья 311 УК РА) подготовлено 63 материала (42), по 55 (35) из которых были возбуждены уголовные дела. В отчетный период по указанному составу преступления расследовано 95 уголовных дел (63), из которых по 46 (26) производство было завершено, в том числе 27 (10) дел в отношении 55 лиц (26) направлены в суд с обвинительным заключением.

По фактам получения общественным служащим, не являющимся должностным лицом, незаконного вознаграждения (статья 311^1 УК РА) подготовлено 6 материалов (14), по 5 (6) из которых возбуждены уголовные

дела. В отчетный период по указанному составу преступления было расследовано 9 (10) уголовных дел, из которых по 7 (2) производство завершено, в том числе 1 (1) дело в отношении 2 лиц (10) направлено в суд с обвинительным заключением.

По фактам дачи взятки (статья 312 УК РА) подготовлено 17 материалов (13), по всем из них (8) были возбуждены уголовные дела. В отчетный период по указанному составу преступления расследовано 34 уголовных дела (22), из которых производство завершено по 15 делам (15), в том числе 13 дел (11) в отношении 49 лиц (26) направлены в суд с обвинительным заключением.

По фактам посредничества во взяточничестве (статья 313 УК РА) в 2017 году подготовлен 1 материал (0), по которому было возбуждено уголовное дело. В отчетный период по указанному составу преступления расследовано 3 уголовных дела, из которых по двум производство завершено, в том числе 2 дела в отношении 8 лиц направлены в суд с обвинительным заключением.

По фактам служебного подлога (статья 314 УК РА) подготовлено 88 (118) материалов, по 67 (64) из которых были возбуждены уголовные дела. В отчетный период по указанному составу преступления было расследовано 119 (141) уголовных дел, из которых по 70 (84) производство завершено, в том числе 15 дел (23) в отношении 16 лиц (49) направлены в суд с обвинительным заключением.

По фактам непринятия в предусмотренном законом порядке мер по пресечению, предотвращению самовольного захвата земельных участков, являющихся государственной или муниципальной собственностью, а также самовольного возведения зданий и строений (статья 315^2 УК РА) было подготовлено 19 материалов (19), по 10 (9) из которых возбуждены уголовные дела. В отчетный период по указанному составу преступления расследовано 14 (16) уголовных дел, из которых по 11 (13) производство завершено, в том числе 1 дело (1) в отношении 1 лица (1) направлено в суд с обвинительным заключением.

По фактам принуждения к даче показаний или объяснений, ложного заключения или неправильного перевода судьей, прокурором, следователем или следственным органом (статья 341 УК РА) подготовлено 8 (2) материалов, по 8 из которых были возбуждены уголовные дела. В отчетный период по указанному составу преступления расследовано 8 (2) уголовных дел, из которых по 7 (0) производство прекращено по реабилитирующим основаниям.

По фактам фальсификации доказательств (статья 349 УК РА) подготовлено 11 (5) материалов, по всем из них возбуждены уголовные дела. В отчетный период по указанному составу преступления было расследовано 14 уголовных дел (7), из которых по 11 (3) производство прекращено по реабилитирующим основаниям.

По фактам вынесения заведомо неправосудного приговора, решения суда или иного судебного акта (статья 352 УК РА) был подготовлен один материал (6), по которому отказано в возбуждении уголовного дела.

По фактам умышленного неисполнения судебного акта (статья 353 УК РА) подготовлено 17 (21) материалов, по 10 (12) из которых возбуждены уголовные дела. В отчетный период по указанному составу преступления расследовано 14 (20) уголовных дел, из которых по 10 (16) производство было завершено,

в том числе 2 дела (0) в отношении 2 лиц с обвинительным заключением направлены в суд.

По фактам злоупотребления властью, превышения или бездействия власти (статья 375 УК РА) подготовлено 68 материалов (18), по 68 (18) из которых возбуждены уголовные дела. В отчетный период по указанному составу преступления было расследовано 90 (33) уголовных дел, из которых по 45 (25) производство было завершено, в том числе 14 дел (3) в отношении 26 (6) лиц направлены в суд с обвинительным заключением.

Анализируя статистические данные по делам коррупционной направленности за 2016 и 2017 годы, можно сделать вывод, что за отчетный период работа в этом направлении носила более системный характер. Так, в 2017 году из находящихся в производстве 1030 уголовных дел производство только по 529 уголовным делам было завершено, из которых производство по 321 делам прекращено по реабилитирующим основаниям, а в 62 случаях – по нереабилитирующим основаниям. Из оставшихся 146 уголовных дел, производство по которым было завершено, 145 дел в отношении 280 лиц, из которых 52 находились под стражей, с обвинительным заключением направлены в суд. Одно уголовное дело направлено в суд с ходатайством о применении принудительных мер медицинского характера.

В 2016 году из находящихся в производстве 1404 уголовных дел (из которых 421 – по признакам статьи 205 УК РА, исключенной в 2017 году из перечня преступлений коррупционного характера) производство только по 707 уголовным делам было завершено, из них производство по 517 делам прекращено по реабилитирующим основаниям, а в 76 случаях – по нереабилитирующим. Из оставшихся 114 уголовных дел, производство по которым было завершено, в отношении 234 лиц, из которых 28 находились под стражей, с обвинительным заключением направлены в суд.

Таким образом, в 2017 году хотя и было расследовано на 374 уголовных дела меньше, чем за предыдущий период, однако, на 210 меньше производств было прекращено.

В 2017 году по 72 материалам коррупционного характера и завершенным расследованием уголовным делам нанесенный государству ущерб составил 80 867 896 армянских драм (далее – АМД) (в 2016 году – 1 928 492 146 АМД), из которых было возмещено 56 298 648 АМД (1 189 706 942 АМД).

В течение 2017 года в судах Республики Армения было рассмотрено и завершено 96 (77) уголовных дел в отношении 189 лиц (165). Из числа оконченных производством 36 уголовных дел (43) в отношении 55 лиц (44) рассмотрены в ускоренном порядке. По указанным уголовным делам 80 человек (60) осуждены, из них 33 человека (29) – к лишению свободы, 59 (71 лицо) – к штрафу, в отношении 44 лиц (43) применено условное наказание, 13 лицам (4) назначены дополнительные наказания. По 13 делам (10) 27 лиц (15) были оправданы. Прекращено 3 дела (7) в отношении 26 лиц (7).

По рассмотренным и завершенным в судах делам ущерб, нанесенный государству, составил 76 243 809 АМД (974 806 423 АМД), из которых возмещено 47 956 808 АМД (805 866 612 АМД).

Изложенное позволяет сделать вывод, что в 2017 году возросли показатели по раскрытию коррупционных преступлений. Последние принято считать преступлениями высокой степени латентности. Их обнаружение, раскрытие,

а также доказывание виновности должностных лиц часто представляют большую трудность и требуют от органов уголовного преследования последовательных, грамотно спланированных, эффективных и скоординированных действий.

Рост выявленных преступлений данного вида свидетельствует о результативности мер, в том числе уголовно-правового характера, предпринимаемых правоохранительными органами в отношении указанных посягательств.

Кроме того, качественно изменился состав субъектов, подвергаемых уголовному преследованию. В частности, в 2017 году за получение взятки уголовное преследование было осуществлено в отношении председателя суда, двух судьей, прокурора, двух следователей, начальника КГД таможенного пункта, двух инспекторов территориального отдела, начальника агентства КМСЭ министерства труда и по вопросам социального обеспечения РА, начальника СИЗО и 2 должностных лиц, 4 инспекторов службы ДП Полиции РА, 2 начальников смены пограничных войск СНБ РА при аэропорте «Звартноц». По признакам коммерческой взятки, злоупотребления полномочиями служащими коммерческих или иных организаций уголовное преследование было осуществлено в отношении 5 ректоров ВУЗов, одного председателя правления банка.

ГЕНЕРАЛЬНАЯ ПРОКУРАТУРА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

В соответствии с Законом Республики Беларусь от 08.05.2007 № 220-З «О прокуратуре Республики Беларусь» и Положением о деятельности координационного совещания по борьбе с преступностью и коррупцией, утвержденным Указом Президента Республики Беларусь от 17.12.2007 № 644, прокуратура на постоянной основе осуществляет координацию деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью и коррупцией.

В целях координации деятельности и повышения эффективности взаимодействия государственных органов, осуществляющих борьбу с коррупцией, и государственных органов, участвующих в борьбе с коррупцией, Генеральной прокуратурой разработана Программа по борьбе с преступностью и коррупцией на 2017–2019 годы, утвержденная решением республиканского координационного совещания от 26.05.2017 № 16, а также обеспечена реализация предусмотренных документом мероприятий.

Целью Программы являются снижение уровня и позитивное изменение структуры преступности в Республике Беларусь посредством совершенствования деятельности государственных и общественных структур по предупреждению противоправного поведения, пресечению преступлений и коррупционных проявлений, устранению их негативных последствий.

Программа направлена на решение следующих основных задач:

– мониторинг и прогнозирование состояния и структуры преступности и коррупции в целях предотвращения негативных изменений, создающих угрозу национальной безопасности;

– обеспечение эффективного функционирования и дальнейшего совершенствования системы профилактики правонарушений посредством

скоординированной деятельности и расширения взаимодействия государственных и общественных структур;

– повышение результативности уголовной политики, уровня экономической и общественной безопасности, в том числе путем оптимизации правовых и организационных условий деятельности правоохранительных органов;

– внедрение инноваций, передового опыта в сфере противодействия противоправному поведению, проявлениям коррупции и экстремизма, алкоголизации и наркотизации населения;

– рост уровня правосознания и правовой культуры населения, повышение доверия населения к правоохранительным органам и органам государственного управления.

Прогнозируемые результаты реализации Программы:

– снижение количественных показателей, недопущение негативных структурных изменений преступности и коррупции;

– улучшение состояния законности и правопорядка, общественной и экономической безопасности;

– сокращение социального ущерба, в том числе гибели граждан от преступных посягательств.

В 2017 году органами прокуратуры проведено 204 координационных совещания по борьбе с преступностью и коррупцией всех уровней, предметом рассмотрения которых являлись вопросы противодействия коррупции и экономической преступности (в частности, вопросы повышения эффективности деятельности подразделений органов внутренних дел по выявлению коррупционных преступлений, взаимодействия правоохранительных и контролирующих органов в части противодействия коррупционным проявлениям, соблюдения законодательства при использовании бюджетных денежных средств, организации работы по декларированию доходов и имущества обязанными лицами).

Определенный положительный эффект в части профилактики, выявления и пресечения проявлений коррупции достигается при реализации организационно-практических мероприятий, которые вырабатываются на заседаниях координационных совещаний. Так, в ходе реализации мероприятий, предусмотренных решением координационного совещания Могилевской области от 23.12.2016, вскрыты факты преступной деятельности со стороны руководителей предприятий ЖКХ Глусского, Дрибинского, Кировского и Могилевского районов, повлекшие причинение вреда государственным интересам.

Проводилась работа по анализу исполнения решений предыдущих координационных совещаний, обеспечению их практической реализации в полном объеме.

Во исполнение решения координационного совещания по борьбе с преступностью и коррупцией от 01.12.2016 прокуратурой Октябрьского района г. Минска продолжена практика создания межведомственных рабочих групп. По материалам, подготовленным межведомственной рабочей группой, этой прокуратурой возбуждены уголовные дела в отношении ряда должностных лиц государственных органов.

В Республике Беларусь с участием органов прокуратуры разработаны и реализуются региональные программы по предупреждению правонарушений, в том числе относящихся к коррупционным.

В 2017 году органами прокуратуры активно использовались иные формы координационной деятельности, такие как внесение информационных записок по вопросам борьбы с коррупцией в местные исполнительные и распорядительные органы власти, проведение оперативных совещаний, совместных с иными государственными органами и организациями проверок исполнения законодательства о борьбе с коррупцией.

Вопросы борьбы с коррупцией систематически рассматривались на заседаниях местных органов государственной власти по инициативе органов прокуратуры.

В 2017 году разработан и реализован План мероприятий органов прокуратуры, внутренних дел, государственной безопасности, государственного контроля, иных государственных органов и организаций по предупреждению и выявлению коррупционных правонарушений.

Проведен ряд проверок соблюдения законодательства при распоряжении государственным имуществом, использовании бюджетных средств, реализации государственных программ и инвестиционных проектов, осуществлении процедур закупок товаров (работ, услуг), в том числе связанных с образованием проблемной внешней дебиторской задолженностью, эффективности ведомственного контроля, организации работы по предупреждению коррупции, выявлению и устранению причин и условий, ей способствующих.

В частности, проводились проверки в РУП «Национальной киностудии «Беларусьфильм», КУП «Минскхлебпром». Вопросы исполнения обязанностей по профилактике коррупции изучались в ходе проведенных проверок в системе Минлесхоза, Государственного комитета по имуществу, министерств сельского хозяйства и продовольствия, по налогам и сборам, здравоохранения, информации и других. По итогам проверок внесены акты прокурорского реагирования. Возбуждено уголовное дело по части 3 статьи 424 УК в отношении главного бухгалтера КУП «Минскхлебпром» и иных должностных лиц предприятия по фактам начисления и производства выплат заработной платы и иных отдельных выплат руководителям и главным специалистам предприятия в суммах, превышающих коэффициенты, установленные законодательством. Данными действиями причинен ущерб КУП «Минскхлебпром» в особо крупном размере.

В целях координации деятельности правоохранительных органов в сфере борьбы с преступностью Генеральной прокуратурой принимаются меры по обеспечению единообразной следственной практики, выработке единых подходов к уголовно-правовой оценке деяний.

Так, в 2017 году проведен мониторинг практики возбуждения уголовных дел о преступлениях против порядка осуществления экономической деятельности, результаты которого направлены для использования в работе всем заинтересованным правоохранительным органам.

Проведен мониторинг состояния следственной работы и прокурорского надзора по возмещению ущерба, причиненного преступлениями, результаты которого доведены до нижестоящих прокуроров. Обращено внимание на необходимость повышения результативности совместной работы органов

предварительного следствия и органов дознания при установлении имущественного положения подозреваемых (обвиняемых), причинивших ущерб своими преступными действиями.

В 2017 году проведено более 30 обобщений судебной практики и практики прокурорского надзора, в том числе по уголовным делам о преступлениях, связанных с незаконным перемещением денежных средств и денежных инструментов через таможенную границу ЕАЭС; о преступлениях, предусмотренных статьями 234 (лжепредпринимательство), 2341 (незаконное распоряжение денежными средствами, находящимися на банковских счетах субъекта хозяйствования), 237 (выманивание кредита или субсидии), 238 (ложная экономическая несостоятельность (банкротство), 239 (сокрытие экономической несостоятельности (банкротства), 240 (преднамеренная экономическая несостоятельность (банкротство), 241 (препятствование возмещению убытков кредитору (кредиторам), 242 (уклонение от погашения кредиторской задолженности); 351 (компьютерный саботаж); о преступлениях, связанных с созданием и деятельностью организованных групп, банд и преступных организаций, и других категориях уголовных дел. На постоянной основе анализируется практика назначения судами мер наказания и применения иных мер уголовной ответственности, постановления оправдательных приговоров, вынесения частных определений (постановлений) в адрес прокуроров; реализация прокурорами процессуальных полномочий в сфере уголовного судопроизводства.

Проведены мероприятия, направленные на повышение уровня международного сотрудничества в борьбе с преступностью. В октябре 2017 г. в г. Минске проведена Объединенная коллегия Генеральной прокуратуры Республики Беларусь и Генеральной прокуратуры Российской Федерации, на заседании которой рассмотрены вопросы повышения эффективности деятельности правоохранительных органов Союзного государства (в том числе путем надлежащей координации их работы) в пресечении каналов транспортировки наркотических средств и психостимулирующих веществ, установлении организаторов преступной деятельности.

В целях обеспечения надлежащего оказания международно-правовой помощи по уголовным делам разработана Инструкция о порядке взаимодействия органов прокуратуры Республики Беларусь и подразделений Следственного комитета Республики Беларусь в ходе международного сотрудничества в сфере уголовного преследования, утвержденная 17.05.2017 постановлением Генеральной прокуратуры и Следственного комитета.

В Республике Беларусь Генеральная прокуратура является органом, ответственным за организацию борьбы с коррупцией. Ее полномочия в указанной сфере регламентированы статьей 7 Закона от 15.07.2015 «О борьбе с коррупцией» и включают:

– аккумулирование информации о фактах, свидетельствующих о коррупции;

– анализ эффективности применяемых мер по противодействию коррупции;

– координацию правоохранительной деятельности иных государственных органов, осуществляющих борьбу с коррупцией;

– осуществление надзора за исполнением руководителями государственных органов и иных организаций требований законодательства Республики Беларусь в сфере борьбы с коррупцией и в случае выявления правонарушений принятие

мер по привлечению лиц, их совершивших, к ответственности, установленной законодательными актами;

– подготовку предложений по совершенствованию правового регулирования борьбы с коррупцией;

– осуществление иных полномочий в сфере борьбы с коррупцией, установленных законодательными актами Республики Беларусь.

В 2017 году Генеральной прокуратурой проведено обобщение практики применения Закона Республики Беларусь «О борьбе с коррупцией» за период с января 2016 г. по февраль 2017 г. В обобщении также приняли участие представители Совета Республики Национального собрания Республики Беларусь, Совета Министров Республики Беларусь, Верховного Суда Республики Беларусь, Министерства внутренних дел, Комитета государственной безопасности, Следственного комитета, Комитета государственного контроля, республиканских органов государственного управления, областных и Минского горисполкома, Академии управления при Президенте Республике Беларусь, Института национальной безопасности Республики Беларусь.

Проведенное обобщение показало, что за короткий период с момента вступления в силу Закона о борьбе с коррупцией удалось обеспечить практическую реализацию его положений в соответствии с целями правового регулирования. Принимались меры по созданию единообразной практики применения законодательства о борьбе с коррупцией с учетом внесенных в него изменений и внедренных новаций. В этих целях на регулярной основе рассматривались обращения граждан и юридических лиц, запросы государственных органов по вопросам разъяснения положений законодательства о борьбе с коррупцией. На официальном сайте Генеральной прокуратуры в рубрике «Вопрос–ответ» размещалась актуальная информация о практике применения норм Закона о борьбе с коррупцией.

В целом в органах прокуратуры, иных государственных органах, организациях сформированы верные и схожие подходы к применению норм антикоррупционного законодательства.

Для обеспечения единообразной практики применения Закона о борьбе с коррупцией Генеральной прокуратурой на постоянной основе принимаются необходимые меры организационного, методического и правового характера, в том числе в части разработки нормативных правовых актов, дачи разъяснений, направления информационных писем, проведения семинаров и круглых столов и т.д.

Вместе с тем отмечены некоторые трудности в применении отдельных антикоррупционных норм, направленных на минимизацию привлекательности совершения коррупционных деяний и исключение предпосылок для них.

Так, в дополнительном анализе нуждается практика привлечения к ответственности за совершение правонарушений, создающих условия для коррупции при отсутствии умысла виновного лица, а также причины отсутствия практики изъятия имущества (взыскания расходов), стоимость которого превышает доходы, полученные из законных источников (статья 36 Закона о борьбе с коррупцией).

Отмечена необходимость разработки механизма практической реализации положений об общественном контроле в сфере борьбы с коррупцией (статья 46 Закона о борьбе с коррупцией) и активизации указанной деятельности.

Дополнительному обсуждению с заинтересованными государственными органами подлежит предложение о регламентации полномочий кадровых служб организаций по контролю за соблюдением государственными должностными и приравненными к ним лицами ограничений, установленных Законом о борьбе с коррупцией и соответствующими письменными обязательствами.

Некоторые выявленные проблемные вопросы, а также направления совершенствования государственной антикоррупционной политики рассмотрены 15 ноября 2017 г. на межведомственной конференции, организованной Генеральной прокуратурой.

В 2017 году Генеральной прокуратурой Республики Беларусь во взаимодействии с иными государственными органами проделана значительная работа в сфере борьбы с коррупцией. По итогам 835 (864) проверок исполнения антикоррупционного законодательства для устранения выявленных нарушений внесено 2473 (2556) акта прокурорского надзора, возбуждено 57 (83) уголовных дел, к ответственности привлечено более 4 тыс. физических и юридических лиц.

В общем количестве проведенных прокурорами проверок антикоррупционной тематики более 40 % составила доля наиболее сложных, касающихся вопросов распоряжения государственным имуществом, использования бюджетных средств, реализации государственных программ и инвестиционных проектов, осуществления процедур закупок товаров (работ, услуг), исполнения внешнеторговых сделок, в том числе связанных с проблемной внешней дебиторской задолженностью.

ГЕНЕРАЛЬНАЯ ПРОКУРАТУРА РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН

Законом Республики Казахстан от 30.06.2017 №81-VI ЗРК «О прокуратуре» на органы прокуратуры возложена координация деятельности правоохранительных и иных государственных органов по обеспечению законности, правопорядка и борьбы с преступностью. С целью обеспечения законности и правопорядка прокуратура Казахстана ведет целенаправленную работу по координации деятельности правоохранительных органов, стабилизации криминогенной ситуации, профилактике преступлений и их раскрытию.

Приоритетными направлениями остаются вопросы соблюдения конституционных прав граждан, защита предпринимателей, социально уязвимых слоев населения, лиц, вовлеченных в орбиту уголовного процесса, а также интересов государства.

В декабре 2017 г. принят Закон «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам модернизации процессуальных основ правоохранительной деятельности». Он предусматривает новеллы, направленные на сокращение сроков задержания граждан, устанавливает обязанность уведомления граждан о проведенных в отношении них негласных следственных действий, расширяет полномочия адвокатов по внесению ходатайств и сбору доказательств. Введен институт приказного производства и предусмотрена возможность осуществления уголовного судопроизводства в электронном формате. Работа в этом

направлении продолжается и находится на постоянном контроле органов прокуратуры Республики Казахстан.

Принятые меры в целом положительно отразились на состоянии преступности в стране. В прошлом году по сравнению с 2016 годом число зарегистрированных уголовных правонарушений уменьшилось на 12,5 % (с 361 689 до 316 418), из них 285 755 (324 185) преступлений и 30 663 (37 504) проступка.

Наиболее распространенными видами правонарушений, как и прежде, являются кражи – 193 154 (215 572), мошенничества – 27 467 (30 358), хулиганства – 10 356 (13 835), суммарный удельный вес которых в общей структуре преступности составил 73 % (71,8 %).

Снижение наблюдается по следующим категориям преступлений:

– небольшой тяжести на 17,1 % (39 571 против 47 729);

– средней тяжести на 10,8 % (219 772 против 246 396);

– тяжких на 13,7 % (24 278 против 28 116).

Уменьшилось количество разбоев на 8 % (688 против 748), грабежей – на 14,1 % (9469 против 11 023), вымогательств – на 9,8 % (470 против 521), хулиганств – на 25,1 % (10 356 против 13 835), краж – на 10,4 % (193 154 против 215 572), фактов мошенничества – на 9,5 % (27 467 против 30 358). Именно эти виды преступлений определяют во многом степень криминализации общества.

Преступность в общественных местах снизилась на 11,5 % (104 688 против 118 335), на улицах – на 16,8 % (55 131 против 66 248).

Наряду с этим отмечается рост особо тяжких преступлений на 9,8 % (2134 против 1944). Увеличилось количество убийств на 9,4 % (942 против 861), изнасилований несовершеннолетних – на 5,7 % (130 против 123), насильственных действий сексуального характера – на 3,3 % (376 против 364), в том числе в отношении несовершеннолетних – на 10,7 % (124 против 112), а также преступлений, связанных с возбуждением социальной, национальной, родовой, сословной или религиозной розни – на 45 % (219 против 151).

Академией правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан проведено криминологическое исследование убийств с изучением международного опыта. Его результаты показали, что на рост убийств, помимо социальных факторов, повлияли ослабление профилактической работы на местах и просчеты в организации пробационного контроля. Так, лицами, находившимися на пробационном контроле, совершено 20 умышленных преступлений, повлекших смерть потерпевших.

В августе 2017 года по этому вопросу проведен круглый стол с участием представителей Администрации Президента, МВД, руководителей территориальных прокуратур, местных полицейских служб, заместителей акимов областей и ученых, где выработаны практические рекомендации по профилактике убийств, искоренению условий, им способствующих.

Согласно статистическим данным, 80,2 % от общего числа уголовных правонарушений составляют преступления против собственности, из которых 61 % приходится на кражи чужого имущества.

В этой связи в 2017 году реализован проект «Стоп кражам». Проведен Координационный Совет, где утверждена дорожная карта. Осуществлены проверки в 4 регионах, выработаны практические рекомендации по противодействию кражам и их профилактике.

Всего органами прокуратуры проведено 13 заседаний коллегий, 16 Координационных Советов и 384 межведомственных совещаний по профилактике краж. Организовано свыше 35 тыс. агитационных мероприятий.

Эти меры кардинально изменили ситуацию. Впервые за последние 7 лет количество краж снизилось на 22 тыс. (193 154 против 215 572, или на 10,4 %), в том числе:

– квартирных – на 14,3 % (38 036 против 44 367),

– скота – на 12,9 % (6408 против 7354),

– автотранспорта – на 6 % (720 против 766),

– сотовых телефонов – на 4,7 % (42 249 против 44 323).

В обществе отмечается более внимательное отношение к обеспечению безопасности своего имущества (установлено свыше 47 тыс. камер видеонаблюдения, свыше 57 тыс. домофонов, более 47 тыс. железных дверей и свыше 25 тыс. решеток на окнах, свыше 1,6 тыс. GSM-сигнализаций в магазинах, свыше 11 тыс. объектов подключены к охранным сигнализациям, приобретено свыше 21,5 тыс. GPS-трекеров для скота, организован 631 загон, установлено оповещение в более чем 800 автобусах, более чем в 3,2 тыс. школ запрещено использование смартфонов).

Проект «Стоп кражам» предполагается в дальнейшем реализовывать в рамках исполнения Комплексного плана профилактики правонарушений в Республике Казахстан на 2017–2019 годы.

Во исполнение Плана нации «100 конкретных шагов» создан интернет-портал «Карта уголовных правонарушений» (далее – карта). Он внедрен на основе существующего информационного сервиса «Карта преступности». Карта позволяет гражданам увидеть криминогенные участки с более высоким уровнем преступности в разрезе республики, областей, городов, районов, вплоть до улицы и дома, сравнить наиболее криминальные регионы и увидеть динамику преступности.

В целях эффективного контроля за работой участковых инспекторов полиции на карту нанесены сведения о местах дислокации участковых пунктов полиции (номера пунктов, телефоны и график работы), а также данные о сотрудниках полиции.

В соответствии с Законом Республики Казахстан от 18.11.2015 «О противодействии коррупции» органы прокуратуры наряду с органами национальной безопасности, внутренних дел, государственных доходов, военной полиции, Пограничной службой Комитета национальной безопасности Республики Казахстан в пределах своей компетенции осуществляют выявление, пресечение, раскрытие, расследование и предупреждение коррупционных правонарушений и привлечение лиц, виновных в их совершении, к ответственности.

Криминогенная ситуация в 2017 году характеризовалась снижением регистрации коррупционных преступлений на 12,6 % (с 2807 до 2452). Такая динамика отмечалась по следующим видам преступлений: злоупотребление должностными полномочиями – на 30,5 % (с 558 до 388), служебный подлог – на 60,3 % (с 481 до 191), присвоение, растрата вверенного имущества – на 39,5 % (с 405 до 245), превышение должностных полномочий – на 36,4 % (с 55 до 35), легализация (отмывание) денег и имущества, полученных преступным путем –

на 14 % (с 7 до 6). Указанные результаты связаны с активизацией деятельности правоохранительных органов.

Более трети коррупционных преступлений приходится на факты взяточничества. Количество преступлений, связанных с получением взятки, выросло на 17 % (с 694 до 812), фактов дачи взятки – на 16,6 % (с 290 до 338), посредничества во взяточничестве – на 102 % (с 47 до 95).

Всего в производстве органов уголовного преследования находилось 2965 (3214) уголовных дел. Окончено производством 2159 (2370), направлено в суд 1981 (2128), прекращено по нереабилитирующим основаниям 178 (242).

По оконченным делам установлен ущерб на сумму 14,4 млрд (22,1 млрд) тенге, из которых возмещено 6,9 млрд (5,4 млрд), что составляет 48 % (24,4 %).

За совершение коррупционных преступлений осуждено 1001 (903) лицо. Из них к лишению свободы – 261 (265), к ограничению свободы – 142 (104), штрафу – 461 (465), условно – 14 (55), отсрочка отбывания наказания применена к 28 (23) лицам, от уголовной ответственности и наказания освобождено судом 95 (5) человек. Исправительные работы в 2017 году не назначались (1).

По коррупционным преступлениям, сопряженным с легализацией (отмыванием) преступных доходов, расследовалось 6 (9) преступлений, из них окончено 4 (6), все направлены в суд. При достаточности данных о совершении коррупционного преступления органами уголовного преследования выдвигается обвинение с одновременным принятием мер по установлению преступного происхождения имущества.

Следует отметить, что 74,8 % всех коррупционных преступлений выявляется Национальным бюро по противодействию коррупции – 1835 (1963). Министерством внутренних дел выявлено 319 (260, рост на 22,7 %), прокуратурой – 108 (232, снижение на 53,4 %), Службой экономических расследований Комитета государственных доходов – 38 (46, снижение на 17,4 %), Комитетом национальной безопасности – 152 (38, рост на 300 %).

Наибольшее количество дел расследовалось в отношении сотрудников Министерства внутренних дел – 251 (243), в отношении сотрудников Комитета государственных доходов – 65 (51), Комитета уголовно-исполнительной системы – 25 (20), Вооруженных сил – 19 (25), Комитета по чрезвычайным ситуациям –12 (6), таможенной – 11 (6) и налоговой служб – 10 (10), органов прокуратуры – 9 (3), Комитета национальной безопасности – 8 (2), Пограничной службы Комитета национальной безопасности – 7 (7).

В 2017 году в производстве прокуроров находилось 185 (в 2016 году – 291) уголовных дел по коррупционным преступлениям, из них 114 (173), или 62,2 % (59,5 %,) направлены в суд.

ГЕНЕРАЛЬНАЯ ПРОКУРАТУРА КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

Полномочия по координации деятельности правоохранительных органов в сфере борьбы с преступностью, укрепления законности и правопорядка не относятся к компетенции Генеральной прокуратуры Кыргызской Республики.

Анализ деятельности органов прокуратуры в 2017 году в сфере борьбы с преступностью, осуществления прокурорского надзора за следствием

и оперативно-розыскной деятельностью показал, что в этом направлении в целом по республике имеется положительная динамика.

В решениях коллегий Генеральной прокуратуры по итогам работы за 2017 год была отмечена тенденция повышения эффективности прокурорского надзора за уголовно-процессуальной и оперативно-розыскной деятельностью, улучшения показателей качества следствия и значительного сокращения случаев нарушения законности в этой сфере по сравнению с предыдущим годом.

Вместе с тем были выявлены некоторые недостатки, в связи с чем перед прокурорами поставлены задачи, направленные на принятие дополнительных мер по повышению эффективности прокурорского надзора за соблюдением законности при раскрытии и расследовании тяжких и особо тяжких преступлений, укреплению режима законности при осуществлении уголовного преследования, искоренению фактов незаконного возбуждения уголовных дел, укрытия преступлений от учета, незаконного привлечения граждан к уголовной ответственности и их ареста, обеспечению действенного надзора за полнотой, всесторонностью и объективностью расследования, законностью принимаемых процессуальных решений по уголовным делам, принятию дополнительных мер по повышению эффективности прокурорского надзора за соблюдением законодательства в сфере запрета на применение пыток и других бесчеловечных, жестоких или унижающих достоинство видов обращения.

Результаты проведенного анализа показывают, что эти задачи в целом выполнены успешно, предпринятые органами прокуратуры усилия в отмеченных выше направлениях привели к повышению эффективности прокурорского надзора и улучшению качественных показателей работы, о чем свидетельствуют статистические данные.

В 2017 году в сравнении с аналогичным периодом прошлого года увеличилось на 0,8 % количество зарегистрированных преступлений (27 706 (в 2016 году – 27 481). Наблюдается незначительный рост количества тяжких и особо тяжких преступлений с 3933 до 3973.

Вместе с тем количество основных видов тяжких и особо тяжких преступлений, в первую очередь, преступлений против личности снизилось на 8,3 % – с 2609 до 2391. Так, количество убийств и покушений на них сократилось на 4,1 % – с 267 до 256. Их удельный вес в общей структуре преступности составляет 0,9%. Количество изнасилований уменьшилось на 16,9 % – с 248 до 206. Их удельный вес составляет 0,7 %. Количество фактов причинения тяжких телесных повреждений увеличилось на 1,2 % – с 237 до 240. Их удельный вес составляет 0,9 %. За 2017 год осталось на уровне прошлого года количество случаев торговли людьми – 7 (7), однако на 0,7 % сократилось количество хулиганств – 2069 (2085) (их удельный вес составляет 7,5 %). При этом наблюдается рост грабежей на 1,8 % – 987 (969).

По всем регионам республики отмечается значительное снижение количества преступлений, связанных с наркоманией и наркобизнесом, на 9,6 % – с 1738 до 1571. Также заметно уменьшилось количество изъятых наркотических средств – с 18 162 024 г до 14 643 649 г (гашиш – 256 720 г, героин – 101 333 г, марихуана – 1 052 410 г, другие наркотики – 12 007 г), при этом количество изъятого опия увеличилось с 24 915 г до 33 505 г.

На 32 % снизилось количество воинских преступлений с 198 до 150 и на 44,9 % экологических преступлений – с 69 до 38. Количество краж скота возросло на 25,6 % – с 858 до 1153.

Значительно сократилось количество совершенных должностных преступлений – с 843 до 795, или на 5,6 % (их удельный вес составляет 2,9 %), в том числе фактов злоупотребления служебным положением – с 520 до 509 (на 2,1 %), превышения должностных полномочий – с 71 до 70 (на 1,4 %), незаконного использования бюджетных средств – с 2 до 1. Налицо тенденция снижения взяточничества – с 100 до 57 (на 43,0 %), присвоения и растраты вверенного имущества – с 139 до 95 (на 31,6 %).

Отмечается рост незаконного получения и использования кредита с 2 до 6 (200 %), контрабанды товаров – с 79 до 174 (120,2 %) и халатности – с 55 до 61 (10,9 %), служебного подлога – с 52 до 53 (на 1,9 %), уклонения от уплаты налогов – с 118 до 165 (39,8 %).

Анализ показывает, что уменьшение количества зарегистрированных должностных преступлений обусловлено проводимой государством, в первую очередь, органами прокуратуры совместно с Антикоррупционной службой Государственного комитета национальной безопасности работой в сфере борьбы с коррупционными преступлениями, включающей меры по их предупреждению и профилактике, а также выявлением и привлечением к ответственности виновных в их совершении. Результатом реализуемой в стране антикоррупционной политики является то, что государственные служащие опасаются вставать на путь совершения преступлений, связанных со служебной деятельностью.

За анализируемый период увеличилось количество зарегистрированных преступлений против собственности с 16 858 до 17 442 (3,4 %). Их удельный вес в общем количестве преступлений составляет 63,0 %. Так, количество краж личного имущества граждан увеличилось с 9292 до 10 032 (7,4 %), краж, совершенных из квартир граждан, увеличились с 2550 до 3061 (на 20,0 %). Удельный вес этого вида преступлений составляет 36,2 %. Количество вымогательств увеличилось с 95 до 101 (на 5,9 %). Среди преступлений этого вида имеют тенденцию к уменьшению преступления, связанные с мошенничеством – с 4095 до 3734 (на 8,8 %).

Значительно уменьшилось количество выявленных фактов злоупотреблений полномочиями служащими коммерческих организаций – с 89 до 57 (на 35,9 %). Вместе с тем увеличилось количество преступлений против конституционного строя, государственной власти – с 214 до 242 (13 %) и общественной безопасности – с 2376 до 2471 (3,9 %). По республике зарегистрировано 23 (8) фактов терроризма.

В связи с уменьшением общего количества совершенных преступлений также уменьшилось число лиц, их совершивших – с 16 607 до 15 888 (4,3 %). Из них к уголовной ответственности привлечено 13 301 (13 542). В отношении остальных 2587 (3065) лиц уголовное преследование было прекращено в соответствии с требованиями уголовно-процессуального законодательства, исключающего привлечение к уголовной ответственности.

Из числа лиц, совершивших преступления:

– 2075 (2211) – женщины;

– 1081 (1050) – несовершеннолетние;

– 15 327 (15 965) – граждане Кыргызской Республики;
– 255 (235) – иностранные граждане;
– 12 289 (13 163) нигде не работают и не учатся;
– 388 (375) – учащиеся средних школ;
– 109 (155) – учащиеся СУЗов и ВУЗов;
– 93 (130) – военнослужащие;
– 159 (154) – работники правоохранительных органов;
– 1612 (1923) совершили преступление в группе;
– 289 (430) совершили преступление в состоянии алкогольного или наркотического опьянения;
– 285 (423) ранее уже совершали преступления (имеются признаки рецидива).

Согласно официальным статистическим данным Главного управления информационных технологий МВД Кыргызской Республики, в целом раскрываемость преступлений по стране за 2017 год составила 22 408 (22 917), или 67,6 % (68,2 %).

Раскрываемость тяжких и особо тяжких преступлений составила 1981 (1960), или 78,2 % (79,7 %). При этом раскрываемость по видам преступлений выглядит следующим образом:
– убийств – 76,2 % (73,0 %);
– нанесения тяжких телесных повреждений – 88,7 % (90,5 %), в том числе со смертельным исходом – 81,1 % (81,4 %);
– изнасилований – 94,6 % (94,2 %);
– разбоев – 77,3 % (82,3 %);
– грабежей – 81,3 % (79,2 %);
– мошенничеств – 78,4 % (80,3 %);
– вымогательств – 76,3 % (75,8 %);
– угонов автомашин – 88,1 % (87,8 %);
– краж – 64,2 % (64,7 %);
– краж скота – 80,3 % (85,2 %).

Анализ работы в 2017 году следственных подразделений правоохранительных органов, в том числе статистических отчетных данных о показателях этой работы и надзорной деятельности органов прокуратуры, показывает, что в сравнении с 2016 годом отмечается улучшение основных показателей качества следственной работы.

К примеру, заметно улучшилось качество следствия, проводимого органами внутренних дел и исполнения наказания. Наряду с этим отмечается ухудшение некоторых показателей качества следствия по отдельным позициям в органах военной прокуратуры и Государственного комитета национальной безопасности.

По органам военной прокуратуры. Увеличилось количество направленных в суд дел – со 117 до 123 (на 6,1 %). Уменьшилось количество прекращенных дел с 46 до 35 (6,1 %). Вместе с тем заметно увеличилось количество дел, прекращенных по реабилитирующим основаниям – с 9 до 14 (64 %). С 116 до 59, или на 51 % снизилось количество дел, приостановленных производством. В том числе существенно уменьшилось количество приостановленных дел в связи нераскрытием преступлений – с 81 до 33. С 26 до 46 (на 13,2 %) увеличилось – количество уголовных дел, оконченных с нарушением срока следствия. Количество дел, возвращенных судом для восполнения пробелов следствия, снизилось с 5 до 4.

По реабилитирующим основаниям прекращено 2 уголовных дела в отношении 2 (0) лиц. По 28 (9) делам судами вынесены оправдательные приговоры.

Значительно улучшились показатели возмещения причиненного государству ущерба по оконченным уголовным делам и отказным материалам. Так, сумма выявленного ущерба государству возросла с 7 млн 757 тыс. до 27 млн 576 тыс. сомов. Сумма возмещенного государству ущерба также выросла с 3 млн 366 тыс. до 19 млн 139 тыс. сомов и составила 55,1 % (37,3 %).

По органам внутренних дел. За 2017 год органами внутренних дел возбуждено 22 795 (21 916) уголовных дел, из них отменено 3 (12) постановления о возбуждении уголовного дела. По 88 852 (89 692) материалам отказано в возбуждении уголовных дел, из них по 8 074 (7 641) принятые решения отменены с направлением материалов на дополнительную проверку, в том числе 390 (253) с одновременным возбуждением уголовных дел. Уменьшилось количество дел, прекращенных следственными подразделениями органов внутренних дел республики, – с 3 836 до 3 457, т.е. на 9,9 %. При этом число прекращенных дел по реабилитирующим основаниям незначительно увеличилось – с 222 до 227.

Основной причиной прекращения уголовных дел является преждевременное возбуждение дел по фактам пропажи мобильных телефонов и домашнего скота по заявлениям граждан с целью установления истины, что невозможно без возбуждения уголовного дела, а также по фактам совершения общественно-опасных деяний лицами, не являющимися субъектами преступления в связи с недостижением возраста уголовной ответственности.

Из находящихся в производстве следственных подразделений ОВД республики 33 742 (33 857) уголовных дел приостановлено 10 354 (10 458), что составляет 33,1 % (33,5 %) от общего количества.

При этом число приостановленных дел в связи с неустановлением лица, подлежащего привлечению в качестве обвиняемого (пункт 3 части 1 статьи 221 УПК КР), увеличилось с 9 002 до 9 216, т.е на 2,3 %. При проверке законности принятых решений о приостановлении следствия по вышеуказанному основанию за 2017 год органами прокуратуры отменено 1857 (2042) постановлений о приостановлении следствия.

За отчетный период органами внутренних дел республики окончено с нарушением срока следствия 2934 (3490) уголовных дела.

Количество дел, возвращенных судами для восполнения пробелов следствия, уменьшилось со 130 до 110. Основными причинами возвращения судами дел на доследование являются неполнота следствия, неправильная квалификация действий обвиняемых, недостаточная эффективность прокурорского надзора.

Анализ работы прокуроров по обеспечению законности при привлечении граждан к уголовной ответственности и заключении под стражу за 2017 год свидетельствует о том, что в этом направлении меры по усилению прокурорского надзора приняты не на должном уровне, в результате чего в целом по республике по сравнению с 2016 годом показатели не улучшились, и количество лиц, незаконно привлеченных к уголовной ответственности, составило 19 (19).

В связи с прекращением уголовного преследования по реабилитирующим основаниям (отсутствие состава и события преступления, недоказанность вины

в совершении преступления) на стадии следствия органами внутренних дел республики прекращено уголовное преследование в отношении 19 лиц. Следует отметить, что из 19 лиц, уголовные дела в отношении которых были прекращены, мера пресечения в виде заключения под стражу избиралась в отношении 7 лиц. В отношении 53 (43) лиц судами вынесены оправдательные приговоры.

Согласно статистическим данным показатели органов внутренних дел республики по выявленному и возмещенному ущербу по оконченным уголовным делам и отказным материалам значительно ухудшились. Так, сумма выявленного ущерба, причиненного государству, снизилась с 13 млн 91 тыс. до 6 млн 972 тыс. сомов. Сумма возмещенного государству ущерба также снизилась с 8 млн 47 тыс. до 3 млн 951 тыс. сомов. Из них в денежном выражении – 3 млн 486 тыс. сомов, в натуральном виде – 315 тыс. сомов и путем взаимозачета – 149 тыс. сомов.

По оконченным уголовным делам ущерб, причиненный государству, составил 4 млн 942 тыс. сомов, из них возмещено 2 млн 849 тыс. сомов, ущерб по прекращенным уголовным делам составил 919 тыс. сомов, который полностью возмещен, ущерб по отказным материалам составил 1 млн 111 тыс. сомов, из них возмещено 294 тыс. сомов.

По органам национальной безопасности. Незначительно увеличилось количество направленных в суд уголовных дел со 342 до 344. Заметно увеличилось количество прекращенных уголовных дел с 59 до 114 (на 10,5 %). Соответственно выросло количество дел, прекращенных по реабилитирующим основаниям – с 14 до 61 (из них 46 дел возбуждено органами прокуратуры).

Основными причинами увеличения количества прекращенных уголовных дел по реабилитирующим основаниям являются некачественная доследственная проверка и преждевременное возбуждение уголовных дел. Кроме того, по ряду уголовных дел о вымогательстве взяток их передача не состоялась, в связи с чем по делам приняты соответствующие процессуальные решения.

Увеличилось общее количество приостановленных уголовных дел с 293 до 658 (124 %), в том числе в связи с неустановлением лица, подлежащего привлечению в качестве обвиняемого – с 176 до 539. Причиной является некачественное расследование и непринятие должных мер по раскрытию преступлений, а также большое количество дел, находящихся в производстве следователей органов Государственного комитета национальной безопасности (далее – ГКНБ) в связи изъятием полномочий по расследованию у органов прокуратуры и передачей дел по коррупционным преступлениям в органы ГКНБ.

С 100 до 173, или на 13,1 % увеличилось количество дел, оконченных с нарушением срока. Это связано, в первую очередь, со сложностью расследования многоэпизодных коррупционных преступлений, длительностью проведения экспертными учреждениями судебных экспертиз, назначенных в ходе следствия, и несвоевременным поступлением ответов на международные следственные поручения, а в отдельных случаях по причинам волокиты и некачественного расследования.

Увеличилось с 2 до 4 количество дел, возвращенных судами для восполнения пробелов следствия.

На стадии предварительного расследования прекращены уголовные дела по реабилитирующим основаниям в отношении 23 (5) лиц. С 6 до 9 увеличилось количество лиц, в отношении которых судами вынесены оправдательные приговоры.

Сумма выявленного ущерба государству по оконченным уголовным делам составила 1 303 026 470 (1 242 274 497) сомов, возмещено 1 290 467 875 (1 201 246 193) сомов, что составило 99 % (96,7 %).

По органам борьбы с экономическими преступлениями. Значительно возросло количество направленных в суд уголовных дел – с 385 до 508, или на 31,9 %. Увеличилось количество прекращенных уголовных дел с 267 до 361. Увеличение числа таких дел, прежде всего, связано с прекращением дел в связи с возмещением причиненного ущерба (пункт 9 часть 1 статьи 28 УПК КР), количество таких дел – 181 (77), или 55,0 % (32,9 %) от общего числа прекращенных дел. Также отмечается увеличение количества дел, прекращенных по реабилитирующим основаниям – с 31 до 41, или на 24,4 %. Основной причиной прекращения уголовных дел по пунктам 1, 2 части 1 статьи 28 УПК КР служит установление в ходе следствия обстоятельств, которые свидетельствуют об отсутствии состава преступления, что зачастую обусловлено неполным и некачественным проведением доследственных проверок. Кроме того, причинами прекращения уголовных дел по реабилитирующим основаниям являются результаты проводимых в рамках уголовных дел проверок деятельности той или иной организации, в ходе которых не выявляется каких-либо нарушений, свидетельствующих о наличии в содеянном признаков состава преступления.

Отмечается значительный рост приостановленных уголовных дел – с 616 до 1070, также увеличилось количество дел приостановленных по пункту 3 части 1 статьи 221 УПК, то есть в связи с неустановлением лица, подлежащего привлечению в качестве обвиняемого – с 471 до 903 дел. Причинами являются некачественное расследование и непринятие должных мер по раскрытию преступлений, неготовность назначенных экспертиз, а также большое количество дел, находящихся в производстве следователей органов Государственной службы по борьбе с экономическими преступлениями при Правительстве Кыргызской Республики (далее – ГСБЭП) в связи изъятием полномочий по расследованию у органов прокуратуры и передачей дел по экономическим преступлениям в органы ГСБЭП.

С 99 до 143, или на 30,7 % увеличилось количество дел, производство по которым окончено с нарушением срока.

Снизилось с 14 до 10, или на 33,3 % количество дел, возвращенных судами для восполнения пробелов следствия.

Отмечается рост показателей по возмещению причиненного государству ущерба по оконченным уголовным делам и отказным материалам. Так, сумма возмещенного государству ущерба возросла с 1 млрд 79 млн 52 тыс. сомов до 1 млрд 318 млн 90 тыс. сомов.

По органам исполнения наказаний. За 2017 год возбуждено 177 (215) уголовных дел. По 160 (156) материалам отказано в возбуждении уголовного дела, из них по 9 (2) принятые решения отменены с направлением материалов на дополнительную проверку, в том числе с одновременным возбуждением уголовных дел – 0 (2).

В производстве находилось 327 (397) уголовных дел, из них возбуждено 177 (215), приостановлено производством 126 (140), что составляет 38,5 % (35,2) от общего количества находящихся в производстве дел.

Из 147 (225) оконченных уголовных дел прекращено 20 (42), или 13,6 %. С нарушением срока следствия окончено 90 (122) уголовных дел. Возвращено судом для восполнения пробелов следствия 1 (2) уголовное дело. Оправдано судом 1 лицо.

Сумма выявленного ущерба государству по оконченным уголовным делам составила 90 587 сомов, который полностью возмещен в денежном выражении.

Состояние прокурорского надзора за следствием и оперативно-розыскной деятельностью. Результаты проведенного анализа, а также статистические данные, характеризующие состояние прокурорского надзора за следствием и дознанием, свидетельствуют об активизации прокурорами работы в этом направлении.

Так, с 776 до 898 увеличилось количество плановых и внеплановых проверок законности деятельности органов следствия и дознания. Из них в органах внутренних дел – 792 (710), по борьбе с экономическими преступлениями – 57 (29), национальной безопасности – 26 (5), прокуратуры – 13 (10), исполнения наказания – 10 (9).

В целом по правоохранительным органам с 292 до 424 выросло количество выявленных фактов укрытия преступлений от учета.

С 40 до 20 (на 50 %) сократилось количество выявленных фактов необоснованного возбуждения уголовных дел. С 542 до 448 снизилось количество выявленных фактов необоснованного прекращения уголовных дел, по которым решения о прекращении отменены. Из них в органах внутренних дел – 346 (392), прокуратуры – 27 (99), исполнения наказания – 3 (3). Несмотря на уменьшение количества отмененных необоснованных постановлений о прекращении уголовных дел в целом по республике, следует отметить, что в органах национальной безопасности и борьбы с экономическими преступлениями выявление фактов необоснованного прекращения увеличилось на 24 (7) и 49 (39) соответственно.

С 2484 до 2518 увеличилось количество фактов необоснованного приостановления уголовных дел, в том числе в органах внутренних дел – 1848 (2042), борьбы с экономическими преступлениями – 372 (177), национальной безопасности – 214 (56).

С 89 592 до 92 195 увеличилось количество изученных материалов об отказе в возбуждении уголовного дела. Из них по органам внутренних дел – 86 280 (84 516), прокуратуры – 2 992 (2 881), борьбы с экономическими преступлениями – 2 345 (1 722), национальной безопасности – 418 (349), исполнения наказания – 160 (95). По результатам их изучения отменено 9550 (8697) необоснованных решений об отказе в возбуждении уголовных дел, в том числе 8072 (7641) – по органам внутренних дел, 660 (542) – по органам прокуратуры, 644 (424) – по органам борьбы с экономическими преступлениями, 165 (84) – по органам национальной безопасности, 9 (2) – по органам исполнения наказаний. В том числе с одновременным возбуждением отменено 415 (281) постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела, из них 388 (253) решений, принятых следственными подразделениями органов внутренних дел.

Количество внесенных актов прокурорского реагирования (представлений и дисциплинарных производств) незначительно уменьшилось – с 1 447 в 2016 году до 1 351, по результатам их рассмотрения к дисциплинарной ответственности привлечено 604 (628) должностных лица, из них: по ОВД – 544 (580), ГСБЭП – 44 (34), ГСИН[1] – 12 (3), прокуратуре – 4 (5) и ГКНБ – 0 (1). Следует обратить внимание на низкую эффективность внесенных актов прокурорского реагирования. В целом по результатам рассмотрения 1351 акта реагирования были наказаны в дисциплинарном порядке только 604 лица, что составляет 44,7 %.

Противодействие пыткам. Органами прокуратуры республики в соответствии с распоряжением Генерального прокурора от 12.04.2011 г. № 40-р «Об усилении прокурорского надзора за обеспечением конституционной гарантии запрета на применение пыток и других бесчеловечных, жестоких или унижающих достоинство видов обращения или наказания», указанием Генерального прокурора от 06.09.2011 г. № 70-у по вопросам организации прокурорского надзора по заявлениям, обращениям граждан, материалам и уголовным делам о пытках, указаниями заместителя Генерального прокурора от 23.12.2014 г. № 08-12 «О налаживании отчетности по материалам и делам о пытках» и от 21.07.2015 г. № 8/3-40-р-15 «О введении Стамбульского протокола в практику» за отчетный период проделана определенная работа.

В 2017 году в республике наблюдается улучшение состояния борьбы с пытками и другими видами жестокого обращения по сравнению с 2016 годом, о чем свидетельствует снижение количества зарегистрированных органами прокуратуры обращений граждан по пыткам и другим видам жестокого обращения с 435 до 418, из которых заявления и сообщения о пытках – 139 (187), что меньше на 25,67 %, о других видах жестокого, бесчеловечного или унижающего достоинство обращения и наказания – 279 (248), что составляет рост на 11,11 %.

В обращениях содержалась информация в отношении пыток и других видов жестокого обращения, совершенных сотрудниками органов внутренних дел – 132 (179), национальной безопасности – 6 (8), ГСИН – 1 (0), ГСКН[2] – 0 (1).

По результатам рассмотрения заявлений о пытках органами прокуратуры возбуждено 7 (16) уголовных дел. С учетом материалов, зарегистрированных в 2016 году, всего возбуждено 9 (15) уголовных дел, которые переданы в органы ГКНБ КР для организации расследования. Следствие по 6 делам приостановлено на основании пункта 3 части 1 статьи 221 УПК КР.

По состоянию на 30 декабря 2017 года в судах, с учетом оконченных в прошлые годы рассматривались 26 дел в отношении 57 лиц, которым предъявлены обвинения по статье 305[1] УК КР. Причинами длительного рассмотрения этих дел в судах являются внесение участниками процесса ходатайств о недоверии судье, прокурору, составу суда, возвращении уголовного дела для восполнения пробелов следствия, неявка участников процесса и др.

Начиная с 2011 года по статье 305[1] УК КР осуждено 15 должностных лиц правоохранительных органов (11 должностных лиц органов внутренних дел, 4 должностных лица органов УИС).

[1] Государственная служба исполнения наказаний при Правительстве Кыргызской Республики.
[2] Государственная служба по контролю наркотиков.

По 133 (169) материалам принято решение об отказе в возбуждении уголовного дела. Основаниями принятия таких решений послужили отсутствие достаточных данных, указывающих на совершение преступления, обращение потерпевших по истечении большого промежутка времени, когда следы насилия невозможно зафиксировать, изменение показаний потерпевших и других очевидцев на стадии доследственной проверки в пользу предполагаемых подозреваемых, неподтверждение доводов заявителей либо отказ заявителей от прохождения судебно-медицинских экспертиз и дальнейшей проверки объективных обстоятельств происшедшего либо уклонение от явки в следственные органы, прокуратуру или суд, что существенно затрудняет процесс доказывания вины лиц, применявших пытки.

Надзирающими прокурорами отменено 90 решений об отказе в возбуждении уголовного дела. Основными причинами отмены решений являются неготовность назначенных комплексных, комиссионных судебно-медицинских, психолого-психиатрических экспертиз, в связи с чем по материалам вынужденно принимаются решения об отказе в возбуждении уголовного дела. По завершении этих экспертиз указанные решения отменяются надзирающими прокурорами для дополнительной проверки. В порядке надзора отменено 3 постановления следователей органов прокуратуры республики о приостановлении следствия по уголовному делу и 1 постановление о прекращении уголовного дела о пытках.

По другим жестоким, бесчеловечным или унижающим достоинство видам обращения или наказания зарегистрировано 279 (248) заявлений и сообщений, что больше на 11,11 %, из них 254 обращения по фактам неоправданного применения физической силы, 25 – в связи с унижением достоинства. Обращения касались незаконных действий должностных лиц органов внутренних дел – 261 (240), национальной безопасности – 12 (4), ГСИН – 5 (3), ГСКН – 0 (1).

Из зарегистрированных 279 заявлений о других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видах обращения или наказания разрешено 272 (244), по результатам которых возбуждено 27 уголовных дел, а с учетом 4 материалов, зарегистрированных в прошлые годы, по которым также возбуждены уголовные дела, всего в 2017 году органами прокуратуры возбуждено 31 (33) уголовное дело, которые были переданы в ГКНБ по подследственности. Отказано в возбуждении уголовного дела по 250 (251) материалам.

Надзирающими прокурорами отменено 72 (67) постановления об отказе в возбуждении уголовного дела. В суд направлено 5 уголовных дел в отношении 5 должностных лиц. Органами военной прокуратуры направлено в суд 4 дела в отношении 4 лиц. Прекращено производство по 9 уголовным делам.

По состоянию на 30 декабря 2017 г. в судах с учетом оконченных в прошлые годы рассматривались 17 уголовных дел в отношении 38 должностных лиц.

Отделом по надзору за соблюдением прав и свобод граждан в досудебной стадии уголовного процесса управления Генеральной прокуратуры по результатам рассмотрения поступивших обращений и изучения материалов об отказе в возбуждении уголовного дела, а также проведения внезапных проверок возбуждены 2 (5) уголовных дела по статьям 305 и 305^1 УК КР, изучено 470 (328) материалов, по которым приняты решения об отказе в возбуждении уголовных дел органами прокуратуры и следственными подразделениями ОВД и ГКНБ республики, отменено 43 (41) постановления об отказе в возбуждении

уголовного дела, в том числе с одновременным возбуждением 6 (5) уголовных дел по статьям 305 и 305[1], пункту 3, 4 части 2 статьи 325, статье 326, части 1 статьи 341 УК КР, отменено 5 (3) постановлений о приостановлении и 2 (9) о прекращении уголовного дела.

Отделом проводится активная работа по взаимодействию с аппаратами Омбудсмена и Национального центра КР по предупреждению пыток. Так, 22 февраля 2017 г. организована и проведена встреча с Омбудсменом и директором Национального центра, на которой обсуждены результаты запланированной в 2016 году совместной работы органов прокуратуры с Национальным центром и институтом Омбудсмена по внезапным проверкам мест ограничения и лишения свободы в целях выявления, предупреждения, пресечения и профилактике пыток и других жестоких обращений, обозначены имеющиеся проблемы и пути их решения.

В целях реализации намеченных целей и в соответствии с пунктом 8 решения коллегии Генпрокуратуры от 03.02.2017 подготовлено указание о дальнейшей реализации систематических совместных (внезапных) проверок органов прокуратуры с представителями Омбудсмена и Национального центра состояния соблюдения прав человека в местах ограничения и лишения свободы.

В 2017 году органами прокуратуры в местах ограничения и лишения свободы проведено 4163 (4189) внезапных проверки, в связи с чем внесен 21 (24) акт прокурорского реагирования об устранении нарушения закона, по результатам рассмотрения которых к дисциплинарной ответственности привлечено 34 (12) должностных лица органов внутренних дел. 998 (677) проверок проведено совместно с представителями Омбудсмена и Национального центра.

По нарушениям, выявленным в ходе совместных (внезапных) проверок в местах ограничения и лишения свободы, внесены 8 представлений об их устранении, по результатам рассмотрения внесенных актов прокурорского реагирования привлечены к дисциплинарной ответственности 9 должностных лиц органов внутренних дел.

Особое внимание уделяется процессу обучения прокурорско-следственных кадров, в связи с чем Генпрокуратурой при содействии общественных объединений и международных институтов по правам человека на системной основе проводятся соответствующие тренинги и семинарские занятия, на которые в качестве преподавателей привлекаются работники отдела по надзору за соблюдением прав и свобод граждан в досудебной стадии уголовного процесса управления Генеральной прокуратуры, судебно-медицинские эксперты, эксперты международных и неправительственных организаций.

Так, в 2017 году Генеральной прокуратурой при содействии Программного офиса ОБСЕ в г. Бишкеке на базе Академии государственного управления при Президенте КР проведены 3-дневные семинары-тренинги по вопросам пыток для сотрудников органов прокуратуры и оперативно-следственных работников органов ГКНБ КР, целью которых было повышение эффективности расследования уголовных дел по заявлениям и сообщениям о пытках. Тренинги сопровождались проведением практических занятий.

В целях полного, всестороннего и объективного рассмотрения поступивших, в том числе неоднократно, заявлений и сообщений о пытках и других видах жестокого обращения отделом организованы и проведены рабочие встречи с участием заявителей, их защитников, представителей неправительственных

организаций, аппарата Омбудсмена и Национального центра по предупреждению пыток, а также органов прокуратуры и национальной безопасности.

17 октября и 14 декабря 2017 г. в городах Оше и Бишкеке проведены рабочие встречи по конкретным делам, в ходе которых обсуждались доводы заявителей и адвокатов, устанавливались обстоятельства, по которым были проведены неполные проверки либо даны неполные ответы, выяснялись новые обстоятельства, которые подлежат исследованию в ходе доследственных проверок, оказана практическая помощь территориальным органам прокуратуры и следственным подразделениям органов национальной безопасности.

Под руководством Генеральной прокуратуры проведены встречи с представителями международных организаций, в частности Регионального Управления Верховного комиссара по правам человека ООН, Центра ОБСЕ в г. Бишкеке, Института им. Людвига Больцмана по правам человека, общественного фонда «Лигал Просперити», на которых обсуждены актуальные вопросы и определены даты проведения круглых столов, встреч в регионах по вопросу совершенствования механизма противодействия пыткам и другим жестоким обращениям, семинаров-тренингов для работников органов прокуратуры.

В Кыргызской Республике органам прокуратуры отводится особая роль в противодействии коррупции. Помимо осуществления надзорной функции и уголовного преследования по коррупционным преступлениям на прокуратуру возлагается координация деятельности правоохранительных, фискальных и других государственных органов Кыргызской Республики, органов государственного управления и местного самоуправления по вопросам борьбы с коррупцией, осуществление сбора и анализа информации о состоянии коррупции в системе государственного управления и местного самоуправления, оценка эффективности принимаемых мер и степени исходящих от коррупции угроз национальной безопасности, принятие мер прокурорского реагирования по предупреждению и пресечению коррупционных правонарушений, в том числе по приведению (отмене) незаконно принятых нормативных правовых актов в соответствие с законом, а также реализация иных полномочий в области противодействия коррупции.

В соответствии с Указом Президента Кыргызской Республики «О государственной стратегии антикоррупционной политики Кыргызской Республики и мерах по противодействию коррупции» решением Совета обороны Киргизской Республики «О мерах по противодействию коррупционным проявлениям в обществе», а также распоряжением Генерального прокурора Кыргызской Республики от 09.02.2012 г. № 8 органам прокуратуры предписано принимать исчерпывающие меры по выявлению и раскрытию коррупционных преступлений.

Деятельность органов прокуратуры Кыргызской Республики в сфере противодействия коррупции направлена на усиление работы по выявлению коррупционных преступлений, совершаемых должностными лицами государственных органов.

Так, в сфере противодействия коррупции органами прокуратуры Кыргызской Республики за 2017 год проведено 2030 (в 2016 году – 1897) проверок, по результатам которых внесено 2212 (2041) актов прокурорского реагирования,

к дисциплинарной ответственности привлечено 1872 (1568) лица, а к административной – 282 (226) лица. Возбуждено 413 (448) уголовных дел, по актам прокурорского реагирования возмещено ущерба на 55 846 646 (18 704 587) сомов.

Из 2030 проведенных в данном направлении проверок 746 (37,7 %) организованы в органах местного самоуправления и местных госадминистрациях, 757 (33,6 %) – в структурных подразделениях министерств и ведомств и органах исполнительной власти, 144 (6,7 %) – в органах внутренних дел, 139 (6,7 %) – в контролирующих органах, 244 (12,5 %) – в других учреждениях и организациях.

Большинство выявляемых нарушений приходится на действия должностных лиц государственных органов и органов местного самоуправления, связанные с проведением государственных закупок и несоблюдением требований законов о противодействии коррупции.

В частности, в сфере надзора за исполнением законодательства о государственных закупках органами прокуратуры было проведено 674 проверки, по результатам которых внесено 825 актов прокурорского реагирования, что составляет 32,1 % от общего числа внесенных актов за отчетный период, возбуждено 58 уголовных дел (13 % от общего количества возбужденных дел). Сумма возмещения по результатам проверок исполнения законодательства о государственных закупках составила 35 424 423 (3 394 317) сома.

В сфере надзора за исполнением законов о коррупции проведено 944 проверки, по результатам которых внесено 823 акта прокурорского реагирования, что составляет 32,1 % от общего числа внесенных актов за отчетный период, а также возбуждено 348 уголовных дел (13 % от общего количества возбужденных дел), сумма возмещения по актам реагирования составила 35 424 423 (14 359 249) сома.

Одним из приоритетных направлений деятельности органов прокуратуры республики в отчетном периоде оставались вопросы соблюдения законодательства о государственной службе и декларировании доходов.

По результатам 412 проверок, проведенных органами прокуратуры в данном направлении, внесено 564 акта реагирования, что составляет 23,4 % от их общего числа.

Основными видами нарушений в данной области являются проведение конкурса на замещение вакантных государственных должностей с нарушением их процедуры, принятие на государственную службу граждан без проведения конкурса и не соответствующих квалификационным требованиям, незаконное наложение дисциплинарных взысканий, несвоевременное и неполное представление государственными и муниципальными служащими сведений о доходах. По результатам проведенных проверок по актам прокурорского реагирования к дисциплинарной ответственности привлечено 258 лиц, к административной – 65 должностных лиц.

В 2017 году правоохранительными органами Кыргызской Республики возбуждено 1037 (1002) уголовных дел коррупционной направленности, из которых 704 (812) дела возбуждено органами прокуратуры при осуществлении надзорной деятельности, органами внутренних дел – 242 (22) дела, органами по

борьбе с экономическими преступлениями – 49 (65) дел, органами национальной безопасности – 42 (103) дела.

По предварительным оценкам, размер ущерба, причиненного указанными преступлениями, составляет 670 150 006 (939 952 308) сомов, из которых возмещено 18 351 531 (320 045 870) сом, или 2,7 % (34 %), в том числе:

– органами прокуратуры выявлено ущерба на 651 146 728 (506 699 023) сомов, из них возмещено 16 408 593 (197 694 816) сома;

– органами национальной безопасности выявлено ущерба на 17 620 407 (145 672 688) сомов, из них возмещено 560 067 (5 036 917) сомов;

– органами по борьбе с экономическими преступлениями выявлено 1 382 871 (285 626 322) сом, из них возмещено 1 382 871 (116 362 962) сомов.

В 2017 году количество уголовных дел, возбужденных органами прокуратуры, в сравнении с 2016 годом уменьшилось на 108 дел. К примеру, наблюдается уменьшение фактов взяточничества с 90 до 51 случая, что объясняется интенсивностью и результативностью профилактических мер по недопущению должностных преступлений. Всего по должностным и коррупционным преступлениям органами прокуратуры возбуждено 704 уголовных дела, из них по пункту 3 части 4 статьи 166 (мошенничество с использованием служебного положения) – 36 дел, пункту 2 части 4 статьи 171 (присвоение или растрата вверенного имущества с использованием служебного положения) – 99 дел, пункту 1 части 3 статьи 204 (контрабанда, совершенная должностным лицом с использованием своего служебного положения) – 3 дела, статье 221 (злоупотребление полномочиями служащими коммерческих или иных организаций) – 2 дела, статье 303 (коррупция) – 5 дел, статье 304 (злоупотребление должностным положением) – 410 дел, статье 3052 (нарушение земельного законодательства Кыргызской Республики) – 48 дел, статье 306 (заключение контракта, осуществление государственной закупки вопреки интересам Кыргызской Республики) – 30 дел, статье 307 (незаконное использование служебного положения при осуществлении приватизации, налоговой, таможенной или лицензионно-разрешительной деятельности) – 1 дело, статье 308 (незаконное использование бюджетных средств) – 6 дел, статьям 313–314 (вымогательство взятки, получение взятки, посредничество во взяточничестве, дача взятки) – 37 дел, статье 315 (служебный подлог) –18 дел, статье 3151 (незаконная выдача паспорта гражданина Кыргызской Республики, а равно внесение заведомо ложных сведений в документы, повлекшие незаконное получение гражданства Кыргызской Республики) – 1 дело и части 5 статьи 350 (подделка, изготовление, сбыт или использование поддельных документов, государственных наград, штампов, печатей, бланков, совершенные лицом с использованием своего служебного положения) – 8 дел.

В большинстве случаев уголовные дела были возбуждены по фактам злоупотреблений должностным положением, нарушения требований земельного законодательства, присвоения или растраты вверенного имущества, нарушений законодательства о государственных закупках и взяточничества.

Как показал анализ возбужденных органами прокуратуры за 2017 год 704 уголовных дел, в суд направлено для рассмотрения 173 дела (24,57 %), расследование продолжается по 228 делам (32,38 %), приостановлено производство по 213 делам (30,25 %), прекращено 47 дел (6,7 %), соединено

в другое производство 16 дел (2,27 %), направлено в другие органы 27 дел (3,8 %).

Одной из форм реализации органами прокуратуры координационной функции является созыв координационных совещаний. На республиканском уровне координационные совещания правоохранительных, фискальных и других государственных органов, органов местного самоуправления Кыргызской Республики по вопросам противодействия коррупции проводятся под председательством Генерального прокурора Кыргызской Республики с участием секретаря Совета безопасности Кыргызской Республики, Премьер-министра или Вице-премьер-министра Кыргызской Республики, курирующего деятельность правоохранительных органов, руководителей Верховного суда, Счетной палаты Кыргызской Республики, руководителей соответствующих министерств и ведомств, а также представителей международных организаций и гражданского общества.

Аналогичные совещания проводятся Военным прокурором Кыргызской Республики, прокурорами областей, городов Бишкек и Ош с участием руководителей органов местной власти.

В 2017 году органами прокуратуры Кыргызской Республики проведено 40 координационных совещаний, на которых были рассмотрены наиболее значимые вопросы в сфере противодействия коррупции, направленные на искоренение коррупции в государственных органах и органах местного самоуправления, в том числе в сфере использования бюджетных средств, земельных правоотношений и градостроительства, образования, здравоохранения, внешней миграции, обеспечения законности в деятельности правоохранительных органов, а также выполнения антикоррупционных плановых мероприятий, принятых на основании указов Президента Кыргызской Республики.

По итогам обсуждений участниками координационных совещаний вырабатываются конкретные меры по согласованию действий и объединению усилий государственных органов в борьбе с коррупцией. Решениями Координационного совещания Правительству Кыргызской Республики и/или иным государственным органам даются рекомендации по принятию соответствующих организационно-правовых мер в сфере противодействия коррупции, в том числе касающихся нормативного регулирования и вопросов ответственности руководителей государственных органов.

К примеру, на основании решения Координационного совещания при Генеральной прокуратуре Кыргызской Республики от 27.12.2016 № 2 в целях определения государственного органа или его структурного подразделения, ответственного за разработку комплексных подходов и мероприятий по антикоррупционному обучению, было издано распоряжение Премьер-министра Кыргызской Республики от 27.01.2017 № 65.

В целях обеспечения публичности, открытости и прозрачности процедур предоставления прав на земельные участки на основании решения Координационного совещания от 27.12.2016 № 2 Правительством Кыргызской Республики издано распоряжение от 15.08.2017 № 340-р, которым установлено обязательное опубликование решений о предоставлении прав на земельные участки на официальных веб-сайтах органов местного самоуправления или местной государственной администрации, полномочного представителя

Правительства в соответствующей области, уполномоченного государственного органа по делам местного самоуправления, а также проведение информационно-разъяснительных работ среди населения по соблюдению земельного законодательства.

Принятые на координационных совещаниях решения освещаются в средствах массовой информации и размещаются на сайте Генеральной прокуратуры Кыргызской Республики.

ГЕНЕРАЛЬНАЯ ПРОКУРАТУРА РЕСПУБЛИКИ МОЛДОВА

Закон Республики Молдова от 25.02.2016 № 3 «О Прокуратуре» не наделяет органы прокуратуры функцией по координации деятельности правоохранительных органов в сфере борьбы с преступностью и коррупцией. Согласно статье 8 указанного закона к компетенции Генеральной прокуратуры относится исключительно координация деятельности органов, осуществляющих специальную розыскную деятельность, в части законности проведения специальных розыскных мероприятий.

В целом состояние преступности и эффективность деятельности прокуратуры в Республике Молдова обусловлены совокупностью многих объективных и субъективных факторов.

Согласно информации, представленной Генеральной прокуратурой Республики Молдова, в 2017 году в стране отмечалось уменьшение количества преступных деяний на 15,12 %. В 2017 году на территории Республики Молдова было зарегистрировано 35 581 преступление, что на 6340 меньше, чем в 2016 году.

Существенно (на 3861 случаев, или 16,7 %) уменьшилось количество преступлений средней тяжести, на 17 % меньше зарегистрировано незначительных преступлений, количество тяжких преступлений сократилось на 5,77 %, чрезвычайно тяжких преступлений – на 23,67 %, особо тяжких преступлений – на 7,73 %.

Анализ структуры преступности свидетельствует об уменьшении отдельных видов преступлений: количество преступлений против собственности уменьшилось на 23,24 %, в том числе краж – на 25,15 %; мошенничеств – на 9,67 %, карманных краж – на 23,84 %, шантажей – на 25 %, угонов транспортных средств – на 19,7 %, грабежей – на 21,81 %, разбоев – на 23,44 %; преступлений против жизни и здоровья личности – на 16,35 %, в том числе убийств – на 18,52 %; преступлений, относящихся к половой сфере – на 7,79 %, в том числе изнасилований – на 11,73 %; преступлений против семьи и несовершеннолетних – на 49,38 %; экономических преступлений – на 6,36 %, фактов изготовления и сбыта поддельных денег – на 10,19 %; уклонения от уплаты налогов – на 23,18 %; преступлений против общественной безопасности – на 15,4 %, в том числе хулиганств – на 14,83 %; воинских преступлений – на 3,75 %.

Вместе с тем увеличилось число преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, на 10,06 %; транспортных преступлений – на 7,11 %; преступлений против публичной власти – на 2,66 %, в том числе незаконного перехода государственной границы – на 16,3 %; преступлений, совершенных

публичными лицами, – на 2,58 %, в том числе фактов пассивного коррумпирования – на 1,08 %.

Анализ тенденций и структуры подростковой преступности в 2017 году демонстрирует резкое снижение количества уголовных дел, возбужденных в отношении несовершеннолетних, по сравнению с предыдущими годами. В 2017 году было начато уголовное преследование по 780 делам в отношении несовершеннолетних (в 2016 году – 1290), задержаны 42 (28) несовершеннолетних. Уголовное преследование окончено по 738 делам (1197). В суд с обвинительным заключением было направлено 540 дел (593). Прекращено 191 дело (604), в том числе 6 за отсутствием в деянии состава или события преступления; большинство дел прекращено по нереабилитирующим основаниям: 145 – в связи с примирением сторон (статья 109 УК РМ), 16 дел – с применением принудительных мер воспитательного характера (статья 104 УК РМ).

Динамика преступности в 2017 году была обусловлена объективными факторами правового, организационного, экономического, социального характера и т.д., в числе которых следует отметить:

– низкий уровень жизни отдельных категорий граждан, отсутствие источников постоянного дохода, низкие заработные платы, высокий уровень безработицы, социальный кризис, массовую миграцию населения как внутри страны, так и за её пределами (эти факторы обусловили высокий уровень преступлений против собственности, которые составили 48,5 % от общего числа зарегистрированных преступлений);

– оставление (по тем же причинам) без присмотра детей, которые в отсутствие средств к существованию совершают преступления, в особенности кражи;

– низкий уровень гражданского сознания и правовой культуры, отсутствие доверия к правоохранительным органам и их представителям, безнаказанность лиц, совершивших преступления, способствуют совершению преступных деяний насильственного характера, хулиганства, насилия в семье, умышленного причинения телесных повреждений;

– криминализацию в 2010 году насилия в семье, которое ранее относилось к категории правонарушений, значительно повлияла на коэффициент зарегистрированных преступлений против семьи и несовершеннолетних (их количество составило 1836, или 4,38 %);

– криминализация управления транспортным средством в состоянии опьянения обусловила рост транспортных преступлений – в 2017 году было зарегистрировано больше на 63 случая по сравнению с 2016 годом;

– продолжение преступной деятельности лицами, в отношении которых уголовное преследование было прекращено в связи с примирением сторон (в 2016 году приняты законодательные решения относительно ограничения применения института примирения);

– изменение отношения констатирующих[1] органов и органов уголовного преследования к регистрации заявлений о преступлениях, которые стали реже

[1] В соответствии со статьей 273 УПК Республики Молдовы к констатирующим органам относятся полиция, Пограничная полиция, Национальный центр по борьбе с коррупцией, Таможенная служба, Служба информации и безопасности, командиры воинских частей, воинских формирований

отказывать в регистрации жалоб с целью улучшения статистических показателей;

– недостатки в работе полиции в сфере профилактики преступлений, в том числе в отношении лиц, освобожденных от ответственности. В связи с этим для предотвращения преступности должны быть задействованы все государственные органы при координирующей роли ответственного органа;

– неэффективность карательной политики государства, реализуемой судебными органами, заключающейся в том числе в снижении размеров и сроков назначаемых наказаний по большинству категорий преступлений, что приводит к увеличению числа рецидивов; при этом наиболее часто назначаются наказания, не связанные с лишением свободы;

– отсутствие комплексных криминологических исследований состояния преступности в стране с точки зрения профилактики и предотвращения преступлений, а также отсутствие компетентных органов, специализирующихся в данной области.

В 2017 году прокуроры осуществляли **уголовное преследование** по 3220 уголовным делам (в 2016 году – 6039), из которых большинство составляют дела по убийствам, изнасилованиям, коррумпированию, получению взятки, извлечению выгоды из влияния, преступления, совершенные должностными лицами, а также преступления, совершенные несовершеннолетними.

Было завершено уголовное преследование по 1283 делам (2490). Направлено в суд 803 уголовных дела (1293) по 970 преступлениям (1481) в отношении 1183 лиц (1742), из которых 59 (53) – в отношении сотрудников полиции, 21 – в отношении несовершеннолетних (593).

В суд были переданы 30 (39) уголовных дел по фактам умышленного убийства, 10 (10) дел по умышленному причинению тяжкого телесного повреждения или иного тяжкого вреда здоровью, 13 (30) – по изнасилованию, 70 (483) – по преступлениям против собственности, 75 (78) – по незаконному обороту наркотиков, 20 (14) – по контрабанде и уклонению от уплаты таможенных платежей, 12 (26) – по нарушению правил безопасности дорожного движения, 34 (67) – по хулиганству, 110 (54) – по фактам коррумпирования и извлечения выгоды из влияния, 42 (24) – по злоупотреблению и превышению служебным положением и властью, 33 (107) – по воинским преступлениям, 42 (21) – по преступлениям против правосудия, 228 – по другим категориям дел.

В суд было передано 11 (39) уголовных дел, по которым было достигнуто соглашение о признании вины в отношении 11 преступлений (44).

Уголовное преследование прекращено по 471 делу (1197), в том числе по 409 (538) делам за отсутствием события преступления, 14 (476) – в связи с примирением сторон, 12 (31) дел – на основании акта амнистии и 36 (152) – по другим нереабилитирующим основаниям, в том числе в связи с освобождением от уголовной ответственности с привлечением к административной ответственности на основании статьи 55 УК РМ.

и начальники военных учреждений, начальники пенитенциарных учреждений, командиры кораблей и самолетов, судебная инстанция или судья по уголовному преследованию – по преступлениям, отнесенным к их компетенции. Указанные органы вправе задержать лицо, совершившее преступление, изъять вещественные доказательства, истребовать информацию и документы, необходимые для установления преступления, вызвать повесткой лиц для дачи показаний, приступить к оценке вреда и произвести любые другие неотложные действия.

Условно было приостановлено уголовное преследование по 2 делам (5). Прокуроры приняли решение о приостановлении уголовного преследования, на основании статьи 287^1 УПК по 275 делам (310), в том числе по 72 (158) – в связи с уклонением лиц от уголовного преследования и по 201 (149) – в связи с неустановлением личности преступников.

В производстве прокуроров на конец 2017 года осталось 1204 дела (1241), по которым подозреваются и/или обвиняются 610 человек (475).

В 2017 году прокуроры **руководили уголовным преследованием** по 54 093 делам (62 046), из которых расследование окончено по 24 535 делам (24 535).

В суд было направлено 14 338 уголовных дел (13 036) о совершении 15 785 преступлений (14 323) в отношении 16 445 лиц (14 550). Из направленных в суд уголовных дел 109 (100) – по фактам умышленных убийств, 161 (139) – по фактам умышленного причинения тяжкого телесного повреждения или иного тяжкого вреда здоровью, 170 (159) – по изнасилованиям, 4216 (3635) – по преступлениям против собственности, 854 (716) – по преступлениям в сфере незаконного оборота наркотиков, 72 (43) – по уклонению от уплаты налогов и финансово-банковским преступлениям, 91 (64) – по контрабанде и уклонению от уплаты таможенных платежей, 1264 (1084) – по нарушению правил безопасности дорожного движения, 856 (764) – по хулиганству, 168 (129) – по коррумпированию и извлечению выгоды из влияния, 50 (63) – по злоупотреблению и превышению служебным положением и властью, 323 (134) – против правосудия, 5744 – по другим категориям дел.

Уголовное преследование прекращено по 9817 делам (11 232), в том числе по 5235 (4795) делам из-за отсутствия состава преступления, 2425 (3488) – в связи с примирением сторон, 438 (594) – на основании акта амнистии, 1719 (2348) – по другим нереабилитирующим основаниям, в том числе в связи с освобождением от уголовной ответственности и привлечением к административной ответственности на основании статьи 55 УК.

В 2017 году прокурорами было принято решение о приостановлении уголовного преследования на основании статьи 287^1 УПК по 13 935 делам (14 925), в том числе по 2328 (1944) делам в связи с уклонением лиц от уголовного преследования и по 11 602 (12 974) – в связи с неустановлением виновного лица.

В производстве органов уголовного преследования осталось 12 730 дел (13 480), по которым подозреваются и обвиняются 5481 человек (5188).

Специализированным органом по предупреждению и борьбе с коррупцией в Республике Молдова является Национальный центр по борьбе с коррупцией (далее – НЦБК). Орган уголовного преследования НЦБК осуществляет уголовное преследование по делам об активном и пассивном коррумпировании, извлечении выгоды из влияния, незаконном обогащении, получении и дачи взятки, злоупотреблении властью или служебным положением, превышении власти или должностными обязанностями, а также по делам об отмывании денег и финансировании терроризма, за исключением дел по преступлениям, отнесенным к компетенции других органов.

НЦБК располагает организационной и функциональной независимостью. Однако контроль за исполнением сотрудниками НЦБК своих полномочий в рамках уголовного процесса, а также за ходом оперативно-розыскной деятельности осуществляется Антикоррупционной прокуратурой, которая

создана для борьбы с коррупционными проявлениями. Законом Республики Молдова от 25 февраля 2016 г. № 3 «О Прокуратуре» к ее компетенции отнесены следующие полномочия: осуществление уголовного преследования по делам, отнесенным к ее компетенции; руководство уголовным преследованием по делам, находящимся в производстве Национального центра по борьбе с коррупцией; поддержание обвинения в суде первой, апелляционной и кассационной инстанций по вышеуказанным делам.

2016 год стал годом реформы для органов Прокуратуры Республики Молдова. Кроме вступления в силу новых законов о прокуратуре и о специализированных прокуратурах, были внесены изменения в УПК относительно компетенции в уголовном преследовании за коррупционные преступления.

Для повышения эффективности борьбы с коррупцией приоритетом руководства страны стало преследование коррупции на высшем уровне, коррупции в сфере юстиции и в правоохранительных органах. С этой целью преследование высших чиновников и ряда представителей органов юстиции и правоохранительных органов за совершение актов коррупции и других преступлений против надлежащего порядка работы в публичной сфере с 1 августа 2016 г. отнесено к компетенции Антикоррупционной прокуратуры.

Антикоррупционная прокуратура осуществляет уголовное преследование по преступлениям, предусмотренным статьями 181^1, 181, 242^1, 242^2, 324–329, 332–335 Уголовного кодекса, и по преступлениям, совершенным с использованием служебного положения, предусмотренным статьями 190 и 191 Уголовного кодекса[1]:

1) если они совершены:

a) лицами, исполняющими ответственную государственную должность определенными частью 3 статьи 123 Уголовного кодекса, за исключением примаров и заместителей примаров сел и коммун, советников местных советов сел и коммун;

b) государственными служащими – руководителями высшего звена;

c) офицерами по уголовному преследованию и розыскными офицерами;

d) адвокатами;

e) судебными исполнителями;

f) авторизованными управляющими;

g) лицами, которые представляют руководство государственных предприятий и акционерных обществ с преимущественно государственным уставным капиталом;

h) лицами, которые представляют руководство коммерческих банков;

[1] Статья 1811 «Подкуп избирателей», статья 1812 . «Незаконное финансирование политических партий или избирательных кампаний, нарушение порядка управления финансовыми средствами политических партий и избирательных фондов», статья 190 «Мошенничество», статья 191 «Присвоение чужого имущества», статья 2421 «Манипулирование мероприятием», статья 2422 «Устроенные пари», статья 324 «Пассивное коррумпирование», статья 325 «Активное коррумпирование», статья 326 «Извлечение выгоды из влияния», статья 327 «Злоупотребление властью или служебным положением», статья 328 «Превышение власти или служебных полномочий», статья 329 «Служебная халатность», статья 332 «Служебный подлог», статья 3321 «Мошенническое получение средств внешних фондов», статья 3322 «Присвоение средств внешних фондов», статья 333 «Получение взятки», статья 334 «Дача взятки», статья 335 «Злоупотребление служебным положением».

i) секретарем Высшего совета безопасности, начальником Главного штаба Национальной армии, иными ответственными должностными лицами Генерального штаба Вооруженных сил, а также лицами, имеющими воинское звание генерала или соответствующее ему специальное звание;

2) независимо от статуса лица, если денежная сумма, стоимость имущества, услуг, привилегий, преимуществ в любой форме и других выгод, потребованных, обещанных, принятых, предложенных, предоставленных или полученных, превышает 5000 условных единиц или если размер причиненного преступлением ущерба превышает 50 000 условных единиц;

3) если размер финансирования, административных ресурсов, пожертвований, ассигнований из государственного бюджета и/или средств избирательного фонда, использованных для совершения преступления, превышает 5000 условных единиц – в случае преступлений, предусмотренных статьей 181^2 Уголовного кодекса.

Таким образом, была определена компетенция Антикоррупционной Прокуратуры относительно осуществления уголовного преследования непосредственно прокурорами. Антикоррупционная прокуратура, как и НЦБК, осуществляет свои полномочия на всей территории Республики Молдова.

Кроме того, в 2017 году приказом Генерального прокурора от 17.02.2017 № 8/28 утверждено Положение о прокуратуре по борьбе с коррупцией; приказом Генерального прокурора от 15.06.2017 № 681-р определена внутренняя структура и правовой статус работников Прокуратуры Республики Молдова, в том числе Антикоррупционной прокуратуры.

В соответствии с Законом Республики Молдова от 07.07.2016 г. № 159 «О специализированных прокуратурах» предусмотрена возможность откомандирования офицеров уголовного преследования, розыскных офицеров и специалистов из других учреждений в специализированные прокуратуры на срок до пяти лет, который может быть продлен на такой же период времени. Откомандирование осуществляется приказом Генерального прокурора с предварительного согласия руководителя учреждения, в котором работает откомандировываемый работник, и с письменного согласия последнего. В указанном порядке были откомандированы 10 офицеров уголовного преследования, 7 розыскных офицеров.

Прокурор несет ответственность за законное и своевременное осуществление уголовного преследования по тем делам, по которым Антикоррупционная прокуратура осуществляет уголовное преследование или руководит уголовным преследованием. Прокурор координирует деятельность офицеров уголовного преследования и розыскных офицеров, проводит следственные действия или поручает их проведение офицерам уголовного преследования, назначает и разрешает проведение специальных розыскных мероприятий или ходатайствует перед судом для их осуществления. Также для более эффективной работы создаются следственные группы, состоящие из прокуроров, откомандированных офицеров уголовного преследования.

В 2017 году в производстве Антикоррупционной прокуратуры находились 3236 уголовных дел, их них по 1233 делам прокуроры осуществили уголовное преследование, а по 2003 делам руководили им. В суд было направлено 177 уголовных дел (в 2016 году – 78) в отношении 264 (111) лиц, в том числе 37 дел по активному коррумпированию, 16 – по пассивному коррумпированию, 47 – по

извлечению выгоды из влияния, 22 – по злоупотреблению властью или служебным положением, 11 – по превышению власти или служебными полномочиями, 20 – по преступлениям против правосудия и др. Субъектами указанных преступлений были признаны 36 сотрудников органов внутренних дел, 24 сотрудника таможни, 19 судей, 15 адвокатов, 8 офицеров по уголовному преследованию, 4 прокурора, 4 судебных исполнителя, 2 министра и 1 вице-министр.

Кроме того, в суд было направлено 278 уголовных дел НЦБК (в 2016 году – 259) в отношении 348 лиц (325), по которым прокуроры руководили уголовным преследованием: 31 дело по активному коррумпированию, 47 – по пассивному коррумпированию, 90 – по извлечению выгоды из влияния, 21 – по преступлениям против правосудия, 20 – по злоупотреблению властью или служебным положением, 20 – по превышению власти или служебными полномочиями и др. Среди субъектов указанных преступлений: 36 представителей местной публичной власти, 23 сотрудника таможни, 19 сотрудников государственных предприятий, 16 сотрудников органов внутренних дел, 8 представителей центральной публичной власти, 6 адвокатов и другие лица.

ГЕНЕРАЛЬНАЯ ПРОКУРАТУРА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В соответствии со статьей 8 Федерального закона от 17.01.1992 № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» координация деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью возложена на Генерального прокурора Российской Федерации и подчиненных ему прокуроров. В целях обеспечения координации деятельности правоохранительных органов прокурор созывает координационные совещания, организует рабочие группы, истребует статистическую и другую необходимую информацию, осуществляет иные полномочия в соответствии с Положением о координации деятельности по борьбе с преступностью, утверждаемым Президентом Российской Федерации.

В связи с изданием Указа Президента Российской Федерации от 07.12.2016 № 656 «Об изменении и признании утратившими силу некоторых актов Президента Российской Федерации», расширяющего состав участников координационной деятельности, совместным приказом Генерального прокурора Российской Федерации, МВД России, ФСБ России, СК России, Росгвардии, ФТС России, ФСИН России и ФССП России от 20.07.2017 №499/475/409/98/229/1190/722/355 внесены соответствующие изменения в Регламент Координационного совещания руководителей правоохранительных органов Российской Федерации и в состав участников включена Федеральная служба войск национальной гвардии Российской Федерации.

В 2017 году Генеральной прокуратурой Российской Федерации осуществлен комплекс мероприятий, направленных на повышение эффективности координации деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью.

В соответствии с Положением о координации деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью, утвержденным Указом Президента Российской Федерации от 18.04.1996 № 567, проведение заседаний Координационного совещания является одной из основных форм координации

деятельности правоохранительных органов и осуществляется в целях повышения эффективности противодействия преступным проявлениям, позволяет правильно определить главные направления, приоритеты деятельности, использовать оптимальные и своевременные формы и методы борьбы с преступностью. Данная деятельность реализуется на основании Конституции Российской Федерации с соблюдением принципа равенства всех участников.

В 2017 году органами прокуратуры Российской Федерации проведено 12 866 заседаний координационных совещаний руководителей правоохранительных органов, а также 15 508 межведомственных совещаний, на которых рассматривались наиболее актуальные вопросы борьбы с преступностью.

В частности, на федеральном уровне в рамках реализации плана основных мероприятий по координации деятельности правоохранительных органов Российской Федерации по борьбе с преступностью на 2017 год проведено 3 координационных и 2 межведомственных совещания.

В целях повышения результативности деятельности правоохранительных органов по противодействию преступлениям, совершенным в банковском секторе, 03.05.2017 на заседании Координационного совещания рассмотрены вопросы эффективности взаимодействия правоохранительных и контролирующих органов по предупреждению, выявлению, пресечению и расследованию преступлений в сфере банковской деятельности.

Кроме того, в июле 2017 года в Генеральной прокуратуре Российской Федерации создан межведомственный штаб по возврату активов государственной корпорации «Банк развития и внешнеэкономической деятельности (Внешэкономбанк)». В его состав вошли представители Следственного комитета Российской Федерации, МВД России, ФСБ России и Внешэкономбанка (ВЭБ). В рамках работы штаба на регулярной основе проводится анализ хода и итогов доследственных проверок и расследования уголовных дел о преступлениях, связанных с хищением активов ВЭБ, а также полноты мер, нацеленных на возмещение причиненного ущерба. Информация об установленных упущениях и нарушениях Генеральной прокуратурой Российской Федерации доводится до ведомств с указанием на необходимость их устранения.

Помимо этого, 26.09.2017 на Координационном совещании обсуждены результаты работы правоохранительных органов по профилактике, выявлению, пресечению, расследованию преступлений в налоговой сфере и фактическому возмещению ущерба, причиненного данными преступлениями.

В частности, правоохранительные органы ориентированы на выявление новых способов уклонения от уплаты налогов, сборов и страховых взносов, в том числе связанных с преднамеренным банкротством должников, а также установление бенефициарных владельцев должников с целью привлечения их к уголовной ответственности и полного возмещения ущерба, причиненного преступлением. В 2018 году предусмотрено создание межведомственной рабочей группы по мониторингу нормативных правовых актов на предмет выявления норм, затрудняющих пресечение, расследование преступлений в налоговой сфере, возмещение причиненного этими деяниями вреда и подготовке законопроекта, направленного на совершенствование правовых механизмов защиты экономики государства от налоговых правонарушений.

Кроме того, Генеральной прокуратурой Российской Федерации совместно с МВД России, ФСБ России и Следственным комитетом Российской Федерации

проанализировано состояние работы правоохранительных органов по выявлению, пресечению и расследованию преступлений, совершенных при строительстве объектов космодрома «Восточный». Результаты обобщения 10.02.2017 обсуждены на межведомственном совещании под председательством заместителя Генерального прокурора Российской Федерации с выработкой решения, способствующего повышению эффективности деятельности правоохранительных органов.

В целях обеспечения ведомственного контроля и прокурорского надзора за расследованием уголовных дел о преступлениях, совершенных при строительстве космодрома «Восточный», при прокуратурах ряда субъектов Российской Федерации созданы и функционируют межведомственные рабочие группы. При Генеральной прокуратуре Российской Федерации с декабря 2016 года функционирует межведомственный штаб, целью которого является оперативное изучение на постоянной основе результатов следственной работы и надзорной деятельности на данном направлении.

Генеральной прокуратурой Российской Федерации принято участие в анализе деятельности правоохранительных органов по предупреждению и пресечению нарушений законодательства, регулирующего оборот наркотических средств. Результаты этой работы 21.09.2017 рассмотрены на межведомственном совещании под председательством заместителя Министра внутренних дел Российской Федерации. По итогам обсуждения принято решение, включающее в себя перечень практических мероприятий, направленных на повышение эффективности работы и межведомственного взаимодействия по противодействию наркопреступности.

В октябре 2017 г. по инициативе Генеральной прокуратуры Российской Федерации состоялось межведомственное совещание по вопросу эффективности деятельности правоохранительных органов по выявлению преступлений, связанных с легализацией (отмыванием) преступных доходов, в работе которого приняли участие представители МВД России, СК России, ФСБ России, Банка России и Росфинмониторинга.

В 2017 году широко использовались и иные формы координации деятельности правоохранительных органов. Так, создано 1227 межведомственных рабочих групп для выявления и пресечения преступлений, а также устранения причин и условий, способствовавших их совершению, проведено 9671 совместное целевое мероприятие, из них 7856 с участием органов прокуратуры; издано 566 межведомственных организационно-распорядительных документов в сфере борьбы с преступностью.

Помимо этого, в отчетном периоде Генеральной прокуратурой Российской Федерации разработан ряд межведомственных приказов: «Об утверждении Инструкции о порядке взаимодействия при выявлении, пресечении, расследовании и раскрытии преступлений в сфере лесопользования», «Об утверждении Порядка взаимодействия правоохранительных и контролирующих органов Российской Федерации по вопросам противодействия преступной деятельности в миграционной сфере», «Об утверждении Инструкции по организации информационного взаимодействия в сфере противодействия легализации (отмыванию) денежных средств и иного имущества, полученных преступным путем». В настоящее время данные документы согласованы и проходят процедуру подписания.

В течение 2017 года Генеральной прокуратурой Российской Федерации во взаимодействии с заинтересованными правоохранительными органами проводилась работа по выполнению Межведомственного комплексного плана совместных профилактических мероприятий по противодействию преступным проявлениям на 2016–2017 годы.

К примеру, проведена межгосударственная оперативно-профилактическая операция «Розыск». Приоритетным направлением операции, в которой принимали участие ФСИН России и ФССП России, являлось установление местонахождения и задержание лиц, разыскиваемых за бандитизм, совершение убийств и покушений на убийство, разбоев и грабежей.

Органами внутренних дел Российской Федерации задержано 4307 лиц, находившихся в розыске за совершение преступлений, разыскано 1817 лиц, пропавших без вести, установлена личность 311 неопознанных трупов. На территории страны задержаны 222 преступника, разыскиваемых полицией других государств – участников СНГ, а в государствах – участниках СНГ – 102 преступника, объявленных в розыск российскими правоохранительными органами.

Помимо этого, за прошедший год в Дальневосточном, Приволжском, Сибирском и Уральском федеральных округах под председательством заместителей Генерального прокурора Российской Федерации проведены межведомственные совещания по вопросам предупреждения, выявления и пресечения правонарушений и преступлений в сфере обязательного страхования гражданской ответственности владельцев транспортных средств с выработкой соответствующих решений.

Приоритетной задачей для органов прокуратуры Российской Федерации является противодействие коррупции. Генеральный прокурор Российской Федерации и подчиненные ему прокуроры в пределах своих полномочий координируют деятельность органов внутренних дел Российской Федерации, органов федеральной службы безопасности, таможенных органов Российской Федерации и других правоохранительных органов по борьбе с коррупцией и реализуют иные полномочия в области противодействия коррупции, установленные федеральными законами, в частности:

– осуществляют защиту и восстановление нарушенных в результате коррупционных правонарушений прав, свобод и законных интересов граждан и организаций;

– проводят мониторинг и анализ исполнения законодательства о борьбе с коррупцией и вырабатывают предложения по его совершенствованию;

– проводят антикоррупционную экспертизу нормативных правовых актов, выявляют коррупционные проявления и проводят по ним соответствующие проверки;

– участвуют в международном сотрудничестве с антикоррупционными и иными структурами других стран.

В 2017 году органами прокуратуры Российской Федерации активно реализовывались предусмотренные федеральными законами от 17.01.1992 № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации», от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» и Указом Президента Российской Федерации от 18.04.1996 № 567 «О координации деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью» полномочия по координации деятельности

правоохранительных органов в области противодействия коррупции в целях обеспечения системной работы всех ведомств в данной сфере.

В прошлом году прокурорами организовано проведение около 2913 (что на 3,1 % больше, чем в 2016 году) заседаний координационных совещаний руководителей правоохранительных органов, на которых определены задачи в сфере борьбе с коррупцией и акцентировано внимание на работе по выявлению и расследованию преступлений коррупционной направленности, возмещению ущерба от них, привлечению виновных лиц к ответственности.

Помимо этого, прокуроры совместно с другими правоохранительными органами, а также при необходимости с привлечением контрольно-надзорных органов, общественных организаций и средств массовой информации провели 1473 межведомственных совещания, 2236 целевых мероприятий для выявления и пресечения коррупционных преступлений, а также устранения причин и условий, способствующих их совершению, издали 105 межведомственных организационно-распорядительных документов в сфере борьбы с коррупцией, 83 информационных бюллетеня, осуществили 200 выездов в регионы, организовали 714 семинаров, конференций и иных мероприятий для повышения квалификации работников правоохранительных органов.

Среди форм координации деятельности правоохранительных органов по борьбе с коррупцией особенно эффективной является деятельность межведомственных рабочих групп, созданных на федеральном, региональном и муниципальном уровнях. В настоящее время в России функционирует 2,9 тыс. таких межведомственных рабочих групп, из которых в прошлом году создано 164.

В 2017 году проведено более 10 тыс. совещаний межведомственных рабочих групп, что на 2,6 % больше, чем в 2016 году (9819).

Значимая работа проведена межведомственной рабочей группой по противодействию коррупции, созданной на федеральном уровне распоряжением Генерального прокурора Российской Федерации от 26.03.2014 № 148/86р.

В минувшем году состав данной межведомственной рабочей группы расширен за счет включения представителей Минфина России и Федерального казначейства. В настоящее время указанная рабочая группа насчитывает представителей 16 министерств и ведомств.

В 2017 году проведено 4 заседания указанной рабочей группы, на которых рассмотрено 14 вопросов. Среди них – проблемы применения конфискации имущества, полученного в результате совершения преступлений коррупционной направленности, выявления фактов подкупа иностранных должностных лиц и должностных лиц публичных международных организаций, исполнения правоохранительными органами требований части 4.1 статьи 5 Федерального закона «О противодействии коррупции», расследования уголовных дел о взяточничестве, в том числе с учетом введенной Федеральным законом от 03.07.2016 № 324-ФЗ статьи 291^2 УК РФ (мелкое взяточничество), и другие.

Координация деятельности правоохранительных органов осуществлялась и путем реализации межведомственных планов по отдельным направлениям работы. Так, в 2017 году реализован межведомственный план мероприятий по предупреждению и пресечению «откатов», выявлению и устранению коррупционных проявлений при осуществлении закупок товаров, работ, услуг

для обеспечения государственных и муниципальных нужд, утвержденный приказом Генерального прокурора Российской Федерации от 27.07.2016 № 459.

Результатом осуществляемой прокурорами координации деятельности правоохранительных органов по борьбе с коррупционной преступностью стало достижение в 2017 году ряда качественных показателей работы по выявлению, раскрытию и расследованию преступлений коррупционной направленности.

К примеру, если по итогам первого полугодия 2017 года без каких-либо объективных причин количество выявленных коррупционных преступлений снизилось на 14 %, в том числе фактов взяточничества – почти на 28 %, то в результате корректировки деятельности правоохранительных органов, проведенной прокурорами во втором полугодии 2017 года, данный разрыв показателей сократился.

В то же время наличие определенных проблем в сфере противодействия коррупционной преступности явилось основанием для проведения в декабре 2017 года организованного Генеральной прокуратурой Российской Федерации заседания Координационного совещания руководителей правоохранительных органов Российской Федерации по вопросу «О состоянии и об организации работы правоохранительных органов Российской Федерации по выполнению мероприятий Национального плана противодействия коррупции на 2016–2017 годы, утвержденного Указом Президента Российской Федерации 01.04.2016 № 147».

Помимо руководителей правоохранительных органов Российской Федерации в мероприятии приняли участие директор Росфинмониторинга, представители Администрации Президента Российской Федерации, заместители Генерального прокурора Российской Федерации, начальники структурных подразделений Генеральной прокуратуры Российской Федерации и др. С учетом задач, поставленных руководством страны, по итогам заседания разработан комплекс мер по дальнейшему совершенствованию организации деятельности правоохранительных органов и межведомственного взаимодействия в целях повышения результативности работы в области противодействия коррупции.

Надзор за исполнением законодательства о противодействии коррупции в 2017 году был организован в соответствии с Национальным планом противодействия коррупции на 2016–2017 годы, утвержденным Указом Президента Российской Федерации от 01.04.2016 № 147, Комплексным планом мероприятий по противодействию коррупции на 2016–2018 годы, утвержденным приказом Генерального прокурора Российской Федерации от 04.05.2016 № 263, и другими организационно-распорядительными документами, поручениями Президента Российской Федерации и решениями президиума Совета при Президенте Российской Федераций по противодействию коррупции.

Результаты работы свидетельствуют о последовательном наращивании усилий по всем направлениям в сфере противодействия коррупции, включая борьбу с коррупционными правонарушениями, профилактику коррупции и ликвидацию (минимизацию) ее негативных последствий.

Органами прокуратуры Российской Федерации осуществляется работа по обеспечению соблюдения законодательства о противодействии коррупции, а также по выявлению и предупреждению коррупционных правонарушений. В течение 2017 года прокурорами на постоянной основе проводились проверки исполнения законодательства о противодействии коррупции в федеральных

органах исполнительной власти, органах государственной власти субъектов Российской Федерации, органах местного самоуправления, а также в организациях, в том числе созданных для выполнения задач, поставленных перед органами государственной власти.

В 2017 году органами прокуратуры выявлено 245,6 тыс. (в 2016 году – 325,6 тыс.) нарушений законодательства о противодействии коррупции, с целью устранения которых внесено 58,5 тыс. (67,7 тыс.) представлений, принесено 34 тыс. (44,8 тыс.) протестов на незаконные правовые акты, направлено 6,1 тыс. исков в суд на сумму 16,4 млрд рублей (10,2 тыс. исков на сумму 1,6 млрд рублей).

По результатам рассмотрения актов прокурорского реагирования в 2017 году привлечено к дисциплинарной ответственности 65 тыс. (72,7 тыс.) лиц, к административной – 6,8 тыс. (9,2 тыс.) лиц.

Для решения вопроса об уголовном преследовании виновных лиц в порядке пункта 2 части 2 статьи 37 УПК РФ прокурорами направлено 3,9 тыс. материалов, по которым возбуждено 3,4 тыс. уголовных дел (в 2016 году – 4,5 тыс. материалов и 3,8 тыс. уголовных дел соответственно).

Об эффективности принимаемых Генеральной прокуратурой Российской Федерации мер организационного характера, нацеливающих нижестоящих прокуроров на выявление и пресечение наиболее существенных, общественно опасных коррупционных деяний, свидетельствует более чем трехкратный рост числа лиц, уволенных в связи с утратой доверия в результате прокурорского вмешательства. По данному основанию в 2017 году уволено 1251 лицо, тогда как в 2016 году – лишь 383.

По-прежнему большая часть из выявленных коррупционных деяний (73,8 тыс.) заключается в представлении государственными и муниципальными служащими, иными лицами неполных либо недостоверных сведений о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера.

На 30 % (с 2,4 тыс. в 2016 году до 3,1 тыс. в 2017 году) увеличилось количество вскрытых прокурорами фактов неурегулирования конфликта интересов.

Значимой мерой антикоррупционного характера является запрет для российских служащих иметь счета, вклады и финансовые инструменты за границей, установленный Федеральным законом от 07.05.2013 № 79-ФЗ «О запрете отдельным категориям лиц открывать и иметь счета (вклады), хранить наличные денежные средства и ценности в иностранных банках, расположенных за пределами территории Российской Федерации, владеть и (или) пользоваться иностранными финансовыми инструментами».

Кроме того, согласно указанному Федеральному закону должностные лица обязаны представлять сведения о принадлежащем им, их супругам и несовершеннолетним детям недвижимом имуществе, находящемся за пределами Российской Федерации, об источниках получения средств, за счет которых приобретено указанное имущество, и об обязательствах имущественного характера за пределами территории Российской Федерации.

Органы прокуратуры, осуществляя надзор за соблюдением этих требований законодательства, регулярно проводят проверки, добиваясь их неукоснительного выполнения.

Как и в 2016 году, выявленные в 2017 году факты нарушения запрета открывать и иметь счета (вклады), хранить наличные денежные средства и ценности в иностранных банках, пользоваться иностранными финансовыми инструментами носят единичный характер. Всего за 2017 год выявлено 12 таких нарушений.

Отсутствие значительной практики на данном направлении обусловлено объективными трудностями в выявлении подобных нарушений, связанными в том числе с отсутствием регламентации на федеральном уровне единого порядка получения названной информации из зарубежных кредитных организаций. Механизм выявления таких нарушений требует дальнейшего совершенствования, в связи с чем Генеральной прокуратурой Российской Федерации проводится работа по налаживанию эффективного взаимодействия с правоохранительными органами Российской Федерации и уполномоченными органами иностранных государств.

Помимо этого, в Генеральной прокуратуре Российской Федерации разработан проект федерального закона, согласно которому Генеральная прокуратура Российской Федерации определяется уполномоченным органом по направлению за рубеж запросов в целях проверки соблюдения запрета открывать и иметь счета (вклады), хранить наличные денежные средства и ценности в иностранных банках, расположенных за пределами территории Российской Федерации, владеть и (или) пользоваться иностранными финансовыми инструментами.

Одним из важнейших направлений надзорной деятельности прокуроров остается контроль за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам. Федеральным законом от 03.12.2012 № 230-ФЗ «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам» с 2013 года в России введен контроль за крупными расходами государственных и муниципальных служащих, а также работников организаций государственного сектора. Законом установлено, что в случае, если чиновник или члены его семьи в течение отчетного года расходуют на приобретение недвижимости, транспортных средств или ценных бумаг сумму, превышающую общий семейный доход чиновника за три последних года, то в отношении такого чиновника принимается решение об осуществлении контроля за расходами. Этот контроль предполагает проведение специальной проверки, по результатам которой в случае неподтверждения законности происхождения денежных средств соответствующие материалы направляются прокурорами в суд, при этом обязанность по доказыванию законности приобретения такого имущества возложена на чиновника.

Благодаря ранее принятым мерам прокурорского реагирования, направленным на укрепление законности в деятельности подразделений кадровых служб органов государственной власти и местного самоуправления по профилактике коррупционных и иных правонарушений, в том числе формирование надлежащей нормативной правовой базы, количество установленных нарушений законодательства в указанной сфере в 2017 году по сравнению с 2016 годом снизилось с 4,6 тыс. до 2,8 тыс.

В целях их устранения внесено 715 представлений (в 2016 году – 1 306), принесено 1011 (1425) протестов, по результатам рассмотрения которых 475 (929) лиц привлечено к дисциплинарной ответственности.

При этом почти на треть (с 361 до 462) возросло число инициированных прокурорами процедур контроля за соответствием расходов доходам. По их результатам на конец отчетного периода в органы прокуратуры поступило 47 материалов, по которым прокурорами направлено 35 исков в суды на сумму 9,7 млрд рублей. В 2017 году судами удовлетворено 26 таких исков на сумму 9,2 млрд рублей, что значительно превышает показатели 2016 года (15 исков на сумму 1,9 млрд рублей). Почти в 4 раза (с 34,1 млн рублей до 134,9 млн рублей) возросла совокупная стоимость обращенного в доход государства имущества, в отношении которого не представлено сведений о его приобретении на законные доходы.

Продолжает совершенствоваться работа органов прокуратуры по выявлению административных правонарушений коррупционной направленности и привлечению виновных лиц к административной ответственности.

В целях совершенствования практики применения статьи 19.28 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ), которой установлена ответственность юридического лица за незаконные передачу, предложение или обещание от имени или в интересах юридического лица незаконного вознаграждения должностному лицу, лицу, выполняющему управленческие функции в коммерческой или иной организации, иностранному должностному лицу либо должностному лицу публичной международной организации денег за совершение в интересах данного юридического лица действия (бездействия), связанного с занимаемым служебным положением, Генеральным прокурором Российской Федерации, Председателем Следственного комитета Российской Федерации, Министром внутренних дел Российской Федерации и директором Федеральной службы безопасности Российской Федерации 6 апреля 2017 г. подписан межведомственный приказ «Об утверждении Положения о порядке информационного взаимодействия органов прокуратуры Российской Федерации со следственными органами Следственного комитета Российской Федерации, органами внутренних дел Российской Федерации и органами федеральной службы безопасности при выявлении признаков правонарушений, предусмотренных статьей 19.28 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях».

Названный приказ издан в целях упорядочения взаимодействия следственных и оперативных подразделений правоохранительных органов с органами прокуратуры, повышения оперативности прокурорского реагирования, обеспечения возбуждения соответствующих дел об административных правонарушениях на ранней стадии.

Используя полномочия в рассматриваемой сфере, прокуроры в 2017 году возбудили 503 (в 2016 году – 479) дела об административных правонарушениях, предусмотренных статьей 19.28 КоАП РФ. К административной ответственности по указанной статье привлечено 464 (427) лица с наложением штрафов на общую сумму 950,8 млн рублей (654 млн рублей), из которых взыскано 219,5 млн рублей (142,9 млн рублей). Сумма наложенных штрафов выросла в сравнении с 2016 годом на 45,4 %, взысканных – на 53,7 %.

Кроме того, на 40,6 % увеличилось количество постановлений о возбуждении дел об административных правонарушениях, предусмотренных частью 2 статьи 19.28 КоАП РФ (действия, совершенные в крупном размере). В 2017 году вынесено 45 таких постановлений. Возбуждено два дела по части 3 статьи 19.28 КоАП РФ (действия, совершенные в особо крупном размере), одно из которых рассмотрено.

Большое внимание уделяется вопросам законности трудоустройства бывших государственных служащих в коммерческие и иные организации после их увольнения с государственной службы. В частности, статьей 19.29 КоАП РФ предусмотрена административная ответственность граждан, должностных и юридических лиц за незаконное привлечение к трудовой деятельности либо к выполнению работ или оказанию услуг государственного или муниципального служащего либо бывшего государственного или муниципального служащего.

Федеральным законом «О противодействии коррупции» установлен особый порядок приема на работу лиц, ранее замещавших должности государственной или муниципальной службы, и закреплен ряд ограничений при заключении ими трудового или гражданско-правового договора.

Так, гражданин, замещавший должность государственной или муниципальной службы, включенную в соответствующий перечень, в течение двух лет после увольнения со службы вправе трудоустроиться в организацию или выполнять в этой организации работы (оказывать услуги) в течение месяца стоимостью более ста тысяч рублей на условиях гражданско-правового договора, если в его должностные (служебные) обязанности входили функции государственного, муниципального (административного) управления данной организацией, только с согласия соответствующей комиссии по соблюдению требований к служебному поведению государственных или муниципальных служащих и урегулированию конфликта интересов.

В свою очередь на работодателя возложена обязанность в десятидневный срок сообщать о заключении трудового или гражданско-правового договора с указанной категорией лиц по последнему месту их службы.

В 2017 году по статье 19.29 КоАП РФ в связи с незаконным привлечением к трудовой деятельности бывших государственных и муниципальных служащих прокурорами возбуждено 4737 дел об административных правонарушениях (в 2016 году – 4443), по результатам их рассмотрения к административной ответственности привлечено 4466 (4122) лиц. Сумма наложенных в 2017 году штрафов по этой статье составила 180,2 млн рублей (226,7 млн. рублей), из них взыскано 126,2 млн рублей (175,9 млн рублей).

По иным составам административных правонарушений, имеющим коррупционную составляющую, возбуждено 2016 (4218) дел, привлечено к ответственности 1925 (4136) лиц, наложено штрафов на сумму 202 млн рублей (123,4 млн рублей), из них взыскано 192,7 млн рублей (103,7 млн рублей). В целом за все административные правонарушения с коррупционной составляющей наложено более 1,3 млрд рублей штрафов, что на четверть больше, чем в 2016 году.

При осуществлении надзора за исполнением законодательства о противодействии коррупции в сфере экономики основная масса нарушений выявлялась при проверках законности закупок товаров, работ и услуг для государственных и муниципальных нужд (12 тыс.), распоряжения

государственной и муниципальной собственностью (9,3 тыс.), а также использования бюджетных средств (6,5 тыс.). Как правило, нарушения были связаны с наличием конфликта интересов у представителей организаторов и участников закупок.

Для восстановления интересов государства, граждан и организаций в 2017 году прокурорами предъявлено 2214 исков с требованиями о возмещении ущерба, причиненного актами коррупции (в 2016 году – 2705), на сумму 16,3 млрд рублей (3,6 млрд рублей). Удовлетворено 1488 исков на сумму 11,4 млрд рублей (в 2016 году – 1899 исков на сумму 3,3 млрд рублей). Взыскано 262,6 млн рублей (219 млн рублей).

Одним из факторов, способствующих развитию и распространению коррупции, является несовершенство законодательства. Действующие нормативные правовые акты нередко содержат нормы, порождающие коррупционное поведение и способствующие злоупотреблению властными полномочиями. По этой причине антикоррупционную экспертизу нормативных правовых актов и их проектов следует рассматривать в качестве одного из эффективных средств профилактики коррупции.

Результаты проведенной органами прокуратуры работы по выявлению коррупциогенных факторов в нормативных правовых актах и их проектах свидетельствуют о наличии положительных тенденций, направленных на снижение коррупциогенности нормативных правовых актов на всех уровнях власти и местного самоуправления.

В 2017 году, реализуя полномочия, предоставленные статьей 9^1 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» и Федеральным законом от 17.07.2009 № 172-ФЗ «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов», прокуроры провели антикоррупционную экспертизу более 970 тыс. нормативных правовых актов (в 2016 году – 989 тыс.), выявлено 46 тыс. (49 тыс.) нормативных правовых актов, содержащих коррупциогенные факторы.

Большинство (97 %) нормативных правовых актов, содержавших коррупциогенные факторы, принято органами местного самоуправления, 944 (2 %) таких нормативных правовых акта принято органами власти субъектов Российской Федерации, федеральными органами исполнительной власти – 23 акта (менее 1 %).

В указанных нормативных правовых актах содержалось 56 тыс. (61,5 тыс.) коррупциогенных факторов, с целью их исключения прокурорами внесено 3,8 тыс. (3,6 тыс.) требований, принесена почти 41 тыс. (43 тыс.) протестов, направлено 150 (200) исков (заявлений) в суды, внесена 1 тыс. (1,4 тыс.) представлений, направлено почти 173 (400) информаций.

В результате проделанной работы из 42,7 тыс. (46 тыс.) нормативных правовых актов исключено почти 52 тыс. (57,4 тыс.) коррупциогенных факторов. Приведенные данные свидетельствуют о высокой эффективности принимаемых прокурорами мер по проведению антикоррупционной экспертизы.

Анализ работы органов прокуратуры показал, что наиболее часто прокурорами выявлялись такие коррупциогенные факторы, как принятие нормативного правового акта за пределами компетенции (13,9 тыс.), широта дискреционных полномочий (13,2 тыс.), отсутствие или неполнота административных процедур (11,2 тыс.), выборочное изменение объема прав

(6,8 тыс.), наличие завышенных требований к лицу, предъявляемых для реализации принадлежащего ему права (4,6 тыс.).

В нормативных правовых актах прокурорами редко выявлялись коррупциогенные факторы в виде отказа от конкурсных (аукционных) процедур (152), заполнения законодательных пробелов при помощи подзаконных правовых актов в отсутствие делегирования законодателем соответствующих полномочий (268), чрезмерной свободы подзаконного нормотворчества (379), злоупотребления правом заявителя органами государственной власти или органами местного самоуправления (507).

В целях недопущения наличия в нормативных правовых актах коррупциогенных факторов прокуроры продолжают работу по изучению их проектов. Так, в 2017 году изучено более 870 тыс. проектов нормативных правовых актов (840 тыс.). Почти в 25 тыс. проектов нормативных правовых актов выявлено 34 тыс. коррупциогенных факторов (25,4 тыс. и 35,3 тыс. соответственно).

Для исключения коррупциогенных факторов из проектов нормативных правовых актов прокурорами направлено 23,5 тыс. информаций (в 2016 году – 23,7 тыс.). Из почти 23 тыс. проектов нормативных правовых актов в результате вмешательства органов прокуратуры удалось исключить около 31 тыс. коррупциогенных факторов (23 тыс. и 31,8 тыс. соответственно).

ГЕНЕРАЛЬНАЯ ПРОКУРАТУРА РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН

Генеральная прокуратура и правоохранительные органы Республики Таджикистан в 2017 году проделали определенную работу по координации работы правоохранительных органов в сфере борьбы с преступностью.

Конституционным Законом Республики Таджикистан от 25.07.2005 № 107 «Об органах прокуратуры Республики Таджикистан» на органы прокуратуры Республики Таджикистан возложен надзор за соблюдением и исполнением законов органами, ведущими борьбу с преступностью и другими правонарушениями, а также органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, дознание и предварительное следствие; осуществление деятельности по расследованию преступлений; разработка мер по предотвращению преступлений, борьбе с коррупцией, терроризмом, экстремизмом и иными правонарушениями совместно с другими государственными органами; координация деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью и ее профилактике, иными правонарушениями.

В целях повышения эффективности деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью, своевременному выявлению, раскрытию, пресечению и предупреждению преступлений, устранению причин и условий, способствующих их совершению, Генеральный прокурор Республики Таджикистан, Главный военный прокурор Таджикистана, прокуроры Горно-Бадахшанской автономной области, областей, города Душанбе, транспортный прокурор Таджикистана, прокуроры городов и районов и приравненные к ним прокуроры в соответствии с Положением о координации деятельности

правоохранительных органов по борьбе с преступностью, утвержденным Президентом Республики Таджикистан, созывают Координационный совет.

На заседаниях Координационного Совета правоохранительных органов рассматриваются актуальные вопросы деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью. Координационная деятельность осуществляется на плановой основе, при этом прокурорами во взаимодействии с правоохранительными органами с учётом анализа состояния преступности разрабатываются и принимаются соответствующие планы основных мероприятий.

Указом Президента Республики Таджикистан от 25.11.2015 № 587 «О Положении о координации деятельности органов по борьбе с коррупцией» функция координации деятельности органов прокуратуры, внутренних дел, национальной безопасности, военного управления, по контролю за наркотиками, налоговых и таможенных органов по проведению аналитической работы, предупреждению, своевременному раскрытию и расследованию коррупционных преступлений, экономических преступлений коррупционного характера и преступлений, связанных с налогами, устранению причин и условий, способствующих их совершению, возложена на Агентство по государственному финансовому контролю и борьбе с коррупцией.

Согласно Положению агентство координирует оперативно-розыскную деятельность; дознание и предварительное следствие по уголовным делам; организацию борьбы с коррупционными проявлениями с использованием гражданско-правовых методов; принятие мер по предупреждению коррупционных преступлений, экономических преступлений коррупционного характера и преступлений, связанных с налогами, других правонарушений коррупционного характера, устранению причин и условий, способствующих их совершению; анализ состояния законности, коррупционных преступлений в органах или в отдельных регионах.

В структуре Генеральной прокуратуры Республики Таджикистан функционирует управление по надзору за исполнением законов в органах по государственному финансовому контролю и борьбе с коррупцией. Данное управление и его подразделения на местах осуществляют прокурорский надзор за деятельностью структурных подразделений Агентства по государственному финансовому контролю и борьбе с коррупцией Республики Таджикистан, которые осуществляют оперативно-розыскную деятельность, дознание и предварительное следствие.

В 2017 году органами прокуратуры Республики проделана значительная работа по выявлению, раскрытию, пресечению и предупреждению коррупционных преступлений, устранению причин и условий, способствующих их совершению.

По коррупционным преступлениям и преступлениям коррупционного характера органами прокуратуры Республики Таджикистан возбуждено 850 уголовных дел, из них 57 уголовных дел по статье 319 (получение взятки), 24 уголовных дела по статье 320 (дача взятки) Уголовного кодекса Республики Таджикистан.

Ущерб по возбужденным органами прокуратуры уголовным делам составил 31 072 492 сомони, 1 379 520 долларов США и 4 984 000 российских рублей, из

которых в ходе расследования возмещено 5 163 094 сомони, 178 378 долларов США и 510 000 российских рублей.

Общие выводы и предложения

Проблема эффективного противодействия преступности, в том числе ее современным наиболее опасным проявлениям, угрожающим национальной и международной безопасности, предопределяет необходимость объединения усилий всех органов публичной власти и институтов гражданского общества. Согласованная, упорядоченная деятельность различных органов государственной власти по решению определенных государством задач в сфере борьбы с преступностью достигается посредством координации. Координация деятельности органов, осуществляющих в силу имеющихся полномочий противодействие противоправному поведению, позволяет разрабатывать и реализовывать согласованные мероприятия по своевременному выявлению, раскрытию, пресечению и предупреждению преступлений, принимать необходимые меры по устранению причин и условий, способствующих совершению преступлений, объединять усилия правоохранительных органов в сфере борьбы с преступностью.

Для обеспечения упорядоченности и согласованности координирующих отношений крайне важна роль координирующего центра, задача которого заключается в оптимизации взаимодействия различных органов на условиях их равенства и самостоятельности. В этой связи возложение координационной функции на органы прокуратуры представляется вполне обоснованным с учетом особого положения прокуратуры в системе органов государственной власти и имеющихся полномочий в сфере борьбы с преступностью.

Изучение практики работы генеральных прокуратур государств – участников СНГ по координации деятельности правоохранительных органов в сфере борьбы с преступностью и коррупцией, укрепления законности и правопорядка позволяет сделать вывод, что в соответствии с национальным законодательством координация деятельности правоохранительных и иных государственных органов по обеспечению законности, правопорядка и борьбы с преступностью возложена на органы прокуратуры Республики Беларусь, Республики Казахстан, Российской Федерации и Республики Таджикистан. В названных странах Содружества осуществляется активная работа по объединению усилий всех правоохранительных органов в борьбе с преступностью.

Анализ деятельности органов прокуратуры государств – участников СНГ в сфере противодействия коррупции свидетельствует, что только в Республике Беларусь, Кыргызской Республике и Российской Федерации Генеральная прокуратура является органом, ответственным за организацию борьбы с коррупцией. Возложение на органы прокуратуры задачи по координации деятельности правоохранительных органов, осуществляющих противодействие коррупции, позволяет добиться достаточно значимых результатов в сфере борьбы с коррупцией – от выработки совместной стратегии противодействия коррупционным проявлениям до выявления конкретных нарушений антикоррупционного законодательства.

Реализация координационной функции органами прокуратуры является гарантией осуществления указанной деятельности в точном соответствии с законом, обеспечения единообразного применения нормативных предписаний. Кроме того, предоставленные органам прокуратуры полномочия по

осуществлению надзора за законностью позволяют им располагать более полными сведениями о состоянии борьбы с преступностью, о деятельности отдельных правоохранительных органов, что, в свою очередь, способно обеспечить наиболее эффективную координацию в сфере борьбы с преступностью.

При организации органами прокуратуры деятельности по координации работы правоохранительных органов в сфере борьбы с преступностью целесообразно обратить внимание на опыт Республики Беларусь и Российской Федерации в части заблаговременного планирования основных мероприятий в сфере координации. Указанные программы, принимаемые на государственном и региональном уровнях, позволяют на плановой основе реализовывать комплексную, согласованную и последовательную политику в сфере противодействия преступности и коррупционных проявлений с участием органов прокуратуры, внутренних дел, государственной безопасности, государственного контроля, иных государственных органов и организаций по предупреждению и пресечению преступлений и коррупционных правонарушений.

Проводимые под руководством органов прокуратуры различного уровня координационные совещания являются площадкой для совместного обсуждения наиболее актуальных проблем противодействия преступности. Принимаемые координационными совещаниями решения содержат анализ деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью, конкретные рекомендации по ее совершенствованию.

В этой связи представляет интерес опыт Республики Казахстан, в которой с 2011 года функционирует постоянно действующий консультативно-совещательный орган по координации и повышению эффективности деятельности государственных органов в обеспечении законности и правопорядка.

Результативной формой координационной деятельности является создание специальных межведомственных рабочих групп, которые успешно действуют в Республике Беларусь и Российской Федерации. Эффективность их деятельности обусловлена возможностью не только выработки согласованных позиций в ходе совместного обсуждения наиболее актуальных вопросов борьбы с преступностью, но и осуществления обмена информацией на постоянной основе, организацией совместных проверок.

В ходе осуществления координационной деятельности целесообразно активно использовать и другие формы координационной деятельности, доказавшие свою эффективность в странах Содружества, в том числе внесение информационных записок по вопросам борьбы с преступностью и коррупцией в местные исполнительные и распорядительные органы власти, проведение оперативных совещаний, организация совместных проверок исполнения законодательства о борьбе с преступностью и коррупцией, принятие мер по обеспечению единообразной следственной практики, выработке единых подходов к уголовно-правовой оценке деяний.

Эффективным инструментом координационной деятельности, осуществляемой на межгосударственном уровне, является организация объединенных коллегий генеральных прокуратур стран Содружества,

посвященных разработке совместных мер борьбы с преступностью и коррупцией.

При совершенствовании практики работы генеральных прокуратур государств – участников СНГ по координации деятельности правоохранительных органов в сфере борьбы с преступностью и коррупцией, укрепления законности и правопорядка представляется целесообразным изучать и по возможности использовать опыт работы генеральных прокуратур Республики Беларусь, Республики Казахстан и Российской Федерации в указанной сфере.

Научно-методический центр
Координационного совета генеральных
прокуроров государств-участников
Содружества Независимых Государств

НАШИ АВТОРЫ

Афонченко Татьяна Петровна – доцент кафедры права и экономических теорий Белорусского торгово-экономического университета потребительской кооперации, кандидат юридических наук, доцент.

Бабий Николай Алексеевич – заместитель директора НПЦ Генеральной прокуратуры Республики Беларусь, кандидат юридических наук, доцент.

Баркалова Елена Владимировна – доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Санкт-Петербургского юридического Института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук.

Басов Андрей Витальевич – заведующий кафедрой государственно-правовых дисциплин Крымского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, доктор юридических наук, доцент.

Бильдейко Алексей Александрович – начальник отдела по надзору за исполнением законодательства и законностью правовых актов прокуратуры Брестской области.

Богданович Наталья Александровна – главный специалист НПЦ Генеральной прокуратуры Республики Беларусь.

Борисов Сергей Вячеславович – ведущий научный сотрудник НИИ Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент.

Боярина Анна Александровна – главный инспектор организационно-инспекторского управления главного управления координации служебной деятельности центрального аппарата Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь.

Бурак Руслан Валентинович – старший преподаватель кафедры уголовного процесса и прокурорского надзора Белорусского государственного университета.

Бурый Виталий Евгеньевич – доцент кафедры юридических дисциплин ЧУО «Белорусский институт правоведения», кандидат юридических наук, доцент.

Вишневская Инна Анатольевна – студентка Института прокуратуры и уголовной юстиции Национального юридического университета им. Я. Мудрого.

Гашникова Тамара Владимировна – начальник отдела НПЦ Генеральной прокуратуры Республики Беларусь, кандидат юридических наук.

Голина Владимир Васильевич – профессор кафедры криминологии и уголовно-исполнительного права Национального юридического университета им. Я. Мудрого, главный научный сотрудник отдела криминологических исследований Научно-исследовательского института изучения проблем

преступности им. академика В.В. Сташиса Национальной академии правовых наук Украины, доктор юридических наук, профессор, член-корреспондент Национальной академии правовых наук Украины.

Головко Ирина Ивановна – доцент кафедры прокурорского надзора и участия прокурора в рассмотрении уголовных, гражданских и арбитражных дел Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент.

Григорьева Мария Александровна – доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент.

Гуреева Ольга Андреевна – доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук.

Давидовская Вероника Александровна – научный сотрудник отдела исследований в области правоохранительной деятельности и осуществления правосудия Института правовых исследований Национального центра законодательства и правовых исследований Республики Беларусь.

Денисов Сергей Федорович – заведующий кафедрой уголовного, уголовно-исполнительного права и криминологии Академии государственной пенитенциарной службы (г.Чернигов, Украина), доктор юридических наук, профессор.

Денисова Татьяна Андреевна – помощник ректора по научной и учебно-методической работе Академии государственной пенитенциарной службы (г.Чернигов, Украина), доктор юридических наук, профессор.

Дмитренок Денис Иванович – главный специалист НПЦ Генеральной прокуратуры Республики Беларусь.

Дрозд Александра Николаевна – адъюнкт научно-педагогического факультета Академии МВД Республики Беларусь.

Дубко Михаил Анатольевич – следователь по особо важным делам управления анализа практики и методического обеспечения предварительного расследования Центрального аппарата Следственного комитета Республики Беларусь.

Евтеева Дарья Петровна – старший научный сотрудник НИИ изучения проблем преступности им. академика В. В. Сташиса Национальной академии правовых наук Украины; ассистент кафедры уголовного права № 1 Национального юридического университета им. Я. Мудрого, кандидат юридических наук.

Ермолаев Леонид Владимирович – исполнительный секретарь Координационного совета Генеральных прокуроров государств-участников СНГ,

руководитель Секретариата, заслуженный юрист Российской Федерации, Почетный работник прокуратуры Российской Федерации.

Ескендиров Айдос Абдрахманович – начальник Института послевузовского и дополнительного образования Алматинской академии МВД Республики Казахстан им. генерал-майора милиции М. Есбулатова, кандидат юридических наук.

Зайцев Алексей Владимирович – заместитель директора Института прокуратуры и уголовной юстиции, доцент кафедры уголовного права № 1 Национального юридического университета им. Я. Мудрого, кандидат юридических наук, доцент.

Игликова Анна Александровна – старший прокурор отдела надзорного производства и правоприменительной практики управления по надзору за соответствием закону судебных решений по уголовным делам Генеральной прокуратуры Республики Беларусь.

Игнатюк Андрей Здиславович – доцент кафедры конституционного и административного права Академии управления при Президенте Республики Беларусь, кандидат юридических наук, доцент.

Идрисов Наиль Талгатович – заведующий кафедрой уголовного права и криминологии Федерального государственного казенного образовательного учреждения высшего образования «Санкт-Петербургская академия Следственного комитета РФ», кандидат юридических наук, доцент.

Караваева Виктория Анатольевна – адъюнкт Академии МВД Республики Беларусь.

Каратаев Турдалы Жаксылыкович – докторант НПЦ Генеральной прокуратуры Республики Беларусь, кандидат юридических наук.

Коваленко Евгений Иосифович – директор Национального центра правовой информации Республики Беларусь, кандидат юридических наук, доцент.

Козаченко Иван Яковлевич – заведующий кафедрой уголовного права Уральской государственной юридической академии, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации.

Колесников Вадим Вячеславович – заведующий кафедрой общегуманитарных и социально-экономических дисциплин Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, доктор экономических наук, профессор, Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации.

Колюка Николай Николаевич – директор Крымского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент.

Кукштель Виктория Александровна – аспирант Национального центра законодательства и правовых исследований Республики Беларусь.

Лапкин Андрей Васильевич – доцент кафедры организации судебных и правоохранительных органов Национального юридического университета им. Я. Мудрого, кандидат юридических наук.

Лапцевич Ирина Игоревна – начальник отдела исследований в области правоохранительной деятельности и осуществления правосудия Института правовых исследований Национального центра законодательства и правовых исследований Республики Беларусь, кандидат юридических наук.

Ломакина Ирина Борисовна – профессор кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор.

Лосев Владимир Владимирович – заместитель директора НПЦ Генеральной прокуратуры Республики Беларусь, кандидат юридических наук, доцент.

Марисюк Константин Богданович – профессор кафедры уголовного права и процесса Учебно-научного института права и психологии Национального университета «Львовская политехника», доктор юридических наук, доцент.

Мартыненко Игорь Эдуардович – заведующий кафедрой гражданского права и процесса Гродненского государственного университета им. Я. Купалы, доктор юридических наук, профессор.

Марчук Василий Васильевич – директор НПЦ Генеральной прокуратуры Республики Беларусь, кандидат юридических наук, доцент.

Меркурьев Виктор Викторович – заведующий отделом НИИ Университета прокуратуры Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор.

Никитин Евгений Львович – профессор кафедры прокурорского надзора и участия прокурора в рассмотрении уголовных, гражданских и арбитражных дел Санкт-Петербургского юридического института (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент.

Павлов Вадим Иванович – начальник кафедры теории и истории государства и права Академии МВД Республики Беларусь.

Петухов Николай Александрович – заведующий отделом проблем организации судебной и правоохранительной деятельности Российского государственного университета правосудия, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации.

Радутный Александр Эдуардович – доцент кафедры уголовного права № 1 Национального юридического университета им. Я. Мудрого, кандидат юридических наук, доцент.

Русецкий Олег Валерьевич – начальник отдела НПЦ Генеральной прокуратуры Республики Беларусь, кандидат юридических наук.

Рябцева Екатерина Владимировна – доцент кафедры организации судебной и правоохранительной деятельности Российского государственного университета правосудия, кандидат юридических наук, доцент.

Самарин Вадим Игоревич – доцент кафедры уголовного процесса и прокурорского надзора Белорусского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент.

Сащеко Павел Иванович – начальник отдела НПЦ Генеральной прокуратуры Республики Беларусь, кандидат юридических наук.

Серова Елена Борисовна – заведующий кафедрой уголовного процесса и криминалистики Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент.

Скобелев Владимир Петрович – доцент кафедры гражданского процесса итрудового права Белорусского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент.

Слотвинская Наталья Дмитриевна – ассистент кафедры уголовного права и процесса Учебно-научного института права и психологии Национального университета «Львовская политехника», кандидат юридических наук.

Стаценко Владимир Григорьевич – доцент кафедры уголовного права и уголовного процесса Витебского государственного университета им. П.М. Машерова, кандидат исторических наук, доцент.

Столетний Антон Владимирович – начальник отдела подготовки прокуроров по надзору за соблюдением законов органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, дознание и досудебное следствие, Национальной академии прокуратуры Украины, доктор юридических наук.

Филипец Оксана Борисовна – доцент кафедры специальных юридических дисциплин Академии правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан, кандидат юридических наук.

Харчейкина Юлия Владимировна – старший прокурор отдела надзорного производства и правоприменительной практики управления по надзору за соответствием закону судебных решений по уголовным делам Генеральной прокуратуры Республики Беларусь.

Хиревич Марина Леонидовна – старший преподаватель кафедры уголовного процесса и прокурорского надзора Белорусского государственного университета.

Хлус Александр Михайлович – доцент кафедры криминалистики Белорусского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент.

Хомич Владимир Михайлович – заведующий информационно-методическим кабинетом НПЦ Генеральной прокуратуры Республики Беларусь, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Республики Беларусь.

Честнов Илья Львович – профессор кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации.

Шрамко Сабрие Сейтжелиевна – научный сотрудник отдела криминологических исследований Научно-исследовательского института изучения проблем преступности им. академика В.В. Сташиса Национальной академии правовых наук Украины.

СОДЕРЖАНИЕ

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ КРИМИНОЛОГИИ

Афонченко Т.П.
Социальный контроль: пределы допустимого осуществления 5

Бурый В.Е.
Роль типологии преступников (осужденных) в организации исправительного процесса в местах лишения свободы 11

Голина В.В., Шрамко С.С.
К вопросу о стратегии уменьшения возможностей совершения преступлений 19

Денисов С.Ф., Денисова Т.А.
Применение наказания в виде лишения свободы: сомнительный опыт или взгляд на перспективу 27

Дмитренок Д.И.
Научно-образовательный этос в современных условиях борьбы с коррупцией 35

Дубко М.А.
Зарубежный опыт криминализации неправомерного завладения компьютерной информацией 43

Ескендиров А.А.
Социальная характеристика ювенальных маргиналов 49

Игликова А.А.
Историко-правовой анализ развития отечественного законодательства в области постпенитенциарного надзора 55

Русецкий О.В.
Тенденции и особенности развития криминальной ситуации в Республике Беларусь 62

Слотвинская Н.Д.
Миграционная преступность в системе современной преступности и правовые аспекты борьбы с ней 69

Стаценко В.Г.
К вопросу о состоянии и динамике преступности в Республике Беларусь 77

Честнов И.Л.
Правопорядок в постиндустриальном обществе 83

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРИКЛАДНЫЕ ПРОБЛЕМЫ КРИМИНОЛОГИЧЕСКОЙ (АНТИКОРРУПЦИОННОЙ) ЭКСПЕРТИЗЫ НОРМАТИВНЫХ ПРАВОВЫХ АКТОВ ИЛИ ИХ ПРОЕКТОВ

Коваленко Е.И.
К вопросу о формировании организационно-правовой модели публичного обсуждения проектов нормативных правовых актов 89

Ломакина И.Б.
Закон и правопорядок в традиционном обществе 96

Павлов В.И.
Нормативность права и проблемы ее определения в юридической науке и практике 103

ПРОБЛЕМЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ УГОЛОВНО-ПРАВОВЫХ СРЕДСТВ БОРЬБЫ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ

Бабий Н.А.
Незаконное предпринимательство – теневая экономика – уголовная ответственность 112

Давидовская В.А.
Институт наказания в уголовном законодательстве стран Балтии: сравнительно-правовой анализ..... 121

Дрозд А.Н.
Специальные основания освобождения от уголовной ответственности за преступления, связанные с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров или аналогов 128

Евтеева Д.П.
Уголовная ответственность за злостное невыполнение обязанностей по уходу за ребенком или за лицом, относительно которого установлена опека либо попечительство, по законодательству Украины..... 134

Идрисов Н.Т.
Уголовный запрет в сфере профессиональной медицинской деятельности: реальность и перспективы правового регулирования 142

Караваева В.А.
Теоретические проблемы определения понятия законодательной техники уголовного закона..... 150

Козаченко И.Я.
Социальная и индивидуальная потребность в уголовном праве..... 156

Колесников В.В.
О роли правовых норм и институтов в обеспечении общественной безопасности 161

Кукштель В.А.
К вопросу об определении возможности погасить кредиторскую задолженность 173

Лапцевич И.И.
Цели принудительных мер безопасности и лечения: законодательная регламентация и теоретические аспекты 181

Лосев В.В.
Сравнительный анализ статей уголовных кодексов Беларуси и России, устанавливающих ответственность за связанные с наркотиками преступления, и предложения по унификации 187

Марисюк К.Б.
Реформирование уголовно-правовой политики в сфере применения наказания в виде штрафа в Украине как предпосылка повышения эффективности борьбы с преступностью 204

Марчук В.В.
Уважение к уголовному закону как альтернатива страху перед наказанием 211

Сащеко П.И.
Проблемы определения субъекта коррупционного преступления в свете имплементации Конвенции ООН против коррупции 219

Столетний А.В.
Концепция электронного уголовного производства 226

Филипец О.Б.
К вопросу о совершенствовании отсрочки отбывания наказания в условиях реформирования уголовного законодательства Республики Казахстан 234

Харчейкина Ю.В.
Терминологические проблемы уголовного закона в сфере защиты информационной безопасности 240

Хлус А.М.
Некоторые аспекты уголовно-правовой и криминалистической характеристики злоупотребления властью или служебными полномочиями 247

Хомич В. М.
Законодательство о противодействии преступности на пути консолидации правовых начал уголовной политики 255

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА И ПРАКТИКИ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ

Богданович Н.А.
Дискуссионные вопросы реализации принципа презумпции невиновности при прекращении производства по уголовному делу (уголовного преследования) по нереабилитирующим основаниям 263

Боярина А.А.
Процессуальные полномочия руководителя экспертного учреждения в уголовном процессе..... 271

Григорьева М.А.
Криминалистическая программа изучения прокурором материалов уголовного дела о нарушении требований охраны труда и правил безопасности..... 277

Каратаев Т.Ж.
Право на защиту как гарантия прав подозреваемого, обвиняемого, подсудимого в уголовном процессе..... 283

Лапкин А.В.
Роль прокурора в подготовительном судебном уголовном производстве по законодательству Украины..... 289

Мартыненко И.Э.
Особенности обжалования в суд решения о неотнесении материального объекта к археологическим объектам или археологическим артефактам 295

Радутный А.Э.
Квалифицирующие признаки и отягчающие обстоятельства, определяемые научно-техническим прогрессом (биоинженерия, искусственный интеллект, неорганическая и смешанная формы жизни)..... 301

Самарин В.И.
Применимость консульских конвенций в уголовном процессе Республики Беларусь 307

Хиревич М.Л., Бурак Р.В.
К вопросу о необходимости расширения пределов судебной проверки применения заключения под стражу 315

ПРОБЛЕМЫ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРОКУРОРСКОГО НАДЗОРА

Бильдейко А.А.
Типичные нарушения, выявляемые прокурорами в сфере государственных закупок продуктов питания в учреждениях здравоохранения, и пути их предупреждения 322

Гашникова Т.В.
Ограничение шумового загрязнения в Республике Беларусь: правовой аспект 329

Головко И.И.
Участие прокурора в рассмотрении судами дел об административных правонарушениях в некоторых государствах СНГ 337

Гуреева О.А.
Правовые особенности обращения прокурора в суд с административным исковым заявлением 344

Колюка Н.Н., Басов А.В.
Процессуальные особенности участия прокурора в административном судопроизводстве: нормативно-правовой аспект 350

Никитин Е.Л.
Акты и меры прокурорского реагирования при осуществлении надзора за исполнением законов в оперативно-розыскной деятельности 357

Серова Е.Б.
Криминалистическое обеспечение уголовного преследования, осуществляемого прокурором, как частная теория науки криминалистики 363

Скобелев В.П.
О повышении эффективности прокурорского надзора за соблюдением законодательства в исполнительном производстве 371

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ БОРЬБЫ С ПРАВОНАРУШЕНИЯМИ

Баркалова Е.В.
Актуальные вопросы выдачи лица для уголовного преследования или исполнения приговора 381

Борисов С.В., Меркурьев В.В.
Прокурор на защите интересов государства по обеспечению безопасности от деструктивной деятельности иностранных и международных организаций 387

Зайцев А.В., Вишневская И.А.
Сравнительно-правовой анализ законодательного регулирования actio libera in causa в законодательствах зарубежных стран 394

Игнатюк А.З.
Наркотические средства, культурные ценности и объекты дикой фауны и флоры как предметы контрабанды: анализ международных соглашений по предотвращению их незаконного перемещения..... 399

Петухов Н.А., Рябцева Е.В.
Имплементация международных антикоррупционных принципов и норм в Российской Федерации 410

АНАЛИТИЧЕСКИЕ РАЗРАБОТКИ ГОСУДАРСТВЕННОГО УЧРЕЖДЕНИЯ «НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЦЕНТР ПРОБЛЕМ УКРЕПЛЕНИЯ ЗАКОННОСТИ И ПРАВОПОРЯДКА ГЕНЕРАЛЬНОЙ ПРОКУРАТУРЫ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ»

О необходимости закрепления в Уголовном кодексе Республики Беларусь понятия «уголовный проступок» (извлечение из аналитической справки)..... 418

ИНФОРМАЦИОННО-АНАЛИТИЧЕСКИЙ ОБЗОР СЕКРЕТАРИАТА КООРДИНАЦИОННОГО СОВЕТА ГЕНЕРАЛЬНЫХ ПРОКУРОРОВ ГОСУДАРСТВ – УЧАСТНИКОВ СОДРУЖЕСТВА НЕЗАВИСИМЫХ ГОСУДАРСТВ

Практика работы генеральных прокуратур государств – участников СНГ по координации деятельности правоохранительных органов в сфере борьбы с преступностью, укрепления законности и правопорядка (информационно-аналитический обзор)..... 430

Наши авторы..... 482

Научное издание

Проблемы укрепления законности и правопорядка: наука, практика, тенденции

Сборник научных трудов

Выпуск 11

В авторской редакции

Ответственный за выпуск *Н. Г. Щербакова*

Подписано в печать 06.12.2018. Формат 60×84 $^{1}/_{16}$. Бумага офсетная.
Ризография. Усл. печ. л. 28,83. Уч.-изд. л. 36,48.
Тираж 99 экз. Заказ 594.

Республиканское унитарное предприятие
«Издательский центр Белорусского государственного университета».
Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя,
распространителя печатных изданий № 1/159 от 27.01.2014.
Ул. Красноармейская, 6, 220030, Минск.

Отпечатано с оригинала-макета заказчика
в республиканском унитарном предприятии
«Издательский центр Белорусского государственного университета».
Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя,
распространителя печатных изданий № 2/63 от 19.03.2014.
Ул. Красноармейская, 6, 220030, Минск.